



# СОБИБОР

**ВЗГЛЯД  
ПО ОБЕ СТОРОНЫ  
КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКИ**

Редакторы Л. Терушкин, К. Пахалюк

## Предисловие

Вниманию читателей предлагается сборник, приуроченный одновременно и к 75-летию восстания в лагере смерти Собибор (1943–2018), и к 110-летию со дня рождения лидера восстания Александра Печерского (1909–2019). Издание, которое Вы держите в руках, является итогом сотрудничества Российского военно-исторического общества и Научно-просветительного Центра «Холокост». Недавно уже вышел ряд книг, посвященных этим событиям. В чем же новизна этого сборника? И почему мы полагаем необходимым обратиться к данной теме еще раз?

Мы исходим из того, что Холокост не просто одно из трагических событий первой половины XX в. – масштаб уничтожения и способы его организации были беспрецедентными в мировой истории, а потому они объективно заслужили внимание сотен историков многих стран. Более того, сегодня память о Холокосте занимает центральное место в рамках формирующейся общеевропейской и глобальной культур памяти, ориентированных не просто на «проработку сложного прошлого», но и на использование его для утверждения таких ценностей, как демократия и права человека. Эти исторические события позволяют нам сделать важный моральный урок относительно того, к чему ведет расистская идеология, призывающая объективировать культурные различия между людьми (считая их естественными) и на это основе выстраивающая иерархии «достойных» и «недостойных» народов. Более того, история Холокоста дает возможность осмыслить и другую не менее важную проблему: ответственность каждого человека за те решения, которые принимаются политиками от его имени. Как писал социолог З. Бауман: «Урок холокоста в том, с какой легкостью большинство людей, попавших в ситуацию, не оставляющую возможность для правильного выбора или делающую подобный выбор крайне дорогостоящим, уговаривают себя отвернуться от проблемы нравственного долга (или не могут уговорить себя ему следовать), принимая вместо этого принципы рационального интереса и самосохранения. В системе, где рациональность и этика указывают на противоположные направления, главным проигравшим является человечность»<sup>[1]</sup>. О том, как легко забываются моральные уроки, свидетельствует следующий факт. В 70-ю годовщину восстания в Варшавском гетто в школах польской столицы были проведены опросы,



почти 25 % молодых людей называли концлагерь «успешным проектом» Гитлера<sup>[2]</sup>.

Немаловажно и то, что сегодня из формулируемого канона истории Холокоста вычеркивается роль тех, кто спас евреев Европы от полного уничтожения, а именно воинов Красной Армии и их союзников. Показательно, что в наши дни в экспозиции музея бывшего лагеря смерти Майданек (Польша) не рассказывается о том, что он был освобожден красноармейцами. Концлагерь просто «прекратил существование». Точно также забывается трагедия советских евреев (около 2,8 млн из 6 млн уничтоженных евреев были гражданами СССР) и их активное участие в сопротивлении нацизму. Подвиг А.А. Печерского – один из наиболее ярких примеров.

К сожалению, даже в России далеко не все готовы воспринять очень простую мысль, что Холокост – это не чужая трагедия, а такая же часть нашей общей истории, как сожженная деревня Хатынь или же блокада Ленинграда. В течение десятилетий память о нем поддерживалась и увековечивалась в основном усилиями еврейских общин и организаций. Давно пора изменить это совершенно ненормальное состояние, включив эти события в общую историю российской нации.

Примечательно, что память о Холокосте и собственно подвиге Печерского постепенно возвращается в Россию. Ключевая роль принадлежит общественным организациям, таким как НПЦ «Холокост» и Фонд Александра Печерского. Свой вклад внесло и Российское военно-историческое общество. Так, совместными усилиями с Фондом Печерского в 2018 г. в Ростове-на-Дону был открыт бюст А.А. Печерскому, а по итогам совместной инициативы РВИО и РИО улица в честь него появилась и в Москве (до этого лидер восстания в Собиборе был увековечен в топонимике Ростова-на-Дону, Цфата (Израиль) и Кременчуга (Украина)). В 2016 г. он был посмертно награжден орденом Мужества. С целью популяризации подвига в 2018 г. на широкий экран вышел художественный фильм К. Хабенского «Собибор». Еще в 2010 г. режиссер А. Марутян снял документальный фильм «Арифметика свободы» об этом событии.

Многие соратники А.А. Печерского в 2013–2018 гг. были отмечены польскими и украинскими государственными наградами, а также знаками российских общественных организаций. В 2015 г. памятная медаль Российского Еврейского конгресса была вручена С.М. Розенфельду. В октябре 2018 г. на мемориальной церемонии, прошедшей на месте лагеря, объявлено о награждении Орденом за Заслуги перед Республикой Польша одного из руководителей восстания Леона Фельдгендлера (посмертно), чего

долгое время добивался Фонд А. Печерского. В это же время в Москве в рамках мероприятий НПЦ «Холокост» и РЕК к 75-летию восстания в Собиборе прошло награждение одного из активных участников восстания Алексея Вайцена (посмертно). Кавалерский крест ордена «За заслуги» посол Польши передал внуку героя Александру Вайцену. Памятная доска в Рязани, на доме, где много лет жил Алексей Вайцен была установлена несколькими днями раньше. Кроме того, благодаря усилиям местных властей появилась памятная доска в Хасавюрте (Дагестан) на доме, где до войны жил другой участник восстания Александр Шубаев.

Составляя этот сборник, мы понимали, что тема Холокоста еще недостаточно хорошо известна широкому читателю. А потому собственно «мемуарная часть» предварена рядом исследовательских материалов. Редакторы сборника написали вводную статью «Холокост. Краткая история», в которой в наиболее сжатой и популярной форме и без претензий на новаторство стремились дать общий исторический контекст, ответив на вопрос: что такое Холокост?

Далее мы поместили (с определенной корректурой фактологических и географических неточностей) перевод статьи профессора Амстердамского университета Сельмы Ляйдесдорф (Нидерланды), которая в 2017 г. выпустила книгу «Саша Печерский» (Leydesdorff S. Sasha Pechersky. Holocaust Hero, Sobibor Resistance Leader, and Hostage of History. New York, London: Routledge, 2017). Преимущество С. Ляйдесдорф, которая рассказывает общую историю Собибора и восстания, состоит в том, что она использовала источники на польском и идише, беседовала с бывшими узниками в разных государствах. Мнение западного историка со своей культурой памяти, полагаем, представляет особый интерес. Между тем с некоторыми выводами и оценками С. Ляйдесдорф мы не готовы согласиться, и научная полемика вполне уместна.

Данный сборник представляет собой первый опыт сотрудничества историков трех государств: России, Нидерландов и Израиля. Мы благодарны доктору Арону Шнееру (Иерусалим), который на основе прежде неизвестных документов написал статью о «травниковцах»: тех коллаборационистах, которые в качестве охранников служили в Собиборе и других нацистских концлагерях. Во второй части мы приводим протоколы допросов и обвинительные заключения из ранее недоступных следственных дел еще двух таких «выпускников» учебно-тренировочного лагеря СС в Травниках, которые дополняют статью А. Шнеера. Все это позволяет увидеть историю Собибора с иной стороны, по другую сторону ключей проволоки.

Однако основная наша задача состояла в том, чтобы донести слова и чувства непосредственных героев тех событий. Основное место занимают до сих пор в полном виде не публиковавшиеся мемуары А.А. Печерского, а именно их последняя редакция начала 1970-х гг. Отметим, что ряд его воспоминаний, вышедших из печати в последние годы, представляют более ранние и краткие версии.

В отличие от предыдущих изданий мы не ограничиваемся только А.А. Печерским, но и «даем слово» его ближайшим товарищам. В частности, мы публикуем свидетельства трех товарищей, а именно С.М. Розенфельда, А.А. Вайцена и А.М. Вайспапира. Акцент мы делали не столько на самом восстании (они описывают его однотипно), сколько на том, каким путем они попали в плен, а потом в Собибор, что делали после восстания, где сражались в 1944–1945 гг.

Еще один раздел посвящен ранее не публиковавшимся письмам 1962–1965 гг. А.А. Печерского, С.М. Розенфельда, А.А. Вайцена и А.М. Вайспапира писателям А. Г. Синельникову и В. Р. Томину. Отметим, что именно последний из перечисленных внес существенный вклад в то, что память о Собиборе не была забыта. В.Р. Томин (Тальман) был участником Великой Отечественной войны, в дальнейшем написал ряд книг об антифашистском движении и советской разведке. С начала 1960-х гг. был близким другом А.А. Печерского и сыграл важную роль в популяризации истории Собибора. Участвовал во многих встречах бывших узников в СССР. В 2006–2008 гг. поделился своими воспоминаниями и передал часть личного архива в НППЦ «Холокост».

Завершает сборник также впервые публикуемые на русском языке воспоминания из книги М. Нович «Собибор. Мученичество и восстание» (1979 г.), в которой собраны свидетельства уцелевших узников. Мы приводим свидетельства (включая А.А. Печерского), показавшиеся нам наиболее важными в описании судеб евреев до Собибора, во время восстания и после него.

Тексты публикуются с сохранением авторской стилистики за рядом оговоренных исключений. Орфография и пунктуация приведены к нормам современного русского языка. Зачеркнутые, пропущенные, исправленные фразы, слова и авторские пометки отмечены составителями в подстрочных примечаниях. Исключенные, как правило, малоинформативные и повторяющиеся, фрагменты текста и неразборчивые слова обозначены знаком <...>. При воспроизведении иноязычных собственных имен и некоторых географических объектов возможны расхождения, связанные со многими вариантами их произношения, написания и перевода в разных

источниках. Сборник проиллюстрирован фотодокументами из Архива НПЦ «Холокост», Фонда Александра Печерского, Музея истории еврейского наследия и Холокоста в Мемориальной Синагоге на Поклонной горе (Москва) и личных коллекций.

Составители выражают признательность за помощь детям и внукам участников восстания в Собиборе: А.Г. Вайцену, М.А. Евстратову и М.С. Розенфельду.

Особой благодарности за ценные консультации, поиск документов и техническую помощь заслуживают Вадим Гасанов, писатель Л. С. Симкин, руководители Фонда А. Печерского И.Ю. Васильев и М.Ю. Эдельштейн, Г.Б. Горбовицкий, А.Г. Мордвинцев, фотографы Г. Рейхман (Ашдод) и В.В. Бродский, Д.М. Плоткин, Рита Марголина («Яд Вашем», Иерусалим), сопредседатель НПЦ «Холокост» И.А. Альтман, С. А. Богданова, а так же сотрудник Архивного отдела НПЦ «Холокост» Роман Жигун, Александр Гвелесиани, Светлана Трифонова, Елизавета Чамкина, Дмитрий Алексеев, З. Елькина, А. Мелентьева, Т. Радайкина, А. Куроптева и С. Кислов.

**Пахалюк К.А., Терушкин Л.А.**

# Пахалюк К.А., Терушкин Л.А

## Холокост. Краткая история

История нацистской Германии неразрывным образом связана с политикой преследования или уничтожения миллионов человек по всей Европе из-за их политических или религиозных взглядов, этнической принадлежности. Так, по утверждению историка М. Манна, общее количество жертв нацистской Германии составила примерно 20 млн человек, из них около 6 млн человек были евреями, истребленными только за свою этническую принадлежность. Такая цифра была озвучена на Нюрнбергском процессе, в дальнейшем она нашла подтверждение в специальных исследованиях, правда, окончательное число варьируется от 5,1 млн (Р. Зильберг) до 6,2 млн (В. Бенц)<sup>[3]</sup>. Именно уничтожение евреев в годы Второй мировой войны приняло тотальный характер. Это обстоятельство сегодня вызывает определенные сложности: как помнить о геноциде евреев, не забывая других жертв и не принижая их страданий? Как объединяя память о различных жертвах нацистской политики не опустить об уникальность положения именно евреев?

Эта сложность во многом обусловлена организационной непоследовательностью нацистской истребительской политики, и обнаруживает себя уже на уровне понятий. Существует несколько определений Холокоста, ведь это понятие изначально было введено в оборот не для того, чтобы четко зафиксировать реальность, а увековечить память о погибших. Как пишет российский исследователь М. Гилева: «Термин являл собой целую совокупность образов и репрезентаций, связанных с нацистской политикой методичного, «конвейерного» уничтожения людей по этническому принципу. Он был призван запечатлеть сочетание несочетаемого: научно-технического прогресса и пещерной жестокости<sup>[4]</sup>. В узком и наиболее распространенном смысле под ним понимается политика нацистской Германии, её союзников и пособников по преследованию и массовому уничтожению евреев в 1933–1945 гг. Однако здесь мы сталкиваемся с ретроспективным взглядом: ведь до 1941 г. притеснение евреев не перешло еще в фазу тотального уничтожения. Более широкая трактовка Холокоста предполагает включение и иных социальных групп. Например, такая точка зрения отражена в резолюции Генеральной ассамблеи ООН от 1 ноября 2005 г. № A/RES/60/7, в соответствии с которой

27 января стало Международным днем памяти жертв Холокоста. Впрочем, например, для обозначения геноцида цыган существуют специальные термины. Наиболее распространенный среди них – «Порраймос». В документах нацистов встречаются такие понятия, как «всеобщее» и «окончательное» решения еврейского вопроса. Первый отсылает к изгнанию из Германии, второй – к полному уничтожению.

В 1943 г. Рафаэль Лемкин ввёл понятие «геноцид», выработка которого во многом опиралась на политику нацистов в отношении евреев в годы Второй мировой войны. Именно оно в 1948 г. было положено в основу Конвенции ООН о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой Генеральной Ассамблеей в 1948 г. В ней под геноцидом понимается полное или частичное намеренное уничтожение групп людей по расовому, национальному, этническому и религиозному принципу. Отметим ряд сложностей. Так, чтобы массовое насилие попало под эту категорию необходимо доказать намеренность уничтожения (на это, например, пусть и безосновательно, упирают турки, отрицая геноцид армян). При этом под определение не попадает уничтожение по социальному принципу. Впрочем, с точки зрения современной теоретической социологии, и этническая, и расовая, и национальная (не говоря уже о религиозной) принадлежности конструируются социально, а потому могут быть при желании отброшены или приняты индивидом. Соответственно, неочевидно, почему геноцидом признается уничтожение людей только на основе этих, а не каких-то других критериев, почему массовая гибель только одних социальных групп должна выделяться.

В израильской историографии трагедия еврейского народа обозначена термином Шоа (Катастрофа). Отметим, что это понятие с 1980-х гг. особую популярность получило во Франции. Объясняется это выходом одноименного фильма К. Ланцмана. Использование «Шоа» нередко отражает стремление подчеркнуть еврейский характер жертв геноцида. В послевоенные годы в течении нескольких десятилетий» использовался аналогичный термин на идише – «Хурбн». Однако наиболее популярным термином во всем мире, включая и Россию, является «Холокост». Это американизм, созданный от древнегреческого «Голокаустис», т. е. «всесожжение». В его основе лежит метафора уничтожения огнем, что отсылает к практике сожжения евреев в крематориях. Здесь мы видим западноцентричный взгляд на эту проблематику (советские евреи, как правило, уничтожались в ходе расстрелов). Несомненно, при более детальном рассмотрении генеалогии понятия мы сталкиваемся с архаичным символом огня. Отсюда возникают и религиозные коннотации:



«жертвоприношение» 6 млн евреев привело к формированию еврейского государства Израиль. Хотя это очень спорный, дискуссионный вопрос. А обозначенные религиозные ассоциации заставляют многих дистанцироваться от понятия Холокоста и использовать более нейтральный Шоа: ведь как можно видеть какой-то высший смысл в бессмысленном убийстве миллионов?

Сегодня существует тенденция превращения Холокоста в метафору, которую пытаются использовать в отношении различных типов массового насилия (причем, необязательно геноцидов). Более того, в истории еврейского народа немало трагических событий, которые нередко пытаются сопоставить с ним. Все это ведет не просто к размыванию понятия, но и к тривиализации самой трагедии, потере ею уникальности. Вопрос не в том, что евреи страдали «больше всех»: в конечном счете «конкуренция жертв» с моральной точки зрения вряд ли может быть одобрена. Да и как понять, кто «больше страдал»: армянка, изнасилованная перед расстрелом? Еврейка, вместе со своим ребенком отравленная газом «Циклон Б»? Или русская, умершая от истощения в зимнем блокадном Ленинграде? На индивидуальном уровне подобные сравнения бессмысленны и достойны только осуждения. Мы призываем подчеркивать особенности различных типов насилий, и, даже объединяя некоторых из них вместе под понятием «геноцида», видеть отличия. Так, например, геноцид армян, начавшийся в 1915 г., был менее последователен (что не делает его «менее ужасным»), причем, малолетние дети физически могли спастись: власти нередко передавали их в турецкие семьи, где они бы социализировались и могли превратиться в «настоящих турок». У евреев такой возможности не было. Уничтожение армян было вдохновлено младотурецким этнонационализмом, который – в своих представлениях – пытался спасти распадающуюся Османскую империю. В то время как нацисты исходили из совершенно иной «картины мира», в рамках которой у евреев не оставалось ни единого шанса на выживание. Впрочем, между трагедией армян и евреев есть немало параллелей и взаимосвязей. В частности, Гитлера вдохновляло то, что спустя 25 лет после армянского геноцида мир постарался забыть его<sup>[5]</sup>.

Что сделало возможным нацистскую политику геноцида, и Холокост, в частности? Этот вопрос является одним из наиболее сложных и дискуссионных. Поиск ответа на него осложняется расхожим мнением, возлагающим вину лишь на верхушку нацистского руководства (А. Гитлер, Г. Гиммлер, Г. Геббельс, Р. Гейдрих, Ю. Штрейхер и ряд других) и их фанатичный антисемитизм. Этой версии после войны придерживались

многие немцы, тем самым стремясь оправдать собственное соучастие в преступлениях. Естественно, если бы не Гитлер, который сосредоточил в своих руках абсолютную власть в Германии, не его ненависть к евреям и не упорство, с которым он стремился решать «еврейский вопрос», то вряд ли бы случилась эта трагедия.

Однако маховик геноцида раскручивался вовсе не одномоментно, отсутствие четких приказов заставляло исполнителей «на местах» действовать самостоятельно и брать инициативу в свои руки. Например, обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн в конце ноября 1941 г. отдал приказ о расстреле прибывшего в оккупированную Ригу поезда с немецкими евреями, за что получил нарекания от Гиммлера, ввиду отсутствия соответствующего распоряжения<sup>[6]</sup>. А как быть с теми, кто непосредственно расстреливал, участвовал в карательных акциях, служил в концлагерях и лагерях смерти? А с теми, кто на оккупированных территориях выдавал евреев, причем добровольно? И как же те, кто участвовал непосредственно в массовых убийствах и после войны избежал наказания, смог вернуться к размеренной жизни простого обывателя? Лет через 10, 20 или даже 50 многие удивлялись, когда обнаруживалось, что добродушный старичок, хороший семьянин и трудолюбивый работник на самом деле напрямую причастен к одному из самых ужасных преступлений в мировой истории. Эти вопросы не имеют однозначных ответов. Однако их поиск важен для понимания специфики нацизма и политики геноцида.

Обычно ответ начинают с идеологии. И в этом есть рациональное зерно. Действительно, впервые такая задача последовательного преследования и биологического истребления евреев была не просто риторикой отдельного политика или партии, а частью осознанной, проработанной государственной политики. Именно эта цель нацистского государства являлась беспрецедентной. Холокост не был следствием религиозного фанатизма или классовой ненависти. Идеология сплачивала все структуры государства, многие слои немецкого общества были вовлечены в решение этой задачи, ставшей поистине государственной. Методы и степень преследования в зависимости от территории и времени могли отличаться, однако единой была итоговая цель.

Исходной точкой этой идеологии называют органический национализм, зародившийся еще в Германии XIX в. и подразумевавший определение нации как единства «языка и крови». В Германской империи («Втором рейхе») этот национализм имел имперский характер, поскольку обосновывал политику завоеваний и расширения. Однако к началу XX в. не все немцы жили в Германской империи, они составляли одну из

центральных групп в империи Австро-Венгерской, в которой помимо собственно немцев (австрийцев) жили венгры и различные славянские народы. Потому государственный национализм здесь носил надэтнический характер. В условиях полиэтничности правящая династия Габсбургов сочетала в своей политике ассимиляцию (продвижение немецкой культуры) и квазимультикультурализм (власть приходилось делить с представителями разных этнических групп). В условиях роста антиимперских настроений и становления массового общества демократическая борьба этнических групп, как указывал историк М. Манн, взяла себе на вооружение идеи органического национализма. Различные национализмы, включая венгерский, чешский, сербский, ставили под угрозу существование единого имперского пространства, а их активность привела и к радикализации австрийских немцев. Не будем забывать, что в своей имперской политике Габсбурги опирались в том числе и на такие космополитичные группы, как евреи, на которых также перекинулось недовольство местных националистов<sup>[7]</sup>. В этом плане нет ничего удивительного, что А. Гитлер, как австрийский немец, был одним из тех, кто воспринял этот радикализм. В мемуарах он подробно описывал, какое неприятие в подростковом возрасте (а это рубеж XIX–XX вв.) у него вызывал имперский патриотизм. Во многом благодаря школьному учителю истории он впитал идеи органического национализма.

Что мы понимаем под понятием «органический национализм»? Почему именно его мы избрали для фиксации данных общественных настроений? Речь идет о воззрениях, будто группа людей, связанная единой культурой, в действительности представляет собой некое биологическое, естественное единство, что национальность – это вопрос крови и наследственности. Несомненно, эта социальная мифология немало заимствовала из теории социал-дарвинизма и искала (и к сожалению, находила) поддержку у многих представителей естественных наук, склонных рассматривать человечество как популяцию, а наблюдаемые различия (будь то цвет кожи или уровень экономического развития) объяснять через обращение к биологии, к чему-то естественному и неизменному. Родом оттуда и до сих пор популярные в широких массах рассуждения о «национальных характерах». В основе лежит метафорическое уподобление некоей социальной общности человеку. Подобная «картина мира» делает логичным и оправдание жесткого политического лидерства, и призыв к единению, и очищение от «инородных тел». Базовая проблема, которую стремится решить органический национализм, заключается в поиске того «коллективного Мы», которые выглядело бы не проблемным, не

подлежащим сомнению. Отсылки к истории, биологии и географии как раз и призваны разработать ту идейную систему, в рамках которой принадлежность к нации видится чем-то естественным и абсолютным.

Несомненно, органический национализм, если его довести до логического конца, приводит к расизму, который предполагает составление иерархий «высших» и «низших» рас. Философ Х. Арендт, еще на исходе Второй мировой войны, глубокомысленно заметила, что гитлеровский нацизм произрастает не из классического европейского национализма, а из империализма, т. е. из эпохи колониальных империй и привычки разделять «белую» («высшую») расу и местных аборигенов. Теперь же эта логика, благодаря Гитлеру, оказалась применима относительно самой Европы. В какой-то степени Х. Арендт была права, называя Гитлера антинационалистом: вершиной лояльности для него было не государство, не германская нация (ведь если говорить о ней как о культурном единстве, то ассимилированные евреи никак не могут из нее исключаться), а арийская раса, наверху которой и были немцы<sup>[8]</sup>. В самом низу находились евреи. На ступеньке выше последних стояли славяне.

В «Майн кампф» («Моя борьба»), опубликованной в 1925–1926 гг., Гитлер писал, что евреи недостойны гражданских прав и не только принадлежат к «низшей расе», но и вообще не являются людьми. Гитлер считал себя мессией, призванным спасти мир от «еврейского засилья». Он постоянно повторял, что «еврейская зараза» приведет Германию к гибели. В рамках той «картины мира», которую разделял Гитлер, одним из главных признаков «низости евреев» стало отсутствие своего государства. Они не укоренены на определенной территории, а потому как «паразиты» живут в телах других наций. Заметим, что во время реализации политики Холокоста другой этнической группой, подвергшейся преследованиям и уничтожению, стали цыгане. Стоит ли говорить, что к оседлым цыганам нацисты относились более терпимо (конечно же, «пока еще более терпимо»), нежели к кочевым.

Однако для того, чтобы эти идеи, сколько бы ими ни была пропитана нацистская верхушка, «заработали» на практике, нужно, чтобы они овладели массами. Один путь – поиск «научной респектабельности», поддержка ученых, которые превратят набор предубеждений и стереотипов в респектабельную научную истину. Эту поддержку нацисты получили у ряда медиков, биологов и физических антропологов, щедро спонсируя их изыскания. Недаром в мировой истории закрепились фигура доктора Й. Менгеле, одного из главных врачей в лагере смерти Аушвиц: именно он на перроне встречал прибывших евреев и отбирал тех, кого стоило отправить

в газовые камеры сразу, а кому временно сохранить жизнь и определить на работу. Кто, если не доктор, ученый, имеет, с точки зрения нацистов, высшее право на селекцию? На утверждение того, кого следует убить, а кого оставить в живых?

Другой способ – массовая пропаганда. Ее задача состояла в том, чтобы дегуманизировать еврея, сформировать образ вечного врага, достойного только уничтожения. Ключевая метафора – «евреи – вши на теле нации»; соответственно убийство невинных детей, женщин и мужчин представлялось «очистительной мерой». Для понимания того, как работала пропаганда, мы хотим отослать к наследию философа Э. Левинаса. Этнический еврей, он служил во французской армии, после поражения 1940 г. попал в плен и провел в нем всю войну. Лагерный опыт и общение с немцами, жившими неподалеку, стал предметом философской рефлексии: «Другие, так называемые свободные люди, встречавшиеся с нами, дававшие нам работу <...> все они сдирали с нас человеческую кожу. Мы были лишь псевдолюдьми, стаей обезьян <...>. Наши приход и уход, наши горе и смех, болезни и развлечения, труд наших рук и тоска наших глаз; письма, которые нам передавали из Франции и забирали для наших семей, – все это происходило как бы в скобках. Существа, запертые в своем биологическом виде; несмотря на весь свой словарный запас, безъязыкие. Расизм – не биологическое понятие; антисемитизм – это архетип всякого интернирования. Даже социальное угнетение лишь подражает этому образцу. Оно заточает внутри своего класса, лишает средств самовыражения, приговаривает быть «означающими без означаемых», а значит, осуждает на битвы и насилия»<sup>[9]</sup>.

Именно с этим связаны рассуждения Э. Левинаса о «насилии понятий», которые призваны стирать в людях субъективность, их самость, отличность и индивидуальность. Враг на фронте – это просто неприятель, набор категорий, которые в самом пошлом виде предстают в виде тиражируемого образа врага. Такого врага легче убивать. Вы смотрите на человека, а видите не индивидуальность, а навязанную категорию (например, «еврея»), к которой пропаганда пристегнула множество возвращенных значений (они же – стереотипы). Тем самым пропаганда выстраивала дистанцию, отчуждала исполнителей от своих будущих жертв на идейном, ментальном уровне.

Говоря о нацистской политике геноцида, мы должны понимать, что речь идет о более широком процессе, нежели Холокост. Порядка 250 тыс. немцев были уничтожены в рамках программы T-4 (ликвидация психически больных, с врожденными уродствами и других людей с



«плохой наследственностью»). Около 210–250 тыс. цыган убиты в 1941–1945 гг. Сюда же можно включить миллионы советских граждан, погибших в оккупации, а также около 3,3 млн. советских военнопленных, доведенных до истощения и смерти. К ним также относились как к недочеловекам, о чем свидетельствуют следующие цифры: смертность военнопленных из Британии и США не превышала 3 %<sup>[10]</sup>. До того, как раскрутился маховик Холокоста в 1941–1942 гг., основными жертвами нацистской политики были поляки: речь идет о стремлении уничтожить их элиту (включая культурные слои, интеллигенцию). Нацисты считали, что без нее никакого сопротивления не будет. Эта же политика проводилась и на оккупированной территории СССР. Итальянский писатель К. Малапарте в 1941 г. в качестве журналиста сопровождал немецкие войска, атаковавшие СССР. В одной из украинских деревень сосредоточили 118 советских военнопленных. Немцы заставили их читать вслух газету «Правда», заявив, что те, кто проявит больше способностей, получают административную работу. 31 человек справился с заданием лучше остальных и все они были сразу же расстреляны. Немецкий сержант пояснил: «Россию надо очистить от этой ученой сволочи. Крестьяне и рабочие, которые умеют читать, слишком опасны. Они все коммунисты»<sup>[11]</sup>.

Несомненно, уничтожение евреев было более последовательным и приняло наиболее широкий характер. Однако вряд ли сегодня стоит принципиально отделять одни группы от других, а уже тем более их противопоставлять, поскольку в основе лежит общая социально-политическая «философия», проповедующая уничтожение определенных групп людей. Есть и более конкретные взаимосвязи. Например, многие исполнители операции Т-4 в дальнейшем стали активными участниками уничтожения евреев. Войну против СССР Гитлер вел под пропагандистской идеологией борьбы против «иудо-большевизма», ставя знак равенства между евреями и советскими коммунистами. Известный газ «Циклон Б» был осенью 1941 г. впервые опробован сначала на группе советских военнопленных, после этого он стал массово применяться для уничтожения евреев. При желании этот список можно продолжать.

При рассмотрении истории Холокоста очень часто задаются вопросом: «кем были те, кто проводил политику геноцида»? Историк М. Манн, обобщая работы предшественников, выделил три момента: «все исполнители жили обычной человеческой жизнью, совершая при этом необычные, страшные дела», 72 % судимых за военные преступления имели семьи и детей; все они были очень заурядными людьми<sup>[12]</sup>.

Статистика не позволяет утверждать, что ядро исполнителей состояло из людей, которые пережили в детстве серьезные психологические травмы (жестокость родителей, потеря кормильца и пр.), лишь в отдельных случаях это может быть объяснением. Интересно и то, что наибольшей поддержкой нацизм пользовался либо у немцев с потерянными по итогам Первой мировой войны территориями, либо в приграничных районах, т. е. там, где немцы сами испытывали притеснения или могли бояться внешней угрозы. В частности, это утверждение о приграничных районах подтверждают результаты голосования в рейхстаг в июле 1932 г. Отсюда М. Манн делает вывод: «причины истребительной политики рейха лежат в озлобленном этническо-имперском реваншизме, а настроения антисемитизма лишь усугубили ее жестокость»<sup>[13]</sup>. Любопытно, что статистика также не позволяет говорить о том, что большая часть будущих военных преступников вышла из земель с преобладанием еврейского населения. Это полностью отвергает доводы отрицателей Холокоста, дескать антисемитизм немцы восприняли в тяжелые годы экономической разрухи, когда они сами бедствовали, а евреи якобы на этом фоне жили припеваючи.

Маховик репрессий раскручивался постепенно. От простого бытового антисемитизма до расстрельных ям следовало пройти большой путь. Можно выделить четыре ключевых слагающих: 1) тотальный террор и уничтожение политической оппозиции; 2) успехи плановой экономики, отмена де-факто унизительного Версальского договора и присоединение бывших немецких территорий; 3) опора на парамилитарные организации (СА и СС) и формирование той запутанной бюрократической системы, где каждый ее член свой успех видел в том, как он может предугадать желания фюрера; 4) с началом Второй мировой войны патриотизм стал той идейной рамкой, которая санкционировала для многих простых немцев участие в массовых преступлениях, поскольку евреи назывались врагами, развязавшими эту войну. Гитлер пришел к власти на фоне тяжелейшего экономического кризиса, поразившего Германию. Расистская идеология позволила классовые, экономические противоречия вытеснить и переписать согласно своей логике (во всем виноваты «эксплуататоры-евреи» и «мировая еврейская закулиса»).

Об этом свидетельствуют и статистические исследования М. Манна: «нацисты действительно пользовались поддержкой групп, далеких от главных классовых битв между трудом и капиталом, среди которых главенствовала идея социального примирения во имя единства и могущества нации»<sup>[14]</sup>. На основе биографических сведений о 1581

военном преступнике, М. Манн установил: не рабочие и крестьяне были основной социальной базой, из которой рекрутировались будущие убийцы. В числе нацистских преступников доминируют государственные служащие, военные и полицейские, работники государственного сектора, дипломированные специалисты<sup>[15]</sup>. Конечно, практически все ключевые посты принадлежали убежденным нацистам, вступившим в партию до 1933 г. В военизированных структурах, ставшими проводниками репрессий, многие имели криминальное прошлое. Важно то, что речь идет о весьма пестрой картине, а потому видеть в убийцах лишь безжалостных фанатиков (но и они были!), безграмотных преступников (немало имелось и таковых) – значит сильно упрощать историю.

Изначально, сразу после прихода нацистов к власти в январе 1933 г. целью репрессивной политики стали представители оппозиции и коммунисты. Как известно, ночью 27 февраля 1933 г. нацисты инспирировали поджог Рейхстага (здания парламента), в чем обвинили коммунистов. Это позволило добиться принятия указа рейхспрезидента П. фон Гинденбурга «О защите народа и государства». В соответствии с ним отменялись многочисленные гражданские права, а власти получали право превентивных арестов. По всей Германии прокатилась волна арестов силами полиции, а также таких парамилитарных формирований (формально никак не связанных с государством), как СС и СА, которые действовали фактически на правах народных дружин. Степень взаимодействия зависела от позиции начальства на местах. Наиболее активным оказался рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, назначенный главой полиции Баварии. Повсеместно организовывались импровизированные места сосредоточения арестованных, первые концлагеря. В дальнейшем их осталось несколько, и на их фоне выделялся Дахау, основанный в марте 1933 г. недалеко от Мюнхена под особым патронатом Гиммлера.

До 200 000 человек только в 1933 г. были арестованы по политическим мотивам<sup>[16]</sup>. Правда, лишь единицы из них тогда погибли, доведенные до смерти охранниками. Непосредственно убивать эсэсовцы тогда опасались, поскольку еще могли попасть под суд. Например, убийство нескольких евреев в апреле 1933 г. в Дахау привело к судебному разбирательству. Гиммлеру пришлось даже уволить коменданта Векерле, заменив его на Т. Эйке, который впоследствии превратил этот лагерь в «образцово-показательный». Так именно Дахау стал моделью и «кузницей кадров» для последующих лагерей.

В 1933 г. смысл концентрационных лагерей и превентивных арестов заключался в массовом устрашении оппозиции и любых несогласных. Причем в некоторых случаях известных заключенных могли освободить под давлением общественности, а похороны погибших иногда превращались в стихийные антинацистские митинги. Под конец года большая часть заключенных была отпущена, широкая амнистия была осуществлена и в августе 1934 г. ввиду референдума, на котором Гитлер получил народное согласие на объединение постов рейхспрезидента и канцлера. Население лагерей на тот момент исчислялась сотнями. Далеко не все в руководстве страны относились к ним положительно, в частности рейхсминистр внутренних дел Фрик выступал за освобождение заключенных. Однако Г. Гиммлеру удалось доказать политическую эффективность именно этого метода управления. Конечную точку в споре поставил Гитлер уже в феврале 1935 г. В 1936 г. появился Заксенхаузен, в 1937 г. – Бухенвальд, в 1938 г. Флоссенбург и Маутхаузен, в 1939 г. – Равенсбрюк.

Если изначально концлагеря использовались преимущественно для давления на политическую оппозицию, то в дальнейшем их функции расширились. В частности, туда стали бросать преступников и различные «асоциальные» элементы (бездомных, попрошайек, проституток и пр.). Так, например, Закон о рецидивистах от 24 ноября 1933 г. позволял заключать в лагеря на неопределенный срок. К 1939 г. было вынесено порядка 10 тыс. приговоров, причем в основном за мелкие имущественные правонарушения<sup>[17]</sup>. Впрочем, в дальнейшем не нужны были и судебные решения: в марте 1937 г. главное управление криминальной полиции распорядилось арестовать всех подозреваемых в том, что они представляют опасность для общества. В июне 1938 г. была проведена общенациональная акция, в ходе которой около 10 тыс. асоциальных элементов оказались брошены в концлагеря<sup>[18]</sup>.

Тем самым были не просто извращены и нарушены принципы законности и презумпция невиновности. Важно то, что сами эти меры особо не скрывались от общества и находили поддержку. Нацисты ставили себе в заслугу обеспечение низкого уровня преступности и избавление от тех, кого можно назвать тунеядцами, не работающими на благо рейха. Концлагеря в предвоенное время мыслились своеобразными фабриками по трудовому перевоспитанию (недаром Маутхаузен был построен возле каменоломен). Те, кто представлял опасность, теперь должны трудиться на общее благо. Тем самым в построении «идеальной Германии» и нацисты, и

те, кто их поддерживали, перешли важную черту. Был создан разветвленный механизм по изоляции и очищению общества от тех, кого отдельные чиновники, полицейские или эсэсовцы признали нежелательными и опасными. Размытость критериев фактически привела к тому, что каждый мог оказаться в застенках Бухенвальда. Следующий логический шаг – уничтожение. И впервые он был сделан именно по отношению к самим (этническим) немцам, а именно: в рамках программы эвтаназии в 1939–1941 гг. порядка 250 тыс. душевнобольных с врожденными физическими отклонениями оказались умерщвлены.

Мы специально останавливаемся на всем этом, чтобы подчеркнуть, что Холокост был общей частью нацистской стратегии по конструированию идеального немецкого государства. Всего в мире после Первой мировой проживало 14 млн евреев. Из них 3,5 млн – в США. Порядка 3 млн проживало в Польше (их численность с 2,9 млн в 1930 г. за следующие 9 лет увеличилась на 200 тыс. человек), в СССР – около 2,5 млн, в Румынии – 750 тыс., в Германии и Венгрии – по 500 тыс. Тем самым меньше 1 % населения будущего Третьего рейха составляли евреи. Отметим, что Германия и не являлась до 1933 г. самой антисемитской страной. Бытовой антисемитизм был более развит во Франции, а в Польше евреи испытывали серьезную социальную и экономическую дискриминацию. В 1930-е гг. по мере укрепления власти нацистов в Германии в соседних странах также активизировался антисемитизм. Уже с 1935 г. в Польше массово стали нападать на евреев, в 1937 г. Румыния ввела антисемитские законы<sup>[19]</sup>.

В 1933–1938 гг. нацисты проводили политику юридического и социального вытеснения евреев за пределы немецкого общества. Организуемое давление должно было заставить евреев эмигрировать, оставив в Германии все свое имущество. Давление нарастало постепенно. Так, 1 апреля 1933 г. был устроен однодневный бойкот всей еврейской торговли. В сентябре 1935 г. приняты Нюрнбергские законы. В них давалось определение того, кто считается евреем. Все попавшие под него более не считались гражданами рейха, им запрещалось вступать в брак с немцами, они не имели права на политическое представительство, а евреев-чиновников увольняли с государственной службы. В 1936 г. ввиду Летних Олимпийских игр в Берлине антисемитизм временно был ослаблен, но лишь для того, чтобы вспыхнуть потом. В апреле 1938 г. ввели обязательную регистрацию еврейского имущества, в июне 1938 г. наложили запрет на ряд профессий (включая адвокатуру и врачебное дело).

Переломными стали события «Хрустальной ночи» с 9 на 10 ноября 1938 г. – серия погромов синагог, еврейских магазинов и прочего



имущества, прокатившаяся по всей стране. Ее жертвами стали менее 100 человек, однако еврейской собственности был нанесен серьезный урон. Более того, около 30 тыс. человек оказались на время брошены в концентрационные лагеря, чья инфраструктура не была подготовлена к такому наплыву. Около 500 погибли в них. Впрочем, основная идея заключалась в том, чтобы заставить евреев откупиться, лишить их имущества и принудить эмигрировать. А 12 ноября вышло распоряжение, согласно которому евреи Германии должны были выплатить около 1 млрд рейхсмарок в компенсацию за ущерб, нанесенный толпой погромщиков. Абсолютное большинство евреев выпущены к началу 1939 г., к 1 сентября всего в концлагерях содержалось не более 1500 представителей этой этнической группы<sup>[20]</sup>. Что касается эмиграции, то ключевая проблема заключалась в том, что другие страны, восстанавливавшие свои экономики после мирового кризиса, не горели желанием принимать сотни тысяч евреев. Летом 1938 г. представители 32 стран собрались в Эвиане на конференцию, где обсуждали судьбы беженцев из Германии. Фактически она закончилась безрезультатно, если не считать создание Межправительственного комитета по делам беженцев. В Берлин также была направлена телеграмма, в которой участники конференции отмечали, что никто из них не оспаривает «право германского правительства на законодательные меры в отношении некоторых своих граждан»<sup>[21]</sup>.

После нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г., т. е. с началом Второй мировой войны, наступил новый этап в трагической истории европейского еврейства. Этому предшествовали зловещие высказывания Гитлера: «Мы уничтожим евреев. Им не удастся укрыться, как удалось 9 ноября 1918 года». Еще в 1938 г. в СД (служба безопасности в составе СС) были созданы особые части, предназначенные для борьбы с «идеологически враждебными факторами». Эти части назывались айнзатцгруппами. Именно им предстояло принять активное участие в уничтожении евреев. Они включились в «работу» после вторжения Германии в Польшу, руководствуясь секретной инструкцией. Она была выработана на совещании в Берлине 21 сентября 1939 г., имевшем повестку: «Еврейский вопрос на оккупированных территориях (Польша)». Инструкция предписывала выселить евреев из местечек и городков и сосредоточить их в гетто больших городов вблизи от крупных железнодорожных станций. Эти действия рассматривались как этап к достижению «конечной цели».

27 сентября 1939 г. был создан новый орган – Главное управление имперской безопасности (РСХА) во главе с Гейдрихом. В этом учреждении был создан отдел, ведавший «еврейским вопросом». Его возглавил Адольф Эйхман. В состав РСХА вошла и служба безопасности, СД.

Мы не знаем точно, когда именно был принят Гитлером план об «окончательном решении». Еще в 1939–1941 гг. нацисты метались между планами уничтожения и массового переселения. Именно тогда рождались идеи сосредоточить всех евреев то в районе Ниско (оккупированная Польша), то на Мадагаскаре. После нападения на СССР Гиммлер подготовил план переселения на восток порядка 31 млн человек (т. к. здесь считали еще и славян). Однако уже при подготовке операции «Барбаросса» (т. е. нападения на Советский Союз) Гитлер требовал уничтожения «еврейско-большевистской интеллигенции», а 19 августа 1941 г. Г. Геббельс отметил в дневнике: «На Востоке евреи расплачиваются; в Германии они уже частично заплатили и еще больше заплатят в будущем»<sup>[22]</sup>. Подобная непоследовательность характерно говорит о той хаотичности, которая была присуща нацистскому руководству. Однако известно, что при подготовке нападения на Советский Союз уже планировалось уничтожить всех советских евреев. А 31 июля 1941 г. Г. Геринг направил Р. Гейдриху приказ: «Я возлагаю на вас ответственность за совершение всех необходимых приготовлений для общего решения еврейского вопроса в сфере немецкого влияния в Европе...». Однако эти приготовления затянулись.

В западноевропейском каноне истории Холокоста отправной точкой считается совещание («конференция») нацистских руководителей в Ванзее 20 января 1942 г. Именно на ней были определены общие параметры уничтожения порядка 12 млн евреев. Одна из копий протокола сохранилась и стала весомым доказательством преступной политики на Нюрнбергском процессе. Причины, по которым выделяется Ванзейская конференция, вполне понятны, однако при этом опускается тот факт, что политика уничтожения уже активно проводилась на территории Советского Союза. Потому не будет преувеличением сказать, что массовое уничтожение еврейского населения началось 22 июня 1941 г. с нападением нацистов на СССР. Идеологически этот акт агрессии, как мы отмечали выше, прикрывался тезисом о «священной войне» против иудо-большевистского режима. Знак равенства между евреями и коммунистами привел к тому, что оккупационный режим здесь, на востоке, принял особые жесткие формы. Эта же идеология активно продвигалась в массах на оккупированных территориях с тем, чтобы представить Гитлера как освободителя. К

сожалению, эти воззрения находили поддержку у многих местных националистов<sup>[23]</sup>.

В частности, основными проводниками политики геноцида стали специально сформированные айнзатцгруппы, которые двигались за войсками вермахта. К концу 1941 г. айнзатцгруппы уничтожили порядка 1 млн человек, из них около 700 тыс. были евреи<sup>[24]</sup>. Непосредственно координацию осуществляли верховные руководители СС и полиции (их еще называли «маленькими гиммлерами»): на севере России им стал Г. Прютцман, в центральной части – Э. фон дем Бах, а на юге – Ф. Еккельн. Основная их задача (согласно приказу Г. Гейдриха от 2 июля 1941 г.) заключалась в борьбе против саботажников и партизан, в особую группу жертв выделялись политработники высшего и среднего звена, комиссары, а также евреи в партийных и государственных органах. Тем самым с первых дней войны политика геноцида была развязана не только по отношению к евреям. Однако на практике карательные части весьма «творчески» подходили к исполнению приказов, массово уничтожая еврейское население, которое автоматически записывалось в саботажники и опору советской власти.

Особой активностью отличился обергруппенфюрер СС Ф. Еккельн. В приказах он называл истребление мирного населения «акцией по военному обычаю». Первой стала акция 5 июля 1941 г. во Владимире-Волынском, в ходе которой убили 150 евреев. 26–29 августа более 20 тыс. евреев Каменец-Подольска были отправлены на тот свет. Особенность именно этого события заключается в том, что если ранее убивали только мужчин, то теперь стали уничтожать массово и женщин, и детей. Предложенный метод уничтожения Ф. Еккельн назвал «укладкой сардин»: людей клали в расстрельные ямы лицом в низ, их убивали, следом заставляли ложиться других жертв и т. д. И, это не было проявлением своеволия «на местах», как свидетельствовал высокопоставленный функционер СС Штреккенбах: «С началом похода на Россию мероприятия против евреев вошли в новую стадию. Был отдан приказ о широкой ликвидации евреев. Мне не совсем ясно, от кого исходила эта инициатива. По заявлению Гейдриха, об этом высказался сам фюрер на одном из совещаний: что он намеревался решить основательно вопрос о евреях в Европе, а ликвидация евреев во время войны не произведет большой сенсации во всем мире»<sup>[25]</sup>.

Лишь откровенные садисты из числа палачей могли проявлять психологическую устойчивость, расстреливая тысячами беззащитных детей, женщин и стариков. Это понимало и высшее нацистское

руководство. Неудивительно, что по мере возможности грязную работу стремились перепоручать местным националистам, а в самих карательных отрядах процветало пьянство. Нередко палачи напивались непосредственно во время акций, появились и своеобразные праздники: круглые числа убитых отмечались массовыми попойками. Штандартенфюрер СС П. Блобель, командир зондеркоманды 4а (айнзатцгруппа С), которая занималась расстрелом невинных в Бабьем Яру, уже в 1942 г. ввиду пьянства, переросшего в постоянные запои, был отослан в тыл.

В годы Великой Отечественной войны на оккупированной территории СССР было казнено 2,8 млн советских евреев. В организации этих действий принимали участие военная и гражданская администрация, полицейские и охранные подразделения, вермахт, гестапо и другие службы и ведомства нацистской Германии. Оккупационная политика отличалась необычайной жестокостью, вытекавшей из постулатов «тотальной» войны. Именно на советской территории проводилось так же уничтожение детей от смешанных браков (евреев с неевреями), если они попадали в руки нацистов. Наиболее крупные места уничтожения евреев: Бабий Яр под Киевом, Бикерниекский и Румбульский леса около Риги, Змиевская балка под Ростовом-на-Дону, Понары под Вильнюсом, Малый Тростенец под Минском. Стоит отметить, что практически во всех перечисленных местах расстреливали и неевреев, т. е. тех, кто был обречен на смерть на основании других критериев (например, партизан, советских военнопленных). Отсутствие документов затрудняет точные подсчеты по категориям. На наш взгляд, эта сложность наоборот свидетельствует об общности трагедии: все они стали жертвами нацистской политики геноцида, в рамках которой выделялись разные группы, подлежащие дискриминации и последующему уничтожению.

Нацисты в полной мере применили опыт, накопленный как в самой Германии, так и в захваченных ранее государствах. Как пишет И.А. Альтман: «Евреи были объявлены «неарийцами» и лишены всех гражданских прав. Они подлежали особой регистрации. Всех евреев, включая детей старше 10 лет, обязывали носить на одежде опознавательные знаки (жёлтые шестиконечные звёзды на спине и груди, повязки со звездой или круглые жёлтые «латы»). Они были значительно ограничены в передвижении в масштабах даже одного населённого пункта. Евреев обычно переселяли в специальные районы или здания – гетто»<sup>[26]</sup>. Всего их было создано более 800, значительно больше, чем в любой другой захваченной Германией стране. Примерно 400 находились на территории Украины; около 250 – в Белоруссии; более 40 – России. В число самых

крупных гетто Европы входили Львовское (136 000 узников; больше евреев было сконцентрировано только в Варшаве), Минское (около 100 000) и Вильнюсское (57 000). Значительную часть узников содержали в рабочих лагерях (их было около 200).

С первых дней оккупации еврейское имущество конфисковалось. Если население отказывалось выполнять приказы немцев, то руководители еврейской общины и заложники подвергались публичной казни. Всё трудоспособное еврейское население (мужчины 14–60 лет и женщины 16–55 лет) мобилизовалось на трудовые работы, причем самые унижительные и тяжёлые. Вознаграждение было минимальным, а зачастую отсутствовало вовсе. Все это нельзя назвать никак иначе, нежели созданием условий для гибели людей. На этом нацисты не останавливались. Как пишет И.А. Альтман: «Евреям запрещалось ходить по тротуарам, присутствовать на культурных мероприятиях, пользоваться городскими поликлиниками, больницами и аптеками. Под угрозой смерти еврейкам запрещали рожать. <...> Зачастую узникам выдавался лишь хлеб (100–150 г в день). Зимой жители страдали от недостатка топлива, летом – питьевой воды. В гетто и лагерях не работали канализация, электричество, водопровод. Условия жизни узников порою не отличались от условий содержания советских военнопленных. Десятки тысяч евреев умерли от голода, болезней, эпидемий и невыносимой физической работы»<sup>[27]</sup>.

По мере того, как разворачивался Холокост на территории СССР, нацисты определились с политикой в отношении всего европейского еврейства. Экономические расчеты (использование рабского труда) стали все больше уступать идеологическим установкам на полное уничтожение. Скорее всего, именно осенью 1941 г. Гитлер принял окончательное решение начать процедуру тотального уничтожения, а не оттягивать время переселениями. К тому времени уже был опыт работы айнзацкоманд на оккупированных территориях, упорное сопротивление Советского Союза срывало планы выселения евреев на восток, а постоянно растущее население гетто в Варшаве и Лодзи нарушало складывающийся порядок и затрудняло эффективное использование ресурсов. Так, первый лагерь смерти заработал в декабре 1941 г. в городе Хелмно, недалеко от крупного Лодзинского гетто. Именно оттуда на уничтожение отправляли «лишних евреев», которые в глазах нацистов мешали организовать эффективную работу «полезных евреев» на благо рейха.

Как отмечалось выше, переломным моментом стало совещание («конференция») в Ванзее 20 января 1942 г. Оно длилось примерно два часа и ставило целью «внести ясность и принципиальные вопросы» и избежать



«параллелизма в проведении общей линии». Протокол вел оберштурмбаннфюрер СС А. Эйхман, руководитель «еврейского отдела» в составе РСХА. Главным докладчиком был его глава Р. Гейдрих<sup>[28]</sup>. Вопрос об уничтожении евреев Европы решался на высшем государственном и партийном уровне, с ведома Гитлера и при непосредственном участии многих ведомств рейха. Лишь представитель генерал-губернаторства (туда вошли не только центральная и восточная часть Польши, но и значительная часть Западной Украины) проявил инициативу. Он просил начать «окончательное решение» именно здесь, выражая желание «удалить» евреев как можно скорее.

Для реализации политики уничтожения создавались совершенно новые «институции» – «лагеря смерти». Если в концентрационных лагерях предполагалось, что узники будут жить относительно долго и работать на благо рейха, то средняя продолжительность жизни в лагерях смерти составляла несколько часов. Они создавались исключительно для уничтожения евреев. Был учтен и опыт работы айнзацкоманд: участие в расстрелах сильно сказывалось на психике палачей, а потому санкционировали поиск новых методов, позволявших возвести дистанцию между убиваемыми и палачами. Этот метод был быстро найден в виде использования газа.

Первым, еще в декабре 1941 г., заработал вышеупомянутый лагерь в Хелмно, где людей уничтожали в газенвагенах (специально сконструированных грузовиках, в кузов которых направлен выхлопной газ, убивавший всех здесь находившихся). Отметим, что параллельно «душегубки» применялись для ликвидации евреев на территории Советского Союза.

Однако на этом не остановились. По итогам Ванзейской конференции определилась «ближайшая задача» в политике Холокоста: уничтожение около 2,3 млн евреев. Нацисты позднее дали этому «мероприятию» кодовое название «Операция Рейнхард». Все, кто был связан с нею, приносили клятву, обещая не распространять никакую информацию о проделанной работе. Убийства евреев должны были осуществляться преимущественно в трех новых лагерях: Белжеце, Собиборе и Трешлинке, начавших действовать в 1942 г. Эти лагеря смерти были оснащены камерами, в которые подавались выхлопные газы дизельных двигателей и двигателей внутреннего сгорания. Жертвами стали не только евреи генерал-губернаторства (куда были свезены также евреи из западной части Польши и из Германии), но и других стран Европы, включая СССР. Всего здесь уничтожили 1,7 млн евреев. Причем за 1942 г., если довериться

перехваченной британской разведкой телеграмме, количество жертв составило 1 274 166 человек. Из них в Собиборе 101 370 человек, в Белжеце – 434 508, Треблинке – 713 555, Майданеке – 24 733<sup>[29]</sup>. Отметим, что параллельно в качестве лагерей смерти стали функционировать и «традиционные концлагеря», а именно Аушвиц (он же – Освенцим) и Майданек (находился под Люблином). С конца 1943 г., т. е. с ликвидацией Белжеца, Треблинки и Собибора, именно Аушвиц превратился в ключевой «лагерь смерти». Наиболее печальную известность он получил в 1944 г., когда за считанные месяцы здесь были убиты около 435 тыс. венгерских евреев<sup>[30]</sup>.

Мы хотим особенно подчеркнуть: в оккупированных странах западной и центральной Европы нацисты не позволяли себе уничтожать евреев открыто и публично, как в Киеве, Риге или Ростове-на-Дону. Нацисты скрывали уничтожение, а на оккупированной территории Чехии даже создали «образцово-показательный» лагерь в Терезиенштадте, в который уже под конец войны возили иностранные делегации из нейтральных стран с целью убедить в ложности сведений о массовом уничтожении. Ведь официально речь шла о переселении европейских евреев, которых через транзитные лагеря отправляли на восток, обещая предоставить работу. Эту иллюзию немцы поддерживали в жертвах вплоть до того, как те попадали в газовые камеры. В отношении советских евреев такие церемонии считались излишними.

Мы не будем подробнее останавливаться на функционировании лагерей смерти: на примере Собибора дальнейшие материалы нашего сборника раскрывают этот вопрос. В целом же, тема Холокоста может содержать безграничное число вопросов и нюансов. Сейчас же мы хотели бы остановиться подробнее на двух проблемах, которые, по нашему мнению, недостаточно получают сегодня освещение в публичном пространстве России.

Одна из наиболее тяжелых и сложных страниц – роль «тех, кто стоял рядом» (bystanders, если использовать англоязычное понятие). Они могли лично никого не убивать, а их действия ранжировались от молчаливого одобрения до выдачи евреев оккупационным властям и прямого соучастия в убийствах (например, конвоирование обреченных к местам расстрела). После войны все они хранили молчание и отрицали сопричастность. В конечном счете далеко не всегда известных фактов достаточно, чтобы выдвинуть официальные обвинения. Еще больше масла в огонь подливали те, кто предпочитал писать о «коллективной вине», что откровенно играло

на руку реальным преступникам, которые получили возможность релятивировать свои действия и переключить внимание общественности на более абстрактные вопросы. Как отмечала Х. Арендт: «Для меня квинтэссенцией моральной неразберихи всегда была послевоенная Германия, где те, кто лично ни в чем замешан не был, уверяли сами себя и весь мир в том, сколь глубоко их чувство вины, в то время как лишь немногие из настоящих преступников были готовы хотя бы к малейшему покаянию»<sup>[31]</sup>.

Отчасти именно поэтому Х. Арендт предложила отличать вину и ответственность. Первая всегда индивидуальна, она определяется персонально для каждого и должна быть доказана в судебном порядке. Ответственность же предстает более широкой категорией и относится ко всем, кто в той или иной степени был причастен к проводимой политике уже в силу того, что были рядом, что включает и тех, кто стоял около расстрельной ямы под Понарами, и тех, кто на выборах голосовал за Гитлера. Как поясняла Х. Арендт: «есть два необходимых условия коллективной ответственности: я должен считаться ответственным за что-то, чего я не совершал, и я должен нести такую ответственность в силу своего членства в группе (коллективе), которое невозможно прекратить добровольным актом с моей стороны, то есть членства, крайне непохожего на деловое партнерство»<sup>[32]</sup>. В данном случае речь идет о политической (т. е. коллективной) ответственности, возникающей ввиду членства в определенном политическом организме: если мы считаем себя наследниками великих деяний и побед, то неизбежно становимся ответственными и за проступки своих предков. Только полное самоустранение от участия в общественной жизни может позволить снять с человека ответственность за проводимую преступную политику. Отказ от собственного морального суждения (то есть практических суждений о том, что есть хорошо и плохо) позволил тысячам немцев сотрудничать с режимом, строя свои карьеры и живя так, как если бы нацистская Германия была обычным государством. Послевоенные известия о зверствах нацистов в немецком обществе вызвали возмущение, но не моральное негодование. «Действительно странно было бы приходить в моральное негодование от речей нацистских главарей, чьи взгляды были давным-давно известны», – иронично отметила Х. Арендт.

Устойчивость нацистского режима зиждилась на тех, кто не был ответственен за приход НСДАП к власти, но решил подстроиться под сложившуюся ситуацию, полагая, что не должен выносить личные

моральные суждения о правильности своих поступков. С учетом широкой поддержки Гитлера, первоначальных экономических, социальных и политических успехов оппонирование казалось чем-то немыслимым, как если бы пришлось идти против духа времени, самого воплощения Истории. Уже потом бывшие нацисты пытались изобразить себя в качестве «шестеренок» большой политической машины: безусловно, если именно так представлять политическую жизнь государства, то вопрос об ответственности окажется во многом бессмысленным. Именно за этими формулировками и пытались прятаться в послевоенные годы многие сторонники нацистского режима, правда, при этом в немалой доле лицемеря: особенность нацистского государства как создающего тоталитарное общество заключается в том, что режим требует от каждого участника общественной жизни поддержки установленных принципов. И оказалось так, что именно добропорядочная часть общества первая подчинилась нацизму, сменив одни безоговорочные моральные нормы на другие, те, которые иначе как преступными назвать нельзя. Для них была важна собственно привычка придерживаться тех или иных норм, в то время как лишь немногие были готовы самостоятельно судить и выносить решения о том, как должно вести себя.

Немецкий социолог З. Бауман выделял три ключевые технологии «управления нравственностью», сделавшие возможным Холокост: социальное производство дистанции (выше мы писали об удалении евреев сначала из общественной жизни, а затем их переселение в закрытые гетто), формирование равнодушия к положению тех, кто считается Другим (наиболее активно этим занималась пропаганда), а также «замена моральной ответственности на техническую, эффективно скрывающую моральную значимость действия»<sup>[33]</sup>. Под последним понимается господство инструментальной рациональности, в соответствии с которой тысячи немцев стремились воспринимать свое соучастие в функционировании машины уничтожения как выполнение технических заданий, поставленных свыше.

В историческом плане вопрос ответственности и вины является еще более сложным, если обратиться к тому, что происходило на оккупированных территориях. Например, для польского национального сознания до сих пор неприятным фактом остается антисемитизм многих патриотически-настроенных поляков, который толкал их на соучастие в политике Холокоста. В 2000-е гг. резонанс вызвали книги историка Яна Томаша Гросса. В 2000 г. вышла его работа под названием «Соседи, или История уничтожения еврейского местечка», в которой он писал о

событиях 10 июля 1941 г. в д. Едвабно. Историк доказывал, что уничтожение местных евреев было делом рук их соседей из числа поляков. Именно этот тезис вызвал широкий резонанс: на протяжении десятилетий формировалось представление о поляках как жертвах нацистской оккупацией, а теперь оказывалось, что жертвы параллельно также могут быть убийцами.

Не меньший публичный отклик получила и его вторая книга «Золотая жатва» (2011 г.), в которой акцент делался на экономической мотивации поляков в соучастии в политике геноцида. Например, о том, как жители деревень, окружавших лагеря смерти, активно торговали с охранниками: в обмен на золото жертв местные жители поставляли алкоголь, еду, а также оказывали сексуальные услуги. С приходом немцев в деревнях местные жители также нападали на своих односельчан-евреев, а убийства непременно сопровождалось грабежами. Точно также прибыльным оказывалось и соучастие в организуемых нацистами облавах. Не менее позорным стало появление шмальцовников, тех поляков, которые шантажировали бежавших из гетто евреев. В обиходном языке эти действия назывались «вытапливанием жира»<sup>[34]</sup>. Однако это не отрицает того, что тысячи поляков под угрозой своей жизни укрывали у себя евреев. За это они получили потом звание Праведников народов мира. К сожалению, отношение к ним в Польше было неоднозначным: немало было и тех, кто, укрывая беглецов из гетто, вымогал у них крупные суммы денег. Показательна цитата из «Церковного отчета из Польши за июнь – середину июля 1941 г.», составленного подпольщиками и переданного в правительство Польши в изгнании (т. е. в Лондоне): «особым проявлением Божьего Промысла, что немцы, помимо всяческого вреда, какой они причинили и продолжают причинять нашей стране, в одном этом отношении положили доброе начало, показав возможность освобождения польского общества от еврейского грабежа, и открыли нам дорогу, по которой – конечно, не так жестоко и не так грубо – нам надлежит идти»<sup>[35]</sup>.

Ограбление евреев продолжалось даже после их убийства. В частности, уже в послевоенные годы места, где ранее находились лагеря смерти (те же Трешлинка или Белжец), стали центром притяжения местных жителей, которые перекапывали территорию и искали золото и другие предметы. Ведь многие обреченные на смерть выкидывали свои ценные вещи, не желая, чтобы они достались нацистам. Теперь их поисками занимались мародеры. В некоторых случаях жители не останавливались ни перед чем: например, директор кирпичного завода, располагавшегося около Белжеца,



нанял группу «ныряльщиков», которые работали около выгребных ям лагеря смерти и приносили весьма богатую добычу. В отчете двух польских чиновников, которые посетили в сентябре 1945 г. Треблинку, содержатся следующие сведения: «Нужно упомянуть, что на территории, где находится Треблинка, господствуют чудовищные отношения. Население, обогатившееся золотом, вырытым из могил, занимается грабежом и ночными нападениями на соседей. Мы пережили огромный страх, когда в одной халупе, в нескольких сотнях метров от той, где мы ночевали, женщину жгли огнем, добиваясь таким способом, чтобы она выдала место, куда спрятала золото и ценности»<sup>[36]</sup>.

Не многим лучше ситуация складывалась и на территории оккупированной Литвы, где в годы оккупации были убиты 200 тыс. евреев, т. е. 97 % их предвоенной численности. Эти убийства совершались преимущественно литовскими коллаборационистами, причем нередко соучастие в преступлениях мотивировалось экономическими причинами. Как в дневниках подметил местный житель К. Сакович: «Для немцев 300 евреев – это 300 врагов человечества, для литовцев же это – 300 пар обуви, белья и т. п.»<sup>[37]</sup>. В 2017 г. книга литовского общественного деятеля Р. Ванагайте «Свои» вызвала в стране широкий резонанс, т. к. ее цель состояла в том, чтобы показать роль именно литовских националистов (в том числе и чествуемых сегодня как национальных героев) в политике уничтожения<sup>[38]</sup>.

Эта проблема актуальна и для других территорий бывшего СССР. Так, российский историк Л. Симкин приводит следующие отрывки из уголовного дела, которое рассматривалось военно-полевым судом 8-го гвардейского танкового корпуса в январе 1944 г. в отношении ряда советских коллаборационистов. В частности, речь идет о Е.Г. Устинове, 1905 г.р., выходец из семьи крестьян-середняков, маляре, который в конце сентября 1941 г. активно помогал немцам выявлять и расправляться с теми евреями, которые пытались избежать гибели в Бабьем Яру: «Вечером я нес ведро вина к себе на квартиру... По пути я услышал шум в садике и вернул туда. Подойдя ближе, я увидел, что люди закапывают пойманных евреев. Увидев это, я оставил ведро с вином своему сыну Николаю, а сам сбегал за лопатой и стал помогать закапывать. Всего мы закопали 6–7 человек, некоторые из них были еще живы»<sup>[39]</sup>.

Другая страница истории Холокоста, которая стала раскрываться сравнительно недавно, это судьбы евреев-солдат и офицеров Красной Армии, оказавшихся в германском плену. Это особая категория жертв

национал-социализма, испытывавших на себе преследования, направленные как против евреев, так и против красноармейцев. Как пишет П.М. Полян: «В немецкий плен в годы войны попало в общей сложности 200 000 военнопленных-евреев из различных стран. Но только военнопленных из СССР (как и Польши) Германия вывела из-под защиты международного права. После 22 июня 1941 г. немецкая политика по отношению к евреям-военнопленным и её нормативная база претерпели качественное изменение. Она проводилась в контексте сплошного выявления и последующей тотальной ликвидации всего еврейского населения. Хронологически первыми жертвами расстрелов среди пленных красноармейцев стали комиссары и евреи. Так, политкомиссар Зарин из 178-го строительного батальона, взятый в плен 22.6.1941 123-й пехотной дивизией вермахта, в тот же день был расстрелян в 20.35. Подчеркнем, что непосредственными убийцами были военнослужащие регулярной немецкой армии»<sup>[40]</sup>.

Нужно понимать, что «Приказ о комиссарах» предписывал убийство именно представителей политического руководства армии: «схваченных в бою или при сопротивлении, их следует, как правило, уничтожать на месте, применяя для этого оружие». Однако «на местах» командиры частей и подразделений могли вольно и достаточно трактовать этот приказ, ведь согласно официальной пропаганде евреи и коммунисты отождествлялись. А потому на практике мы сталкиваемся с убийством простых евреев-военнопленных. Однако 17 июля 1941 г. Р. Гейдрих (глава РХСА) выпустил «Боевой приказ», согласно которому уже все евреи должны были быть ликвидированы.

Известны случаи несогласия высших офицеров с приказом о комиссарах, однако это не привело к его отмене. Только в июле 1942 г. наметились изменения, когда только за сам факт принадлежности к политическому руководству армией перестали расстреливать, однако это никак не относилось к разоблаченным евреям. Специально отметим, что на практике при захвате пленных непосредственно командир части или подразделения мог принимать решение о расстреле, не вовлекая в это военно-судебные органы вермахта. Порою за евреев принимали и представителей других этнических групп, которые также могли подвергаться расстрелам на месте. Известен случай с Яковом Джугашвили, сыном Сталина, который чуть ли не был убит как еврей. Потому нормативную базу стоит отличать от того, что реально происходило на фронте. Негласным образом на первом этапе войны руководство поощряло не только сокращение «еврейского населения», но и общего количества военнопленных. Здесь нужно говорить

не столько о расстрелах как таковых, сколько о создании тех условий, которые способствовали гибели. Ссылки на обстоятельства военного времени и на якобы невозможность обеспечить сохранение жизни большому количеству пленных использовалась нацистами как самооправдание.

Число военнопленных-евреев в германском плену варьируется, по разным оценкам, от 60 до 85 тыс. человек (около 94 % из них погибли). То, что А.А. Печерский и его товарищи, А.М. Вайспапир, С.М. Розенфельд и другие, оставались живы в течение двух лет пребывания в плену объясняется прежде всего тем, что поначалу им удавалось скрывать еврейское происхождение, а потом они были сконцентрированы в Трудовом лагере СС. Их все равно планировали уничтожить, для чего и отправили в Собибор в сентябре 1943 г. Кроме того, крепкое здоровье, помощь товарищей по плену помогли выжить. Все это как раз отражено в воспоминаниях, публикуемых ниже.

Военнопленные евреи стались скрыть этническую принадлежность, при опросах они «меняли» и фамилию, и имя, и отчество (вплоть до места рождения). Порою подобным образом удавалось спасти жизнь. Но в дальнейшем им приходилось жить в страхе разоблачения. Как правило, этим занимались их «товарищи» по плену, которые во имя отдельных материальных благ (от папирос до получения вещей выдаваемого) обрекали людей на верную смерть. Впрочем, и сами нацисты проводили медицинские осмотры в бараках или в строю, обращая внимание как на обрезание, так и на другие «еврейские признаки» (например, таковым считалась картавость). Однако и здесь сохранялась надежда на выживание, если удавалось доказать, например, что обрезание было сделано ввиду медицинских показаний. Некоторые вспоминали, что этот же обряд есть и у мусульман. Однако большинство военнопленных-евреев были спасены сочувствующими людьми, т. е. теми, кого в Израиле назовут Праведниками народов мира. Как и остальные советские военнопленные, военнопленные-евреи не получали от Германии или Австрии компенсаций вплоть до 2003 г.

Касаясь вопроса сопротивления евреев, не только из числа военнопленных, следует сказать, что стереотип «шли безропотно на бойню» оказался одновременно столь же вреден, сколько и живуч. В первые 3–4 десятилетия изучение и осмысление истории Холокоста, особенно в Израиле, приоритетным считало сбор фактов о конкретных местах трагедий, создание мемориалов памяти погибших (Яд-Вашем), поиск имен спасителей. Евреи Европы выступали прежде всего в качестве жертвы, а в отношении СССР тем более это было объяснимо, потому что

большинство погибших здесь составляли женщины, старики, дети (взрослые мужчины в основном были на фронте). Участие конкретных евреев, граждан разных стран в борьбе как бы «растворялось» в огромном массиве антинацистского Сопротивления. Изучение самостоятельного сопротивления евреев нацизму в разных его проявлениях началось довольно поздно, к сожалению. И не получило пока такого мемориального статуса и значения в Европе, США и даже Израиле, как память о жертвах.

Так, евреи играли заметную роль в советском партизанском движении. Как утверждает И.А. Альтман: «Нигде в других оккупированных нацистами государствах Европы не было такого количества вооруженных мстителей из гетто. Они скрывались в лесах не только для того, чтобы спастись, но и чтобы вести борьбу против оккупантов. Исследователи приводят разные цифры о численности советских партизан-евреев: от 15 000 до 30 000 человек». В ходе побегов из гетто многие евреи либо присоединялись к действующим отрядам (например, отряд имени Щорса во главе с капитаном П.В. Пронягиным достаточно охотно принимал таких беглецов в свои ряды), либо образовывали свои собственные. Так, на территории Беларуси, число евреев, ставших участниками партизанского движения, оценивается примерно в 5 тыс. человек. Эта цифра не включает членов самостоятельных еврейских партизанских отрядов и семейных лагерей<sup>[41]</sup>.

Политика Холокоста продолжалась вплоть до 1945 г., т. е. даже на грани поражения, нацисты продолжали убивать евреев и тратить на это те ресурсы, необходимые для фронта. Сверхрационально организованное убийство, которое сложно объяснить рационально – этот парадокс привлекал внимание многих исследователей. Именно этим Холокост отличен от многих других массовых убийств истории XX в. Возможно, внимательно изучая эти события в контексте общей политики геноцида нацистской Германии мы сможем лучше понять неочевидные темные стороны европейской цивилизации.

# Сельма Ляйдесдорф (Нидерланды)

## Собибор глазами выживших

Многое было написано о Собиборе, об этом мрачном пустынном месте, затерянном в болотах Восточной Польши. Эстер Рааб, одна из выживших, отметила во время интервью, что «действительностью лагеря был страх». Убийства и смерть были непредсказуемыми, никто не знал, кого убьют следующим, где и за что. Люди прибывали туда из разных уголков мира, привезенные в грузовых вагонах. Они днями томились в них, внезапно открывались двери. Ослепленные дневным светом, заключённые немедленно слышали выкрики команд, начинались побои. Для многих, прибывших с запада, это физическое насилие было в новинку; для тех, кто прибыл из гетто – лишь подтверждением своей судьбы; и для многих – это было неожиданно. Всё должно делать быстро, скорость навязывалась, чтобы усилить панику и нервозность. С того момента, как люди покидали поезд, они становились изгоями без каких-либо прав. У них не было имён, законного статуса, гражданских прав, они мало чем отличались от животных на бойне. Сопротивление казалось бесполезным, и ужасная вонь сжигаемой и гниющей плоти, наполнявшая воздух, не давала продохнуть. На первый взгляд железнодорожная станция казалась весьма мирной, но то, что происходило потом, заставляло людей понять, что за пасторальной картинкой лесного домика, первого здания, что они видели, их ждал мир насилия и смерти. И всё же многие верили, что, если они будут упорно работать, то сильнейшие выживут.

Эту комедию черного юмора поддерживал обершарфюрер Герман Михель, произносивший приветственную речь одетым в белое пальто, чтобы сложилось впечатление, будто он доктор. Он объявлял евреям, что перед тем, как начать работу, им следует вымыться и пройти дезинфекцию для предотвращения распространения болезней. Раздетых пленников вели по *die Schlauch* (туннелю) – проходу шириной три-четыре метра и 150 метров длиной, который эсэсовцы в лагере цинично называли *Himmelfarstraße* (дорога Вознесения или Путь в небеса). Один эсэсовец вёл пленных, а пять или шесть украинцев замыкали колонну и подгоняли. Стоило раздеться – и времени подумать уже не оставалось; как только люди оставались голыми, начиналось просто невообразимое насилие: людей травили собаками и избивали.



Восстание в Собиборе было результатом перелома в войне, медленной победы Красной Армии, которая означала, что Германии нужна была рабочая сила. Немцы хотели сделать лагерь производственной единицей, которая могла послужить военным нуждам. Бесконтрольное убийство евреев больше не было самой выигрышной стратегией, поскольку убийство всех евреев стало проблематичным в стране, нуждавшейся в рабочей силе: ведь почти все мужчины трудоспособного возраста оказались на фронте. Однако прокормить всех трудящихся тоже не представляло возможности. Дилемма была острой и в начале войны. Американский историк Тимоти Снайдер пишет: «Одним из надёжных вычислений стала еврейская производительность в сравнении с еврейским потреблением калорий. В те моменты, когда пища была важнее, евреев убивали; в те моменты, когда труд казался более важным, их миловали. На столь чёрном рынке евреи были лишь экономической единицей, с тенденцией к полному уничтожению»<sup>[42]</sup>. Аргументы Снайдера в первую очередь касаются того, что пища для немцев была нужнее, но к 1943 г. труд стал более важен. В обоих случаях мы видим, что политика немцев в отношении евреев никогда не была детерминирована только одним уже принятым решением, а вырабатывалась в результате размышлений, включающих различные политические и экономические факторы. Снова и снова возникали новые условия, и с продвижением Красной Армии решения всё чаще и чаще принимались исходя из ситуации. Немцы хотели построить в лагере новую зону, чтобы хранить и перерабатывать русское оружие, для чего им требовались сильные мужчины. Потому в июле 1943 г. Гиммлер принял решение о превращении Собибора в концентрационный и трудовой лагерь, который бы поддержал немецкую промышленность и усилия в войне.

### **Через призму рассказчика...**

Далее мы уделим основное внимание тому лагерному миру, в котором оказался А.А. Печерский, а также вопросу, как он начал организовывать восстание. Важно помнить, что лагерь состоял из множества миров. Никто из заключённых не видел полную картину происходящего, даже многие немцы не знали. Люди понимали, что их могли убить и сжечь, но многие не знали, что там были и газовые камеры, а если бы и знали, не смогли бы себе представить такой ужас. Сразу же после восстания Собибор был стёрт с лица земли, так что у нас нет иного выбора, кроме как писать его историю по свидетельствам тех, кто пережил мятеж, и надзирателей, которым пришлось оправдываться в суде.

Документы, созданные на основе устных свидетельств, не являются

прямым источником, а воспоминания меняются со временем. Они могут показаться неточными, потому что содержат личную интерпретацию фактов, хранящихся в памяти, адаптированных и изменённых. В письме, написанном в 1965 г., Печерский упоминал, что ему хорошо известно о недолговечности памяти: *«Могли ли мы, бывшие узники, сосчитать, сколько там было башен с пулемётами? Лагерь был окружен башнями, более того, третий лагерь, где располагались газовые камеры, имел свои башни. У нас не было права ходить по территории лагеря. Вот почему информация столь противоречива»*<sup>[43]</sup>.

На основе множества автобиографий и интервью бывших узников я могу заключить, что выживание – это сочетание удачи, судьбы и духовной силы, позволяющей не сдаться. В большинстве рассказов, поведанных лично мне или хранящихся в архивах, история восстания и побега переплетается с тем периодом, который наступил потом, когда бывшие узники были в бегах и затем оказались в безопасности. Всё, что написано о Собиборе, следует читать, держа в голове, что «объектив» разбит множеством личных точек зрения. Люди, описавшие лагерь, могли смотреть только через призму того, что случилось с ними после восстания, а мы в свою очередь знаем, что та часть истории, которую они рассказали, отныне часть повести других выживших и исторических исследований. Не существует аутентичной истории о Собиборе, и давайте не забывать – никто из заключённых не знал, что происходит на его обширной территории, доступ во многие места был запрещён, и немцы старались сохранить в секрете массовые убийства. Поэтому любые описания лагеря обречены быть частичными, к ним присоединяются другие истории, и любой, кто использует эти истории должен понимать, что воссоздать полную картину невозможно. Однако на этой основе мы все же способны выработать общее представление.

Сила Печерского не подлежит сомнению; удивительная история о его силе и спасении была пересказана много раз. Мы должны восхищаться тем, как ему удалось осуществить столь дерзкий замысел всего за двадцать два дня. Ранее, описывая злключения Печерского в концлагере в Минске, я задавалась вопросом, как он смог выжить, но еще более весомым доказательством невероятной силы духа стало то, что в Собиборе он оставался начеку и развил бурную деятельность.

Что касается прибытия Печерского и начального периода его нахождения в лагере, я полагалась в основном на два описания очевидцев. Первое можно найти в упомянутом ранее сборнике свидетельств выживших в Собиборе, рассказанных историку Холокоста Мириам Нович и

опубликованных в 1980 г.<sup>[44]</sup>. Мой второй источник – это сделанный в 1956 г. перевод на голландский язык одних из воспоминаний Печерского,<sup>[45]</sup> которые еще в 1952 г. были на польский язык переведены Институтом еврейской истории (далее «документ 1952 г.»)<sup>[46]</sup>. Голландский переводчик этих показаний отметил, что это свидетельство, вероятно, единственный источник информации о Собиборе того времени, помимо депортационных списков Красного Креста<sup>[47]</sup>.

Однако восстание было освещено в 1943 г. в подпольной газете «Голос Варшавы»<sup>[48]</sup>. Время от времени я натыкалась на неопубликованные воспоминания А.А. Печерского 1972 г., некоторые другие написанные им записки и свидетельские показания, как, например, те, что он давал заочно, когда выступал свидетелем в тех иных процессах 1960–1970-х гг. Ему пришлось давать показания в Москве ввиду запрета покидать СССР. Итоговый документ подвергся жёсткой цензуре со стороны КГБ<sup>[49]</sup>.

Наиболее подробное раннее описание Собибора сделали на русском языке Павел Григорьевич Антокольский (1896–1978) и Вениамин Александрович Каверин (1902–1989). Текст был опубликован в России, стал широко известным и вызвал массу споров. Гораздо позже он был перепечатан в «Чёрной книге» и стал доступен англоязычным читателям<sup>[50]</sup>. Антокольскому принесли известность его работы о трагедии евреев во время Холокоста. Он стал лёгкой мишенью для более поздних антисемитских выпадов, когда, согласно доминирующей идеологии, существовала только антифашистская борьба с нацистами, а пристальное внимание к евреям признавалось нежелательным. Все, кто страдал или сражался, были объединены под единым названием «советские граждане», и особый статус религиозных или культурных меньшинств не принимался политикой того времени. В ходе кампании по борьбе с космополитизмом, стартовавшей после 1948 г., Антокольскому предъявили обвинение в сионизме и буржуазный национализме.

Одним из важных источников для «Чёрной книги» стали показания Зельмы, которая встретила своего будущего мужа Хаима Энгеля в лагере. Он был родом из Польши, она из Голландии, и вместе они стали известной парой среди выживших в Собиборе. Сельма работала на складе, где сортировали, чистили и отправляли в Германию вещи из багажа жертв<sup>[51]</sup>. Когда я брала у нее интервью в 2010 г., мы долго говорили об эмоциональном грузе такой работы. Она сортировала детские вещи, находила украшения, письма, дневники. Она знала, что люди, которым принадлежали эти вещи, убиты, отчего она всегда пребывала в

подавленном состоянии. Для меня было честью встретиться с ней снова в 2011 г. Она была одной из тех, кто дал интервью для моего проекта «Длинная тень Собибора», реализованного при поддержке Фонда Собибора в Голландии. Вайнберг и Энгель сбежали из лагеря вместе и пережили долгий путь, закончившийся в Нью-Джерси. Энгель входил в центральную группу, планировавшую восстание, и он защищал Зельму во время побега.

Сначала выжившие буквально жаждали рассказать миру о том, что пережили, потому что, как и узники других лагерей, верили, что свидетельство – единственный способ поведать всем, что там происходило. Самый ранний рассказ Зельмы Вайнберг-Энгель о том, что происходило в Собиборе, был опубликован 22 сентября 1944 г. в *Amigo di Curacao*, газете, публикуемой в голландской колонии в Вест-Индии. Эта публикация предшествует освобождению Голландии в мае 1945 г. Другое раннее признание, на котором основывается «Чёрная книга», было сделано Бером (Довом) Моисеевичем Фрайбергом в 1946 г.<sup>[52]</sup> Эти два свидетельства – самые ранние по времени. Описания Фрайберга очень натуралистичные, как если бы он верил, что, только рассказывая в таком стиле, он сможет убедить своих читателей. Например, он вспоминает: «Гестаповцы в лагере часто пинали детей и раскалывали им черепа. Они натравливали собак на беззащитных, и эти собаки были натасканы рвать людей на части»<sup>[53]</sup>.

Возможно уже в 1945 г. (или в 1944), Фрайберг давал свидетельские показания в Хелме<sup>[54]</sup>. Он описал путь длиною в три дня из Туробина в Собибор, а также целый год пребывания в нем. Что на самом деле происходило в газовых камерах и как убивали людей, он никогда не видел, но присутствовал при раздевании обречённых на смерть. Лидер подпольного движения Леон Фельдхендлер (как и многие заключённые, Фрайберг называл его Барух), рассказал ему об отравлении газом. Барух знал об этом, так как говорил с одним из охранников. В своем рассказе, который послужил основой для автобиографического очерка, опубликованного в 1988 г., Фрайберг описал процесс убиения. По его словам, как только люди понимали, что их ждёт, они предпочитали попытаться умереть, бросившись на колючую проволоку. От ужаса они старались погибнуть таким образом, чтобы хотя бы понимать, какие именно муки их ожидают.

Хоть некоторые и знали о беспощадной жестокости немцев, никто в действительности не представлял подробностей отравления газом, кроме тех, кто убирал газовые камеры. Эти люди не имели контактов с другими заключёнными или с внешним миром. Чтобы «враги рейха» не узнали о

преступлениях, творимых в Собиборе, этих людей регулярно заменяли. «Заменять»— это был эвфемизм: после нескольких недель всех рабочих, работавших при газовых камерах, убивали. Те, кто сжигал мертвых, встречали такой же конец.

Вторая часть статьи о Собиборе в «Чёрной книге» посвящена восстанию, и здесь А.А. Печерский в центре повествования. Несмотря на это, читатель немного узнаёт о том, кем он был на самом деле или о его чувствах. В воспоминаниях, написанных для М. Нович, Печерский куда эмоциональнее «присутствовал», когда рассказывал о том, как он покидал Минск перед отправкой в Собибор. Приведенная информация очень похожа на документ 1952 г. В обоих текстах А.А. Печерский говорит, что день отправки начался в 4 часа утра на улице Широкая. Его слова передают весь ужас положения:

«Было всё ещё темно. Мы должны были явиться на Appelplatz. В этой ночной темноте мы стояли с нашими потрёпанными пожитками, ожидая 300-граммовую пайку хлеба на весь путь. На площади толпились люди, никто не осмеливался ничего говорить, напуганные дети цеплялись за юбки своих матерей. Было даже тише, чем обычно, хотя сейчас никого не пороли; ни на кого не плескали кипятком; не было овчарок.

Комендант Вакс, игравший со своим хлыстом, заявил: «Позже вас отвезут на вокзал. Вы отправляетесь в Германию на работы. Гитлер милостиво пожалеет жизнь тем евреям, которые захотят честно работать на Германию. Вы поедете со своими семьями, и вам разрешается взять несколько единиц багажа»... По пути на вокзал мы шли мимо гетто. Когда они увидели нас, то начали кидать хлеб и другую пищу в нашу сторону.

В колонне были люди из гетто, им приказали явиться на улицу Широкая за день до этого. Мы слышали крики прощания, плач и стоны. Все знали, что может случиться с нами в ближайшем будущем. Семьдесят человек – мужчин, женщин и детей – затолкали в товарный вагон. Там не было ни нар, ни лавок. Не стояло вопроса о том, чтобы сесть или лечь. Иногда кто-нибудь один мог присесть на минутку. Встать было даже сложнее. Двери не открывались, трещины в закрасенных черной краской окнах были перекрыты колючей проволокой. Нам не давали никакой еды, никакой воды. Никому нельзя было покидать вагон, даже по нужде. Мы ехали четыре дня и не знали, куда поезд везет нас»<sup>[55]</sup>.

Это краткое описание заставляет содрогнуться. Истощенные и обреченные узники гетто, расположенного недалеко от тюрьмы на улице Широкой, видели своих любимых, отправляемых в неизвестность, в полумраке раннего утра. Ранее многие видели, как людей отправляли в Малый Тростенец, расположенный неподалеку лагерь, где, как они знали, в



душегубках убивали людей выхлопными газами. Но на этот раз колонна двигалась к вокзалу. Куда депортируют этих людей и что подразумевали немцы под «отправитесь в Германию»? Никто не знал. Мы не можем представить их печаль и отчаяние. В эту колонну остающиеся в гетто бросали еду, чтобы продемонстрировать солидарность и любовь, еду, в которой они сами так сильно нуждались.

А.А. Печерский описывает, что русские солдаты покинули тюрьму в Минске в составе двух тысяч депортируемых. Путь из Минска в Собибор был долгим и проходил в переполненном товарном вагоне: «В сентябре 1943 г. нам сказали, что евреев перевозят в Германию, но семьи не будут разлучены. В 4 часа утра молчаливая толпа покинула Минск, мужчины пешком, женщины и дети в грузовиках. Мы собрались на вокзале, где нас ждал товарный поезд. 70 человек набились в глухой вагон и после четырех дней мы достигли Собибора. Мы остановились ночью»<sup>[56]</sup>.

Согласно другому выжившему Борису Табаринскому, который был в том же поезде, но в другом товарном вагоне, дорога заняла четыре дня, и пассажирам пришлось выдержать пятую ночь в вагоне, прежде чем их всех разгрузили. В показаниях 1984 г. в Донецке он сказал: «Наше физическое состояние было ужасным»<sup>[57]</sup>. Фактически, многие умерли по пути, и узники начали понимать, что их участь определена.

### **80 русских солдат и немецкий просчет**

Сразу же по прибытии в Собибор немцы отобрали 80 русских военнопленных и оставили их в живых для использования на работах. Это решение станет самой большой ошибкой, потому что они приняли в лагерь крайне враждебную группу солдат, которые были привычны к военной дисциплине, имели военную иерархию, умели обращаться с оружием и могли подчиняться приказам. Они также были крайне мотивированы на борьбу с фашизмом, который они рассматривали как абсолютное зло. Они гордились тем, что были бойцами. Вот как описывает это А.А. Печерский: «Прибытие в лагерь произвело огромное впечатление на старых узников, они хорошо знали, что идет война, но никогда не видели людей, которые сражались в ней. Все эти вновь прибывшие умели обращаться с оружием!»<sup>[58]</sup>

Разгрузка евреев, которые должны были работать на новой стройке в лагере, прошла гладко, без насилия. 80 мужчин легко нашли дорогу. А.А. Печерский утверждал: «Чтобы поддерживать байку, что Собибор был

трудовым лагерем... нас разместили в Лагере I. Где размещались жилые бараки. Бараки делились на женские и мужские»<sup>[59]</sup>.

Остальных отправили в противоположном направлении. Мы знаем теперь куда...

Семён Розенфельд, который стал одним из близких друзей Александра Печерского, рассказал в Тель-Авиве в 1992 г. о том, как он прибыл в Собибор ранним утром: «Мы сидели там до двух или трех часов дня. Затем <...> трое мужчин подошли к нам, двое держали котелок, третий – наволочки. Они подошли и дали нам горбушку и стакан кофе каждому – вот что мы должны были есть на завтрак. Мы поговорили с этими старыми заключенными. «Что это за лагерь, где мы?»... Мы начали спрашивать, где наши товарищи, ведь в товарном поезде было две тысячи человек. Они посмотрели на восток; там уже поднимался дым. «Смотрите, – сказали они, – это ваши товарищи». И они рассказали нам, что это лагерь смерти и что людей собирали в душевых партиями по 300 человек. Вместо воды пускали газ. Они задыхались, и затем их сжигали. Вот что такое был лагерь Собибор – фабрика смерти»<sup>[60]</sup>.

На следующее утро А.А. Печерский и его группа были отправлены в Лагерь IV, где им предстояло строить новые бараки. Он сказал: «Когда я стал членом подпольного сопротивления, меня перевели в плотницкую, которая была в бараке, в той части лагеря». Но его описания лагеря не точны и не детализированы, поскольку, как он сказал во время дачи показаний в 1962 г. в Киеве, он пробыл в лагере всего 22 дня. Таким образом, у него был лишь краткий опыт знакомства с насилием надзирателей, которые на тот момент были под следствием в немецком городе Хагене. Он не видел более широкой картины. Логично, что большая часть воспоминаний и свидетельств содержит примеры звериной жестокости и дают много информации о повседневной жизни в трудовом лагере. Люди жили там и из своих углов наблюдали необыкновенное насилие. У них не было опыта выживания в мире, где жизнь и смерть стали абсолютно непредсказуемыми. Чувство страха доминирует в тумане травмированных воспоминаний, которые преследуют их всю жизнь. Они были крайне подавлены и испуганы, и после войны травмы трансформировались из страха в ярость и негодование. Это насилие стало главной темой фильма ужасов, который начался в их головах.

Русские военнопленные прибыли на следующий день после того как группа голландских узников была убита в наказание за попытку неудачного побега. Потому требовались новые рабочие. Необходимы были сильные

мужчины, чтобы переносить тяжелые предметы. 80 выбранных русских станут движущей силой сопротивления, которое до того момента было разрозненно и потому неэффективно. Подпольное движение было организовано польскими узниками. Основной фигурой являлся Леон Фельдхендлер, который до депортации в Собибор возглавлял юденрат (еврейский совет) в деревне Жулкевка Люблинского воеводства, оккупированного немцами. Он был сыном раввина и прибыл в начале 1943 года. Его определили на работу на складе, и он иногда помогал *Bahnhofkommando*, ответственному за разгрузку поездов. Леон Фельдхендлер был убит после окончания войны в 1945 году в Польше, предположительно польскими антисемитами<sup>[61]</sup>.

Немцы думали, что русские, которые не владели идишем или польским, не смогут ни связаться с партизанами в окрестностях, ни найти поддержку, если удастся сбежать. Разговаривая только по-русски, они будут жить в языковой изоляции. Но немцы не знали, что некоторые из русских также говорили на идише, а несколько польских заключённых понимали русский. Что важнее, немцы недооценили силу советской военной иерархии, которая требовала, чтобы приказы выполнялись. Несколько русских сказали потом, что, когда А.А. Печерский приказал им убить, они не ставили под сомнение его приказ, они просто подчинились. Во впечатляющем документальном фильме французского режиссёра Клода Ланцмана «Собибор. 14 октября 1943 года. 16 часов» Иегуду Лернера, выжившего заключенного, спрашивают, убивал ли он когда-либо ранее. Его ответ был «нет». Лернер не был русским солдатом. Но у него не возникло сомнений в том, что он должен сделать это, поэтому он подчинился<sup>[62]</sup>. Они тоже хотели умереть с достоинством, защищая себя от убийства.

Воспоминания А.А. Печерского, представленные Институту еврейской истории, продолжают следующим описанием прибытия: «Открылись двери, и прямо напротив нас был плакат «Sonderkommando Sobibor». Усталые, голодные и сломленные, мы покинули вагон. Стояли вооружённые офицеры СС, и обершарфюрер Гомерски выкрикнул: «Краснодеревщики и плотники, без семей, шаг вперед!»

На первый взгляд Собибор был обычной сельской местностью. В хорошую солнечную погоду люди могли обмануться и решить, что приехали в деревню, где должны работать. Но этот обманывающий покров вскоре слетал. В воспоминаниях для М. Нович (как и в других воспоминаниях) А.А. Печерский говорил:

*Восемьдесят мужчин завели в лагерь и заперли в бараках. Узники, находившиеся там дольше, рассказали о Собиборе. Мы все сражались на войне и страдали в лагерях, но так испугались Собибора, что не могли уснуть в ту ночь. Шломо Лейтмен, польский еврей из лагеря на Широкой лежал рядом со мной. «Что с нами станет?» – спрашивал он. Я не ответил, притворившись спящим. Я не мог справиться с собой и думал о Нелли, маленькой девочке, ехавшей со мной в одном вагоне, которая была, без сомнения, уже мертва. Я подумал о моей собственной дочке, Эллочке<sup>[63]</sup>.*

А.А. Печерский предоставил факты о прибытии, жизни в лагере и восстании. Только в этом отрывке он описал своё волнение и то, как спрашивал себя, как он столкнется лицом к лицу с чужой смертью, и особенно тот факт, что убивали детей, будет занимать его мысли всю жизнь. Только негодование могло заменить печаль, выраженную в отрывке, приведенном выше, и только негодование могло преобразоваться в обвинение жестокости.

Хотя и романтизированный, этот документ 1952 г. является самым аутентичным из ранних заявлений. К моменту интервью Нович спустя более чем 20 лет, историки уже были знакомы с Собибором, рассказ о нем стал более формализованным. Выжившие общались друг с другом, они знали истории, которые рассказывали другие. К тому моменту Собибор нужно было представить воображаемой аудитории, которую предстояло убедить и передать это знание. Я сомневаюсь, осознавал ли А.А. Печерский в ту первую ночь, что Нелли была мертва. Из множества свидетельств становится ясно, что людям требовалось время, чтобы связать знания о массовых убийствах с тем состоянием, когда они могли принять, что люди, которых они знали лично, были убиты немедленно. То, что он думал об Эллочке – понятно, особенно при том, что его желание увидеть ее вновь, стало мощнейшим стимулом к выживанию. Во время всего срока заключения и службы в армии он умудрился хранить фото Эллы при себе; это фото молодого отца с маленьким ребенком. Мне его показали, когда я приезжала в Ростов-на-Дону.

### **Невообразимое преступление**

Газовые камеры были за пределами воображения. Вот почему люди продолжали недоумевать, что случилось с тысячами, которых куда-то увели. В интервью 1984 г., во время съёмок документального фильма о выживших в Собиборе, А.А. Печерского спросили, знали ли узники о газовых камерах до прибытия в Собибор. Он сказал: «Конечно, мы не

знали, что там происходило, но мы знали, как они обращаются с людьми и что они убивают, это мы хорошо знали. Мы верили, что сможем сбежать по пути, но нам не удалось».

Даже в лагере было сложно оценить масштаб преступления. Книга Нович включает воспоминания Гершеля Цукермана, который сказал: «Газовые камеры были так хорошо замаскированы, что целых 10 недель я верил, что мои друзья заключенные, прибывшие со мной, были в трудовом лагере»<sup>[64]</sup>. Цукерман работал на лагерной кухне, где готовилась пища для той части лагеря, где убивали газом. Украинские охранники приходили забирать суп. И Цукерман сказал, что он поместил записку в вареник, спрашивая, что там происходило. Он получил ответ под пустой бочкой для отходов, предупреждавший, что людей травили газом, но, когда он рассказал об этом нескольким заключенным, они решили сохранить это в тайне, чтобы не расстраивать остальных.

Один из выживших Дов Фрайберг рассказал: «Там были люди, собиравшие одежду с их товарного поезда. И один даже нашел одежду собственных детей. Когда он вытащил её в каком-то подворье из кучи, валявшейся там, он повернулся к немцу... Он спросил его: «Почему одежда моих детей здесь?» И он ответил: «Вам не нужно бояться. Все женщины, которые прибыли сюда, грязные. И они все сняли одежду и пошли в душ. И когда они выйдут из душа, они получают новую одежду. Чистую, новую одежду. И здесь в лесу ходят поезда. Они сядут на поезд и уедут»<sup>[65]</sup>.

Согласно переводу воспоминаний А.А. Печерского от 1952 г., стояла довольно теплая погода, когда 80 отобранных русских заключенных были отправлены в длинные бараки с нарами. Остальные с поезда остались за забором, и А.А. Печерский говорит, что больше никогда никого из них не видел. Мужчины сели вместе на улице возле бараков, разговаривая о доме и близких. Хотя А.А. Печерский не имел ни единого сообщения от своей семьи, он убедил себя, что они все эвакуированы, а потому находятся в безопасности. К нему подошел говорящий на идише еврей, которого Печерский не понял. Он оставил разговор другим и сидел молча. Но он вспоминает ужасный момент: «Внезапно я увидел серые облака дыма, плывущие в нашу сторону и рассеивающиеся на горизонте дальше. В воздухе был ужасный запах. Я спросил, что горит. Еврей предупредил меня, чтобы я не смотрел. «Там сжигают тела товарищей, прибывших с вами сегодня». Я почувствовал тошноту»<sup>[66]</sup>.

Вскоре русские решили, что надо бежать. С первой недели А.А. Печерский начал делать шифровки неразборчивым почерком.



## **Лагерь Собибор: описания фабрики смерти**

Существует так много описаний Собибора и творимых там зверств, что пересказывать их здесь не имеет смысла. Многие свидетельства повторяются, и рассказы о Собиборе унифицировались со временем. Выжившие слушали истории других бывших заключенных; они общались на общих собраниях, объединили истории и добавили рассказы других к своим собственным. Всё же, несмотря на прошедшие десятилетия, отдельные судьбы сияют ярче других. Я была потрясена, услышав эти свидетельства в 2009–2010 гг., улавливая различия во множестве похожих аудиовизуальных архивах, собранных за 70 лет. Из множества уголков я смогла взглянуть на невероятные преступления, творившиеся в лагере, и лежащее в основе состояние вечного ужаса и насилия, которое оставило психологические и физические шрамы.

Мало-помалу массовые убийства прибывающих людей встраивались в повседневную жизнь заключенных. Некоторым потребовалось две недели, чтобы привыкнуть, остальные описывают, что становились жестче или постепенно адаптировались к стратегии выживания, которая состояла в том, чтобы не думать, а исполнять приказы максимально точно. Выбора не было. Любой провал карался избиениями, пытками или смертью. Угроза жизни могла возникнуть, если эсэсовцу не нравилось лицо заключенного или если узник просто был не в том месте. Пугающие чувства, что никто не знал доподлинно, что происходило в других частях лагеря, усиливали волнения. Каждый видел лишь маленький кусочек. Но заключенные слышали рассказы и получали информацию, сидя вместе вечерами, когда долгий рабочий день заканчивался – вечерами, в которые могли в любое время ворваться немецкие или украинские охранники, любившие прерывать их насилием и пытками. Новые садистские и смертельные игры могли быть придуманы в любой момент, и заключенные были в полной власти надзирателей. Им приходилось подчиняться, когда им приказывали танцевать, изображать животных или совершать половые акты, потому что отказ означал отправку в газовую камеру.

Чтобы лагерь смерти работал требовалось исполнять много работ. Жертв надо было снять с поездов и раздеть; их одежду, пожитки и обувь надлежало упаковать. Одна группа брила женщинам волосы, а особая группа убирала газовые камеры и сжигала тела. Кроме этого, рабочих надо кормить, а солдатам нужен кто-то, чтобы служить в их домах. Уровень жизни немцев и их помощников был высокий, словно в компенсацию за то,

что они находились далеко от дома и делали грязную работу. Им также позволялось неофициально обыскивать личные вещи жертв и забирать, что им хотелось. Никогда нельзя забывать, что массовые убийства евреев также сопровождались массовыми коллективными и индивидуальными грабежами, которые совершали надзиратели<sup>[67]</sup>.

Главное официальное лицо и командующий был Густав Франц Вагнер, который наводил ужас жестокостью и был известен громким голосом. Даже эсэсовцы дрожали от его крика. Он надзирал за тем, как разгружались вагоны с прибывшими заключенными, и приказывал разделять мужчин и женщин. Как описывает выживший Кальмен Веврык: «Многие матери не хотели расставаться с детьми, поэтому Вагнер отдал приказ эсэсовцам и украинцам, стоявшим рядом. Они подбежали и начали вырывать детей из рук их матерей. Дети плакали; некоторые почувствовали, что их ждет, другие просто были напуганы этими жестокими убийцами».

Он также описал, где жили заключенные: «Мы спали на нарах из жесткого дерева, сделанных из бревен. Было 4 уровня нар, и 3–4 еврейских узника спали на каждой полке. Ночью люди, некоторые из них уже невменяемые или почти сошедшие с ума, кусались, чесались, бросались друг на друга и царапались. Я слышал много голодных стонов, кто-то визжал и стонал. На ночь дверь запиралась, и маленькие горшки служили туалетом. В бараках вовсе не было света – огонь был строго запрещен – и нас там набилось сотнями. Это кончилось беспорядком, за который наказали побоями»<sup>[68]</sup>.

По словам Веврыка, руководство лагеря держало происходящее в секрете от еврейских рабочих, хотя слухи тайно распространялись. Люди также были настороже из-за зловония. Многие пребывали во власти иллюзии, будто смогут выжить. Веврык говорил: «Можно тысячу раз сказать большинству евреев, что на самом деле там происходило – и они вам всё равно не поверят. Люди верят тому, чему хотят верить или надеются верить, чему угодно, кроме правды, если эта правда достаточно ужасна»<sup>[69]</sup>.

Лагерь был разделён на территории и, к сожалению, для тех, кто хотел больше знать о том, что их может ждать, только надзирателям разрешалось ходить везде, и то не всем. Предисловие к книге Нович включает в себя описание лагеря, которое она смогла сделать на основе рассказанных ей историй, и оно не менялось много лет. Но секретность вокруг лагеря и его уничтожение после восстания породили споры между историками и археологами о точном местоположении объектов и количестве жертв. Никто не оспаривает того, что там убивали (кроме чудаковатой группки

ревизионистов), но существуют противоречия, корни которых частично лежат в том, что личные воспоминания использовались как «доказательства» или «улики» в суде, потому что больше никакой доступной информации не было. Карты, которые рисовал А.А. Печерский и другие заключённые, отличаются от тех, которые были сделаны немцами, осуждёнными в нескольких процессах. Но это оттого, что у заключённых не было доступа ко всему лагерю, им приходилось работать с частичными воспоминаниями. Можно спорить о том, была ли дорожка от лагеря II (раздевалки) к лагерю III (убийство) прямой или извилистой, это мало влияет на понимание сути того мира, в котором А.А. Печерский и другие узники оказались после того, как их сняли с поезда.

### **Кто говорит? Первое лицо и другие рассказчики**

Кроме более ранней и разрозненной информации, книга М. Нович первая системно фокусируется на опыте выживших, используя воспоминания как источник. По многим причинам у неё было право сделать это – об опыте выживших почти не было информации, те показания, что существовали, распространялись в польских газетах и отчётах. Наиболее важные советские свидетельства были написаны рано, а их авторы позднее впали в немилость у правительства. Статьи в официальных советских газетах подвергались цензуре, а их авторы автоматически подозревались в искажении фактов. Наиболее авторитетные статьи появлялись в ежемесячном журнале на идише «Советская Родина», опубликовавшем в 1973 г. части воспоминаний А.А. Печерского<sup>[70]</sup>.

М. Нович стремилась задокументировать сопротивление и восстание евреев. Она хотела опровергнуть идею, что евреи были только жертвами и позволяли себя убивать. Её цель понятна в контексте послевоенной Европы. Архивы ещё не были открыты, документация – в беспорядке и недоступная исследователям, пылилась по чуланам и полкам под «защитой» коммунистов. До этого (и после) евреи представляли собой печальное зрелище в судебных процессах, где им разрешалось давать показания только согласно судебным процедурам. Под напором вопросов судей и прокуроров они порою сами оказывались в позиции обвиняемых.

Наиболее информативные книги были написаны гораздо позднее, такие как работа Ицхака Арада 1987 г., поместившая Собибор в контекст лагерей «Рейнхарда» и давшая начало научным исследованиям темы<sup>[71]</sup>. Вышедшая в 1993 г. книга голландского историка и узника Собибора Ю. Шелвиса выделяется подробным списком голландцев, депортированных в

Собибор<sup>[72]</sup>. В этом издании впервые личная история соседствует с новым способом изложения исследовательского материала, где субъективность личного опыта больше не прикрывается. Шелвис сказал мне в 2010 г., что хотел знать своё место в истории и то, к какой когорте жертв он принадлежал. Он сумел найти списки депортированных, имеющие громадное историческое значение. Конечно, административный контроль за депортацией в Голландии был такой тщательный, что у нас сегодня есть все имена. (Я даже нашла там имена своих бабушки и дедушки и многих других членов семьи.) Наконец, в 2008 г. немецкие учёные Вольфганг Бенц и Барбара Дистель посвятили часть книги о концлагерях Белжеце, Треблинке и Собиборе<sup>[73]</sup>. Эти книги отличались от опубликованных автобиографий. Ранее в судебных процессах и воспоминаниях история и расположение объектов лагеря показывались, но то, что происходило, рассказывалось в различных контекстах и с различным сюжетом. Это были книги, основанные на историческом исследовании, написанные людьми, которые хотели выйти за рамки личных воспоминаний.

А.А. Печерский часто описывал события, о которых не мог знать, поэтому должно быть, он услышал о них позже от других и вплёл в свой личный опыт. Такая проблема возникает со всеми свидетельствами очевидцев-выживших. Воспоминания часто пересказывались аудитории очень лично, но к моменту, когда они были опубликованы как книги, авторы переплели личные линии повествования с другими. Например, книга самого молодого узника Томаса Блатта, носящая подзаголовок «Доклад выжившего», полна событий, которым он не мог быть свидетелем<sup>[74]</sup>. Книга Блатта – это обвинение, предупреждение, попытка рассказать миру – и она написана не от первого лица. Тем не менее, такие истории – источник знаний, и позволяют нам взглянуть на мир за пределами воображения цивилизованного человека. Это свидетельства стонов, печали и гнева. Я снова стала свидетелем глубины этих переживаний, когда брала интервью у Регины Зелински, которая проживала в Австралии, там читала лекции, а также как очевидец выступала в школах. Вот что она рассказала в интервью 2011 г. о Собиборе:

«Я, честно говоря, не знаю, с чего начать, но... декабрь месяц – очень, очень печальный для меня, потому что 20 декабря нас забрали из трудового лагеря для рабов, Стоу, в место, которое мы даже не знали, но когда мы приехали, это оказался Собибор... Мы никогда не слышали о Собиборе. Весь транспорт тащили лошади. Нас было около 700 человек из трудового лагеря. И когда мы приехали в Собибор... Была почти ночь, потому что дни

зимой в Европе короткие, но лагерь был освещён, как днём, и работало множество громкоговорителей. Когда мы приехали... нам всем пришлось выйти из фургонов, [и] они разделили отцов и сыновей... и матерей и дочерей... Там был помост, и на помосте стоял очень высокий эсэсовец, и он спросил, кто умеет вязать. Моя мать вытолкнула меня вперёд и сказала: «Ты хорошая вязальщица, выходи...» Там [было] около 12... или 13 из нас, кто вышел и сказал, что умеет вязать. И я спросила свою сестру: «А как же ты?» Она сказала: «Я останусь с мамой, потому что возможно нас распределят на другую работу»<sup>[75]</sup>.

Рассказ Зелински был печальным изложением её собственной истории. Она говорила и говорила часами, очень мрачным, тихим голосом. История, которую она рассказала о своём брате, впечатлила меня. Когда стало ясно, что телеги увозят их в неизвестном направлении, её брат сказал матери: «Мама, давай попрощаемся с ночью, потому что рассвета мы не увидим». День никогда не наступит, и поэтому не будет новой ночи. Эти слова польской поговорки. Они означают, что мир погрузился во тьму. Зелински пересказала свою историю во многих школах, но её слова до сих пор передают отчаяние тысяч тех, кого заставили пройти той же дорогой.

### **Лагерь: место насилия и смерти**

В лагере Собибор было три части. Сначала шёл передний лагерь (*Vorlager*), где располагались входные ворота, железнодорожный перрон и помещения для немецких и украинских охранников; и лагерь I, где размещались те узники, кого отобрали для работы, и находились мастерские. В лагере II принимали большую часть приезжавших евреев. Он включал в себя зону, где узники раздевались и где хранились их вещи для отправки в Германию; и там же они уходили в «туннель», который соединял лагерь с тем местом, где они будут убиты. На полпути в туннеле женщинам сбривали волосы. Стоило лишь зайти в лагерь II и у членов семей не было ни шанса попрощаться, хотя они могли и встретиться в газовой камере. Некоторые эсэсовцы жили в лагере II в подобии лесной сторожки, естественно, тщательно отгороженной от того места, по которому проходили жертвы.

Бывший узник Дов Фрайберг рассказал, насколько быстро проходило разделение. Он и его семья желали покинуть переполненный грязный поезд как можно скорее после долгого путешествия. Когда они выпрыгнули, они столкнулись с ужасающей ситуацией: «Немцы в зелёной униформе и украинцы в чёрной, с хлыстами в руках, погнали нас вперёд. Мы подошли к маленькой калитке. На другой стороне стояли немец и украинец, быстро

разделяя тех, кто входил: женщин и детей отгоняли в одну сторону, и они продолжали идти прямо, мужчины – направо. Я пошёл направо со своим дядей и другими мужчинами, и это всё произошло так быстро, что мы не успели даже среагировать, хоть что-нибудь сказать друг другу. Никто не мог понять точно, что происходит, зачем они разделяют нас, с какой целью? Мужчинам велели сесть на землю в длинных бараках с крышей. Со своего места я мог видеть длинную очередь проходивших женщин и детей и затем скрывающихся, словно бы они покидали внутренний дворик. Был ранний вечер. Бараки заполнялись людьми. Мы сидели в тесноте, прижавшись друг к другу, в шоке, не понимая, что происходит. Куда исчезали женщины и дети? Может быть, они были на другом конце внутреннего дворика?».

На их вопросы никто не отвечал. Всю ночь они просидели в тишине, дети не плакали – куда они пропали? На следующий день Фрайберга выбрали для работ. Его товарищи сказали, что его работа состояла в том, чтобы разбирать одежду. Кто-то опознал одежду своих жены и детей и предположил, что людей раздетыми отвели куда-то в другое место. Фрайберг говорит: «Мы были объаты ужасом. Могло ли такое быть, что они всех просто убивали? Но мы не слышали никаких выстрелов или взрывов»<sup>[76]</sup>. Этот недостаток информации о том, что происходило, сквозной темой звучит во всех воспоминаниях Фрайберга, которых немало. В интервью архиву визуальной истории Шоа он сказал, что слышал запуск двигателя, какого-то генератора, но не понял, почему<sup>[77]</sup>.

Ю. Шелвис писал: «Никто не знал, чего ожидать по прибытии в лагерь Собибор. Даже польские евреи не имели понятия, уж точно не в первые дни»<sup>[78]</sup>. Однако Собибор был известен тем, что это не «обычный» трудовой лагерь. Шелвис рассказывал, что когда он приехал, «мы интересовались, что стало с ребёнком из нашего вагона, и с людьми, которые не могли идти, и как быть с больными или инвалидами? Но нам не дали времени поразмыслить об этих вещах и, кроме того, нас слишком заботила собственная судьба»<sup>[79]</sup>. У него не было шанса попрощаться с его женой Рахиль: «Внезапно [она] уже не шла рядом со мной. Это случилось так быстро, что я не успел ни поцеловать её, ни окликнуть»<sup>[80]</sup>. Шелвис провёл в Собиборе шесть часов, прежде чем его отправили на работу, и всю свою жизнь он пытался узнать, что случилось с его семьёй и с теми, кто приехал на тех же поездах из Голландии.

Третьей территорией, в северо-западной части, был лагерь III, где располагалась зона уничтожения, газовые камеры, погребальные ямы и бараки для охраны и евреев, работавших там. Лагерь III был окружен



колючей проволокой и по углам стояли сторожевые вышки. В отличие от других лагерей, территория вокруг Собибора была заминирована, что привело к многочисленным жертвам во время восстания<sup>[81]</sup>. Собибор был расположен на железнодорожном перегоне между Хелмом и Влодавой, с отдельной веткой, ведущей к лагерю. С платформы, где разгружались товарные составы, большую часть людей гнали в лагерь II, но пожилые, больные, дети и прочие немощные отправлялись напрямик в траншею, где украинские охранники, за которыми следили немцы, расстреливали их из пулемётов. Это иронично называлось «лазарет» (больница для карантина по-английски).

Несмотря на крики и насилие, встречавшие их в Собиборе, часть жертв – особенно из числа евреев западной Европы – верила, что им просто позволят помыться и переодеться в чистую одежду перед тем, как отправить на работу. По прибытии евреям с запада приказывали написать открытки домой. Сообщения были призваны успокоить жителей оккупированных нацистами западных стран. Особенно это было характерно для ранних месяцев существования лагеря. Прежде чем лишиться волос, некоторые женщины просили «парикмахеров» не стричь слишком коротко. Они предполагали, что стрижка нужна, чтобы избавиться от вшей, но хотели снова стать красивыми как можно раньше.

### **А потом...**

Для всех последние моменты перед входом в газовую камеру были жестокими: жертв гнали, обнажёнными, навстречу их смерти. Убить было недостаточно, некоторые немцы любили мучить испуганных людей, которые осознавали, что их уничтожат. Голых узников избивали, над ними насмехались, в них стреляли, травили собаками. Паника и хаос были призваны гнать жертв вперед и не дать времени жертвам осознать происходящее.

С польскими и русскими евреями обращались гораздо более жестоко, чем с западными. В 1942 г. группа голландских евреев прибыла на нормальном пассажирском поезде. Они были лучше одеты и производили впечатление достатка, а также ассимиляции в европейскую культуру. Но написав вводящие в заблуждение открытки, которые им велели написать, они разделяли ту же участь, что и другие. Через несколько часов они обращались в дым. Конечно, к 1943 г. восточноевропейские евреи, познавшие насилие и жестокость в гетто, не обманывались в том, что их ждёт. Немцы чувствовали физическую угрозу от людей, прибывавших в составах, их было не обмануть, и они искали собственные пути борьбы с

палачами. После Сталинграда люди знали, что немцы проигрывают войну, и делали всё, чтобы дожить до того дня, когда падёт немецкое господство. Это придавало им смелости поднимать бунт.

Из-за недостатка поездов и огромного числа евреев, которых должны были убить, по пути через Европу поезда регулярно останавливались, и время остановок иногда доходило до нескольких часов. Это усиливало страдания тех, кто был в вагонах, потому что людям не выдавали ни пищи, ни воды, и они медленно умирали от истощения. Зимой многие не доезжали живыми до лагеря. Они замерзали насмерть. Воспоминания выживших изобилуют ужасающими сценами. Курт Тихо, чьи воспоминания опубликовал музей Влодавы в 2008 г., приводит одну сцену, от которой у меня перехватило дыхание. Назначенный разгружать вагоны, он описывает, что увидел, когда открылись двери: «Мы столкнулись с ужасающим и почти сюрреалистичным зрелищем. Обнажённые тела лежали на промокшей от крови соломе вагонов для перевозки скота <...> Посреди раздутых тел мёртвых стояли живые голые люди. Мы попытались поднять тела, чтобы убрать их из вагонов, но их кожа сползала с их тел. Они были мертвы уже несколько дней. Нам пришлось наносить на руки песок, чтобы взять и перенести их на небольшую ветку путей, которая увезла бы их в лагерь III на кремацию.

Видеть тех немногих живых было ещё хуже, чем тела <...> Достоинно выглядящая пара, обоим слегка за 30 лет, вышла. Мужчина был высок, красив и хорошо сложен, с аккуратной чёрной короткой бородкой. Женщина была словно ожившая статуя. На них, как и на всех в составе, не было одежды. На бёдрах женщины была кровь, вероятно, от менструации. Взявшись за руки, пара медленно ушла, с невероятным достоинством, гордостью и спокойствием к лагерю III, где их расстреляют и сожгут. Я никогда не забуду силы этой сцены, разбившей сердце: молчаливый, но полный презрения протест против Гитлера и его трусливых палачей»<sup>[82]</sup>.

В показаниях, данных, вероятно, в 1945 г. в Хелме, Самюэль Лерер описывает не менее шокирующие сцены: «После ликвидации Варшавского гетто, они пригнали нам составы, полные обнажённых женщин, мужчин и детей, и в некоторых вагонах были мёртвые [тела]. Что послужило причиной их смерти, [нам] никто не сказал. Все мёртвые были вздувшиеся, с вываленными языками. Они задействовали всех рабочих, чтобы разгрузить этот состав, в котором было сорок с чем-то вагонов. Мёртвых поместили в газовые камеры [вероятно, он имел ввиду крематорий. – С.Л.]. Я никогда не забуду, что в одном из вагонов было тело женщины со

вспоротым животом. Возле неё лежал годовалый ребёнок и играл с внутренностями [мёртвой женщины].

Как только люди набивались в газовую камеру, дверь закрывалась. Люди кричали прежде чем задохались. Они боролись за жизнь. Матери пытались защитить детей и люди медленно задохались до смерти»<sup>[83]</sup>.

Болезненный процесс удушения занимал пятнадцать-двадцать минут, наблюдатели газовых камер наблюдали через маленькое окошечко, чтобы убедиться, что все мертвы, прежде чем тела сожгут.

Сначала мёртвых хоронили, но, когда вонь стала невыносимой, а немцы начали пытаться скрыть преступления, они обнаружили, что сжигать эффективнее. Затем сжигать начали в специально спроектированных крематориях, которые видел Тихо.

### **Узник Собибора**

Когда С.М. Розенфельда спросили в интервью о его контактах в лагере после того, как поезд прибыл из Минска в Собибор, он сказал: «Там были узники, которые прожили там семнадцать месяцев». Он заявил, что уже встречал А.А. Печерского в Минске. А.А. Печерский прибыл на улицу Широкая гораздо позже С.М. Розенфельда, который был там с 1941 г. Как свидетельствовал С.М. Розенфельд: «Он выделялся. Он был высок, красив и хорошо пел». Никаких лейтенантских знаков отличия у А.А. Печерского уже не было, хотя другие говорят, что в нём ещё можно было узнать офицера. Я склонна верить С.М. Розенфельду по двум причинам: во-первых, мы можем предположить, что после почти двух лет заключения его одежда представляла собой грязные лохмотья, во-вторых, вражеских офицеров обычно расстреливали, так что скрыть звание было чрезвычайно важно. По словам С.М. Розенфельда, А.А. Печерский не только красиво пел, но и рассказывал замечательные истории и был достаточно образованным человеком: «Старшие узники в лагере [Собиборе], которые пробыли там семнадцать месяцев, начали присматриваться к нам, чтобы понять, с кем можно было что-то начинать. Они заметили А.А. Печерского и поняли, что он офицер. Они организовали подпольный комитет и привлекли его».

Группа из Минска насчитывала восемьдесят или восемьдесят пять человек, но С.М. Розенфельд утверждает, что двадцать из них отправились в лагерь III, чтобы заменить расстрелянных. Их использовали в работах, сопровождавших убийства, и для уборки газовых камер. Так что, сказал он: «В нашем лагере осталось шестьдесят или шестьдесят пять советских

военнопленных... Группа Печерского была в северном лагере, корчевала там деревья»<sup>[84]</sup>.

А.А. Печерский мог выделяться из группы русских солдат лучшим образованием, но и другие в лагере были образованны. Самым важным союзником А.А. Печерского был Леон Фельдхендлер, очень образованный человек. Другими стали Иосиф Дунаец (Dupies) (родился 21 декабря 1912 г.), который изучал химию и эмигрировал во Францию, и Симха Бялович (также родился в 1912 г.), аптекарь. Конечно, многие в лагере были хуже образованны, а некоторые, такие как Тойви Блатт, прибыли в слишком раннем возрасте, чтобы вообще получить достаточное образование. Подпольное движение, созданное в прошлом году, всё ещё не могло организовать скоординированных акций, им не хватало лидера.

На следующее утро после прибытия, новички встали в пять часов утра, в полшестого началась поверка, и колонна выдвинулась в шесть часов к северному лагерю во главе с русскими военнопленными.

А.А. Печерский упоминает, что пятнадцать рабочих были наказаны двадцатью пятью ударами палок. Палки были серьёзным наказанием. Некоторым удавалось встать после этого; другие были настолько покрыты кровью и синяками, что их оттаскивали в так называемый госпиталь (тот самый «лазарет»), что означало, что они будут убиты. 23 сентября Печерский начал вести шифрованный дневник, описывая лагерные будни и делая пометки о лагере и его надзирателях.

В четвёртом лагере были слышны крики евреев, которых вели в газовую камеру. А.А. Печерский в воспоминаниях описывает свой шок: «В четвёртой зоне немцы заставили нас, восемьдесят человек, прибывших последним поездом, построить несколько бараков. Эта территория располагалась недалеко от третьей зоны, где убивали людей, и я слышал стоны и крики. Немцы старались скрыть эти крики, чтобы население лагеря не узнало, что происходит внутри»<sup>[85]</sup>.

А.А. Печерский рассказал М. Нович, что гуси использовались для маскировки шума жертв. Однажды, когда конвой только прибыл: «Мы услышали ужасный крик женщины и следом за ним – ребёнка, который кричал «Мама, мама!» И словно бы чтобы нагнать ужаса, гоготание гуся присоединилось к человеческим стонам. Ферма была устроена, чтобы обогатить стол эсэсовцев, а гоготание гусей скрывало крики жертв»<sup>[86]</sup>. Узникам вменялось в обязанность гонять гусей, чтобы их гоготание скрыло стоны и крики умирающих, и те, кто ждал своей участи, не слышали бы их. По словам одной из выживших узниц, Эды Лихтман, когда один из

гусей заболел, Саул Старк, чьей обязанностью было ухаживать за ними, был запорот до смерти. Он умер, умоляя о мести<sup>[87]</sup>. Печерский сказал, что однажды он был в таком шоке, что его затрясло: «Нет, мы не боялись, нас захлёстывало ужасное ощущение беспомощности. Мы наблюдали, но ничем не могли помочь женщинам и детям»<sup>[88]</sup>.

### **Другая сторона: опытные мучители**

В период прибытия Печерского в лагерь Карл Френцель был комендантом лагеря I и также наблюдал за работой, которую выполняли евреи в лагерях II и III, где происходили убийства, совместно с офицером Эрихом Бауэром. У Френцеля был самый тесный контакт с узниками и через сеть информаторов он знал, что происходит во время работ. В документе 1952 г. Печерский выражает своё отвращение к нему, заявляя, что Френцель был «немецкой сволочью, очень элегантно одетым, в перчатках, с улыбкой на губах и ледяным взглядом».

Есть знаменитая история о А.А. Печерском, рубившем лес и о его столкновении с Френцелем. 26 сентября голландский еврей не смог расколоть пень, потому что слишком ослаб и плохо видел. Френцель жестоко его избил, и стоящий рядом Печерский прервал работу, чтобы отвернуться. Френцель приказал Печерскому закончить работу голландца за пять минут, иначе его накажут двадцатью пятью ударами палок. С огромным усилием Печерскому удалось выполнить задание, Френцель предложил ему пачку сигарет – ценную награду. Печерский отказался, позже сказав: «Я не мог, это было физически невозможно – принять подарок от такого существа». Отказ казался правильным, некоторые источники утверждают, что Печерский также отказался от еды, потому что «не был голоден». Какая-то часть этой истории, возможно, правдива, но это также и часть выдумки Печерского.

Российский исследователь Лев Симкин писал: «К сожалению, судя по публикациям, никто из переживших Собибор не смог вспомнить истории с деревом». Готовя книгу «Побег из Собибора», Ричард Рашке поговорил со множеством выживших в Собиборе, и почти все выразили скептицизм, услышав о конфронтации Печерского с эсэсовцем. Я спросила Михаила Лева, правдива ли эта история, но он мне прямо не ответил. Вместо этого он, подумав, отметил: «Было в Печерском что-то театральное»<sup>[89]</sup>. Михаил Лев любил Печерского и вряд ли мог бы сказать что-нибудь неприятное о нем. Но он не смог просто проглотить эту историю.

Однако Симкин признаёт, что это действительно сложно определить, действительно ли история имела место быть или произошло что-то совершенно иное. Но что-то точно случилось, и А.А. Печерский привлёк к себе внимание уже через неделю после прибытия. Пока немцы и украинцы были заняты тем, что разгружали поезда и посылали людей в газовые камеры, Печерский мысленно составлял карту лагеря. Как только выпадет зимний снег, улизнуть станет гораздо сложнее, так как следы беглецов будут заметнее, отметил он. В то время ближайшим соратником Печерского был Шломо Лейтман, уже упоминавшийся коммунист, который бежал в Минск в 1939 г. По словам А.А. Печерского, в случае конфликтов последнее слово было за Лейтманом.

Узникам следовало быть осторожными и соблюдать строжайшую секретность. Их постоянно контролировали. На этом этапе войны немцы уже боялись сопротивления, особенно при поддержке партизан. Из всех немцев самым ненавистным был Густав Вагнер, о котором историк Собибора Марек Бем писал: «Персоной, которую больше всех боялись и ненавидели из лагерного персонала, был Густав Вагнер, унтер-офицер, к которому равные обращались «Spiess»(сержант). Это он создал потрясающую штрафную команду (*Strafcommando*). Вагнер был не только самым жестоким, но и самым хитрым и самым умным эсэсовцем в Собиборе. Он проводил регулярные инспекции в бараках узников. Более того, он даже заставлял заключённых поднимать доски пола, чтобы проверить, не держат ли они тайно оружия и не ведут ли подкоп, планируя побег. Он всегда был очень наблюдательным. В отличие от других эсэсовцев, он был абсолютно непредсказуем и иногда избивал узников безо всякой причины»<sup>[90]</sup>.

Рабочие в лагере больше сталкивались с ненавистным Карлом Френцелем, которого позже приговорили к пожизненному заключению. Он отвечал за лагерь I и трудовые повинности. Он был ежедневной мукой, и все старались как могли его избежать. Верный член партии, Френцель подавал заявление на спецслужбу через СА, но его направили на программу эвтаназии Т-4, в рамках которой нацисты убивали людей с различными отклонениями. Френцель был направлен в Колумбус-хаус в конце 1939 г., где он и другие рекруты Т-4 (как называли формирование) проходили проверку на политическую надёжность. Там же им показали фильм о предполагаемой дегенерации инвалидов. Он сначала работал в прачечной, затем охранником в замке Графенек, а позже в Центре Эвтаназии в Хадамаре. Его опыт убийства инвалидов окажется полезным позже в лагерях смерти.



Конечно, массовое удушение евреев газом было лишь частью более глобальной политики изоляции и последующего уничтожения евреев. Когда прибыл Печерский, систематические убийства проходили по отработанному сценарию, выработанному в результате многих лет экспериментов. Власти знали, что за людей нужно отбирать, чтобы поручать им надзор за заданием, и с годами у них сложилась когорта помощников, делавших это с готовностью. Более поздние исследования этой группы раскрыло сеть людей, поддерживавших друг друга. Дружеские отношения завязались между теми, кто должен был хранить общий секрет. Долгое время широкая публика не была готова узнать и принять столь массовые убийства, а когда стала – факты нужно было держать в секрете, потому что Германия проигрывала войну. Сеть называлась Т4<sup>[91]</sup>.

В сентябре 1942 г. гауляйтер Вены Одило Глобочник, который ранее основал лагерь смерти Белжец, отвечал за Собибор. Его посетило высшее руководство программы Т4, и, вероятно, он инициировал маскировку газовых камер под душевые, предложив истреблять евреев по методу конвейера. В газовых камерах, установленных им в Белжеце, использовали угарный газ, как и в программе Т4, и были спроектированы ее ветеранами, переведенными в подчинение Глобочника. Экспериментальные убийства начали проводиться с апреля 1942 г.

А.А. Печерский резюмирует, как немцы вели себя в лагере: «Они топтали малышей сапогами, били по головам, натравливали мастифов на людей – звери отрывали большие куски мяса от человеческих тел. Если кто-то из нас заболел, его немедленно приканчивали»<sup>[92]</sup>. Согласно его воспоминаниям, однажды газ не пошёл в переполненную газовую камеру и отчаявшиеся жертвы, осознав, что их ждёт, выбили дверь в попытке сбежать. Но тех, кому удалось выбраться, пристрелили эсэсовцы.

Мужчины из Украины, проходившие подготовку в качестве охранников в лагерях в близлежащем Травнике, помогали эсэсовцам<sup>[93]</sup>. Этих нееврейских военнопленных заставляли выбирать между жизнью и смертью; жизнь означала подготовку в жестокости и помощь в охране и убийстве евреев и других, присланных в Собибор<sup>[94]</sup>. Участники подполья сомневались, можно ли вовлечь их в планируемый побег. Иногда случались близкие контакты, потому что многие травниковцы тоже ненавидели немцев. Как и многие отчаявшиеся люди, они были напуганы и старались проявить себя в глазах нацистского руководства. Это значило прибегать к ужасному насилию в попытке получить столько привилегий, сколько возможно и улучшить свою жизнь. В этом мире насилие было средством

защиты, а смерть – на расстоянии вытянутой руки. Степень насилия и фабрика массовой смерти была шоком для русских солдат. Каждый день прибывали поезда с тысячами смертников, и те узники, кто разгружал поезда, должны были оградить себя от чужих страданий, зная, что любое промедление приведёт к их собственной смерти.

### **Не только евреи, но в большинстве еврейские жертвы: мифы**

Возможно, в Собиборе убивали не только евреев, есть несколько оснований это предполагать. После войны евреи хотели, чтобы их признали жертвами расистской политики. Они не сделали ничего дурного, а их забирали из домов, чтобы депортировать и убить. В бывшем коммунистическом мире особые страдания евреев в войне были темой-табу, так что ни они не могли высказаться, ни мир не мог услышать их. Всё подавалось в обёртке рассказа о Великой Отечественной войне, в котором весь советский народ героически поднялся на борьбу против варварства. В этом свете все судьбы однородные, и жертвы среди евреев стали представляться простыми гражданами, которых преследовали, как и остальных. Так было в России и Польше.

В интервью 2009 г. бывший узник Томас Блатт сказал мне, что многие поляки до сих пор не приняли, что их страна воровала товары у евреев и помогала их убивать, не приняли историю. Он говорит: «Поляки не хотели евреев. Евреи были конкурентами в бизнесе и во многих сферах. Так что <...> скажу просто: «Они были счастливы, что [их] мечта о Польше без евреев наконец-то сбывалась. И они до сих пор говорят, многие поляки, что одну хорошую вещь Гитлер всё-таки сделал – очистил Польшу от евреев». Блатт рассказывал, как посетил Собибор в 1970-е гг., когда на памятных табличках не упоминалось уничтожение евреев. Вместо этого, отмечал он: «они рассказывали о чехах – столько-то чехов было убито, столько-то поляков было убито. Было трудно найти табличку, описывающую убийство евреев»<sup>[95]</sup>.

Ответная реакция заключалась в том, что выжившие, а также те, кто разделяли новый тип мемориальной культуры, близкой этой группе, подчеркивали уничтожение евреев. Ирония заключается в том, что убийства не-евреев померкли. В архивах Минска, где несколько историков исследовали депортационные поезда в Собибор, утверждалось, что и не-евреи тоже были в них. Самюэль Лерер в 1945 г. заявил, что в Собиборе убивали «цыган»<sup>[96]</sup>. Во время слушаний в Киеве по процессу 1962 г. А.А. Печерский давал показания как очевидец: «Нужно отметить, что не только

евреи прибывали в Собибор. Несколько русских находились <...> в нашем вагоне, и они тоже были уничтожены в газовых камерах. Это верно и для других военных составов, потому что в трудовом лагере под Минском мы находились вместе с русскими»<sup>[97]</sup>. С. Лерер упоминает, что некоторые поляки прибыли с повязками на глазах, из чего мы можем заключить, что это были партизаны, орудовавшие в окрестностях<sup>[98]</sup>. Были три гипотетических причины упоминать наличие не-евреев: во-первых, это легко могло так и быть; во-вторых, рассказчик включал их по политическим соображениям, не желая слишком подчёркивать еврейский опыт; и в-третьих, люди смешанного русско-еврейского происхождения часто в документах проходили как русские. Я уверена, там были не-евреи, но мы никогда не узнаем их количество.

### **Психологическое выживание и русские солдаты**

Поскольку я пишу о А.А. Печерском и о том, как ему удалось спастись, я хочу отметить ту стойкость, с которой он психологически выдерживал эти условия. Не только А.А. Печерский, но и все, задействованные в восстании, противостояли психологическому террору, нацеленному на то, чтобы лишить узников их самосознания. Не все узники жаждали присоединиться к восстанию, несколько человек отказались бежать, они чувствовали себя в большей безопасности оставаясь позади, так как жили в убеждении, что те, кто убежит, будут пойманы. Но многие испытывали оптимизм от чувства товарищеского плеча, что усиливалось знанием о приближении Красной Армии. Прибытие русских военнопленных изменило психологический настрой узников, многим из которых чудом удалось прожить в лагере больше года. Веврык, который написал о первых днях после прибытия русских военнопленных, отметил эффект, вызванный их появлением. Он восхищался А.А. Печерским и говорил, что без этого героя не выжил бы: «Немцам удалось лишить нас самосознания как людей и сопутствующего достоинства. Вот почему восстание <...> [которое] случилось позднее, было таким важным. Выживем мы или умрём, но мы хотя бы вновь обретём чувство собственного достоинства.

Часто большие составы с евреями прибывали из России. Эти евреи были непохожи на своих голландских или немецких братьев тем, что знали, куда ехали. У них не было иллюзий, поэтому они сопротивлялись. Они бросались на немцев, когда их снимали с поезда, и они сопротивлялись при поимке. Поэтому некоторое время спустя немцы ввели «поправку»: евреи в русских составах ехали в Собибор абсолютно голыми. Они раздевали их,

чтобы затруднить им побег; будучи обнажёнными, эти евреи не могли спрятать оружие под одеждой. Некоторые пытались рвануться с разгрузочного трапа и бороться с эсэсовцами, но без оружия их попытки были всегда обречены.

То, что я сегодня жив и пишу эти мемуары – это [благодаря] событию, произошедшему в сентябре 1943 г.: прибытие в Собибор Александра Печерского (Саши). Саша, советско-еврейский военнопленный, был доставлен в Собибор из минского трудового лагеря. Он был образованным человеком и офицером Красной Армии. Когда состав, где он находился, прибыл в Собибор, немцы спросили, есть ли среди заключённых «Schreiners» или «Tischlers» (плотники или краснодеревщики), и Саша, высокий мужчина, сказал, что он плотник. Хотя он ничего не смыслил в плотницком деле, этой ложью в тот момент он спас себе жизнь. Немцы забрали его и некоторых других из множества прибывших узников, обречённых на смерть, и бросили к нам в барак. Саша выкинул офицерские документы и знаки отличия, потому что узнай немцы, что он советский офицер, они бы тут же от него избавились. Немцы убивали образованных людей и в первую очередь офицеров, как и партийных комиссаров»<sup>[99]</sup>.

Несколько свидетельств упоминают тип психологического сопротивления, который был знаком того, что узники не хотели сдаваться и верили, что скоро Германия будет побеждена. Охранники и эсэсовцы понимали, что их дни сочтены. Иногда попытки побега были успешны, и сама мысль об этой возможности восстанавливала самосознание людей, которое немцы так жаждали уничтожить. Как сказала выжившая в Собиборе Эстер Рааб в интервью Музею памяти Холокоста в США: «Мы были так глубоко в лесу, что никто и знать не знал, что там что-то происходит. Так что мы начали думать о восстании и о мести, я думаю, это то, что поддерживало нас. Хотя это была глупая мысль, <...> это давало нам смелость выживать, действовать, потому что мы планировали, планировали. Планы фактически ничего не меняли, но мы планировали и видели себя на свободе, и видели нацистов перебитыми, и это поддерживало нас»<sup>[100]</sup>.

В том же интервью Рааб вспоминала, как говорила с Фельдхендлером, другим лидером восстания и главным организатором подпольного движения, о планируемом побеге: «Он сказал, что должен быть способ. И мы пытались, мы начали планировать, и ходить на собрания, куда ходило всего несколько человек, потому что надо было быть очень осторожными <...> Возвращаясь, ты чувствовал, что делаешь что-то, планируешь что-то,

пробуешь что-то. Если тебе удастся – будет замечательно. Если нет, ты словишь пулю в спину, и это лучше, чем отправиться в газовую камеру. Я пообещала себе, что никогда не отправлюсь в газовую камеру. Я побегу, я побегу – станут ли они тратить на меня пулю? И мы начали организовывать и говорить, и это делало нас снова живыми, знаете, может, нам удастся отомстить за тех, кто уже не может»<sup>[101]</sup>.

Подруга Рааб Зельда Метц сказала Нович: «Мы все хотели сбежать и поведать миру о преступлениях в Собиборе. Мы верили, что, если люди узнают об этом, нацистская Германия будет стёрта с лица земли. Мы думали, что, если человечество узнает о нашем мученичестве, нами будут восхищаться за стойкость и нам воздастся за страдания»<sup>[102]</sup>.

Марек Бем описывал, насколько жизнь в лагере была изолирована от внешнего мира, не только в физическом смысле, но и эмоционально: «По словам выживших, для узников прошлое кажется сейчас таким далёким, словно его и не было. Они были истощены физически и морально, жили по инерции. Они знали, что могут умереть в любой момент и даже надеялись на это. В конце каждого дня узники удивлялись, что до сих пор живы. Их здоровье ухудшалось, их били каждый божий день. Тем не менее, они откуда-то знали, как с этим справиться. Например, во время работы, заявляют выжившие, они пристально следили за немцем, который был их надзирателем в тот день. Стоило ему отвернуться, как они прекращали любую работу, но когда он поворачивался обратно – начинали работать быстро и энергично, таким образом избегая порки.

Многие узники страдали также от одиночества. Однако даже в таких трагичных обстоятельствах люди умудрялись заводить друзей, позже предавать их, влюбляться – и затем изменять, как в настоящей жизни. Послевоенные воспоминания рассказывают о знаменитом случае с еврейским узником, цирюльником, которого немцы терпели за исключительное мастерство и профессионализм»<sup>[103]</sup>.

Несмотря на все убийства, многие в лагере выжили и сумели воссоздать жизнь, где существовали привязанность, дружба и эмоции. Были вечера с песнями и даже иногда танцами. Такое «нормальное» повседневное поведение предотвращало распад личности, и истории о лагерной жизни и эмоциональных привязанностях – это чудо. Удивительно мало исследований проводилось о таком механизме выживания. Хотя жизнь стала непредсказуемой, она всё же напоминала тот мир, который узники знали раньше. Этот мир давнего прошлого был миром благопристойности и морали, взаимопомощи, товарищества и любви. Об этом редко

рассказывают, это не та история, которая из-за своей обыденности может привлечь внимание людей, живущих в мире полном преступлений. В книге «Выживший: анатомия жизни в лагерях смерти» психолог Терренс Де Пре объясняет: «В начале выжившие делают упор на негативную сторону концлагерного существования, потому что их самосознанием правит навязчивая необходимость «рассказать миру» об ужасных вещах, которые они видели. Это определяет не только то, что они хотят поведать, но и акценты, которые делают. Как очевидец, выживший превыше всего ставит целью передать инаковость лагерей, их особенную бесчеловечность <...> Акты заботы и чести кажутся такими неуместными, что выжившие и сами путаются <...> Что впечатляло выживших настолько, что отпечатывалось в памяти – это смерть, страдания, ужас, всё с таким размахом и чудовищностью, что не могло не оставить травм надолго <...>»<sup>[104]</sup>.

И всё же иногда воспоминания выживших включают небольшие акты смелости и сопротивления, помощи и взаимной заботы, но в более широком масштабе облик злобы и смерти достигает такого накала, что всё остальное – любой признак элементарной человечности – меркнет из-за незначительности<sup>[105]</sup>. Де Пре сомневается, что один раз вернувшееся желание жить будет постоянно превалировать над удачей и отчаянием<sup>[106]</sup>. Выжили те, кто смог противостоять моральным и физическим механизмам разложения<sup>[107]</sup>. Основой для такого сопротивления была способность мобилизовать позитивные ценности жизни против страха смерти, обычного для всех людей<sup>[108]</sup>. Способность индивида сохранить необходимые ценности позволяла отделить собственную личность от переживаемого опыта. Де Пре утверждает, что выжившие поддерживали эту дистанцию за счёт средств исключительного разделения, эту идею яростно критиковал психоаналитик Бруно Беттельгейм, предупреждая, что не стоит считать выживших исключительными людьми<sup>[109]</sup>.

А.А. Печерский живо вспоминает, что делалось всё, чтобы разрушить личность узника. По его словам, не поддаваться разрушению самосознания было формой протеста. Совершить самоубийство или сдаться – и потому быть убитым – эти варианты рассматривали многие. Сопrotивляться позывам смерти в Собиборе было сложно, это бросало вызов разрушительной природе лагеря, где приходилось быть всё время начеку. В любой момент можно было быть наказанным или убитым без предупреждения. Некоторым надзирателям нравилось мучить и убивать, особенно когда они находились в плохом настроении. Чтобы избежать побоев, порки, травли специально натасканными собаками или чего-нибудь



еще худшего, лучшей стратегией было замкнуться в себе и не привлекать внимания.

### **Связи между людьми и надежда на лучший мир**

И всё же А.А. Печерскому удалось обрести дружбу, верность и солидарность; он смог вдохновить других и действовать не только за себя, но и за коллектив. Как писал австрийский психиатр Виктор Франкл: «Всё можно отнять у человека, кроме одной последней человеческой свободы – выбирать своё отношение в любых заданных обстоятельствах, выбирать свой путь»<sup>[110]</sup>. Для заключённых, которые были в полной власти прихотей палачей, чувство униженности и последующая потеря самосознания стали обычным делом. Но согласно Франклу, внутренняя сила определяет, сможет ли индивид преодолеть страдания и выжить. Одной важной задачей становится наличие цели, которая заключается, если не в сопротивлении, то как минимум в жизни после лагеря и дальнейшем будущем.

В скудных источниках мы находим несколько факторов, которые возможно играли определяющую роль, но преобладает то, что психолог Хильда Блум в исследованиях тех ментальных и психологических механизмов, которые необходимы для выживания, называет анархичной властью случая<sup>[111]</sup>. В то время как Франкл указывает на внутреннюю силу, подтверждаемую чьим-то личным опытом, Блум ищет индивидуальные способы защиты. Этому посвящено ее исследование двенадцати автобиографичных рассказов выживших. Она отмечала, что первые дни после прибытия были самыми трудными: первый шок, неожиданности и привыкание к режиму террора. Согласно Блум, в момент первого отбора некоторые были более склонны к выживанию, чем другие. Для тех, кто сумел пережить первые недели, шансы на выживание резко возрастали<sup>[112]</sup>. Но узникам требовалась дополнительная ментальная энергия: «они должны были отгородиться от других, не жизненно важных функций, особенно тех, которые поддерживали контакт с внешним миром». Всё внимание переключалось на себя. Блум цитирует утверждение из автобиографии Эрнста Вихерта: «Это было ощущение всё нарастающего холода, который распространялся постепенно из глубины, пока не наполнил всё его существо. Это как если бы вся жизнь, которую он прожил, и его мир, замерзали от немоты в этом холоде. Как если бы он смотрел сквозь толстый слой льда на далёкие вещи. И там вдалеке двигались бесшумные и нереальные призраки его прошлого: люди, которых он любил, его надежды

и планы <...> он чувствовал трещину, пробежавшую через весь облик Бога, трещину, которая едва ли когда-нибудь заживёт»<sup>[113]</sup>.

Франкл описывает это состояние как апатию – ментальный режим, переключившийся в некое состояние чрезвычайной ситуации. Беттельгейм называл это ментальное состояние «деперсонализацией».

Что самое главное, Блум описывала роль лидера группы и идеал группы, который воплощал замену отца, имеющего огромное влияние на остальных. А.А. Печерский стал такой личностью. Его друзья, конечно, чувствовали свою ответственность перед ним – они должны были докладывать ему и слушать его – и эти действия заставляли их чувствовать себя лучше, даже что они находятся под защитой. Это давало силы, как пишет Блум: «Принадлежность к политической группе, чья идеология была строго противоположной нацизму, участие в её секретной деятельности в лагере, то, что мы умудрялись держать связь с членами группы вне лагеря – это были самые важные объективные отношения, которые узник мог поддерживать. Такая деятельность позволяла некоторое количество эмоциональной разрядки поощряемым обществом способом <...> повышая шансы действовать в гармонии с прежними идеалами эго»<sup>[114]</sup>.

Шамаи Дэвидсон был главным израильским терапевтом, который изучал механизмы выживания в концлагере<sup>[115]</sup>. Он умер в 1992 г., и его работа, отредактированная после его смерти Израэлем Чарни, – это наиболее подробное исследование того, как узники немцев вообще могли выжить. А.А. Печерский и другие русские военнопленные идеально вписываются в эту картину. Согласно Дэвидсону, сохранение человеческого сознания и чувства себя было краеугольным камнем. Это могло стимулироваться человеческим принципом взаимности.

Вот как он это описывал: «Связи между людьми, взаимность и готовность делиться были важным источником силы для адаптации и выживания многих жертв. Помимо ограниченной возможности голодающих заключённых делить свои скудные пайки, взаимная поддержка – это то, что укрепляло их готовность продолжать бороться за жизнь»<sup>[116]</sup>.

Мало систематичных исследований проводилось о социальных связях в концлагерях, но Дэвидсон заметил, что связи между людьми играли ключевую роль. Как мы видели, такие связи были у Печерского с его товарищами по плену из Минска. Он знал, что когда-нибудь война закончится, и понимал, что должен оставаться с друзьями. Русские были группой, они помогали друг другу, и уважение к офицеру было частью группового взаимодействия. Дэвидсон также сделал вывод, что такие

группы часто имели общую политическую или религиозную ориентацию<sup>[117]</sup>.

Во время подготовки восстания связи между русскими военнопленными укрепились, так как секретность была залогом успеха. На поздних стадиях подготовки другие узники помогали прятать Печерского и заботились о том, чтобы он получал работу полегче и мог быть более-менее незаметным для немцев. Эти меры дали ему пространство для детального планирования. Он полагался на нескольких верных русских друзей и других, включая Фельдхендлера, которого убедил, что сражение – единственный выход. Одиночные попытки побега провалились, и, как русский солдат, А.А. Печерский хотел сразиться с врагом. Он был поражён, что мятеж до сих пор никто не организовал.

Более того, русские образовали тесный круг, они резко негативно относились фашизму, имели общий язык, шутки и чувство гордости. Они бросали вызов спокойствию немцев, как рассказал А.А. Печерский в воспоминаниях: «10 октября: я увидел офицера СС с рукой в гипсе. Мне сказали, это Грейшут вернулся из своего отпуска. Он был ранен в русском авианалёте<sup>[118]</sup>. Цибульский предложил: если Френцель прикажет спеть, мы поприветствуем Грейшута песней летчиков и споём громко. Отлично, мы споём громко сегодня! Так и вышло. Обершарфюрер Френцель пересчитал нас быстро и скомандовал отход. Русские должны были петь. Цибульский подмигнул нам и мы запели: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...». И когда мы проходили ворота, мы маршировали и пели: «Всё выше, и выше, и выше стремим мы полёт наших птиц...» Наш Авиамарш оскорбил Грейшута до глубины души. Возбуждённый, с красными глазами он подбежал к нам и начал возмущаться. Мы поклонились, чтобы избежать избиения, но не прекратили петь. 28 сентября, через неделю после того, как я прибыл в лагерь, я знал всё про ад Собибора. Я знал точные места, занимаемые персоналом, охраной и арсеналом»<sup>[119]</sup>.

Позже, во время подготовки к восстанию, А.А. Печерский познакомился с Люкой, дочерью немцев, сбежавших в Амстердам, и, судя по тому, что он и другие писали, у них могли быть близкие отношения, но, очевидно, это не было сексуальной связью. Она пасла кроликов, которых любили есть немцы. Она видела голых людей, проходящих по *Schlauch*, потому что был просвет между досками и ветками забора. Она рассказала об этом А.А. Печерскому. Люка описывается как восемнадцатилетняя девушка из Голландии, но на самом деле она была немкой, чьё настоящее имя Гертруда Попперт-Шёнборн. Она родилась в Германии 29 июля 1914 г., так что когда

А.А. Печерский её встретил, ей должно было быть двадцать восемь. И всё же он её описывает как восемнадцатилетнюю, и возможно мы никогда не узнаем, действительно ли это была она. Некоторые авторы и режиссёры романтизировали их отношения. Большинство упоминают Люку и её помощь при подготовке восстания. Больше двух лет прошло, как А.А. Печерский покинул семью, он не знал, что случилось с его женой. Точно известно, что ему нравилось сидеть с Люкой и он находил некоторое утешение в дружбе с ней, что было признаком его желания жить. Когда началось восстание, она дала ему рубашку, которую он сохранил на все оставшиеся годы войны и которая до сих пор часть его наследия в Ростове-на-Дону. Конечно, были примеры людей в лагере, которые влюблялись, что было другой формой борьбы с расчеловечиванием.

### **Перелом наступает**

Когда 18 сентября прибыл А.А. Печерский, немцы уже проигрывали войну. Составы, шедшие через Беларусь и Восточную Европу, были забиты ранеными немецкими солдатами, направлявшимися на лечение в Германию, и это был подъём боевого духа русских солдат. Они видели раненых, они знали, что должны пережить войну. Для немцев больше не было безопасных мест. Если они искали передышки дома, они обнаруживали, что немецкие города подвергались ежедневным бомбёжкам, там царило разрушение и страх. Как мы понимаем, наступал переломный момент. Это была надежда на выживание для узников лагеря, и они задавались вопросом: как скоро наступит свобода. Будет ли это вовремя? Выживут ли они?

В свою очередь, немецкие охранники знали о массовых смертях и голоде немецких солдат в России. *Ostfront* (Восточный фронт) из победного места превратился в поле поражения, бойню и голод. Они не хотели там быть, так что продолжали выполнять свои обязанности в лагере, как и украинцы, все – в надежде выжить.

Быть охранником в Собиборе было относительно безопасно и уж точно менее опасно, чем на бойне Восточного фронта.

Собибор был отрезан от непосредственного окружения географически, но не изолирован от остального мира. Толпы людей поездами прибывали со всей Европы, многие из них из Польши и Беларусь. Они привозили новости о побежденных немцах под Сталинградом и победе Красной Армии; о тяжелом положении евреев Польши, Франции, Голландии и Белоруссии; о страданиях и массовых убийствах евреев. Многие знали о восстании в Варшавском гетто и последующей бойне, поскольку

большинство из защитников гетто, которых не расстреляли на месте, отправили в Треблинку и Собибор, чтобы убить в газовых камерах «Операции Рейнхард». Все эти события и новости о положении на войне распространялись тайно среди заключённых трудового лагеря. Заключённые надеялись, что дотянут до конца войны и снова будут свободны. Но многие сомневались.

В дополнение к новостям, которые привозили новые прибывающие, слухи иногда передавались украинскими охранниками, которые боялись суровых наказаний, если немцев разгромят, и поэтому хотели обсудить или поторговаться за свое неясное будущее. Одним из способов стали обман немцев и помощь евреям. Другая причина, по которой они хотели помогать еврейским узникам, заключалась в том, что те из них, которые сортировали пожитки новых узников, иногда могли украсть алкоголь и так необходимую пищу. Они также находили деньги, которые использовали, чтобы подкупить охрану. Некоторые украинцы начинали разговаривать с заключёнными и больше не били их так сильно, как от них ожидали. Некоторые даже становились дружелюбны. В свою очередь, заключенные узнавали о дерзких евреях, которые прыгивали и убегали с поездов, и другие истории о тех, кто сопротивлялся. Айнцштайн упоминает, что из двух тысяч евреев из Ясиновки, отправленных в Треблинку 25 января 1943 г., около трехсот сбежали, прыгнув с поезда. Хотя их предало местное население, 58 человек выжили. Власти были обеспокоены, что сбежали почти все молодые мужчины<sup>[120]</sup>. То, что они сбежали, было необычно, поэтому немцы заставляли людей раздеваться, прежде, чем они садились в поезда.

Рабочие и узники знали, что немцы напуганы. Но случайные и иррациональные убийства продолжались. Большинство немцев были в лагере, потому что не хотели воевать на Восточном фронте, они предпочитали наблюдать и помогать убивать евреев. Они больше не чувствовали себя в безопасности. Показателен пример Рейнхарда Гейдриха, который был так уверен, что с ним ничего плохого произойти не может, что регулярно ездил в машине с открытым верхом и погиб в результате покушения в Праге в июне 1942 г. В то время такая дерзость была необычным и неожиданным событием. Но времена менялись. Многие немцы знали, что совершают преступление, но лишь некоторые задумывались о возмездии. Секретность, окружавшая лагерь, была их союзником, но некоторые боялись, что наказание настигнет их. Эйфория испарилась и страх, что наступит день расплаты, вместе с чувством вины начали серьезно беспокоить их.

Многие эсэсовцы ранее были религиозны или сохраняли остатки веры,

или у них были религиозные семьи и жены, которые воспротивились бы бесчеловечности. Они не могли открыто говорить о том, чем занимались. В книге «В ту тьму» Гитта Серени рассматривает психологию и историю Франца Штангля, бывшего коменданта Треблинки, а позднее – Собибора. В числе многих прочих она взяла интервью у жены Штангля, которая сказала, что случайно узнала о том, что происходило в лагере. Она была расстроена, когда узнала, что ее муж присоединился к нацистам в 1938 г.: «То, во что я верила, была католическая церковь, это была церковь моей страны, я воспитывалась в ее традициях. Но по большей части, я просто верила в Бога. И подумать... О, это был ужасный удар, просто ужасный удар. Мой мужчина – нацист. Это стало нашим первым серьезным конфликтом, больше, чем ссора. Это было глубже»<sup>[121]</sup>. Несколько недель она не могла находиться рядом с ним и жизнь стала очень сложной.

Когда ей сообщили, что ее муж в Собиборе, она сначала обрадовалась, что он не на фронте. Казалось, он в безопасности. Когда она приехала навестить его в Собиборе, она не узнала, что там происходило. Ее разместили в близлежащем Хелме, где ночью ее разбудил шум: хозяин дома насиловал двух еврейских девушек. Она вздохнула с облегчением, когда смогла переехать с детьми в рыбацкую хижину. Однажды человек по имени Людвиг пришел с друзьями купить рыбу, и она вспоминает: «Людвиг подошел ко мне – я тоже была в саду с детьми – и начал рассказывать мне о своей жене и детях; он все говорил и говорил. Мне порядком надоело, особенно учитывая то, что от него разило алкоголем и его рассказ становился все более и более слезливым. Но я подумала, вот он стоит здесь такой одинокий, я должна хотя бы выслушать его». Он сказал ей: «Это было ужасно». Она попросила его объяснить, что же было ужасно, и первое, что он сказал, это то, что они делали это ради фюрера. Он также сказал: «Вы можете представить, что случится, если когда-нибудь евреи захватят нас?».

Узнав от него о массовых убийствах, она была поражена. Плача, она отправилась пешком в Собибор, чтобы предъявить претензии мужу и обвинить в том, чего она не могла стерпеть<sup>[122]</sup>. Он возразил, что его работа была всего лишь административной. Она в конце концов это приняла. Таких историй о женах, которые продолжали поддерживать мужей, потому что считали, что нет выбора, было много.

Безопасность и стабильность больше не существовали для немцев. В 1943 г. произошло куда более шокирующее для оккупантов событие, когда Вильгельм Кубе, старший офицер восточного рейхскомиссариата в ранге



генерал-комиссара Белоруссии, был убит бомбой с часовым механизмом в своей постели (22 сентября 1943 г.). Казалось, что и дома никто не мог чувствовать себя в безопасности. Такие события дали понять немецким военным, что насилие против них никогда не прекратится и война станет только более ужасающей, потому что теперь она была повсюду. Месть за убийство Кубе была яростной и беспорядочной: тысячи людей, в большинстве своем не евреи, были убиты. Позже таким образом до Собибора дошла информация о ликвидации Белжеца, что и стало главной причиной восстания. Как рассказывают, в конце июня 1943 г. узникам велели оставаться в бараках, когда прибыл новый состав. Они слышали выстрелы и крики, и затем выяснили, что состав пришел из Белжеца, который в то время ликвидировался. В свое время они доверились немцам, что рабочим обещают работу и их перевезут в другой трудовой лагерь. Кроме того, в одной из записок отмечалось: «Если это ложь, вы должны знать, что смерть ждет и вас тоже. Не доверяйте немцам, отомстите за нас»<sup>[123]</sup>.

Когда прибыла группа русских солдат, некоторые узники были уже убеждены, что разделят участь тех, кто находился в Белжеце. Они знали, что Германия проиграла под Сталинградом, и хотели увидеть освобождение и то, как гонят немцев. Многие видели поезда, забитые ранеными немецкими солдатами, отравлявшимися назад в Германию, потому что эти поезда проходили через города, где располагались гетто. Узники были убеждены, что Красная Армия выиграет войну, хотя понимали, что это займет какое-то время. К несчастью для гетто, потребовался еще год до полного освобождения. Немецкие солдаты боялись, что, поскольку немецкая армия не соблюдала Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными, их могут ожидать суровые последствия, если они проиграют. Они боялись русских, которые, как им говорили многие годы, были дикарями, а не людьми. У немцев была причина бояться, поскольку обе стороны мстили жестокостью и смертью за жестокость и смерть.

### **Партизаны и сопротивление в Польше и Белоруссии**

К 1943 г. Белоруссия и Восточная Польша стали главными полями напряжённых сражений между партизанами и оккупантами, того, что мы теперь называем партизанской войной. Партизаны выслеживали немцев в густых лесах. Немцы боялись туда заходить и отыгрывались на деревнях и устраивали акты массового уничтожения. Устроить бойню стало обычным делом, и враждебность к немцам росла. Немцы больше не выходили ночью

за пределы охраняемых территорий. То же самое происходило в округе польского города Люблин и в густых лесах Восточной Польши<sup>[124]</sup>. Окрестности Влодавы, неподалеку от Собибора, известны тем, что подпольщики помогали советским военнопленным. Это был маленький городок рядом с Бугом, пограничной рекой.

Но почему, спрашивали себя узники, эти люди не приходили им на помощь? Правдивы ли слухи о силе партизанской армии? Печерский писал в воспоминаниях, что в ответ на вопрос женщин о правдивости слухов о партизанах, заявил: «Немцы, например, из Минска меньше чем на десяти машинах и не выезжают, вооружившись пулемётами и гранатами»<sup>[125]</sup>.

Многие гетто поддерживали связь с партизанским движением. Самая известная история восстания против убийц это, конечно, Варшавское гетто. Однако что касается связи с партизанами, Минск значимее, и этот город вошёл в историю, как место, где с помощью подпольщиков тысячи людей сбежали и присоединились к партизанским отрядам в лесах<sup>[126]</sup>. Но даже когда представлялась возможность убежать, так поступали не все, некоторые были убеждены, что Германии срочно требуется еврейский труд (в начале 1943 г. они нуждались примерно в миллионе человек), что противоречило массовым убийствам, проходившим в то же время. Выбор был за евреями – убежать или поверить в сказку о том, что можно выжить трудом. Население нескольких гетто надеялось быть полезным экономике Германии<sup>[127]</sup>. Некоторые евреи думали, что их освободят, если они будут работать, но другие не думали, что это их спасёт. И они были правы, но не все пытались сбежать<sup>[128]</sup>. В то время немцы считали гетто очагами возможных антинацистских действий. Евреям оставалось только догадываться о том, как пережить попытки их убить.

Германцы были озадачены своими постоянными поражениями на востоке, и также сталкивались с восстаниями евреев и не-евреев повсюду вокруг. Они больше не были хозяевами мира и знали, что действуют в странах, где население враждебно и над ним не получалось господствовать также, как это было в начале войны. К 1943 г. евреи защищались в гетто и лагерях, а в лесах немцы могли действовать только группами или под усиленной охраной.

Зверские убийства было не скрыть, их было видно на улицах городов и деревень. Например, как утверждают очевидцы, в ноябре 1942 г. во время одного из «переселений» евреев из гетто Хелма среди людей, насильно согнанных на площадь на улице Коперника, была большая группа так называемых цыган. Их поставили во главе колонны, которая двинулась

строим к вокзалу, где их должны были посадить в поезд до Собибора. Очевидцы рассказывают, что многие евреи и цыгане сопротивлялись, и их расстреливали на месте. Мёртвые тела бросили лежать на площади, пока их не увезли на телегах евреи из гетто<sup>[129]</sup>. Депортация перестала быть простой задачей. Жизнь на оккупированных территориях стала опасной для немцев, на них свирепо бросались люди, которым нечего терять.

В 1941–1943 гг. движение сопротивления охватило порядка 100 гетто в оккупированной нацистами Восточной Европе, особенно в Польше, Литве, Белоруссии и на Украине<sup>[130]</sup>. Их основная цель заключалась в организации восстания, которое позволило бы покинуть гетто и присоединиться к партизанам, чтобы потом сражаться против немцев. Наиболее известным стало восстание в Варшавском гетто весной 1943 г., которое после героической битвы закончилось массовыми депортациями в Треблинку и Собибор. Некоторые из депортированных осели в трудовом лагере Собибора, большая часть погибла в газовой камере. Но было много подобных восстаний, например, в гетто Белостока в августе 1943 г. и в Тарнове в начале сентября того же года<sup>[131]</sup>. Ребен Айнштайн детально задокументировал многие из них<sup>[132]</sup>.

Убийства продолжались, в 1943 г. положение в Восточной Польше ухудшилось. Освещая ход войны для газеты «Красная звезда» Василий Гроссман описывал непередаваемый ужас, побывав в этих краях летом 1944 г. Он был совершенно потрясен, когда прибыл в Треблинку: «Найдем ли мы в себе силу задуматься над тем, что чувствовали, что испытывали в последние минуты люди, находившиеся в этих камерах? Известно, что они молчали... В страшной тесноте, от которой ломались кости и сдавленная грудная клетка не могла дышать, стояли они один к одному, облитые последним, липким смертельным потом, стояли, как один человек. Кто-то, может быть мудрый старик, с усилием произносит: «Утешьтесь, это конец». Кто-то кричит страшное слово проклятия... И неужели не сбудется это святое проклятие... Мать со сверхчеловеческим усилием пытается расширить место для своего дитяти – пусть его смертное дыхание будет хоть на одну миллионную облегчено последней материнской заботой. Девушка костенеющим языком спрашивает: «Но почему меня душат, почему я не могу любить и иметь детей?» А голова кружится, удушье сжимает горло. Какие картины мелькают в стеклянных, умирающих глазах? Детства, счастливых мирных дней, последнего тяжкого путешествия? Перед кем-то мелькнуло насмешливое лицо эсэсовца на первой площади перед вокзалом. «Так вот почему он смеялся». Сознание меркнет, и

приходит минута страшной, последней муки... Нет, нельзя представить себе того, что происходило в камере... Мертвые тела стоят, постепенно холодея. Дольше всех, показывают свидетели, сохраняли дыхание дети».

В ярости Гроссман продолжает в реалистичной манере:

«Через двадцать – двадцать пять минут подручные Шмидта заглядывали в глазки. Наступала пора открывать двери камер, ведущие на платформы. Заключенные, в комбинезонах, под шумное понукание эсэсовцев приступали к разгрузке. Так как пол был покатым в сторону платформы, многие тела вываливались сами. Люди, работавшие на разгрузке камер, рассказывали мне, что лица покойников были очень желты и что примерно у семидесяти процентов убитых из носа и изо рта вытекало немного крови. Физиологи могут объяснить это»<sup>[133]</sup>.

Гроссман был психологически потрясен, когда как военный корреспондент Красной Армии прибыл в разрушенную Треблинку в 1944 г.<sup>[134]</sup> Своим репортажем он помог сделать восстание в Треблинке известным во всем мире. Но он не писал о других двух лагерях «Операции Рейнхард»: Белжеце и Собиборе, которые к тому времени сровняли с землёй. Он поехал в расположенный неподалёку Майданек, который был не только лагерем смерти, но и трудовым. Гроссман подчёркивал для своих читателей, что в Треблинке убивали именно евреев, но этот посыл не приветствовался советскими властями<sup>[135]</sup>. Гроссман служил в армии, и война всё ещё продолжалась, так что ему не пришлось много писать о судьбе евреев. Он продолжил в последующие годы и не соглашался с линией партии и официальной историей. Поэтому мы можем заключить, что Гроссман не скрывал известное ему, а скорее всего мало что знал о восстании в Собиборе. И хотя он был хорошо информирован, но вместо Собибора упоминал восстания в менее известных лагерях, таких как Яновский лагерь во Львове<sup>[136]</sup>. История о Собиборе придёт гораздо позже и будет опубликована другими людьми.

Партизанские отряды были разными: какие-то сражались, другие организовывали лагерь, где укрывались от возможных немецких атак евреи, находившиеся под угрозой. Наиболее известный – так называемый семейный лагерь братьев Бельских в Белоруссии<sup>[137]</sup>. Лагерь разительно отличался от партизанских отрядов, куда принимали только воинов-мужчин; здесь также находили укрытие женщины и евреи, у которых не было оружия. Такие лагерь были не только военными отрядами, но и местом, где можно спрятаться под защитой тех, кто умел обращаться с

оружием. Братья Бельские организовали лагерь в конце 1941 г. и, несмотря на многие сложности, более тысячи человек дожили до конца войны.

В книге «Беглецы из леса» Алан Левин описывает варианты, которые были у сбежавших из гетто. Они могли присоединиться к советским партизанам, а могли – к независимому отряду. Могли искать семейный лагерь, куда допускались и те, кто не станет сражаться. Независимость партизанских групп вызывало подозрение у руководства партизанским движением Белоруссии, что выливалось в антисемитизм, если оказывалось, что евреев в отряде слишком много. Те, кто бежали в Польшу, должны были также опасаться польских партизан из АК (Армии Крайовой), порою враждебно настроенных к евреям. Левин цитирует доклад, утверждавший, что «наши отряды теперь вынуждены воевать на два фронта. Лидеры подполья [командование АК] создают отряды, призванные стереть с лица земли банды коммунистов, военнопленных и евреев». Автор доклада указывает, что такие солдаты из АК не нападали на немцев. Левин также отмечал, что когда такие группы встречали одинокого еврея, они его убивали, но с неохотой вступали в настоящий бой. Они боялись провоцировать. Солдаты АК знали, что группы евреев дадут отпор<sup>[138]</sup>.

Добраться до партизан не означало оказаться в безопасности. Опасность предательства добавлялась к суровым и антисанитарным условиям жизни, голоду и суровому климату этой части Европы. Люди часто жили в землянках, холодных и сырых. Чтобы туда добраться, нужно было пройти неизвестные и временами враждебные деревни и дороги, встречая людей, которые могли предать. Кто-то ненавидел евреев, кто-то мог иметь зуб на еврейских партизан из-за конфискации продовольствия, а также были те, кто хотел заработать на предательстве.

### **Русские: прибытие опытных военных**

Узники Собибора были очень рады прибытию русских, потому что группа с А.А. Печерским состояла из солдат, которые умели сражаться. Как писал бывший узник Кальмен Веврык: «У них был военный опыт. Они знали всё про ружья, пули и т. д. Они не побрезгуют рукопашной схваткой». Как и все узники, Веврык был очень впечатлён Печерским: «Он буквально излучал властную уверенность и контроль»<sup>[139]</sup>. Кроме того, по слухам лагерь был окружён партизанскими отрядами и иногда мелькала надежда, что эти отряды придут на помощь и атакуют немцев. Группа немецких охранников была маленькая. Некоторые украинские охранники пытались связаться с партизанами, многие из первых сами были из

военнопленных. Некоторые надеялись убежать. Зельда Метц рассказала Нович о том, как ходили слухи, что партизаны пытались освободить лагерь<sup>[140]</sup>. Позже заключённым сказали, что это было разбойное нападение.

В большинстве рассказов о событиях в лагере прибытие русской группы затмевает тот факт, что там уже существовала подпольная организация под руководством Леона Фельдхендлера. Как мы увидим, без его сети А.А. Печерскому бы не удалось ни связаться с людьми, которые могли ему помочь и защитить его, ни собрать так много информации. Это именно Л. Фельдхендлер решил, что А.А. Печерский должен стать центральной фигурой любого будущего побега или восстания, поскольку прошлые попытки провалились. Польские евреи, из которых и был Л. Фельдхендлер, привыкли саботировать немцев и поддерживать друг друга в этой сети, чтобы выжить. Они знали, что евреи повсеместно будут давать отпор даже когда смерть практически неминуема.

Некоторые из выживших, у которых я брала интервью в 2010–2012 гг., признавали силу русских солдат, но другие постоянно подчёркивали, насколько важно было подполье. Примеры также можно найти в интервью с польскими заключёнными, которые проводились для архива визуальной истории Шоа. Один пример – это свидетельство С. Лерера, который утверждал, что Л. Фельдхендлер был наиболее значимым лидером и сказал о Печерском: «Он нуждался в нас больше, чем мы в нём»<sup>[141]</sup>. Лерер также сказал: «Мы хотели сбежать, но нам было некуда идти»<sup>[142]</sup>. Другой выживший, Дов Фрайберг, придерживался того же мнения. По его словам, польские евреи знали об электрических и телефонных проводах<sup>[143]</sup>. Эстер Рааб предположила то же самое, когда я брала у неё интервью в 2010 г., но этого не было в официальной записи. Когда у неё брали интервью в 1997 г., она ясно выразилась, что планирование побега началось до того, как пришли русские<sup>[144]</sup>. Веврык писал следующее о Фельдхендлере: «Один из нас, Леон Фельдхендлер, сын раввина, был в Собиборе почти год. Составы почти прекратили прибывать в Собибор, и Фельдхендлер понял, что лагерь и каждый возможный очевидец из числа узников будут стёрты с лица земли. Он собрал команду, состоящую в основном из бригадиров, и они замыслили сбежать из ада под названием Собибор».

Л. Фельдхендлер был восхищён военным опытом русских пленных и хотел узнать, кто такой «Саша». Печерский избежал смерти в газовой камере, потому что сказал, что он был плотником, хотя это не являлось правдой. Он признался в этом подпольной организации. Поскольку немцы



редко посещали мастерские, организаторы смогли прикрыть его. Он пообещал, что он придумает план.

Веврык продолжает: «Саша узнал нас очень хорошо, потому что сделал это своей задачей – узнать так много заключённых, как мог. Он хотел выяснить, кто мог донести. Он поставил себе задачу изучить Собибор так методично, как мог. Действия последуют позже.

Мы все были очень впечатлены этим Сашей. Он излучал властную уверенность. Поскольку Саша не говорил на идише, Фельдхендлер общался с ним через посредника – Лейтмана, мебельщика, который работал в нашей мастерской. Он сам был из Варшавы и был переведён в наш лагерь из Минского трудового лагеря, где встретил Сашу и стал ему другом»<sup>[145]</sup>.

Печерский методично изучал лагерь и пытался составить карту того, что тайно происходило в лагере III. В интервью 1984 г. для фильма Юлиуса Шелвиса Печерский рассказал, как в начале столкнулся с планом заключённых убежать: «Мы работали над этой идеей. Идея восстания пришла позднее. Я хорошо понимал, что сбежать из лагеря невозможно. Вокруг минные поля, 250 украинских охранников, а нас 600 заключённых. По статистике, это один охранник на двух заключённых, если мы не учитываем немецких офицеров. Минное поле было 15 метров шириной, а ров вокруг него наполнен водой. Невозможно даже думать, что ты можешь сбежать. Моей главной целью было убить фашистов, тех, кто сам убивал людей. И, может быть, 15 или 20 человек смогли бы сбежать»<sup>[146]</sup>.

Он не верил в будущий успех, но не говорил этого остальным.

### **Не быть убитым как овца**

Изучая историографию сопротивления евреев немцам, историк Майкл Маррус доказывает, что после войны сами участники сопротивления обвиняли евреев в том, что они шли на смерть как овцы на бойню. Более 15 лет после освобождения Европы профессиональные историки едва ли затрагивали эту тему. Писать про сопротивление, как и писать про Холокост в целом, было в основном работой тех, кто испытал это на себе: участников борьбы против нацистов, чьи работы полные негодования были опубликованы после войны, и выживших, которые передавали свой опыт по праву, данному им их страданиями<sup>[147]</sup>.

Немногие затрагивали эту тему, частично потому, что евреи Европы всё ещё пытались переварить случившее и встроиться в мирную жизнь. В книге о процессе над Эйхманом Ханна Арендт описывает, как прокурор Гидеон Хауснер всё спрашивал и спрашивал свидетелей, почему они не

протестовали и садились в поезда<sup>[148]</sup>. Арендт была возмущена такими вопросами, считая их жестокими и глупыми. Евреи вели себя, как вели бы многие не-евреи. Согласно М. Маррусу: «Её точка зрения заключалась в том, что евреи были жертвами не какой-то несмыслимой нееврейской антипатии, но скорее тоталитарного этоса, угрожавшего всему миру. По её мнению, евреи ничем не отличались от представителей других народов с точки зрения готовности сопротивляться участи оказаться затянутыми в жерло тоталитарной системы и превратиться в коллаборационистов. Те, кто сопротивлялся, однако, были для неё героями. Молодые еврейские бунтари в гетто, настаивает она, должны были постоянно бороться против признанных еврейских лидеров юденрата. Многие бойцы сопротивления, отмечает она, были замучены насмерть после того, как их поймали эсэсовцы»<sup>[149]</sup>.

Сравнивая Х. Арендт с Р. Хилбергом, видным историком Шоа, Маррус писал: «По мнению Хилберга, неудачи евреев в сопротивлении – которое он широко определяет как противостояние мучителям – было одним из основных составляющих процесса разрушения. «Евреи не были ориентированы на сопротивление, – утверждает он. – Они решались на сопротивление только в некоторых случаях, локально и в последний момент... Они избегали «провокаций» и моментально следовали декретам и приказам. Они надеялись, что немецкое господство как-нибудь кончится само». Нежелание евреев нападать на мучителей происходит от еврейского прошлого – опыт двух тысяч лет. «Веками евреи учились, что, чтобы выжить, им нужно избегать сопротивления»<sup>[150]</sup>.

С годами понятие сопротивления расширялось и стало включать многие способы духовного выживания, поддержку культурной и религиозной жизни, равно как и качества жизни, в самых худших обстоятельствах<sup>[151]</sup>. Иегуда Бауэр, глава исследований истории Шоа, доказывал, что не брать в руки оружие не означало сдаваться немцам<sup>[152]</sup>. Он и другие израильские историки предложили термин *amidah*, чтобы дать определение сопротивлению, которое включало сопротивление без оружия<sup>[153]</sup>. Вот поразительный пример этого в Собиборе: «Один польский еврей решил оказать сопротивление давлению. Он больше не верил лжи, которую ему говорили. Когда он выбрался из вагона, он зачерпнул в два кулака песок и повернулся к Карлу Френцелю, эсэсовцу, сказав: «Вы видите, как я медленно рассеиваю этот песок по песчинке и его уносит ветром? Вот что случится с вами. Весь этот ваш великий Рейх развеется, как пыль или дым!» Старик ушёл с остальной колонной со словами «Услышь, о Израиль»

(молитвы, которую произносят как последнее слово), и когда он произнёс слова «Бог един», он повернулся к Френцелю и изо всех сил дал ему пощёчину»<sup>[154]</sup>.

Джеймс Гласс утверждает, что духовное и моральное сопротивление было предназначено для того, чтобы укреплять общее самосознание: коллаборационизм казался лучшей гарантией жизни, а сопротивление – большим шагом, на который надо решиться. Традиционное поведение поддерживало боевой дух во многих заключённых – так зачем делать этот шаг за пределы понятного? Суповые кухни и взаимопомощь предотвращали массовые смерти от голода в гетто, давали силу и делали жизнь ценной. Люди чувствовали тесную связь друг с другом, и это сохраняло их идентичность<sup>[155]</sup>.

Интересную точку зрения приводит Маррус: «чтобы опровергнуть заявления о пассивности евреев, историки еврейского сопротивления часто отмечают отсутствие таких восстаний по меньшей мере до самого конца войны среди советских военнопленных – молодых людей, прошедших военную подготовку, с которыми временами обращались так же убийственно жестоко, как и с евреями»<sup>[156]</sup>.

### **Сопротивление в Собиборе: умереть с честью**

История восстания в Собиборе не требует столь утончённой дискуссии по поводу сопротивления и восстания. Однако, остаётся чудом, как история развивалась от маленьких усилий сбежать к коллективным действиям. Первый ответ кроется в том факте, что все в Собиборе знали, что другие будут наказаны, в случае побега (или его попытки). Коллективная ответственность неоднократно возлагалась на узников, и люди не хотели пробовать даже когда была возможность. Они чувствовали себя ответственными при том, что ответная реакция будет непредсказуемой. Например, в качестве наказания могли убить каждого десятого, неважно кого. Немцы просто считали. Томас Махер проанализировал, насколько немедленная угроза быть убитым заставила заключённых действовать сообща<sup>[157]</sup>. И всё же, как мы увидим, до самого последнего момента восстание в Собиборе оставалось под угрозой срыва, если кто-то захотел бы действовать самостоятельно, и угроза немецкой мести делала успех маловероятным.

Более всего А.А. Печерский был убеждён, что заключённые сами должны сражаться за себя, а не ждать помощи партизан. Узники очень надеялись на освобождение лесными отрядами, действовавшими

неподалёку от Собибора<sup>[158]</sup>. Возможно, с их помощью они смогли бы выжить, думали они. Было неясно, выживут ли они в ближайшем будущем, если останутся в лагере, потому что транспортное сообщение стало реже и прибывало меньше поездов. Это ставило их жизни под угрозу, потому что они зависели от того, работает ли фабрика смерти. Наступала холодная зима, что также вызывало беспокойство. Если земля покроется снегом, сбежать станет сложнее. Но то, что прибывало меньше составов, также означало меньше работы, поэтому у узников было больше времени сидеть вместе, разговаривать и волноваться. Новость об уничтожении Трешлинка заставляла предпринять что-то как можно быстрее. Всем было ясно: если оставаться пассивными, то убьют всех.

Махер доказывает, что, несмотря на угрозу жизни, которую ощущали все, у заключённых была определенная свобода воли в их действиях и решениях<sup>[159]</sup>. Как мы увидим, было недоверие со стороны тех, кто боялся, что их оставят, если небольшой группе удастся бежать. Все, кто изучает восстания, принимают ту или иную сторону, доказывает Поль Гомберг в некотором роде философской статье «Может ли партизан быть моралистом?»<sup>[160]</sup>. Читая о Собиборе и слушая истории, мы начинаем хотеть, чтобы узники победили тех, кто их захватил. Хотя остальная статья Гомберга рассматривает философские вопросы, название, данное им, приглашает нас рассмотреть этическую сторону восстания. Хотя всё, что произошло, было самозащитой и мстью, многие выжившие колебались, участвовать ли в преднамеренном убийстве. Большинство заключённых прибыли из культурного мира, в котором убить кого-то было за гранью воображения. Другие считали, что не время быть моралистами, некоторые хотели мести, к чему более явно склонялись и русские солдаты, привыкшие к войне. Им уже приходилось убивать раньше.

### **Учиться сражаться и убивать**

Евреи учились быть жестокими и давать отпор. Повсеместно на оккупированных территориях они сопротивлялись насилию немцев. Сопротивление в Собиборе уходит корнями в тот мир, где евреи начали защищаться и где они действительно сражались. Это было новым типом поведения для них: в прошлом они торговались и использовали деньги, чтобы избежать бед, но физическое сражение было в новинку. Бесконечные компромиссы уже, кажется, не срабатывали, больше не было торгов.

Согласно Айнштайну, когда заключённые, только что прибывшие в Собибор, устраивали протест, их расстреливали на месте. Это случалось

всё чаще, потому что польские и советские евреи больше не верили, что их везут в трудовой лагерь. Айнштейн описывает нарастание сопротивления и попытки побега. С начала 1943 г. прибывающие из Польши и с Востока поезда встречали с автоматами. Люди, сошедшие с поездов, немедленно окружались большой группой вооруженных солдат.

Жители близлежащего города Влодава восстали против репрессий 30 апреля 1943 г. Они напали на эсэсовцев и украинских охранников. Все участники мятежа были отправлены в газовые камеры Собибора, даже не евреи. Область вокруг Влодавы была известна как место, где русские военнопленные могли найти укрытие. Дальше, в Полесье, действовали довольно крупные советские отряды<sup>[161]</sup>. Партизаны не стремились привлекать большое число евреев, потому что считали, что много беженцев спровоцирует новые немецкие облавы.

Немцы так боялись еврейского сопротивления, что, когда в мае 1943 г. прибыли выжившие в Варшавском гетто, их заставляли раздеваться перед погрузкой в поезда<sup>[162]</sup>. Немцы полагали, что узники не станут сопротивляться или прыгать с поездов обнаженными. Но люди, разумеется, сражались. В сентябре 1943 г. ликвидировано гетто в Минске. Прибывшие оттуда евреи швыряли в охранников камни и бутылки, что вылилось в серьёзную стычку. Были женщины, отказывавшиеся раздеваться и стричься или расставаться с детьми. В таких случаях следовало довольно нерациональное наказание: эсэсовцы замедляли поток газа, чтобы жертвы дольше испытывали агонию. Это было нерационально, ведь о наказании никто не узнает. Была ли это просто месть? Или они пытались жестокостью успокоить собственный страх? История, правда, дошла до наших дней, выставив тех, кто совершил это преступление, ещё большими варварами. Немцы словно с цепи срывались, если встречали сопротивление. Некоторые прибывающие евреи рвали привезённые с собой деньги, чтобы обесценить их.

Историк Собибора Марек Бем утверждал, что для некоторых узников самоубийство было формой протеста. Это раздражало немцев, которые считали, что имеют монополию на убийство евреев<sup>[163]</sup>. Согласно Бему: «В ходе судебного процесса в Хагене, Карл Френцель был обвинён (Обвинительный акт № 22) в том, что между маем 1942 г. и октябрём 1943 г. утром отдал приказ о том, чтобы забрать из барака одного из заключённых, который ночью вскрыл вены, и перенести его во внутренний двор, где проводилась ежедневная поверка. Затем Френцель сурово выбранил умирающего, ударил кнутом и застрелил на глазах всех

собравшихся евреев. Опыанённый этим торжественным чувством абсолютной власти, он прокричал им, что ни один еврей не может распоряжаться своей жизнью, это право есть только у истинных арийцев»<sup>[164]</sup>.

Айнцштайн приводит много таких примеров и демонстрирует несостоятельность образа евреев, идущих покорно на бойню, словно овцы<sup>[165]</sup>. Даже у входа или внутри газовых камер не прекращались протесты. Немцы застрелили несколько женщин, отказавшихся войти. Однажды, когда сломался дизель, группе удалось открыть дверь, но не сбежать. Рядом с крематорием лагеря III евреи несколько раз бунтовали и пытались сбежать, по словам выжившего Мойше Бахира<sup>[166]</sup>. Один мальчик сбежал из лагеря в 1942 г. с целью поведать миру о том, что здесь творилось. Поведать миру было крайне важно, как сказала Зельда Метц в беседе с Нович: «Мы думали, что, если человечество узнает о нашем мученичестве, нами будут восхищаться за стойкость и нам воздастся за наши страдания»<sup>[167]</sup>.

В лагере III нескольким евреям удалось перерезать колючую проволоку и сбежать. Позже их выдали немцам. В конце 1942 г. двое узников сбежали посредством подкопа. В декабре 1942 г. две женщины ушли с двумя охранниками, согласно Айнцштайну, или в сопровождении товарищей по лагерю, согласно Краковскому<sup>[168]</sup>. Они были вооружены ружьями, но пойманы и убиты. Неважно, были ли беженцы охранниками или заключёнными, смысл в том, что восстание в Собиборе следует рассматривать на фоне множества попыток сопротивляться и бежать. Контакты между евреями и охраной становились всё более обычным делом<sup>[169]</sup>.

В результате зимой 1942–1943 гг. несколько человек, преимущественно из Люблина и Варшавы, создали ядро сопротивления. Основным занятием было слушать и передавать радиосообщения, в которых говорилось о поражениях немцев. Боевой дух также поднимало то, что украинские охранники показывали заключённым вырезки из газет о германских неудачах. Однако любые попытки противостоять или сбежать сдерживал принцип коллективной ответственности. Как правильно написал Краковский: «За любую неудачную попытку жизнями заплатят не только участники, но и другие узники. Более того, успех одной группы узников (в побеге, например), обычно приводил к смерти тех, кто оставался». Краковский продолжал: «Все эти факторы: несдерживаемый террор, нечеловеческие условия жизни, принцип коллективной ответственности,



смертные приговоры пособникам из числа гражданских и сложная система заграждений и вахт – сводили почти к нулю шансы на организованное сопротивление, особенно вооруженные действия»<sup>[170]</sup>.

Разумеется, ни у кого не возникало мысли отобрать оружие у немцев или убить их до прибытия русских. Ядро сопротивления могло думать только о побеге через подкоп. Увы, никто не знал, как тайно пронести оружие в лагерь, а идея забрать его у немцев им в голову не приходила. Но в лагере было много оружия.

### **Организовать побег**

Летом 1943 г. узники Треблинки восстали, имея одной из целей сообщить внешнему миру о массовом уничтожении. Трудовой лагерь был построен в 1941 г., поэтому сопротивление существовало уже некоторое время и состояло во взаимопомощи, побегах и спонтанных действиях. Некоторым удалось бежать из Треблинки и даже предупредить Варшавское гетто и подпольную еврейскую организацию там. Уже в сентябре 1943 г. первые отчёты о том, что происходило в Треблинке, достигли Варшавы<sup>[171]</sup>. Подпольщики Треблинки пытались купить оружие у украинских охранников и украсть его со складов. Хотя восстание провалилось, примерно 20 узникам после побега удалось дожить до конца войны. По слухам некоторые из выживших, но пойманных, были отправлены в Собибор и заключённые, разгружавшие поезда, нашли пассажиров – бывших узников Треблинки – с переломанными руками и ногами. Капо Чепик обнаружил блокнот с описанием восстания в Треблинке<sup>[172]</sup>.

Тем же летом 1943 г. в Собиборе был прорыт тоннель. К несчастью, выход кончился на минном поле, окружавшем лагерь. Подкоп спровоцировал взрыв, а потому от подобного плана пришлось отказаться. Небольшие акты сопротивления упоминаются во многих источниках. Например, Краковский упоминает, что 30 апреля 1943 г. новые прибывшие жертвы атаковали эсэсовцев, когда увидели, что их ждёт. Позже в том же году евреи из Минска атаковали эсэсовцев. Было много небольших попыток побега, люди пытались постоянно и показывали свой гнев. Хотя немцы и их украинские помощники всегда побеждали и наказывали узников бессистемными убийствами, их страх возрастал. Иногда убивали какого-нибудь охранника. Айнцштайн, Краковский и Бем приводят примеры таких событий. В 1943 г. польским евреям редко разрешалось работать за территорией лагеря, например, их слабо задействовали в рубке леса и при постройке новых бараков. Всякий раз, когда кто-то бежал,

предпринимались контрмеры, а месть была направлена против тех, кто не имел ничего общего с этими «злодеяниями». Когда двое портных сбежали в июле 1943 г., расстреляли 20 других заключённых.

Наиболее необычный план был придуман одним из голландских заключённых, который собирался отравить всех немцев в лагере. Он работал на кухне и привлёк евреев, работавших в аптеке. Откладывая небольшие порции яда, они бы накопили достаточно. С. Бялович, участвовавший в этом аптекарь, рассказал мне об этом заговоре, когда я брала у него интервью в 2010 г. в городе Холон, Израиль<sup>[173]</sup>. Предательство и раскрытие заговора привело к тому, что все голландские евреи были расстреляны. Предлагались и другие планы, от поджога до взрыва столовой, для чего заключённые собрали 20 гранат. Про эти намерения доносили немцам иногда сами евреи, боявшиеся, что их убьют в наказание.

Не только еврейские заключённые были угрозой немцам, некоторые из украинских охранников ненавидели их так же сильно. С продвижением Красной Армии отдельные охранники сделали несколько попыток сбежать. Они также установили связь с партизанами в окружающих лесах и обговорили с ними возможность нападения на лагерь. По слухам они осуществили одну атаку на северной стороне в попытке добыть гранаты и амуницию<sup>[174]</sup>. Результатом стало то, что заключённых собрали на проверку. Поскольку одновременно попытку побега готовили голландские заключённые, то все голландцы из лагеря IV были убиты. Их места и место в системе труда перейдут к русским военнопленным.

Немцы предполагали возможность того, что евреи и украинские охранники могут сговориться. Хотя евреи не доверяли охранникам, они всё же достигли соглашения в июле 1943 г. с целью проникнуть в оружейную и затем совершить совместный побег после разрушения главных ворот. Бем утверждает, что были различные варианты развития событий этого восстания<sup>[175]</sup>. Описания в мемуарах варьируются, однако все едины в определении основного стремления: убежать. М. Бем также цитирует свидетельство Эды Лихтман, которая подтвердила, что немцы могли покинуть лагерь только с оружием<sup>[176]</sup>. Им приходилось участвовать в охоте на людей и прочёсывать лес в поисках партизан. Ида работала в прачечной и заметила, что немцы возвращались ужасно грязные, чёрные от копоти, забрызганные кровью.

В своей книге про Собибор бывший узник Юлиус Шелвис описывает попытку побега Waldkommando (лесной команды) 27 июля 1943 г. За

группой следили три эсэсовца. Обычно в нее входили 40 рабочих, половину из которых составляли голландцы. Также их охраняли несколько украинцев. Поскольку это был очень жаркий день, двум заключённым разрешили принести воды. Украинский охранник, который ушёл с ними, был найден мёртвым. В последовавшей суматохе сбежали 14 польских евреев. Многих быстро вернули назад. В результате уцелевших польских евреев жестоко пытали и застрелили на глазах у остальных в качестве предупреждения возможных подобных попыток в будущем<sup>[177]</sup>. Эту историю можно найти во многих источниках.

Незадолго до восстания прибывшие из гетто евреи напали на эсэсовцев на платформе и были убиты из пулемётов. В том же месяце узники в лагере III, работавшие рядом с газовыми камерами, прорыли тоннель из своего барака на другую сторону ограждения<sup>[178]</sup>. Историк Краковский упоминает, что помимо подпольной организации существовали и другие тайные группы, насчитывавшие иногда до десяти человек, которые планировали побег, иногда с помощью украинских охранников<sup>[179]</sup>. Он пишет: «Эти маленькие группы были помехой центральной организации Печерского и Фельдхендлера и заставили объединить всю подпольную деятельность в лагере в одну организацию»<sup>[180]</sup>.

Ключевое значение приобрела кооперация между подпольем в лагере и русскими солдатами. Ицхад Арад подчёркивал его решающее значение<sup>[181]</sup>. Группа подпольщиков была опытна и знала лагерь и различные условия, в то время как русские предоставили военные знания и лидерство. Встречи в женских бараках были прикрытием для собраний подпольщиков. Любые индивидуальные действия, а также любые действия или побег небольшой группы вызывали риск карательных действий против всех.

Побег должен был быть совершён всеобщими усилиями и терять время было нельзя. Краковский описывает, как Шломо Лейтман и Борис Цибульский попытались убедить Александра Печерского бежать, когда услышали женские крики. В тот момент немцы были заняты разгрузкой состава и убийством евреев в газовых камерах. Они хотели убить немцев топорами, которые им выдали для работы. А.А. Печерский сказал: «Возможно, нам удастся выбраться отсюда, но что ожидает остальных? Если мы сбежим, мы должны сделать это вместе со всеми, никто не должен здесь остаться. Некоторые из нас точно расстанутся с жизнью, но те, кто выживут, отомстят сполна». Б. Цибульский сказал: «Ты прав, но мы не можем откладывать это надолго. Наступает зима, и следы будут заметны на снегу»<sup>[182]</sup>. А.А. Печерский ответил, что они должны доверять ему. Он уже

прорабатывал план побега, а потому заставил их поклясться никому не говорить, и добавил, что скажет позже, что делать.

Как писал А.А. Печерский, в то время он был очень близок с Шломо Лейтманом, коммунистом из Варшавы, который провёл в тюрьме несколько лет. Они знали друг друга с Минска. А.А. Печерский описывает Лейтмана как маленького худого человека с глубоко посаженными глазами и правильным носом. Ему доверяли остальные. Совместными усилиями А.А. Печерский и Лейтман изучили несколько возможностей побега с целью добраться до партизан. Но теперь им нужно было разработать план массового побега, что требовало тщательной подготовки.

В мемуарах, переведенных в 1952 г., Печерский описал лагерь и сказал, что каждая часть была окружена колючей проволокой. Он немедленно начал делать карту лагеря. Через несколько дней он знал его и понимал, как он функционирует. 28 сентября А.А. Печерского пригласили в женский барак под предлогом романтической встречи. Шломо сказал, что девушки хотели встретиться с ним. Человек, который пригласил его, был известен под именем Борух. Это был Леон Фельдхендлер. Женские бараки были более спокойным местом, чем другие. А.А. Печерский описывает, что встречи придавали новые силы, здесь обсуждали науку, литературу и противоречия человеческой природы. Тут он встретил Люку, которая видела, как голых людей гнали в газовые камеры. Она чувствовала себя беспомощной.

В женских бараках А.А. Печерский и его товарищи из русских солдат общались с женщинами и девушками из нескольких стран. Им всем было очень интересно узнать, что происходит на фронте, и они задавали много вопросов. Русские солдаты рассказали о том, как немцы проиграли битву за Москву, как были разбиты под Сталинградом и о том, что Красная Армия достигла Днепра. Они рассказали, как напуганы были немцы в Минске и как немцы всегда передвигались в сопровождении не менее десяти хорошо вооружённых машин. Шломо переводил на идиш. Русских спрашивали, почему партизаны не атакуют лагерь, если их отряды были так сильны и многочисленны. Ответ был, что у партизан свои задачи.

В шесть часов утра 29 сентября заключённые подверглись коллективным издевательствам: их заставили разгружать кирпичи для новых зданий. Тех, кто не мог поддерживать темп работы, избивали кнутами. Все узники, мужчины и женщины, должны были перемещаться бегом, таская по 6–8 кирпичей. Любого, кто ронял корзину, наказывали 25 ударами палок. Любого замешкавшегося подгоняли кнутом. Разгрузка должна была быть закончена к моменту, когда новый состав заедет в тупик. Затем 80 мужчин

были направлены в северный лагерь, где А.А. Печерскому поручили работу над небольшими бараками. Из-за того, что в тот момент их охраняли только пятеро охранников, несколько заключённых захотели сбежать. А.А. Печерский предупредил, что сбежать отсюда будет непросто и выразил опасение насчёт того, что станет со сбежавшими. Он убедил их, что побег требует лучшей подготовки и сказал, что не хочет участвовать.

В тот вечер Фельдхендлер сказал А.А. Печерскому, что его появление в женских бараках произвело грандиозное впечатление. Фельдхендлер предполагал, что немцам был нужен их труд и потому некоторые могут выжить. А.А. Печерский начал регулярно обсуждать ситуацию с Фельдхендлером. Секретность массовых убийств на практике создала проблему, потому что немцы никому не позволяли рассказать о Собиборе. Поэтому можно было предположить, что все будут убиты и секрет исчезнет с их телами.

Фельдхендлер провёл в лагере уже около года, и А.А. Печерский был поражён, что он и его подпольная организация до сих пор не попробовала устроить массовый побег, и критиковал Фельдхендлера за это. В ответ Фельдхендлер сказал, что они думали об этом, но заключённые не знали, как действовать. Поэтому он попросил А.А. Печерского возглавить побег. Он доверял ему как советскому гражданину и солдату. «Пожалуйста, возьмитесь за это задание. Скажите нам, что делать, и мы подчинимся. Я понимаю, что вы не доверяете мне, вы правы, мы встретились слишком недавно, но мы должны прийти к соглашению. От имени группы я говорю, что мы доверяем вам! Пожалуйста, приступайте»<sup>[183]</sup>.

А.А. Печерский был очарован открытым, честным и серьёзным лицом Фельдхендлера, который знал, где именно находились мины, потому что он с другими узниками копал ямы. Шломо стал посредником и переводчиком. Он посредничал, когда Печерский и Фельдхендлер вновь встретились 7 октября. Они играли в шахматы и в это время могли поговорить. В особенности они обсуждали, как организована охрана. Фельдхендлер был хорошо информирован и все рассказал Печерскому. Они также обсуждали потенциальных надёжных союзников в лагере II. Идея была прорыть тоннель и они дотошно вычисляли параметры. План подразумевал, что надо выкопать 20 кубометров земли. Проблема была в том, чтобы спрятать выкопанную землю. Это нужно было проделывать в темноте и должно было занять от 15 до 20 дней.

Польский заключённый Наум Плотников прибыл в лагерь в начале 1943 г. Он вспоминал, как встретил А.А. Печерского: «Однажды группа еврейских заключённых прибыла из России. 30 или 40 из них были

отобраны на строительные работы. Вечером в бараке ко мне подошёл мужчина, прибывший с этой группой. Он спросил меня, откуда я был, и я тоже спросил его, откуда он был. Он был из Минска. От меня он узнал, что я из Лунинца. Он пригласил меня встретиться снова на следующий день, и мы встретились снова. Он спросил меня, как долго я находился в лагере. Я ответил ему, что больше месяца. Он попросил меня задержаться в бараках, где работали портные. Через несколько дней мы стали знакомы, он вовлёк меня в подпольную организацию, которую создал и возглавлял. Его звали Саша. Позднее, после войны, я выяснил его полное имя – Александр Печерский. Подпольная организация встретила днём позже. Он выдал задание, готовя людей к восстанию. В группе также были женщины»<sup>[184]</sup>.

Для написания истории восстания я использовала перевод воспоминаний А.А. Печерского на идиш, опубликованный в *Der Emes* в 1946 г., которые были позднее переведены и дополнены Юрием Шулем<sup>[185]</sup>. История известна многим, но я расскажу её снова. Текст 1946 г. идентичен тому, что опубликован в «Чёрной книге» и часто используется в качестве источника. А.А. Печерский описывает, как он и его друзья несколько дней составляли карту лагеря. Особенно он останавливается на объяснении, почему группа избрала сложный путь коллективного восстания. А.А. Печерский рассказал, как другая группа хотела сбежать в тот момент, когда было меньше охраны, чем обычно. Кто-то рассказал ему об этом, и он вспоминает: «Такой легкомысленный шаг мог бы очень навредить. Я старался доказать парню, почему нельзя это делать. «Легко сказать, – сказал я. – Охранники ведь не стоят все вместе. Одного убьёте, а второй откроет стрельбу. А чем вы перережете проволоку? А как вы пройдёте минное поле? Достаточно, чтобы вы задержались на несколько минут, и немцы могут принять необходимые меры. Может быть, кому-нибудь из вас и удастся прорваться, но что будет с теми, кто работает в бараках?». Он был убеждён, что их расстреляют. Он был убеждён, что хорошая подготовка давала больше шансов на успех, и отказался присоединиться к прорыву<sup>[186]</sup>.

В приватном разговоре Фельдхендлер предупредил, что некоторые заключённые уверены, что евреи получают свободу, если будут усердно работать. Он назвал их дураками. В то же время, понимая, что русские хотят сбежать, он беспокоился о тех, кто останется в лагере. Он был убеждён, что как только немцам станет известно, что побег возможен, они забеспокоятся, что секрет лагеря будет известен внешнему миру. По словам Фельдхендлера, это приведёт к полной ликвидации лагеря. Во время этого разговора Печерский задавался вопросом, почему другие думали, что он



сбежит, и постарался закончить этот разговор. Он был осторожен.

### **Не массовый побег, а восстание**

7 октября А.А. Печерский подал знак Фельдхендлеру, что хочет поговорить с ним, поскольку нуждался в большей информации об охране. В тот момент, за неделю до восстания, они всё ещё обсуждали возможность прорыть тоннель глубиной 80 см. Затруднение вызывало то, что им нужно было спрятать выкопанную землю, что можно было бы сделать, но заняло бы от 12 до 15 дней. Печерский волновался, что времени между одиннадцатую ночи и рассветом будет недостаточно, чтобы 600 человек проползли по тоннелю один за другим незамеченными. Он опасался, что люди начнут драться за право пройти первым, а некоторые не присоединятся, веря, что освободятся усердным трудом<sup>[187]</sup>.

А.А. Печерский предложил атаковать немецких офицеров. В то время он хотел собрать не меньше 70 острых ножей и бритв, чтобы обеспечить заключённых оружием. Он также хотел, чтобы его назначили с Шломо в мебельный цех, откуда он мог бы наблюдать за происходящим. Они обсудили возможное включение в план капо. Люди были назначены на эти места 8 октября и вечером получили первые 40 острых ножей от Фельдхендлера.

На следующий день несколько евреев были жестоко выпороты, и той ночью восемь человек были готовы бежать. Это казалось единственным решением. Они пригласили Б. Цибульского присоединиться. Идея исходила от человека по имени Гриша, одного из тех, кого выпороли тем утром<sup>[188]</sup>. Гриша пригласил Печерского пойти с ними тоже. Он хотел перерезать проволоку у плохо освещённых уборных. Печерский спросил его, подумал ли он о тех, кто останется – их немедленно убьют – и предложил место среди лидеров собственного плана побега. Печерский пообещал назначить его на значимую позицию в восстании, которое он организовывал. Гриша отказался и они поссорились. Затем Печерский сказал ему, что приготовления почти завершены и он хочет, чтобы сбежали все. Общий план будет раскрыт, если небольшая группа попытается сбежать сейчас. Печерский убил бы Гришу, если бы потребовалось. Он поставил у уборных крепкого человека в тот вечер, чтобы наблюдать за любым, кто попытается выбраться.

11 октября вновь прибывшие отказались идти в газовые камеры и были расстреляны. Это был намёк, что убьют всех любым способом, и это донесли до заключённых. На следующий день женщина из Голландии не

позволила увести её больного мужа в газовую камеру со всеми остальными больными. Она напала на немцев и присоединилась к мужу, пойдя в газовую камеру, крича немцам, что они убийцы. Тем вечером в мебельном цехе собрание решило пригласить капо Бжецкого и объединиться с несколькими другими капо. Тогда А.А. Печерский раскрыл свой план, как быстро убить много немцев за очень короткий срок. Убийство немцев должно было быть совершено советскими военнопленными, которых он отбирал лично. «Ясно, что для такого дела требуются люди отважные, решительные, с твердой рукой. Минута колебания, провал только одного участника операции могут привести к гибели всех», – говорил он<sup>[189]</sup>.

Капо Бжецкий должен был начать, убив четверых гитлеровцев, которые там работали. С этого момента никому не разрешалось покинуть лагерь; тех, кто поднимет шум, должны были заставить замолчать или убить. Сразу после этого перерезались телефонные провода и начиналась ликвидация офицеров в лагере I с того, что их пригласят в мастерские, где и убьют.

По плану чуть позже необходимо было сделать вид, что все заключённые строятся на работу. Колонна должна была направиться к выходу. Затем – нападение на оружейный склад и чуть позднее на охрану. Печерский жаждал сражаться, как только у русских окажется в руках оружие. Подпольщики знали, что 13 октября большое количество эсэсовцев будут отсутствовать в лагере. Что важнее, уедет Густав Вагнер. Как писал голландский выживший Шелвис, который использовал материалы из суда в Хагене 1966 г., Вагнер был за то, чтобы убить всех советских военнопленных, но Френцель «возражал, что они ему нужны в лагере IV»<sup>[190]</sup>.

Побег должен был начаться в пять вечера, после наступления темноты, но в 10:30 утра прибыла группа эсэсовцев из Осовы, где они были охранниками. Заключённые боялись, что они должны усилить охрану, но оказалось, что они приехали, чтобы есть и пить. Восстание было отложено. Эсэсовцы вернулись в Осову той ночью, и в канун 14 октября пожилые люди возносили молитвы. Это была Йом Кипур, «День искупления». Некоторые заключённые говорили им: «Молитесь лучше, чтобы Саша вам помог». Они отвечали: «Мы молимся, чтобы Бог помог Саше»<sup>[191]</sup>. Возможно, это апокрифическая история, которая была придумана позднее.

14 октября ни один состав не прибыл. Это очень важно, потому что суматоха сделала бы восстание невозможным. Печерский описывает день, как ясный и солнечный. Ножи были розданы, а заодно и несколько топориков. Все, кому нужна была тёплая одежда, получили её.

Унтершарфюрер Берг, как и ожидалось, пришёл в портняжную мастерскую в четыре вечера, чтобы примерить униформу, которую заказал. Через 15 минут с той же целью должен был прийти начальник охраны.

Я приведу теперь собственные слова А.А. Печерского 1946 г. вперемешку с более поздними историческими исследованиями. Печерский был назначен в мебельную мастерскую, из окна которой он мог просматривать весь двор лагеря I. Шломо Лейтман работал в бараках неподалёку с отобранной группой из 20 человек. «Все, кому поручено осуществить ликвидацию офицеров, работали в этот день с Лейтманом». Они все получили персональное задание от А.А. Печерского. Первым был А.М. Шубаев. Печерский описывал, как они молча пожали друг другу руки, когда он уходил. Б. Цибульский был его другом ещё с заключения в Минске. Он получил наиболее трудное задание. С другими он должен был пойти к Фельдхендлеру в лагерь II. Взяв топоры, Цибульский должен был нанести первый удар. «Своим ударом ты должен подбодрить других. Если кто-нибудь из ребят не сможет, замени его другим. К этому никого не следует принуждать»<sup>[192]</sup>. Борис (Фельдхендлер) ответил, что Печерскому не о чем беспокоиться. Он был уверен, что все лишь ждут сигнала. Весь план был прерван, потому что капо Бжецкий был внезапно переведён в лагерь IV и не мог выполнить свою часть задания.

Один из других заключённых, Шмайзнер, которому очень доверяли, умудрился раздобыть три завёрнутых в одеяло винтовки, запугав двух молодых заключённых ножом и заставив их сотрудничать, тайно передав их в окно. Он отдал винтовки А.А. Печерскому, который опознал в них русские. Шмайзнер хотел оставить одну из них себе, что спровоцировало первый конфликт вокруг владения оружием.

В четыре часа вечера началось восстание. Первый эсэсовец, Ниман, был убит после того, как ему сказали, что он должен примерить новое пальто. Нимана в бараках ждали. А.М. Шубаев выполнил задание и тело засунули под кровать. Он доложил об этом А.А. Печерскому. Это была точка невозврата. Следующий немец вошёл в портняжную мастерскую и больше не вышел. Буквально мгновением позже начальник лагеря III вошёл в сапожную мастерскую. Пока он примерял сапоги во время разговора, казавшегося почти дружеским, Аркадий Вайспапир использовал топор. Позже его спросили, просил ли его Печерский убивать. Он ответил: «Он не просил, он приказал. Мы были солдатами. В этих условиях любой понимал, что приказы следует выполнять. Он сказал нам, что должно быть сделано, и я сделал – я не размышлял. Он велел мне идти с Лерером в мастерскую. Нас послали освободить лагерь, поэтому мы пошли». А.М.

Вайспапир полагал, что у А.А. Печерского была особенная роль: «Он был приятным человеком. Его приятная внешность и бесстрашные действия привлекали к нему людей. Это была его главная сила во время подготовки побега – он сплотил разрозненную группу людей. Они различались не только идеологией и языком, но и убеждениями»<sup>[193]</sup>.

Почти что в 16:30 телефонные и телеграфные провода были перерезаны. Б. Цибульский объявил, что четверо немцев были убиты в лагере II, который находился «под командованием» Фельдхендлера. С этого момента никому нельзя было уйти, пока не будет дан сигнал вести всех к главным воротам. А.А. Печерский писал, что перед этим он видел Люку в последний раз. Он велел ей одеться в мужскую одежду, достаточно удобную, чтобы провести продолжительное время в лесу. Она обняла его, но, как писал А.А. Печерский, «проявить мягкость в решительный момент было нельзя». «Сейчас же возьми себя в руки! – сказал я со всей строгостью, на какую я только был способен. – Как тебе не стыдно? Ты ведь дочь коммуниста. Иди и переоденься. Будет сигнал, придешь и встанешь рядом со мной. Ты веришь мне?» Он сказал ей, что это единственный путь к жизни. «Мы должны жить, потому что должны мстить». Она вернулась через несколько мгновений и дала ему рубашку, которая, по её словам, принесёт ему удачу. Саша больше никогда не видел Люку. Вероятно, она не выжила.

События развивались не так гладко, как планировалось. Капо предупредил, чтобы один из немецких офицеров не ходил в бараки, внутри Шломо Лейтман убил другого немца. А.А. Печерский писал: «Пора было давать сигнал, но Франц (Френцель) всё ещё был жив и от него можно было ожидать всякое. Ситуация стала более хаотичной, но оставалась удачной». Они решили дать сигнал к восстанию. Люди начали прибывать со всех сторон. Семьдесят мужчин, преимущественно советских военнопленных, находились в передних рядах колонны, которая должна была отправиться к главным воротам. К группе присоединились совершенно растерянные люди, которые не могли ни сориентироваться, ни действовать. Колонна из лагеря II тоже начала подтягиваться. «Некоторые, потрясённые происходящим, от неожиданности подняли крик, кто-то был близок к обмороку, кто-то пустился бежать куда глаза глядят. Стало ясно, что построить людей в колонну невозможно. Тогда я громко крикнул: «Товарищи, вперёд!» «Вперёд за Родину!» – поддержал кто-то справа от меня».

А.А. Печерский описывает, как сплотились еврейские заключённые и люди закричали «Ура!». Но атака на оружейный склад провалилась и им не

повезло, когда заключённые были встречены пулемётным огнём. Большинство побежало к центральному выходу: «Охранник у ворот был сметён и раздавлен под напором людей. Восставшие открыли стрельбу из имевшихся у них нескольких винтовок, в фашистов полетели камни, в глаза им бросали песок, и все бежали, бежали к лесу»<sup>[194]</sup>. Другая группа проложила путь через колючую проволоку. Им пришлось пересечь минное поле, где многие погибли. Печерский выбрал другой путь прорыва через колючую проволоку, рядом с домом офицеров, предполагая, что там нет мин. Вокруг него шла пальба. «И вот мы оказались по другую сторону забора! По другую сторону минного поля!» Оставалось преодолеть всего одну полосу открытого пространства. Они побежали. Это было довольно мрачное описание, в котором упоминались месть и Родина.

### **Мифы и реальность в рассказах о восстании**

Мифы неизбежны в такие моменты. Согласно голландскому историку Ю. Шелвису, русские кричали «Вперёд, про Сталина!»[sic]<sup>[195]</sup>. Бывший узник Филипп Бялович описывает эту сцену следующим образом: «Леон и Саша поняли, что нужно сделать. Они немедленно запрыгнули на стол в передней части двора и обратились ко всем:

«Братья! Настал судьбоносный момент. Давайте восстанем и уничтожим это место. У нас мало шансов выжить, но по крайней мере мы погибнем, сражаясь с честью. Если кто-то выживет, расскажите о том, что случилось здесь! Расскажите миру об этом месте».

Я сразу же пообещал себе, что, да, если я переживу следующие часы, я выполню желания Леона и Саши. Я расскажу всем за пределами этого леса об этом проклятом месте и его отважных узниках»<sup>[196]</sup>.

Т. Блатт, другой спасшийся из лагеря, сохранил следующие воспоминания о А.А. Печерском: «Вскочив на стол, он произнёс короткую речь на русском, его родном языке. Это были не те высокопарные ободряющие слова, которые мы слышим в фильмах о войне. Его голос, чёткий и громкий, такой, что каждый мог его слышать, был спокойным и размеренным. Он сказал заключённым, что большая часть немцев в этом лагере была убита. Пути назад не было. Ужасная война опустошала мир, и каждый узник был частью этой борьбы. Он напомнил каждому о могуществе его родины, Советского Союза, и пообещал, что живыми или мёртвыми они будут отомщены, и то же касается трагедии всего человечества. Он дважды повторил, что те заключённые, которые каким-то чудом останутся в живых, должны стать вечными свидетелями этого

преступления. Он закончил свою речь призывом: «Вперёд, товарищи! За Сталина! Смерть фашистам!»<sup>[197]</sup>

Выживший Кальмен Веврык также упоминает Сталина – «Ура, на Сталина!»– и заявляет: «Сталин был нашим Богом тогда; каждый еврей искал в Сталине своего спасителя. Сначала один человек, затем двадцать и, наконец, многие, многие другие закричали: “Ура, на Сталина!”»<sup>[198]</sup>.

Воззвание к Сталину также было частью истории, рассказанной мне Филипом Бяловичем в интервью в Нью-Йорке 9 апреля 2010 г. Воспоминания меняются и после столь многих лет хранятся в памяти иначе. С годами в воспоминаниях Филиппа Печерский стал большим коммунистом. Этот рассказ включён Шелвисом в книгу о Собиборе<sup>[199]</sup>, но Сталин упоминается и в воспоминаниях А.А. Печерского, переведенных в 1952 г. еврейским историческим обществом в Польше: «Эти горячие призывы подобного грому звучали в лагере смерти». Он описал, как они сплотили всех евреев из множества стран. Однако, в его версии рассказа стол, на который он запрыгивал, отсутствовал. Лично я сомневаюсь в истории со столом. Ни один солдат в здравом уме не стал бы забираться на стол, на котором он мог бы стать лёгкой мишенью для немцев. Я не сомневаюсь, что люди кричали и вопили. Во время восстания многих застрелили, многие распрощались с жизнью или были ранены минами и пулями. В последующие дни немцы начали грандиозные поиски сбежавших евреев. Имена убитых эсэсовцев приводятся в посланиях властей Люблина, направленных вышестоящему командованию в Краков<sup>[200]</sup>.

М. Бем кратко изложил условия, которые привели к успеху. По его мнению, у членов движения сопротивления была хорошая работа и хорошие позиции. Они имели возможность и время, чтобы сосредоточиться на планировании. Он также утверждает, что немецкая идея коллективной ответственности уменьшила количество попыток побега. Как он писал: «многие заключённые заявляли даже, что не дали другим узникам бежать из лагеря в период перед восстанием»<sup>[201]</sup>. М. Бем отмечал парадоксальность того, что принцип коллективной ответственности действовал на пользу группе сопротивления. Он утверждает, что охранники обращали меньше внимания на заключённых, поскольку предполагали, «что узники сами будут приглядывать друг за другом». Другим преимуществом стало наличие сильного лидера, способного организовать и поддерживать движение сопротивления.



Главная проблема относительно возможного побега заключалась в том, что людям некуда было идти. Так это описывает выживший Кальмен Веврык: «Дважды у меня была возможность бежать. Рядом с Собибором начался большой лесной пожар, и они взяли нас тушить пожар. Немцы сказали, что пожар устроили партизаны. Дым был очень густым. Меня отправили набрать песка. Я был в полукилометре от основной группы заключённых; дым закрывал всё, а местность была очень лесистой. Я хотел всё бросить и бежать, но тогда у меня были сомнения. Где я смогу спрятаться? Они бы начали серьёзные поиски, поскольку не хотели, чтобы «секрет» Собибора вырвался наружу. Как далеко я смог бы убежать, прежде чем устал? Помните, я был слаб. И, свернувшись в какой-нибудь яме, смог бы я действительно обмануть собак, которых они бы пустили по следу?»<sup>[202]</sup>.

В другой раз он был вместе с четырьмя другими евреями, которые торговались о продаже водки с одиночным украинским охранником. Веврык предложил убить его, но остальные отказались. По словам Веврыка, многие евреи знали, как сбежать, поскольку они строили этот лагерь и знали схему проводов электрифицированного забора.

Я бы хотела добавить собственное наблюдение к объяснениям того, почему восстание оказалось успешным. Фактор, который не упоминает Бем: военную дисциплину у русских. Им было приказано сопротивляться, а они привыкли выполнять приказы, если был человек, чьи приказы принимались. В таких обстоятельствах люди отважились пойти на риск. Они знали, что им нечего терять. Но люди не могут автоматически сплотиться в таких условиях; должна быть воля и должна быть надежда. А.А. Печерский смог скрыть свои серьёзные сомнения в возможности успеха от всех, если не считать русских солдат.

В 1980 г. он сказал то, что повторял затем в последующие годы: «Я не мстил. Я сражался за Родину, как солдат, а не как убийца». Эти слова представляются преувеличением, но в них есть и некоторая правда. Во всех своих действиях русские вели себя, как солдаты, и сформировали группу. Филипп Бялович следующим образом описывал разговор со своим старшим братом Симхой: «Я знаю, мы можем рассчитывать на то, что советские солдаты выполняют свои поручения. Но, как насчёт других узников?»— говорит он. «Они не солдаты. У них нет подготовки или опыта в убийствах». Они согласились с тем, что, возможно, польские евреи не смогут убивать. «Мы положимся на советских солдат, насколько возможно», — сказал Симха<sup>[203]</sup>.

Двенадцать германцев были убиты, но, что ещё более важно, немцы были в панике и напуганы. Френцель перегруппировал подразделение, прежде всего он беспокоился о том, что партизаны могли воспользоваться хаосом и атаковать лагерь, чтобы освободить оставшихся узников. Он не был уверен, не являлось ли восстание результатом сотрудничества партизан и заключённых. Всех, кого нашли в лагере, держали под стражей в бараках. Френцель связался с вышестоящим начальством, и те немедленно направили спецподразделение (Einsatzcommandos) для тщательного обыска лагеря. Они убили всех евреев, которых ещё не задержали. Были предприняты защитные меры против нападения партизан. Постепенно стало очевидно, что часть украинских охранников пропала, хотя большинство находилось на стороне немцев. Возникли некоторые споры о том, нужно ли немедленно казнить оставшихся в лагере евреев. Ведь они были нужны для работы.

Я руководствовалась словами М. Бема во всём этом и использовала его подсчёты. По его сведениям, 14 октября 1943 г. в лагере было пять сотен евреев, из которых сто восемьдесят четыре не смогли бежать. Сорок один заключённый был убит во время восстания и сто тридцать – позднее. Судьба остальных тридцати двух неизвестна. В конечном итоге, *пятьдесят восемь* пережили войну. В следующие месяцы происходили постоянные стычки между немцами и сбежавшими евреями. И. Арад упоминает, немцы были настолько встревожены, что доложили в Берлин. Поисковая операция продолжалась четыре дня<sup>[204]</sup>. Беглецы уносили секрет, о котором никто не должен был знать.

Распространённым страхом среди узников было оказаться пойманными немцами. Как сказал выживший Дов Фрайберг: «Самым главным было не попасть вновь в руки немцев. Это было худшим, что могло случиться. Никто не верил, что мы смогли бы спастись бегством»<sup>[205]</sup>. Видеть убитых немцев было радостью, но беглецы не знали, куда бежать, и им пришлось выживать ещё десять месяцев. По словам выжившего Т. Блатта, недели после побега были ужасающими. Заключённых искали крупными силами, особое внимание уделялось дорогам, ведущим на восток, туда, где река Буг образовала естественную границу. Мосты охранялись, охрана стояла и на перекрёстках. Сам лагерь был немедленно закрыт и снесён при помощи евреев из Трешлики. Это заняло у работников месяц. Последних евреев расстреляли 23 ноября. Население, проживавшее вокруг лагеря, сразу же начало поиски золота и ценностей<sup>[206]</sup>.

А.А. Печерский бежал из лагеря, а вокруг него свистели пули. Он преодолел первые сто метров и добрался до открытого пространства, где всё ещё мог чувствовать на себе взгляды преследователей, поэтому постарался бежать как можно быстрее. Поскольку он был в открытом поле, пули всё ещё могли его достать. В лесу всё было по-другому, и он наконец добрался до укрытия. «Минуту я стоял неподвижно, – пишет он, – чтобы перевести дух, а потом оглянулся. Изнурённые, из последних сил люди продолжали бежать и добрались до деревьев. Но где Люка и Шломо?» Потом А.А. Печерский узнал, что большая часть узников из лагерей I и II смогла бежать, но многие из них погибли в открытом поле раньше, чем смогли добраться до деревьев. «Мы решили не оставаться в лесу, а разделились на несколько меньших групп, отправившихся в разных направлениях. Польские евреи решили направиться в сторону Хелма, они знали язык и местность. Те из нас, кто был из Советского Союза, зашагали на Восток».

А.А. Печерский понимал трудности тех, кто не говорил по-польски или по-русски. С осторожностью он постарался увеличить расстояние между ними и лагерем. «Мы могли ориентироваться по звукам выстрелов. Там, откуда они доносились, располагался лагерь». Эти выстрелы потихоньку отдалялись, и к вечеру наступила тишина. С А.А. Печерским были Б. Цибульский и А.М. Вайспапир.

А.А. Печерский и его люди решили добраться до русских партизан или территории, контролируемой Красной Армией. Это было логично, поскольку на польской территории их язык выдал бы их; если бы они перебрались через реку Буг, русский стал бы более распространён. Они встретили А.М. Шубаева, который передал им послание от Шломо Лейтмана, тот был ранен и продолжал оставаться в опасности. Как пишет Михаил Лев, Лейтман отправил своему другу Саше послание: «Мы должны отплатить, но не слезами, а с оружием в руках!»<sup>[207]</sup> В какой-то момент он больше не мог двигаться дальше и попросил его застрелить. Поскольку Михаил Лев часто общался с А.А. Печерским в последующей жизни, мы можем верить его рассказу, несмотря на то, что книга Лева является художественной. Гораздо позднее в Ростове он рассказывал об этом. А.А. Печерский оплакивал потерю близкого друга. Он чувствовал с ним более близкую связь, чем с другими. Выступая в 1950-е гг. перед бывшими партизанами, А.А. Печерский сказал: «Ясный ум, его спокойствие, отвага и самопожертвование придавали мне сил в самые трудные минуты жизни». Во всех его воспоминаниях он говорит, что задавался вопросом, что случилось с Люкой.

Печерский предложил идти всю ночь, и беглецы двинулись колонной, которую замыкал А.М. Вайспапир. Он запретил людям курить или говорить и заставил их держаться вместе. Если первый бросался на землю, все остальные должны были последовать его примеру. Необходимо было избегать паники. Иногда они встречали других беглецов, а в какой-то момент нашли группу больше. Теперь их было пятьдесят семь, и к рассвету они приблизились к железной дороге. Им нужно было придумать способ спрятаться в дневное время, и они выбрали невысокие кустарники, в которых замаскировались и лежали неподвижно, словно убитые, не издавая ни единого звука. Моросил мелкий дождь. Люди начали составлять карту местности, где они находились, и обнаружили, что они были недалеко от леса. Весь день над головами летали самолёты, но их не обнаружили. Когда наступила ночь, они встретили двух людей, попытавшихся перебраться через Буг. Они рассказали, что Люка направилась в сторону Хелма. А.А. Печерский тогда сказал, что группа слишком большая, и её будет невозможно прокормить, поэтому они разделились на более маленькие отряды. Группа из девяти человек пыталась добраться до Буга и пересечь реку, им это удалось.

Хотя я убеждена, что отделиться от большой группы и отправиться с теми, кто говорил по-русски, было мудрым решением, эта история более сложна и, возможно, менее красива. Разумеется, первоочередной задачей было добраться до Красной Армии. Каждый русский солдат знал, что военнопленных ждёт наказание, но добросовестное участие в боях могло смягчить приговор. Т. Блатт описывал, как А.А. Печерский объявил остальным узникам, что небольшая группа отправится с разведывательной миссией. Они также собрали деньги, чтобы купить еды. Оставшейся ждать большей группе оставили только одну винтовку, и, как поясняет Т. Блатт, они чувствовали, что лидеры их бросят. Так и случилось, они ждали впустую. «Мы потеряли надежду. Несмотря на обещание, он сбежал. Они забрали наши деньги и ружья и ушли. Или с ними что-то случилось? Теперь мы остались без руководства и оружия, не считая одной винтовки»<sup>[208]</sup>. Потом, писал Т. Блатт, начались ссоры, и более сильные ушли, оставив более слабых и пожилых.

Гораздо позднее, в 1980 г., Т. Блатт навестил А.А. Печерского в Ростове. Он признал, что ему никогда бы не удалось остаться в живых без организатора восстания. Но он хотел, чтобы А.А. Печерский объяснил, почему он покинул большую группу товарищей по лагерю. Он писал: «Несомненно, остальные выжившие и я считали Сашу героем, и мы все

были согласны, что, если бы не он, ни один еврей не выжил бы в Собиборе. Несмотря на это, у меня было несколько наболевших вопросов.

ТОМАС: «В твоих воспоминаниях ты изложил то, как ты покинул в лесу остальных беглецов, несколькими предложениями: «Мы поняли, что не было смысла продолжать двигаться вместе такой большой группой; поэтому, мы разделились на несколько небольших отрядов, каждый из которых пошёл своим путём». Саша, ты знаешь, вера заставляла меня держаться рядом с тобой. После твоей речи, сразу перед побегом, я потерял тебя на какое-то время и встретил снова у колючей проволоки, а потом снова потерял, чтобы встретиться в лесу. Я был с тобой до твоего ухода и воспринимаю это иначе».

Саша сдвинул брови и посмотрел на меня пронзительным взглядом.

ТОМАС: «Саша, не пойми меня неправильно, пожалуйста. Благодаря тебе я сейчас жив. Благодаря тебе многие из нас завели семью, детей, внуков, а не нашли свой конец в Собиборе. Если бы ты жил на Западе, тобой бы восхищались несчетные тысячи. Я просто хочу знать, почему ты не сформировал из нас партизанский отряд?»<sup>[209]</sup>

А.А. Печерский пояснил, что считал себя солдатом и знал, что у небольших отрядов больше шансов выжить. Он не мог сказать людям, что ему придётся их покинуть. Они бы последовали за ним. «Что я могу сказать, ты был там. Мы были всего лишь людьми. В дело вступили основные инстинкты. Это всё ещё была борьба за выживание». Он отрицал, что ему было известно о деньгах, он не мог обеспечить контроль над всем происходящим. А те, у кого было оружие, не отдали его.

### **Стыд и вина в свидетельствах**

Чувство вины и стыда есть во всех рассказах, есть они и в рассказах выживших. Это ведёт к искажениям. В свою книгу Томас (Тойви) Блатт включает длинную историю о А.А. Печерском, рассказывая, что тот якобы попал в тюрьму на много лет. Он также описывает слова Печерского о том, что тот не искал мести, а сражался за Родину, как солдат. Его восхищение А.А. Печерским заставило его написать книгу таким образом, и в 1980 г. он захотел, чтобы мир понял, как сильно он хотел признания героической роли их лидера.

Многие свидетельства определены тем, как именно рассказчики выстраивали свои истории, которые затем рассказывали миру. Это памятники времени и месту. В бывшем Советском Союзе ряд историй не рассказывался, как объяснил Алексей Вайцен из Рязани. Алексей рассказал,

что до конца 1980-х гг. он не мог говорить о том, что пережил в Собиборе. Поэтому, как утверждал он, история о страданиях евреев была закрыта.

Когда я брала интервью у Эстер Рааб в Нью-Джерси в 2010 г., там были долгие моменты, когда камеру выключали. Нам нужны были мгновения покоя. Эстер работала уборщицей в казармах украинских охранников. Вот почему она узнала Ивана Демьянюка, в то самое время представшего перед судом в Мюнхене. Она сказала, что любая женщина, которую принуждали к близости с мужчиной, всегда его узнает и вспомнит. Мы оба не хотели об этом говорить. Мне было слишком неловко спрашивать, что она имела в виду; на её лице слишком отчётливо была видна боль. Теперь мы можем только догадываться об этом. Половые связи с еврейскими женщинами официально считались позором для арийцев и вследствие этого наказывались. Между немцами и евреями было много насильственных сексуальных контактов, но Демьянюк был из Украины и не принадлежал к высшей расе.

Когда я брала интервью у выживших участников восстания, я сталкивалась с чувством стыда и вины, настолько подавленным и настолько сильно связанным с той травмой, которая его породила, что все, кого я спрашивала, отказывались говорить об этом. На самом деле, эта тема избегалась практически во всех интервью, которые я слышала, и во всех видеозаписях, которые я видела. Было общее согласие с тем, что каждому должна быть дана возможность бежать, но у людей из лагерей III и IV такого шанса никогда не было. Никто не попытался открыть для них дверь, и у людей, которые отвечали за самую грязную и отвратительную работу – газовые камеры и крематорий – не было ни единого шанса. Никто не может убедить меня не задуматься на минуту об убитых в ту же ночь и на следующий день <sup>[210]</sup>.



## Арон Шнеер (Израиль)

### Новые материалы о лагере смерти Собибор (по материалам архива Ильи Эренбурга и уголовным делам вахманов-травниковцев)

Первые свидетельства о лагере смерти Собибор датируются концом июля-сентябрем 1944 г. в связи с освобождением Красной Армией в июле 1944 года территории лагерей Майданек, Белжец, Собибор, Треблинка и захватом при этом нескольких вахманов-травниковцев, служивших в этих лагерях, а также некоторой лагерной документации.

Кроме того, в хранящемся в Яд Вашем архиве писателя Ильи Эренбурга, имеются свидетельства спасшихся узников Собибора: Хаима Поврозника польского еврея<sup>[211]</sup> и голландской еврейки Зелмы Вайнберг<sup>[212]</sup>. Переведенные на русский язык свидетельства (оригиналы на голландском и польском языках отсутствуют) подвергнуты рукописной корректуре: пометки, знаки препинания, стилистические исправления, вычеркнутые слова и предложения, которые не всегда можно прочесть, внесены исправления, в результате которых сознательно скрыта национальность убийц. Например, в оригинальном тексте использовано слово: «бульбовцы»,<sup>[213]</sup> подчеркивавшее украинское происхождение вахманов-травниковцев, заменено на слова «охранники». Конечно, необходимо отметить, что никакого отношения вахманы СС к «бульбовцам» Тараса Боровца не имели.

Именно этот машинописный текст, готовился к публикации. Однако лишь отдельные небольшие фрагменты этих отредактированных текстов вошли в «Черную книгу», в частности в очерк П. Антокольского и В. Каверина «Восстание в Собиборе»<sup>[214]</sup>. Зачеркнутые в тексте слова и строки мной написаны *курсивом*, **выделены** и заключены в скобки.

Эти свидетельства узников и местных жителей были собраны сотрудниками политотделов 65-й армии, освободившей территории, на которых находились лагеря. Оба документа датированы 10 августа 1944 г. Копии этих свидетельств в переводах и были предоставлены в распоряжение И. Эренбурга. А потом кто-то, возможно, сам Эренбург, правил их и передал Антокольскому или Каверину для написания очерка о Собиборе.

Интересно, что в свидетельстве Х. Поврозника рассказывается о нескольких попытках побега из Собибора еще до восстания в октябре 1943 г. Хаим Поврозник родился в 1911 г. в Любомле. В сентябре 1939 г., будучи солдатом польской армии, попал в плен. Содержался в лагере в г. Холм: «<...> Здесь был лагерь для евреев. Заняты мы были на тяжелых работах. В 1942 г. в Холме началась так называемая «акция» на евреев. **(Везде начали в массовом масштабе убивать.)** Трупы валялись на улицах и их долго не убирали. Особенно свирепствовали гестаповцы Ранендорф и Тайман. Они поднимали еврейских детей на верхние этажи домов и вывешивали их на улицу, привязав за волосы. В Холме было до войны 16.000 евреев, сейчас их осталось 15–20.

В феврале-марте 1943 г. в наш лагерь приехал эсэсовец шарфюрер (потом я узнал, что его фамилия Вайс) **(вместе с бульбовцами)** всех обитателей лагеря поставили в ... *(слово зачеркнуто и непонятно. – А.Ш.)* в ряды и погнали на станцию. Когда нас повезли, мы догадались, что в Собибур. Мы уже знали о лагере смерти или, как его называли еще – «вечным лагерем». В пути мы пытались **(ножами и досками)** открыть двери и убежать, но на подножках вагонов стояли охранники с карабинами, которые начали стрелять. Все же нескольким человекам удалось убежать. В Собибур *(в оригинальном тексте именно так. – А.Ш.)* прибыло около 120 мужчин и 60 женщин. Женщин и детей сразу же отделили и погнали в «баню». Многие из нас в последний раз видели своих жен и детей. **(У нас забрали деньги.)** Комендант лагеря обершарфюрер Вагнер опросил людей, кто имеет какую специальность. Потом оказалось, что для работы немцам требуются 12 столяров. В их числе оказался и я. Я попал в первый лагерь *(рабочий. – А.Ш.)*.

Остальные мужчины были уведены в третий лагерь. *(Территория уничтожения: газовые камеры, ямы для сжигания трупов. – А.Ш.)* Дело в том, что незадолго до этого, в феврале 1943 г. один **(бульбовец)** охранник вместе с мужчиной и женщиной из заключенных пытались бежать из лагеря. В отместку за это немцы расстреляли всех 150 евреев из третьего лагеря, работавших у печей. Туда, в третий лагерь и требовались люди из нашего Холмского лагеря.

Попав на такую страшную работу, люди решили, что не станут убивать своих братьев и сестер. Они сразу начали делать подкоп под землей. Уже было прокопано 30 метров, когда заговорщиков предали. Унтершарфюрер Нейман всех расстрелял. Нейман был чем-то вроде политического руководителя в лагере. **(Он)** этот убийца, обходил ряды обреченных и каждому старался сказать «доброе слово».

Теперь мы, узники первого лагеря, думали, что и нас убьют, но начальник нашего лагеря обершарфюрер Френцель собрал нас и сказал:

– Преступники хотели напасть на нас и заплатили за это жизнью. Вы, как хорошие люди, будете работать у нас и вам будет хорошо.

Френцель передал из нашего лагеря 30 человек для работы в третьем лагере.

Примерно в то же время произошло следующее событие: команда, составленная из заключенных, работала в лесу. Немец послал двух заключенных, сопровождаемых (**бульбовцами**) охранниками за водой, заключенные убили охранника и убежали. Немец пошел искать (**бульбовца**) охранника, а в это время убежало еще 12 польских евреев. Голландцы бежать не хотели, они верили немцам. Часть заключенных немцы убили в лесу, а остальных заставили ползти в лагерь. На площади второго лагеря немцы поставили 10 евреев в ряд и в упор их расстреляли. Перед смертью несчастные кричали нам, свидетелям их убийства.

– Боритесь с немцами, отомстите за нашу смерть.

**(Один из десятка сказал: Я хочу жить.**

**– Хочешь жить? На живи, – и выстрелил. Таков был ответ немца)**  
[\[215\]](#).

Немцы боялись побегов заключенных, хотя лагерь хорошо охранялся. Вокруг было много вышек, на которых стояли часовые. Три ряда колючей проволоки окружали лагерь. За проволокой был ров 3 метра на 2 метра, заполненный водой. Минные поля кругом имели метров 25 в глубину. Все же немцы предприняли новые меры для охраны. Они закрыли окна бараков колючей проволокой, установили посты и внутри лагеря у помещений.

Некоторые побеги удавались. Бежали два коммуниста. В ответ на это немцы расстреляли 20 человек. В июне 1943 г. один голландский журналист организовал побег 72 человек. Немцы после этого убили большое количество людей на площади лагеря.

В августе 1943 г. в Собибур пригнали из Минска 600 советских военнопленных офицеров и бойцов Красной Армии – евреев. (*Поврозник ошибается. Эшелон из Минска прибыл в Собибор 22 сентября 1943 г. – А.Ш.*) 80 человек из них немцы отделили и оставили работать, а остальных удушили и сожгли. В числе оставшихся в живых был политрук Сашка – замечательный ростовский парень. Это он задумал устроить массовый побег (**из проклятого Собибура.**)

Сашка очень осторожно подбирал участников заговора, чтобы не было предательства, расставил людей. План состоял в том, чтобы в один момент порвать в лагере связь и сигнализацию, убить немцев-палачей и вырваться

из заключения. Сашка готовил восстание, в кузнице (**секиры**) топоры и ножи, предполагалось использовать оружие убитых немцев.

Восстание было назначено на 14 октября 1943 г. В первом лагере многие из мастерских назначили на установленный час – 5 часов вечера – примерку своим клиентам немцам. В этот час электрик-заключенный порвал линию связи и освещение лагеря. Когда обершарфюрер Грейшут – начальник (**команды бульбовцев**) охраны, пришел к сапожнику, тот его тут же в дверях убил секирой. Цугвахмана охранника Клятта убили в той же сапожной мастерской. Один немец на лошади подъехал к портному и вошел в помещение. В это время мальчик увел лошадь, а немца во время примерки стукнули секирой по голове, а труп спрятали под кровать. То же самое происходило и во втором лагере. Унтершарфюрера Вольфа убили в магазине, а труп спрятали под вещи. Там же убили его брата. Унтершарфюрер Бекман придя в канцелярию, взялся за оружие, но его не минула расплата. Его убил Генрих Энгель, молодой человек из Лодзи. Всего восставшие убили 12 немцев и 4 (**бульбовцев**) охранников. В ходе восстания пленники захватили у немцев оружие и убивали из него врагов, стреляли в часовых на вышках. Люди устремились к колючей проволоке, разорвали ее, но многие подорвались на минах. Тогда были использованы доски, которые проложили путь через минные поля. Таким образом, в лес убежало около 400 человек»<sup>[216]</sup>.

Все описанное выше не вошло в очерк Антокольского и Каверина, опубликованный в «Черной книге». Ими включен был лишь следующий заключительный фрагмент воспоминаний Х. Поврозника: «Большая группа собралась в лагере, в центре стоял наш руководитель славный Сашка, и он крикнул:

– За Сталина, ура! (*Маловероятно, чтобы в такой момент прозвучало имя Сталина. Вероятно, это вставки переводчика либо сотрудника политотдела 65-й армии, имя которого, к сожалению, неизвестно. – А.Ш.*)

Разделившись на мелкие партии, мы разбрелись в разные стороны по лесу. Немцы устроили облаву, самолеты обстреливали лес. Очень многие были убиты. В живых осталось не больше 50 человек. Мне самому удалось пробраться в Холм, где я скрывался до прихода Красной Армии. Тогда ко мне, узнику Собибура вернулась жизнь»<sup>[217]</sup>.

Следующий фрагмент тоже не вошел в очерк: «После восстания немцы убили оставшихся в Собибуре заключенных, сожгли и взорвали лагерь. <... > (**Мне известно**) что строили Собибурский лагерь немцы – Гольцаймер,

главный инспектор лагерей смерти и гражданский инженер Мозер». Поврозник Хаим. Холм, 10 августа 1944 года. Подписи нет<sup>[218]</sup>.

Следующий рассказ также частично, но в большем объеме включенный в очерк Антакольского и Каверина, принадлежит голландской еврейке Зелме Вайнберг, родившейся в 1922 г. в городе Зволле. Я использовал лишь фрагменты текста, в которых проведены небольшие стилистические изменения, за исключением двух, где исправления оказались существенными: изменение численности узников и исчезновение указания на еврейское происхождение жертвы: «В лагере находилось (в оригинальном машинописном тексте указано: «... около 8000». – А.Ш.) 2000 человек, но состав заключенных все время менялся, так как каждый вторник эшелон увозил около 1000 человек в Польшу. Многие **(думали)** надеялись, что встретятся там с родными. <...>

**(Солдат Вольф обходил)** Другой сентиментальный немец обходил голых детишек, **(которых гнали в душегубку)**, обреченных на смерть **(раздавал им конфеты, гладил по головкам, приговаривал)**, гладил их по головкам, совал конфеты и бурчал: «**(Будь здоровым дитя, все будет хорошо!)** Здравствуй, милочка. Только смотри, не бойся, все будет хорошо».

**(В малом лагере на сортировке одежды работал один голландский еврей.)** Какой-то голландский юноша, работавший на сортировке только что прибывших вещей, неожиданно **(занимаясь своим делом)**, увидел вещи своих родных. **(Он выбежал из магазина, увидел свою семью, которую гнали убивать, но его самого родные не узнали – настолько он изменился. Человек вернулся, заплакал, и никто его не мог успокоить.)** Вне себя он выбежал из склада, где работал, и в толпе идущих на казнь узнал всю свою семью.

**(В третьем лагере)** другой юноша **(работал у костров, где сжигали трупы. Однажды в горе удушенных он узнал своего отца и тайно выхватил труп, чтобы совершить погребение. Это ему удалось. Вскоре немцы убили самого юношу.)** среди задушенных нашел тело своего отца. Он пытался украсть и собственноручно зарыть это бедное родное тело. Немцы убили и сына.

Когда в лагере произошло восстание, мне удалось бежать. Вместе со мной убежали еще две девушки: Кетти Хокес из города Гах и Уржля Штерн из Германии. Кетти попала потом в партизанский отряд и там умерла от тифа. Уржля тоже воевала в партизанском отряде. Сейчас она во Влодаве. Вместе с Уржлей я была в Вестербурге и в тюрьме в Фихте, **(и)** вместе **(с ней жила)** прожила в **(Сабибуре и бежала оттуда)** Собиборе, вместе с

нею бежала и спаслась». Вайнберг Зелма. Холм, 10 августа 1944 г. Подпись отсутствует.

Существенно дополняют воспоминания спасшихся узников Собибора материалы уголовных процессов над вахманами, служившими в Собиборе и других лагерях смерти. Все они проходили специальную подготовку в учебном лагере СС Травники. Основные материалы о деятельности этого учебного лагеря СС Травники хранятся в архиве ФСБ Российской Федерации, а также в некоторых региональных архивах по месту проведения судебных процессов. В частности, множество материалов находится в архиве СБ Украины, ибо наиболее крупные процессы над травниковцами проходили в УССР в 1950–1970-е гг.

В справке от 18 февраля 1952 г., составленной на основании немецких трофейных документов и показаний обвиняемых, сказано, что в учебном лагере СС обучались «кадры карателей и палачей для лагерей смерти в городах Кракове и Люблине, в м.м. Треблинка, Бельзец и Собибор (Польша) для охраны концентрационных лагерей и еврейских гетто, созданных немцами на оккупированной территории СССР, Польши и других государств. Кадры для учебного лагеря в местечке Травники подбирались в основном из украинцев, уроженцев западных областей Украины и изменников Родины, бывших советских военнослужащих Красной Армии, добровольно перешедших на сторону противника в начале Великой Отечественной войны и из немцев, проживавших до войны в Советском Союзе. <...> из подготовленных карателей формировались особые команды СС, которые направлялись для работы в различные лагеря смерти, концентрационные лагеря и еврейские гетто. <...> команды СС использовались для массового истребления заключенных путем расстрела и умерщвления их в специально сооруженных газовых камерах»<sup>[219]</sup>.

Известны имена многих вахманов – бывших советских военнослужащих, служивших в Собиборе с первых дней его создания. Так, 2 ноября 1949 г. начальник управления МГБ по Днепропетровской области полковник Сурков утвердил обвинительное заключение по следственному делу № 6491 по обвинению Рябека Ф.Я., Андреевко М.П., Гордиенко Т.С. в преступлениях, предусмотренных ст. 54-1 «б» УК УССР. Следствием было установлено что: «Находясь в лагере для советских военнопленных в г. Хелм, все поименованные выше обвиняемые в октябре 1941 года изменили своей Родине, <...> были направлены на учебу в школу войск СС м. Травники, готовившую кадры карателей для последующей службы в лагерях массового истребления граждан.

Окончив Травниковскую школу войск СС и получив звание вахманов,



Андрееenko, Гордиенко, Рябека в июне 1942 г. были направлены для прохождения дальнейшей службы в лагерь массового уничтожения граждан Собибор, дислоцировавшийся в Польше, где вместе служили до марта 1943 г. <...> Являясь вахманами германских войск СС, все названные обвиняемые с оружием в руках охраняли обреченных на смерть людей, поставлявшихся в лагерь Собибор эшелонами для массового умерщвления путем расстрелов и удушения газами в специально сооруженных камерах – «душегубках». <...>

Являясь вахманом войск СС при лагере смерти Собибор, Рябека конвоировал на работу по заготовке лесоматериала специально созданные немцами т. н. рабочие команды из числа арестованных граждан, которые использовались для извлечения трупов из «душегубки» и сжигания их. Затем эти рабочие команды тоже уничтожались. Подтверждается личными признаниями обвиняемого Рябека»<sup>[220]</sup>.

В ходе проведенных очных ставок обвиняемые изобличали друг друга<sup>[221]</sup>. Вот один из примеров: «Протокол очной ставки 20 октября 1949 г. между обвиняемым Рябека Федором Яковлевичем 1906 года рождения и задержанным Андрееenko Михаилом Петровичем 1912 г. рождения. <...>

Вопрос обв[инителя]: Рябека расскажите, что вам известно о Андрееenko?

Ответ:... вместе со мной <...> направлен в Собиборский лагерь... куда свозились люди разных национальностей и истреблялись. После марта 1943 г. Андрееenko и я переведены в лагерь смерти Аушвиц...

Вопрос задерж[анному] Андрееenko: Вы подтверждаете показания Рябека Федора?

Ответ Андрееenko: Да, показания Рябека Федора я подтверждаю полностью»<sup>[222]</sup>.

Т.С. Гордиенко, служивший в Собиборе и Аушвице, на допросе 21 октября 1949 г. рассказал, что после войны проходил специальную проверку, его допрашивал работник СМЕРШ. По словам Гордиенко, «я <... > скрыл от советских органов <...> о том, что я изменник родины и о своей учебе в Травниках, и о том, что я вахман в Собиборском и Аушвицком лагерях. Скрыл потому, что боялся наказания и ответственности»<sup>[223]</sup>. После первичной проверки Гордиенко был направлен в г. Чкалов и Рязань в проверочно-фильтрационный лагерь МВД, но и там ему удалось скрыть свою службу в СС. После проверок в двух лагерях Гордиенко был в г. Горький в управлении лагеря № 117, в котором работал вахтером по охране

военнопленных до октября 1947 г. После чего его отпустили домой в с. Лиховка<sup>[224]</sup>.

Увы, это не единственный случай. После войны многим травниковцам, удалось пройти спецпроверки, скрыть свое службу в СС. Некоторым убийцам после войны удалось даже устроиться на работу в школу. Так, Василий Гайдак, служивший с марта 1942 г. до конца февраля 1943 г. вахманом в лагере смерти Собибор, а затем до окончания войны в различных концлагерях, устроился на работу завучем неполной средней школы в селе Нижние Жары Полесской (с 1954 г. Гомельской) области, где работал до дня своего ареста в июне 1950 г.<sup>[225]</sup>

27 июня 1951 г. Военный трибунал Киевского военного округа приговорил к смертной казни четырех травниковцев Петра Гончарова, Николая Щербака, Ивана Мачулина, Николая Федорова, охранявших еврейское гетто в Люблине, служивших в лагерях смерти Собибор и Трешлинка, в концлагерях Штутгоф и Заксенхаузен. Кассационные жалобы были отклонены и 10 сентября 1951 г. приговор был приведен в исполнение в Днепропетровске<sup>[226]</sup>.

6–9 сентября 1952 г. вновь военный трибунал Киевского военного округа на закрытых заседаниях рассматривал дело А.И. Егеря, Н.В. Паевщика, П.П. Бондаря, Г.А. Гапиенко, С.И. Бузивского, В.И. Ялынчука (Еленчука). Все они были арестованы в 1948–1952 гг. Управлением МГБ Донецкой области. Все обвиняемые после обучения в Травниках одновременно служили вахманами, а А. Егерь – цугвахманом, был командиром взвода, в лагерях смерти Собибор, Трешлинка, затем в концлагерях в Люблине, Штутгоф, Заксенхаузен. Гапиенко и Бузивский, кроме того с марта 1943 г. служили в Аушвице, а затем в Бухенвальде<sup>[227]</sup>. 9 сентября 1952 г. подсудимые были приговорены к расстрелу. Приговор в отношении всех обвиняемых был приведен в исполнение 28 ноября 1952 года в Днепропетровске<sup>[228]</sup>.

Кроме советских военнопленных, многие из травниковцев – украинцы, проживавшие на территориях, входивших до 1939 г. в состав Польши. После 1944 г. они, скрыв свое прошлое, создав семьи, продолжали жить и работать в родных местах. Однако после войны происходил обмен населением между СССР и Польшей. Поляки, проживавшие на территории Западной Украины, переселялись в Польшу, а многие украинцы, проживавшие в Польше, отправлялись на Украину. На 31 октября 1946 г. из Западной Украины в Польшу было переселено 810,5 тыс. человек, а из Польши – 482,109 тыс.<sup>[229]</sup> Все перемещенные на территорию СССР из

Польша украинцы подвергались особой проверке, в результате было выявлено много нацистских пособников, среди которых и те, кто прошли обучение в Травники, а затем служили в лагере смерти Собибор, где участвовали в уничтожении евреев.

Приведем документ:

«Проверить во Львове. Ориентируйте РОМГБ<sup>[230]</sup> ср. 30.VIII 47

### **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО**

Литер «В»

УПРАВЛЕНИЕ МИНИСТЕРСТВА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПО  
ВОЛЫНСКОЙ ОБЛАСТИ

4 ОТДЕЛ

21 августа 1947 года № 4\1650 гор. ЛУЦК

НАЧАЛЬНИКУ УМГБ ПО ЛЬВОВСКОЙ  
ОБЛАСТИ ГОР. ЛЬВОВ

Управлением МГБ по Волынской области в течение апреля-августа с.г. была арестована группа бывших охранников (вахманов) Травниковского и Люблинского лагерей «СС», прибывших в СССР по переселению из Польши.

<...>

Вахманы несли службу по охране заключенных в лагерях граждан еврейской национальности, принимали участие в массовом уничтожении еврейского населения путем расстрела и отравления в специальных газовых камерах.

По показаниям арестованных участие в физическом уничтожении граждан еврейской национальности принимали участие следующие лица:

1. Папач Павел, 1924 года рождения, уроженец с. Скордыав (Скордов – А.Ш.) Холмского повиту, Люблинского воеводства (Польша). Летом 1943 г. поступил и впоследствии окончил специальную школу вахманов (охранников) при учебном лагере «СС» в м. Травники (Польша). Дал подписку о добровольной службе в карательных отрядах «СС». **Нес охрану заключенных граждан еврейской национальности в Травниковском и Сабибурском<sup>[231]</sup>** (здесь и далее выделено мной. – А.Ш.) лагерях смерти.

В октябре месяце 1943 года принимал активное участие в физическом уничтожении граждан еврейской **национальности в Сабибурском лагере смерти.**

2. Слифизянко Павел, 1924 года рождения, уроженец Полтавской области, украинец, бывший военнопленный Советской Армии, в 1943 году окончил специальную Школу вахманов (охранников) «СС» при учебном лагере «СС» в м. Травники (Польша). Дал подписку о добровольной службе в карательных отрядах «СС», нес охрану заключенных граждан еврейской национальности в **Травниковском и Сабибурском лагерях смерти.**

В октябре месяце 1943 года принимал активное участие в физическом уничтожении граждан еврейской национальности в Сабибурском лагере смерти.

3. Похилинский Владимир, 1925 рождения, уроженец с. Плавницы, Холмского повиту, Люблинского воеводства (Польша), беспартийный. Летом 1943 года поступил и впоследствии окончил специальную школу вахманов (охранников) в Травниковском учебном лагере СС. Дал подписку о добровольной службе в карательных отрядах СС. **Осенью 1943 г. принимал участие в массовом уничтожении граждан еврейской национальности в Сабибурском лагере смерти, расположенного около м. Сабибур (Польша).**

4. Кушелюк Петр, 1925 г. рождения, уроженец с. Плавницы, Холмского повиту, Люблинского воеводства (Польша), украинец, б/п, летом 1942 г. поступил и впоследствии окончил специальную школу вахманов (охранников) при учебном лагере СС м. Травники (Польша). Дал подписку о добровольной службе в карательных отрядах СС. Нес охрану заключенных граждан еврейской национальности в Травниковском и Сабибурском лагерях смерти. **Осенью 1943 г. принимал участие в массовом уничтожении граждан еврейской национальности в Сабибурском лагере смерти.**

<...>

Учитывая, что вышеперечисленные лица являются переселенцами из Польши в СССР и направлены в различные области Украины, просим принять меры розыска и установления их родственных и иных связей.

О результатах розыска просим сообщить.

Начальник Управления МГБ Волын. Обл.

Полковник Матвеев.

Начальник 4 отдела УМГБ Волын. Обл.

Подполковник Давыдов». [\[232\]](#)

Существенно дополнил сведения о происходившем в Собиборе арестованный 1 июня 1961 г. Яков Карплюк, служивший в лагерях смерти Собибор, Треблинка и концлагере Штутгоф. В июне 1942 г. он из учебного лагеря Травники в составе группы вахманов прибыл для продолжения службы в Собибор. На допросах 11 и 25 августа 1961 г., Карплюк подробно рассказал о службе вахманов в Собиборе. Он показал, что «немцы, цугвахманы и ротенвахманы были вооружены пистолетами, которые они носили в кобурах на ремне. Помню, что у Беккера был большой пистолет в деревянной кобуре»<sup>[233]</sup>. (Маузер. – А.Ш.) Остальные вахманы были вооружены пятизарядными винтовками.

По словам Карплюка, был установлен следующий порядок несения службы каждым взводом вахманов: раз в три дня взвод назначался на сутки в караул. В его обязанности входила наружная охрана лагеря. Начальник караула цугвахман распределял вахманов взвода посменно на посты на вышках. Каждая смена находилась на посту по 2 или 4 часа. Кроме того, в ночное время из караульного взвода назначались дополнительные часовые, дежурившие между вышками. Задача часовых состояла в том, чтобы «никто из завезенных в лагерь для уничтожения евреев не бежал из лагеря. В случае попытки кого-либо проникнуть через ограждения из колючей проволоки за территорию лагеря, нам были даны указания открывать по ним огонь»<sup>[234]</sup>.

После суточного дежурства взвод один день отдыхал, а затем на третьи сутки дежурил по лагерю: охранял евреев-смертников из рабочих команд.

Когда в лагерь прибывал эшелон с обреченными на смерть, командиры взводов, не назначенных в караул, собирали всех свободных от дежурства вахманов и выставляли их вокруг вагонов, вдоль прохода из колючей проволоки от раздевалок к «бане» – душегубке, к самим раздевалкам и душегубке. Вахманы должны были предотвращать возможные побеги привезенных евреев, способствовать быстрому загону в раздевалки и особенно в душегубку для непосредственного уничтожения.

Одновременно командиры взводов назначали вахманов на дежурство в «лазарет». В обязанности этих вахманов входило «расстреливать доставляемых туда из вагонов больных и престарелых людей» не способных самостоятельно дойти до душегубки. Чтобы эти люди не замедляли продвижение к «бане», их расстреливали отдельно в самом начале подготовки к процессу уничтожения. Вахманы, стоявшие цепочкой с внешней стороны прохода, вместо оружия имели при себе плетки и палки,

которыми они избивали людей, когда те начинали догадываться о своей участи и не хотели сами заходить в душегубку<sup>[235]</sup>.

Большинство найденных и арестованных убийц под давлением неопровержимых улик вынужденно признавали свою вину и нехотя рассказывали о преступлениях, совершенных ими и их товарищами. Однако были и те, кто не признавали своей вины, изыскивали малейшую возможность скрыть свое прошлое, путем признания службы в немецкой армии, даже в СС, охранником в концлагерях, но они категорически отрицали службу в лагерях смерти, участие в издевательствах и расстрелах.

Именно так вел себя на допросе 20 октября 1961 г. в Киеве Эммануил Шульц из Брянска (по матери – русский, по отцу – немец) – травниковец, за хорошую службу получил звание цугвахман, служил в лагерях смерти Собибор и Треблинка. На вопрос следователя по особо важным делам подполковника Лысенко «Признаете ли вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?» Шульц отвечает: «В предъявленном мне обвинении я признаю себя виновным полностью за исключением применения мною физического насилия над людьми в процессе их уничтожения, а также отрицаю то, что я руководил действиями вахманов в процессе уничтожения людей в лагерях смерти Собибор и Треблинка. <...> Принимал участие в выгрузке людей, сопровождении их в газкамеры, но в камеры людей не заталкивал. <...> я людей не избивал, а воздействовал на них криком и угрозами. Физического насилия к людям не применял, но кричать и ругаться мне приходилось. Командовать вахманами в процессе уничтожения мне не приходилось»<sup>[236]</sup>. Вместе с тем Шульц сам подчеркивает: «Когда я попал в Собиборский лагерь смерти, я, увидев, что там делается, понял, что немцы звери»<sup>[237]</sup>.

За хорошую службу вахманы поощрялись. Наиболее исполнительные и отличившиеся вахманы из разных лагерей в качестве поощрения были отправлены в специальную ознакомительную поездку по Германии. Как показал на допросе Э. Шульц, во время его службы в Треблинке унтершарфюрер СС Вилли Метциг, с ним Шульц служил еще в Собиборе, «спросил меня, хочу ли я поехать на экскурсию. Я согласился. Летом 1943 г. меня в числе группы из десяти человек направили на экскурсию в Германию, ездили немцы уроженцы из Советского Союза<sup>[238]</sup> <...> Поехали автобусом через Варшаву в Берлин и рассматривали там достопримечательности. <...> пробыли около месяца. Нам показывали, вернее мы ездили, в Берлин, Дрезден, Штутгарт и другие, также мы



посещали сельскохозяйственные места. Я был на экскурсии целый месяц»<sup>[239]</sup>.

Кроме отпусков, отличившиеся вахманы, получали благодарность. Так, например, специальными приказами начальника учебного лагеря Травники штурмбаннфюрера Штрейбеля в 1942–1943 гг. были вынесены благодарности и отмечены за службу в Белжеце, Собиборе и Треблинке вахманы Федор Яворов и Алексей Милютин<sup>[240]</sup>. Особо усердные, отличившиеся в уничтожении узников вахманы также награждались специальными бронзовыми и серебряными медалями разных степеней для восточных народов. В декабре 1942 г. цугвахман СС Александр Егерь, служивший командиром взвода в лагере смерти Треблинка, был награжден серебряной медалью «Знак отличия для восточных народов II класса»<sup>[241]</sup>. Группенвахман В. Чернявский и роттенвахман С. Василенко, были награждены в октябре 1943 г. бронзовой медалью «Знак отличия для восточных народов I класса»<sup>[242]</sup>. В июле 1944 г. за безупречную службу в полиции безопасности бронзовой медалью был награжден и обервахман Яков Искарadow<sup>[243]</sup>.

В лагерях смерти Треблинка, Собибор, у служивших там вахманов, была возможность общаться с украинскими девушками. Их было несколько десятков, привезенных в феврале 1943 г. из Днепропетровской области в лагеря для вспомогательной работы. На допросе 20 сентября 1948 г. Михаил Разгоняев показал, что «в лагерь Собибор была доставлена группа девушек около 20 человек, которые исполняли работу прачек и уборщиц, стирали белье немцам и нам – вахманам, убирали комнаты, где жили немцы. Эти девушки <...> входили в число обслуживающего аппарата лагеря»<sup>[244]</sup>. «Украинки работали на кухне и официантками в столовой для немцев»<sup>[245]</sup>. Важно отметить, что в обзорной справке по архивно-следственному делу № 55402 по обвинению Егеря А.И. и других, фамилии вышеуказанных работниц перечислены в списке «других участников злодеяний».<sup>[246]</sup> И недаром. Молодые женщины не могли не знать, что происходило в нескольких десятках метрах от места их работы и проживания. Они слышали крики обреченных, выстрелы, дышали смрадом сжигаемых тел. Девушки сожительствовали с вахманами. Украинские подруги вахманов были прекрасно осведомлены о судьбе бывших владельцев золотых или серебряных украшений, ювелирных изделий, денег – всех тех подарков, которые женщины во множестве получали от своих ухажеров.

Знали об этом не только эти женщины. Знали о происходящем и о том, чем занимаются их мужья также жены и подруги вахманов, во время своих

визитов в лагеря. Дмитрий Тимошкин на допросе в Краснодаре 2 февраля 1965 г. показал, что уже летом 1942 г. когда трупы расстрелянных стали разлагаться, далеко окрест Белжеца было зловоние. А когда трупы стали сжигать, то «лагерь был покрыт черным дымом и к запаху разложившихся трупов примешался запах горелого человеческого мяса, который постоянно вызывал тошноту<sup>[247]</sup>. То же самое имело место и в Собиборе.

В ходе следствия обвиняемые и свидетели называли много имен своих сослуживцев. В отношении названных принимались специальные розыскные действия. Так, 30 октября 1961 г. в Киеве старший следователь по особо важным делам Следотдела КГБ при СМ УССР подполковник Лысенко, составил список на 162 травниковцев, упомянутых в ходе следствия, которые служили в лагерях смерти Треблинка и Собибор, а также в эсэсовской охране лагерей Аушвиц (Освенцим), Бухенвальд и Штуттоф в 1941–1945 гг. Привожу этот список частично: 1.Лех; 2. Добровольский Виктор Петрович;

3. Латыпов Егматула (Николай); 4.Золотухин Николай Дмитриевич; 5. Кинас Артур; 6. Девятка Кузьма; 7. Бинеман (Пильман) Франц; 8. Робертус Давид; 9. Рогоза Борис; 10. Цицюрин Иван; 11. Масько Иван <...>45. Квашук Степан; 46. Макаренко Иван; 47.Береговой; 48. Кайзер Александр; <...> 82 Лукьяненко Тарас; 83. Ритих Иван (Александр); 84. Родин Иван <...> 113. Бричка; 114. Радченко; 115 Гарбуз; 116. Кучма. <...> 154. Москаленко Степан; 159. Пашков Семен; 160. Разин Яков; 161. Рубец Григорий; 162. Демидюк Николай<sup>[248]</sup>. На каждого из 162 перечисленных преступников было заведено розыскное дело. Некоторые из списка будут найдены, арестованы и привлечены к суду, несколько человек уже умерли, многие так и не будут обнаружены.

20–31 марта 1962 г. в Киеве состоялся закрытый процесс военного трибунала КВО. Перед судом предстали одиннадцать травниковцев, все они служили в Собиборе, Треблинке и других лагерях: Э.Г. Шульц он же Вертоградов, Ф.Ф. Левчишин, С.С. Василенко, С.М. Прищ, И.С. Терехов, Я.А. Карплюк, Д.А. Бородин, А.Е. Говоров, И.Н. Куринной, он же Куренной, М.П. Горбачев, Е.С. Парфенюк. Решением трибунала 31 марта 1962 г. все обвиняемые были приговорены к расстрелу<sup>[249]</sup>.

По словам травниковца обервахмана СС Козловского Ивана Александровича, вместе с ним с декабря 1942 г. в лагере смерти Собибор служили: вахман, затем обервахман Алексеев Петр, Паньков Андрей, Сергиенко Сергей, Шабельник Михаил, Хрущев Александр, Хамко Василий, Печеный Григорий, Ратченко Иван или Василий<sup>[250]</sup>. Из

материалов следствия известны и другие имена вахманов, служивших в Собиборе, например: Федор Горун, Николай Юдин, Иван Ивченко, Федор Коровниченко, Андрей Зорин, Александр Дубенко, Владимир Морозов, Василий Панков, Леонид Плехов<sup>[251]</sup>. О Панкове в материалах следствия сказано: «Находясь в составе команды СС, Панков охранял лагерь для предотвращения побегов заключенных, а также с оружием в руках участвовал в конвоировании заключенных граждан от места высадки из эшелонов – в лагерь Собибор, а затем лично участвовал в конвоировании заключенных к душегубкам и лично загонял заключенных в душегубки, где они умерщвлялись газом. Как признал сам Панков, указанным способом с его участием было уничтожено до 100.000 чел. В том числе женщины и дети. В том же лагере Панков заставлял евреев, находившихся в рабочих командах, сжигать трупы замученных граждан в душегубках»<sup>[252]</sup>.

Особый путь в Собибор прошли несколько татар: Харис (Харес) Сабиров, Нургали Кабиров, Аглямутдин Бадуртдинов. Они в разное время в 1941 г. попали в плен и оказались в Майданеке. В апреле 1942 г. они дали согласие на сотрудничество с немецким диверсионно-разведывательным центром «Цеппелин», который готовил разведчиков и диверсантов из числа советских военнопленных для работы в советском тылу. В одну из разведшкол – в лесной лагерь Бреслау-Освиц и были направлены Сабиров, Кабиров, Бадуртдинов. Они прошли спецподготовку, но по каким-то причинам в июне 1942 г. их перевели на службу в войска СС и направили в Травники. Там они прошли очень короткий курс подготовки, ибо уже в конце июля, начале августа 1942 г. Сабиров, Кабиров, Бадуртдинов, направлены на службу в лагерь смерти Собибор<sup>[253]</sup>.

В лагерях смерти проходила постоянная ротация как отдельных вахманов, так и полностью вахманских команд: они пересылались из одного лагеря в другой. В августе 1943 г. из Яновского лагеря переведены в Собибор вахманы Чурин, Руденко и Павленко<sup>[254]</sup>.

16 сентября 1943 г. из учебного лагеря Травники в лагерь смерти Собибор были переведена очередная группа травниковцев. В рапорте коменданту лагеря Собибор перечислены фамилии 100 травниковцев. Среди них группенвахман СС Николай Савченко, обервахманы: Шиналик Т. (Так в документе. – А.Ш.), Музыкивский Петр, Нойман Фридрих, Яценко Петр. Далее перечислены фамилии еще 95 вахманов<sup>[255]</sup>.

В завершении рапорта отмечено: «У охранников имеются следующие предметы обмундирования и снаряжения: тиковые брюки и китель, черный

мундир и брюки, из оружия по одной винтовке, поясной ремень, пилотка, пара сапог, смена белья, два одеяла»<sup>[256]</sup>.

Обращаю внимание читателя на факт перевода этой группы вахманов в Собибор потому, что именно эти травниковцы примут участие в подавлении известного восстания узников лагеря, которое произойдет 14 октября 1943 г. под руководством советского военнопленного офицера-еврея Александра Печерского<sup>[257]</sup>. Эти вахманы будут расстреливать восставших из пулеметов, стрелять по ним из винтовок, затем расстреляют оставшихся в лагере узников.

Интересна история самого молодого вахмана Степана Копытика, служившего в Собиборе. На допросе во Львове 17 апреля 1968 г. С. Копытик, родившийся в 1927 г., показал: «До января 1943 года я жил со своими родными в селе Селище Холмского уезда Люблинского воеводства. В январе 1943 г., когда мне еще было неполных 16 лет, я выехал на работу в город Люблин, где на бирже труда немцы предложили вступить в немецкие войска СС. Я был рослый и, чтобы поступить на работу, указал в заявлении, что родился в 1925 году. На предложение немцев я согласился <...> меня направили в учебный лагерь СС, который находился в местечке Травники»<sup>[258]</sup>.

В марте 1943 г. Копытику было присвоено звание вахмана он был направлен в команду вахманов под командованием С. Малова в Люблин, где охранял гетто, концлагеря, участвовал в розыске партизан, в мае 1943 г. в составе 100 вахманов прибыл во Львов на службу в Яновский лагерь. Охранял лагерь, гнал узников на работы и загонял в эшелоны, которые увозили обреченных в лагерь смерти. На допросе Копытик категорически отрицал личное участие в массовом трехдневном расстреле евреев. С. Копытик говорит, что он в первый день расстрела узников Яновского лагеря стоял на вышке и видел, как вахманы и немцы конвоировали колонны узников на расстрел. Вероятно, на второй день он уже все-таки был на месте расстрела, ибо говорит, что «когда обервахман привел нас к месту расстрела, то я увидел, что огромный овраг был чуть ли не на половину заполнен расстрелянными узниками, кровь текла по дну оврага <...> Нас поставили в оцепление в 30 метрах от места расстрела. <...> в этом расстреле принимали участие все вахманы нашей команды. Мне не пришлось конвоировать узников на расстрел. Но мне было приказано стрелять в тех узников, кто попытается бежать <...> на третий день расстрела я стоял на вышке»<sup>[259]</sup>. Обратите внимание, что сам Копытик рассказывает о смене деятельности, своеобразной ротации вахманов в

течение трех дней. Судя по свидетельствам других вахманов, он, конечно, стоял не только в оцеплении, но и сопровождал узников к месту расправы и, возможно, лично расстреливал узников, как это делали другие вахманы. Из Яновского лагеря Копытик был направлен на службу в лагерь смерти Собибор<sup>[260]</sup>. Здесь Копытик также принимал личное участия в уничтожении евреев и в подавлении восстания. Вот такая короткая история 15–16 летнего убийцы.

Приведем ряд других выписок из показаний:

### **1. Из Протокола допроса 15 октября 1949 г. Федора Рябека.**

Вопрос: Кто принимал непосредственное участие в истреблении лиц в лагере смерти Собибор?

Ответ: Непосредственное участие в истреблении принимали немцы и бывшие военнослужащие Советской Армии, изменившие Родине и перешедшие на службу фашистской Германии<sup>[261]</sup>.

### **2. Собибор по показаниям травниковца цугвахмана Эмманнуила Шульца, служившего в Собиборе и Треблинке, на допросах 18–19 июля 1961 г. Киев.**

«Весной 1942 г. мне присвоили звание обервахман и направили командиром отделения в лагерь смерти Собибор. В указанном лагере уничтожали еврейское население в душегубках, а больных расстреливали в так называемом «лазарете». Мне, как командиру отделения, приходилось принимать непосредственное участие в уничтожении еврейского населения.

Когда я прибыл в Собибор, то там уже были цугвахманы Бинеман Франц, уроженец немцев Поволжья, Александр Кайзер, Маурер Соломон, а также вахман Яворов Феликс и другие, всего около 15 человек. К моменту моего прибытия Собибор был уже построен.

Лагерь Собибор был организован для массового уничтожения людей, главным образом еврейской национальности, путем удушения в специально оборудованных газовых камерах. Насколько помнится таких газовых камер было построено две или три. Удушение производилось газом от дизельного мотора. Возле газовых камер была вырыта большая яма размером примерно 20 на 50 метров, глубиной около 2–3 метров. В эти ямы выбрасывались трупы умерщвленных людей, которые присыпались песком. Кроме удушения газом уничтожались путем расстрела немцами и вахманами. Расстреливались обычно больные и истощенные люди, которые

сами не могли идти к душегубкам. Площадь этого лагеря была несколько гектар в виде прямоугольника. Внешняя граница лагеря была обнесена изгородью из колючей проволоки в два ряда высотой до трех метров, с вплетенными сосновыми ветками. По углам стояло четыре сторожевых вышки, где находились на дежурстве вахманы вооруженные винтовками. Кроме этого внутри лагеря были еще вышки. Была сторожевая вышка возле барака, где размещалась «рабочая» команда». Часть территории этого лагеря, где находились газовые камеры, ямы с трупами и барак «рабочей команды» была отделена изгородью из колючей проволоки от той части лагеря, где размещались немцы, вахманы и весь обслуживающий персонал.

Когда я прибыл в лагерь в составе команды вахманов, то массового уничтожения людей еще не производилось, эшелоны с людьми еще не прибывали, но к этому времени трупы были в ямах, так как был запах разложения. Я спросил у Бинемана Франца, что это за лагерь. Он ответил мне: «Поживешь, увидишь». Вскоре после этого стали поступать эшелоны с людьми и тогда мне стало ясно.

Перед поступлением первых эшелонов с людьми в лагерь, туда прилетал на самолете типа «физелер Шторх», кажется группенфюрер СС Глобочник, *с представителями администрации он осматривал весь лагерь, видимо проверял готовность лагеря к приему людей для уничтожения. (Вероятно, подобные инспекционные поездки-посещения проводились и в других лагерях. – А.Ш.)* В этот же день он улетел.

<...> В лагере Собибор от барака, где раздевались донага обреченные на смерть люди, шел коридор, огороженный с двух сторон из досок высотой 2,5 метра, а сверху над коридором была сетка из колючей проволоки. Поэтому коридору загоняли людей в камеры. <...>

Комендантом Собибора был немец худощавый, среднего роста, с плотно сжатыми губами. В возрасте 30–32 лет, воинское звание и фамилию его сейчас не помню, он носил погоны – серебряные с одним кубиком<sup>[262]</sup>.

По прибытии нашей команды в Собибор, через день или два, вновь прибывших собрал комендант лагеря Оберхаузер<sup>[263]</sup>, с ним были также Бинеман, Кайзер Александр и Маурер Соломон.

<...> Оберхаузер, через Бинемана, Кайзера и Маурера, которые разговаривали хорошо по-русски, объяснил нам, что мы обязаны беспрекословно выполнять все приказания администрации лагеря. <...> Припоминается дословное выражение Оберхаузера, что в этом лагере производится «переселение евреев на тот свет», но как это делается практически нам не сказали. Нам, и мне в том числе, из этого стало ясно,



что в лагере Собибор, осуществляется уничтожение еврейского населения. (*«уничтожение еврейского...» – подчеркнуто следователем. – А.Ш.*)

Кроме того, нам было сказано Оберхаузером, что в наши обязанности будет также входить несение службы по охране лагеря и рабочих команд, имеющих в лагере. Мы были предупреждены Оберхаузером, что обо всем том, что мы узнаем в процессе службы, мы обязаны молчать, а также Оберхаузер предупредил, что за малейшее неповиновение, невыполнение приказов администрации лагеря – вахманы будут наказываться вплоть до расстрела. <...>

На первый или второй день после приезда в Собибор, но еще до данного Оберхаузером инструктажа, я вышел из барака, в котором нас разместили, и почувствовал, что на территории лагеря стоит тяжелый запах. Я спросил у Бинемана, что это такое, последний мне ответил, что об этом я узнаю сам позже. Он сказал мне, примерно так: «Поживешь, увидишь».

Я был зачислен во взвод Маурера Соломона, на должность командира отделения<sup>[264]</sup>.

<...> При входе в лагерь смерти Собибор имелась на немецком языке надпись: «Еврейский переселенческий лагерь». Такая же надпись имелась и на железнодорожном полустанке в районе лагеря.

<...> Команда вахманов несла охрану территории самого лагеря и объектов, которые были на ней, а также по приказанию немцев-эсэсовцев и под их непосредственным руководством принимала прямое участие в уничтожении евреев, поставлявшихся в этот лагерь. В силу созданного немцами в лагере деспотического режима, **ни один вахман не мог уклониться от участия в уничтожении там людей**<sup>[265]</sup>.

Лагерь огражден колючей проволокой в один ряд, высотой до трех метров. В это заграждение вплетены ветки деревьев. Лагерь делится на две половины: в первой половине были расположены различные хозяйственные и административные здания: помещения, где жили немцы и вахманы, помещения столовых отдельно для немцев и отдельно для вахманов, штаб лагеря, караульное помещение, склад с оружием, кажется еще в первой половине лагеря была баня, в которой мылись немцы и вахманы. Первая половина лагеря от второй была отделена проволочным заграждением таким же каким был обнесен весь лагерь, в него также были вплетены ветки деревьев. Вторая половина лагеря предназначалась для уничтожения людей и в соответствии с этим назначением была оборудована. Во вторую половину была проведена ж/д ветка, которая оканчивалась тупиком. По ней подавались в лагерь вагоны с людьми, которые уничтожались. Для

разгрузки имелась специальная платформа. Раздевалки для мужчин и женщин отдельно представляли собой навесы, загороженные с трех сторон.

<...> имелось помещение, называвшееся «кассой», куда обреченными на смерть людьми сдавались ценности. От раздевалок далее шел коридор длиной метров 40 и шириной около 3 метров. Он был сделан из досок или же колючей проволоки, сейчас точно не помню.

Коридор подходил к зданию, в котором находились газовые камеры. Всего газовых камер в этом здании было три или четыре. Во внутрь газовых камер я не заходил, поэтому не знаю, как они были оборудованы. В самом здании был коридор, из которого имелись двери в газовые камеры. Двери камер были металлические. В этих камерах и умерщвлялись люди газом от мотора внутреннего сгорания. Трупы выгружались из камер через двери, имевшиеся с противоположной стороны, и зарывались в яму, которая имелась недалеко от здания с газкамерами.

Должен заявить следствию, что все в этом лагере было построено так, что доставленные в лагерь люди имели только один путь: от места выгрузки через «раздевалки» в газовые камеры. Другого пути у них не было.

Недалеко от места выгрузки находился «лазарет». Он представлял яму обнесенную проволочным ограждением с вплетенными ветками. В этом «лазарете» расстреливали всех, кто не мог сам дойти до газкамер.

Во второй половине лагеря также имелись небольшие зоны, обнесенные проволочным ограждением, в которых содержались «рабочие команды», из числа людей, доставленных в лагерь для уничтожения.

В лагере были мастерские: портняжная, сапожная. В этих мастерских работали евреи из «рабочих команд».

Охрану лагеря смерти Собибор несли вначале немцы и вахманы, а затем только вахманы <sup>[266]</sup>.

### **3. Из протокола допроса Э.Г. Шульца 7 сентября 1961 г. г. Киев**

<...> Немцы использовали все для того, чтобы обмануть обреченных на смерть людей, т. е. чтобы скрыть от привезенных людей действительное назначение лагеря. Вся система уничтожения людей немцами была построена на обмане.

Я полагаю, что комендант лагеря заранее знал о прибытии транспортов с людьми, и для встречи их велась соответствующая подготовка, которая заключалась в том, что усиливалась охрана лагеря. Выставлялись дополнительные посты с наружной стороны, а также выставлялись посты по всему пути движения людей, т. е. от места выгрузки до газовых камер.

На все посты ставились вахманы, несение службы контролировали немцы. Кроме того, выводились немцами и вахманами составы «рабочих команд» на места, где эти команды работали, т. е. к месту выгрузки людей, к «раздевалкам» и к газовым камерам, из которых «рабочая команда» выгружала трупы.

После подачи вагонов на лагерную ветку (обычно подавалось до 5 вагонов) место выгрузки оцепляли немцы и вахманы, которые открывали вагоны и предлагали людям выгружаться. При этом немцы объясняли прибывшим людям, что они обязаны помыться в бане, после чего будут отправлены на работу на Украину.

В выгрузке людей принимала участие и «рабочая команда». После выгрузки обреченные направлялись в «раздевалки», где раздевались догола, мужчины раздевались под одним навесом, а женщины и дети под другим. Затем им предлагалось сдать ценности в «кассу» и следовать по коридору в т. н. «баню», т. е. газовые камеры.

Мужчины и женщины с детьми направлялись в газовые камеры отдельно. Каждую группу людей сзади по коридору подгоняли немцы и вахманы, немцы имели плетки, а вахманы палки, которыми избивали жертвы в случаях, когда последние оказывали сопротивление и не желали заходить в газовые камеры. С наружной стороны коридора стояли вооруженные вахманы, охранявшие этот коридор. Как правило, перед самым входом в газовые камеры начиналось сопротивление людей, они не хотели заходить в них, но их вахманы и немцы, применяя насилие, загоняли в камеры. Когда все камеры были заполнены людьми, включали мотор и через 15–20 минут они были мертвы.

После чего открывались наружные двери камер и «рабочая команда» выгружала трупы, которые переносила в яму и там закапывала. При выгрузке из камер специально выделенные евреи из «рабочей команды» выдергивали золотые зубы изо рта трупов.

Лиц, которые не могли самостоятельно следовать в газкамеры, евреи из «рабочей команды» сносили от места выгрузки в «лазарет», где они расстреливались немцами и вахманами. Я видел, что на трупах людей убитых в «лазарете» одежды не было, но где они раздевались и кто их раздевал, я не могу припомнить (*вероятно, что это делали люди из «рабочей команды».* – А.Ш).

Так продолжалось до тех пор, пока все доставленные в лагерь не были уничтожены. После окончания этой т. н. работы, все вахманы и немцы уходили в первую половину лагеря, снимались все дополнительные посты вахманов как с внешней стороны лагеря, так и внутри его.

В лагере смерти Собибор вахманам выдавались немцами спиртные напитки, но сейчас не помню в какой именно момент выдавалась водка: или же перед прибытием вагонов с людьми, или же после. Я считаю, что немцы выдавали водку вахманам для того, чтобы вахманы будучи пьяными, меньше отдавали себе отчет в том, что делали<sup>[267]</sup>.

С каждым днем алкоголя требовалось все больше и больше. Еще одну причину пьянства вахманов объяснил травниковец Александр Захаров на допросе 9 января 1965 г. в Краснодаре: «Водка была единственным нашим утешением, так как без водки мы не могли кушать. Потому что запах от разлагавшихся трупов отбивал всякую охоту к еде. Как правило, все вахманы постоянно были выпивши, или пьяны, также пили и немцы»<sup>[268]</sup>.

Водка, самогон были легко и всегда доступны для вахманов. Зная их пристрастие к спиртному и, рассчитывая на наживу, «поляки из ближайших к лагерям сел привозили и приносили водку к самим лагерям, меняя ее на вещи, деньги и драгоценности, которые вахманы отбирали у жертв»<sup>[269]</sup>.

По словам Шульца, несмотря на то, что «за присвоение ценностей жертв, немцы вахманов наказывали, однако это не удерживало вахманов от таких действий»<sup>[270]</sup>. Пьяные вахманы неоднократно нарушали дисциплину. Однажды дело дошло того, что три пьяных вахмана неподалеку от Собибора обстреляли солдат из подразделения 5-го галицийского добровольческого полицейского полка СС<sup>[271]</sup>.

**4. Из протокола допроса Э.Г. Шульца 8 сентября 1961 г. г. Киев. <...>**  
С людьми в лагере Собибор немцы и вахманы обращались как со скотом, очень жестоко... избивали по всякому поводу и без повода.

<...> в лагере Собибор было три взвода вахманов командиры взводов Мауэр, Кайзер и Бинеман. Каждый взвод поочередно назначался на сутки в караул по охране лагеря и «рабочих команд», два других взвода, если прибывали эшелоны с людьми использовались для уничтожения людей, т. е. **всем вахманам поочередно приходилось участвовать как в несении охраны лагеря на различных постах, так и в уничтожении людей.**

На вооружении вахманы имели карабины, были обмундированы в форму вахманов СС, каждый вахман получал денежное довольствие в польских злотых, но в какой сумме не помню. Вахманам разрешалось увольнение за пределы лагеря.

<...> я расставлял вахманов по постам и производил смену постов, контролировал несение ими службы, принимал участие в выгрузке, находился на посту у «раздевалок». Сопровождал по коридору до газовых

камер. Непосредственно в газовые камеры я людей не загонял. Это делали те немцы и вахманы, которые находились на постах у самих газовых камер»<sup>[272]</sup>.

В Собиборе, как и в других лагерях смерти, вахманы и служившие в них немцы совершали чудовищные жестокости. Так, «весной 1943 г. один из украинских охранников во время земляных работ за пределами лагеря убил киркой еврея. Он ударил его в грудную клетку и пробил насквозь. В другом случае эсэсовцы тащили двух евреев, привязанных к лошадям, которые бежали галопом»<sup>[273]</sup>.

Эммануил Шульц, отвечая на вопрос следователя «об издевательствах чинившихся над людьми», показал: «Припоминаю такой случай. В лагере смерти Собибор прислуживала немцам молодая, очень красивая девушка. Эту девушку немцы использовали для удовлетворения своих половых страстей, а затем в один из дней вывезли из лагеря и она больше в лагере не появлялась. Были разговоры среди вахманов, что эту девушку немцы расстреляли. Эта девушка была еврейка»<sup>[274]</sup>.

Во время следствия арестованные вахманы рассказывали и о восстании в Собиборе. Так, Яков Цехмистро, с лета 1942 г. по май

1943 г. служивший вахманом в Яновском лагере, а затем переведенный в Собибор, на допросе 18 мая 1968 г. показал: «во время моего пребывания в Собиборском лагере осенью 1943 г. узники подняли восстание. Захватив оружие, прорвались за зону лагеря и скрылись. Во время этого события я стоял без оружия возле кухни, где в то время работал поваром, и видел как вахманы, стоявшие на вышках, стреляли по восставшим узникам, среди которых были убитые. Кто из вахманов стрелял по узникам я не знаю. Так как мне не было видно, кто стоял на вышках, но я слышал стрельбу с вышек»<sup>[275]</sup>.

Травниковец Петр Яценюк на допросе 5 июня 1947 г. показал, что о Собиборе ему рассказали вахманы, служившие в этом лагере: «Пачковский Михаил Иосифович, Лихотоп Михаил и Папач Павел, которые мне рассказали, что когда я с 7 компанией уехал в г. Луков (речь идет о конце августа 1943 г. – А.Ш.), их направили в Собибур, где находился лагерь смерти. В этот лагерь немцы со всех концов оккупированной немцами территории привозили эшелонами евреев и там их уничтожали путем применения газа. Они мне говорили, что в лагере Собибур действовала специально оборудованная немцами железная печь. В которую немцы загоняли 500–800 человек, закрывали железную печь и впускали газ и через

15 минут вынимали трупы, которые потом обливали горячим и сжигали. Как Пачковский, а также Папач и Лихотоп говорили, что они принимали участие в уничтожении евреев, раздевали их до белья и загоняли в печь, трупы из печи вынимала группа рабочих из числа евреев, которым давали усиленное питание, а потом уничтожали. Больше всего о Собибурском лагере смерти рассказал мне Пачковский Михаил Иосифович. Он говорил, что, когда они были в этом лагере, там группа евреев немцами выгонялась в лес на заготовку, и эти евреи подняли бунт, обезоружили немецкую охрану, забрали оружие и перебили часть охраны. При этом много евреев убежало, а часть была расстреляна. Пачковский мне говорил, что после того как немцы перестали подвозить эшелоны евреев, делать было нечего, и к ним в лагерь прибыли немецкие специалисты, разобрали по частям печь, погрузили все в вагоны и куда-то увезли»<sup>[276]</sup>.

Яценюк также показал, что из числа травниковцев 3-й роты, в Собиборе служили: «Кушелюк Петр 1925 г. уроженец села Плавницы Холмского повиту Люблинского воеводства, украинец, Похилинский Владимир, 1924 г. уроженец села Плавницы Холмского повиту Люблинского воеводства, украинец. Олифизенко Павел 1924 г. уроженец Полтавской области, украинец, бывший военнослужащий Красной Армии.

Эти вахманы являются активными участниками физического уничтожения еврейского населения в Собибуровском лагере смерти. По рассказам вахманов Пачковского, Лихотопа и Папача мне известно, что когда они были в Собибурском лагере смерти и там большая группа евреев подняла бунт, то они принимали активное участие в расстреле заключенных евреев. Пачковский, Лихотоп и Папач лично мне рассказывали в Травниковском лагере, когда они возвратились из Собибура, о том, что они лично расстреливали евреев в Собибуре, а вахман Лихотоп мне лично говорил, что он в Собибуре расстреливал евреев из ручного пулемета»<sup>[277]</sup>.

Впрочем, все сказанное относится ко всем вахманам, служившим в Собиборе и других лагерях смерти.

В заключение, хочу подчеркнуть, что, к сожалению, далеко не всех убийц из Собибора и других лагерей смерти постигла заслуженная кара. А некоторые из них даже дожили до глубокой старости, как например, Иван Демьянюк, и умерли в собственной постели.

Важно отметить, что только в СССР по-настоящему осуществлялись последовательный поиск и судебное наказание нацистских преступников, невзирая на их национальность и время, прошедшее со дня преступления.



# Воспоминания

# **А.А. Печерский**

## **Восстание в Собиборе**

Александр Аронович Печерский родился в г. Кременчуге 22 февраля 1909 г. В разгар Первой мировой, в 1915 г., семья переехала в Ростов-на-Дону, в один из центров еврейской жизни на юге России. Закончив среднюю школу, А.А. Печерский продолжил обучение в музыкальной школе. Руководил кружком драматического искусства для любителей, работал в администрации финансово-экономического института.

В 1941 г. А.А. Печерский был призван в Красную Армию в звании техника-интенданта 2 ранга. Служил в 596-м корпусном артиллерийском полку 19-й армии Западного фронта. В октябре 1941 г. среди тысяч других советских солдат, окруженных под Вязьмой, попал в плен. Здесь он переболел тифом. В мае 1942 г. с четырьмя другими заключенными пытался бежать, однако они были пойманы и отосланы в штрафной лагерь в Борисове, а оттуда – в Минск. Уже здесь немцы выявили на медицинском осмотре, что он еврей. А.А. Печерский был отправлен вместе с другими военнопленными-евреями в подвал, который называли «еврейский погреб». Там пробыли десять дней, получая за целый день сто грамм хлеба и кружку воды. Потом, в августе 1942 г., переведен в Трудовой лагерь СС на улице Широкой в Минске. А оттуда вместе с другими узниками осенью 1943 г. депортирован в Собибор, куда прибыл 22 сентября. Здесь он стал лидером единственного успешного восстания в лагерях смерти. После побега присоединился к партизанам. С приходом частей Красной Армии в июне 1944 г. и был отправлен на проверку в спецлагерь НКВД № 174 в Подольске. По итогам А.А. Печерский определен в 15 отдельный штурмовой стрелковый батальон<sup>[278]</sup> Вероятность остаться в живых была невелика, но он уцелел, выжил после тяжелого ранения, полученного 20 августа 1944 г. в бою под г. Бауска в Латвии на 1-м Прибалтийском фронте.

Несколько месяцев А.А. Печерский находился на лечении в одном из подмосковных госпиталей. Офицерского звания он так и не получил. Довольно часто встречающееся в популярной литературе и в СМИ выражение «лейтенант Печерский» документально не подтверждается. В феврале 1945 г. А.А. Печерский возвращается в Ростов-на-Дону, где служит до увольнения в запас заведующим делопроизводством штаба 199-

го рабочего батальона. В 1949 г. ему была вручена медаль «За боевые заслуги».

31 января 1945 г. в «Комсомольской правде» появляется письмо А.А. Печерского – отклик на корреспонденцию «Фабрика смерти в Собибуре» в той же газете от 2 сентября 1944 г.<sup>[279]</sup> Подпись: «Лейтенант Печерский. Действующая армия». Это письмо он написал в подмосковном госпитале. Возможно, газета посчитала, что слова «действующая армия» звучат более оптимистично, чем «госпиталь».

Первые несколько лет он проработал администратором в Ростовском театре музыкальной комедии. В 1952–1953 гг. А.А. Печерский попал под суд за злоупотребление служебным положением («попал под компанию»), судя по всему, был исключен из партии, потерял работу в театре. Позже устроился в багетный цех, работал на машиностроительном заводе, в кузнечно-механической артели.

С конца 1950-х гг. А.А. Печерский вел обширную переписку с различными музеями, частными лицами в СССР, Польше и Израиле с целью поиска уцелевших узников Собибора. Почти 30 лет он собирал сведения о выживших и погибших, установил контакты со всеми, кто жил в СССР, Израиле, США.

14 октября 1963 г., в двадцатую годовщину восстания в Собиборе, в Ростове-на-Дону состоялась встреча бывших узников. В ней приняли участие Александр Печерский, Аркадий Вайспапир и Семен Розенфельд. А также писатель Валентин Томин. Потом встречи происходили каждые пять лет. Находились еще бывшие товарищи по восстанию и состав участников встреч расширялся.

А.А. Печерский выступил свидетелем обвинения на суде в Киеве над одиннадцатью бывшими охранниками Собибора (1962 г.), давал показания по делам нацистских преступников – эсэсовцев Собибора – Гомерского (1976 г.) и Френцеля (1984 г.). Писал и во время Краснодарского процесса в 1965 г. – этот текст в газету «Советская Кубань» также включен в публикуемые воспоминания.

К сожалению, Александр Печерский оставался «невыездным» и так не сумел встретиться со своими товарищами, проживающими в Израиле или тем более в США. Хотя они его смогли посетить, но уже в 1980-е гг. Собственно, его даже в социалистическую Польшу не выпускали. Подвиг участников восстания вместе с их биографиями уходил в область легенд и мифов. Почти всю свою жизнь А.А. Печерский провел в Ростове-на-Дону. Там он и умер 18 января 1990 г.

Писать о восстании А.А. Печерский начал еще летом 1944 г. И не

переставал до конца 1980-х гг. Это были статьи, очерки для различных печатных изданий в СССР и за рубежом, часто связанные или с поиском товарищей по восстанию и других выживших узников, или приуроченные к годовщинам и прочим памятным датам.

С лета 1944 г. А.А. Печерский стал работать над воспоминаниями. На протяжении трех десятилетий они существовали в разных вариантах. Изданы при его жизни были только два: на русском и идиш. В 1945 г. в Ростове-на-Дону вышла книга Печерского «Восстание в Собибуровском лагере». Позднее его воспоминания появились на идише: в 1946 г. они были изданы в виде книги в издательстве «Дер Эмес» в Москве, а в 1973 г. напечатаны в журнале «Советиш геймланд» («Советская Родина»). (Русский перевод опубликован в литературном ежегоднике «Год за годом». № 3/87).

В 1950—1970-е гг. воспоминания А.А. Печерского под различными вариантами названий распространялись по принципу «самиздата»: от человека к человеку, прежде всего, среди бывших узников гетто и концлагерей, писателей-фронтовиков и еврейской общественности СССР. Изданные в последние 10 лет книги как раз и основываются на нескольких таких вариантах<sup>[280]</sup>. В том числе и на варианте, публикуемом ниже<sup>[281]</sup>. Это отнюдь не должно создавать впечатление, что рукописи А.А. Печерского просто дублируются.

Именно А.А. Печерский пробовал писать воспоминания в различных вариантах и даже жанрах, с учетом того, например, что ему постепенно становились доступны воспоминания других участников восстания и бывших узников, некоторые зарубежные и советские документы, а так же вновь выходившие книги. Однако, не только эти факторы влияли на появление новых вариантов.

Стоит особенно подчеркнуть вклад А.А. Печерского в сохранение памяти о лагере смерти Собиборе и самом восстании. Его переписку с журналистами, писателями, историками, бывшими узниками нельзя недооценивать: именно так формировалась коммуникативная (социальная) память о тех событиях. Она же являлась основой для закрепления этих событий на уровне национальной (политической) и культурной памяти в начале 1960-х гг. Именно в это время А.А. Печерский много выступает в домах культуры, библиотеках, печатаются статьи в центральной прессе, в «Молодой гвардии» выходит художественный роман Томина и Синельникова, а Собибор упоминается в учебном пособии «История СССР», подготовленном Высшей партийной школой и Академией общественных наук при ЦК КПСС, а также в коллективной

монографии о советских партизанах<sup>[282]</sup>. Интерес к теме стимулировался и рядом судебных процессов над бывшими вахманами и другими коллаборационистами в СССР. Не будет преувеличением сказать, что история Собибора в первой половине 1960-х гг., пусть и в искаженном виде («без евреев») начала становиться частью (хотя и не самой значимой) официального нарратива о войне. Но уже после разрыва отношений с Израилем, в начале 1970-х гг. официальное внимание к ней исчезло, а дальнейшие инициативы А.А. Печерского по выпуску полной версии воспоминаний и съемке фильма отвергнуты.

Публикуемый машинописный текст, вероятно, является последним вариантом воспоминаний Александра Печерского. Они были подготовлены в 1972 г. и А.А. Печерский надеялся их издать отдельной книгой к 30-летию восстания в Собиборе. В письме от 6 февраля 1972 г.<sup>[283]</sup> он пишет друзьям, что сдал в Ростовское издательство книгу о восстании и ее собираются включить в план 1974 г. В этом же письме он сообщает структуру книги, которая почти полностью совпадает с публикуемым здесь текстом (вступительная часть, «Минский лесной лагерь», «Минский лагерь на Широкой», «Строительство лагеря смерти Собибор», «Послесловие»). А.А. Печерский также указывает, что использует материалы переписки с «собиборовцами», проживающими за рубежом, сведения о процессе в Хагене над нацистскими преступниками, о минских партизанах и подпольщиках. А.А. Печерский написал, что посылает каждому из друзей экземпляр рукописи и просит их внести коррективы, исправить ошибки, если он что-то пропустил, особенно там, где повествование касается каждого из участников восстания.

Но книга так и не была издана. А один из экземпляров рукописи остался в Рязани у бывшего узника и участника восстания Алексея Вайцена. После встречи с ним в 2001 г. копию передал в архив Научно-просветительного Центра «Холокост» житель Рязани, ветеран Великой Отечественной войны Исай Локшин. Кстати, первую публикацию отрывков этой рукописи он сделал в московском журнале «Родник» (Издание объединения религиозных организаций современного иудаизма в России – ОРОСИР) в 2003 (№ 2), 2004 (№ 1, № 2) и 2005 (№ 1, № 2) гг. Правда, в биографии А.А. Печерского и других участников восстания было допущено много ошибок.

Публикуемая рукопись снабжена некоторыми примечаниями А.А. Печерского, так как он уж использовал литературу, изданную по истории нацизма. В рукописи встречаются незначительные правки в написании имен и фамилий. Тем не менее, А.А. Печерский допускает некоторые



ошибки или, пожалуй, опечатки. Например, одного из своих товарищей – Михаила Ицковича называет Семеном. В то же время Печерский называет полностью имя и фамилию Леона Фельдхендлера, учитывая, что в предшествующих версиях он именовал последнего то Борисом, то Борухом.

Одновременно с получением новой информации на протяжении многих лет А.А. Печерский допускал явные недочеты. Редакторы сохранили некоторые фрагменты, которых никак не мог знать мемуарист в тот период, находясь в Собиборе. Например, об убийстве В. Кубе, о положении на фронте в сентябре 1943 г. («Красная Армия подходит к Днепру»).

В данной рукописи полностью отсутствуют еврейские «мотивы», которые были весьма заметны в предыдущих воспоминаниях. Даже его небольшое свидетельство для книги М. Нович, приводимое ниже в соответствующем разделе, написанное буквально в то же время (середина 1970-х гг.), содержит информацию о евреях и гетто. В рукописи для издания в СССР А.А. Печерский ни разу не пишет евреях в Минском лагере и Собиборе, хотя по приводимым фамилиям и так все понятно. В тексте есть только поляки, голландцы, чехи и советские люди. Воспоминания по духу и стилю написаны обычным советским патриотом и антифашистом. Он понимал, что в середине 1970-х гг. книгу об уничтожении евреев и их восстании не издадут в Ростове-на-Дону, да и вообще в СССР. Тем более перед глазами А.А. Печерского был пример книги В.Р. Томина и А. Г. Синельникова «Возвращение нежелательно» (М., 1964). Авторы не могли упоминать никаких евреев, изменили фамилии героев. А за прошедшие с той поры 8 лет ситуация только усугубилась. Но А.А. Печерский надеялся, что шансы на издание книги все-таки есть. Отметим, что в первой версии воспоминаний, подготовленной летом 1944 г., тема евреев упоминается, хотя и не доминирует. Если в русскоязычной публикации 1945 г. о евреях нет ничего, то в варианте на идише она присутствует. Подобная же противоречивость характерна и для газетных публикаций 1944 г. Если В. Гроссман в публикации в «Красной звезде» (август) открыто говорит о «массовом механизированном убийстве польских евреев», то в статье Рутмана и Красильникова этническая принадлежность жертв не указывается<sup>[284]</sup>.

Несмотря на отмеченные характеристики источника, мы хотели бы лишний раз подчеркнуть, что эта рукопись является последней и наиболее полной версией воспоминаний А.А. Печерского. В полном объеме она публикуется впервые. Текст публикуется в авторской редакции. Орфография и пунктуация приведены к нормам современного русского



языка. Стилистика оригинала сохранена. Набор текста осуществляли Л. Терушкин, С. Трифонова и Е. Чамкина.

\* \* \*

*«Скажите, это правда, что вы были в лагере смерти Собибор? Вы не обижайтесь на мой вопрос. Я не хочу вас обидеть, знаете, нам даже как-то не верится, что была война и гибли миллионы людей».*

*(Из письма ученицы 8 «б» класса Пашинской школы Некрасовой Татьяны.*

*1 марта 1971 г.).*

Назойливая мысль все время тревожит меня. Стоит ли ворошить прошлое?

Нужно ли это?

Стоит ли снова с болью в душе вспоминать тяжелые годы Второй мировой войны, трагически сложившиеся для миллионов людей не только Советского Союза, но и для многих стран Европы.

Читая сегодня газеты 1972 года, я вижу, что фашизм еще жив. Он постепенно выползает из своих нор, надеясь снова разжечь тот страшный огонь, который им удалось разжечь в тридцатых и в сороковых годах двадцатого века.

Под руководством Коммунистической Партии Советского Союза, в годы Великой Отечественной войны Советская Армия<sup>[285]</sup>, и советский народ разгромили фашистского зверя.

Но все же небольшая кучка озверелых фашистов сумели скрыться от правосудия и притихли на короткое время.

В Федеральной республике Германия, партия ХДС/ХСС<sup>[286]</sup>, фактически фашистская партия, начинает уже открыто устраивать сборища, как во времена гитлеризма, с призывом к реваншу и пересмотру существующих границ.

Недобитые фашисты воскресают, и некоторые из них открыто высказывают бредовые идеи о новом походе на Восток.

Осенью 1941 года, когда фашистская Германия уже напала на Советский Союз, гитлер<sup>[287]</sup> цинично заявлял:

«Я ... отдал приказ без сожаления и жалости уничтожить мужчин, женщин и детей польского происхождения. Только так мы можем завоевать

жизненное пространство. Польша будет обезлюжена и населена немцами...

... а в дальнейшем с Россией случится то же самое, что я проделаю с Польшей. Мы разгромим Советский Союз. Тогда грянет немецкое мировое господство»<sup>[288]</sup>.

А 14 июня 1957 года, 12 лет спустя после разгрома фашистской армии, в городе Бремене<sup>[289]</sup> Федеративной республики Германии, бывший львовский и ростовский палач Оберлендер<sup>[290]</sup> в своем выступлении говорил:

«В России земля ждет нас, мы должны пустить там корни. Мы должны освободить не только 17 миллионов населения ГДР, но и 120 миллионов человек, населяющих европейскую часть Советского Союза и стран Восточной Европы. Мы должны внушать это нашей молодежи и готовить ее к этому».

Это было в 1958 году, и постепенно из года в год эти недобитые фашисты чувствуют себя все смелее и смелее.

Они мечтают вернуться к прошедшим 1941–1945 годам. Они мечтают опять просматривать кровавые отчеты, которые получали в период оккупации Советской Белоруссии.

Вот выписка из отчета об опыте уничтожения населения пункта Борки в Белоруссии за период с 22 по 26 сентября 1942 года обер-лейтенанта охранной полиции Мюллера от 29 сентября 1942 года<sup>[291]</sup>.

«... 21 сентября 1942 года рота получила задание уничтожить населенный пункт Борки, расположенный в семи километрах к востоку от Мокран».

«... Привожу численный итог расстрела. Расстреляно 705 человек. Из них мужчин – 203, женщин – 372, детей – 130».

«... Количество отобранного скота может быть определено лишь приблизительно, так как на собранном пункте учета не производилось: лошадей – 45, крупного рогатого скота – 250, телят – 65, свиней и поросят – 450 и овец – 300. Домашнюю птицу можно было обнаружить лишь в отдельных случаях».

Еще одна выписка другого фашиста, командира роты капитана Пельса 30 сентября 1942 года, по уничтожению населенного пункта Заболотье:

«... Все население во главе со старостой было согнано в школу, а одна команда тотчас отправилась на расположенные в семи километрах от деревни выселки с тем, чтобы забрать их жителей. Прибывшая тем временем группа СД после тщательной проверки освободила пять семей из этой деревни. Все остальные были разделены на три группы и расстреляны

на месте казни, которое было тем временем подготовлено мужским населением деревни. Казнь была проведена планомерно и без особых происшествий, если не считать одной попытки к бегству. Большинство жителей деревни сохраняло самообладание и шло навстречу вполне заслуженной судьбе, которая вследствие их нечистой совести не явилась для них неожиданностью. Казнь была закончена около 12 часов 00 минут».

«... Результаты операции следующие: расстреляно 289 человек, сожжен 151 двор, угнано 700 голов рогатого скота, 400 свиней, 400 овец, 70 лошадей. Вывезено хлеба: 300 центнеров обмолоченного и 500 центнеров необмолоченного. Конфисковано около 150 сельскохозяйственных машин с ручным приводом и многочисленный инвентарь».

В этих двух отчетах все точно, ничего не пропущено. Мы это помним. Но несмотря на террор в Белоруссии фашистским молодчикам было все труднее и труднее бороться с партизанским движением. Вот к примеру, одно из донесений о борьбе с партизанами генерального комиссара Белоруссии Кубе<sup>[292]</sup> рейхскомиссару Остланда Лозе<sup>[293]</sup> от 31 июля 1942 года.

«... Поэтому я был весьма благодарен, если бы г-н рейхскомиссар счел возможным приостановить поступление новых транспортов в Минск по крайней мере до того времени, когда окончательно будет снята угроза партизанских выступлений. Мне нужны 100 процентов войск СД<sup>[294]</sup> для борьбы с партизанами и польским движением Сопротивления, что требует применения всех сил СД, не очень больших численно»<sup>[295]</sup>.

Но фашистам этого было мало. Они создали в оккупированных странах, главным образом, в Польше, концлагеря и лагеря смерти, хотя большого различия между ними не было. Люди разными методами все равно – уничтожались.

В фашистских концлагерях было уничтожено свыше десяти миллионов человек. Весь мир уже знает об этих концлагерях.

«Но существовали еще концлагеря, которые менее известны, чем Освенцим<sup>[296]</sup>. Майданек<sup>[297]</sup>, Бухенвальд<sup>[298]</sup>, Дахау<sup>[299]</sup> и Равенсбрюк<sup>[300]</sup>.

Это Треблинка, Собибор, Белжец<sup>[301]</sup>. Объясняется это просто – они были строго засекречены: весь прибывавший туда «недостойный жизни материал»(так официально выражались эсэсовцы) немедленно умертвлялся в газовых камерах, так что живых свидетелей почти не оставалось.

Многих этих преступников уже нет в живых, но небольшая часть этих палачей еще гуляет на свободе, так как Федеральный суд Федеративной республики Германии считает, что они выполняли приказ фюрера<sup>[302]</sup>.

Прошло более четверти века. Многие узники фашистских концлагерей, освобожденные Советской Армией, вернулись домой, к своим семьям, к мирному труду. Но вернулись далеко не все. Многие погибли во время побега или отдали свою жизнь позднее в боях за Родину и свободу. Многие сражались в партизанских отрядах и гнали фашистскую чернь до окончательной победы.

Земля вновь зарастает травой, ветер дочиста разметает пепел заживо сожженных людей. Весенние воды уносят с собой следы пролитой крови. Но следы кровавых преступлений фашизма сотрут ни годы, ни века.

Народы мира проклинали фашизм и все темные силы его порождающие. Об этом забывать нельзя. Это надо помнить всем и каждому. Чтобы никогда ничего подобного не могло повториться. Потому что человек создан для счастья и мира. А за радость жизни стоит бороться.

Советские люди не могут и не должны забыть преступления фашистской Германии, которая воевала не только с солдатами Советской армии, но и с советскими женщинами, стариками, детьми.

Люди моего поколения, пережившие эту войну, прекрасно сами это помнят. Нет семьи в любом конце Советского Союза, где бы не осталась зловещая отметина войны.

Наш народ многое сделал и дал во имя победы и справедливости. Наша молодежь, к счастью, не знает фашизм. Однако об этом никогда не следует забывать – ни тем, кто сам пережил все ужасы фашизма, ни тем, кто родился позже и не может представить себе всю глубину фашистской опасности.

Наша молодежь должна знать ПРАВДУ о фашизме – для того, чтобы это никогда не повторилось.

Есть преступления, которые не забываются. Время не может зарубцевать раны страданий и мучений народов.

Лагерь смерти – одна из самых трагических и чудовищных страниц Второй мировой войны.

Поэтому я написал эту документальную книгу о фашистском лагере смерти Собибор, в котором пробыл 22 дня.

### **Минский лесной лагерь**

«Немцы (фашисты. – А.П.) обманывают себя, если они думают, что мы о чем-нибудь забудем. Бывает зима без оттепелей и ненависть без жалости. Мы растопчем змеиное гнездо. Мы придем к ним для того, чтобы они больше к нам не приходили. С нами тени замученных. Они встают их могил, выползают из яров, из колодцев, из рвов – старцы и грудные дети,

русские и украинцы, белорусы и евреи, поляки и литовцы. Они все хотели жить, они любили солнце и цветы... Истерзанные, они говорят нам: «Помните!»

«Убийцы народов». Илья Эренбург. «Известия» 1944 год.

В солнечный ясный день августа 1942 года нас, девять человек военнопленных в Минском «Лесном лагере»<sup>[303]</sup>, рослый полицай повел по лагерю мимо длинных бараков, заполненных военнопленными, мимо хозяйственного двора, жилых помещений полицаяв, и дойдя до подвала, который находился в стороне и, как видно, построен недавно для смертников, велел спускаться вниз. Двадцать четыре ступеньки вели в подземелье.

На этом длинном пути при спуске в подвал с «добродушной» улыбкой на губах полицай нам сообщает:

– Ребята, не волнуйтесь. Вы идете в преддверие Ада. Немного отдохните. Подумайте. А затем прямым сообщением в Ад. Из этого подвала нет другой дороги. А в Рай вас не пустят.

Открытая дверь вместе с нами пропустила проблески дневного света. Мы едва успели разглядеть лежащие на полу две-три доски и стоящую в левом углу в конце подвала парашу, как дверь закрылась. Прозвучал звук закрывающегося висячего замка.

Кое-кто успел захватить доски, остальные расположились на холодном сыром полу.

Нас окружала темнота. Глубокий подвал без единого окошка, отдушины. Действительно полицай не лишен был чувства юмора – «преддверие Ада».

На ощупь, медленно передвигая ноги, чтобы не задеть лежащего товарища, я подошел к стене и медленно опустился наземь. Вытягиваю ноги. Подкладываю руку под голову, пытаюсь уснуть.

В подвале мертвая тишина. Каждый занят своими мыслями.

Уснуть мне не удастся. Сырость пронизывает тело, не дает сосредоточиться, обдумать происходящее.

Справа от меня кто-то зашевелился, тяжело вздохнул.

– Что будет? – тихо с украинским акцентом спросил сосед.

– Ты слышал, – ответил я, – дорога в Ад.

– Тебя как звать?

– Саша.

– Откуда ты?

– Я из Ростова-на-Дону.

– А я из Донбасса, – задумчиво ответил сосед.

– Как тебя звать? – спросил Саша.

– Борис. Борис Цибульский<sup>[304]</sup>.

Мы замолчали.

– Ты знаешь, Саша, давай спать. Немного забыться – это хорошо.

– Пытался я. Не могу. Все думаю.

– А ты попробуй, полетай в облаках, – ответил Борис, – это помогает Спи.

Я услышал, как Борис отвернулся от меня и через несколько минут раздался негромкий храп.

«Крепкий мужик», – подумал я.

Я пытался представить, какой он, но не мог. Все в голове смешалось. Я действительно отвлекся от своих мыслей и уснул.

Разбудили меня звуки знакомого цыганского романса, который пел Вадим Козин. «Серое хмурое утро, небо как будто в тумане...»... Полицаям эта песня, видимо, нравилась. Повторяли они ее беспрестанно. Безмятежное ленивое исполнение и сами слова настолько были чудовищны в нашем положении, что сжималось сердце. Вспомнился родной город, дом, семья... Все это было далеко и, казалось, ушло в недостижимую даль.

Рука непроизвольно потянулась к карману, где хранился пакетик, состоящий из двух картонок, обмотанных несколько раз в бумагу. Между двумя картонками хранилась групповая фотография детей, среди которых с куклой в руках сидела восьмилетняя дочь Эллочка. Эта фотография получена из дома уже на фронте...

...В первых числах октября 1941 года немцам удалось прорвать на широком участке фронта, в районе Вязьмы<sup>[305]</sup>.

В стремительном броске они продвинулись вперед на сотни километров.

596-й гаубичный полк 19-й армии с боями выходил из окружения<sup>[306]</sup>.

В одном из боев тяжело был ранен в живот комиссар полка Михаил Петрович Тишков, который почти ежедневно успевал бывать во всех дивизионах, интересуясь жизнью не только солдат, но и их семейств.

Политруку 4-го дивизиона Пушкину и восьми солдатам, в том числе и мне, поручили вынести из окружения раненого комиссара полка. В нашей группе был политработник, начальник клуба майор Орлов, который до войны был директором Ростовского клуба «Всасотр»<sup>[307]</sup>.

Несколько раз с боями наша группа пыталась проскользнуть мимо усиленных заслонов фашистских солдат, вооруженных автоматами, пулеметами и минометами. На исходе были патроны. В одном из боев немцы открыли беглый минометный огонь. Этим огнем был убит комиссар



полка Тишков и один солдат. Нам удалось отойти назад и отнести в лес убитых товарищей.

Вечером, до наступления темноты, используя вырытую траншею, мы похоронили комиссара и солдата, положив на холмик две солдатские каски.

Несколько раз наша группа попадала в засаду. Мы не имели возможности войти в какую-либо деревню, чтобы достать хоть немного продуктов. В заброшенных окопах мы находили патроны, которые в тот момент, несмотря на холод, были для нас дороже хлеба.

Обессиленные и истощенные, оставшиеся без патронов, мы попали в засаду, откуда вырваться нам не удалось.

Произошло самое страшное – плен...

Вот уже десять месяцев я попадаю из одного лагеря в другой. Неудачные побег, поимки. Издевательства фашистов и полицаев. Избиения.

Вспоминается Смоленский лагерь<sup>[308]</sup>, – где ежедневно умирало очень много людей. Умирали ночью, рядом с тобой лежащие. Умирали на ходу. Умирали в длинной очереди за баландой. Иные, получив баланду, шли в свой барак и по дороге садились отдыхать возле лежащего на дороге трупа. Посидев немного, падали рядом, даже не доев долгожданную баланду. Очень часто баланду готовили из шелухи гречки и голодные люди с жадностью ее поедали. Последствия были ужасны...

Пока мне удавалось пронести самое дорогое от прежней жизни – фотографию дочери Элочки...

– Борис, ты спишь? – спрашиваю лежащего рядом Цибульского.

– Нет.

– Надо что-нибудь придумать, а то так лежать, думать все время, черт знает о чем, можно с ума сойти. Ведь мы не знаем, сколько нас еще будут держать: час, два, день, неделю...

– Что ты предлагаешь?

– Нужно что-нибудь говорить, всем, по очереди. О себе, анекдоты, разные истории, кто что захочет и тогда у всех развеются тяжелые мысли. Когда нас поведут на смерть, мы не будем такими мрачными, испуганными. Ведь это будет просто здорово! Не падать духом, Борис. Все равно не поможет. А им, паразитам, мы своим видом испортим настроение.

– Ребята, что приуныли? – крикнул Борис присев, опершись о стену. – Не в такие переплеты попадали. Давайте рассказывать, кто о чем хочет. Убьем время. А если кто и брехать будет, так все равно лица не видать, темно.

– Да ну тебя, – раздался мрачный голос из темноты. – И так тошно. А ты со своими разговорами. Сейчас могут открыть дверь и всех на расстрел.

– А ты не думай об этом, – горячо возражаю в темноту. Вот я, например,

тонул, горел, с третьего этажа в лестничной клетке летел, и всегда выходил сухим. А вдруг и ты такой.

Расшевелились ребята, пошли рассказы, анекдоты, сказки...

Нас почти не кормили, раз в день приносили остатки баланды. Друг друга мы не видели, так как свет в подвал не поступал. Мы лежали на сырой земле и только по голосам узнавали, кто где лежит, и движущие тени нам показывали, что здесь прошел человек. Мы не знали счет дням. По баланде мы определяли, что еще одни сутки прошли, и по кричащему репродуктору, что это день, а не ночь. Прошло несколько дней. Обо всем было пересказано. Мы с Борисом боялись, что наступит день, когда не о чем будет рассказывать. Это страшно.

На девятые сутки мы слышали шаги по лестнице. Конечно, это не баланду принесли, слишком рано – еще пластинки не крутили. Неужели все. Быть может, и к лучшему. Борьба при таком состоянии бессмысленна. Истощенные, голодные. Быть может, фашисты специально перед расстрелом держали нас несколько дней в этом подвале, для того, чтобы человек, выйдя на свет, сразу потерял ориентацию, потерял человеческий облик и ко всему был пассивным.

Дверь медленно открывается, перед нами старый «знакомый» полицей, обещающий нам «адовое счастье».

– Быстро, быстро, – закричал полицей весь напрягаясь от крика.

Люди не спеша стали подыматься со своих мест. Им некуда было спешить. Некоторые просто не смогли встать.

– Быстрее, свиньи проклятые, – опять заорал полицей.

Борис Цибульский подошел к товарищу, который не смог подняться, помог ему встать и, незаметно подталкивая, двинулся к дверям.

Словно стопудовые гири были прикованы к ногам, не давая возможности подняться по лестнице.

Сверху был слышен крик на немецком языке.

– Шнель, шнель, ферфлюхте швайне<sup>[309]</sup>. Полицай снова кричит, потом зашипел.

– Вам повезло. Сейчас вы в ад не попадете. Еще поработаете на благо Великой Германии. Быстрее, гады, вы задерживаете меня, – и в ход пошла плетка.

Поднявшись наверх, прислоняюсь с закрытыми глазами к стене. Не было сил после темного подвала открыть глаза и смотреть на солнечный день.

Открываю глаза от резкой боли в голове, на которую опустилась плеть полицей.

– Что, замечтался?.. Шнель...

Борис схватил меня за руку и потащил за собой.

В десяти метрах впереди видим улыбающегося эсэсовца, разговаривающего с немецким офицером. Немного поодаль – грузовую машину, возле которой стоят вооруженные власовцы.

– Значит, не расстрел, – шепчу Борису. – Ты слышал, что полицейский говорил. Наверно, в рабочий лагерь. Коли поедем машиной, быть может, в пути сумеем напасть на охрану и выскочить при возможности.

– Нет, Саша, нельзя. Мы слишком слабы – и десяти метров не пробежим.

Власовцы<sup>[310]</sup> винтовками нас подталкивают к грузовику. Встаем в кузов и садимся на пол у заднего борта. Власовцы садятся на скамейку спиной к кабине.

Из «лесного лагеря» несколько километров едем по шоссе, затем выезжаем на окраину Минска, постепенно приближаясь к центру города. Сердце сжимается при виде города в руинах. Прилепившиеся у разбитых стен небольшие грядки картофеля и лука, отгороженные железным хламом. Над городом плыли черные тучи. Они давили своей тяжестью людей, не успевших эвакуироваться из города, и которые бродили среди коробок выжженных зданий.

Особенно тяжело было видеть детей. словно маленькие старички сосредоточенно они рылись в развалинах в поисках съестного.

Только в машине могу присмотреться к Борису – простой, грубоватый парень. Высокий, крупные черты лица. Из его рассказа в подвале я узнал, что Борис работал возчиком, мясником, затем шахтером. Но в его грубости было много теплоты, ведь он помогал ослабевшим товарищам выйти из подвала, он поддерживал их. Быть может, он умышленно все это делал грубовато, для того, чтобы товарищ не подумал, что Борис из жалости им помогает.

Машина свернула на улицу, которая называлась Широкая, и подъехала к воротам, над которыми висела вывеска с надписью «Арбейтс лагерь»<sup>[311]</sup>.

Нам повезло. Мы действительно попали в Минский рабочий лагерь на Широкой улице, где находилось около 800 заключенных<sup>[312]</sup>. Среди них – высококвалифицированных мастеровых – портных, сапожников, столяров, плотников – доставленных сюда из Минского гетто. Была здесь и большая группа (около 300 человек) белорусов, русских и украинцев, которых немцы считали «неблагонадежными». В последнее время сюда доставили несколько человек военнопленных.

## **Минский лагерь на Широкой**

Машина въехала во двор лагеря и остановилась возле первого домика, стоящего возле ворот.

Лагерь представлял из себя большой двор. До войны здесь были кавалерийские конюшни.

Комендантом лагеря был эсэсовец Лёкке, помощником – эсэсовец Вакс и Городецкий<sup>[313]</sup> – из белогвардейцев, который был одним из активных участников первого массового уничтожения людей в Минске 7 ноября 1941 года<sup>[314]</sup>.

Прибывших всех вели в канцелярию лагеря. За перегородкой сидела красивая женщина Софья Курляндская<sup>[315]</sup>, которая вела регистрацию и учет узников.

Один из военнопленных на вопрос о профессии ответил:

– Инженер.

Секретарша внимательно посмотрела на него, на боковую дверь и тихо сказала:

– Лучше запишитесь чернорабочим.

Инженер молча кивнул головой.

Я записал свою специальность – столяр, хотя никогда не работал столяром.

Все остальные записались чернорабочими.

Зарегистрировав всех, Курляндская вызвала капо<sup>[316]</sup> Блятмана и велела отвести вновь прибывших.

В сентябре 1941 года гитлеровцами был создан лагерь на Широкой. Им потребовался человек, знающий немецкий язык и умевший печатать на пишущей машинке.

Подпольный комитет Минского гетто направил на эту работу Софью Курляндскую, которая, работая в лагере, сообщала подпольной организации о событиях в лагере и принимала активное участие в побегах лагерников через связных в партизанские отряды.

В 1942 году осенью и зимой по заданию подпольного комитета и партизанского отряда имени Фрунзе Барановичского соединения<sup>[317]</sup> Софья Курляндская помогала документами двум группам возчиков уйти в отряды.

В конце октября 1942 года Софья Курляндская и Блятман помогли совершить побег коммунисту Голанду<sup>[318]</sup>, который находился в смертной камере и его списали как умершего. Голанд был отправлен в отряд имени Фрунзе. В январе 1943 года в бою с гитлеровцами он героически погиб.

В июне 1942 года из Старосельского леса, где находилась партизанская группа, возглавляемая Фельдманом, прибыла проводница-связная Татьяна

Бойко, подпольная кличка «Наташа», ей было тогда 17 лет<sup>[319]</sup>. Через одного из руководителей подполья Гебелева Михаила<sup>[320]</sup>, она связывалась с Саррой Левиной<sup>[321]</sup>, которая через Курляндскую устроили Ганзенко С.Г.<sup>[322]</sup> побег и «Наташа» его благополучно привела в отряд.

Ганзенко С.Г. был избран командиром отряда имени Буденного, бригады имени Сталина, а в декабре 1943 года отряд вырос в бригаду имени 25 лет БССР, где он был комбригом.

Один из лагерников по фамилии Костелянец сумел завоевать доверие начальника лагеря Лёкке, который считал Костелянца «полезным», часто посылал с военнопленными под небольшой охраной на заготовку продуктов. Также и с его помощью Софья Курляндская и Блятман перенаправляли военнопленных в партизанские отряды.

Костелянец погиб в 1943 году в стычке с фашистами в партизанской бригаде имени Чкалова Барановичского соединения<sup>[323]</sup>.

Блятман, приняв нас от секретарши, повел всех в душевую, по дороге присматриваясь к нам. Выясняя, кто откуда прибыл. Когда и где попал плен.

Конечно, люди боялись его и избегали прямых ответов.

После бани Блятман повел всех к большому барaku, разделенному на две половины, где стояли в два яруса во всю длину барака четыре ряда нар.

Подозвал Блятман старшину одного из отделений барака Бонку и сказал ему, чтобы меня он положил рядом с собой. Остальным ребятам он велел занять свободные места.

Распоряжение Блятмана меня удивило. Для чего он велел положить меня рядом со старшиной. Чтобы наблюдать за мной? Что-то не похоже. Да и повода у него не было. Распоряжение было отдано благожелательным тоном, да и Бонка, когда повел меня на место, выделил от себя немного соломы, угостил хлебом и остатком баланды.

Из этого «Арбейтслагеря» узников посылали партиями работать в разные немецкие организации. В основном на черные работы. Подноска, разгрузка, колка дров, рытье канав и другие грязные работы. При лагере имелаась столярная мастерская, где стояли несколько станков. В этой мастерской и других, портняжной и сапожной, работали специалисты, которые обслуживали эсэсовцев.

К вечеру начали собираться узники, которые работали вне лагеря. Баланду, так называемый обед, развозили по тем объектам, где работали узники, а специалисты и неработающие получали в лагере. Вечером выдавали около 200 грамм хлеба.

Перед отбоем всех построили в несколько рядов, строго в затылок для получения хлеба.

Городецкий, когда строил колонну узников, подходил к стоящему в первом ряду, клал на плечо ему руку с пистолетом и стрелял вдоль шеренги. Если кто-либо стоял не строго в затылок, то пуля, пропущенная им, выравнивала строй.

Как во всех лагерях, старые узники обратились сразу к вновь прибывшим с наболевшими вопросами, считая, что они только несколько дней как попали в плен.

– Ребята, что слышно на фронте? Долго ли продержится?<sup>[324]</sup>

В этих вопросах чувствовалось у многих неверие в фашистскую победу.

Каждый из вновь прибывших старался рассказать, что знал.

Я рассказал, как фашист потерпел первое крупное поражение под Москвой, благодаря чему миф о «непобедимости» фашистской армии потерпел крах.

После этой беседы один из узников, который стоял среди слушателей, подошел к Блятману, что-то ему рассказывая, показал в мою сторону.

Чувство страха охватило меня. Черт понес рассказывать.

Вечером, когда ложились, Бонка заявил мне, что господин Блятман сказал, чтобы я несколько дней не ходил на работу, немного окреп.

– Утром возьмешь метлу и не спеша занимайся уборкой барака, двора лагеря.

Вечером, едва передвигая ноги, люди пришли с работы. Двоих сразу возле карцера посадили на корточки с вытянутыми руками на два часа. За какие-то проступки они несли наказание.

Отсиживаться в лагере мне было не интересно. Нужно было находить возможность для побега, а это возможно только при выходе на работу.

– Бонка, послушай, – обратился я к нему, – чувствую себя лучше. Может, мне лучше ходить на работу? Поговори с Блятманом.

Вечером Бонка мне сообщил, что завтра смогу пойти на работу.

– Пока пойдешь работать на эсэсовскую дачу, – продолжил Бонка, – это за городом, бывшая правительственная дача «Дрозды»<sup>[325]</sup>. Вас повезут на машине. Блятман предупредил, чтобы не вздумал бежать – там имеются собаки, и они сразу нападут на след. Он потом поговорит с тобой. О наших беседах никто не должен знать.

Ночью подул сильный холодный ветер, а к утру пошел дождь.

Я стал в команде, которая ехала на эсэсовскую дачу. Мы стали в стороне в ожидании машины.



Прождав пятнадцать-двадцать минут, пришла немецкая охрана и нас повели пешком. Машина поломалась.

Дождь усилился. Моментами ветер менял свое направление. Дождь хлесткими ударами бил нам то в лицо, то в спину. Пронизывающий ветер легко проходил сквозь слабую одежду, которая была на нас. Несмотря на быструю ходьбу, я не мог согреться, настолько был сильный ветер.

Я вижу впереди себя сгорбленные спины, защищаясь от ветра, я, наверное, тоже похож на них и сзади...

Придя на дачу, не дав нам ни одной минуты отдыха, заставили под проливным дождем сразу приступить к работе.

Мы строили вокруг эсэсовской дачи высокий четырехметровый забор из толстых бревен, а по углам бункера. Во время работы по несколько раз на день к нам приходил эсэсовец, который руководил работами с двумя огромными немецкими овчарками. Я вспомнил предупреждение Блятмана.

Через некоторое время Блятман перевел меня в другую команду, которая работала в СС-лазарете, на улице Максима Горького, на территории «2-й Советской больницы».

Первый день в СС-лазарете я работал по двору, выполняя разные работы и присматриваясь к людям на территории бывшей Минской больницы.

На следующий день по дороге в лазарет идущий со мной Лейтман [\[326\]](#) предложил:

– Давайте дружить. Работать будем вместе в столярке. Питаться будем вместе.

– Но я не столяр.

– Это не важно. Будешь сидеть, присматриваться, а когда зайдет немец, то будешь точить стамеску. Не страшно, если испортишь.

Через несколько дней у меня состоялся откровенный разговор с Блятманом. Я понял, что Блятман ведет большую подпольную работу, почти никого не привлекая внутри лагеря, боясь провала. Блятман предупредил меня:

– Вы не вздумайте бежать. Это не так просто. Важно, чтобы на побег одного или двух человек не обратили внимание, – сказал Блятман. – Это нужно подготовить. Исключить вас из списков лагерников. Ждите. Я вас помню.

– Господин Блятман, почему вы думаете, что я собираюсь бежать?

– Какой черт я тебе господин! В присутствии других обращайся как к господину. Не обижайся, если иногда я ударю. Для тебя это будет испытанием нервов. – Блятман посмотрел на меня в упор.

– Разве я ошибаюсь? По тебе видно, что ты только внешне покоряешься.

Еще посоветую, держи язык за зубами. Конечно, молчать и зарываться тоже нельзя. Но собирать вокруг себя народ не следует. Разные люди бывают. Проверив товарища, вызывай его на откровенный разговор и тогда рискуй. Не думаю, чтобы здесь были провокаторы. Осторожность спасает не только тебя, но и дело, ради которого ты рискуешь.

«Так вот какой Блятман», – подумал я.

– Вот еще что, – продолжал Блятман, – через несколько дней ты перейдешь ночевать в столярную мастерскую, где Лейтман. Специалисты, которые нужны немцам, ночуют в мастерских. Старайся не попадать на глаза Городецкому. В крайнем случае скажешь, что я перевел. По работе тебе поможет Лейтман. Он польский коммунист, сидел в тюрьмах при Пилсудском, об этом никто не знает. Если ты мне нужен будешь, я сам подойду.

Ночью я задумался над беседой с Блятманом. Он действует смело и решительно. Пожалуй, немалую роль здесь играет Софья Курляндская.

Наступила зима. Жить в бараке стало тяжело, он не отапливался. Меня еще не перевели в столярную мастерскую, как видно, Блятман опасался, что Городецкий обратит внимание. Рисковать не стоило.

Люди приходили с работы мокрые, уставшие. Большинство ложились одетые в мокрой одежде. Очень немногие, в том числе и я, на ночь раздевались, мокрую одежду стлали под себя, а укрывались рваной шинелью. Зато утром нам было легче, мы, выходя на улицу, не так мерзли, как те, которые спали одетые.

Я по-прежнему ходил на работу в СС – лазарет. Нас часто проводили по площади «Парижской коммуны»<sup>[327]</sup> мимо сгоревшего театра оперы и балета. Работал с Лейтманом. Иногда я строил сараи с сибиряком Василием, который был хорошим товарищем и хорошим плотником.

Однажды, работая в подвале СС-лазарета мы сквозь зарешеченное окно наблюдали как мимо проезжала длинная колонна подвод белорусских крестьян, груженных домашним скarbом. Держась за подводы, еле брели уставшие женщины, старики и дети.

Дети ... страшно произнести это слово, посмотрев на этих постаревших, слишком «взрослых» детей, потерявших свое детство. С трудом передвигая свои маленькие ножки, они уже не плакали, не тянулись к матери. Жестокость и горе слишком рано коснулось их и они, эти маленькие крошки, не испытав еще своего детства, уже прекрасно понимали жизнь, представленную фашизмом, во всей своей «красе».

Рядом со мной стоял столяр Леонид<sup>[328]</sup>. Он так же пристально всматривался в бесконечно движущуюся колонну подвод. Казалось, нет конца ей, этому движущемуся признаку смерти.

Кто они, обессиленные, живые существа? Куда движется эта страшная колонна? Эти мысли непрерывной вереницей проносились в голове.

Перед стоящими у окна, мимо, прошла с обезумевшими глазами женщина, держась одной рукой за подводу, а другой прижимая к себе ребенка. А за ней без конца люди... люди... люди...

Стук двери заставил всех отскочить от окна. В столярную вошел эсэсовец Рыба, который руководил работами и прибывшими узниками.

В углу у верстака работал старик лет семидесяти, это был «вольнонаемный» столяр, краснодеревщик. Он обратился к Рыбе.

– Куда движутся эти люди?

– Это переезжает вся деревня, – ответил эсэсовец, – партизаны уничтожили их деревню и наше правительство им дает новое местожительство. Вот там им будет хорошо, даже слишком хорошо. – И зло усмехнувшись, добавил: – с партизанами они уже не встретятся, им нечего бояться.

Через два часа послышалась сухая дробь пулеметов и автоматов. Вечером, после утомительного дня придя к себе на Широкую, узнали страшную весть от Бориса Табаринского<sup>[329]</sup>, работающего вблизи тех мест, где всю колонну крестьян, которая прошла мимо СС-лазарета, расстреляли из пулеметов и автоматов.

За что?

Какую опасность они представляли для фашистского солдата? Неужели эти женщины, дети и все человеческое является для фашизма опасностью и только звероподобные существа безопасны для фашизма?

Еще большей ненавистью к проклятому фашизму загорелось сердце у обреченных людей лагеря. Не за себя, нет! А за тех, невинно погибших женщин, детей, стариков.

Еще раз я вспомнил утонченные издевательства и зверства, которые применяли фашисты к военнопленным в Смоленске, о складских бараках, с насквозь пронизывающим ветром, в которые как скот загонялись люди, о сотнях ежедневно замерзающих и умирающих от голода людей, о братских могилах, в которых тысячами похоронены советские военнопленные, замученные голодом и холодом. Все это ярко представлялось перед глазами, что я увидел до этого лагеря.

С изощренным зверством еще недавно здесь пытали одного лагерника за то, что он, якобы, присвоил лишних двести граммов хлеба. Его привязали к бочке и двадцать фашистов, встав в два ряда, поочередно били по пяткам лагерника. Когда лагерник терял сознание, его приводили в чувства, обливая ледяной водой, и вновь били.

Человеческая жизнь не имела никакой цены, и рабочая сила подвергалась пыткам, на них натравливали собак, избивали плетками и винтовками и расстреливали.

Очень часто я встречался с товарищами. В бараке находились два ростовчанина, мои земляки. Борис Эстрин и Лев Срагович, с которыми я проходил действительную военную службу в 1932–1934 годах в рядах Красной Армии.

Встречался с Семеном Розенфельдом<sup>[330]</sup>, у которого в Минском лагере опять открылась рана после ранения на фронте. Капо Блятман положил его в изолятор, где его спас минский врач.

Аркадий Вайспапир<sup>[331]</sup> тоже был обязан своей жизнью тому же Блятману, который устроил его в команду, как называли узники, «генерал-губернатор», а правильно ЦПФАУ<sup>[332]</sup>, и приказал ребятам из этой команды:

– Пока парнишка не поправится, пусть отлеживается во время работы за штабелями досок, но не забывайте, чтобы он получал баланду.

Неизвестно или из уважения к увесистым кулакам боксера, то ли из страха перед званием «капо», но Блятману все подчинялись.

Частые встречи были с Борисом Цибульским, с Александром Шубаевым<sup>[333]</sup> из Дагестана, города Хасав-Юрта<sup>[334]</sup>, закончившим перед войной Ростовский институт железнодорожного транспорта. Александр всегда был в приподнятом настроении, никогда не падал духом, часто пел и называл себя «Калимали».

Борис Табаринский был минчанином. В один из вечеров он рассказал страшную историю:

– Однажды во время одной из облав в городе, которую устроили фашисты, мы сидели в подземелье под сгоревшим домом и наблюдали, что делается на улице. Вот я вижу двое вахманов ведут за руку мальчика лет четырех-пяти и он им что-то рассказывает. Мальчик был такой веселый, жизнерадостный и, должно быть, он им рассказывает очень забавное, детское, потому что эти звери в человеческом облике тоже улыбались. Потом я услышал выстрел. Через несколько минут эти двое возвращались обратно, держа в руках его курточку.

– Вы знаете, ребята, – продолжал Борис, – во время облав в подвалах, куда люди пытались прятаться, даже маленькие дети двух-трех лет умеют молчать. Просто поражаешься. Эти крошки или понимают, что над ними нависла опасность, или какое-то, как говорится, «десятое чувство». Стоит ребенку показать пальцем на потолок и сказать, что там немец – ребенок сразу замолкает.

Закончив свой рассказ, Борис присел на нары. Ребята долго стояли молча. Никто не уходил. Никто не хотел нарушать молчание.

Этой же ночью, гуляя по лагерю со своей любовницей, эсэсовец Вакс, через окно бывшей конюшни, заметил одного узника, который хотел выйти во двор по своим надобностям. Вакс, показывая своей «даме» меткость стрельбы, очередью из автомата застрелил человека.

Борис Цибульский ходил работать в военный городок – лазарет для рядовых немцев, не эсэсовцев.

Однажды в его группе на работе убежали два человека. Тогда построили всех в одну шеренгу, а их было сорок человек, и каждого пятого расстреляли.

На следующий день он рассказывал.

– Я всю ночь не спал, перед моими глазами стоял сосед с левой стороны. Они сами себе рыли могилу. По одному подводили к яме и расстреливали.

– Борис, успокойся, – уговаривал его я, – теперь не поможешь.

– Понимаешь, Саша, я был четвертым и все видел. Лучше уже быть пятым.

Блятман Бориса Цибульского на несколько дней положил в изолятор, затем послал работать в команду ЦПФАУ.

В СС-лазарете работало несколько человек вольнонаемных, в основном женщины. Почти все приходили на работу незаметно, тихо, избегая встречи с эсэсовцами.

Была среди них молодая девушка. Хорошо сложена, красивая и она почти ежедневно меняла туалеты. С веселой улыбочкой на губах так и порхала среди эсэсовских солдат и офицеров. Она разговаривала с ними на немецком языке.

Военнопленные довольно часто с завистью смотрели, как она выносила из корпуса бутерброды и угощала ими немецких солдат и власовцев, с пренебрежением косясь на голодных военнопленных.

Я с удивлением смотрел на эту девушку.

Кто она? Неужели немка? Не похоже.

Мимо меня прошла молодая женщина, работающая в прачечной, которая иногда давала ребятам остатки с кухни, то суп..., то хлеб...

– Послушай, Катя, кто эта девушка? – обратился я к ней.  
– Эта шлюха? Лидка? Так она наша.  
– Как наша?! – воскликнул я. – Так почему она своим ничего не дает?  
– Так она паразитка! Ее отца расстреляли немцы. Она минчанка. Перед войной закончила медицинский институт. Вот так, ее учили для того, чтобы она подкармливала врагов. Паразитка!

В сердцах Катя плюнула, махнула рукой и пошла. Пройдя два шага, остановилась, повернулась и сказала:

– Ты приходи позднее. Захвати котелок...

Долго я смотрел на Лиду<sup>[335]</sup>, не мог оторвать от нее глаз. Как она может?! Своя. Отца расстреляли. Неужели это правда? Бедный отец.

А в это время, слушая заигрывание эсэсовских солдат, Лида звонко хохотала.

При той пищи, что узники получали в лагере, человек существовать, конечно, не мог. Люди жили за счет того, что сумели доставать, даже воровать у врагов и делились с товарищами, которые по разным причинам не выходили из лагеря.

В часы, когда заканчивался у раненых эсэсовцев обед, узники старались под разными благовидными предлогами пробраться в корпус, чтобы на кухне что-нибудь достать, где на черной работе работали вольнонаемные женщины, которые всегда со слезами на глазах давали все возможное, при этом приговаривая:

– Бог ты мой, быть может, и мой так мытарствует, как вы. Спаси вас и его господи.

Чуть заметным движением руки снимала набежавшую слезу.

Приблизительно через месяц я зашел в корпус, где работала Лида, в поисках пищи.

Поднявшись на второй этаж, я заметил идущую навстречу Лиду. Не мешкая ни минуты, вскочил в умывальник. Открыв кран, стал мыть руки.

Лида вскочила вслед за мной.

– Ты что здесь делаешь?

– А что, не видишь?

– Уходи отсюда, свинья грязная.

– Иди к ...

– Швестер, швестер<sup>[336]</sup>, – закричала Лида, призывая на помощь эсэсовку.

– Что случилось? – входя в умывальник спросила эсэсовка.



– Этот свинья, весь грязный, посмел зайти сюда. Да еще ругается. – тарахтя по-немецки прокричала Лида.

Я продолжал мыть руки.

– Ты почему здесь моешь руки? – спросила эсэсовка.

– Рыба послал меня, чтобы я на третьем этаже посмотрел все форточки, и, если нужно, отремонтировал. Но не могу же я с такими руками подняться наверх. Ведь там раненные лежат.

Эсэсовка что-то сказала Лиде, махнув на меня рукой и ушла.

Лида демонстративно стала у дверей, выжидая, когда я уйду.

Осмотревшись вокруг, убедившись, что никого нет, я прошептал:

– Послушай, паскуда! Немецкая сучка! Я пришел сюда по поручению людей. – врал я, – чтобы тебя предупредить. Если ты будешь заигрывать с фашистами, которые расстреляли твоего отца, если ты будешь подкармливать врагов нашего народа, который дал тебе все: высшее образование, специальность врача и жизнь, – ты будешь уничтожена. Не вздумай кому-либо об этом рассказывать. Если со мной что случится, тебя уничтожат. Об этом знают люди не только здесь – в лазарете, в лагере, но и там, где ты живешь. Тебе просили передать, чтобы ты жила так, как все советские люди, которые остались здесь. Не забывай, что Родина жива и будет жить.

С ненавистью я смотрел ей в лицо, не понимая, откуда у меня все это взялось, и пошел к выходу. Лида вся бледная отступила в страхе назад, боясь промолвить слово.

На кухню я не зашел. В этот день я и мои товарищи не получили добавочный паек.

Вечером в лагере обо всем я рассказал Блятману. Как высказал ей все, что думаю о ней, якобы от имени товарищей, так как не смог себя сдержать.

На следующий день Блятман не пустил меня в СС-лазарет, оставив постоянно работать в лагерной столярной мастерской.

Часто в «Арбейтслагерь» на Широкой улице заезжала крытая машина, как ее называли «душегубка». Туда загоняли людей, дверцы плотно закрывались, и от выхлопной трубы моторов в кузов подведена была труба, через которую поступали отработанные газы. За одну поездку уничтожали 30–40 человек. Этих людей специально приводили в лагерь неизвестно для нас откуда, и по несколько раз в день эти машины возвращались в лагерь за очередной партией.

Иногда некоторым ребятам, особенно Аркадию Вайспапиру и Семену Розенфельду удавалось из города проносить листовки, отпечатанные

подпольщиками Минска, которые им передавали вольнонаемные, работающие в одних дворах с ними.

Минские подпольщики ухитрялись вывешивать на столбах, на досках объявлений поверх немецких приказов, на сгоревших домах листовки, в которых сообщалось о положении на фронтах, о приближающем часе расплаты с кровавым фашизмом. В листовках говорилось о призыве всех советских людей к борьбе с фашизмом, чтобы приблизить победу над фашистской Германией. Не верить подлой фашистской пропаганде. Не давать фашистам покоя ни днем, ни ночью. Бить фашистскую гадину, где только можно и всем, чем только можно.

Эти листовки были написаны от руки печатным шрифтом, чтобы легче было читать и не могли узнать почерк. Некоторые – на машинке. Некоторые типографским шрифтом. Любым методом пользовались подпольщики, чтобы довести до людей правду о фашистах и фашизме. Эти листовки с риском для себя ребята проносили в лагерь.

В этих листовках мы узнавали о действительном положении на фронтах и определенной группе поручалось распространять среди узников содержание листовок.

В феврале 1943 года мы обратили внимание на то, что немцы не только в лагере, но и на объектах, куда мы ходили, злые, как бешеные собаки. За малейшие проступки, да и просто так, они при первой возможности набрасывались на узников и избивали.

В один из дней февраля нам не выдали хлеба, и только на следующий день мы узнали, что в Германии объявили трехдневный траур в связи с крупным поражением под Сталинградом.

– Дай бог, – говорили узники, – чтобы нам почаще по этой причине не выдавали хлеба».

Во дворе ЦПФАУ, где Аркадий Вайспапир, Борис Цибульский и еще пятьдесят узников работали, находился оружейный склад. Через соседнее помещение, заставленное пустыми ящиками, несколько военнопленных пробрались на чердак склада и через чердак им удалось похитить изрядное количество винтовок и патронов. Они это все припрятали в развалинах каменного здания.

В феврале 1943 года с вольнонаемным шофером они договорились, что он вывезет похищенное оружие и их всех в лес к партизанам. Сам он якобы тоже собирался удрать с машиной к партизанам. В последний момент он их предал или фашисты напали на след, установить не удалось. В тот день по счастливой случайности Борис и Аркадий не пошли на работу в ЦПФАУ,

так как срочно несколько человек погнали на какой-то объект и хватали всех подряд.

Всех узников ЦПФАУ загнали в котлован, избивали плетьюми, натравливали на них собак. Многие были там уничтожены. Весь двор был залит кровью. Потом оставшихся в живых гнали через весь город с поднятыми руками, истерзанных, окровавленных, в лагерь. В лагере затопили баню, напустили в бассейн горячую воду. Вызывали по одному. Допросами занимались комендант лагеря Лёкке и эсэсовцы Вакс и Городецкий. Вначале избивали до полусмерти, раздевали догола и бросали в горячий бассейн. Затем вытаскивали из бассейна и обливали холодной водой. Так повторяли несколько раз, пока человек мог еще шевелиться. И только после этого фашисты выбрасывали их во двор на снег и открывали по ним огонь из автоматов. Среди замученных был Борис Коган из Тулы.

В те дни на распиловке дров внутри здания ЦПФАУ, на первом этаже работал Ефим Литвиновский<sup>[337]</sup> с двумя товарищами. Но им удалось уцелеть, благодаря немцу, охранявшему их во время работы, который утверждал, что они к побегу не причастны.

Отечественная война застала Ефима Литвиновского в Даурии<sup>[338]</sup>, в Читинской области, где он проходил действительную службу в 15-й Кубанской дивизии, в 143-м полку<sup>[339]</sup>. Во время войны он был в конной разведке. В октябре 1941 года он попал в окружение, несколько раз с боями пытался пробиться, был ранен и попал в плен.

А на следующий день привезли из ЦПФАУ чехов – мужа и жену, работающих там по учету, подозревая их в соучастии. Их застрелил в карцере эсэсовец Вакс. После этого он подозвал капо Блятмана и цинично предложил:

– Если хочешь, пойди в карцер и сними с еще тепленькой красивой женщины лифчик.

В тот двор, куда ходила работать группа в пятьдесят человек так зверски замученных, ходила и другая группа, но общаться с ними они не могли, так как вход был с другой улицы. Во второй группе был киевлянин инженер Аркадий Орлов, который имел привычку, когда привозили из лагеря баланду, становиться на окно и подавать своим знак рукой.

В день попытки к побегу один из немецких офицеров, заметил как через окно Орлов кому-то подавал знак. Когда была предана бежавшая группа, Орлов прекрасно понимал, какой смертельной опасности он подвергается. Блятман спрятал его в лагерную больницу, чтобы через три-четыре дня отправить Орлова к партизанам. На второй день Орлова нашли в больнице

и отправили в карцер. Эсэсовец Вакс совместно с Городецким избивали его плетьюми, пока он не потерял сознание. Потом велели принести несколько ведер холодной воды, облили его и заперли. Наутро окоченевший труп был вывезен из лагеря.

В апреле 1943 года Блятман послал меня и Лейтмана снова работать в СС-лазарет, предупредив, что Лида там уже не работает, куда-то исчезла.

В ночь с 1 на 2 мая 1943 года нарастающий гул приближающихся к Минску советских самолетов нарушил покой узников «Арбейтслагеря».

В эти дни я уже перешел ночевать в столярную мастерскую, где были обыкновенные окна для мастерских, из которых можно было наблюдать, что творилось во дворе лагеря.

Небо ярко освещалось сбрасываемыми с самолетов ракетами. Затарахтели зенитки. Уже стали слышны ближние и отдаленные взрывы сброшенных бомб над фашистскими объектами.

Ребята с жадностью, с оглядкой всматривались в окна барака, боясь, чтобы их не заметили фашисты.

Из офицерского домика выскочили несколько человек и скрылись в убежище. Метров двести-триста от лагеря стояло четырехэтажное здание, где проживали власовцы. Два самолета в течение пяти-десяти минут кружились над лагерем, непрерывно освещая ракетами.

– Неужели на лагерь сбросят? – раздался в углу голос.

– Чего боишься? – обращается к нему Лейтман, – все равно смерть, так лучше такая.

– Ребята, все может быть, – вмешался я, – но мне кажется, что над лагерем они не сбросят. Я уверен, что советскому командованию известно, что здесь лагерь, и что рядом стоит дом, где проживают фашисты. Вот они и кружат вокруг дома, стараются обойти лагерь.

В это время страшный взрыв потряс столярную мастерскую. Сильная воздушная волна вышибла стекла из оконных рам.

– Вот это да! – сказал стоящий у окна столяр. – Смотрите, ребята, горят вахманы. Вот здорово попали! Молодцы! Вот это точность!

Все с радостью смотрели на горящее здание, одновременно прислушиваясь к удаляющемуся гулу самолетов и крикам вахманов, попавших под бомбежку.

В столярку вошел Блятман и шепнул мне и Лейтману:

– Учитесь, ребята, преподносить первомайский подарок! Здорово!

На следующее утро комендант лагеря Лёкке и Вакс как бешеные метались среди узников, раздавая удары налево и направо.

\* \* \*

Это было летом 1943 года, когда в СС-лазарет из Минского гетто пригнали работать несколько девушек под охраной двоих власовцев.

Все девушки, как на подбор, были аккуратно одеты, в чистых белых блузках, некоторые в платьях.

Девушки стояли возле подвала столярной мастерской, ожидая, когда и куда их пошлют работать.

Мимо прошел эсэсовский офицер. Заметив девушек, остановился. Пристально посмотрел на них и вдруг истерическим голосом закричал:

– Рыба, Рыба, что они пришли сюда?

– Я слушаю вас, обершарфюрер<sup>[340]</sup>, – в струнку вытянувшись, подскочил Рыба.

– Что они пришли сюда?

– Работать, обершарфюрер.

– Почему они так одеты?

– Не знаю, обершарфюрер.

Лицо обершарфюрера перекошилось от бешенства. Он еще сильнее закричал.

– Всех, всех немедленно послать чистить дворовую уборную. Без лопат, без ведер, без воды, без тряпок. Вы слышите, вот так руками пусть чистят. Проклятые свиньи.

Стоя в стороне, я с ужасом смотрел на проклятого фашиста. Девушки молча стояли, с презрением слушали команду обершарфюрера.

Рыба быстро дал команду и повел девушек в сторону дворовой уборной. Обершарфюрер с пеной у рта все продолжал им вслед кричать.

– Проклятые свиньи... Посмотрю я завтра, в чем вы придете...

На ходу ругаясь, он вошел в одно из зданий госпиталя.

На следующий день, когда нас привели на работу, увиденным я был потрясен до глубины души.

С левой стороны, возле подвала столярной мастерской, стояли вчерашние девушки. Все они были одеты в шелковые или крепдешиновые блузки, в модных туфельках с маникюром на руках.

Группу из лагеря быстро загнали в подвал. Все ребята, проходя мимо девушек, с восхищением на них смотрели.

В июне 1943 года в воскресный день Блятман велел всем работающим в СС – лазарете построиться и пойти в лазарет для выполнения срочной работы. Лейтман лежал с температурой и мне пришлось пойти без него.

Этой ночью в СС-лазарет привезли несколько человек раненых и одиннадцать убитых эсэсовцев, которые на Минском шоссе попали в партизанскую засаду.

Удачный рейд минских партизан лишил нас отдыха. Ну что ж, пусть чаще нас вызывают по такому случаю на работу.

Пришедший в подвал Рыба велел быстро изготовить 11 гробов, отнести их в мертвецкую, уложить трупы и забить гробы. Все должно быть закончено к трем часам, так как к этому времени приедут машины и их увезут на кладбище.

Подойдя ко мне, Рыба показал на стоящую тумбочку с поломанной дверкой и велел сделать новую. Ничего мне не оставалось сделать, как сказать «яволь»<sup>[341]</sup>.

Рыба ушел. Я задумался. Как сделать?! Ведь не смогу. Все заняты гробами. Недолго думая, я пошел в один из корпусов, поднялся на чердак, нашел там хорошую тумбочку, выломал дверку и незаметно ее принес в столярную мастерскую. Нашел кусочек стекла, снял с дверцы лак и краску и прикрепил на петлях к поломанной тумбочке. Все нужно было сделать быстро, чтобы Рыба ничего не обнаружил.

Тем временем ребята закончили делать гробы и понесли их в мертвецкую. Рыба пошел вместе с ними, указал, где лежат убитые, велел уложить их в гробы, выдал материал для того, чтобы накрыли мертвецов и забили гробы, а сам ушел.

На некоторых убитых были хорошие сапоги. Ребята недолго думая поснимали сапоги, запрятав их временно в мертвецкой, уложили убитых, накрыли покрывалом, особенно ноги, и крепко забили крышки, чтобы не так легко было их открыть, если кому-нибудь захочется посмотреть на убитого.

Узнав об этом, Блятман ругал ребят, зачем они рисковали, все равно одевать эти сапоги они не смогут. Через несколько дней эти сапоги отдали вольнонаемным, которые там работали и всегда помогали ребятам.

Через несколько дней те, которые работали в городе, узнали, что в ту ночь в лазарет привезли не всех убитых эсэсовцев, которых в засаде уничтожили партизаны. Некоторых привезли прямо на квартиры. Немецкого областного руководителя Людвиг Эренлейтера, правительственного инспектора Генриха Клозе, начальника областной жандармерии Карла Калла и сопровождавших их чиновников<sup>[342]</sup>.

А убитых эсэсовских солдат привезли в СС-лазарет для захоронения в общей могиле.



5 марта 1943 года партизаны Григорий Страшко, Алесь Матусевич<sup>[343]</sup> в квартире предателя Козловского<sup>[344]</sup> уничтожили вожака белорусских национал-фашистов Фабиана Акинчица<sup>[345]</sup>. О его «подвигах» в Германии после прихода к власти Гитлера немало рассказывали сами его подпевалы. Многим было известно еще до начала войны о его прежней деятельности, как провокатора в бывшей Западной Белоруссии. Во время войны с помощью хозяев из военной фашистской разведки начал создавать в окрестностях Берлина шпионские диверсионные школы и курсы. А когда Белоруссия была оккупирована фашистскими захватчиками, Акинчиц стал устраивать своих воспитанников в городах и районах, продолжая готовить под Берлином новых братоубийц, набранных уже во время войны. Но советские патриоты уничтожили фашистское отродье, посмевшее прийти на Белорусскую землю.

В последних числах августа Блятман предупредил меня и Лейтмана, чтобы мы были готовы к отправке в лес. Как только Софья Курляндская в удобный момент вычеркнет нас из списков, мы на следующий день с подводчиками выедем в лес на заготовку дров.

В первых числах сентября 1943 года во двор лагеря въехала машина гестапо. Минут десять гестаповцы побыли у коменданта. Туда вызвали Блятмана, а через несколько минут его со связанными руками увезли. Предали его или проследили?

Страх охватил весь лагерь. Что будет?

По приговору Минского подпольного комитета в конце сентября 1943 года был уничтожен палач Белоруссии гаулейтер Вильгельм фон Кубе, по указке которого были уничтожены десятки тысяч невинных людей.

Друга и ставленника Гитлера в оккупированной Белоруссии уничтожила Елена Мазаник<sup>[346]</sup>, которая работала у него горничной. По заданию подпольного комитета она заложила мину между пружинами матраца.

Положение на фронтах изменилось не в пользу фашистской Германии<sup>[347]</sup>. Советские войска с каждым днем освобождали оккупированную территорию от фашизма, и замечая следы своих преступлений фашисты начали спешно вывозить в первую очередь узников из лагерей, живых свидетелей нечеловеческих зверств.

17 сентября 1943 года было раннее хмурое сентябрьское утро. Выстроившись во дворе Минского «Арбейтслагеря» двухтысячная толпа женщин, детей, мужчин с напряженным вниманием прислушивалась к словам, небрежно бросаемым эсэсовцем Ваксом. Охрипшим от попоек голосом он говорил:

– Через час вас отвезут на станцию. Вас ждет великая милость фюрера: вы отправляетесь на работу в Германию. Фюрер признал возможным даровать жизнь тем людям, которые имеют какую-нибудь специальность и будут работать добросовестно на благо Великой Германии. Вы поедете со своими семьями. Можете взять с собой все вещи, какие у вас имеются... Итак, приготовьтесь к погрузке, – Вакс холодным испытывающим взглядом окинул толпу.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что слова коменданта вызвали у одних недоумение и растерянность, а у других – ужас. Они думали: «Нет меры нашему горю теперь. Но кто знает – не готовят ли они нам еще худшую участь».

Многим приходила в голову и такая мысль: «Быть может, удастся в дороге бежать...»

Во двор лагеря въехали большие машины. На каждой было по несколько фашистов, вооруженных автоматами для охраны женщин и детей, которых за день привезли в лагерь. А группу военнопленных под большой охраной повели пешком.

В небольшие товарные вагоны сажали по семьдесят-восемьдесят человек – женщин, детей, мужчин.

... Четыре дня шел поезд из Минска в неведомую даль. Четверо суток томились мы без хлеба и воды в вагонах с забитыми окнами и запертыми дверями. Смрадный воздух всю дорогу преследовал людей. Беспрерывные боли в желудке от голода уже успели притупляться. Было так тесно, что люди могли только стоять, плотно прижавшись друг к другу. О том, чтобы сесть, а тем более лечь – мы даже и не мечтали.

На пятые сутки поезд остановился на глухом, затерянном в лесу полустанке. С левой стороны от полустанка тянулись три ряда высокого – в три метра – проволочного ограждения.

Железные ворота медленно открылись, пропуская несколько вагонов из прибывшего эшелона. Над воротами висел щит с надписью «Зондеркоманда СС».

### **Строительство лагеря смерти Собибор**

Собибор – маленький тихий населенный пункт вблизи Влодавы<sup>[348]</sup> в Люблинском воеводстве. Польша.

В лесах Собибора проходила железнодорожная ветка от Бельжица<sup>[349]</sup> в Хельм<sup>[350]</sup>. Далеко от центральных маршрутов и городов.

В марте 1942 года по специальному приказу Гиммлера<sup>[351]</sup> в этих местах был построен концлагерь – лагерь смерти. Его существование было окружено тайной. На строительство и оборудование территории, которым руководил штурмбаннфюрер<sup>[352]</sup> СС инженер Вольфганг Томалла<sup>[353]</sup>, несколько месяцев работали узники, которых потом убили эсэсовские палачи и похоронили в общей могиле, сровненной с землей.

Лагерь смерти в Собиборе на первый взгляд производил впечатление небольшого селения. Сквозь изгороди просматривались дорожки, посыпанные черным гравием. Направо от главных ворот был железнодорожный полустанок Собибор.

Этот лагерь вначале был разделен на три сектора: первый сектор – где находились мастерские, портняжная, сапожная. В этих мастерских фашисты на себя перешивали одежду убитых людей и посылками отправляли домой. Здесь же находилась столярная мастерская. В этом секторе два жилых для узников барака, для мужчин и женщин, которые обслуживали эсэсовцев и продолжали заниматься строительством лагеря.

Второй сектор, куда приводили вновь прибывших людей. Здесь их раздевали. Здесь они оставляли одежду и все, что им принадлежало, затем переходили в третий сектор.

Второй и третий сектора меж собой соединялись двумя проволочными коридорами, замаскированными ветками. Один коридор служил для перехода обнаженных мужчин из барака, где они оставляли свою одежду и шли прямо в «баню», а второй – для женщин и детей, которые по «дороге» заходили в барак, где находилась «парикмахерская» и им обрезали волосы.

Третий сектор, где находились газовые камеры, так называемые «бани». Этот сектор был особо замаскирован ветками от постороннего глаза. Общаться с этим сектором узники первого сектора не могли. Кто хоть раз попадал в третий сектор, обратно не возвращался. Там находились свои узники, которые периодически через каждый десять-пятнадцать дней уничтожались, ибо люди не выдерживали и сходили с ума. Этот сектор был герметически изолирован от всего лагеря и все без исключения заключенные с этого сектора уничтожались.

Строил газовые камеры Эрвик Ламберт<sup>[354]</sup> и специалист по моторам эсэовец Фухо, который привез из Львова<sup>[355]</sup> мотор для танка. Его сам установил и монтировал в специальном помещении. Этот мотор соединялся со специальными трубами, по которым переходил переработанный газ мотора в «бани», для удушения людей.

Специально для опробования действия мотора «на работу» в лагерь привезли тридцать девушек из Люблина<sup>[356]</sup>.

Окон в здании не было. Только наверху находилось оконце, через него наблюдал немец, которого называли «банщиком», окончился ли уже процесс удушения. По его сигналу прекращалась подача газа.

Второй эсэсовец Барбель<sup>[357]</sup> был специалистом по маскировке газовых камер, с тем, чтобы они выглядели как обыкновенная баня. Над зданием была надпись «Баня».

В северной стороне через несколько месяцев после того, как начал функционировать лагерь, начали строительство четвертого сектора «Норд-лагерь»<sup>[358]</sup>, а летом 1943 года также приступили быстрыми темпами к строительству оружейной мастерской, где должны были ремонтировать советское оружие<sup>[359]</sup>.

Эти лагеря были изолированы друг от друга проволочными заграждениями. Между первым и вторым лагерями стояли офицерские домики и жилые бараки охраны. Глубже ко второму лагерю находился хозяйственный двор, где фашисты для себя держали кроликов и около трехсот гусей, которых гоняли по полю, когда в баню загоняли людей. Гуси своим гоготом заглушали крики людей.

Весь лагерь в целом был опоясан – тремя рядами проволочного заграждения высотой в три метра. За третьим рядом колючей проволоки была замаскированная площадь шириной пятнадцать метров, которую отгораживала тонкая проволока с надписями на трех языках (немецком, польском, украинском) «Внимание, заминировано». Ров, наполненный водой, и еще ряд проволочного заграждения.

Администрация лагеря всегда состояла из пятнадцати-двадцати эсэсовцев и охраны в 120–150 власовцев. Полтора километра от лагеря находились резервная охрана из 120 человек.

Через каждые пятьдесят метров стояли вышки с пулеметами и между проволочными заграждениями ходили вооруженные часовые.

Фашисты боялись свидетелей. В строжайшем секрете держали они тайну Собибора. Старательно маскировали лагерь. Усиленно охраняли.

Среди сосен и елей возникла фабрика смерти, оборудованная всем, чтобы совершить свое кровавое дело. От остального мира отгородилась колючей проволокой.

Первый транспорт узников прибыл в Собибор 8 мая 1942 года из Демблина<sup>[360]</sup>. Из этого транспорта отобрали молодых, здоровых мужчин, а остальных уничтожили.

Последующие транспорты, которые вскоре начали приходить *почти* *ежед[невно]*<sup>[361]</sup>, привозили узников с оккупированных гитлеровскими войсками территорий Польши, Чехословакии, Австрии, Франции и Голландии.

В конце мая 1942 года прибыл эшелон в Собибор из Замостья<sup>[362]</sup>. В этом эшелоне был молодой парень Маргулис<sup>[363]</sup> который вначале работал на сортировке вещей, затем был переведен на украинскую<sup>[364]</sup> кухню для мытья посуды, затем банно-команда (вокзальная команда), состоящая из двадцати молодых ребят, все они были одеты в одинаковые синие комбинезоны и на шапке имели букву «В». В их обязанность входило встречать эшелоны с людьми, помогать в выгрузке, после этого мыть и чистить вагоны, так как они отправлялись за новыми жертвами.

После этого эшелоны в Собибор почти ежедневно начали поступать, регулярно, не менее, чем по две тысячи человек в каждом. Фабрика смерти приступила к реализации гитлеровского плана уничтожения людей.

Когда прибывает очередной эшелон, быстро строятся на аппельплац узники: банно-команда, носильщики вещей и парикмахеры. Издалека слышен металлический звук останавливающихся в тупике вагонов. Вначале выходит банно-команда. У них только одно рабочее место – железнодорожный перрон внутри лагеря. От них начинается цикл смерти. Открываются запоры вагонов и выводят жертвы. Их проводят через большой барак без окон, с открытыми настежь дверьми с двух сторон. В этом бараке из рук приходящих отнимают их ручной багаж. Люди идут и не имеют понятия, что идут на смерть. Люди неохотно расстаются со своими вещами, особенно женщины. Удар плеткой быстро ломает упорных. Эти люди не знают правду, куда их привезли. Нет смысла им говорить – все равно не поверят.

Потом их проводят мимо уютных домов эсэсовцев, на которых красовались надписи: «Родина Христа», «Веселая Блоха», «Ласточкино гнездо». Людям и в голову не приходило, что, читая эти надписи, они идут прямо в направлении смерти.

Обершарфюрер СС Герман Михель<sup>[365]</sup>, садист, любил беседовать с вновь прибывшими заключенными. Он рассказывал им, что они должны будут работать на Украине, что им дадут новую одежду после посещения бани, в которую их сейчас отведут... Он говорил им, зная, что через час они будут мертвы.

Иногда прибывшим говорили, что они прибыли сюда на работу, должны пройти санобработку. Для того, чтобы прибывшие верили в то, что они

находятся в рабочем лагере, заключенные этого лагеря были одеты в городские костюмы. И люди верили. Кроме того, фашисты старались задолго до уничтожения убить в человеке человеческое – сознание, достоинство, волю.

Нужно было как можно скорее покончить с прибывшими поездом, так как, если бы жертвы остались живы дольше, то узнали бы о судьбе, которая их ожидала. Они бы беспокойно себя вели и это затруднило бы их истребление.

Человеческая жизнь здесь длилась не более двух часов. Лишь небольшое число специалистов избегали селекции<sup>[366]</sup>.

Людям предлагали раздеваться. Женщины с детьми шли по своему коридору в «баню». По дороге они заходили в «парикмахерскую», где им так безобразно обрезают волосы ножницами. Прижимаясь друг к другу, женщины стараются прикрыть свои тела перед мужчинами. Но эсэсовец Френцель<sup>[367]</sup>, начальник первого сектора, ударяет плеткой молодых женщин, заставляя их открыться. Молодые мальчики «парикмахеры» первый раз в жизни видят обнаженных женщин и неловко себя чувствуют. Женщин через проволочный коридор прогоняют дальше в газовые камеры. Парикмахеры быстро собирают кучки человеческих волос, сплетенных, как мышьи хвостики, детские косички, запихивают их в мешки и ставят к стенке.

Для промышленного производства использовались даже человеческие волосы. Нацистские палачи не щадили даже мертвых.

Мужчин раздевали отдельно, обычно на площади, как летом, так и зимой. Потом голых людей направляли по коридору в газовые камеры.

Команда третьего сектора после того, как эсэсовцы открывали двери «бани», выносят трупы из «бани», разделяют сцепленные в предсмертных судорогах тела и кладут на землю. После этого «дантисты» открывают каждому рот, и если находят хотя бы один зуб из дорогого металла, окровавленными клещами вырывают или выламывают зубы, которые попадали в доход фюрера<sup>[368]</sup>.

Эсэсовцы заставляли обыскивать даже трупы – в поисках золота или жемчуга.

Трупы лежали под палящим солнцем, над ними носились тысячи мух и других насекомых, поэтому необходимо было поторапливаться, копать более глубокие и широкие могилы для того, чтобы найти выход для вновь прибывших транспортов.



Человеческий мозг не в состоянии был поверить в действительность такого лагеря...

Почти ежедневно из лагеря Собибор шли поезда в Германию, груженные вещами умерщвленных людей, людей, над которыми не только надругались и уничтожили, но и ограбили.

Людей, прибывающих из стран Европы, кроме Польши и Советского Союза, привозили в Собибор в классных вагонах. Ведь людям говорили, что они едут на работу. Первое время по прибытии в Собибор от прибывших требовали, чтобы они отправляли домой почтовые открытки, в которых было написано, что они благополучно прибыли в Польшу и должны отправиться дальше. Однако все это было ложью, никакого «дальше» не было. В Собиборе, в секторе три, их ожидал конец, ожидала смерть.

Эсэсовец Зигфрид Вольф<sup>[369]</sup> приходил к голым ребятишкам, которых гнали в газовую камеру, раздавал им конфеты, гладил по головкам и говорил: «Будьте здоровы, дети, все будет хорошо!»

Начальник третьего сектора обершарфюрер СС Болендер<sup>[370]</sup> имел собаку Барри и называл ее «менч», то есть – человек. Когда он натравлял ее на человека, то кричал, обращаясь к собаке: «Человек, хватай собаку».

Болендер приучал своего пса бросаться на голых людей, особенно на мужчин, которых он потом пристреливал.

В лагере убивали людей и оказывали почести собакам, которых натравливали на узников. Во время похорон одной собаки узникам приказали стоять по стойке «смирно» со снятыми шапками, а затем отдавать почести собачей могиле.

Эсэсовцы лагеря знали, какой транспорт может сопротивляться и заранее соответственно подготавливалось. Особенно опасным считали пересыльных из Польши. Эсэсовцы были заранее проинформированы о попытках к сопротивлению при погрузке в вагоны и применяли особо строгие меры. Укрепляли эсэсовскую и власовскую охрану сразу у вагонов, на перроне, а также по всей дороге, ведущей к газовым камерам. Многих сразу убивали на перроне, а остальных загоняли сразу в газовые камеры<sup>[371]</sup>.

В одном из эшелонов из вагона выходит старик, весь седой, идет слишком медленно для Френцеля, он орет: «Ты, старая собака, ты – проклятая свинья, иди быстрее!»

Старик нагнулся, поднял горсть земли, начал рассыпать, и говорит: «Как этот песок, так и вас всех рассеют по земному шару за ваши

преступления!...»Френцель выхватил пистолет и убил на месте старика, тело которого было брошено в вагонетку и пошло в третий сектор к костру.

Летом 1943 года в сильную жару прибыл транспорт, который был в пути несколько дней. В вагонах были и мертвые, и раненые. Все были голыми. Среди мертвых и полумертвых было много маленьких детей.

Трупы все были распухшие, а некоторые из этих распухших тел были живыми. Во время разгрузки этого транспорта смерти эсэсовцы стреляли в умирающих через щели в углах товарных вагонов.

Были попытки упрятать в горах одежды и даже в мусоре детей и взрослых. Однажды эсэсовцы полуторагодовалого ребенка убили лопатой. Иногда находили хорошо припрятанных женщин, но эсэсовцы убивали их на месте.

Бесчеловечности эсэсовцев не было границ. Однажды эсэсовцы вытащили из вагона старика и его сына. Сыну приказали повесить отца, за что ему обещали сохранить жизнь. Но сын отказался.

Группа узников ходила в лес на заготовку леса. Он нужен был для строительства лагеря и сжигания трупов.

Унтершарфюрер<sup>[372]</sup> СС Карл Вольф<sup>[373]</sup> заставлял рабочих забираться на высокие деревья, чтобы привязывать на высоте веревку с тем, чтобы легче было валить дерево. Когда ствол был уже подрублен, Вольф заставлял *тянуть*<sup>[374]</sup> за веревку. не дожидаясь, когда человек слезет с дерева. Человек падал вниз и убивался моментально или был тяжело ранен.

Однажды из группы в тридцать человек, работающих в лесу, двое убежали. Несколько узников были убиты в лесу, а остальных расстреляли в лагере для устрашения других<sup>[375]</sup>.

В лагере существовал подпольный комитет, который пытался организовать восстание и побег. Возглавлял этот комитет Леон Фельдхендлер<sup>[376]</sup>. Намечался план, для выполнения которого основную исполнительскую деятельность возлагали на молодых заключенных – чистильщиков, которые обслуживали эсэсовцев на их квартирах.

Они приходили туда ранним утром, чистили им сапоги и выполняли разные другие поручения. В назначенный день и час они должны были убить спящих эсэсовцев и забрать у них оружие. Оружие должно было помочь организации Сопротивления для захвата власти в лагере<sup>[377]</sup>. Рассчитывали на то, что власовцы в связи с убийством эсэсовского руководства присоединятся к заключенным и убегут вместе с ними к партизанам.

План этот был сложный, очень трудно выполнимый, так как главную роль в его реализации планировали возложить на молодых (14–16 лет) ребят, которые в решающий момент могли подвести. Руководство движения Сопротивления отказалось от этого плана.

Потом в 1943 году предполагали прежде всего поджечь склады с одеждой, находящиеся во втором секторе, что должно было вызвать переполох эсэсовцев и власовцев, которые бросятся тушить пожар, что сделало бы возможным массовый побег заключенных. Уже был назначен день и час, чтобы разжечь пожар, который должен был вспыхнуть в полдень, в обеденный перерыв, когда работавшие там люди уходили из складов. Уже были приготовлены две бутылки с бензином. Двое молодых ребят согласились поджечь склады. Один из них был четырнадцатилетний мальчик из Варшавы<sup>[378]</sup> по прозвищу «Глухой». Мальчики согласились остаться на складе, хотя они знали, что сгорят заживо. Во время пожара все заключенные должны были бежать через главные ворота и через заграждения в лес. Однако план этот не был выполнен.

В лагере действовала группа по оказанию медицинской помощи, так как заключенные были официально лишены этого. В лагерных бараках тайно помогали больным. Готовые медикаменты, которые привозили с собой граждане из оккупированных стран Западной Европы сортировались «фармацевтами» из узников, среди которых был Симха Бялович<sup>[379]</sup> из Избицы<sup>[380]</sup>... Заключенный – санитар Курт Фиго из Чехословакии оказывал помощь в бараках, давая узникам лекарства и бинты<sup>[381]</sup>.

Был вариант, чтобы заключенные, работающие на эсэсовской кухне, должны были подбросить яд в пищу. Но этот план не удался, так как в Собибор с визитом прибыл комендант лагеря Майданек, который потребовал немедленного удаления заключенных с кухни, где приготавлилась пища для эсэсовцев и власовцев.

Ранней зимой 1943 года группа голландцев во главе с бывшим капитаном договорились с одним власовцем, что он им поможет выбраться из лагеря и за это он получит золото, изъятое у убитых фашистами. Получив золото, власовец донес на этого капитана<sup>[382]</sup>.

Заговор был разоблачен. Следствие вел Курт Густав<sup>[383]</sup> Вагнер<sup>[384]</sup>. Несмотря на нечеловеческие пытки, голландский капитан никого не выдал. Не помогла угроза, что, если он не укажет на соучастников, будут убиты все голландские узники.

Начальник лагеря и гауптштурмфюрер<sup>[385]</sup> Иоганн<sup>[386]</sup> Нойман<sup>[387]</sup> приказал<sup>[388]</sup> всем семидесяти двум голландцам явиться на аппельплац.

Когда они выстроились, пришли власовцы, вооруженные винтовками и автоматами. Голландцев всех построили в ряд, пересчитали, из их группы вывели художника Макса-Ван-Дана<sup>[389]</sup>, который писал портреты эсэсовцев, но они еще не были закончены, а остальных – семьдесят одного человека, повели в третий сектор, окруженный эсэсовцами и власовцами, где всех убили<sup>[390]</sup>. Руководили этой операцией обершарфюрер СС Курт<sup>[391]</sup> Вагнер и обершарфюрер СС Губерт Гомерский<sup>[392]</sup>.

После этой попытки к бегству Нойман заявил остальным узникам, что все они будут отправлены в газовые камеры, если будет обнаружена еще одна попытка к бегству.

В апреле 1943 года лагерь посетил рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер в сопровождении Адольфа Эйхмана<sup>[393]</sup> и других высокопоставленных лиц гитлеровской Германии<sup>[394]</sup>.

В связи с его визитом в лагере были специальные приготовления и так как в это время не было «обычных» транспортов, в лагерь специально доставили триста узниц, все молодые и красивые, которых загнали в газовые камеры «в честь» Гиммлера, дабы он мог наблюдать работу газовых камер.

В этот свой приезд Гиммлер приказал откопать все трупы, сжечь их, в дальнейшем также сжигать вновь прибывшие эшелоны и уничтожать все улики нацистских злодеяний, так как опасался прихода Советской Армии.

В Собиборе не было крематория. Быстро начали строить примитивные средства уничтожения следов своих преступлений.

Над большим рвом, который выкопали, на подпорках из кирпича клали рельсы, а под ними колосниковую решетку. На рельсах клали высоко штабелями человеческие тела. Вокруг мертвых тел клали дрова, обливали керосином или бензином и жгли.

Костры горели днем и ночью. Они были видны за много километров вокруг Собибора. Трупных запах распространялся очень далеко, проживающим в близлежащих деревнях было трудно дышать.

После такой «работы» в лагере эсэсовцы довольно часто получали восемнадцатидневный отпуск. Они с собой увозили деньги, золото, вещи и одежду, награбленные у заключенных. Для них в столярной мастерской производилась мебель, которую они также забирали с собой.

Вокруг лагеря рос лес, который должен был хранить тайну одной из страшных трагедий минувшей войны.

## **Восстание в лагере смерти Собибор**

Давая задний ход, паровоз втокнул наш состав во двор, тщательно загороженный колючей проволокой, и высокие ворота тотчас же захлопнулись.

Исстрадавшиеся, обессиленные люди, шатаясь, вышли на площадку. Нас повели через барак, в котором отбирали узлы, чемоданы.

Мы проходили мимо стоящих на коленях со связанными руками четырех человек. Среди них был капо Блятман из Минского лагеря.

Всех повели дальше на большую площадку.

Из стоящего вблизи белого домика вышли несколько немецких офицеров. В руках у каждого была плеть.

Шедший впереди толстый, огромного роста обершарфюрер СС Гомерский – пристально посмотрел на нас, затем широко расставив ноги и помахивая плетью, крикнул:

– Столяра и плотники – одиночки, два шага вперед!

Вышла группа около восьмидесяти человек, преимущественно военнопленных, в том числе и я. Всем нам начальник первого сектора обершарфюрер Карл Френцель приказал пройти во второй огороженный двор. Затем нас направили в один из барakov. Пришлось размещаться на голых нарах – даже соломы на них не было.

Спустя около часа я вышел во двор лагеря. Многие товарищи из нашей группы завязали беседы со старыми лагерниками. Один из них – пожилой человек с одутловатым, землистым лицом – подошел ко мне и сказал:

– Давайте познакомимся. Мое имя Леон Фельдхендер<sup>[395]</sup>.

Я пожал его руку и спросил:

– Скажите, какие здесь порядки?

– Порядки? – улыбнулся с горечью он. – Должно быть, такие же, как и в других лагерях. В шесть утра гонят на работу. Рабочий день шестнадцать часов. В двадцать два часа отбой. С охраной не разговаривать. К проволоке не подходить, иначе расстрел. Эти сектора существуют свыше года. В первом секторе нас около пятисот человек, отовсюду – из Польши, Франции, Чехословакии, Голландии и других стран. А из России это только вас привезли впервые.

– А что это горит там? – показал я на багровое пламя, видневшееся в стороне от лагеря, на расстоянии не более полукилометра.

Леон осмотрелся по сторонам, взглянув пытливо, потом ответил тихо:

– Не смотрите туда, запрещено. Это горят трупы ваших товарищей по эшелону.

– Как!? – воскликнул я, почувствовав, леденящий холодок пополз у меня по спине. – И женщин и детей?

– Да, всех, – дрогнувшим голосом ответил Леон. – Почти каждый день по две тысячи человек прибывают сюда из различных стран и все они немедленно умерщвляются. На этом маленьком клочке земли, не более десяти гектаров, гитлеровцы убили свыше полумиллиона детей, женщин, мужчин...

\* \* \*

Через некоторое время, когда я ближе познакомился с Леоном, он мне рассказал о фашистской «фабрике смерти». Леон работал на складе второго сектора, где сортировал и отправлял в Германию вещи, оставшиеся после убитых, и все подробности он узнал от стражников, сдававших эти вещи. Кровь стыла в моих жилах, когда я слушал рассказ Леона, и до конца дней моих, до самой смерти останется в моей памяти ужасная картина гибели невинных людей.

Солнце близилось к закату, бросая прощальные мягкие лучи. Небо было безоблачно, воздух напоен ароматом близкого леса, оттуда доносилось веселое щебетание птиц. Но люди шагали, погруженные в мрачные думы.

Они шли, выстроившись колонной, окруженные усиленной охраной, вдоль проволочного заграждения. Впереди голые женщины и дети, позади – на расстоянии сто метров по проволочному коридору – голые мужчины. Вот, наконец, ворота, над ними надпись третий сектор. Во дворе большие каменные здания двух «бань» с маленькими оконцами, защищенными толстой железной решеткой.

Женщины и дети вошли в одну «баню», мужчины – в другую. Охрана осталась снаружи и тотчас же заперла за вошедшими тяжелые, обитые железом двери.

Где-то вблизи послышался мерный рокот мотора.

Некоторые в «бане», взяв тазы, подошли к кранам за водой. Но дикий нечеловеческий крик заставил их оглянуться назад и оцепенеть. Все смотрели вверх. С потолка, через широкие металлические трубы медленно ползли темные, густые клубы газа, нагнетаемые при помощи танкового мотора.

Все поняли, что обречены на мучительную смерть. Отчаянный плач, испуганный крик детей слились в один страшный вопль. Матери судорожно прижимали детей к своей груди или, положив их на пол, укрывали своими телами. Погибая сами в мучениях, женщины



инстинктивно стремились спасти детей или хотя бы на некоторое время отдалить их смерть. Многие метались, словно подстреленные птицы, ища уголка, где можно было бы спастись. Но газ полз неумолимо все ниже и ниже. Ужасны были страдания людей, погибавших от медленного удушья.

Не прошло и пятнадцати минут, как все было кончено. В двух «банных» на полу остались груды почерневших трупов.

Тогда с тяжелым гулом заработали мощные вентиляторы, очищая воздух в «банных». Спустя немного времени надсмотрщик заглянул в помещение «бани» через толстое стеклянное окошечко в потолке. Убедившись, что воздух очистился, он дал сигнал – и тотчас же при помощи особого механизма раздвинулся пол, и трупы свалились ниже, в подвал. А там уже стояли вагонетки... Вскоре они, тяжело нагруженные, выкатились на лагерную площадку. Узники сложили трупы в штабеля, как дрова, облили горячей жидкостью и зажгли.

Пламя лизало почерневшие трупы, взмывало яростно вверх, точно и оно стремилось вырваться на широкие просторы из лагеря смерти, чтобы поведать всему миру ужасную правду.

Заканчивая рассказ, Леон сжал кулаки и гневно произнес:

– Какие изверги! И как хладнокровно, обдуманно делают они это... Они используют все оставшееся после своих жертв. Подлые, мелочные скряги-изуверы, перед тем, как убить, они заставляют женщин и детей стричь волосы, потом эти волосы собирают в мешки, отправляют в Германию и там используют в своей промышленности... Неужто эти людоеды останутся безнаказанными?! Где бог, почему он не поразит их молнией или громом?!

Голос Леона дрогнул, из глаз его по широким морщинам щек текли слезы.

В эту ночь, лежа на нарах, я долго не мог уснуть. Перед моими глазами стояли товарищи по эшелону, я видел своих соседей по вагону – трехлетнюю синеглазую Нелю, ее мать – худенькую двадцатилетнюю женщину с почти совсем поседевшими волосами. Мне чудился Нелин голосок, тихонько, но задорно поющий:

Синенький грязный платочек немец мне дал постирать.

Хвост от селедки, хлеба кусочек и котелок облизать.

Как стойко держалась Нелина мама! Как много требовалось ей сил, чтобы скрыть от ребенка свое немое, безысходное горе! В лихорадочном жару, надрываясь от кашля, она старалась улыбаться, чтобы не опечалить свою девочку, отдавая ей последнюю корку хлеба. Слабая, изнемогшая, она почти всю дорогу держала Нелю на своих руках.

Неля... Значит и ее, и ростовчан из этого эшелона – Льва Сраговича, Бориса Эстрина и тысячи других детей, женщин, стариков? Разве можно найти слова, чтобы достойно заклеить злодеев?.. Мстить, мстить им беспощадно! И за эти погибшие жизни и за все другие. Да, но чтобы отомстить, надо бежать из лагеря, бежать как можно скорее.

Я заснул ночью тяжелым, как свинец, полным кошмаров, сном. Во сне я дико кричал. Меня встряхнул за плечо Лейтман.

– Саша, Саша, что ты кричишь? Ты всех разбудишь. Охрана услышит!

Я присел на нарах. В голове сильно шумело, холодные капли увлажнили лоб. Придя в себя, я взял крепко за руку друга и сказал:

– Какие ужасы мне снились!.. И самое страшное то, что ведь не во сне, а вправду все это было.

Лейтман сочувственно кивал головой:

– Да, понимаю, понимаю. Все же успокойся, попытайся немного отдохнуть, скоро уж на работу отправляться. Ведь немцы оставили нам жизнь, – хотя, видимо, ненадолго, – лишь потому, что им нужна рабочая сила. Нашими руками немцы спешно будут строить «Норд-лагерь».

То решение, к которому я пришел уже давно в прежнем лагере вместе со своим другом Лейтманом и некоторыми другими, теперь окончательно у меня окрепло, заполнило все мои мысли и чувства. Восемь месяцев томился я перед этим в Минском лагере и за это время у меня крепкая товарищеская связь со многими из тех, кто сейчас был вместе со мной в Собиборе. Но надо было прислушаться, присмотреться к людям и обстановке в этом лагере.

В первые дни лагерной жизни украдкой я делал очень короткие записи, в которых намеренно неразборчивым почерком отмечал главные факты из пережитого. Только потом, через год, я «расшифровал» свои записи и значительно их дополнил. Вот они...

24 сентября. Вчера прибыли в лагерь. Сегодня в пять часов был подъем. Всех согнали на аппельплац, где в течение тридцати минут ты должен стоять по стойке смирно, пока не пройдет проверка. Если ты не хочешь получить ошеломляющий удар плеткой по голове, то должен стоять не шелохнувшись и строго в затылок. Палка в руках эсэсовцев прыгает по головам. Немцы любят порядок. Слишком много охотников к жизни. Пришел обершарфюрер Карл Френцель. Сладкая улыбка не сходила с его толстой рожи. Три раза в день – утром, днем и вечером – он сам пересчитывает заключенных в присутствии всех эсэсовских офицеров, не сбежал ли кто? Фашисты страшатся побегов из лагерей: все, что здесь творится, особенно в третьем секторе, должно навсегда остаться тайной.

После утренней проверки всем узникам на завтрак давали по чашке «кофе».

Вчера вечером я разговаривал со старыми лагерниками. Выяснил, что мы находимся в первом секторе. Недалеко от нас третий сектор, «фабрика смерти», по выражению заключенных. Вблизи расположен второй сектор со складами вещей, остающихся после умерщвленных. Несколько дальше – строящийся четвертый сектор – «Норд-лагерь».

В шесть часов утра двести заключенных, в том числе и я, отправились на работу. Впереди поставили нас – советских людей, прибывших с последним эшелоном, а за нами всех остальных, привезенных из разных стран. Перед выступлением нашей колонны Френцель распорядился:

– Пусть русские поют свои песни!

– Мы не знаем, какие можно петь, – сказал я.

Капо Шмидт перевел эти слова.

– Пойте какие хотите – разрешил Френцель.

– Саша, что запевать? – спросил меня недоумевающий Цибульский.

– «Если завтра война...»

– Что ты? Изобьют...

– Запевай, говорю! Ответим, что других не знаем.

Цибульский затянул: «Если завтра война, Если завтра в поход, Если грозная сила нагрянет...»

Все подхватили припев, и грянула песня советской страны:

«Как один человек,  
Весь советский народ  
За свободную родину встанет...»

Песня влиwała бодрость, звала к борьбе.

В этот день мы работали в «Норд-лагере». Все обошлось сравнительно благополучно, если не считать, что пятнадцать человек получили «за нерадивость» по двадцать пять плетей каждый. Плетями немцы били не просто, а с садизмом.

Я вспомнил, как сегодня мне сказал парень лет пятнадцати Томас Блатт<sup>[396]</sup>:

– Не знаю, кто счастливей. Или они, для которых через десяток минут все кончится, или я, который по дороге к смерти вынужден пройти еще один последний этап.

И действительно, боязнь не упасть во время работы, не получить двадцать пять плетей, которые ты сам обязан четко отсчитывать, боязнь не сбиться со счета, иначе начинали заново, пока ты правильно не сосчитаешь. Потом обед. Жидкий так называемый «суп» и снова работа и страх. Только поздно вечером давали кружку воды и двести грамм хлеба, состоящего в основном из древесных опилок. Затем тяжелый сон, в котором снова все повторяется в сновидениях, и только на заре человек забывался. Резкий свисток обрывал эти счастливые минуты. И так однообразно протекали дни в ожидании смерти в газовой камере.

25 сентября. В этот день в лагере у нас было срочное задание перебросить уголь с одного места на другое. Поэтому на обед было дано только двадцать минут.

Френцель все время стоял возле лагерника-повара Цукермана и изредка стегал его плетью, чтобы он поскорее разливал пойло, называемое «супом».

Прошло около пятнадцати минут после начала выдачи «обеда». Увидев, что еще около трехсот человек не получили супа, Френцель приказал повару выйти из барака во двор, сесть на землю, сидеть ровно, поджав под себя ноги, а руки держать опущенными. Затем Френцель, насвистывающий какой-то марш, стал ритмически наносить удары плеткой по голове и плечам повара. Ноги и руки повара судорожно дергались, кровь залила лицо, он глухо стонал, не смея крикнуть.

Мы смотрели издали на это дикое избиение и не могли вмешаться. Сколько времени оно продолжалось, сказать не могу. Для нас оно показалось вечностью.

Многие получившие в этот день суп, несмотря на голод, не могли его есть: казалось, он пропитан кровью.

26 сентября. День обычный. Утром нам раздали по кружке кипятку, в двенадцать часов – по кружке воды с затхлой крупой, а вечером – кусочек хлеба. Двадцать пять человек в добавок к этой порции получили по двадцать пять плетей за разные «провинности».

Каким-то чудом я избежал избиения. Случилось это так. Сорок человек нас работало на колке дров. Изголодавшиеся, утомленные люди с трудом подымали тяжелые колуны и опускали их на громадные пни, лежавшие на земле. Френцель ходил между нами и с размаху хлестал толстой плетью, приговаривая:

– Шнель, шнель!

Он неслышно подошел и остановился за спиной невысокого, в очках, худого, как щепка, голландца. Голландец на минуту прервал работу, чтобы

протереть стекла очков и тотчас на его голову опустилась плеть Френцеля. Очки голландца упали на землю и разбились вдребезги. Полуослепшими глазами тот не различал стоящего перед ним пня. Слабыми руками поднимал он колун и опускал, как попало, на пень.

Френцель взмахнул плетью. Голландец застонал от боли, но не смел оторваться от работы и продолжал раз за разом бить как попало колуном по пню. И в такт этим ударам Френцель, улыбаясь, бил его плетью по голове, с которой свалилась шапка.

Я стоял совсем близко, метрах в пяти от голландца и не в силах был оторвать глаз от этой жуткой сцены. Я как замороженный смотрел на нациста и его жертву, хотя и знал, что за малейший перерыв в работе меня постигнет такая же участь.

Проклятый немчура заметил, что я перестал колоть свой пень. Он подозвал меня:

– Ком!<sup>[397]</sup>

Затем, вспомнив, видимо, русское слово, добавил:

– Иди, иди!

– Попался! – подумал я. – Теперь и меня изобьет как голландца. Ну, что поделаешь... Главное, надо показать этому мерзавцу, что я не боюсь его.

И я твердо выдержал испытующий, насмешливый взгляд Френцеля.

Он грубо оттолкнул голландца и сказал на ломаном русском языке:

– Русски зольдат, тебе не есть по нраву, как я наказал этот дурак? Даю тебе ровно пять минутен. Расколешь за это время пень, получишь пачку сигарет. Опоздаешь секунду, всыплю двадцать пять плетей.

Он снова улыбнулся, отошел на несколько шагов от меня и вытянул вперед кисть руки с часами в золотом браслете.

подавив в себе жгучее желание вцепиться в горло этот борова, я внимательно окинул взором пень и, пока Френцель «засекал» время, рассчитал, как удобнее всего расколоть.

Френцель скомандовал:

– Начинай!

Я стал колоть. Колоть здоровенный пень тяжело, страшно тяжело, но я всаживал в него топор так, словно всаживаю в башку этого зверя, стоящего рядом... Все было как в тумане, я уже ни о чем не мог думать, этот огромный пень заслонил собой весь мир... Но вот последним ударом я доколол его и тогда только почувствовал, что я не в силах еще раз взмахнуть колуном. Несмотря на холодный дождь, все мое тело было обито потом. Поясница и руки мучительно ныли. Сердце сильно билось.

Подняв с трудом голову, я увидел, что Френцель протягивает мне пачку

сигарет.

– Четыре с половиной минутен, – сказал он. – Раз обещаешь – значит, так. Получай.

Я не мог себя принудить взять сигареты. Благоразумие подсказало мне: «Возьми. Не возбуждай против себя начальника сектора. Это поведет к установлению слежки за тобой, может помешать твоему делу». Но я не мог принять что-либо от этого негодяя, только что избившего несчастного голландца.

– Спасибо, я не курю, – ответил я и пошел к своему месту, чтобы взяться за работу.

Френцель молча зашагал по двору. Минут через двадцать он вернулся. В руках у него были полбулки и кусок маргарина. Он обратился ко мне, растянув в улыбке толстые губы, в то время как выпуклые, ястребиные глаза его были холодны, как лед.

– Русски зольдат, возьми.

За всю мою жизнь я не переживал такого тяжкого искушения. Я видел, как товарищи по работе искоса завистливо смотрят на меня. Я вдыхал, как аромат дорогих духов, запах хлеба. Меня прельщал янтарный маргарин... Как мне хотелось тогда есть!.. но опять какое-то властное чувство заставило меня отказаться:

– Благодарю вас, то питание, которое я получаю здесь, меня вполне удовлетворяет.

Скрытая ирония моего ответа не ускользнула, конечно, от Френцеля. С его лица на миг исчезла обычная улыбка. Угрожающе и вместе с тем озадаченно он переспросил:

– Не хочешь?

– Спасибо, я сыт.

Я видел, как рука Френцеля судорожно сжала плетъ, но он сдержался, круто повернулся и пошел со двора.

Едва он скрылся с глаз, ко мне подбежали ребята. Посыпались замечания:

– Почему ты не взял?

Ведь он мог не только избить, но и убить тебя.

– И сам бы поел, и с нами поделился бы, хоть по маленькому кусочку.

А некоторые сказали:

– Ты поступил как нужно.

Я смотрел на них утомленно. Мне хотелось крикнуть им, чтоб они выше держали голову, давали посильный отпор врагу. Но мне казалось, что они



меня поняли. Впрочем, и говорить мне не пришлось бы, к нам быстро шел капо Шмидт. Ребята поспешили к своим местам.

27 сентября. С утра мы работали во дворе «Норд-лагеря». Один из моих товарищей по эшелону – Калимали, шепнул мне:

– Ты заметил, что почти все начальство ушло из лагеря?

– Да. Но почему?

– Прибыл новый эшелон и людей уже отправили на смерть. Должно быть, сейчас начали...

У меня точно сердце оборвалось – и в тот же миг я услышал полные мучительной тоски и ужаса вопли детей и женщин, которые сейчас же заглушались неистовым гоготом гусей.

Шубаев крикнул мне в ухо:

– Ишь, подлюги, что придумали. Мне рассказывали старые лагерники: давно уже приказу Френцеля, держат триста гусей для того, чтобы заглушать их криком вопли умирающих людей. Ну и мерзавцы.

Я почувствовал, что кровь закипела в моих жилах. Если б сейчас появился здесь какой-нибудь немец, я убил бы его вот этой лопатой, которую держал в руках.

Ко мне подошли бледные, взволнованные Цибульский и Лейтман.

– Саша, нельзя дальше терпеть, надо действовать, уничтожить охрану – и в лес – всего лишь в двухстах мерах от нас.

Я ответил:

– А часовые на вышках, а колючие изгороди, а заминированные поля? Конечно, бежать одному или нескольким легче, чем всем. Но надо сделать так, чтобы ни один из нас не остался здесь. Пусть часть людей не уцелеют при побеге, но те, кто спасется от этих людоедов, будут мстить им.

– Но медлить нельзя – настаивал Цибульский. – Ведь уже осень, а когда лес оголится и выпадет снег, в чаще трудно будет скрываться.

Я помолчал немного и сказал:

– Если верите мне, терпеливо ждите, не говорите никому ни слова. Придет время, я скажу, что нужно делать.

Через полчаса, когда утихли крики погибших людей и густые клубы дыма начали подыматься вверх над лагерем, к нам пришел немецкий офицер Вальтер, выхватил у одного из лагерников колун и начал с остервенением колоть дрова. Минут двадцать он колол. Потом бросил колун, закурил папиросу и медленно ушел.

– Гад, – подумал я, – успокаивает нервы.

28 сентября. В обед ко мне подошел Леон и сказал:

– Мне хочется поговорить с вами откровенно. Но здесь, понятно, это не удастся. Приходите после работы в женский барак. Только украдкой, осторожно, чтобы не видели немецкие офицеры.

Вечером я и Лейтман отправились в барак, где было размещено сто пятьдесят женщин.

Тут же было и несколько пришедших мужчин. Один из них отозвал меня в сторону и шепнул:

– Леон просил передать вам, что его задержали на работе во втором секторе, и он не сможет прийти сегодня.

Женщины стали наперебой спрашивать меня, что делается в Советском Союзе, как там живут и борются против фашизма.

Получилась своего рода политическая информация. Но положение осложнялось, так как я совершенно не знал, с кем имею дело. Среди присутствующих могли быть и капо. Я говорил по-русски. Мои ответы, переводимые Лейтманом, выслушивались с большим вниманием.

Я рассказывал о том, как фашист был не только остановлен под Москвой, но и отброшен на сотни километров. Как они окружены и уничтожены под Сталинградом. О том, что Красная Армия подходит к Днепру<sup>[398]</sup>.

Много расспрашивали меня и про партизан. Я говорил, что знал. Рассказывал, что немцы очень напуганы партизанским движением, особенно в Белоруссии, и что, например, в Минске немцы боятся показываться за город в одиночных машинах, – выезжают не меньше чем по десять машин с установленными на них пулеметами.

Ни террором, ни арестами фашистам не удалось уничтожить Минское подполье. Силы ударов по врагу нарастали с каждым днем. Эхо этой борьбы долетело к нам в лагерь на Широкой. Мы знали о взрыве в Гортеатре, где погибло много фашистов, о перерезанных проводах связи на улице Мопровской, о поджоге автобазы в городе, об убийстве палача Белоруссии Кубе<sup>[399]</sup>...

Одна из женщин робко спросила:

– Вот вы говорите, что партизан очень много, что даже под самым Минском нападают на немцев. Но почему же они не освободят нас?

– У партизан хватает своих дел. За нас действовать никто не будет.

Сказав это, я вышел из барака. Лейтман потом заявил мне, хотя он и не перевел этой фразы, но ее поняли все, кто был в бараке.

– Ты, Саша, будь осторожней, – добавил Лейтман. А то нас учишь молчать, а сам откровенничаешь. Побойваюсь я. Когда ты ушел, я увидел в

углу барака Бжецкого<sup>[400]</sup>. Он тоже заключенный лагеря, но работает здесь капо.

29 сентября. Всех нас повели к железнодорожному полотну. Там стояли платформы с кирпичами. Нам дали задание разгрузить их. Но и здесь немцы решили поиздеваться над нами. Каждый должен был подбегать к платформе, схватывать шесть кирпичей быстро относить их на двести метров и аккуратно складывать. Произошла суматоха, толкотня, так как на каждую платформу приходилось по восьмидесяти разгружавших. А если кто не успевал на бегу брать кирпичи, немцы били плетьюми.

Когда стемнело, пришел ко мне Леон.

Мы сели во дворе на доски. Сначала он повел обыденные разговоры. Потом предупредил, что капо Бжецкий стал за мной следить, услышав мои слова, что «партизаны за нас действовать не будут».

– А зачем за мной следить? – заметил я спокойно. – Ведь я не собираюсь делать ничего преступного. А вчера в бараке я только отвечал на вопросы женщин.

Леон помолчал немного, потом внезапно сказал:

– Бежать отсюда очень трудно, почти что невозможно. Каждый сектор огорожен колючей проволокой в три метра, затем идет заминированное поле шириной в пятнадцать метров, а за ним еще один ряд колючей проволоки. Не забудьте о глубоком рве. Охрана примерно сто двадцать – сто тридцать человек, в том числе четырнадцать немецких офицеров, и резервная охрана за километр от лагеря тоже человек сто двадцать. А если даже кому удастся бежать, то остальным – смерть.

Я поднялся.

– О чем говорить? Ведь я же не замышляю побега.

– Обождите! – удержал меня Леон. – Давайте поговорим откровенно. Вы поймите, если из лагеря убежит хоть один человек, то всех остальных уничтожат. Нельзя выпускать тайну из этого лагеря. Каждый является как бы заложником за другого. Ведь вы советские люди, о вас так много говорят, неужели вы допустите, чтобы из-за спасения нескольких человек уничтожили весь лагерь, тем более, что мы любое ваше задание будем выполнять. Нас много таких, кто постоянно мечтает о побеге, но мы не знаем, как это сделать. Нам, словно воздух, нужен человек, который вывел бы нас отсюда. Мы выполним все, что он скажет.

Придвинувшись еще ближе ко мне, он добавил тихо:

– Я пришел к вам по важному делу. Мне группа товарищей поручила просить вас, чтобы вы взяли на себя руководство нашей группой. Люди верят вам чуть ли не с первого дня вашего пребывания в лагере: о вас много

рассказывают прибывшие с вами советские люди, ваши разговоры в женском бараке и ваше поведение с Френцелем при колке дров также хорошо известны всем.

Я пристально взглянул на Леона: не предатель ли он? Но взор его был открытый, прямодушный. Я вспомнил его волнение, с которым он рассказывал о гибели людей на «фабрике смерти». Да и выбора у меня не было – приходилось идти на риск.

– Скажите, Леон, – спросил я – почему раньше не было попытки к побегу?

– Людям не дано было время для этого. Из железнодорожных вагонов они шли прямо в газовые камеры. Они приезжали сюда по восемьдесят-сто человек в вагоне, без еды, без воды, наполовину задушенные от жары, без воздуха, с маленькими детьми и стариками, которые умирали по дороге. Эти люди не могли оказать сопротивление, а те из Голландии и других Западных стран, которых привозили сюда в вагонах первого класса, верили, что их привезли на «работу», и только в последний момент, когда уже было слишком поздно, они начинали понимать, что «баня» вовсе не баня, что вода это только газ, и при этом со странным шумом мотора. Об оказании сопротивления могли думать только те, которые не шли прямо от железнодорожной платформы в газовые камеры. Это мы, которые временно оставались в живых. Мы, которые могли хоть немного прийти в себя. Но, к сожалению, таких немного. Поймите, ведь психологическая подавленность человека равносильна смерти.

– Были попытки, – продолжил Леон, – но они все отпадали как нереальные. Ведь вам рассказывали о голландцах. Но их предали. Ведь художника Макса-Вам-Дана, когда он закончил последний портрет эсэсовца, – тоже убили. Вы учтите, что здесь существует закон массовой ответственности за каждый индивидуальный побег или попытку. Этот террористический метод угнетающе действует на некоторых узников. Были случаи, когда заключенные, боясь репрессий, высматривали тех, кого подозревали в принятии решения о побеге и могли предать.

Я вспомнил, как в других лагерях были такие, которые во имя спасения своей шкуры предавали товарищей, которых встречали впервые. Нужно было получить лишний кусочек хлеба, и он продавал рядом стоящего, говоря, что тот комиссар.

Но перед такими предателями стояла мертвая стена презрения и ненависти. В большинстве случаев этих предателей при странных обстоятельствах в первую же ночь находили мертвыми.

– Как заминированы поля? В шахматном порядке? – спросил я.

– Да. Я знаю это точно, потому что наши лагерники выкапывали ямки для них.

– А какое расстояние между минами?

– Полтора метра. Их соединяет натянутая проволока.

– Скажите, что это за полуразрушенное двухэтажное здание по ту сторону проволочного заграждения?

– Там когда-то была мельница.

– А в этом здании не может быть замаскированный наблюдательный пункт?

– Зачем? Здесь же не фронт.

– Это не важно. Хотя бы для наблюдения за лагерем.

– Не знаю, – ответил Леон.

– А вы обратили внимание, что своей охране немцы не доверяют. Вот, например: когда идут в караул, им в строю выдают патроны. При смене караула охранники друг другу передают обоймы. Это довольно странно и непонятно. Из кого состоит охрана?

– Вся охрана состоит из солдат оккупированных стран, поэтому немцы им особенно не доверяют.

– Я попрошу вас, – сказал я, – поставить своих людей круглосуточно наблюдать за разрушенной мельницей. Это очень важно, происходит ли там какое-либо движение или смена людей, особенно ночью. Вести наблюдение можно через щели чердака столярной мастерской, конечно, если там имеется свой человек. Кроме того, по мере возможности продолжайте наблюдение за охраной.

– В отношении охраны вы правильно подметили, – сказал Леон, – они патроны держат на коммутаторе, где сидит немец, и в караульном помещении у центральных ворот. В случае тревоги патроны сразу раздадут. А за мельницей завтра начнем наблюдение.

– Мне надо держать с вами связь. Как это сделать, чтобы не возбудить подозрений? Не устроить ли так: вы познакомите меня с какой-нибудь девушкой, не знающей русского языка. Я стану бывать у нее в женском бараке под предлогом ухаживания. Вы будете приходить туда как переводчик. С вами я буду говорить по-русски обо всем, что нужно. Согласны?

– Да. Но с кем же познакомить вас?

– Я вчера заметил там девушку с каштановыми волосами. Она курит. Подруги называют ее каким-то именем, похожим на Люка.

– А, знаю, знаю. Она из Голландии, по-русски не понимает ни слова. Значит, мы смело можем разговаривать при ней.

Не откладывая этого дела, я, Лейтман и Леон отправились в женский барак.

Как ни уставали люди от непосильного труда, от голодной каторжной жизни, но они стремились видаться друг с другом украдкой от немецких офицеров. Когда поздним вечером мы пошли в женский барак, там было несколько мужчин-лагерников.

– Люка<sup>[401]</sup>, иди сюда, – позвал Леон худощавую, стройную девушку. – Вот эти русские хотят познакомиться с тобой.

Девушка внимательно посмотрела на меня, потом на изможденное с впалыми глазами лицо Лейтмана. Она крепко пожала нам руки.

Ее нельзя было назвать красивой, но она была очень привлекательна. Особенно хороши были ее темные глаза, мягкие, полные грусти, затаенного страдания.

Я был в затруднении, с чего начать разговор с ней, и сказал, улыбаясь, Лейтману:

– Приличие требует сказать ей пару слов. Но она все равно не поймет меня, а я – ее.

– Что он сказал? – с любопытством спросила Люка по-немецки.

– Он сказал, что впервые встречает такую интересную девушку, – быстро сказал Лейтман.

– Он не мог это сказать. Я не из таких, кого называют красивыми.

– Вы не правы, – сказал я с трудом подбирая слова на немецком языке. – Интересные девушки намного привлекательнее, чем красивые.

Я поговорил с Люкой еще немного, затем мы расстались.

2 октября. В этот день мы работали в четвертом секторе, когда прибыл очередной эшелон для уничтожения. Офицеры все ушли. Я, Шубаев, Розенфельд, Вайспапир и Цибульский зашли за угол барака. Оттуда сквозь ветки замаскированных проволочных заграждений был виден третий сектор, где находились «бани» – газовые камеры, и в это время мы услышали страшный детский крик «мама»..., от которого кровь застыла в жилах.

Мы не смогли смотреть друг другу в глаза, нам было стыдно за свое бессилие, мы сжимали в руках лопаты, стиснув зубы.

В тот момент у всех была одна мысль, не только бежать во имя спасения своей жизни, но и уничтожить этих гадов.

Вечером Семен Розенфельд рассказал ребятам о том, что мы слышали. Среди слушателей был мальчишка по имени Шкляр<sup>[402]</sup>, который внимательно прислушивался к рассказу Семена, потом, как бы про себя,



смотря куда-то вдаль, словно продолжая рассказ Семена, начал рассказывать свою судьбу<sup>[403]</sup>.

– В прошлом году, когда мне было четырнадцать лет, меня привезли в Собибор. Я помню вагон, который довез нас до ворот лагеря. Помню лица людей, которые находились рядом. Помню последний кусок хлеба, который моя покойная мама разделила между чужими детьми. Тогда я понял, что хлеб больше нам не нужен. Тогда я понял, что это смерть.

– Меня в этот день среди пятидесяти человек из нашего транспорта отправили на работу. Нам удалось кое-что достать из продуктов, и я радовался, что смогу поделиться ими со своей матерью. Но убийцы позаботились о том, чтоб я ее больше никогда не увидел, – проговорил сквозь слезы Шкляр.

Затем, словно раненая птица, подскочил и закричал словно он уже прожил большую и долгую жизнь:

– Скажите, существует ли наказание за жизнь одного ребенка, которого здесь сожгли. Существует ли наказание за одну косичку волос, которые вырвали у ребенка, а потом этого же ребенка удушили газом на руках его матери.

5 октября. Прошло несколько однообразных, томительных дней. За это время прибыло еще два эшелона «смертников», – и опять оглушительно гоготали гуси...

Теперь я каждый день беседовал по вечерам с Люкой. Мы подружились. Меня привлекли в ней ум и сердечная доброта. Чувствовалось, что несмотря на свою молодость, она многое пережила, перестрадала.

6 октября. Я и Люка разговаривали, сидя вдвоем во дворе лагеря на разбросанных досках. Я спросил:

– Люка, зачем ты так много куришь? Ты ведь совсем молодая. Нехорошо.

– Я не могу бросить, не могу. Меня это немного отвлекает... Ты знаешь, Саша, я работаю на кроличьем дворе, кормлю милых зверушек. Этот двор отгорожен от дороги забором с большими щелями. Мимо меня всегда ведут в третий лагерь голых людей – женщин, детей и мужчин... Они, увидев меня, с тоской спрашивают тихонько: «Скажите, куда нас ведут: на жизнь или на смерть?» А я ничего не могу ответить. Да и нужно ли им знать правду? Ведь это усилит их страдания. А если я скажу им о том страшном, что ждет их, так и меня тотчас же заберут вместе с ними. Ты понимаешь, Саша, позовет эсэсовец, возьмет вот так за плечо и толкнет в толпу, которая идет в газ. И все. Совсем, совсем все... Больше ничего не будет. Одно движение руки – и меня нет... Я так боюсь третьего лагеря...

– Люка, милая, я понимаю... но...

– И не только это волнует меня: вот, например, сегодня, пришел гаупштурмфюрер Нойман и ударил меня в лицо. За что – не знаю... Он думал, что я заплачу, убегу от него. Но я стояла, подняв голову – вот так – и смело глядела на него.

Я с восхищением смотрел на нее.

– Тогда он разозлился, – продолжала Люка, – еще сильнее хлестнул меня по лицу и закричал: «вег!»<sup>[404]</sup> Я медленно отошла.

– Молодец, – сказал я. – Это хорошо, что ты сдержалась, не заплакала... Расскажи о себе. Откуда ты? Ты знаешь немецкий язык, но ведь ты голландка.

– Я скажу тебе по секрету: мой отец – коммунист, жили мы в Гамбурге. Когда гитлеровцы захватили власть, отец вел борьбу с ними, потом ему пришлось скрыться. Мою мать арестовали, избили. Меня тоже, хотя мне было всего лишь восемь лет. Трудно передать как нас терзали, требуя сообщить, где скрывается отец и назвать тех, кто посещал нашу квартиру. Папины друзья нас спасли и помогли переехать в Голландию, куда еще раньше бежал наш отец... Знаешь, Саша, в Голландии у нас был приемник. К отцу часто приходили товарищи и они слушали Москву. Меня выставляли на улицу смотреть, чтобы не пришел кто-нибудь чужой. Но ты, Саша, никому не говори об этом. Все думают, что я голландка. Если узнают, что отец был немецким коммунистом, – сразу конец.

– Когда немцы заняли Голландию, отец снова бежал, а меня, двух братьев и мать уже потом привезли сюда. – Люка помолчала и дрогнувшим голосом добавила: – Братьев убили.

7 октября. Вечером после работы, я разговаривал с Леоном.

– У меня два плана, – сказал я. – Изложу вам пока только первый вариант. Второй еще недостаточно продуман, нужны дополнительные сведения. Скажите, кроме общей охраны лагеря ставят ли дополнительную?

– Днем – нет. А ночью выставляют два пулемета и охрану около офицерского домика, и еще за проволочным ограждением ходят дополнительно патрули. Кроме того учтите, что после неудачной попытки восстания в Треблинке<sup>[405]</sup>, возле оружейного склада дежурит бронемашина.

– Есть ли у вас во всех мастерских и во втором секторе люди, на которых можно положиться?

– Есть, есть. Вы только скажите, кому что делать.

– Хорошо. Наш первый вариант, который я разработал с Лейтманом, такой: столярная мастерская всего в пяти метрах от проволочного заграждения. Дальше идут четыре метра с тремя рядами проволоки и пятнадцать метров заминированного поля, еще четыре метра за ним. Надо прибавить и семь метров – расстояние от стены до печки внутри столярной. Стало быть, надо делать подкоп длиной в тридцать пять метров. Копать на глубине восемьдесят сантиметров: ниже нельзя – встретим воду, а выше тоже не придется – попадутся мины.

– А при чем тут печь в мастерской?

– При том, что копать нужно именно от нее: там пол обит железом, и если даже немцы заподозрят и начнут стучать по полу, то не будет слышно звука пустоты.

– Куда же девать землю?

– Землю прятать под пол мастерской. Часть ее можно ссыпать на чердаке. Всего придется вынуть около двухсот кубометров. Копать ночью. Выделить знающего человека, чтобы подкоп не уклонился от намеченной линии. На всю работу потребуется дней двенадцать. Но этот план имеет свои недостатки и мне кажется, существенные.

– А в чем же вы видите его недостатки?

– Плохо то, что потребуется очень много времени, чтобы через подкоп длиной тридцать метров проползли один за другим шестьсот человек. Да и не только проползли, но чтобы и дальше пробрались незаметно. Очень боюсь, что не успеем мы сделать это за шесть часов – с одиннадцати ночи до пяти утра. А самое главное: если принять этот план, мы не достигаем одной из наших целей – не уничтожим немцев. Но все же посоветуйтесь с вашими людьми.

– Хорошо.

– Нужно послать меня – продолжал я, – под каким-либо предлогом в барак, где проживает охрана. Я хочу сам проверить, если это возможно, действительно ли у них нет патронов. Или в бараке у дневального или дежурного стоят ящики с патронами.

– Постараемся – ответил Леон.

– Вот еще что: изготовьте в кузнице штук семьдесят ножей. Я раздам их ребятам. В случае, если наш заговор будет обнаружен, живыми врагу не дадимся. Кроме того, устройте меня и Лейтмана в столярную мастерскую. Оттуда нам легче будет руководить подготовкой к побегу.

– Думаю, что мне удастся все это... Пока до свидания. Пора возвращаться в барак.

8 октября. Прибыл еще один эшелон – и так же хладнокровно, методически немцы истребили всех прибывших.

Утром, когда мы строились в колонну, старший рабочий столярной мастерской Янек пришел за мной, Лейтманом и еще одним из нашей группы для выполнения якобы спешного заказа.

9 октября. Во время моего разговора с Люкой ко мне внезапно подошел один из лагерников по имени Григорий и сообщил, что в эту ночь собираются бежать несколько человек. План был такой: перерезать колючую проволоку вблизи уборной, проползти дальше и убить часового. Но они не учли грозного препятствия – заминированных полей. Они не подумали о том, что за их побег жестоко поплатятся все оставшиеся. С большим трудом мне удалось убедить их не делать побега<sup>[406]</sup>. В заключение я сказал:

– Мы не имеем право думать только о себе, нам, советским людям, верят и... ждите.

При этом разговоре мы оба сильно горячились. Когда товарищ ушел, Люка спросила меня:

– Саша, ты о чем говорил с ним?

– Так, о пустяках разных.

– Неправда. Ты что-то скрываешь от меня. Я знаю, о чем вы говорили. Знаю, о чем ты каждый день беседуешь с Леоном и другими. Так и к моему отцу приходили товарищи, как будто для того, чтобы чай пить, а сами готовили большие дела.

Я всячески пытался уверить Люку, что она ошибается, но девушка, упрямо качая головой, говорила:

– Нет, нет, ты меня не обманешь, я все понимаю...

Слезы показались на ее глазах. Она схватила меня за руку и быстро шепотом заговорила:

– Саша, зачем ты это делаешь? Ведь отсюда нет возврата. А если вы и убежите, всех нас тогда – в третий сектор. Я его так боюсь!

– Люка, зачем ты так нервничаешь и приписываешь мне замыслы, которых у меня нет?

– Как ни ужасна эта жизнь, – продолжала Люка – я все же не хочу умирать, да еще в таких муках...

– Давай поговорим о другом. Я расскажу тебе о своей семье, о своем детстве...

Мы несколько минут сидели молча. Люка курила. У нее все неожиданно. Вот глаза неожиданно загорелись, она приблизилась ко мне, зашептала.

– Саша, а вдруг они не успеют нас?... А?... Вдруг придут ваши, Советы?

– Ты наивна, Люка. Такое бывает в мечтах. А люди должны сами бороться за свободу.

– Мне хорошо с тобой. И ничего больше не надо. Мы пока живы, а это счастье. Ты рад?

– Все будет хорошо, верь мне.

Мысли назойливо брели в голову...

Уходя, я сказал ей:

– Люка, смотри, никому ни слова о твоих предположениях...

Прерывающим голосом она ответила:

– Когда я была маленькой, меня избивали в гестапо, спрашивали, где отец, но я и тогда умела молчать... А теперь... ты... Эх ты, Саша! – и, заплакав, она побежала в свой барак.

10 октября. В этот день многие были избиты плетью. Произошло это так. Утром, как обычно, мы отправились на работу, колонной выстроились по три в ряд. Возле ворот стоял незнакомый немецкий офицер с забинтованной левой рукой. Мне сказали, что это Грейшут<sup>[407]</sup>, начальник охраны. Он ездил в отпуск, по дороге в Германию попал под бомбежку и был ранен.

Как всегда, Френцель распорядился, чтобы мы пели песни. Мы двинулись под звуки авиамарша: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...» Эту песню мы нарочно выбрали, зная, что она будет не по душе Грейшуту, «пострадавшему» при бомбежке. Услышав авиамарш, Грейшут с перекошенным от злобы лицом, ворвался в наши ряды и стал избивать плетью кого попало.

Френцель расхохотался. Потом подошел к Грейшуту, обменялся с ним несколькими словами, пытаясь, видимо, его успокоить, приказал нам снова строиться в колонну и идти.

11 октября. Вечером, когда я был в кузнице, туда пришел капо Бжецкий. Был он долговязый, худой, правый глаз у него был прищуренный. У немцев он был как будто на хорошем счету. Но все же никто в лагере не слышал, чтобы он выдавал кого-нибудь, доносил начальству лагеря.

Когда мы остались наедине, Бжецкий сказал мне:

– Мне хотелось бы поговорить с вами. Вы, конечно, догадываетесь, о чем? Должен признать, вы ведете себя очень осторожно. Но я знаю, что достаточно бросить вам два-три слова, чтобы взволновать всех. Ведь все знают не только то, что вы из Советского Союза, но и то, что вы пользуетесь большим влиянием среди прибывших вместе с вами. Вот, к примеру, несколько дней назад вы сказали в женском бараке о партизанах – и эти слова тотчас же разнеслись по всему лагерю.

– Вы сильно преувеличиваете мое влияние на товарищей.

– Нисколько. А кроме того, я знаю, что вы ведете агитацию через вашего друга Лейтмана. Он очень скрытно, но искусно агитирует, много рассказывает о жизни в Советском Союзе, а откуда ему знать подробно эту жизнь, как не от вас? Люди из Советского Союза вообще пользуются большим влиянием в лагере, а вы и Лейтман – особенно.

Бжецкий закурил и, затянувшись, сказал решительно:

– Будем откровенны. Вы редко бываете в бараках, вы никогда ни с кем не разговариваете, за исключением Люки. Но Люка это только ширма. Саша, если бы я хотел вас выдать, я мог бы это сделать давным-давно. Я знаю, вы считаете меня низким человеком. Сейчас у меня нет ни времени, ни охоты разубеждать вас. Пусть так. Но я хочу жить. Я не верю им, что каповцев не убьют. Убьют и еще как! Когда немцы будут ликвидировать лагерь, нас убьют вместе со всеми.

– Хорошо, что вы хоть это поняли. Но почему вы об этом говорите со мной?

– Я не могу не видеть того, что происходит. Все остальные только исполняют ваши распоряжения. Поймите меня: если каповцы будут вместе с вами, это значительно облегчит вашу задачу. Немцы доверяют нам. У каждого из нас есть право передвижения по лагерю, кроме третьего сектора. Короче говоря, мы предлагаем вам союз.

– Кто это «Мы?»

– Я и Чепик, капо банно-команды <sup>[408]</sup>.

Я встал и прошелся несколько раз из угла в угол по кузнице.

– Бжецкий, – начал я, посмотрев ему прямо в лицо, – могли бы вы убить немца?

Он ответил не сразу.

– Если это нужно для пользы дела, мог бы.

– А если без пользы? Точно так же, как они сотнями тысяч уничтожают ваших братьев...

– Я не задумывался над этим...

– Спасибо за откровенность. Нам пора разойтись.

– Хорошо. Но еще раз прошу вас: подумайте о том, что я вам сказал.

Я ответил, что мне думать не о чем, поклонился и вышел. Однако именно то, что Бжецкий задумался прежде чем мне ответить на мой вопрос об убийстве немца, заставило меня предположить, что, может быть, в этом случае он действует не как провокатор. Провокатор согласился бы сразу. Помощь Бжецкого, несомненно, может сильно пригодиться. И в это же время опасно доверять ему.



«Надо посоветоваться с Лейтманом», – решил я. Лейтман, коммунист, старый подпольщик – варшавский рабочий, он был умелым, искусным агитатором и все заключенные в Собиборе с первых же дней стали относиться к нему с уважением.

12 октября. Прибыл еще один эшелон. Вокруг секторов была поставлена усиленная охрана. Вскоре раздались автоматные очереди.

Оказалось, когда голых людей вели в третий сектор, они догадались, что идут на смерть и бросились бежать в разные стороны, но едва достигли проволочных заграждений, как были скошены огнем немцев и власовцев.

Навсегда в моей памяти останется то, что я увидел сегодня. В нашем лагере на тот период было двенадцать больных, работать они не могли, а лечить – в лагере не лечили: и «зачем лечить, лучше убить... ведь так легко их заменить другими». И вот сегодня немцы во главе с Френцелем вывели из бараков всю эту партию больных. Среди них был молодой голландец. Он шел шатаясь, едва держась на ногах. Жена голландца, узнав, что ее больного мужа ведут на «фабрику смерти», не помня себя от ужаса, бледная, как полотно, кинулась за колонной и, нагнав ее, крикнула Френцелю:

– Изверги, вы уводите моего мужа на смерть, так берите же и меня. Я не хочу, слышите, – не хочу жить без него! – Она схватила мужа за руку и, не отрывая от него взгляда, соизмеряя свой шаг с его неверной колеблющейся походкой, пошла в колонне смертников...

Вечером, после работы, в столярной мастерской собрались Лейтман, Янек, старший портной Юзеф, сапожник Якуб, Леон и еще двое.

На вахту в первом секторе в разных концах были поставлены советские военнопленные Алексей Вайцен, Ефим Литвиновский, Борис Табаринский и Наум Плотницкий<sup>[409]</sup>, не спускавшие глаз с ворот первого сектора. Они получили приказ сразу сигнализировать, если заметят что-нибудь подозрительное.

Беседу с ними я начал с того, что передал им предложение Бжецкого и спросил, следует ли принять его в нашу группу. Посоветовавшись, согласились принять. Тогда я послал одного из собравшихся за Бжецким. Вскоре он пришел.

Первый план – бежать путем подкопа – был уже ранее обсужден и отвергнут как негодный. Поэтому я познакомил собравшихся со вторым планом, выработанным мной и Лейтманом.

Сегодня днем меня и еще одного столяра Янек послал в барак, где проживает охрана, для ремонта двух дверей, предварительно испорченных. Когда я вошел в одну из комнат, где никого не было, мой напарник с

коридора подпирает дверь, а я в этот момент быстро осмотрел все то, что меня интересовало.

В комнате стояло пять кроватей и в углу стоял шкаф, имеющий пять отделений. Когда я открыл одну дверцу, то увидел винтовку, на полочке лежал пустой патронташ, нигде патронов не оказалось. В другой комнате такая же картина. Возле дневального у дверей тоже ничего не заметил.

Значит, наблюдения наши оказались правильны, фашисты власовцам не доверяют. Значит, самое правильное решение – уничтожить командование, солдат оставить без руководства и пока солдаты догадаются, что это побег, пока получают патроны, мы будем по ту сторону колючей проволоки.

– Бежать надо всем, уничтожив предварительно всех немецких офицеров поодиночке и быстро, в течение одного часа, чтобы они не успели обнаружить исчезновение своих и поднять тревогу. Наша задача заключается в том, чтобы все организовать без шума, чтобы как можно дольше не привлекать внимание эсэсовцев и охрану. Уничтожить их надо в мастерских, куда они будут вызваны под разными предложениями. Людей для уничтожения офицеров назначу я сам. Выполнить это надо так: после обеда, в три с половиной часа, Бжецкий под каким-нибудь предлогом поведет во второй сектор трех наших людей, которые должны будут убить там четырех офицеров. Янек отвечает за то, чтобы ни один человек не выходил из сектора до тех пор, пока я не дам сигнал к побегу. В четыре часа мы должны перерезать связь, проходящую через второй лагерь в помещение резервной охраны. Также в четыре часа начать уничтожение офицеров в первом секторе, приглашая их по одному в мастерские на примерку костюмов и обуви. В гараже должны быть повреждены двигатели находящихся там автомашин, чтобы нельзя было их использовать для вызова помощи или погони. Нужно постараться повредить двигатель бронемашины, стоящей возле офицерского домика. Но если это невозможно, то рисковать не стоит, так как она стоит на виду и могут заметить. В четыре с половиной часа Бжецкий выстраивает всех лагерников в колонну, якобы для работы, и они направляются к главным воротам. В первые ряды колонны становятся люди из Советского Союза, которые по дороге должны овладеть оружейным складом, после чего незаметно пристроиться к колонне и, дойдя до ворот, снять часового и напасть на караульное помещение.

– А что, если побег будет обнаружен и охрана откроет стрельбу? – спросил озабоченно Янек. – Ведь немцы могут успеть перекрыть пулеметным огнем дорогу к воротам. Хорошо, если мы сможем захватить достаточно оружия, а если не удастся?

– На этот случай у нас есть второй вариант. – ответил я. – Вы знаете, что офицерский домик находится совсем близко к проволочному заграждению. Я думаю, что немцы либо совсем не заминировали подходы к домику, либо использовали только сигнальные мины, не представляющие опасности. Таким образом, в этом месте легко будет прорвать проволочное заграждение. Мы выделим людей с ножницами, которые должны будут в том месте перерезать проволочное заграждение. Бегущие впереди должны будут забрасывать дорогу камнями, досками, чтобы подорвать мины. И еще: одновременно с построением колонны в первом секторе, будет послан человек во второй сектор, для вывода оттуда женщин. Вот и все. – закончил я. – Есть ли какие замечания или поправки?

Товарищами было внесено несколько предложений, но в целом план был принят.

Прощаясь, я предупредил: «Ни слова никому», хотя бы самому близкому человеку. Малейшая неосторожность – погибнем не только мы, но и все».

13 октября. Мы опять собрались и окончательно решили бежать завтра – 14 октября. Перед тем, как разойтись, я сказал:

– Учтите, товарищи, мы не можем рассчитывать на чью-либо помощь. Линия фронта слишком далеко, приблизительно в районе Киева<sup>[410]</sup>, связи с партизанами у нас нет, поэтому мы должны рассчитывать только на свои силы.

Всю эту ночь я и Лейтман не спали. Лежа рядом на нарах, мы советовались, уточняли план. Долго думали, кого послать во второй сектор. Я вспомнил лицо Бориса Цибульского у барака, где мы слышали детский крик... и решили только его – Бориса Цибульского можно туда послать. После всего виденного и слышанного у него не дрогнет рука. Думали, какие меры принять в случае неожиданностей. В ту же ночь мы раздали ножи надежным людям.

14 октября. День ясный, солнечный. Я с утра работал в отделении столярной мастерской, в одном из бараков из окна которого мне был виден весь двор первого сектора. Со мной находились еще семь лагерников. Никто из них не знал о побеге, кроме Семена Розенфельда, который должен убить Френцеля. Френцелю назначили в 16 часов прийти и проверить шкаф, который для него изготавливали. Семен в углу барака оторвал в полу доски, куда должен был спрятать труп Френцеля. Все остальные смутно чувствовали, что надвигаются важные события. Да и весь лагерь в этот день был в каком-то напряженном состоянии.

В двадцати метрах от меня в другом бараке работал Лейтман с группой в двадцать человек. Людей в эту группу он подбирал по моему указанию с

помощью Янека.

В эту группу входили: Алексей Вайцен, Ефим Литвиновский, Наум Плотницкий, Борис Табаринский, Аркадий Вайспапир, Борис Цибульский, Александр Шубаев, Мазуркевич<sup>[411]</sup> и другие, которых мы наметили для уничтожения фашистов и возглавить отдельные группы.

В десять часов утра меня вызвал в столярную Янек. Там был и Лейтман. Он сообщил мне:

– Ну, многое уже наладили. Иоганна Ноймана мы пригласили к четырем часам в портняжную мастерскую примерить костюм. В сапожную мастерскую придут начальник третьего сектора Гетдингер<sup>[412]</sup> – тоже в четыре часа, а унтершарфюрер Клятт<sup>[413]</sup> – пятнадцатью минутами позже. А к четырем часам к тебе явится Френцель осмотреть шкаф. Остальных офицеров мы тоже вызвали в мастерские на пятнадцать или двадцать минут позже.

Я вернулся в столярную. Ко мне скоро пришел Шубаев. Я сказал ему:

– Сегодня в три часа пойдешь в столярную мастерскую, захватишь с собой стамеску, рубанок и топор. Помни: если промахнешься и немец поднимет крик – мы погибли. Вместе с тобой пойдет Сеня.

Затем явился Цибульский. Я обратился к нему:

– Борис, настало время. На самый трудный участок я посылаю тебя, потому что тебя я знаю больше всех. Мы вместе в подвале сидели. С тобой пойдут двое ребят, их тебе покажет Лейтман. Возьмите два топора. За вами зайдет Бжецкий и поведет во второй сектор. Учти, Боря, что ты начинаешь первый. Первый твой удар вдохновит всех. И отступать уже будет нельзя. Если кто из ребят, идущих с тобой, боится, замени другими. Принуждать на это никого нельзя.

– Не беспокойся, Саша, – ответил Борис. – Все ждут только сигнала.

– Иди, Боря, пусть придет Аркадий.

Не прошло и минуты, как прибежал Аркадий Вайспапир.

– Саша, ты звал?

– Да. Возьмешь два топора и пойдешь с Лернером<sup>[414]</sup> в сапожную мастерскую. Туда придут три эсэсовца, в разное время. Аркадий, за всю операцию отвечаешь ты. Все подробности тебе скажет Лейтман.

Науму Плотницкому и Алексею Вайцену поручили при построении колонны быть впереди и по дороге возглавлять группу при нападении на оружейный склад у центральных ворот, вступить в бой с охраной лагеря, дать возможность безоружным добежать до леса, а затем отходить самим.

Ефиму Литвиновскому и Борису Табаринскому было поручено возглавить группу, оснащенную проволочными ножницами, и возле офицерского домика перерезать проволочное заграждение в случае неудачи у центральных ворот.

В два часа дня пришел неожиданно один из офицеров – Вальтер<sup>[415]</sup>, вооруженный автоматом, взял Бжецкого и еще трех человек и пошел куда-то. Все, кто знал о предстоящем побеге, очень встревожились: неужели кто предал? Ведь раньше офицеры в сектор вооруженные автоматами не заходили... Лишь в три часа мне сообщили, что Бжецкий был направлен для укладки леса в «Норд-лагерь», а так как пошли без часовых, то офицер взял с собой автомат. Я приказал тогда капо Чепику взять из группы Лейтмана трех человек с топорами во главе с Цибульским, и отправиться во второй сектор.

Во двор зашла группа жестянщиков, держа в руках водосточные трубы. В них лежало шесть немецких винтовок с патронами, которые заблаговременно девушки, работающие на уборке офицерского домика, вынесли в условленное место.

Случилось так, что начальник всего лагеря гауптштурмфюрер Иоганн Нойман прибыл в портняжную мастерскую на двадцать минут раньше срока. Он слез с лошади, бросил поводья и вошел. Там были кроме мастеровых Шубаев и Сеня. У дверей лежал топор, прикрытый гимнастеркой.

Нойман снял мундир. Пояс, на котором висел пистолет в кобуре, положил на стол. К нему поспешил портной Юзеф и начал примерять костюм. Сеня подошел ближе к столу, чтобы перехватить Ноймана, если он бросится за пистолетом. Убить топором немца должен был Шубаев, тоже высокого роста, как Нойман.

Нойман все время стоял лицом к Шубаеву. Тогда Юзеф повернул немца лицом к двери под предлогом, что так лучше делать примерку. Шубаев схватил мгновенно топор и со всего размаха хватил Ноймана обухом по голове. Из нее брызнула кровь. Фашист вскрикнул и зашатался. Лошадь, услышав крик хозяина, шарахнулась от мастерской. Если она побежала бы по лагерю, то это могло сорвать все наши планы. К счастью, один из лагерников успел схватить лошадь под уздцы.

Вторым ударом Шубаева Нойман был добит. Труп его бросили под койку в мастерской и закидали вещами. Залитый кровью пол был быстро засыпан приготовленным заранее песком, так как через пятнадцать минут должен прийти другой фашист.

Тотчас же Шубаев схватил пистолет Ноймана и принес мне. Я обнял его.

– Саша, первое оружие тебе...

– Спасибо, дружище... Ну, теперь начало положено и никто уже не отступится... Беги назад.

Внезапно один заключенный, работающий со мной в одном бараке, поднялся и двинулся к выходу.

– Куда? – спросил я его.

– В уборную...

– Назад! Потерпишь, – я оглядел ставшие вдруг серьезные лица товарищей. – Вам понятно, что происходит? Назад пути нет.

Все это утро я страшно волновался, хотя всячески старался скрыть это. Но как только я узнал, что немцев уничтожают и план выполняется, сразу успокоился.

Ровно в четыре часа штурмфюрер<sup>[416]</sup> Геттингер<sup>[417]</sup> явился в сапожную мастерскую и спросил, готовы ли его сапоги.

– Да, – ответил Якуб. – Примерьте.

И когда он сел примерять, Аркадий Вайспапир одним взмахом топора зарубил его.

В десять минут пятого в сапожную зашел штурмфюрер Иохим Грейшут<sup>[418]</sup>. Он был убит тут же Лернером.

В четыре часа двадцать минут ко мне прибежал из второго сектора Цибульский и сказал волнуясь:

– Четырех уложили Связь перерезали, два пистолета оставили надежным людям. Они закрыли выход всем из барака до сигнала.

Позднее, уже после побега, я узнал, как Цибульский со своей группой уничтожили во втором секторе четырех фашистов. Когда капо их привел во второй сектор, то Леон повел их в барак, где сортировались вещи убитых людей. Взяв среди вещей хорошее, новое кожаное пальто, которое было заранее приготовлено, Леон пошел к одному из фашистов унтершарфюреру Зигфриду Вольфу<sup>[419]</sup>, сказал, что имеется хорошее кожаное пальто. Пока никто его не взял, пусть он пойдет и заберет.

Жадность одолела фашиста, он пошел. Как падаль он был уничтожен и спрятан среди вещей замученных людей. Той же дорогой последовали еще два фашиста. Но с четвертым было труднее, он находился в конторке, где стоял несгораемый шкаф с золотом, награбленным у узников, привезенных из разных стран. Леон вместе с Борисом Цибульским и еще с двумя узниками вынули горсть золотых монет из ящиков и понесли их по коридору штурмфюрера Клятта, делая вид, что хотят передать ему дневную добычу, найденную в карманах убитых. Фашист подозрительно



насторожился, но Цибульский быстрее молнии вскочил на него и начал душить, подскочили остальные. Фашист был уничтожен.

Когда Цибульский мне сообщил о выполнении задания, во двор первого сектора зашел унтершарфюрер Гаульштих<sup>[420]</sup>.

К нему подошел Лейтман.

– Я не знаю, как дальше нары делать. Войдите в барак, а то все стоят без работы.

Гаульштих направился в барак. За ним пошел капо Шмидт. Но Бжецкий взял его за руку и удержал:

– Если хочешь жить, не ходи, не мешай!

Шмидт с ужасом посмотрел на Бжецкого. Тот отвел Шмидта в сторону и продолжал разговор...

Тем временем Гаульштих был убит Лейтманом. Покончив с ним, Лейтман пришел ко мне и сообщил: «Слесарь Генрих Энгель<sup>[421]</sup>, из Лодзи, работающий в гараже, убил унтершарфюрера Бекмана<sup>[422]</sup> и захватил его автомат».

– Хорошо. Но как быть с Френцелем? – спросил я. – Семен Розенфельд все приготовил, чтобы его уничтожить. Уже поднял пол, куда спрятать труп, но он так и не явился.

– Черт с ним! Не мы, так другие его уничтожат. Мы уже отправили на «тот свет» десять офицеров. Бежим, Саша, пора, пора, уже без двадцати минут пять.

– Хорошо. Но может быть, еще явится Френцель... Через десять минут Бжецкий даст сигнал к построению. Отправь человека во второй сектор, пусть тоже выходят, и позови, пожалуйста, Люку.

Минуты через три прибежала ко мне взволнованная Люка.

– Что случилось? – спросила она, задыхаясь.

– Через десять минут все бегут из лагеря. Надень брюки. В юбке бежать в лес неудобно.

– Саша, неужели ты решился?

– Люка, поздно уже говорить об этом. Мы убили уже почти всех немцев.

– Саша, я боюсь. Не за себя боюсь – за других, за себя боюсь, – за других, за тебя... Что они сделают, если поймают? – Она начала плакать.

Посмотрев на нее строго, я сказал:

– Время не ждет. Иди скорей.

Люка убежала. Через несколько минут вернулась и протянула мне сверток.

– Что это?

– Рубашка моего отца.  
– Зачем?  
– Надень!  
– Да у меня есть!  
– Надень эту. Отцу всегда везло. Я знаю, эта рубашка принесет тебе счастье...

– Ерунда! Времени нет!  
– Пока не наденешь, я не уйду! В этой рубашке тебе будет удача. А если тебе, значит, и всем нам.

– Хорошо. Беги, оденься сама.  
Люка убежала.

Дальнейшее ожидание было опасным, ибо ежеминутно могли появиться в гараже власовцы и обнаружить труп унтершарфюрера Бекмана.

Раздался свисток к построению. Все выбежали из барачных корпусов, спешили, рвались вперед к воротам.

Во двор вошел начальник караула – немец из Поволжья – и стал ругаться:  
– Стройтесь, ведь вы же слышали свисток! Шнель!

Он не успел выхватить пистолет, как несколько топоров опустились ему на голову. Люди заволновались. В этот момент к ним приближалась колонна из второго сектора. Нельзя было терять ни одной секунды. Я крикнул:

– Товарищи! К воротам!

Борис крикнул «ура»! Другие подхватили. Большинство, которые только сейчас начали понимать, что здесь происходит, разбежались по всем направлениям. Основная масса бросилась к центральным воротам. Часть людей – к оружейному складу, и в ту же минуту власовец, находящийся на сторожевой вышке, стал поливать узников пулеметным огнем. Начали стрелять и часовые, которые ходили между провололочными заграждениями. Столяр Ян прицелился и выстрелил во власовца, стоящего на сторожевой вышке. Его пулемет умолк. Толпа уже подошла к центральным воротам и смела со своего пути охрану.

Слесарь Генрих воспользовался захваченным автоматом, чтобы сбить пулеметчика с другой вышки. Но пулемет на вышке продолжал поливать всех огнем.

Оставшиеся в живых немецкие офицеры попытались преградить дорогу толпе, открыв огонь из автоматов, но поднять общую тревогу они не успели.

Народ хлынул в сторону, вдоль первого сектора. Некоторые прямо на заминированное поле. Выделенная группа возле офицерского домика

начала прорезать проволочное ограждение. Другая группа побежала в другую сторону и лопатами начала разрывать проволоку. По плану надо было на минное поле бросать камни, доски, чтобы их обезопасить, но в суматохе никто этого не делал. Многие здесь погибли, убитые прокладывали дорогу к свободе другим узникам.

Когда Томас Блатт бежал, он упал и его накрыло упавшее под напором бежавших узников проволочное ограждение. Но когда первая волна проскочила, ему удалось выбраться из-под проволоки.

Вокруг был сплошной ад: стрельба, взрывы гранат и мин, пулеметный огонь.

У центральных ворот, сняв часового, люди побежали в лес, отстреливаясь на ходу из захваченных у убитых немцев пистолетов и винтовок. Те, у кого не было оружия, засыпали глаза фашистов песком, бросали в них камни.

Я вернулся в барак поднять оставшихся узников и когда бежал мимо офицерского домика, заметил Френцеля, который стоял возле другого домика и поливал дорогу огнем из автомата.

Два раза я выстрелил в него из пистолета, но промахнулся. Сказалось нервное напряжение. Я не стал задерживаться, так как видел, что узники теснят охранников у ворот.

Большая группа во главе с Лейтманом бежала к ограде от главных ворот и тоже пыталась разрушить колючую проволоку.

Власовец на второй наблюдательной вышке перенес огонь на группу Лейтмана.

\* \* \*

Я покинул лагерь одним из последних. Несколько часов я бежал по лесу. Сердце у меня колотилось так сильно, что казалось, вот-вот разорвется, ноги подкашивались от усталости и слабости. Руки и лицо я ободрал о колючки кустарников, из царапин лилась кровь, но в своем возбуждении я не чувствовал боли.

Меня волновало, что стало с Люкой, Лейтманом, Леоном и другими? Сколько лагерников погибли при побеге? Все ли ушли?

На пути я то и дело торопил, подгонял товарищей. Налитые свинцом от длительной ходьбы и бега ноги еле передвигались, натыкались в темноте на кочки, пни. Но несмотря на усталость мы смотрели вперед... Хотя бы еще

немного – подальше от лагеря, страшного запаха горящего человеческого тела, которым был пропитан лес.

– Скорей, скорей! – говорил я. – Как только рассветет, немцы организуют облаву. Мы направились, ориентируясь по звездам. Под покровом ночи мы проходили леса, овраги, поля, где на каждом шагу нам грозила гибель.

Постепенно около меня уже сгруппировалось несколько десятков бежавших. Вдруг, совсем неожиданно, неподалеку от нас раздались выстрелы. Я подумал: «Ведь это облава! И почему это я вбил себе в голову, что она начнется лишь на рассвете?»

Собрав своих попутчиков, я сказал им:

– Пока что начало удачное. Но все еще впереди. Бежать нужно организованно. Все идите за мной, цепочкой, не обгоняя друг друга.

Сохраниайте тишину, никаких разговоров. Без моего разрешения не останавливайтесь. Понятно? Кто знает по-русски, переводите другим... Скажите, кто из вас видел Люку и Лейтмана?

Все молчали. – Ну, в путь!

Наконец мы вышли на опушку леса. Последний раз я осмотрелся вокруг себя. Кругом мелкие леса и чужая земля, которая впитала в себя все муки и страдания людей под сапогом фашизма. Впереди расстиралось ровное поле. Не было даже кустарников. Но идти нужно, нельзя медлить ни минуты.

Я собрал всю свою группу и объяснил:

– Идти будем по-прежнему гуськом. Впереди пойдет Шубаев. Если он ляжет на землю, ложитесь тотчас же и вы.

Вскоре мы очутились возле канала, где встретили группу лагерников во главе с Вайценом. Я спросил его видел ли он Лейтмана?

– Да, немцы ранили его в ногу. Но он бежал вместе с нами еще километра три, а потом свалился и все просил, чтобы его пристрелили, но конечно, об этом не могло быть и речи. Его понесли с собой лагерники, направившиеся в сторону Хельма. В этой группе был и Леон.

Я иду и думаю: сколько времени был я с Лейтманом в лагерях... Сколько дней, каждый из которого равен году, прошли рука об руку. Никогда не приходилось даже задумываться, как близок и дорог мне этот человек. Достаточно было Лейтману молча кивнуть головой в знак одобрения, и я знал, что принял правильное решение. Это так надо действовать, иначе и быть не может. С Вайценом Лейтман передал свой последний привет и свою благодарность... Но кому, как не Лейтману, должны быть обязаны собиборовцы за то, что сейчас они на свободе!

– Но почему же вы не взяли с собой Лейтмана? – обратился я к Вайцену. Если б вы знали, как много он сделал для организации побега!.. А Люку ты видел или слышал о ней?

– Нет.

Я подумал: «Неужели она погибла, она, которая так страстно хотела жить. Зачем я не удержал ее тогда около себя? Может быть, следовало раньше предупредить ее о побеге! Но я опасался, что она может рассказать об этом матери, та – еще кому-нибудь...»

Наша группа, теперь уже в составе пятидесяти человек, двинулась дальше.

Палачи, насмерть перепуганные, что может раскрыться одна из тайн Третьего рейха, приказали всем службам безопасности Люблинского воеводства<sup>[423]</sup>, организовать погоню.

Тысячи эсэсовцев, полицейских и немецких солдат, а также самолеты были брошены штабом Глобочника<sup>[424]</sup> в Люблине против бежавших узников.

15 октября 1943 года в городе Люблине командиром полиции порядка Люблинского округа о восстании узников в лагере уничтожения Собибор, было сделано такое объявление<sup>[425]</sup>.

«14.10.43 г. около 17 часов в лагере Собибор, в сорока километрах севернее Хельма, произошло восстание заключенных. Они преодолели сопротивление охраны, захватили оружейный склад и бежали, отстреливаясь, вместе с уцелевшими обитателями лагеря в неизвестном направлении. 9 эсэсовцев убиты, 1 эсэсовец пропал, 1 эсэсовец ранен, 2 иностранца-охранника застрелены<sup>[426]</sup>.

Спаслось около 300 заключенных, остальные, находившиеся в лагере, расстреляны. Отряды полиции и вермахта по договоренности взяли на себя в течение часа охрану лагеря. Местность севернее и северо-восточнее Собибора прочесана полицией и войсками».

\* \* \*

Начинало светать. Моросил мелкий дождь. Я выслал разведку. Она выяснила, что мы находимся метрах в ста пятидесяти от железнодорожного полотна. Примерно в полукилометре была видно группа людей, работавших на путях. Вблизи железной дороги находился кустарник.

Мы остановились в этих кустарниках. Всех замаскировали, предупредили, что, если вблизи появится немец, лежать тихо и не двигаться. Весь день кругом была слышна стрельба. Немцы прочесывали лес. Весь день на бреющем полете летали самолеты. Над нашим кустарником раз двадцать пролетал самолет, высматривая, есть ли кто в кустарнике. Но для нас этот день прошел благополучно. Так прошел первый день нашей свободы – 15 октября 1943 года.

Поздно вечером в противоположной стороне мы заметили двух человек, которые двигались очень осторожно по направлению к нам. Когда они подошли почти вплотную, мы остановили их. То были два наших лагерника. Они после побега держали путь прямо к Бугу, но в одном из



хуторов поляки предупредили их, что немцы отправили к Бугу несколько отрядов для поимки бежавших. Тогда они повернули назад.

Я спросил их, уже не веря в то, что они знают что-либо о Люке: – Вы Люку знаете? Не встречали ее?

Один из них ответил:

– Видел ее в одной из групп, бежавших в сторону Хельма.

Радость переполнила мое сердце. «Где она сейчас, – думал я, – по каким лесным тропкам пробирается? Кто ведет ее и других? И сумеет ли провести благополучно?»

Вечером мы отправились снова в путь. Пройдя километров пять, вступили в лес и разбились на мелкие группы<sup>[427]</sup>.

В мою группу вошли Александр Шубаев, Борис Цибульский, Аркадий Вайспапир, Семен Розенфельд, Алексей Вайцен, Наум Плотницкий, Борис Табаринский и Семен Ицкович<sup>[428]</sup>.

Мы решили идти по ночам, направляясь к Бугу, перебраться через него и держать путь дальше на восток.

Изредка мы заходили на хутора, расспрашивали жителей о дороге, добывали продовольствие. Поляки очень хорошо относились к нам<sup>[429]</sup>, помогали всем, чем могли, снабжали продуктами, предупреждали нас, где стоят немецкие посты и как обходить их.

Мы шли через сосновые леса. Сосны стояли серые и хмурые. Днем их согревало солнце и они молчали, а к ночи, с приходом ветра, начинали покачиваться и гудеть. Тяжело было слушать этот непонятный гул. Порой казалось, что в лесу раздаются жуткие крики, точно кто плачет и непрерывный детский крик: Мама!... Мама!...

На душе как-то жутко и страшно.

Жажда нам не давал покоя и на третью ночь, идя по лесу, мы вышли на довольно широкую поляну. Луна ярко освещала дорогу. Осторожно пробираясь, пройдя около ста метров, посредине поляны мы заметили колодец. Немного далее, метрах в пятидесяти, виднелся силуэт жилого строения. Мы остановились. Как быть? Колодец нас притягивал. Мы чувствовали, что без воды слабеем. Решили подойти и напиться. Но только мы приблизились к колодцу, как раздалась автоматная очередь, к счастью никого из нас не задев. Мы разбежались. На опушке леса, дождавшись всех, боясь погони и собак, пробежав несколько часов, уставшие, присели немного отдохнуть и двинулись дальше.

Мы продолжили путь по звездам, приближаясь к Бугу, чтобы перейти на советскую территорию. На четвертый день, отдыхая в лесу (а продвигались

мы только ночью), нас обнаружили мальчишки, которые пасли коров. Они приняли нас за партизан. После этой встречи, боясь болтливости мальчиков, мы решили подойти к Бугу.

Мы подошли к одному из хуторов. Вблизи на расстоянии немногим более километра, катил свои волны широкий Буг. Я, Шубаев и Вайцен вошли в одну из хат, остальные остались на страже.

Войдя в хату, мы увидели старуху, лежащую на печи. У стола сидел старик лет семидесяти, немного поодаль от него – молодая женщина, раскачивавшая босой ногой люльку с ребенком. В комнату вошел здоровенный парень, как потом оказалось, муж молодайки.

Мы поздоровались и попросили хозяйку завесить окно. Та молча сделала это.

– Отдыхайте, – тихо сказал старик.

Я решил действовать в открытую. Рассказал им, что мы бежали из немецкого плена и спросил, можно ли перейти вброд Буг в этой местности.

Парень согласился показать нам брод с условием, что мы его не выдадим, если немцы захватят нас. Мы пообещали это. Жена парня дала нам в дорогу хлеба. А старик, когда мы уже вышли из хаты, выскочил босиком во двор и перекрестил нас:

– Дай вам бог спастись, дай бог!

Недалеко от Буга парень показал нам дорогу, а сам вернулся домой. Подойдя к Бугу, мы не рискнули большой группой пойти сразу вброд, а послали на разведку Наума Плотницкого, который благополучно проверил реку и после этого мы все перешли Буг. В ночь на 20 октября мы вступили на землю Белоруссии. Пройдя несколько километров от Буга, мы на рассвете остановились в кустарниках, потому что поблизости не было леса. Вдали виднелась высокая радиомачта, которая нас напугала, так как там могли быть сторожевые собаки, но, как мы впоследствии узнали, это была мачта бездействующей радиостанции.

К вечеру Бориса Цибульского начало знобить и чувствовалось, что у него очень высокая температура. Мы двинулись дальше. Всю ночь мы шли, помогая по очереди Борису идти. На рассвете следующего дня мы попали в небольшое село, где узнали, что это партизанская зона и немец здесь почти не бывает. Борис был в бессознательном состоянии. Он просил его оставить. Женщины этого населенного пункта тоже настаивали его оставить, за ним тут присмотрят. Мы решили его временно оставить. Пошли дальше навстречу партизанам, так как жители нам дорогу отказались показать, ссылаясь на неосведомленность. Мы не настаивали, понимая, что доверять они нам не могли.

Пройдя несколько километров, в одном из населенных пунктов, мы встретили партизан из отряда имени Ворошилова. Нам поручили вместе с группой партизан перенести через жел. дорогу Пинск – Брест раненых партизан на партизанский аэродром деревни Сварынь Брестской области<sup>[430]</sup>.

При переходе железной дороги партизаны после переноски раненых по пути подложили взрывчатку. Прошли не более километра и показался поезд. Как оказалось, с живой силой, который взлетел на воздух. Оставшиеся в живых фашисты выскочили из вагонов и открыли беглый огонь по обе стороны дороги. Наша группа залегла. После фашистского обстрела мы двинулись дальше. И благополучно донесли раненых до деревни Сварынь.

Все ребята были приняты в отряд имени Фрунзе, а я и Плотницкий – в отряд имени Щорса, оба отряда Брестского соединения.

Нас в отряде заверили, что за Бориса Цибульского мы можем быть спокойны, так как он остался в партизанской зоне и в случае опасности его вывезут.

По слухам, дошедшим до нас в апреле 1944 года мы узнали, что Борис Цибульский умер от крупозного воспаления легких.

14 октября 1943 года истощенные и безоружные люди восстали. Из шестисот заключенных свыше четырехсот убежали из лагеря<sup>[431]</sup>. Мы понесли тяжелые потери, но вырвались на свободу и нашли свое место в партизанских отрядах.

Победа осталась на стороне восставших.

Через три дня после восстания нацисты по приказу Гиммлера приступили к полному уничтожению фабрики смерти в Собиборе.

Были снесены бараки, вырыты столбы, снята колючая ограда. Всю площадь перепахали и на земле, пропитанной кровью более чем полумиллиона человеческих жертв, был посажен молодой лес.

Лес этот должен затереть следы человекоубийства. Но в человеческой памяти очевидцев ничто никогда не в состоянии будет стереть это.

Началась новая боевая жизнь для нас. Жизнь, полная опасности, тяжелых походов, но светлая, радостная. Мы мстили и будем мстить врагу за все его подлые злодеяния, за сотни тысяч невинных жертв, во имя светлого будущего.

Четыре года день и ночь пылали огни крематория в фашистских концлагерях. Но победный шаг Советской Армии потушил эти огни.

## Послесловие

От лагеря не осталось следа, то, что не успели уничтожить гитлеровцы, уничтожило время. Густой лес вырос на земле, пропитанной кровью и пеплом людей, которые там погибли.

В 1973 году мы отмечаем 30-летие со дня восстания в фашистском лагере смерти Собибор.

Несмотря на страшный террор, избиения, казни, не удалось эсэсовцам убить в заключенных человеческое достоинство, волю к сопротивлению и победе.

Кандидат исторических наук тов[арищ] Сироткин В. о восстании в Собиборе писал:

«Страшнее всего была та атмосфера психологического угнетения, «научная» система подавления и уничтожения человеческой личности, которую насаждали и практиковали эсэсовцы. Они стремились вытравить из сознания людей все человеческое, оставив им лишь одно – животное стремление как-нибудь, пусть за счет другого, пусть хотя бы еще день, пусть по-собачьи, но жить. И с этой по-своему последовательной программой надо было бороться».

Что же прошло за прошедшие тридцать лет Собиборовского восстания?

Там, где находился лагерь смерти Собибор, замата следы своих преступлений, фашисты насадили лес, зная, что он может молчать, умеет хранить тайну, которую никто не должен знать. Лес должен скрыть следы преступления. Мертвые молчат и лес должен молчать!

В 1965 году польское правительство на том месте, где находился лагерь смерти Собибор, установило памятник. Вот, что писала по этому поводу польская газета «Знамя труда», выходящая в городе Люблине в июле 1965 года:

Последним памятником, воздвигнутым на месте бывшего концлагеря является памятник Мученичества и смерти в Собиборе, в районе Влодавы. Строительство длилось два года... воздвигнут объект, потрясающий своей выразительностью.

Со всей территории бывшего лагеря выкорчеваны деревья, посаженные гитлеровцами для скрытия следов преступления. Верхний слой земли, пропитанный кровью убитых мучеников, полный человеческих костей, золы от сожженных тел, волосы – снят. Из него насыпан громадный курган в самом центре бывшего лагеря диаметром 50 метров. Кургана вознесен на цоколе высотой в один метр с окошками, через которые видны

человеческие кости, челюсти, протезы, волосы – материал, из которого воздвигнут курган. У входа на территорию бывшего лагеря стоит памятник Скорбящей женщины с ребенком. Высота памятника – пять метров. Он построен из какого-то ржавого сплава, который на фоне высокого каменного четырехугольного цоколя выглядит обрызганным кровью».

В том же году, 6 сентября 1965 года, в Федеративной республике Германии в городе Хагене<sup>[432]</sup> начался заключительный акт этой огромнейшей трагедии<sup>[433]</sup>. Там в ярком освещении было показано отвратительное лицо фашизма. Там начался процесс над эсэсовцами, которые уничтожили свыше полумиллиона человек в газовых камерах лагеря.

На этот процесс нас, советских людей, не вызывали. Они боялись нас. Они прекрасно понимали, что мы – советские люди, будем обвинять не только сидящих на скамье подсудимых, но и тех, кто помогает в настоящий момент возрождению фашизма.

Когда один из свидетелей обвинения, бывший узник Собибора Бахир, (по лагерю – Шклярник) задал вопрос председателю суда, директору судебной палаты Штарке: «Почему вы не приглашаете в суд свидетелей из Советского Союза, людей, которые организовали восстание, которые много могут рассказать суду?» – то он ответил: «Они слишком мало там были, всего двадцать два дня и ничего существенного показать не сумеют».

Один из главных обвиняемых, Курт Болендер, который в 1961 году скрывался под именем Вильгельм Бреннер, рассказывает суду, что он знал, что на свете имеются несколько бывших заключенных, прямых свидетелей его преступных дел, которые могут ему напомнить о них, поэтому он хотел на всякий случай скрыть свое существование, и не только имя меняет он, жена его, с которой он во время войны разошелся, помогает ему в этом для того, чтобы он был признан умершим. Для того, чтобы усилить достоверность этого факта, она добивается, как его вдова, вдова Болендера, пенсии, которая ей выплачивается до сегодняшнего дня, потому что Болендер все еще сходит в «соответствии» с фальшивыми показаниями и актами умершего.

Болендер долгое время был начальником газовых камер в Собиборе, его судят за убийство людей. В Собибор он прибыл как первоклассный специалист, как участник операции «Т-4», это значит убивать душевнобольных немцев. Перед судом Болендер твердит, что при проведении акции «Т-4» он отказался сжигать трупы убитых немцев, за что и был оштрафован, а именно, он был переведен в другое учреждение, где

убивали больных. Было это в Заненштейн<sup>[434]</sup>, где он, как мы видим, свое задание выполнил неплохо, поскольку его оттуда переслали в Собибор. В это время он, запутавшись в бракоразводном процессе и будучи обвинен в фальшивой клятве, попал под арест. Но эти «маленькие прогрешения» не существенны, раз он по приказу штурмбаннфюрера СС Христиана Вирта<sup>[435]</sup> сразу же из тюрьмы направился в Собибор. Это место экзекуции никак не может существовать без Болендера, так рассудил Христиан Вирт, инспектор лагерей Треблинки, Белжеца и Собибора.

Христиан Вирт, очевидно, был очень высокого мнения о способности Болендера, поскольку он предложил ему вернуться туда после восстания узников 14 октября 1943 года. Болендер заявил теперь суду: «Из многих прежних коллег там уже никого не было. Не было также заключенных, занятых в лагерных работах. После восстания они были расстреляны». К чему, таким образом, Болендер прибыл? Он объясняет: «Я должен был привести узников из Треблинки для того, чтобы они уничтожили всякий след существования Собибора». Одним словом – специалист на соответствующем месте. Но на вопрос суда, что же стало с теми людьми после того, как они устранили все следы существования лагеря, Болендер ответил, что он ничего не имел общего с убийством арестованных. Вместе с другими эсэсовцами, заявляет он, что уехал в Италию, чтобы бороться против партизан. Таким образом, Болендер владел многими специальностями. За эти заслуги сам фюрер простил ему фальшивую клятву и наградил его военным крестом второго класса с мечами<sup>[436]</sup>. Курт Болендер защищался. Он не признавался в предъявленных ему обвинениях, он никого не убивал, он не виновен, он ничего не знает о 250 000 загазованных, он лишь видел две массовые могилы по 20 000 трупов. Верно, что его собака Бари бросалась на все, что двигалось быстро, но он, Болендер, никогда своего пса ни на кого не натравливал. Он никогда не делал зла ни в своем лагере, ни за его стенами.

Дальше Болендер показывает: Укрытие ям приходилось крепко держать, чтобы оно не поднималось. После жаркого дня песок поднимался. «Мертвецы были распухшие и черные, как негры». Мертвецы, которые выходили из могил, были поводом, чтобы рационализировать строительство ям. Болендер говорил: «Дело в том, что приходилось сооружать главным образом большие ямы, чтобы строительство ям соответствовало количеству прибывших транспортных».

После окончания войны он присвоил себе фамилию Бреннер (что в переводе с немецкого означает «гореть», «сжигать»). И когда у него



спросили, почему именно Бреннер, он, не смущаясь, ответил: «Из-за моей прежней деятельности. Я же не мог так легко ее забыть».

Он не мог забыть свою прежнюю деятельность, для него она было все так же дорога и любима, что решил всю свою деятельность по сжиганию трупов сохранить в памяти, как реликвию для своих потомков – в фамилии.

Некоторых преступников обвиняли только в пособничестве, они, мол, не убивали, а выполняли приказ фюрера.

Откуда мы, бывшие узники Собибора, знаем, кто из них включал мотор, который нагнетал удушающий газ в «бани», быть может, каждый по очереди делал это «безобидное дело».

Правда, как иронически звучит «приказ» – так ли это?.. Мне приходилось видеть их лица после работы, после того, как они удушили тысячи невинных женщин и детей, сколько самодовольства, какое геройство было у них на лицах.

Эти убийцы в своих показаниях говорили, что «Нужно было как можно быстрее покончить с прибывшим поездом, так как, если бы жертвы остались дольше, то узнали бы судьбу, которая их ожидала. Они бы беспокоило себя держали и это затруднило бы их истребление». Действительно, в течение 22 дней, которые я находился в лагере смерти Собибор, почти каждый день прибывали эшелоны по две тысячи человек в каждом. Их в течение двух-трех часов раздевали, отправляли якобы на санобработку в «баню»...

Нет, не приказ фюрера они выполняли, а сами этого хотели и сами к этому стремились, об этом говорили их самодовольные лица.

В один из дней процесса пригласили в качестве слушателей мальчиков из школы имени «Альбрехта Дюрера». На этом заседании суда дети слышали, как эсэсовцы изготавливали костную муку из человеческих костей и использовали, как удобрения в некоторых фруктовых садах.

Почти все школьники с ужасом выбежали из зала суда.

«Бедный» подсудимый Дюбуа, рассказывая о жене и детях, разразился рыданиями. Сейчас, как он считает, снова «выбился в люди».

Интересно было бы у него спросить, а прислушивался ли он тридцать лет тому назад, как кричали в газовых камерах тысячи женщин и детей? – правда, не его.

Свидетелям, бывшим узникам, председатель суда и защита задавали такие вопросы, от которых мурашки пробегали по телу.

«Где вы были, когда Карл Френцель по вашему рассказу убил человека по имени Шуль Шторк? В скольких метрах вы от эсэсовца стояли? Какую форму носили эсэсовцы?» И так далее.

Разве могли бывшие узники в то время наблюдать за издевательствами и убийствами людей? Мы в те страшные дни думали о чем угодно, но не о будущих показаниях. В наших глазах они всегда были в черных костюмах, несущие смерть и страдания.

Никто из 12 обвиняемых не испытывает спустя 22 года ни малейшего раскаяния, даже сожаления. В комок под тяжестью тех ужасов, о которых им теперь приходится вспоминать, сжимаются свидетели, один из них демонстрировал палачам след, оставшийся на его теле, другой показывал найденную им самим в Собиборе косу убитой женщины. Огромное количество детей, которых они уничтожили, подобно вырождакам, младенцы, которым они собственноручно разбивали головы, не волнует одиннадцать преступников теперь, как и тогда.

Во время хагеновского процесса я получил письмо из Голландии от журналиста Р., который в частности по данному процессу пишет:

«... От Хагеновских судей я получаю до сих пор хорошие впечатления. Что касается их, я не боюсь, чтобы их приговор не был справедлив. Конечно, они принуждены держаться законов ФРГ, которые довольно устарели. Западногерманские своды законов были составлены в 1871 году».

Я привожу только часть письма, которая меня возмутила, и, в частности, я ему ответил:

«... Меня, бывшего узника Собибора и Советского гражданина до глубины души возмущает то, что происходит в Хагене.

Никакая скидка не может быть на то, что судьи пользуются законами 1871 года. А разве законы цивилизованного государства могут предусмотреть истребление миллионов людей в газовых камерах? В ФРГ на многих государственных должностях сидят военные преступники. А вдруг и эти собиборовские палачи пригодятся?!

Разве не позор, что из 12 преступников только трое сидят в тюрьме, а остальные являются в суд свободными людьми? И это именно те, которые загоняли в газовые камеры по несколько десятков тысяч женщин, детей и стариков. Об этом тоже написано в законе? Или это решили «справедливые судьи»? Нет, уважаемый Р., я с Вами не согласен. Я не верю тому, что судьи ничего не могут сделать. Их право решить о приглашении на суд в качестве свидетелей бывших узников Собибора из Советского Союза. Судьи говорят, что мы слишком мало там были – всего 22 дня. Это люди, которые были всего 22 дня и, организуя восстание, предварительно узнали все подробности жизни лагеря с первого дня существования. Мы могли бы суду рассказать всю правду о фашизме и этих преступниках. Но

западногерманский суд это не интересует. А вы пишете о гуманности и справедливости этих судей.

Конечно, я не собираюсь вас в чем-либо разубедить, и, возможно, каждый из нас останется при своем мнении. Но вам, как журналисту я должен рассказать еще одну небольшую деталь. Когда фашисты в некоторых лагерях загоняли детей в газовые камеры, они их гладили по головке и давали конфеты. Не напоминают ли вам на данном процессе своим возможным «мягким приговором» по отношению к этим преступникам тех эсэсовцев с конфетами... забывая о тех сотнях тысяч человеческих жертв, которые они принесли в жертву во имя процветания фашизма...»

Пятнадцать месяцев длился процесс и «справедливый» суд Федеративной Республики Германии вынес свой «приговор».

Один из главных обвиняемых на процессе **одиннадцати**<sup>[437]</sup> эсэсовских бандитов Курт Болендер в сентябре 1966 года покончил жизнь самоубийством, повесился в камере следственной тюрьмы, а в конце 1966 года суд приговорил второго главного преступника, бывшего эсэсовца, начальника первого сектора обершарфюрера Карла Френцеля к пожизненному тюремному заключению. Пять обвиняемых приговорены от 3 до 8 лет тюремного заключения с зачетом предварительного заключения! Остальные четверо убийц за отсутствием достоверных «доказательств» оправданы.

Кто же эти невинные овечки?

Это Ганс Шютта<sup>[438]</sup>, который загнал в газовые камеры Собибора 86 000 человек, Генрих Унферхау<sup>[439]</sup> – 72 000 человек, Эрнст Цирке<sup>[440]</sup> и Роберт Юр<sup>[441]</sup>.

Какое надругательство над сотнями тысяч погубленных жизней в Собиборе!

Слишком много человеческой крови впитала в себя земля Собибора и какое ничтожное наказание получили его палачи.

Еще гуляют вольготно по свету палачи не только лагеря смерти Собибор, но и сотен других лагерей, созданных фашистской Германией в годы Великой Отечественной войны. Их всячески укрывают империалисты в надежде натравить их на социалистические страны, и в первую очередь, на Советский Союз.

Но напрасна эта затея, люди мира не допустят развязать руки фашистским молодчикам.

В 1962 году в качестве свидетеля в городе Киеве мне довелось присутствовать на процессе 11 предателей Родины. Я не мог смотреть на них спокойно, столько трусости и ничтожества было на их лицах, они – «герои» с беззащитными женщинами и детьми, дрожали за свои ничтожные жизни.

Куда девалась их самоуверенность, их улыбка «победителей»? С молниеносной быстротой промелькнули перед моими глазами 22 дня Собибора.

У каждого человека есть своя Родина, где он рожден, где он провел самые счастливые дни своей жизни – детство, юность, где он воспитан той средой, среди которой прожил все годы до сегодняшнего дня легко или трудно, – она всегда дорога твоему сердцу.

А что у них было самое дорогое – трусость.

Трусливые, они изворачивались, пытались как-то смягчить и оправдать не только свое предательство Родины, но и массовое убийство своих братьев, сестер, матерей. Советский суд, суд народа, вынес свой приговор этим отщепенцам, которые в свое время потеряли свой человеческий облик, и ставшим пособниками фашистских людоедов, приговорил десять предателей к смертной казни. Одиннадцатый – Терехов – приговорен к 15 годам лишения свободы.

Через несколько месяцев я получил письмо из Мордовской АССР от гражданина С.:

«Здравствуйте, Александр Печерский! Прочитал статью из газеты «Красная звезда» «Страшная тень Собибора». Нет слов возмущения. Это ужасно, что можно пережить человеку.

Я из Мордовии, у нас здесь не было такого ужаса, но как страшно вспомнить то, что происходило на территории Польши недалеко от Майданека, тем более, там был человек, которого мы считали зятем. Это вахман Иван Терехов, которому дали 15 лет. Но почему 15 лет? А не расстрел. Одно слово «вахман», и то уже расстрел»<sup>[442]</sup>.

Советские работники госбезопасности не забывают о своем долге в поисках предателей Родины, в тяжелые годы предавших свой народ.

В 1965 году в Краснодаре начался новый процесс над вахманами<sup>[443]</sup>. Вот что пишет специальный корреспондент «Литературной газеты» Лев Гинзбург:

«Суд выслушает историю шести предателей и приспособленцев, которые ради возможности «жить», жрать, присваивать чужое добро, находиться в безопасности, подальше от линии фронта без особых раздумий и

переживаний отrekliсь от Родины, сменили одну «форму одежды» на другую и на сторону ВРАГА перешли так же просто, как переходят улицу. В условиях фашистского режима это приспособленчество вылилось в участие в массовых убийствах, привело к садизму, к полнейшему озверению.

А люди?.. «Кто были эти люди, которых убивали? – спрашивают обвинители и судьи. – Неужели вам не жаль было даже маленьких детей?..»

Матвиенко, поразмыслив, ответил:

– Конечно, откровенно говоря, если бы был этот ум, как сейчас, я вплоть до того, что пулю бы себе в лоб пустил. Сейчас у меня дети, жена, я построился, и конечно, если б мне этот ум, теперешний, я бы...

– Но тут и ума не требуется, чтобы понять, что убивать людей – преступление. Кого вы убивали?

– Убивали мы детей, стариков, старух...

– Как вели себя обреченные?

– Ясно: крик, шум, вой – жуткое дело, сейчас представить невозможно... Людей раздевали догола. А вахманы и расстреливали и толкали. И я стрелял. Сзади стоял обервахман, стоял НЕМЕЦ, – куда денешься?..»<sup>[444]</sup>

На втором процессе выступал участник Собиборовского восстания Алексей Вайцен, который узнал вахмана Зайцева.

Среди шестерки мерзавцев был предатель Поденок, который сумел скрыться от справедливого возмездия, работал все эти годы учителем, которому, к великому ужасу, именно ему доверили воспитывать в Подгорненской средней школе детей.

С какими глазами мог Поденок смотреть детям в глаза, с какими словами он к ним обращался, если в течение четырех лет повторял только одно слово, обращаясь к детям – «шнель», загоняя их в газовые камеры?

Как он мог эти годы спокойно жить, неужели его никогда не тревожили его жертвы?

Как он мог своими окровавленными руками ласкать своих детей?

А Зайцев, который был в Собиборе почти год, он должен нас помнить. Наше восстание было при нем, и как он показал на следствии, принимал участие в уничтожении миллиона человек. Как он мог после этого всего этого 20 лет жить спокойно?

Я всех их помню хорошо. Они были трусливы и тогда. Они не могли открыто смотреть нам в глаза, еще тогда они чувствовали всю низость своего поступка, но у них не хватало смелости, чтобы перебороть свои низменные чувства и восстать против фашизма и несправедливости.

Наш Советский суд гуманный и справедливый. Он не мог позволить, чтобы они своими окровавленными сапогами топтали нашу чистую землю.

Чтобы они своим грязным дыханием оскверняли наш воздух. Приговор был один – смерть.

Как же сложилась в дальнейшем судьба бывших узников Собибора?

Из лагеря с боем покинули лагерь почти все заключенные. Часть из них подорвалась на минных полях, другая часть погибла от пуль или была убита во время облавы. Шли годы, некоторые пали на фронтах Второй мировой войны, в партизанских отрядах. За прошедшие со дня восстания тридцать лет люди рассеялись по всему земному шару. Многие из бывших узников Собибора уже умерли. В настоящее время в живых осталось примерно 30 человек, из них 7 человек проживают в Советском Союзе.

Семен Розенфельд во время побега был ранен в ногу и скрывался в польских лесах до прихода советских войск. Затем в рядах Советской армии дошел до Берлина, где на стенах Рейхстага оставил память «Барановичи – Собибор – Берлин». В настоящее время проживает в городе Гайвороне Кировоградской области.

Аркадий Вайспайр был в партизанском отряде имени Фрунзе Брестского соединения и застал конец войны в рядах Советской Армии. Проживает в Донецке.

Александр Шубаев (Калимали) после слияния партизанского отряда с Советской Армией, с группой партизан был послан обратно в тыл и там погиб.

Алексей Вайцен после партизанского отряда 25 лет прослужил в рядах Советской Армии. Проживает в городе Рязань.

Ефим Литвиновский вначале присоединился к группе польских партизан, но затем воевал в прославленной партизанской бригаде Федорова<sup>[445]</sup>. Войну закончил в рядах Советской Армии. Сейчас проживает в Куйбышеве.

Борис Табаринский проживает в городе Минске, а Наум Плотницкий в городе Пинске. После партизанского отряда войну они закончили в рядах Советской Армии.

Автор настоящей книги Александр Печерский так же, как и все участники Собиборовского восстания, после партизанского отряда войну закончил в рядах Советской Армии. В настоящее время проживает в городе Ростове-на-Дону.

Ответ на письмо ученицы 8 «Б» класса средней школы Кировской области Афанасьевского района Пашинской школы, присланного 1 марта 1971 года, Некрасовой Тане:

Дорогая Танюша!



Я очень рад, что Вы интересуетесь жизнью нашей страны, наших людей.

Очень хорошо, что Вам не хочется верить, что такое могло быть. Что мог существовать Собибор. Что в лагерях погибали миллионы. Что существовали звери – в человеческом облике.

К сожалению, это правда.

Ваше письмо заставило меня окунуться в страшное прошлое и написать эту книгу для того, чтобы наша молодежь знала правду о фашизме.

Наше старшее поколение не скрывает от Вас тяжелые годы Второй мировой войны и передает в ваши надежные руки эстафету борьбы с возрождающимся фашизмом для того, чтобы люди всегда жили в мире и дружбе.

Уважающий Вас – Александр Печерский.

1972 год.

Печерский Александр Аронович, 334006 г. Ростов-на-Дону, 6 Социалистическая, 121, кв. 4

## **«Эти патроны мне спасли жизнь»**

### **Свидетельские показания С.М. Розенфельда**

Одним из участников восстания в Собиборе был Семен Моисеевич Розенфельд. Он родился в 1922 г. в местечке Терновка Винницкой области (Украина). В возрасте 18 лет был призван на военную службу, которую проходил в 150-м артиллерийском полку, дислоцировавшемся в Даугавпилсе (Латвия). Незадолго до нападения Гитлера полк перевели в Минск, а затем в военный городок около него, где С.М. Розенфельд встретил начало войны. Вместе с боевыми товарищами принимал участие в обороне Минска, в конце июля 1941 г. полк был окружен под Могилевом. С.М. Розенфельд получил ранение в ногу и контузию, а потом попал в плен. Он был отправлен в лагерь для военнопленных в Могилеве, а затем перевезен в Минск и помещен в лагерь для военнопленных в семи километрах от города. Две недели всех евреев-военнопленных содержали в подвале, а после отправили в Трудовой лагерь СС в Минске на ул. Широкой. Это было в сентябре 1941 г. Спустя два года тем же эшелонам, что и А.А. Печерский, С.М. Розенфельд был отправлен в Собибор. После выгрузки он назвался стекольщиком и его оставили в живых. Работал в столярной мастерской вместе с другом Сашей Купчиным. Принял активное участие в подготовке восстания. Ему было поручено убийство эсэсовца Френцеля, однако по не зависящим от Розенфельда причинам он не смог это осуществить.

Во время побега получил ранение в ногу. Скрывался в лесу и у польских крестьян вплоть до прихода Красной Армии. После проверки СМЕРШ был направлен в действующую армию. Участвовал в форсировании Вислы, потом – в уличных боях в Познани, где получил очередное ранение. По излечении участвовал во взятии Берлина, хотя находился в нестроевой части. С.М. Розенфельд оставил на стенах Рейхстага надпись следующего содержания: «Барановичи – Собибор – Берлин». После войны проживал в городе Гайворон Кировоградской области (УССР), в 1990 г. репатриировался в Израиль. Награжден израильскими, польскими и украинскими орденами.

Приведенное ниже интервью было дано С.М. Розенфельдом 1 мая 1992 г. Его запись находится в Архиве Национального мемориала Катастрофы (Шоа) и Героизма «Яд Вашем» (Иерусалим). № 0.3/6590. Приводится на основании копии, хранящейся в Архиве Научно-просветительного Центра «Холокост» в Москве. Текст печатается без сокращений, стилистика

оригинала сохранена, орфография и пунктуация приведены в соответствие с нормами русского языка. Набор текста Р. Жигуна.

Кроме того, мы публикуем более раннюю краткую версию воспоминаний С.М. Розенфельда. В мае 1968 г. этот вариант, составленный журналистом Ионом Марковичем Родиновым, был передан в архив Яд Вашема (№ 0.3/6590 (1)). И.М. Родионов приехал в Ригу в 1944–1945 гг. Участвовал в жизни еврейской общественности, сборе свидетельств по истории Холокоста, в деятельности по установке памятников и сохранению памяти о жертвах Холокоста в разных регионах СССР. В 1960-е гг. работал в советском информационном агентстве АПН (Агентство печати «Новости»). Публиковался так же в газетах, выходящих на идиш в Польше и Франции. Публикуемые воспоминания С.М. Розенфельда были записаны 10 января 1963 г.

Я, Семён Розенфельд, родился в 1922 году в местечке Терновка Винницкой области<sup>[446]</sup>. В 1940 году я окончил десятый класс и ушёл на кадровую службу. И попал я в декабре месяце 1940 года в город Даугавпилс<sup>[447]</sup>, Латвия.

– **В каком полку Вы служили?**

– Я служил в тяжёлом артиллерийском полку номер 150.

– **С Вашим образованием Вас не послали в офицерское училище?**

– Нас, со средним образованием и с высшим образованием, образовали в учебную батарею, где готовили офицеров запаса.

В июле месяце, вернее, не в июле, а в марте месяце 1941 года нас из Даугавпилса переводят в Минск. В Минске я прослужил полтора или два месяца, до мая 1941 года, и нас перевели из Минска в военный городок между Минском и Барановичами<sup>[448]</sup>.

– **Как назывался городок?**

– Не знаю, не помню.

– **Это был военный городок?**

– Военный городок между Минском и Барановичами, ближе к Минску. И там война нас захватила.

**– Когда началась война, немцы быстро наступали. Расскажите, что было в Вашем полку?**

– В нашем полку произошло что-то невероятное. 21 июня 1941 года мы узнали, что в шесть часов утра мы выезжаем на боевые стрельбища [правильно «боевые стрельбы». – Р.Ж.]. А полигон Западного округа был за Минском, в противоположную сторону от границы. Мы подготовили с вечера, всё погрузили на прицеп, снаряды, и [в] пять утра должен быть подъём. Нас подняли в четыре часа утра. Пока мы подготовились и всё такое, то выехали мы в пять утра из военного городка. О том, что война шла, мы ещё не знали.

Где-то часиков в девять мы попали в Минск. Я обнаружил странную вещь: всегда по городу ехали зенитные пулемёты зачехлённые. В это утро они были все расчехлённые. Это было утром 22-го, часиков в девять – полдесятого утра. Ну, я думал: у нас учебная тревога, мы едем на стрельбище, и у них то же самое.

Когда мы стали выезжать из Минска в сторону полигона, нас догнал связной на мотоцикле, и вдруг команда «стоп». Весь полк встал и минут через двадцать команда: развернуться на 180 градусов и ехать в сторону границы, на запад. Где-то часов в двенадцать мы уже стали выезжать из Минска в сторону нашего городка. Это был июнь месяц, пить хотелось, там был колодец, мы встали, чтобы попить водички. Вдруг выбегает одна старушка, плачет – «Сыночки вы мои дорогие!». А мы ещё ничего не знаем.

**– И командование ничего не говорило о том, что началась война?**

– Нет, пока нет. Это было где-то в двадцать минут двенадцатого. Мы спрашиваем – бабушка, в чём дело? «Ой, сыночки мои, война!» Какая война? Вдруг бежит политрук – собрать всю батарею! Он выскочил на крыльцо: «Дорогие товарищи, война! Поедем пиво пить в Берлин!» Вот эти слова его я долгое время вспоминал, когда был в окопах и когда был в концлагере. И когда потом, уже после всего, я попал в Берлин, я тоже вспоминал эти слова политрука, когда пил пиво в Берлине в 1945 году. Но между теми словами и этим действительным фактом произошли очень большие события в моей жизни.

**– На рассвете 22 июня 1941 года немцы бомбили стратегические пункты, в том числе железные дороги, аэродромы. В 12 часов утра выступал по радио Молотов. Вы об этом ничего не знали?**

– Прибежал политрук и говорит: «Товарищи артиллеристы, товарищи бойцы Красной Армии! Только что выступил Молотов и сказал, что немцы без объявления войны напали на нашу Родину». Это было в двенадцать минут двенадцатого [так в оригинале. – Р.Ж.].

**– И какой был приказ?**

– Приказ был – ехать в своё расположение, только уже не в казармы, а в палатки, что мы разбили в лесу. Выкопали блиндажи, расположились и подготовились к встрече немцев.

**– Ваш полк не послали на передовые позиции?**

– Нет, наш полк остался оборонять Минск. Мы прикрывали Минск со стороны центрального входа. Многие пишут, что немцы бомбили Минск 22 июня с самого утра. Это неправда, 22 июня немцы Минск не тронули ни разу, ни одного самолёта мы не видели над Минском.

Бомбить Минск начали 23 июня с 6 часов утра. Первые три самолёта, что появлялись над Минском, были с красными звёздами – они перекрасили свои самолёты, нарисовали наши опознавательные значки. Эти самолёты бомбили аэродромы, это первое, что немцы сделали. Но всё-таки наши истребители успели подняться в воздух и сбили один самолёт из этих трёх, а лётчики выбросились на парашютах, недалеко от нашего расположения. Командир взвода вызвал желающих пойти задержать этих лётчиков, и я был одним из этих добровольцев. Мы этого лётчика захватили в плен [так в оригинале. – Р.Ж.].

После этого немцы стали бомбить Минск и бомбили до самого вечера. Республиканскую улицу, начиная с первого дома, а эта улица пересекает Минск с запада на восток, через весь Минск, по всей длине, так они начали с первого дома и кончили последним, и вся эта улица горела. Ещё две недели, когда мы отходили от Минска, мы видели пламя горящего города.

**– Скажите, пожалуйста, вот что. В это время начали передавать сводки Информбюро<sup>[449]</sup>. Командование знало положение, что немцы двигаются на восток. Ваше командование, полка или дивизии, не предпринимало какие-то шаги, чтобы задержать противника? Ваш полк так и остался на своих позициях?**

– Я был молодой боец и не был в курсе, что там руководство решает, что там происходит в командном составе.

**– Я это понимаю, я спрашиваю, как командование реагировало?**

– Мы оставались на этом месте до 28 июня, не сделав ни одного выстрела. Потом была команда сдать Минск, и 29 июня<sup>[450]</sup> утром немцы вошли в Минск. Они обошли Минск с севера и с юга, и, боясь, окружения, командир полка, а может быть, командир корпуса, дал команду отступить от Минска. Мы только вступили в бой, в страшный бой, под Березиной. Мы подбили тогда 12 танков.

**– Вы говорите о реке Березине?**

– Да река Березина. Мы подбили 12 танков и немцы стали нас бомбить. Половина нашей батареи вышла из строя. Был очень тяжёлый бой. Одна из бомб с «Мессершмитта» попала недалеко от моей пушки, и от нашей батареи осталось всего три человека – и я среди них. Остальные были убиты или ранены.

**– Немцы захватили Минск и двинулись на восток. Где вы очутились в это время?**

– Мы стали отступать с боями.

**– Куда, в какую сторону?**

– В сторону востока.

**– В сторону Орши<sup>[451]</sup>?**

– Нет, в сторону Могилёва<sup>[452]</sup>.

**– Скажите, пушки у вас таскали тягачи или кони?**

– Нет, не кони. У нас были тяжёлые пушки, мы были на «Челябинцах», на тракторах «Челябинец». У нас были пушки калибра 152 мм, каждый снаряд весил 45 килограммов.

**– Так вы двинулись в сторону Могилёва.**

– Да.

**– А немцы – вслед за вами?**

– Они даже опережали нас. Могилёв уже был у немцев, а мы ещё с этой стороны. Подвоза снарядов не было, у нас на каждую пушку осталось по три снаряда. Всего в полку осталась половина пушек. Положение было очень тяжёлое, и продуктов питания не подвозили, и патронов не было.

Последние три снаряда, что оставались, были у нас до Могилёва. Там мы, не доходя до Могилёва, остановились на опушке леса.

Всего шесть пушек у нас осталось в полку. Моя пушка, к которой я был прикреплён, была на опушке, а остальные три пушки были в глубине леса. Вдруг со стороны села в нашу сторону двинулся артиллерийский полк [так в тексте. – Р.Ж.], танков двадцать. Они не ожидали нас увидеть в лесу, и мы открыли прямой наводкой огонь по этим танкам. Мы подбили девять танков, и после этого у нас уже не осталось ни одного снаряда, а подвоза не было. Мы закопали все замки от пушек и стали уже, как пехота отступать.

И вот где-то уже за Могилёвом немцы окружили нас. Я был ранен в левую ногу и контужен и попал так в плен. Это было в конце июля 1941 года.

**– Вы попали в плен со всем личным составом Вашего полка?**

– Нет, потому что к тому времени половины состава вообще не было, были убитые и раненые. Пушек половины вообще не было, мы же закопали замки раньше. Мы попали в плен как пехота, и там было где-то процентов тридцать от нашего состава.

**– Куда вас отправили?**

– Это было между Могилёвом и Смоленском, ближе к Могилёву. Сначала нас завезли в Могилёв. Там Днепр делает колено, и сделали лагерь для военнопленных. Там было человек сто тысяч пленников. Кушать нам не давали в этом лагере. Где-то на пятый день пребывания в этом лагере...

**– А что представлял собой этот лагерь?**

– Поле, на углах стояли пулемёты. Никакой ограды не было, только пулемётные точки и всё. Кушать нам не давали. В один из дней я встал и начал кричать: «Я ничего не вижу, помогите, я ослеп!» От недоедания, от отсутствия пищи я ослеп. Стал кричать, что помогите мне! Вдруг кто-то подошёл ко мне и что-то сунул в руку. Я почувствовал, что это кусочек сахара, сунул его в рот, и сахар ещё не успел разойтись, я стал уже видеть. Я хотел посмотреть на того человека, кто сунул мне этот кусок сахара, но не видел его, никого около меня не было.

**– Скажите мне вот что. Обычно, когда немцы брали в плен красноармейцев, устраивали лагерь для военнопленных, то тут же они вызывали комиссаров и евреев, чтобы они вышли из строя. Как это было у вас?**



– Нас из этого временного лагеря возле Днепра где-то в начале августа увезли, погрузили в вагоны и отправили в Минск.

– **Всех?**

– Всех подряд. Мы были в семи километрах от Минска, это был бывший военный городок, там стояла кавалерийская дивизия до войны. И там сделали лагерь для военнопленных.

– **Там же?**

– Там сделали лагерь военнопленных, на территории этого военного городка. И вот тут выстроили всех, вышел переводчик и говорит: «Русские – налево, украинцы – направо, а жида – вот сюда. Кто из жидов не выйдет, будет расстрелян на месте». Я был ранен, немножко заикался и думал, выйти или не выйти. Вижу – кое-кто стал выходить. Я по внешнему виду не был похож на еврея, но все евреи были похожи на меня. И разговор был немножко картавый, так что мне невозможно было спрятаться. Я решил, что будет со всеми евреями, то и со мной. И я вышел. Собралось нас человек 230.

– **Евреев?**

– Да, евреев.

– **А политруки и комиссары тоже вышли?**

– Пока о них не было разговору, пока они отделили евреев. Когда мы все вышли, двести тридцать, они нас заперли, поместили в овощехранилище, это был подвал, где хранили до войны овощи. На второй день нашего пребывания в подвале пришёл немец в пенсне, культурный, и стал говорить с нашими пожилыми пленными. Они были западники, которые попали в армию из резерва, когда уже началась война.

– **Мобилизованные?**

– Мобилизованные, да. Немец стал с ними говорить на каком-то мне непонятном языке. Немецкий я знал, а это был язык непонятный. Когда он ушёл, я спросил у этих евреев, на каком языке они говорили, и они мне, к моему большому удивлению, сказали, что это был «лойшен койдеш» – иврит. Этот немец говорил с ними на иврите.

– **Как это – немец говорил на иврите?**

– Я предполагаю, что он в своём окружении имел хороших друзей, а может, были в «мишпухе»<sup>[453]</sup> у него какие-то евреи, он был очень грамотный человек и он говорил на иврите. Он стал к нам заходить в подвал.

**– И что он говорил?**

– Он заходил – и то буханочку хлеба нам подкинет, то две. Евреи ему то кольцо дадут, то ещё что-то.

**– В каком чине он был?**

– Я тогда не разбирался в чинах.

**– Но это был офицер, да?**

– Офицер. Когда он дежурил по лагерю, а там было 50–60 тысяч военнопленных, он нас брал кушать первыми, и после того, как весь лагерь уже покушал и оставалась там пища, он нас брал на обед второй раз. Давали кушать один раз в день варёную бурду без хлеба. Из подвала ни один военнопленный не умер, а из бараков, уже было холодно, каждый день вывозили по 300–400 человек умерших. Каждый день вывозили на больших арбах и хоронили недалеко от лагеря. А из подвала ни один человек не умер.

Это длилось всего две недели. Через две недели нас всех построили и погнали пешком в Минск. Там евреи из Минского гетто на улице Широкой сделали ограждение проволочное, вышки построили на углах, и там был организован СС-концентрацион-арбайтслагерь. И нас посадили туда, в этот лагерь.

**– Всех, 230 человек?**

– Да, всех. Это было уже в начале сентября 1941 года. Условия были жуткие в этом лагере и люди стали умирать. Кушать давали только один раз в день какую-то варёную баланду и хлеба вообще не давали.

**– А на работу вас гнали?**

– Нет, пока строили на месте – то нары, то ещё что-нибудь. Это были конюшни, и мы работали на месте, на территории этого лагеря. За зиму из 230 человек умерло от голода 80–90 процентов.

**– Но туда, в этот лагерь на Широкой улице гнали ещё военнопленных евреев? Сколько всего примерно было там людей?**

– В 1941 году, в начале 1942 года военнопленные туда не поступали другие, только еврейской национальности.

– **Это я знаю, но сколько там было человек?**

– Туда согнали ещё евреев из Минского гетто, человек двести.

– **Но Печерский не был с вами тогда?**

– Не, Печерский появился в нашем лагере где-то в мае 1942 года<sup>[454]</sup>.

– **Значит, позже?**

– Позже. Он появился вместе с Шубаевым, вместе с Лейтманом, вместе с Цыбульским. Они все появились где-то в мае 1942 года. Тогда уже условия в лагере стали лучше, стали уже давать хлеба 150 утром и 150 вечером, а в обед – варёную пищу.

– **А на работу вас не гнали?**

– Работа была – то колоть дрова, то чистить туалеты, другой работы нам не давали.

– **Известно, что из Минского гетто приходили люди работать в ваш лагерь на Широкой улице. Были случаи, что они вывозили людей из лагеря в бочках, где везли воду, и потом эти люди уходили в партизанские отряды. Вы знали об этом?**

– Нет.

– **Вы не слышали об этом?**

– Мы об этом не слышали. Из Минска в наш лагерь привозили самых лучших специалистов – портных, сапожников, и они работали в нашем лагере, обслуживали всех офицеров минского гарнизона.

– **Лагерь был огорожен?**

– Ограждён проволочным ограждением, с пулемётными вышками на каждом углу. Оттуда убежать было очень трудно, но были побеги. Люди убегали с работы. Один раз был случай, когда в группе-Виршафтслагерь один военнопленный, фамилии я не помню, звали его Миша, он был в армейских хозяйственных складах, там были продукты, одежда, обмундирование для немецкой армии. На этой территории было ещё много других организаций. Я работал в Цебефау.

– **Как Вы назвали?**

– Цебефай. Zu Besondere Ferdiengung. Я колол в подвале дрова, и ещё мы на втором этаже ремонтировали комнату – печку чинили, штукатурили.

– **Это были такие казармы?**

– Да. Там была полиция.

– **Я спрашиваю обо всём лагере, там были казармы?**

– Нет, нас привозили каждое утро на работу из Минского лагеря, пешком выстраивали, человек по сто пятьдесят каждый день.

– **А где было место работы?**

– Мы проходили мимо оперного театра.

– **То есть это в самом городе, в Минске?**

– Да, но где точно, я не помню.

– **И так каждый день?**

– Каждый день. Привозили и отвозили обратно каждый вечер.

– **Скажите, пожалуйста, как они относились к военнопленным? Били, издевались?**

– Это зависело от того, какой охранник. Были и такие, что жалели, а были такие, что били без всякой жалости.

– **Вас охраняли только немцы, не белорусская полиция?**

– В Минске мы прошли охранников трёх видов – была украинская полиция, были латыши и была белорусская полиция.

– **Поэтому я и спрашиваю – вами занимались немцы или другие?**

– Возили на работу немцы, а охраняли в лагере то украинцы, то белорусы, то латыши.

– **Ещё один вопрос. Я спрашивал, были ли попытки побегов из этого лагеря.**

– Побег из этого лагеря были. Некоторые удачные, а некоторых привозили к нам в лагерь избитых и расстреливали на территории лагеря.

– **В это время, о котором Вы рассказываете, апрель-май 1942 года?**

– Это уже был конец 1942-го – начало 1943 года.

**– В это время организовалось сильное партизанское движение вокруг Минска, в лесах Борисова<sup>[455]</sup>, в лесах Логуйска<sup>[456]</sup>. Пытались ли партизаны наладить связь с военнопленными вашего лагеря?**

– Таких фактов я не знаю. Но были удачные побеги с работы, и, по слухам, люди добирались до партизанских отрядов. Эти отряды были вокруг Минска, километров 35–40, а лагерь был в самом Минске. Возле нас был батальон украинской полиции, сто метров от нашего лагеря – было 300 полицейских.

Один раз был такой случай у нас в лагере, мы долго не могли забыть этот случай. Это было зимой 1942 года, на 43-й. Привезли бочку баланды из лагеря, и все выстроились в 12 часов дня с котелками получать эту баланду. Я дружил с одним парнем из Киева, с Сашей Купчиным. Мы дружили как два брата, делились последним куском и работали мы вместе. Я не помню число, но было уже холодно. И вот получили мы эту баланду, и я говорю: «Сашка, пойдём наверх, в нашу комнату обедать, там натопим печку, побудем в теплоте».

Мы поднялись на второй этаж и стали кушать. Вдруг я подошёл к окну, смотрю во двор, а окно выходило во двор труппе-Виртшафтс-лагеря, и вижу, что гонят наших пленных с руками за голову. Я говорю: «Сашка, посмотри, что делается!» Немцы бегают туда и сюда и всех наших пленных гонят с поднятыми руками и сажают на территории лагеря. Вдруг слышим, что немец бежит по ступенькам и кричит – «Миша, Михаэль, Михаэль!» Открыл к нам дверь: «Вуйст Михаэль?»<sup>[457]</sup> – спросил нас. Я говорю: «Вайст ништ»<sup>[458]</sup>. Поднялся он выше, и нашёл Мишу или нет, не знаю, но говорят, что нашли. Мы не знаем, в чём дело, но решили сидеть, не выходить.

Через час мы ещё пилили дрова в подвале, нас обратно в подвал, и мы стали пилить дрова дальше. В конце дня нас повели домой и по дороге вижу, что гражданские лица из Минска смотрят на нас с каким-то удивлением, что мы идём обычно, как всегда шли. Только потом мы узнали, что тех 40 или 45 человек ещё в обед везли с поднятыми руками через весь Минск в лагерь. Мы спали как обычно, мы ещё ничего не знали. Утром только Блатман, капо из Минского лагеря зашёл: «Почему вы спите так долго! Вы же не на курорте, а в концлагере! Марш на работу!» И только когда мы начали выходить, прошли недалеко от бани, это по дороге к выходу из лагеря, и видим – лежит большая куча снега. Стали все говорить

один другому, что это те, кого пригнали вчера в лагерь. Лежат все замёрзшие уже. Их вывели раздетыми на снег и стали обливать водой и сделали кучу льда из них – всех 40 или 45 человек. Это было зимой 1943 года, с 1942 на 1943 год.

Потом только мы узнали, что этот Миша договорился с одним из полицаев, который работал шофёром в одной из этих организаций в этом лагере, что за 20 тысяч марок, чтобы он вывез 20 человек, погрузил на машину и вывез за Минск, километров за 20–25, в партизанскую зону, и за это он получит 20 тысяч марок.

**– Откуда он взял такую сумму?**

– В лагере тогда уже вечерами была торговля, появились марки, люди приносили с работы то противогаз картошки, то кусок мяса, в общем воровали и приносили в лагерь для продажи. Появились марки, гражданские лица покупали и платили марками. Они украли ящик с сигаретами, когда грузили вагоны, и один ящик этот дал 20 тысяч марок. И договорились с полицаем об этих марках. Полицай взял марки и пошёл в полицию заявил.

Он же ему не сказал, он сказал – 20 человек, но не сказал, кто именно. Весь двор окружило СС и решили так, что кто будет во дворе, тех всех забрали, а те, кто был в помещении, тот ничего не знал. И вот так попались человек сорок или сорок пять, и их облили водой и морозили насмерть, большая куча была с трупами. Это было зимой с 1942 на 1943 год.

**– Что дальше было с вами?**

– Дальше, где-то в сентябре 1943 года нагнали в лагерь из Минска жителей Гамбурга<sup>[459]</sup>.

**– Немецких евреев?**

– Да, и из Минского гетто нагнали. Это было в сентябре 1943 года. И вдруг нам объявили, чтобы готовились к погрузке в вагоны. Нас выстроили, дали по три куска хлеба, три пайки по 150 грамм, сказали взять воду, кто сколько может, и по 50, по 100 человек погрузили в вагоны. Это было 18–20 сентября 1943 года.

**– В какую сторону повезли?**

– Мы же были в закрытых вагонах и могли только через щели, через окна забитые видеть, что едем в сторону Брест-Литовска<sup>[460]</sup>. Оттуда нас

погнали в Польшу, мы только видели, читали на станциях – Люблин, Хелм, и на третьи сутки нас вечером остановили в лесу. Оставили наши вагоны. Пришли немцы и сказали, что не будут сейчас нас разгружать, уже вечер. Котелками дали нам воду через окна и сказали: «Утром будем вас разгружать». Утром вагоны стали заезжать на территорию какого-то лагеря, где было написано «СС-зондерлагерь». Что это был за лагерь, мы не знали.

Нас выгрузили. Многие были уже полуживые, были больные, что не могли двигаться. Там была специальная команда, которая помогала больным. Мёртвых выгружали отдельно и уносили. Нас всех выстроили. Потом я узнал, как звать оберштурмфюрера – Нейман – он объявил: «Вы сейчас пойдёте в баню, помоетесь, получите одежду, бельё, а потом поедете в Рейх на работу».

Он стал отбирать. Водопроводчики и слесаря – выходите! Ему нужно было человек двадцать, он набрал это количество и они ушли.

Потом стал набирать плотников и столяров. Сашка Купчин, мы стояли рядом, говорит мне – мой отец был столяром, я немножко в этом понимаю, давай выйдем. Ты мне будешь помогать, постоярничаем! А я говорю, что ничего в этой работе не понимаю и я боюсь. Он говорит – я выйду, и кто попадёт в барак первым, займёт место, чтобы спать рядом, как в Минске, друг возле друга. Человек восемьдесят вышли и Саша тоже.

Вдруг со мной стало твориться что-то необыкновенное, меня бросило в пот. Какая-то внутренняя сила меня выталкивала – выходи! Я поднял руку последним и крикнул – я стекольщик! Я решил, что, если набирают столяров и плотников, значит, что-то будут строить и нужен будет стекольщик. Мне приходилось в Минске после бомбёжки советской авиации 2 мая помогать немцам стеклить окна и я немножко понимал в этой работе. И я крикнул – я стекольщик! Нейман подошёл ко мне и спросил – ты коммунист? Какой я коммунист, мне было тогда 20 лет. Я говорю – нет. Я вышел, и он сразу дал команду и мы ушли.

Куда мы шли, я не знал. Прошли какие-то ворота и сели на площади. Это было часов в 10 утра. Сидим час, сидим два, сидим три, и никто к нам не подходит. Видим, по лагерю ходят лагерники, одеты аккуратно, в комбинезонах, лица сытые, не такие несчастные, как в Минском лагере.

**– Это был лагерь Собибор?**

– Да. Мы просидели там до двух или трёх часов дня. В три часа дня подошли к нам трое, двое несут бидон, а третий несёт наволочки. Подошли, дали нам по куску хлеба и по стакану кофе – это то, что мы должны были получить утром. Мы поговорили с этими старыми



лагерниками – что это за лагерь, куда мы попали?

– **И что они вам сказали?**

– Мы стали спрашивать, где наши товарищи, там ведь, в эшелоне было две тысячи человек. Они посмотрели на восток, а там начал идти дым уже. Смотрите, – говорят, – вот ваши товарищи. И они нам рассказали, что это лагерь смерти, что загоняют по триста человек в баню, вместо воды дают газ, душат, а потом палят. Вот это был лагерь Собибор, фабрика смерти.

– **Так они вам сказали?**

– Да, что это фабрика смерти.

– **А те, с кем вы разговаривали, кто они были?**

– Это были лагерники, которые жили там 17 месяцев.

– **Они там работали?**

– Работали там.

– **Вы не помните фамилии?**

– Нет, я не знаю, кто эти люди. Живы ли они остались или нет, но они нам рассказали. Потом нас разместили по баракам. На пятый или шестой день был уже организован подпольный комитет. Мы поняли, что из этого лагеря так просто не выйти.

– **Когда Вы познакомились с Сашей Печерским?**

– С Сашей Печерским я был знаком в Минске. Когда в Минске в мае пригнали партию военнопленных, человек двести или триста, среди них был и Печерский. Он выделялся, был высокий, пел красиво.

– **Он был лейтенант?**

– Там не видно погон<sup>[461]</sup>, это же в плену.

– **А что он сам сказал?**

– Это потом выяснилось. Он вечерами пел, рассказывал красиво, он был очень развитой парень. Он был старше нас, 1913 года рождения<sup>[462]</sup>, на тринадцать лет старше нас. Я знал, что он работает в столярной мастерской вместе со Шломо Лейтманом. Они спали друг возле друга в Минске на нарах и дружили. Потом они перешли спать в столярную мастерскую, там

условия были лучше, чем в лагере.

– **В Собибор вас везли в одном транспорте?**

– В одном транспорте, они были в соседнем вагоне.

– **Когда вы приехали в Собибор, он начал действовать, Саша Печерский?**

– Он выделялся, он был высокий, красивый, и старые лагерники, которые были там по 17 месяцев, стали приглядываться к нам, с кем можно иметь дело. Они заметили Печерского, поняли, что он офицер. Организовали подпольный комитет, куда ввели и его.

– **Только его?**

– Из наших, советских военнопленных, только его.

– **Как Вы считаете, сколько военнопленных привезли в Собибор из Минского лагеря?**

– Из Минского лагеря 80–85 человек. Через 10–12 дней из этих военнопленных отобрали человек двадцать, и куда они делись, мы не знаем. Говорят, что их загнали в Третий лагерь, потому что расстреляли тех, кто обслуживал этот лагерь, где была баня, и эти двадцать человек пошли на замену. Так что нас осталось в лагере человек 60–65 советских военнопленных.

– **На каких работах вас использовали?**

– Группа Печерского была в Северном лагере, они выкорчёвывали там лес.

– **А Вы были в другой группе?**

– Я работал в столярной мастерской вместе с Сашей Купчиным. Мы вместе работали, если нужно было что-то починить. В день восстания...

– **До восстания мы ещё дойдём. В это время стали пригонять евреев из Голландии, Вы можете рассказать об этом?**

– Нет, из Голландии были люди до нашего прихода.

– **До вас?**

– Мы попали в лагерь в 1943 году, в сентябре.

**– Их уже не было?**

– Голландцы были только те, кого отобрали для сортировки одежды. Во Втором лагере было сто человек голландцев, они были заключёнными. А транспорт из Голландии приехал до нашего прибытия.

**– До вас?**

– Где-то в конце 1942 года.

**– Как вы стали организовываться? Печерский знал, что оттуда живым не уйти. Какие меры он принял, чтобы устроить побег? Вы можете об этом рассказать?**

– Первым делом это делалось в глубочайшей тайне.

**– Это понятно.**

– Никто, кроме советских военнопленных, да и не все советские знали, что что-то готовится. Были случаи провала, когда голландцы пытались организовать побег, это было где-то за полгода до нашего прибытия в лагерь.

**– Это вам рассказали?**

– Да, рассказали старые лагерники. Их кто-то выдал и всю команду эту голландскую расстреляли.

**– Я спрашивал про вас.**

– Мы готовились, мы знали, что что-то готовится. Сначала думали сделать подкоп из старой столярной мастерской, но потом, когда стали пробовать, оказалось, что вода близко под почвой, и под землёй не удалось бы пройти.

**– Готовилась ведь целая группа, кто-то руководил этой группой?**

– Этой группой руководил Печерский вместе с Лейтманом, они занимались приготовлениями, которые касались военного дела.

**– Вас посвятили в эту тайну, Вы знали об этом?**

– Нет, я узнал только за два дня до 14 октября.

**– А до этого ничего не знали?**

– Я знал только, что готовятся, и очень рад был, что я не знаю, что мало людей знает об этом.

**– Но кто же всё-таки был вовлечён в эту подпольную группу?**

– В эту группу вошли десять человек.

**– Кто?**

– Во главе – Печерский и бригадир там был. Он сидел в лагере 17 месяцев и это его план был – уничтожать немцев по мастерским. Мы, советские пленные, этот план претворяли в жизнь. Наши военнопленные были расставлены по точкам. В портняжной мастерской стоял Шубаев ещё с одним военнопленным, в сапожной мастерской стоял Вайспапир вместе с Лернером, который сейчас живёт в Иерусалиме.

Меня в этот день взяли в столярный цех, это было 14 октября 1943 года. Печерский меня позвал и спросил, смогу ли я убить человека. Я говорю – смотря какого человека, эсэсовца – смогу. Вот это мне и надо – говорит он.

Печерского направили 14 октября работать в столярный цех потому, что одно окно этого цеха смотрело на вход лагеря номер один, из этого окна просматривался вход в лагерь, и виден был вход в столярную и сапожную мастерскую. Он меня позвал и говорит: «Сюда после обеда должен прийти Френцель, комендант Первого лагеря. Подбери хороший топорик, наточи его. Рассчитай, где Френцель должен будет стоять. Ты должен убить его. Не бойся, я буду рядом».

Я, конечно, приготовился. Мне было 20 лет, и я не был такой уж герой, но Френцеля – справлюсь. Он должен был прийти в столярную в четыре часа после обеда, а у нас был план от четырёх до пяти. Все наши люди стояли наготове по мастерским, и они должны были уничтожать эсэсовцев. Это должно было случиться от четырёх до пяти, а в пять часов – сигнал наступления на центральный вход.

**– Но когда готовятся к восстанию, то надо приготовить холодное оружие хотя бы – топоры, палки какие-нибудь?**

– Это готовили. Кузнечный цех готовил ножи, топоров у нас в столярном цеху было сколько угодно. За этим остановки не было. В четыре часа Нейман первый заехал на территорию лагеря на лошади. Он зашёл в портняжную мастерскую, а там дежурил Шубаев. Тот неудачно его ударил и Нейман крикнул. Лошадь его услышала, заржала и стала на дыбы. Мы смотрели из окна столярной мастерской и всё это видели. В столярной мастерской никто ничего не знал, кроме нас двоих, меня и Саши Печерского.

– **Командир восстания должен был сказать людям, куда бежать, в какую сторону?**

– Пока не будет сделано дело, нет. Мы ведь рассчитывали захватить оружейный склад. Френцель должен был прийти и я должен был его убить.

– **Так он пришёл?**

– Он не пришёл, в том-то и дело, что Френцель нам спутал все карты. Без десяти пять, когда уже Цибульский построил людей из Второго лагеря, после того, что уничтожил четырёх немцев во Втором лагере, и они с песней пошли в сторону Первого лагеря; Печерский скомандовал выводить людей, ждать Френцеля нет смысла. Я говорю – может, я пойду найду его? Он говорит – нет, из-за одного Френцеля мы погубим восстание. Мы стали выгонять всех из столярной мастерской.

– **Сколько вас работало в столярной мастерской?**

– Человек двадцать. Мы стали все выходить.

– **Кто этот Цибульский?**

– Военнопленный наш. Он там во втором секторе убил четырёх немцев. Заманивали при помощи кожаного пальто. Второй лагерь – это длинный барак.

– **Там были мастерские?**

– Нет, там сортировали одежду. Как только 300 человек уходили в «баню», выскакивали те сто человек, что работали в том лагере и забирали всю одежду, уносили во Второй лагерь и там сортировали. Там были подготовлены кожаные пальто этими голландцами. Там было так, что один немец стоял с этой стороны, у входа, а второй стоял с другой стороны. Барак был длинный, и тюки с одеждой лежали до потолка. Там сидели двое и принимали ценности, золото. Так они показали одному немцу кожаное пальто хорошее, вернее, сначала сказали, что есть кожаное пальто.

– **Чтобы заманить его?**

– Заманить в середину барака. Там уже стоял Цибульский, и как только немец надел кожаное пальто, убили его и спрятали под нары. Так же и второго немца и в течение часа убили всех четырёх немцев.

И вот без десяти пять Цибульский построил всех работников Второго лагеря и с песнями они пошли в нашу сторону. Мы все были на апельплаце, мы знали, что сейчас пойдём в наступление.

И вот в это время появился Френцель и увидел, что что-то неладно. У нас уже были пистолеты, мы уже убили 11 эсэсовцев. Ещё водопроводчики принесли в трубах три винтовки, так что у нас уже было оружие. Была специальная группа, которая должна была напасть на оружейный склад. Френцель понял, что что-то неладное происходит, а тут ещё Шубаев выстрелил и крикнул: «За Родину, за Сталина, вперёд!» Мы все ринулись в сторону центрального входа.

Френцель понял, что надо защищать центральный оружейный склад. Он стал пулемётом нас отсекал от оружейного склада. И мы вместо склада должны были пойти в сторону караульного помещения. Я лично пролез через проволочное ограждение за караульным помещением, сзади. Когда мне ногу прострелило, я не помню, я не почувствовал.

**– Немцы открыли огонь?**

– Стреляли со всех сторон, и с вышек стреляли, и из караульного помещения, там было 20 караульных. Одиннадцать немцев было убито.

**– Там же были и украинцы тоже?**

– Да, они и стреляли с вышек.

**– Открыли огонь?**

– Стреляли все, кто только мог. Очень многие погибли во время восстания.

**– А вы все ринулись к забору, чтобы удрать?**

– Кто к центральному входу, а я лично перелез сзади от караульного помещения через проволочное ограждение. Мы знали, что там тока нет.

**– Во время восстания многие погибли?**

– Очень много погибло.

**– А тем, которым удалось перелезть через проволочную ограду?**

– Некоторые подорвались на минах, там было минное поле. Я бежал и падал и опять бежал. Пуля мне задела ногу и только в лесу я почувствовал, что печёт мне ногу.

**– В то время, когда началось восстание, Вы видели, как Печерский командовал?**

– Нет, там никто не командовал. Там получилась неразбериха. Шубаев выстрелил и крикнул – «Вперёд, за Родину, за Сталина!»

– **Кстати, он жив?**

– Нет, он погиб. Он был в одном партизанском отряде с Печерским.

– **Так он погиб там?**

– Нет, когда партизанский отряд соединился с Красной Армией, его послали на какое-то задание опять в тыл, и он погиб при выполнении второго задания.

– **Что было с Вами?**

– Я побежал в лес.

– **Это было далеко?**

– Лес был метров триста оттуда. В лесу я почувствовал, что нога сильно печёт. Я посмотрел, а там всё в крови. Я быстро мочой промыл, завязал и мы пошли дальше. Нас было человек пятьдесят, трое – советские военнопленные, а остальные – гражданские из лагеря. Сутки мы плутали по лесам вокруг Собибора. Компаса не было, ночь была тёмная, моросил мелкий дождь, звёзд не было. Мы просто не знали в каком направлении двигаться.

– **А немцы не бросились в погоню за вами?**

– Подняли тревогу, подняли Люблинское воеводство, Хелмское. Самолёты, танки окружили большой участок леса. Это было уже 15 октября.

– **А вы бежали 14-го?**

– Четырнадцатого, в пять часов вечера. Они рассчитали, сколько человек может пройти за ночь, и окружили весь этот массив в радиусе 30–40 километров. Стали искать беглецов. А мы, наша группа, кружили. Мы шли, шли, шли и на утро оказались с другой стороны, где Собиборский лесхоз. Они нас не искали так близко. И, может, это спасло нашу жизнь.

– **В вашей группе было человек пятьдесят?**

– Пятьдесят-шестьдесят.

– **Печерский был в вашей группе?**



– Нет, Печерский не был в нашей группе. В нашей группе было три военнопленных, одна винтовка, остальные были гражданские, «западники». Где-то в конце 15 октября, эти двое военнопленных говорят: «Мы пойдём в разведку, а ты оставайся здесь с остальными». – «Пожалуйста, давайте».

– **Кстати, я не спрашивал, в каком обмундировании вы ходили?**

– Мы были одеты все... из чемоданов.

– **В военное?**

– Никакого военного, где там военное.

– **Вы попали в плен как военнопленный?**

– Как военнопленный, но мы же попали в 1941–42 году. Пока мы дошли до Собибора, уже названия не было от этой одежды. Я был в брюках, пошитых из мешка. Уже в лагере мы приоделись, потому что там одежды уже хватало. Но были все отлично одеты, в комбинезонах.

– **Так вы крутились в лесу...**

– Двое пошли в разведку и взяли эту винтовку. У нас было всего 15 патронов. Они сказали – мы пойдём, посмотрим, разведаем, а ты оставайся со всеми, а мы, может, разживёмся покушать. Говорю – хорошо. Они взяли десять патронов. Пять патронов они как-то мне оставили. Они задумали чёрное дело, они задумали удрать, но для того, чтобы меня успокоить, они мне оставили часть патронов. Эти пять патронов мне потом спасли жизнь.

– **А винтовку они...**

– А винтовку они забрали и десять патронов.

– **А Вам оставили только патроны без винтовки?**

– Пять патронов. Эти патроны мне спасли жизнь. Ушли. Это было часа в три-четыре 15-го. Смотрим – час нет, два нет. Всё, их нет и по сегодняшний день их нет. Куда они делись, я не знаю. Их нет по сегодняшний день.

– **А Вы остались с этой группой?**

– Я остался с этой группой. Нас было человек пятьдесят.

– **Что вы предпринимали?**

– К вечеру я говорю так: мы с такой группой не выйдем из этого котла, надо разделиться на мелкие группы по три-четыре человека в каждой группе, делитесь, как вы хотите. И они стали по землячествам, земляки: кто люблинский, кто – халмовский [хелмовский. – Р.Ж.] такие, они стали группироваться и уходить, уходить, уходить.

– Я же никого не имею, я же не польский. И один из Радома<sup>[463]</sup> тоже стоит, никого не было. Мы остались вдвоём. Смотрим: стоит мальчик, худенький, и его тоже никто не берёт, ребёнок. Ему было 15 лет, он был ещё худенький. Я говорю: «Давай мы ещё этого мальчика возьмём, он же пропадёт». – «Давай». – «Как тебя зовут?» – «Болек». И мы пошли. Пятнадцать дней мы крутились по лесам, искали партизан.

**– Не нашли?**

– Ничего не нашли. Первые шесть дней мы вообще не выходили из лесу – боялись, потому что немцы же окружили весь участок, искали беглецов из Собибора. К концу шестых суток и сил уже не было, голодные были, питались только ягодами, вся пища была – что найдём в лесу. В конце шестых суток мы легли втроём, апатия была полная, я даже посмотрел на ремешок – выдержит ли он меня. Апатия к жизни полная, равнодушие, было уже всё равно, жить или умереть, уже сил не было. Так мы легли на опушке леса, остались до утра, чтобы не ходить ночью. Подстелили ветки, уже был октябрь месяц.

**– Как долго вы лежали?**

– Всю ночь.

**– А утром?**

– Утром я проснулся, уже светлело. Смотрю – какой-то человек идёт из леса в деревню, там далеко была видна деревня. В эту ночь мне приснилась мать покойная. Когда я встал, увидел, какой-то человек идёт от леса в деревню. Мне надо было по надобности, пить мы пили, есть мы не ели, но пили. Мне надо было по-лёгкому пойти, и я отошёл в лес метра на три, на четыре, и смотрю – в кустах лежит что-то белое. Подошёл – вижу свёрток, завернутый в мешке от сахара, тонкий сахарный мешок. Я поднял это. Эллипсная такая форма, большое что-то, килограмма на четыре. Развернул – буханка хлеба. Я чуть не обомлел. Пошёл, разбудил их. Я забыл, как этого мальчика зовут, Дов знает. Дов, Болек этот, увидел хлеб, он чуть сознание не потерял.

**– Фрайберг?**

– Фрайберг<sup>[464]</sup>, это он был. Ножи были у нас. Я говорю – нет, стой, так ты умрёшь, если ты будешь кушать. Стал я резать по кусочечку. Мы уже никуда не пошли, нашли воду и стали понемножечку кушать и запивать водой. Так мы просидели несколько часов, понемножку ели хлеб, понемножку увеличивали долю и запивали водой. Потом уже мы пошли, это было уже на шестые или седьмые сутки. Пятнадцать дней мы добирались до Хелмских лесов. Там мы встретили двух братьев, которые убежали от Хелмского погрома, Юзека и Манека.

**– Фамилию не помните?**

– Фамилия их Серчак или Серчук.

**– А Печерского не встретили в то время?**

– Нет, Печерского я встретил уже в 1962 году. До этого, где-то на четырнадцатый день мы в лесу, уже под Хелмом, спали. Уже хлеб кончился, мы опять были голодные, и мне опять покойная мама приснилась. Утром мы видим – дорожка, и пошли по этой дорожке.

**– А сколько человек было в вашей группе?**

– Трое: я, Дов Фрайберг и ещё один парень из Радома.

**– Всего трое осталось?**

– Трое нас. Пошли мы по этой дорожке, вышли на полянку. Это после того, как мама мне приснилась. Смотрю – на полянке горел огонь – потухшие угли, вчера был огонь, и есть где-то люди здесь. Стал я по кустикам шнырять, смотрю – травой припорошен кувшин с горохом. Думаю – что такое? Здесь должны быть люди. Вдруг смотрю – выходит молодой парень, одет в фуфайку, подпоясанный. «Что ты хочешь?» – спрашивает по-польски. Я говорю – ничего. Тут Дов уже, Болек подключился, он ведь поляк. Тот понял, что мы из лагеря. Смотрим – с одной стороны выходит человек, с другой, кругом. Молодые парни выходят.

**– Партизаны?**

– Нет, это не партизаны, это были беглецы. Эти два брата, Манек и Юзек. Мы в этом лесу пробыли до... Мы в этом лесу вырыли блиндаж. В этом лесу были до нас лагерники, пришли четверо собиборовцев. И поляки напали на них и убили. Один спасся, прибежал к нам, в наш блиндаж.

Когда мы пришли, польские бандиты ушли, только трое трупов наших лагерников лежали возле блиндажа.

**– Как вы существовали в лесу?**

– У этих братьев было много знакомых. Его отец был большой коммерсант, Юзека и Манека отец, он торговал, он большой коммерсант, и у них была уйма знакомых. Они ходили по сёлам и покупали – то хлеб купят, то другое. Ещё узнавали, где поляк побогаче. И приходили ночью, забирали свинью и уходили. За счёт этого мы питались.

**– Сколько человек было в группе?**

– В нашей группе был я, Дов... после того, что поляки напали на нас и убили четверых, мы ушли из этого леса. Этот парень из Радома ушёл в Радом. Там были с нами чехи, чешские евреи. Двух убили, когда эти поляки напали и на наш блиндаж, они двух убили.

**– А Вы тогда удрали, когда они напали?**

– Когда они напали на тот блиндаж, мы пришли туда, уже никого не застали. Но мы ещё из леса не удрали. Потом, когда выпал первый снег, они по следам – у нас блиндаж был хорошо замаскирован – они по следам на снегу, что мы оставляли, мы же ходили, они пришли к нашему блиндажу. У нас один дежурил сверху всегда, после того случая, один всегда дежурил сверху. Нас было двое – я и Дов, Юзек и Манек и четверо из Чехословакии.

**– Откуда они взялись?**

– Они из другого лагеря убежали, чехословацкие евреи.

**– Тоже крутились в этом лесу?**

– Крутились с нами вместе, мы спали в одном блиндаже. Это был в воскресенье вечером, дежурил чех. Вдруг он кричит по-немецки – мы разговаривали по-немецки, они польский не знали – кричит: «Алеман раус!» Чех Корнишонер лежал ближе всех к выходу. Он выскочил, а у нас был выход через дупло, можно было только вот так поднять руку и вылезать, так просто нельзя было вылезти. Он только стал вылезать, ему разрывной пулей оторвало руку. Он уже в таком нервном шоке спустился в блиндаж, схватил топор и опять туда. Но они его тут же убили, вытащили. И к нам в блиндаж кинули гранату.

– Блиндаж был сделан – я же бывший военный, знал, как надо блиндажи делать – был вырытый блиндаж, а потом метр горловина и потом дупло,

вход через дупло. Они кинули гранату, и эта граната попала в горловину. Осколком ранило Шнабеля – второго чеха. Он лежал напротив горловины. Мы стали задыхаться от дыма. Они ещё взяли и кинули гранату и закрыли выход трупом Корнишонера.

– Мы стали задыхаться. Но они видят, что мы не выходим, они нам стали разбирать крышу, разгребать землю. Там у нас лежали брёвна. Я понял, что, если они достанут брёвна, они нас пристрелят как куропаток. Я вспомнил про эти пять патронов, что они у меня в кармане. Я палочку сломал из дерева, ветку, согнул пополам её, взял патрон таким путём, зажал, зажёл свечку и стал капсуль подогрывать.

Я думал, что быстро произойдёт взрыв. Секунд десять пришлось греть капсуль – и вдруг звук выстрела, как из пистолета. Там же разорвался порох. Нагрелся патрон и кусок попал Дову в ногу. Он кричит – я ранен! Я говорю – ничего тебе не будет. И второй патрон. Я три выстрела, три взрыва сделал. Они услышали, что я отсюда «стреляю», они же не знали, что я взрывы делаю, они думали, что я стреляю из пистолета. А раз пистолет... А поляки – трусы, они ушли и оставили нас в покое.

**– Поляки убежали.**

– Убежали. И вот эти патроны таким путём, если бы не эти патроны, они бы нас достали и перестреляли, как куропаток.

**– Что дальше было?**

– Мы ушли из этого леса.

**– Куда?**

– У этих Юзека и Манека их дядя жил в какой-то деревне, у него был свой дом на опушке леса, и мы туда направились. Они знали, что дом пустой, окна забиты. Мы дошли до этого дома, это было километров десять от этого места, где мы жили в лесу. Мы пришли ночью к этому дому, двери закрыты. Мы зашли пока в стодолу и стали рыть яму. Вернее, так: мы зашли в стодолу<sup>[465]</sup>, а Юзек и Манек стали стучать в дверь – узнать, кто там живёт. Мы видели, что окна завешены так, что кто-то есть там, Юзек и Манек стали стучать в дом, их пустили.

**– Кто жил в этом доме?**

– Жили две сестры двоюродные.

**– Еврейки?**

– Нет, полячки. Пришли Юзек с Манеком и говорят – там живут две женщины. Они согласны нас держать эту зиму.

– **Как они питались, как они существовали?**

– У неё мама была рядом в деревне, она ходила туда, брала немножко, вот так существовали.

– **Вы зашли в этот дом?**

– Мы зашли в этот дом. Там – что было у нас, что было у них – позавтракали, и они согласились нас держать всю зиму. Дом был на окраине села, 700–800 метров от опушки леса, это нас тоже устраивало. Мы прожили у этих полячек до апреля месяца 1944 года, март-апрель 1944 года.

Зимой, это было где-то в январе, в конце января, у нас кончился хлеб. Я, Дов и Манек пошли за хлебом. Нам надо было пройти лес и выйти на ту сторону леса, зайти к их знакомым и достать хлеб. Мы взяли мешок пустой и пошли. Ночь была тёмная и мы взяли направление на лес. Моросил мелкий дождь. Ну, сколько надо, чтобы пройти 700–800 метров, даже по болоту? Мы полями шли, а не дорогой. Ну, час, полтора, два. Мы шли два с половиной часа.

Леса нет. Значит, заблудились. Пошли направо. Идём опять два часа, леса нет. Идём влево. Мы крутились с семи часов вечера до пяти часов утра, мы уже падали с ног. Всё, больше не идём. Пять часов утра. Мы сели. Постелили мешок, сели втроем спина к спине и стали ждать утра. Я прикорнул чуть-чуть – всю ночь шли. Мне опять мама приснилась покойная.

Я проснулся и слышу собачий лай. О, собачий лай – пошли в ту сторону! Пошли на звук, ещё было темно, пять часов утра. Пошли на звук. Стали подходить, мы были у своего дома: откуда мы вышли, мы кружили влево, вправо и, в конце концов, мы очутились недалеко от нашего дома. Они нас увидели, мы им рассказали, посмеялись и всё, без хлеба остались. Потом пошли и, конечно, достали.

– **Как вы существовали дальше?**

– Дальше мы пошли к другим полякам, потому что они боялись нас держать. У них была уйма знакомых. Мы были в стодоле у одного поляка. Там же на зиму поляки грузят жито немолоченным, режут сечку и кормят коров этим немолоченным житом. Мы жили нелегально, хозяева не знали. Они знали только про Манека и Юзека, а я и Дов были нелегально. А потом

он стал сечку резать и зацепил меня вилой за пояс. Высветил меня. Ну, тот ему рассказал. Он не сильно сопротивлялся, поляк. Мы днём были в стодоле, а на ночь он нас забирал в дом.

– **Как долго вы были там у него?**

– Мы были до того, что жито стало такое, что в ней можно спрятаться, это уже был конец мая. Жито уже высокое. Мы ушли уже оттуда, а едой они нам помогали.

– **Вы не работали, не помогали в хозяйстве?**

– Нет-нет, Боже упаси, никто не должен был нас видеть. А дальше в июле месяце, когда наши советские полки перешли Западный Буг и приблизились к нам, Хелм освободили наши. Мы тут же поехали в Хелм. Я пошёл в комендатуру, сказал, что я бывший советский поданный, попал в плен такого-то, всё рассказал, как было: про лагерь, про восстание, всё. Меня проверяли в СМЕРШе дней двадцать. Это был СМЕРШ 69-й армии 1-го Белорусского фронта. И потом меня направили в 360-ю дивизию, 1078-й полк.

– **И направили на фронт?**

– На фронт.

– **Куда?**

– В действующую армию, я участвовал в форсировании Вислы. И на Пулавском плацдарме мы стояли до 14 января 1945 года. 14 января 1945 года мы перешли в наступление<sup>[466]</sup>.

– **В сторону Варшавы?**

– Нет, в сторону Радома, а потом мы свернули на Лодзь и прошли между Радомом и Лодзью<sup>[467]</sup>, пошли на Познань<sup>[468]</sup>. В Познани мы долго не могли взять Познанскую крепость, и в одном из уличных боёв в Познани я получил тяжёлое ранение правой руки. Я попал в Лодзь, в госпиталь.

– **Вы были в пехотных частях?**

– В пехоте, уже не в артиллерии, после плена меня в артиллерию не взяли, а взяли в обычную пехотную часть. Меня положили в военный госпиталь. Как все солдаты, я был в военном госпитале.



**– Сколько Вы лежали в военном госпитале?**

– В госпитале я лежал до конца февраля 1945 года, потому что у менягноилась рана. А потом я выписался и ещё участвовал во взятии Берлина, хотя был уже в нестроевой части. А из Берлина в октябре 1945 года я демобилизовался и поехал домой.

**– Вы приехали домой, а потом как начали встречаться с Печерским?**

– Я был живой, остался живой, рассказал своим близким и всё, дальше этого дело не пошло. И в 1962 году я случайно встретился с одним из Киева, рассказал всю эту историю, и в январе 1962 года он мне прислал вырезку из газеты «Комсомольская правда» «Конец Собибора»<sup>[469]</sup>.

Я прочитал, узнал, что Печерский живой, я написал в газету, просил прислать мне адрес Печерского, писал, что я один из активных участников восстания. Они прислали тут же адрес Печерского, я написал и получил письмо от Томина и Синельникова. Они готовили книгу о восстании в Собиборе, Томин и Синельников. Я им выслал все ответы на вопросы, что они дали.

А потом в 1963 году было 20 лет со дня восстания, мы встретились в Ростове, потом через пять лет, в 1968 году, было 25 лет со дня восстания, мы опять в Ростове встретились. Вот тогда съехались все шесть человек, которые остались в живых, съехались в Ростов. Это было 25 лет со дня восстания, 14 февраля 1983 года [так в тексте, ошибка записи. – Сост.]. С тех пор была постоянная связь с Печерским, постоянно каждые пять лет встречались.

**– Когда умер Печерский?**

– Печерский умер 18 января 1990 года.

**– Вы за это время сумели завязать какую-то связь с теми, кто живёт в Израиле, которые были в Собиборе?**

– Да, я узнал, что Дов живёт в Израиле.

23 февраля 1945 г. силами 1-й гвардейской танковой армии.

## **Что рассказывает герой восстания в Собиборе**

**Семен Розенфельд**

**[10 января 1963 г.]**

Я родился в Винницкой области Джулинского района, в местечке Терновка – 1922 года 14 октября месяца. Отец был портным, инвалид II группы, 27 мая 1942 года отец и мать расстреляны немцами в Терновке.

В 1940 году окончил Терновскую среднюю школу, в том же году меня забрали в армию. Военную службу начал в 150-м особом артиллерийском полку. Осенью попал в плен, 14 октября 1943 года участвовал в Восстании в Собиборе. После побега жил в лесу вблизи г. Хелм (Польша). Поляки хутора Янов помогали нам продуктами. В июле пришли наши. Я попадаю в 312 дивизию 69 армии на Пулавском плацдарме. 29 января 1945 года меня в Познани тяжело ранило, попадаю в эвакогоспиталь в г. Лодзь.

15 мая меня выписывают из госпиталя, и я попадаю в г. Берлин, осенью демобилизовался из г. Берлина.

После демобилизации, так как у меня три пальца правой руки не работают, я иду учеником фотографии в город Гайворон. Сейчас работаю заведующим районной фотографии. Женат, имею двоих детей. Военную службу я начал в городе Даугавпилсе (Латвия) в 150 артиллерийском полку. В апреле 1941 года наш полк переводят под город Минск. 28 июня, не вступая в бой, наш полк начинает отступать. Через 3 дня мы прямой наводкой подбили 12 фашистских танков. Всё время до пленения мы вели кровопролитные бои с фашистскими захватчиками. На границе Могилёвской и Смоленской обл[астей] я был ранен в ногу и контужен, когда я пришел в себя то понял, что нахожусь в плену.

Целый месяц нас гнали до Минска. Начали сортировку по национальностям. Евреев отделили, перевели в Минский концлагерь по улице Куйбышева. Первые 3 дня вообще не давали еды, а потом начали давать варёное просо. А в декабре нам начали давать по 150 гр. хлеба. Люди пухли и умирали с голода. Моё счастье, что я с раненой ногой попал к доктору Берману в изолятор. Благодаря ему я остался живой. В этом изоляторе у меня на руках умер кинооператор Ленинградской киностудии Гарелик /имени не помню/. Он был послан из Ленинграда в служебную командировку, где и попал к немцам. Первое время комендантом нашего лагеря был некий В. Городецкий (сынок одного белоэмигранта, который

имел в России до революции несколько заводов). Всю свою злость он выливал на нас. В этом лагере я пробыл до конца августа или первых чисел сентября 1943 года. В это время нас погрузили в вагоны и привезли в Собибур. Везли нас трое суток без воды и без пищи в запломбированных вагонах. Утром, на 4 сутки, наш эшелон загнали на территорию лагеря – это и был лагерь Собибор.

После выгрузки нас выстроили на площади и стали отбирать плотников, столяров, каменщиков и стекольщиков. Я и мой друг Саша Кучин<sup>[470]</sup> из города Киева вышли, как плотники. Всего 90–100 чел.

Нас повели в другую сторону или точнее в лагерь № 1 (смотрите план). В лагере № 1 нам приказали сесть на землю, так мы просидели до обеда. Никто к нам не подошёл, только наблюдали издали какие-то люди, а что за люди мы не знали. В обед нам принесли баланду и по кусочку хлеба. Когда мы пообедали, нас определили в барак, и лишь только тут мы узнали весь трагизм нашего положения. Когда мы спросили, куда делись наши товарищи по эшелону, нам указали на дым из большой заводской трубы и сказали, что это они горят. По правде сказать, тут мы и растерялись, но это было первое время. Мы познакомились с людьми этого лагеря, а люди были там со всей Европы. Наш эшелон был первый из России. До нас в лагере русских не было. Когда мы появились в лагере, весь лагерь преобразовался. С таким уважением они к нам относились. Мы ещё ни о чём не думали, а они (старые лагерники) нам говорили: «раз прибыли русские, то мы все будем на свободе», и в конечном итоге их мечты оправдались. В лагере было 400–500 узников. Работали мы по 10 часов. Там утром нам давали пол-литра кофе и 150гр. хлеба, в обед густой суп без хлеба, на ужин то же, что и на завтрак. После завтрака нас считали, выстроив на «Апельплац»(площадь для проверки), после проверки угоняли на работу – 100 чел. постоянно работали в лагере № 2 на сортировке одежды с убитых. Мы, русские, работали по строительству бараков и пекарни. Остальные были портные, сапожники, слесари, столяры и разные другие рабочие. Женщины были использованы для стирки и уборки офицерских и солдатских помещений. После обеда нас снова считали, а перед сном ещё раз проверяли. Они сильно боялись, чтобы никто из нас не убежал. Ведь это лагерь был закрытого типа, по принципу: кто туда попал, никогда в жизни живым оттуда не должен выйти. Припоминаю один интересный случай: в лагерь прибыли две площадки с кирпичом. Кирпич надо было разгрузить возле пекарни, которую мы строили. Расстояние от железной дороги до пекарни было приблизительно 500–600 метров. Нас построили чел. 300 из охраны взяли чел. 50 и расставили по всей трассе. Франц дал

команду «бегом» и начался сущий ад. Надо было бежать до площадки, получить 4 кирпича и бегом до пекарни, а полицейские по всей трассе подгоняли нас дубинками, и если кто упадёт, то пристреливали на месте. Площадки пустые, кирпичи все возле пекарни. Мы все мокрые от пота и крови, еле передвигаем ногами, а Франц нам приказывать строиться и вокруг площади гонит нас строевым шагом с песней. Я как раз стоял рядом с Шубаевым (он хорошо запевал) и я ему шепнул: запевай «Если завтра война», а он говорит: боюсь расстреляют, но потом всё-таки решился. И как бы мы не были измучены, но эту песню мы пели с таким наслаждением, мы все сияли от радости. Из караульного помещения выбежали полицейские, продажные отщепенцы, а это эта песня напомнила им о Родине, которой они изменили. На их лицах был испуг: думали, что советские войска пришли. Когда мы кончили эту песню Франц кричит, чтобы мы ещё пели. И мы запевали любимую солдатскую песню «Катюша», Ну, думаю, сейчас нас всех постреляют, но ничего, прошло и это.

Начальником лагеря был оберштурмбаннфюрер Берг. Низкого роста, толстый, взгляд пронизывающий. Его заместитель штурмбанфюрер Нейман – любитель верховой езды, по лагерю он разъезжал на лошади. Человек веселого нрава, всегда улыбался, с улыбкой мог просто подойти и расстрелять человека ни за что. Начальником караула был Грейшуц. Молодой, всегда с отличной выправкой. Два основных надсмотрщика Вагнер и Франц. Стоило Вагнеру заметить человека, который присел во время работы чуть-чуть отдохнуть, так добра не жди. Как бывший боксер он не признавал никакого оружия, но никто не выдерживал 5–6 ударов его кулака. После пятого его удара люди падали мертвые. Франц, наоборот никогда голой рукой не бил он с собой всегда носил огромный бич и за малейшую провинность бил до смерти. Ещё один вид наказаний у него был – «гыбкес-махес». Провинившийся должен набрать вещевой мешок с песком, надеть его на плечи и, вприсядку, с протянутыми руками вперёд, должен прыгать с одного конца площадки до другого конца, и, если кто не выдерживал и падал – пристреливал. Остальные надсмотрщики были более-менее лояльны.

Самый лучший друг мой ещё по Минскому лагерю это Саша Купчин. В Собиборе эта дружба еще больше укрепилась. Как жалко, что мне неизвестна его дальнейшая судьба. В самый последний момент он был возле меня (это было возле ворот лагеря № 1) и когда мы пошли на штурм основных ворот его куда-то не стало и по сегодняшний день не знаю, куда

он делся.

### **О восстании в Собибуре**

О том, что никто из нашего лагеря не выйдет живым, мы поняли, как только узнали назначение этого лагеря. Собибур это была фабрика смерти в прямом смысле этого слова. Туда привозили по 1–2 эшелона с людьми со всей Европы, то эшелон с французскими коммунистами, то эшелон с немецкими евреями, то эшелон из Голландии, то эшелон измученных партизан Югославии. Люди раздевались по 300 чел. в партии и отправляли в баню. Там вместо воды пускали газ. Спецкоманда у лагеря № 3 очищала баню от трупов и туда загоняли следующих. Одежду их тут же подбирали рабочий лагерь и на этом месте раздевались следующие. Этот лагерь тщательно охранялся. Было 400 узников, а охрана состояла из 15–16 немцев да плюс 200 полицаев. Кроме этого весь лагерь был обнесен 3 рядами проволоки трехметровой высоты с током высокого напряжения и минным полем в 25 м шириной. Когда мы всё это взвесили, то пришли к выводу, что бежать очень трудно, но надо. На нас, русских узников, смотрели как на бога и ждали от нас чуда. Саша Печерский был старше нас и годами и по званию, и ему мы дали карты в руки. В одной бригаде работали ещё А. <... > Шубаев (или, как мы его прозывали Кали-Мали), Цыбульский, Лейтман и ещё пара человек, не помню их фамилии. О том, что мы собираемся что-то делать, мы никому из узников не говорили, кроме русских военнопленных, так как мы знали результаты предыдущего двух групп, которые готовили побег и их выдали.

Вечерами группа Печерского собиралась в женском общежитии. Мне, Саше Купчину и ещё трём товарищам поручили охрану этой группы. В это время, когда совещалась группа Печерского, наша группа организовывала отвлекающие игры, танцы или песни и одновременно зорко следила, чтобы в это время в женский барак кто-нибудь не зашёл из надзирателей. Когда появлялась опасность, условным сигналом предупреждали группу. Женщины этого барака и сами не подозревали, что в их бараке решается вопрос их свободы. Много вариантов было продумано, но ни один из них не был нами одобрен. Кем был предложен последний вариант, мне так и неизвестно. Говорили, что этот план предложил один сапожник из Польши, фамилия которого мне неизвестна. За этот план мы схватились руками и ногами. Он был детально разработан группой Печерского и оставалось его только выполнить. А план был вот какой: на территории лагеря № 1 были разные мастерские – сапожная, портняжная и столярная. Основная задача, которая стояла перед нами – это уничтожить немцев в лагере тайно, в

течение часа перед концом рабочего дня. Их нужно было так уничтожить тайно, по одному, и чтобы ни один не догадывался, что другой уже мертвый. Как я упоминал, на охране лагеря ещё было 200 полицейских. Но они были нам не страшны. Один из полицейских, фамилию его не помню, тайно сообщил нам о том, что немцы стали им не доверять. Патроны выдают только тем полицейским, которые стоят на вышках, и тем, которые стоят у центрального входа и когда меняются патроны передают своей смене. Получается не 200 полицейских, а всего человек 10 с патронами, а остальные 190 человек, простите за грубость, могут только горобцам дули давать. Мы сделали арифметический подсчет, немцы будут убиты – останется 10 вооруженных полицейских, а у нас будет 14–15 пистолетов от убитых немцев и возможно 1–2 автомата. Всё было посчитано и взвешенно. Оперативный штаб во главе с тов. Печерским приступил к распределению конкретных заданий. Было организовано шесть групп нападений. Каждая группа имела свой определенный объект для нападения. Я был назначен командиром одной пятёрки. Туда вошли я, Саша Купчин, а остальных фамилий не помню. Наша задача была напасть на оружейный склад и раздать оружие всем узникам. Кто были командирами других групп я не помню. План уничтожения немцев т. Печерский, наверное, Вам подробно описал, и я думаю, что не стоит повторяться. Могу только добавить, что в день восстания Печерский подозвал меня и дал мне новое задание. Франц должен прийти к нам в столярную 4 или полпятого вечера, чтобы принять шкафы, которые мы там сделали, и мне было поручено убить его. Я очень тщательно подготовился к выполнению этого задания. Наточил хорошо топорик, выбрал удобное место для нанесения удара, но гад не пришёл. Ещё по сегодняшний день жалею об этом.

По-моему, первая жертва наша был не Берг, а Нейман. Помню, как сегодня это было, мы стояли у окна в столярной мастерской, а напротив была сапожная, портняжная мастерские, время было без пяти минут четыре, а в 4 начало восстания. Ровно в 4 заезжает верхом на лошади Нейман. Ехал к мастерской, слез и вошел туда. Прошло минут пять из швейной вышло двое мастеровых. Один взял лошадь и повел куда-то между барakov, а второй направился к нам в столярную, подошёл к Печерскому, вынимает из кармана пистолет и торжественно вручает ему. Мы все поняли и со слезами на глазах начали целовать друг друга. Колесо нашего восстания задвигалось. У дверей столярни поставили вооружённого человека. Его задача была всех впускать, а выпускать только по паролю. Это было сделано для того, чтобы никто не смог нас выдать. Ведь в столярне были такие люди, которые и не подозревали, что мы готовим

восстание и, когда стали приносить в штаб пистолеты, они удивлялись. Мы ждем сигнала для наступления. Все группы готовы, оружие было распределено по группам, а сигнала нет и нет. Каждая минута – час. А людей со второго лагеря нет. Без трех минут пять врывается в столярню, Шубаев из пистолета стреляет вверх и тут заварилась каша, все наши планы поломались, началась паника, чего мы больше всего боялись. По нам застрочил пулемет. Все пустились к центральным воротам, создается давка, каждый хочет дыхнуть воздухом свободы. И, наконец, долгожданный лес, лес свободы. Самому не верилось, что мы на свободе. Под самым лесом мне прострелили мякоть правой ноги выше колена, добежав до леса я наскоро перевязал своей нательной рубашкой ногу – и дальше бежать. Возле меня был 15-летний мальчик Болик (Польша), нога не давала идти, гноилась. Четверо суток мы с ним были без куска хлеба, жили на одной землянике. На 12 сутки мы еле добрались под Хелм. В лесу, в 5 км от Хелма, мы встретились с двумя братьями Юзык и Маник, фамилии не помню, бежавших от немцев. Вместе мы стали жить в этом лесу. Нога у меня всё время гноилась, медикаментов никаких не было. Тут ещё открылась рана на левой ноге (рана с которой я попал в плен). Если бы не эти два брата, я пропал бы. Постоянно нам помогали поляки, из хутора Янов один поляк, мы его почему-то называли Николай. Когда пришли наши войска, я тут же к коменданту г. Хелм и он меня направил в «фильтра-лагерь» при 69-й армии. После проверки меня направили в 312-ю дивизию рядовым. Репрессиям не подвергался. В настоящее время поддерживаю связь только с тов. Печерским. Кроме тех документов, что Печерский мне прислал, других не имею. Высылаю вам фото с марта 1945 года во время пребывания в госпитале. Случайно на улице встретился с тем мальчиком из Собибура, о котором я писал вам раньше. Я недавно смотрел чехословацкий кинофильм «я пережил свою смерть», я подумал, если бы сделать фильм про наше восстание было бы куда лучше, чем у них. Ведь пропадет даром такой материал. Если вы находите нужным, то поговорите с кем следует, и я вместе с Печерским поможем Вам во всём. С уважением (подпись).



## **«У меня лично не было оружия, только лопата»: Воспоминания Алексея Вайцена**

Вниманию читателя представляются отрывки из интервью Алексея Ангеловича Вайцена (1922–2015), одного из участников восстания в Собиборе. Он родился в еврейской семье в д. Григорево Станиславской области. Тогда эта территория входила в состав Польши. Вскоре семья переехала в Ходоров, в 70 км от Львова. А.А. Вайцен начал учиться в польской школе, а закончил уже советскую: в 1939 г. эти территории вошли в состав УССР (СССР). В начале 1941 г. он был призван в Красную Армию (244-й полк 41-й стрелковой дивизии), а потому с первых дней Великой Отечественной войны находился на передовой, участвуя в боях на Юго-Западном фронте. В августе попал в плен, затем совершил побег, после опять был схвачен и вместе с другими евреями отправлен в Собибор, куда прибыл в мае 1942 г. А.А. Вайцену повезло: ему сохранили жизнь. В лагере смерти он провел больше года, а в октябре 1943 г. присоединился к участникам восстания под руководством А.А. Печерского. После перехода Буга стал партизаном. Сначала в отряде им. Ворошилова, затем зачислен в состав отряда им. Фрунзе бригады им. Сталина. В апреле 1944 г. район действий партизан был освобожден Красной Армией. А.А. Вайцен служил в 239-м гвардейском стрелковом полку 76-й гвардейской стрелковой дивизии (2-й Белорусский фронт). О проявленной доблести свидетельствуют следующие боевые награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу», орден Славы III степени, медали «За освобождение Варшавы», «Партизану Великой Отечественной войны» I степени, «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

В июле 1946 г., во время кратковременного отпуска на родину, А.А. Вайцен узнал, что его родители, братья и сестры были расстреляны в Ходорове в 1942 г. Младший брат Шмуль погиб во время восстания в Собиборе, уже вырвавшись за пределы лагеря вместе с Т. Блаттом. Об этом К.А. Вайцен узнал только в 1960-е гг. После возвращения в часть он остался в армии в воздушно-десантных войсках. Демобилизовался в звании капитана.

С 1966 г. жил в Рязани, работал в Рязаньэнерго. Выступал свидетелем по делу бывшего «травниковца»-охранника Собибора и других концлагерей Ивана Демьянюка в 2009–2011 гг. Умер в 2015 г. В октябре 2018 г. в Рязани

на доме, где жил А.А. Вайцен, и в здании Рязаньэнерго, где он работал, установлены памятные доски. Посмертно награжден польским Кавалерским крестом ордена «За заслуги».

14 сентября 1995 года А. А. Вайцен дал видеоинтервью для Фонда Стивена Спилберга в рамках проекта «Пережившие катастрофу» («Survivors of the Shoa»). В настоящее время эта запись хранится в Архиве Фонда Шоа – Института визуальной истории и образования, Университет Южной Каролины (интервью № 4412). Копия предоставлена Научно-просветительным Центром «Холокост» (Москва). Интервью берет М. Богин. Ниже мы публикуем отрывки, которые посвящены тем аспектам, на которые далеко не всегда обращают внимание при изучении истории Собибора, а именно: каким образом узники, в частности А.А. Вайцен, попали туда и что происходило сразу же после побега. Набор текста и расшифровку интервью осуществила Т. Радайкина.

Началась война, подняли нас в 3 часа утра, немцы начали в четыре часа утра – в полпятого обстреливать нас. Мы схватили оружие, нашей части не было, нас стали группировать. Немец пошел к Равве-Русской<sup>[471]</sup> через два дня мы уже ушли от Раввы-Русской. Двигались полностью до пока я не был ранен (это было в августе 41 года у станции Христиновка <нрб.> района Киевской области<sup>[472]</sup>). До этого мы отступали на Львов<sup>[473]</sup>, со Львова мы пошли, обойдя Ходоров<sup>[474]</sup>, на Тернополь<sup>[475]</sup>, от Тернополя на Каменец-Подольский<sup>[476]</sup>, оттуда на Винницу<sup>[477]</sup>. В Виннице уже говорят «немец – всё». Мы все уходили от немца. Только зайдем оборону – он уже впереди нас. Поэтому, когда раньше все это делал, надо было собирать взвод стрелков. Сколько там командиров было – это просто через каждую неделю, как меняем позиции – другой командир взвода – кого убили, кто ушел, кто как и мы так мы двигались до тяжелого ранения, которое я получил в августе месяце 1941 года.

**– В процессе отступления бои были или вы только уходили?**

– Мы только уходили. Только копаемся, бои были, а мы в пределах пятнадцати-двадцати – это взвод в основном. Мы отступали. В бой мы не вступали ни разу, ни разу не могли вступить в бой. Только как будто вступить и сразу мы уходили, враг-немец нас обошел и находится сзади.

**– И где для вас, для вас лично был первый бой?**

– Первый бой был у нас, не доходя до станции Христиновки. Был первый бой, потом артобстрел, где я был ранен.

**– Что за ранение?**

– Ранение я получил в лицо. Все части ушли, я истекал кровью, одна старушка подошла, и, я сейчас уже это признаю, взяла ржаного хлеба, приложила мне и остановила кровь. Я потерял очень много крови и после этого дела и сейчас, если порезал палец или что – я обязательно хлебом – сразу и кровь перестает идти.

Оттуда, когда нас подобрали и в Умань <sup>[478]</sup> – был кирпичный завод в эту яму нас загнали, несколько сот тысяч человек, под палящим знойным солнцем...

**– А вот вы остались на этом поле? На поле старушка вас нашла?**

– Это был артобстрел недалеко от станции Христиновки, я лежал, истекал кровью, наши отошли. Старушка проходила мимо и видит, что я дышу еще. Она быстренько пошла рядом с ее домом от станции, она принесла хлеба, остановила мне все это дело, перебинтовала, глаза затекли от ранения

**– Вы продолжали лежать или вы встали?**

– Когда она меня подняла, кровь остановила, тогда стали собирать пленных, сдали меня в лагерь на кирпичный завод. С кирпичного завода украинцы стали выкупать женихов, собственно говоря. Там ставили этот лагерь, брали на работу и мне удалось сбежать. Я сбежал.

**– А сколько вы в лагере пробыли?**

– В этом? Два дня в Уманьском, потом я сбежал.

**– Как вам удалось это? Как это происходило?**

– Вывели в город на уборку. Я ушел. Чем оно кончилось потом? Многие бежали.

**– А вас не охраняли, когда выводили на уборку?**

– Выводят 40–50 человек, находится там один полицейский или еще кто, дают участок. Там легко можно было уйти. Потом уже тяжелее было. Но мы собрались те, кто служили в западной Украине – русские там с других полков, дивизий, взводов и рот – собрались несколько тысяч человек и стали уходить в леса.

**– Вместе с ними вы и убежали?**

– Я убежал один, потом остановился у одного хозяина, он мне рассказал: «Нельзя держать военных», в гражданку меня переодели, побрили наголо, потому что я не военнопленный, а арестант, я сидел в тюрьме. Благодаря этому мне удалось выйти из города.

**– Что это за человек был, который вас переодел?**

Я сейчас его не помню. Еврей. Еврейская семья. Они жили, на них экзекуции еще не было. Их тоже выводили в город на уборку уже, надевали на рукава звездочку эту еврейскую и выводили на уборку. Убирали территорию, убирали это здание, разрушенное от боя в Умани. И я при их помощи узнал, где мы находимся и мы с этими ребятами встречались

**– Алексей Ангелович, извините, а как получилось, что вы вышли именно на этого человека?**

– В городе тоже были евреи. Забежали домой к нему.

**– Вы знали, что вы в еврейский дом идете?**

– Я знал, что это еврейская семья. Они многих скрывали. Их брали на день на работу, а вечером поле работы отпускали в начале домой, а наших пленных вели в лагерь. Мне удалось бежать благодаря человеку, который убирал со мной. Он мне показал, в каком направлении бежать и как, рассказал, пока мы убирали. Я ушел. Потом где-то в декабре месяце начали организовывать партизанские отряды в лесу. Мы двигались ближе к Западной Украине с Умани в лес. Там нас поймали, выдали и посадили нас. Я сказал, что я иду из тюрьмы. Не сказал, что я военнопленный. И меня посадили в тюрьму для следования. Держали меня 10 или 12 дней.

**– Давайте вернемся немного назад. Вот вы ушли в лес. Группа... что это были за люди рядом с вами?**

– Разные люди со всех концов

**– Кого вы вспоминаете? Кого вы помните? Опишите их, пожалуйста.**

– Я вспоминаю ребят, с которыми я был, которые служили в Западной Украине – офицеры, сержанты. Мы познакомились в лесу. Сначала друг друга боялись. Потом, когда узнали, кто откуда, признали друг друга. Потом украинские националисты нас выдали.

**– Сколько времени вы провели в лесу?**

– С конца августа до декабря месяца. С момента, когда мы ушли оттуда, побег – два дня, потом мы были в городе, нас завели за город и мы шли в направлении лесов.

**– Почти полгода надо было как-то питаться, одеваться, спать где-то, греться. Как это происходило?**

– Там земляночки сделали, связи не было, радиостанции не было, у каждого было свое ружье. Их отбирали в первую очередь и каждый имел свою винтовку. Где-то доставали, где-то мы задержали полицейских, где-то отбирали. Еще в этот период, в начале можно было это делать. Так и жили. Ближний хутор, ближняя деревня – по очереди ехали, привозили продукты, хлеб, мясо привозили. Так вот и питались.

**– И люди просто добровольно отдавали такие продукты?**

– Приходили, отдавали, пока не попались такие националисты, которые предали, окружили.

**– Наверное, иногда приходилось как-то и силой отбирать эти продукты?**

– Силой не приходилось, потому что народ более-менее отдавал то, чем мог делиться. А что не мог, винтовка она все могла взять. Потому что вооруженных людей все-таки в какой-то степени боялись. Поэтому и понимали это дело, что люди должны кушать. Кто чем мог, тем делился. Картошку брали, муку, крупу, мясо, то другой раз берем и баранчика или полкоровы, которую можно было унести. Имели свою повозочку, свою лошадь. Три-четыре человека выезжали. Собираем то в одном месте, то в другом месте, то в третьем. Вот так мы питались до мая 1942 года, это где-то в апреле месяце, когда нас выдали в декабре. Нас взяли, мы опять сбежали. И вторично, когда попали я уже попал, как арестант в тюрьму.

**– Алексей Ангелович, а что за землянки были, в чем вы жили до декабря?**

– Ну там же лес. Взяли пилы, вырыли землянку, сруб сделали, достали в деревнях буржуйки-печки, дров. Нельзя было жаловаться. Вот мы так и жили.

**– Какие-то боевые действия ваша группа совершала?**

– Никаких боевых действий мы в тылу не могли совершить. Только то, что мы полицейских могли убить, забрать оружие. Мы охотились за полицейскими

и эти, которые в гарнизоне, там было в первую очередь. Там два-три немца где-то в комендатуре. Но мы были в деревнях. В деревнях были полицаи.

– **Большая группа была?**

– Там было много в лесу разных.

– **Та группа, в которую вы входили?**

– У нас было 12 человек.

– **Евреи еще были в этой группе кроме вас?**

– В этой группе никаких евреев не было кроме меня.

– **А в лесу вы встречали евреев?**

– Там они были отдельными группами. Но это уже не были военнопленные. Те, которые ушли из города, – стали преследовать их, стали гетто делать, и они, организуя отпор, ушли в лес. Но им лучше было, они подготовились. Вначале все это, пока это гетто было. Гетто...в 42 году, когда меня выпустили из тюрьмы, я жил там у одного гражданина ...

– **И вот с августа до декабря вы жили таким образом, какой вы описали. И вы сказали, что вас выдали. Кто вас выдал?**

– Выдал тоже полицай. Но гражданский этот. Подкараулили нас, куда мы приезжали. Так напасть на нас не могли. Все-таки три-четыре человека, мы ехали на повозке, собирали продукты. Боялись нас. Было два случая, когда напали на нас, но мы отстрелялись. Успели уйти. Одного убили полицая. Потом полицая взяли, чтобы он рассказал всю историю: где комендатура, кому они подчинены. Все это было так, потом они сидели, так, сложа руки. Только кушали и собирали людей. Вы представляете, в партизанских отрядах были свои рации, имелись особые задания. У нас этого не было.

– **И вот когда вас выдали, вас где, собственно, взяли? В лесу?**

– Не в лесу. Мы как раз за продуктами поехали и окружили и взяли нас. Засаду сделали.

– **В каком районе это было?**

– Ближе к Тернополю. Мы уже успели уйти.

– **И куда вас повезли?**

– Нас повезли сразу в полицейский участок. Всех расспросили.

**– В деревне?**

– Да. В каждой деревне был свой полицейский участок. В подвал нас затащили, а потом стали выводить. Как сегодня я помню, меня вывели, чтобы расстрелять. И когда вывел этот нас, я успел уйти от старика-полицая.

**– Как это могло получиться?**

– Я шел впереди, он шел со мной наготове этот. Я как спортсмен был. Рывок сделал, влево-вправо стал уходить, он стал стрелять. Он был такой стрелок, который вообще ничего не видит. Я считаю так. Или не хотел меня убить. По-разному. Он мог сразу расстрелять. Вывел меня за деревню. Я успел уйти в этот период.

**– Но он стал стрелять. Выстрелы могли услышать другие, броситься в погоню.**

– За городом там никто. Там вооружили летом полицейских, чтобы они могли выводить и расстреливать. Там еще не было погони. Их на участке было по четыре-пять человек полицейских в деревне. Так что мы города избегали.

**– И куда вы убежали из этой деревни?**

– Опять в лес. И вторично, когда мы уже поехали, был апрель месяц 42 года, когда сделали засаду. И пошли нас взяли. Когда я сказал, что сидел в тюрьме, меня взяли, посадили в тернопольскую центральную тюрьму. В город, увезли в тюрьму.

**– А где засаду сделали?**

– Где-то в деревне, когда мы поехали за продуктами. Деревня была большая. Видимо, кто-то нас выдал. Кто выдал, я так до конца не узнал. Две недели просидел в тернопольской тюрьме, связи у них не было еще с нашим городом, откуда я был, с городом Ходоровом.

И следователь, который видел это дело, смиростивился ко мне. Видел, что я был невысокого роста, худой весь – кожа и кости, и отпустил. Сказал другому: там разберутся. Придет домой, и разберутся, кто, в чем виноват в своем городе.

**– А что вы ему ввали про уголовника?**



– Когда в Умани была тюрьма, там было это дело. За что я был арестован: за спекуляцию, за воровство на три года. Там была статья. Я уже не помню, какую статью я им сказал. Мы знали это дело, потому что мы готовили себе алиби. А он не мог проверить, потому что до Тернополя было далеко, связи еще междугородней не было. Мне повезло со следователем. У него и политические сидели, и другие сидели. Ему было интересно не с нами возиться, с пацанами.

**– Сколько вы пробывали в тюрьме?**

– Две недели.

**– А много допросов было за это время?**

– Четыре допроса. Сначала немножко избили, потом увидели, что я одно и то же говорю. Видимо, в камере, в которой мы сидели – 12 или 15 человек – я не открывался, все твердил одно, что уголовник. А уголовников они не искали. Только тех, кто был командиром Красной Армии, коммунистов, комсомольцев они искали. У меня документов [с] собой нет. Я их все порвал.

**– В камере сидели тоже уголовники?**

– Там разные сидели. 12 человек. Каждый день вызывали, приходили избитые все и потом где-то через неделю меня выпустили, не нашли ничего против меня. Избили, пытали, а я твердил свое: «Делайте запрос. И вы узнаете, кто я такой. А дальше что вы меня держите, что с меня? Я не комсомолец, не партийный, я – пацан. Попался я за кражу». И все. Следователь выпустил меня и одна семья меня приняла.

**– В Тернополе?**

– В Тернополе.

**– А что за семья была, которая вас приняла?**

– Там тоже один рабочий человек, который не работал уже – старик, принял меня. Кормил меня где-то дней 8–10, потом облава на город. Стали организовывать гетто, в город стали сгонять. И нас собрали всех и посадили.

**– Это был ваш знакомый человек?**

– Нет.

**– А как вы его нашли?**

– Вышел из тюрьмы. Куда идти? Остановился, все-таки я соображал. Поговорил, так и так. Он меня приютил. В городе я прописки не имел, документов никаких нет. Там людей вывозили, всю округу на работу на железную дорогу, которую восстанавливали, которая была разрушена. И потом стали забирать, посадили и увезли.

**– Вам не кажется странным, что человека, выпущенного из тюрьмы встречает совершенно посторонний человек и ведет к себе домой?**

– Он не вел. Я сам к нему подошел. Я ему не объяснял, что я из тюрьмы. Я говорил, может быть мы свяжемся с твоей Родиной. Все-таки у них община была.

**– Это был еврей?**

– Еврей.

**– А вы понимали, что это еврей, когда к нему подошли?**

– Как же. Сразу «р» не выговаривал, и я понял. Там в Тернополе очень много евреев, вообще в Западной Украине евреев много жило. Когда стали расстреливать, <нрб.> стали брать, орудуют оуновцы. Вы представляете, бандиты, украинцы-националисты. Безусловно, каждый старался кого-то приютить, сделать что-то доброе. Но потом стали помаленьку.

**– Вы ему признались, что вы еврей?**

– Ну конечно я признался. Сказал, откуда я. Все ему рассказал. Ну, побыл у него временно. А когда ловили, нас окружили и в эшелон.

**– Вас выпустили из тюрьмы. Это какой месяц был?**

– Апрель месяц.

**– Какой год?**

– 1942 год.

**– И вы пробывали еще в Тернополе...?**

– Восемь дней я здесь еще пробыл, и на эшелоне погрузили в мае месяце, я не помню, 10-го или 15-го привезли нас, везли нас две недели и привезли нас в Собибор.

**– Все-таки как происходила эта облава?**

– Мы походили по квартирам, кто сумел спрятаться... Но брали в эшелон, возили, уничтожали евреев.

– **Эта была первая облава в Тернополе или до этого были?**

– Этого я не знаю – до этого были или нет, но я попал под эту облаву, и целый эшелон погрузили. Евреев, наверное, человек 700.

– **Вы не помните, в какое время дня это началось?**

– Это началось с утра.

– **Рано утром?**

– Да, и весь день до четырех часов шла эта облава, потом еще привозили на железную дорогу.

– **Вы не помните, когда это началось, вы еще спали?**

– Нет. Не спал уже, но бежать некуда было. Мы старались, но бежать некуда было. Все дома евреев были окружены.

– **А как вы обнаружили, что все окружены?**

– Все-таки я военный человек, я же что-то соображал уже в это время.

– **Вы что-то увидели такое?**

– Увидели. Мы сначала думали, что нас собирают в гетто везти. Но еще гетто не было. Потом остальных (когда я уже уточнил у тех, кого еще привозили из этих краев) поселили на одну улицу в дома с колючей проволокой. Они работали там, уже своя администрация была, своя полиция была еврейская, которая водила людей на работу.

– **Это уже было потом?**

– Потом. Я это дело не испытал.

– **А когда шла эта облава, они кого-то отбирали? Стариков, детей, какие-то категории...?**

– Ничего такого не было. Всех брали подряд. Семьями забирали, вытаскивали тех, кто сумел спрятаться: в подвале, были такие, которые через шкаф забирались вниз. А уже в четыре часа, когда прекратилась эта облава, все ходили, и жизнь шла своим чередом. Ну это жутко.

– **Когда вас вытащили [от] туда, вы сказали, что было все окружено. Это значит, не одна квартира была, где жили евреи.**

– Нет. Район был окружен. Тут и полицаи были, которые знали все еврейские семьи.

– **Т. е. это был еврейский район?**

– Не только еврейский, но знали, какие семьи были еврейские. И шли напрямиком в еврейские дома. Поэтому те, которые оставались, которым потом стало известно все, они наживались, забирали все имущество себе.

– **И вас вытащили вместе с этим человеком, который вас приютил?**

– Да, всю семью: жену, двоих детей. И все мы попали в Собибор.

– **Но все-таки сначала из дома вас куда потащили?**

– На железную дорогу.

– **Сразу?**

– Сразу. Там уже стоял эшелон с товарными вагонами в тупике. Как привозили, сразу всех в эшелон пихали. По 70–80 человек в вагон.

– **И куда вы попали?**

– Попал в вагон, не помню в какой, и попали в Собибор через 10–12 дней пути. Кормить – не кормили.

– **Семьдесят человек в вагоне я плохо себе представляю...**

– Стоя стояли, чуть-чуть прижимались друг другу. Когда открывали вагон – половина мертвых, обессиленных людей. А потом, когда нас вытащили, там построили на плацу...

– **Прошу прощения, но 12 суток даже самый здоровый спортсмен-футболист вряд ли выдержит стоя.**

– Выдержали. Друг на друга ложились по очереди.

– **Вы вспоминаете кого-нибудь, какие люди были с вами?**

– Откуда? Я никого не знал в этом городе.

– **Но в вагоне вы могли кого-то увидеть?**

– В вагоне кого так называли, кого – так. Неизвестно кто были: дети, старики, женщины. Всех грузили. Нагрузили и все. Говорят: «Вас везут на

работу в Германию».

– **В вагоне были и мужчины и женщины?**

– И мужчины, и женщины, да.

– **И молодые, и старые?**

– И молодые, и старые, и дети.

– **Как кормили вас в дороге?**

– Никто не кормил. То, что захватили, – ели. Где останавливались, там подавали воду, и то не всем хватало. Когда нас окружили, сказали забирать все самое необходимое. Кто что захватил из дому: тряпки свои, белье.

<...>

– И потом началась жизнь лагерная в Собиборе. Немец держал перед нами речь сначала: «Вы извините, но война идет. Гитлер решил подарить вам жизнь. Вы сюда приехали работать и будете работать». Выдали всем полотенца, мыло туалетное, смену белья. Женщины в одну сторону, дети в другую сторону, старики в третью сторону. «Вынуждены вас остричь» (женщин). – Если имеете золото, уложите отдельно». Потом выдавали квитанции. Давали открытки, чтобы «писать, куда вы хотите писать, по адресу». Но никуда все это не доходило, это все был только сплошной обман. Бараков сначала не было, только начали строить эти бараки, колючей проволокой стали обносить. Я приехал, там уже были с ближних районов Люблинского воеводства человек пятьдесят. И потом каждый раз, с каждым эшелонам, где-то 5–10 человек пополняли.

<...>

– **Когда вас привезли в лагерь?**

– Где-то в середине мая месяца 1942 года. Отобрали нас 12 человек по профессии. Портные нужны были им, сапожники. Я рекомендовал себя как портной. Из меня портной... мог я иголку в руках держать, штопать я мог и всё. Разместили нас в лагерь, остальных повезли в третий лагерь, где их сначала расстреливали первый 42-й год, выкапывали рвы и всё. В дальнейшем (конец 42-го, 43-й год) там уже установили газовую камеру, где барак (это газовая камера), в который пускали газ от танка Т-34, и в течение 4 минут люди, которые там были, умирали. Пол поднимался, на вагонетки их и везли к костру, укладывали их не в нашем, втором лагере, а в третьем лагере. Мы занимались тем, что сортировали, вагоны разгружали, делали уборку, чистили обувь, кто в мастерских работал, кто на новых

бараках (их стали строить посреди 43-го года, хотели сделать склады оружия). И вот, начали выкапывать рвы, и каждый день – это смрад. Ветер как подует в нашу сторону, дышать нечем. Лагерь был обтянут колючей проволокой под током, ров шестиметровый, наполненный водой. В нашем лагере только одни узники, а ближе к воротам размещался караул из полицаев украинских и 12 или 15 офицеров СС, которые руководили всем этим. Каждый имел свой участок: кто отвечал за ремонт, кто отвечал за сортировку вещей, кто принимал золото, драгоценности, кто отвечал за склады, где отдельно обувь складывалась – женская, детская, мужская. Волосы, которые состригали, их тоже упаковывали, потом эшелоны подавали, все это грузили, отправляли в Германию. Вот таким обманным путем. Там еще была команда (я в ней не был, но мы знали, делились), которая принимала людей, очищали вагоны и помогали людей вытаскивать, потому что в каждом вагоне было обязательно человек 10–12 мертвых. Их надо было вытаскивать, некоторые не хотели идти – по-разному было. Даже один случай был: Ноймана, замкоменданта лагеря, соседку, тоже привезли из Германии. Он Френцелю махнул: ее – отдельно, ее – не надо, и потом ее отдельно расстреляли. Но там все было сделано так, что там ничего нельзя было узнать. Мы рассчитывали, что из мастерских сделаем подкоп, иначе всех расстреляют в лагере. Просто когда приехала группа из Минска во главе с Печерским, он присмотрелся. У нас тоже была своя группа, в которой думали подкоп делать. Я в ней состоял. Многие у нас бежали из лагеря, когда выводили на заготовку дров, в леса бежали. Всех их расстреляли, и каждого второго в лагере расстреливали. Выстраивались на «первый, второй, третий – выходи». И этот был у нас, самый страшный, этот руководил нашим лагерем, ответственным был Френцель обершарфюрер. Он остался жив. Он нажирался пьяным. В назначенное время, немцы приходили смотреть, как идет строительство, посоветоваться, кому приготовили пальто, кому кожаное пальто достали, кому сапоги сшили, кому костюм сшили. После приезда в 43-м году Гимmlера в лагерь, ему показали, привезенных из Польши девочек – одна красивее другой, и показали весь ход уничтожения.

**– Я не понял, причем здесь девочки-красавицы?**

– Ну, показать, что эсэсовцы даже перед такими красавицами не остановятся, когда нужно уничтожать, что они преданы.

**– Куда привезли девочек?**

– Сюда, в Собибор. Приехал Гиммлер туда. И ему показывали весь ход работы с момента приезда эшелона до уничтожения. Он похвалил их, они получили ордена, получили право получать отпуска после его отъезда, поэтому они стали уже собирать вещи, разрешали им шить отдельно одежду, этим немцам, и сапоги. Им разрешалось уже и посылки отправлять.

**– Алексей Ангелович, а как вы узнали о том, что приезжал Гиммлер?**

– У нас все бараки закрыли, и только взяли стричь этих девочек, а дальше, когда их туда повели, мы уже не пошли туда. Из второго лагеря, где их остригли, повели в газовые камеры. Мы сразу увидели порядок. Никого не выпускали из казарм, никаких работ уже за два дня, особая охрана приехала. Потом мы узнали от полицаев, что приезжал... Гиммлер.

<...>

– Я пошел со своей группой на проволочное ограждение около домика направо, а Печерский пошел со своей группой прямо на ворота<sup>[479]</sup>. И тут из дома выскочил Френцель, который начал стрелять. Наши, которые имели в распоряжении три винтовки, стреляли по вышкам, чтобы не давать им вести прицельный огонь.

**– У Вас было оружие к этому времени?**

– У меня лично не было оружия, только лопата. У нас было всего-навсего три пистолета и три винтовки. И, кроме того, что мы уже через проволочное ограждение вышли, через ворота вышли, мы должны, мы должны были преодолеть бегом расстояние 500–600 метров поля, чтобы уйти в лес. Спасение, что уже под вечер пошел моросящий дождь. Прицельный огонь нельзя было им вести, и мы успели. Многие были ранены на этой полосе, которую мы проходили из лагеря. Потом мы вошли в лес. А в лесу с такой группой уже идти нельзя было.

**– Вы сказали, что многие погибли, когда шли до леса. От чего погибали?**

– Полицаи стреляли со всех сторон с вышек. Они не пошли с нами, а стали убивать нас.

**– Но если у них было по три патрона всего?**

– Ну, может быть, было и больше, но в караульном помещении больше не было. Но у них была возможность, пока мы там были, здесь и организовать все. По крайней мере, на пост больше не давали. Ну у них были винтовки,



не автоматы. И что характерно: когда мы вошли в лес (это было уже около пяти часов вечера), и приняли решение, что такой командой нельзя. И стали разбиваться по группам. Я вошел в группу Печерского. Я вошел, и Вайспапир вошел, и другие ребята вошли. Там Литвиновского не было – он был в другой группе, потом он попал в отряд. И Розенфельд, который сейчас выехал в Израиль, он тоже не был в нашей группе. А те, которые были в нашей группе, сейчас живые и находятся в России – я и Аркадий Вайспапир. Что характерно, мы всю ночь шли, мы думали, мы отошли от лагеря километров 30–40. Оказалось, мы на окраине рва третьего лагеря. Погоня была дальше устроена и здесь нас не достали. Около лагеря не искали, пошли вглубь.

**– Вы специально пришли к этому месту?**

– Нет, не зная, куда идти и где мы находимся. Ни карты, ни компаса – ничего. Пошли по лесу, вглубь леса, чтобы выйти, думали, что всю ночь идем, а мы-то кружили. Вышли – окраина третьего лагеря.

<...>

– В эту же ночь в деревню приехал патруль из отряда партизанского и нас забрали в лагерь к партизанам. В сам лагерь не пустили, мы на окраине этого лагеря находились. Послали разведку, уточнить, правильно ли мы докладываем или мы подсланы. Вернулась разведка, доложила, что все правильно. Потом мы участвовали в переходе из-под Бреста в деревню Сварынь <sup>[480]</sup>, участвовали в боях, проходили железную дорогу, и потом нас там разделили по разным отрядам. Я и Аркадий Вайспапир попали во Фрунзенский отряд, в Щорса попал Печерский, и так все были в разных отрядах. После партизан попали в действующую армию.

**– Когда вы попали к партизанам, они понимали, что вы – евреи?**

– Знали.

**– И что вас ожидало? Вы им рассказывали все?**

– Могли нас расстрелять. Оружие у нас отобрали (те пистолеты, которые были).

**– Как отобрали? Как это происходило?**

– Когда мы пришли в отряд, разоружили нас. Это естественно. Когда мы уже переходили железную дорогу, пошли к Брестскому соединению и везли раненых из отряда туда, дальше. Мы шли в штаб бригады и тогда нам дали оружие, чтобы мы проходили это. Потом нас опять собрали в отряде и

сказали, что каждый должен себе достать оружие. И шли на задание, каждый доставал свое оружие, проходили подготовку, и после, когда соединились с Красной Армией, побыли во 2-м армейском запасном стрелковом полку, и оттуда нас разослали по воинским частям. Я попал в 76-ю стрелковую Черниговскую дивизию. Сначала был бойцом, потом меня назначили командиром отделения батальонной разведки, потом Сашка Сагалаков забрал меня в полковую разведку уже под конец войны.

**– Все-таки, вернемся на минутку к партизанам. Какие-то крупные партизанские операции были с Вашим участием?**

– Были. Мы все время воевали. Фронт все ближе подходил, немцев теснили со всех сторон.

**– Вы были дважды в партизанах: до лагеря и после. В чем была принципиальная разница?**

– Здесь уже партизаны были вооружены, штаб бригады, ротный, взводный. У нас была армия – с дисциплиной, с уставом. Была тыловая часть, были те, которые шли на подрывные работы, которые держали оборону. Мы уже вели бои с немецкой армией, пускали под откос эшелоны. Это была настоящая война в тылу. Мы уже покоя не давали немцам.

**– Я слышал, что среди партизан часто встречались антисемиты. Вам попадалось такое?**

– Во Фрунзенском отряде, в котором я был во взводе с Аркадием, я их не видел. Но потом, когда я уже был в армии, там 3–4 человека попались, которые были в лагере полицаями. В партизанском отряде была дисциплина, еврей-белорусы были там с самого начала. Белорусы сильно пострадали, и такого антисемитизма там не чувствовалось. По крайней мере, я в своем взводе его не чувствовал. Оружие мне дали. Оружие каждый сам должен свое достать. Мы достали.

**– А как вы достали свое оружие?**

– Пошли в бой и достали оружие.

**– Что вам досталось?**

– Винтовка зарядная.

**– Советская винтовка?**

– Конечно.

– **У кого вы ее отобрали?**

– У полицаев, к которым мы на участок пошли. Сделали засаду, схватили. Потом я оружие вернул, которое мне выдали в этот бой. Я имел свое оружие до конца дней, которые я провел в партизанском отряде. Потом у нас оружие забрали в запасной полк. В запасном полку прошли проверку опять и отправили по частям.

**«С первых дней строительства стало ясно, что...**

**наш путь – в газовые камеры»**

## **Воспоминания А.М. Вайспапира**

Вайспапир Аркадий Моисеевич (1921–2018) родился в селе Бобровый Кут (ныне – Херсонской области Украины) в крестьянской семье. В 1938 г. его отец был репрессирован и расстрелян (посмертно реабилитирован в 1960 г.). В том же году Аркадий с отличием закончил еврейскую школу-десятилетку. В 1940 г. призван в Красную Армию. С первого дня Великой Отечественной войны находился на фронте. После тяжелого ранения под Киевом, вместе со всеми ранеными медсанбата, попал в плен. Прошел ряд госпиталей и лагерей, а в результате «расовой проверки» оказался в Минском трудовом лагере СС, где в то время находился и А.А. Печерский. Вместе с последним в сентябре 1943 г. был отправлен в лагерь смерти Собибор.

При подготовке и во время восстания был одним из активных помощников А.А. Печерского. Вместе с И. Лернером убил двух эсэсовцев. После выхода к партизанам стал пулеметчиком отряда им. Фрунзе Брестского партизанского соединения. С приходом Красной Армии продолжил воевать в составе 70-й армии и закончил войну в Германии, в звании старшины. Награжден орденом Отечественной войны I ст., медалью «За отвагу».

Вести с родины были тяжелыми: мать Раиса Иосифовна и пятилетняя сестренка Бася погибли от рук фашистов вместе с другими евреями села Бобровый Кут. Старший брат Беньямин не вернулся с фронта. После войны Аркадий Вайспапир с отличием окончил Запорожский индустриальный институт и потом работал на различных промышленных предприятиях. С 1994 г. и по настоящее время жил в Киеве. Все послевоенные годы поддерживал связь с друзьями по лагерю Собибор. Принимал участие во встрече, посвященной 70-летию восстания в Собиборе в Израиле. Награжден израильскими, польскими и украинскими орденами. В 2016 г. стал лауреатом премии Федерации Еврейских общин России «Скрипач на крыше» в номинации «Человек-легенда».

Ниже публикуются несколько версий воспоминаний А.М. Вайспапира. Первыми идут отрывки из интервью, которые он дал 28 июля 1995 года М. Богину для архива Фонда Стивена Спилберга в рамках проекта

*«Пережившие катастрофу» («Survivors of the Shoah»). В настоящее время эта запись хранится в Архиве Фонда Шоа – Института визуальной истории и образования, Университет Южной Каролины<sup>[481]</sup> (интервью № 3877). Копия предоставлена Научно-просветительным Центром «Холокост» (Москва). Для публикации выбраны те отрывки, в которых А.М. Вайспапир рассказывает о периоде перед отправкой в Собибор, а также о собственном участии в восстании. Набор текста и расшифровка интервью Р. Жигуна.*

Следом публикуются воспоминания А.М. Вайспапира, которые поступили в Архив Научно-просветительного Центра (НПЦ) «Холокост» и Архив Московского историко-литературного общества «Возвращение». В частности, непосредственно им были написаны «Автобиография и воспоминания» (2006 г.) и «Дополнения к автобиографии» (2007 г.). А «Воспоминания» (2008 г.) были записаны его женой Ф.С. Вайспапир с его слов, но также уточнялись, дополнялись и корректировались сотрудниками НПЦ «Холокост» в процессе телефонных бесед и переписки с ним и его сыном Михаилом Евстратовым. Все эти материалы частично использовались при подготовке книги «Собибор» (Сост. С. С. Виленский, Г. Б. Горбовицкий, Л. А. Терушкин. М., 2008). Сейчас мы публикуем их в полном объеме. Стилистика материалов сохранена.

Я родился в 1921 году, 23 декабря, в селе Бобровый Кут<sup>[482]</sup> Калининдорфского района<sup>[483]</sup> Херсонской области, на Украине. Мои родители: Моисей Львович Вайспапир и Рыся Иосифовна Вайспапир (девичья фамилия – Киселёва). У меня был старший брат Бениамин и маленькая сестричка Бася<sup>[484]</sup>.

Наше село Бобровый Кут (обычно пишут «Б. Кут») – одна из еврейских колоний в Херсонской области. До войны, примерно в 1924–25 годах, из этих колоний и из переселенцев из других поселений образовался еврейский национальный район – Калининдорфский район.

Из наших сёл занимались сельским хозяйством испокон веков. Мой дед и его дед в этом же селе занимались сельским хозяйством. Отец был колхозником (сначала крестьянином, потом с 1928–29 годов – колхозник). Дед тоже был колхозник, он до коллективизации имел свою кузню, был кузнецом потом и в колхозе.

Я помню, когда мы были ещё единоличниками, помню коллективизацию, помню раскулачивание.

**– Вашей семьи это коснулось?**

– Моей семьи оно не коснулось, оно коснулось семьи моей жены, её дядя был раскулачен.

Учиться я начал в 1929 году. В нашем селе закончил семилетку с преподаванием на еврейском языке, потом десятилетка в соседнем районном центре – тоже на идиш. Об иврите мы не знали.

Закончил я десятилетку в 1939 году. В 1937 году, запомнилось мне – очень важное в нашей жизни – из наших сёл многих репрессировали. В том числе репрессировали моего отца в феврале 1938 года. Больше я своего отца не видел. В дальнейшем, когда я интересовался, что с ним, мне сначала отвечали, что он умер в ссылке, потом что его расстреляли в 1938 году

**– В чём его обвиняли?**

– Репрессировали тех, кто после погромов во время войны и революции уезжал в Палестину, и тех, кто был [в] сионистских группах и готовился к отъезду в Палестину.

**– Много было таких групп в Вашем селе?**

– Село маленькое, была группка, в которой изучали язык и готовились к отъезду. Но потом она распалась и прекратила свою деятельность примерно в 1922–23 годах. Никогда я в доме не слышал, чтоб они говорили, что они сионисты.

**– Расскажите, как именно для Вас началась война?**

– Началась война, в первый же день мы заняли оборону по Бугу. Три дня мы держали оборону на Буге, и потом началось отступление. Первый большой бой был возле Ковыля<sup>[485]</sup>. А потом уже бои большие были на старой границе. На старой границе на дней десять мы задержали немцев. Наша 62 дивизия 5 армии. Но немец прорвал оборону где-то севернее Киева и начал наступать на Киев из Гомеля<sup>[486]</sup>. И нас перебросили на машинах севернее Киева, и мы заняли оборону севернее Киева. Возле Киева тоже большие бои были, я там ранен был тяжело.

**– Скажите, как начался самый первый бой в Вашей жизни?**

– Первый настоящий бой был возле Ковыля. Бой как бой... Артподготовка, нас миномётами сильно обстреливали. Потом мы отбили несколько атак немцев, потом мы отступили ночью: нас подняли ночью,

началось отступление.

**– Вообще, трудных боёв много было в Вашей жизни, в начале войны?**

– Начало войны – самые трудные бои на старой границе<sup>[487]</sup>, потом под Киевом, где мы часто отступали. Каждый день был бой. Каждый день принимали бой и потом отступали, принимали бой и отступали. Вот так до самого Киева. В одном из таких боёв меня тяжело ранило (легко ранен я был ещё на старой границе, но всего три дня провёл в санбате – ушибленное ранение в локоть и ниже спины маленькое осколочное ранение; осколок вытащили – и я дальше пошёл). А вот под Киевом мне перебило ногу ниже колена, обе кости перебиты, и осколочное ранение большое. В таком состоянии меня подобрали и отвезли в санбат. В санбате наши врачи сделали мне операцию, наложили сначала шину, потом загипсовали ногу. Только потом я узнал, что Киев окружён и наш санбат никуда не вывозится. Потом уже немцы наш санбат вывозили – сначала в Гомель, потом в Бобруйск<sup>[488]</sup> и затем в Минск.

**– Вы не помните, какого числа произошло Ваше ранение?**

– Тяжёлое ранение произошло 15–16 сентября 1941 года.

**– Итак, Вы были в медсанбате.**

– Наш медсанбат – больных и раненых – перевезли на машинах до Гомеля, потом из Гомеля до Бобруйска (не помню, поездом или машиной), из Бобруйска поездом в теплушках в Минск.

**– А кто перевозил?**

– Немцы нас перевозили, охраняли полицаи.

**– А в какой момент Вы узнали, что Вы уже в плену?**

– Я не помню момента, когда осознал, что я в плену. Помню, нам наши говорили, что мы окружены, Киев окружён, нас должны были эвакуировать в тыл, но не эвакуировали. Потом узнали как-то, что мы находимся под немцами.

Госпиталь в Минске – главный госпиталь центрального фронта, но там много не жили, большинство умирало, выживали самые молодые и крепкие. Остальные – неделю проживёт, потом начинается понос, умирали быстро. Давали 150 гр. хлеба и один раз баланду. Три человека лежали на



двух койках. На досках без матраса. Шестеро соседей умерли возле меня, пока я был в госпитале. Но я же говорю – выживали только молодые, 20–25 лет. Сорокалетние, мы их называли «старики», быстро умирали. Потом начался тиф, если замечали, что человек заболел тифом, его перевозили на другой этаж. Это были пяти- или четырёхэтажные дома (не помню), бывшие казармы. Оттуда обратно только выносили мёртвых.

Помню, почувствовал, что у меня тоже поднялась температура, однако я не показывал вида и, видимо, перенёс тиф на ногах. Я уже тогда на костылях передвигался и чувствовал, что у меня уже и нога срослась. Потом спросили, кто желает быть санитаром. Врачи и фельдшера тоже болели, но их не перевозили в барак, за ними ухаживали в отдельной специальной палате, поэтому и спрашивали, кто хочет за ними ухаживать. А там был врач один, Чернов, он говорит (я его знал, мы часто разговаривали) – и я уже перенёс, и ты уже перенёс этот тиф, так что иди туда, хоть подкрепишься, там кормить будут лучше. И я пошёл туда санитаром. И действительно я там немного подкрепился и больше не болел.

Примерно зимой (или весной?), в феврале примерно, была телесная проверка на выявление евреев. Потому что обнаружили, что много врачей, что обслуживали этот госпиталь, оказались евреями. Врачи ведь все были из наших. И всех врачей, санитаров, фельдшеров (да и больных некоторых) проверили. Я, конечно, тоже не писался, что я еврей, я записался по фамилии матери: «Киселёв Аркадий Михайлович». И больше 70 человек обнаружили евреев, большинство врачей. И нас перевели в Лесной лагерь<sup>[489]</sup>. Это был центральный эвакуационный лагерь этого фронта. Там сортировали и отправляли пленных в Германию. А нас поместили в так называемый подвал – карцер. И мы там в этом карцере были около месяца. Осталось нас живых около 30 человек, остальные поумирали в этом карцере. Там темно было, только утром открывалась дверь и выносили мёртвых. Только сидели и убивали паразитов. Мало того, что кушать давали по 150 гр. хлеба и через день баланду, мы умирали, так ещё и паразиты мучили. Мы сидели – и одной рукой туда, другой сюда – только и убивали этих вшей.

**– Отчего умирали?**

– От голода умирали, истощения.

Нас около 30 человек осталось. Однажды нас построили и повели, мы не знали куда. И нас привели в Минский концлагерь по улице Широкой. Тогда говорили, что была нота Молотова<sup>[490]</sup>, что немцы убивают пленных,

говорили, что есть такая нота, что «мы вас расстреливать не будем, вы сами умрёте». Когда мы были в карцере, нам так говорили. Потом нас перевели в этот лагерь по улице Широкая.

Там был концентрационный лагерь – так называемый арбайтслагерь<sup>[491]</sup>. И там помещались евреи и евреи-военнопленные и также белорусские тоже (отдельный барак), и те, которые бежали из Германии<sup>[492]</sup> – «красные латы». Мы были так называемые «жёлтые латы»– евреи, а то были «красные латы»(один барак). В общем, в основном в этом концлагере были евреи.

**– Много там было людей?**

– Человек 500, наверное, было евреев. Из этого лагеря нас водили на работу. Кто попадал на работу – тот, конечно, уже жил, доставалось покушать. Я работал в т. н. «цэбэфаувский двор».

**– Как называлось?**

– «Цэ-бэ-фау», я не знаю, что это значит, так называли. Там было несколько немецких компаний, они брали команды на работы. Была кампания Труппенвирченлагер – это были грузчики на продуктовом складе. Эти грузчики однажды договорились с полицаем, что он их на машине вывезет за город и они убегут к партизанам. Крепкие, здоровые хлопцы были. На складе и оружие у них было спрятано. Но в последний момент, когда они грузили на машину свои вещи и оружие, их окружили. В последний момент, как оказалось, полицай их выдал. Их всех привезли в лагерь и с большими издевательствами их убили. А кто работал во дворе – так, кто попадался – сразу всех расстреливали. Нас была группа семь человек, мы кололи и пилили дрова на циркулярке в разбитом здании. И в этом здании – видно, они, хлопцы, что готовились к побегу, что-то хранили в этом здании – один из наших был с ними связан. У меня был товарищ Ефим, он работал с печником с нашей команды. Он позвал меня к себе, он сварил картошку, чтоб мы покушали в обеденный перерыв. А шесть человек, что остались в здании, всех их там расстреляли. Ну а я был уже с ним у печника. В этом дворе там другая команда работала, гараж строили, тоже всех порасстреляли. Во дворе работали не меньше ста человек, очень много людей погибло.

Нас только человек 15–20 привели в лагерь после этого. И привели также команду Труппенвирченлагер, со связанными позади руками. И потом, это было зимой, их обливали водой, издевались на ними, потом расстреляли

всех.

**– Эти грузчики были евреями?**

– Все они – евреи из нашего лагеря. Обливать водой придумал комендант лагеря. Были представители из организаций, которые берут рабочих, они тоже пришли. Не могу передать, как над ними издевались. Это был ужас. В конце концов, всех расстреляли и вывезли.

После этого набрали новых людей в Труппенвирченлагер, в том числе я пошёл в эту команду, работал грузчиком – до отправки в Собибор. В этой же команде работали мои друзья: Семён Мазуркевич, Саша Шубаев. Александр Шубаев был горский еврей, из Осетии<sup>[493]</sup>. Причём он не знал еврейского языка, идиша, его звали «кали-мали» почему-то. Цибульский в этой же команде был, Борис Цибульский. Его называли «украинский», потому что он по-русски говорить не умел, говорил по-украински. Как сказать, мы, во всяком случае, уже не голодали – мы работали на складе, мы научились красть.

Жили семьёй – три человека в лагере. Один – Яша из тех же, кого из госпиталя привезли. По-моему, Яша Тартаковский. И Фимка, Ефим, к которому я кушать ходил, который, по сути, спас меня тогда. Мы втроём жили всегда, семьёй. Я, по сути, кормил эту «семью», потому что приносил еду со склада. С Фимой (фамилии его не помню) мы были вместе и в Собиборе.

**– Аркадий Моисеевич, Вы можете описать этот арбайтлагерь?**

– В этом лагере были бараки, где жили пленные, евреи. Был один барак для русских – «красные латы». Были мастерские: сапожная, портняжная, столярные мастерские. Работали в них в основном евреи из гетто, гражданские. Они имели с гетто даже связь какую-то. Санчасть была. Проходная была с Ваксом, начальником лагеря. Охраняли полицаи. Сначала нас охраняли литовцы, потом латыши, потом всё время украинские батальоны. Рядом с нашим лагерем расположились два украинских батальона. Полицаи, предатели – они осуществляли охрану. Причём в Собиборе потом тоже охраняли украинские батальоны...

**– В этом лагере были только мужчины? Женщины, дети, старики?**

– В лагере были только мужчины.

**– Как охрана и немцы обращались с пленными?**

– По-разному обращались, но вообще очень плохо. Собаками травили.

Были латыши – так они издевались ночью, когда идёшь в туалет. Ловили, заставляли ползти, в общем, веселились.

**– С Вами тоже такое происходило?**

– Мне один раз только попало, причём от нашего «капо». «Капо» – старшие, они, например, раздавали хлеб. Я потянулся однажды одной рукой за хлебом, хотел другой рукой его ещё взять, так он меня нагайкой, дал через спину, и по голове даже попало. Но я на него не обиделся, он был хороший человек, многих выручал. Также и меня. Когда я прибыл из карцера, я и все мы были очень слабые, еле передвигались. И он устроил нас в команду – называлась «генерал-губернаторство» – там, в основном, работали немецкие евреи, вывезенные из Германии. (Наши носили жёлтую лату, а они носили жёлтую шестиконечную звезду, на которой было написано Jude.) Мы приходили туда, так они нас и подкармливали и не заставляли работать просто так. Только там я и подкрепился немножко. Иначе бы я... Потому что из этих 30 человек, из нашей команды, что привезли в этот лагерь, через месяц уже осталось 7 человек. Потому что все были очень ослабленные и поумирали.

Были там такие, кого обнаруживали в Лесном лагере – не раненные, а попавшие в плен, евреи – кого обнаруживали при проверке<sup>[494]</sup>.

**– Как происходили такие проверки?**

– Врач смотрел, по члену определял. Если обнаружится, что сделал обряд – так это еврей. Так же и нас в госпитале обнаружили.

Нас вывезли из этого лагеря примерно в конце сентября 1943 года. В этот лагерь пригнали из гетто очень много и мужчин, и женщин, наполнили его полностью. И три дня мы жили вместе, очень скученно. Потом подогнали в эшелон и погрузили всех в эшелон. И везли дня три, наверное.

**– В лагере Вы пробыли почти два года, с 1941 по 1943 год.**

– Да.

**– Вы что-то знали о том, что немцы уничтожают евреев?**

– Как это «что-то знал»? Мы знали, что евреев уничтожают всех поголовно. Поэтому я не говорил, что я еврей, в тот момент, когда попал в плен. Евреев сразу отделяли от пленных и расстреливали.

А сколько экзекуций было в гетто. В гетто не так много было людей, основную массу уничтожили. Оставшихся уже вывезли в Собибор.

**– Но потом ведь всё равно определили, что Вы еврей, однако Вас и ещё группу людей не расстреляли.**

– Мы ждали этого. Нас пока использовали как рабочую силу, но знали, что нас в конце концов ждёт то же самое. И каждый думал о том, как бы сбежать. Были случаи побега из нашего лагеря.

**– В течение этих двух лет какие-то попытки сопротивления или побега осуществлялись?**

– Один случай с грузчиками я рассказал. В основном убегали через гетто, используя связи. В город выйдешь – сразу поймают. Был у нас один, Петелько (так записался, настоящей его фамилии не знаю). Он убежал. Он работал поваром, здоровый парень был. Потом говорили, что он с колонной из гетто ушёл, а из гетто уходили, у кого были связи, в партизаны. Хотя принимали неохотно, ведь прибывавшая были без оружия.

**– А Вы лично не пытались бежать?**

– Нет, до этого [\[495\]](#) у меня не было попыток бежать.

<...>

**– Вы как-то сказали мне «Ах, если б можно было всё рассказать!» Что Вы имели в виду?**

– За два года в госпитале и в лагере всяких случаев было очень много – и страшных, и всяких, и не всё запомнилось... [Долгая пауза]

Был там Вакс, начальник лагеря. Он очень издевался над людьми. Были очень слабые, которые боялись выходить в туалет ночью. Он подсмотрел, что один в рукомойник оправлялся, и расстрелял его. Было несколько случаев, когда он расстреливал лагерников. И охрана – особенно издевались над лагерниками латыши. Какие-то попались изверги, только искали метод, как бы поиздеваться. В этом лагере (я узнал потом от Печерского) был свой повстанческий комитет, готовили побег. Я не участвовал. А руководил им Блатман – один из «капо», что я рассказывал. Он из гетто попал в лагерь, не из числа пленных. А сам он был польский еврей, этот Блатман. Он боксёр был, красивый, здоровый. Пользовался авторитетом у всех. Но, видно, их кто-то выдал, или как-то узнали, и его вместе с комендантом нашего барака и ещё нескольких перед отправкой [в] Собибор арестовали и увезли в тюрьму в город. Потом, когда мы прибыли в Собибор, оказалось, что они с нами. Они были со связанными руками. Но они, конечно, попали в газовые камеры.

**– Вы сказали, что в этом лагере был и белорусский барак. Вы ощущали разницу в отношении к евреям и белорусам?**

– Отношение, по сути дела, в лагере к евреям и белорусам было почти одинаковым. Но охранники, конечно, над белорусами не издевались, и они получали передачи с гражданки. И их спустя время отпускали, они были как бы осуждённые на определённое время. И многие выходили. Они были как бы временные жители, не постоянные. У них совсем другая жизнь была. Большинство из них не работали. Разве что – было АКП (бывший завод по ремонту танков), туда брали только славян.

**– А что делали латыши?**

– Латыши издевались, искали метод. Как бы нагайкой ударить, как бы поиздеваться – такое было отношение. Сопровождали колонну на работу – два-три полицаи колонну ведут. Кто-то куда-то, не так стоишь – обязательно нагайкой даст. Но были и другие, кто-то закрывал глаза, видя, что кто-то несёт что-то с работы. У каждого была сумка от противогаза, а у меня были кальсоны, сверху брезентовые штаны, когда я работал грузчиком. Бывало – насыплешь туда крупы. Бывало и бутылку пронесёшь – так кормил я свою «семью».

**– Где брали крупу?**

– Я ж грузчик был, бывало, «нечаянно» сделаешь дырочку – и посыпалось. Не так чтобы хорошо кушали, но не так голодали. Поэтому, когда в Собиборе отбирали самых крепких, я попал.

**– Что про Вакса Вы можете рассказать?**

– С Вакс я никогда не сталкивался. Но знал, что у него собака очень большая. Он её звал «меньш», натравливал её на нас и кричал ей «кусай собак!». «Меньш» по-немецки – это человек, а мы как собаки, получается. «Человек, кусай собаку!» Такое издевательство придумал. Всё, конечно, не расскажешь и не вспомнишь. Это страшно<sup>[496]</sup>.

**– А кроме случая с нагайкой Вы не попадали под наказания?**

– Скажу Вам, мне как-то везло. И лицо было не такое еврейское. Издевались больше всего над теми, у кого типично еврейское лицо. У кого похоже на славянское – меньше. Мне везло, отношение ко мне было лучше.

Было как-то. Работали в городе, разбирали брусчатку на дороге, грузили в тачки и свозили в кучи. Это когда я ещё был слабым. Гражданские бросали «подарки» – кусочек хлеба или ещё что. Охранник считал, что я

русский. А потом, когда он обнаружил, что я еврей (ему подсказали), начал меня сильно бить. Я тогда попросил Блатмана, нашего «капо», чтобы перевёл меня в другую команду, он так и сделал.

**– Вы сказали, что в какой-то момент огромное количество евреев из гетто перевели в ваш лагерь.**

– Да. Перед отправкой в Собибор три дня жили они в наших бараках. Молодые люди в основном, молодые женщины, даже скажу – выглядели неплохо. Мы чувствовали, что что-то готовится, нас в эти дни уже не брали на работу. Чувствовали, что это конец, будет какая-то экзекуция, нас уничтожат. А говорили нам, что будут вывозить куда-то в Польшу на работы. Мы, конечно, сомневались.

<...>

**– Вы сразу поняли, что вас привезли в новый лагерь?**

– Мы, конечно, поняли, что нас привезли в новый лагерь, но никто не понимал, что это лагерь уничтожения. Ничто не указывало на то, что это лагерь уничтожения. Нас всего человек 50 отобрали – они пополняли штат лагеря. А остальных – их в эшелоне были пара тысяч человек – их повезли в газовые камеры.

**– Как происходил отбор?**

– Немец спрашивал – есть ли в этом эшелоне столяры и плотники. Вышли плотники. Потом спрашивал – есть ли такие, кто может поднять и нести 50–80 кг. Вышли более крепкие вперёд. Помню, я вышел, а рядом со мной стоял Фимка. И Яша – но он был хромой, одна нога короче, плохо срослась. Фимка сначала остался, я взял его, рукой подтянул, когда нас уже уводили – «Давай тоже с нами». Немец посмотрел на него, коренастого, и говорит – «Пусть идёт». Значит, и он пошёл со мной вместе. И нас увезли, оказалось, это был Первый лагерь.

**– На чём увезли?**

– Увели. Потом посадили всех, а остальных увели в другую сторону.

**– А Вы на какой призыв вышли? Столяр?**

– Я вышел на призыв «Кто может нести 50–80 кг?» Но нас всех вместе повели со столярами и прочими.

<...>



**– Охранники немцы были?**

– Были двадцать или двадцать с чем-то немцев – руководители работ. А охрана – полицаи из украинского батальона. Причём им не доверяли: мы потом узнали, что на пост на вышке им давали патроны, а по возвращении в казарму (я не знаю, где была их казарма, Вайцен знает) они сдавали патроны. Патроны имели только те, кто был на вышках и охранял команды, потом патронов у них не было. Мы это знали и мы это учили.

<...>

**– Как началась подготовка к побегу, кто это придумал?**

– Был специальный повстанческий комитет (я не был его членом), туда входил Печерский от нашей группы и были старые лагерники, которые знали порядки, все входы и выходы.

**– Как Вы туда попали?**

– Я от Печерского попал [в] комитет. Печерский был оригинальный человек. Красивый. Вызывал доверие у людей. Вы видели его портрет? Он у пленных, у всех нас, пользовался особым авторитетом. Он был наш главный. И он знал, на кого может надеяться. О том, что готовится побег, знали немногие (и в том числе я знал). Вообще, дружили группами. Вот наша группа – бывшие работники Труппенвирченлагер, крепкие ребята – мы знали о готовящемся побеге, и Печерский нам давал определённые задания, что нужно делать. Я, например (хотя узнал об этом только перед самым побегом), узнал от Печерского, куда я должен идти.

**– От кого вы узнали, что готовится побег?**

– От Печерского.

**– Как это произошло?**

– Мы встречались в женском бараке. Туда Печерский ходил встречаться со старыми лагерниками, там был комитет. Жили они в разных бараках, там, в женском бараке, можно было встретиться. Печерский как будто ходил к одной девушке. Там, в женском бараке, были одни молодые женщины. Немцы отбирали красивых женщин – выбор у них был большой (может, из спортивного интереса отбирали красивых). Там очень красивые молодые женщины были, которые работали на переборке вещей. Встречались там и с «капо». В повстанческом комитете участвовали два «капо» – старших из числа заключённых.

Печерский узнал, что мы готовили побег через туалет. Туалет был возле забора. Мы решили, что на ночь мы перейдём в туалет, там останемся и ночью разрежем проволоку и попробуем бежать. Там были три ряда проволоки, потом минное поле. Очень малая вероятность, что получится, но мы решили попробовать. Печерский узнал и предупредил: «Ребята, не пытайтесь бежать отдельно, готовится коллективный побег».

**– А кто придумал план с туалетом?**

– Это были я, Шубаев, Мазуркевич, Фимка. Шесть человек было. Но мы узнали, что было несколько попыток до этого (нам рассказали старые лагерники), но удачных побегов не было. Как поймают кого – экзекуция, расстреливали каждого десятого, каждого пятого.

<...>

**– Предложение Печерского было для Вас неожиданностью?**

– Предложение не было неожиданностью, я был в боевой группе, что буду уничтожать немцев, только ещё не знал, куда пойду. Печерский каждому дал задание.

**– После того, как он дал Вам задание, Вы куда пошли?**

– Получив задание, я с Лернером пошёл в портняжную мастерскую.

<...>

Как оно произошло? Примеряли плащ немцу. Он должен был пройти дальше. Я стоял за ширмой. Лернер должен был так его держать, чтоб я мог его убить. А немец почему-то не захотел дальше пройти и остановился. И мне пришлось, сделав вид, будто выхожу из мастерской (немцы ничего не подозревали), пройти мимо – потом я повернулся и ударил его топором. Причём в первый раз получилось неудачно – немец закричал. Лернер подскочил и второй раз его ударил. Били, будучи неопытными, остриём, а не обухом. Голову разрубили полностью. Только оттянули его в сторонку за ширму, укрыли его. Там были шинели, мягкими шинелями укрыли. Тут заходил «[по]волжский немец»<sup>[497]</sup> (так мы их называли – старших полицаев, руководивших полицаями). Подходит, тычет ногой – а это что такое? Что тут за беспорядок? В это время я его тоже топором... Я ударил, после этого Лернер ударил. Первого, когда убили, я пистолет вытащил, а Лернер из кармана вытащил бумажник, мне отдал. Этот бумажник я принёс партизанам – там были деньги немецкие и, главное, удостоверение –

обершарфюрер Хаупшиц. Иногда пишут другие фамилии, а я точно помню – Граупшиц или Грейшиц<sup>[498]</sup>.

<...>

Я попал в ту группу, которая шла на проволоку. Проволоку порезали, я даже руку порвал. У меня есть след от проволоки. Мы разрезали, топорами порубили проволоку. Говорят, что рвались мины, но я такого не помню, чтобы подрывались. Мы проскочили – и в лес. А в лесу встретились опять. В общем, бежали-бежали, в лесу всю ночь шли, а наутро очутились недалеко от лагеря. Правда, связь в лагере была перерезана – группа Цибульского перерезала связь, видно, они не могли сообщить, что было восстание. Разбежались, вырвались из лагеря человек триста.

### **– Только из Первого лагеря вырвались?**

– Все тогда<sup>[499]</sup> находились в Первом лагере, все пришли на проверку. Проверка происходит в Первом лагере. А Третий лагерь – с теми, кто работает в Третьем лагере, мы с ними никакой связи не имели, и они не могли никак к нам попасть. Они всегда находились в Третьем лагере, не приходили ночевать в Первый лагерь. Кто работал в Третьем лагере – те, видимо, все погибли. Причём работали в Третьем лагере и наши. Откуда я знаю? Однажды привезли в Норд-лагерь нас, группу человек двадцать пять. И вдруг отделили человек восемь и увели. В те восемь человек попал и Фимка. Их повели в Третий лагерь. Больше я Фимку не видел.

<...>

Девять человек нас отдельно пошли – группа Печерского. У меня был пистолет, у Печерского был пистолет – это ему Цибульский дал, и у Шибаева был пистолет. Всё вооружение, значит, нашей группы. Мы пошли сначала к Бугу, но там не было возможности перебраться и мы пошли на север. Хорошо, что мы пошли на север. Потому что потом один поляк показал нам, где брод у Буга есть.

<...>

С армией я соединился в апреле 1944 года. Попал в стрелковую дивизию. Сначала в запасной полк. В запасном полку сначала в учебной роте был, потом меня поставили обучать пулемётчиков в этой же учебной роте. На фронт попал на Одере, при форсировании. Меня по прибытии взяли в разведку, воевал я в разведроты. Потом, после войны, нашу дивизию расформировали, меня перевели и я опять обучал пулемётчиков, был командиром пулемётного отделения, потом демобилизовался старшиной пулемётной роты в 1946 году. Служил всё время в Германии, потом перед

демобилизацией нашу часть перевели в Острогжск<sup>[500]</sup>.

### **Автобиография и воспоминания [2006]**

Я, Вайспер Аркадий Моисеевич, родился в 1921 году. В 1940 году я был призван в армию. В первые дни войны находился на западной границе. После тяжелого ранения под Киевом попал в плен. *В сентябре 1941 года*<sup>[501]</sup>.

В госпитале военнопленных в г. Минске пробыл до марта 1942 года. *Откуда*<sup>[502]</sup> оттуда как еврей был переведен в минский концлагерь по ул. Широкой. В этом «СС» арбайтслагере содержались лица, обнаруженные немцами как евреи в лагерях военнопленных, а также переведенные сюда из минского гетто. Была большая группа польских евреев из Варшавы. Здесь одно время находилась группа немецких евреев из Германии. Позже эту группу перевели в Минское гетто. Условия содержания узников в концлагере по ул. Широкой были значительно суровее, чем в гетто.

17 сентября 1943 года все заключенные арбайтслагеря и пригнанные из гетто более 1000 человек, были погружены в товарные вагоны. Узникам было объявлено, что их отправляют на работу в Германию. Трое суток томились люди без хлеба и воды, «замурованные» в вагонах с заколоченными окнами. На четвертые сутки 2000 человек (не считая тех, кто умер в пути) оказались не в Германии, а в Польше, в лагере смерти «Собибор». Состав был быстро разгружен. Услышав команду: «Столяры, плотники, а также, кто может поднять 80 кг – два шага вперед». Человек восемьдесят сделали эти два шага. Это были в основном бывшие военнопленные, среди них был и я. Нас отвели в один из барачных и разместили на нарах. Через несколько часов мы увидели багровое пламя в стороне от лагеря, примерно в полукилометре от барачных. Старые лагерники нам сказали, что это горят тела наших товарищей по эшелону, *отправ.*<sup>[503]</sup> отравленных в газовых камерах. Так нам стала известна страшная правда.

Лагерь смерти был расположен на большой площади, в лесу, рядом с полустанком Собибор. В лагере было три сектора. У каждого было определенное назначение. В первом секторе находились жилые бараки, столярные, сапожные и портняжные мастерские, два офицерских дома. Во втором секторе были склады и парикмахерская. Сюда привозили вновь прибывших людей, их раздевали, женщин стригли. Здесь люди оставляли одежду и все, что им принадлежало. В третьем секторе стояло здание – «бани». Это были газовые камеры для массового уничтожения. Строился

также и четвертый сектор, так называемый нордлагерь. Отобранная команда была предназначена для строительства складских помещений в этом секторе.

Нам с первых дней строительства стало ясно, что, закончив строительство, наш путь – в газовые камеры. *Мы знали*<sup>[504]</sup> Было ясно, что бежать отсюда надо поскорее, хотя это было почти невозможно. Лагерь был окружен четырьмя рядами колючей проволоки, высотой в три метра. За проволокой было минное поле, на вышках днем и ночью – вооруженная охрана. Вскоре по прибытии в лагерь определилась группа, возглавляемая Александром Печерским, которая взяла на себя организацию побега. В эту группу входил и я. *Неоспоримым лидером группы*<sup>[505]</sup> Александр Аронович был человеком находчивым и решительным, авторитет его был велик. Это был человек обаятельный, внешним видом и умом вызывающий к себе доверие. Его распоряжения выполнялись безоговорочно.

Восстание в лагере произошло 14 октября 1943 года. Всего из лагеря вырвалось не менее 300 человек. Часть была убита охраной лагеря, многие взорвались на минном поле.

Вырвавшиеся из лагеря разбрелись в разные стороны по всему лесу. Через несколько дней после побега наша группа из девяти человек соединилась с белорусскими партизанами.

Партизанский отряд им. Фрунзе Брестского соединения, в котором я воевал *пуле*<sup>[506]</sup> командиром пулеметного отделения, в конце апреля 1944 года соединился с регулярной армией.

После войны в Советском Союзе проживали семь бывших узников лагеря смерти Собибор. В настоящее время из них в живых трое: Вайспапир (Киев), Вайцен (Рязань), Розенфельд (Израиль).

О Собиборе знают меньше, чем о других лагерях смерти, по той причине, что после нашего побега (октябрь 1943 года) лагерь *был*<sup>[507]</sup> прекратил существование, а территорию перепахали и сровняли. Другие лагеря (Майданек, Треблинка, Освенцим) действовали до 1944–45 г, *и прекратили*<sup>[508]</sup> когда были *заняты*<sup>[509]</sup> освобождены наступающей Советской Армией.

### **Дополнения к автобиографии (2007 г.)**

О себе: Я, Вайспапир Аркадий Моисеевич, родился в 1921 г[оду], в селе Бобровый Кут Калининдорфского р[ай]она Херсонской обл[асти] в крестьянской семье. Закончил в 1939 г. десятилетку в Калининдорфе. Родители мои были колхозниками. В феврале 1938 года отца моего

репрессировали, как участника сионистского движения в начале 20-х годов. Он был расстрелян, а в 1960 г. реабилитирован. В 1940 г. я был призван в армию. Служил в Волынской обл[асти] и с первого дня войны участвовал в боях. После тяжелого ранения севернее Киева попал в плен в сентябре 1941 г. В госпитале военнопленных в г. Минске пробыл до марта 1942 г. откуда, как еврей был переведен в Минский концлагерь по ул[ице] Широкой. В этом концлагере пробыл до сентября 1943 г., когда<sup>[510]</sup> откуда был отправлен в лагерь смерти Собибор. 14 октября 1943 г. совершилось восстание узников этого лагеря, активным участником которого я был. После побега из лагеря воевал в партизанском отряде им[ени] Фрунзе Брестского соединения командиром пулеметного отделения. После соединения с армией в апреле 1944 г. находился на фронте до конца войны. Старший брат погиб на фронте, мать и сестра погибли в Б[обровом] Куте при массовом расстреле евреев немцами и полицией<sup>[511]</sup>. После демобилизации из армии закончил Запорожский индустриальный институт. Работал на разных должностях от мастера участка до гл[авного] инженера завода и начальника отдела областного управления. С 1987 года – на пенсии. С 1994 года проживаю в Киеве. Жена – Вайспапир Фаня Самойловна, учительница<sup>[512]</sup> преподаватель-пенсионерка. Сыновья: Михаил – врач и Вадим – инженер-механик с семьями проживают в Киеве

#### **[Воспоминания] 2008 г.<sup>[513]</sup>**

В оккупированном фашистами г. Минске на ул. Широкой немцами был создан концлагерь (арбайтлагерь). В нем работали более пятисот портных, сапожников, столяров, плотников, слесарей, кузнецов, пригнанных сюда из Минского гетто. Здесь же было 150–200 военнопленных – евреев. В этот концлагерь они попали из центрального лагеря советских военнопленных, обнаруженные, как евреи.

Осенним утром 17 сентября 1943 года все заключенные арбайтлагеря и пригнанные из гетто более 1000 человек были погружены в товарные вагоны. Узникам было объявлено, что их отправляют на работу в Германию. Трое суток двигался состав в неведомую даль. Трое суток томились люди без хлеба и воды, «замурованные» в вагонах, с заколоченными окнами. На четвертые сутки 2000 человек (не считая тех, кто задохнулся и умер в пути) оказались не в Германии, а в Польше, в лагере смерти Собибор.

Состав был быстро разгружен. Услышав команду: «Столяры, плотники, а также те, кто может поднять 80 кг – два шага вперед», человек 80 сделали

эти два шага. Это были в основном бывшие военнопленные, среди них был и я. Нас отвели в один из барakov и разместили на нарах. Через несколько часов мы увидели багровое пламя в стороне от лагеря, примерно в полукилометре от барakov. Старые лагерники нам сказали: «Это горят тела ваших товарищей по эшелону, отправленных в газовые камеры. Из Собибора никто из евреев не возвращается». Так нам стала известна страшная правда.

Лагерь смерти был расположен на большой площади в лесу, рядом с полустанком Собибор. В лагере было три сектора, у каждого было определенное назначение. В первом секторе находились жилые бараки, столярные, сапожные и портняжные мастерские, два офицерских дома. Во втором секторе были склады и парикмахерская. Сюда приводили вновь прибывших людей, их раздевали, женщин стригли. Здесь люди оставляли одежду и все, что им принадлежало. В третьем секторе стояло здание «бани». Это были газовые камеры для массового уничтожения постоянно прибывающих. Строился также и четвертый сектор, т[ак] называемый нордлагерь. Отобранная команда была предназначена для строительства крупных складских помещений в этом секторе. Нам с первых дней стало ясно, что, закончив строительство, наш путь – в газовые камеры. Было также ясно, что бежать отсюда надо поскорее, хотя это почти невозможно. Мы знали, что лагерь окружен 4 рядами колючей проволоки, высотой в три метра. За проволокой было минное поле, на вышках днем и ночью – вооруженная охрана.

Вскоре по прибытии в лагерь определилась группа, возглавляемая Александром Печерским, которая взяла на себя осуществление побега. В эту группу вошли кроме Александра Ароновича: Шлойма Лейтман, Борис Цибульский, Александр Шубаев, Аркадий Вайспапир, Семен Мазуркевич. Неоспоримым лидером группы был Александр Аронович, человек находчивый, решительный. Авторитет Сашки был очень велик. Это был человек обаятельный, внешним видом и умом вызывающий доверие. С ним советовались, к его слову прислушивались. Саша понимал, что без помощи со стороны старых лагерников, отлично знавших местные условия, осуществить побег будет невозможно. Печерский и Лейтман связались с руководителем местной подпольной группы сопротивления Леоном Фельдгендлером и стали готовить план восстания узников. Об этом плане был осведомлен очень узкий круг из боевого комитета. План восстания состоял в следующем: люди, работающие в мастерских, должны были готовить холодное оружие. В день восстания планировалось убить большинство немецких офицеров. А также захват склада оружия и побег



через ворота всех узников лагеря. Очень продуманно и четко были распределены роли участников боевой группы.

Первым в портняжной мастерской был убит немецкий офицер Берг. Когда он начал примерять мундир, его топором убил Саша Шубаев. В сапожной мастерской один за другим Вайспапир Аркадием и Иегудой Лернером были убиты начальник III-его сектора Гетцингер и начальник охраны лагеря Грейшуц. Цибульский с группой из 4-х человек во втором лагере убили четырех гестаповцев и перерезали телефонную связь. В столярной мастерской Семен Мазуркевич убил гестаповца Вульфа. Всего было убито 12 немецких офицеров. В пять часов капо начал строить людей на вечернюю проверку. Отдельно строились вооруженные отнятым у убитых офицеров оружием. Это бывшие советские военнопленные. Они должны были напасть на оружейный склад, но сильный огонь из автоматического оружия преградил им путь. Это стреляли оставшиеся в живых несколько немцев во главе с начальником первого сектора Френцелем. Когда стало ясно, что захватить оружейный склад не удастся, Печерский скомандовал: «Вперед, на ворота!». Часть людей направилась на ворота, остальные резали провололочные ограждения напротив офицерских домов, рассчитывая на то, что у офицерских домиков поле не заминировано. Всего из лагеря вырвалось не менее 300 человек. Часть была убита огнем немецких офицеров и охраной лагеря, многие взорвались на минном поле. Вырвавшиеся из лагеря разбрелись в разные стороны по всему лесу. Почти вся наша боевая группа держалась вместе. Это группа из 9 человек, куда входили: А. Печерский, Вайспапир, Мазуркевич, Ицкович, Шубаев, Вайцен, Табаринский, Плотницкий и Цибульский, направилась на северо-восток. Мы перешли р. Буг в Малоритском районе Беларуси. Там же мы через несколько дней соединились с партизанами.

Воевали в партизанских отрядах им. Фрунзе и им. Щорса Сталинской бригады Брестского соединения. Два человека – А. Шубаев и Борис Цибульский погибли в партизанском отряде. Партизанский отряд им. Фрунзе, в котором я воевал пулеметчиком, а затем командиром пулеметного отделения, в конце апреля 1944 года соединился с регулярной армией. В живых из нашей группы остались 5 человек. Семен Мазуркевич и Михаил Ицкович погибли в боях под Гдыней<sup>[514]</sup>. После войны в Советском Союзе проживали 7 бывших узников лагеря смерти Собибор. В настоящее время из них в живых трое – Вайспапир (Киев), Вайцен (Рязань) и Розенфельд (Израиль). О Собиборе знают меньше, чем о других лагерях смерти, по той причине, что другие лагеря (Майданек, Трешлинка, Освенцим) действовали до конца 1944 года и начала 1945 года и прекратили существование

благодаря Советской Армии. А лагерь смерти Собибор прекратил существование 14 октября 1943 года в результате успешного восстания узников. Особенностью этого восстания является то, что оно произошло в глубоком гитлеровском тылу, на расстоянии 1000 км от фронта, за более полутора лет до окончания войны. Еще более замечательно то, что подпольная организация была создана и осуществила восстание в течение трех недель. И очень важно еще то, что оно самое эффективное по своим результатам, т. е. количеству уничтоженных фашистов и числу вырвавшихся на свободу узников. О восстании в лагере смерти Собибор и о моем участии в нем описано в «Черной книге» И. Эренбурга и ряде других книг. Создано несколько фильмов в СССР, Голландии, Франции и США.

## **Из переписки бывших узников Собибора**

Многолетняя переписка А.А. Печерского и его друзей с бывшими узниками Собибора, историками, ветеранами войны, педагогами, сотрудниками различных музеев в СССР, Польше, США, Израиле, Голландии представляет огромный массив и еще требует специального изучения и отдельной публикации.

Здесь хотелось бы привести некоторые письма, которые представляют несомненный интерес. Они подобраны в хронологическом порядке. Это в первую очередь письма А. Печерского в Еврейский исторический институт в Варшаве и непосредственно его руководителю Бернарду Марку<sup>[515]</sup> в сентябре-октябре 1959 г. В тот период А. Печерский уже активно занимался поисками уцелевших беглецов из Собибора, не ограничиваясь пределами СССР. Он имел все основания предполагать, что в еврейских организациях в Польше могут что-нибудь знать о собиборовцах из числа польских евреев. Копии писем предоставил в Архив НПЦ «Холокост» сотрудник Еврейского исторического института им. И. Рингельблюма (Варшава) Ян Ягельский в 2007 г. Переписка Б. Марка и А. Печерского частично опубликована в статье «После Собибора»/ Публ. Ф.Колодной – «Лехаим». 2013. № 11.

Еще несколько писем передал в Архив НПЦ «Холокост» В.Р. Томин в составе личного фонда так же в 2007 г. Они публикуются впервые. Это переписка А.А. Печерского, А.М. Вайспапира, А.А. Вайцена и С.М. Розенфельда с В. Томиным и А. Синельниковым в 1962–1965 гг. Как раз в то время, когда они работали над книгой «Возвращение нежелательно», хотя письмо А.А. Вайцена написано уже после ее выхода. Для А.А. Вайцена, А.М. Вайспапира и С.М. Розенфельда это были практически первые попытки подробно вспомнить, что было в Собиборе. Эти письма явно читал и А.А. Печерский, т. к. встречаются его уточнения деталей и поправки, указания на ошибки товарищей, в том числе и Е. Литвиновского. Кстати, А.М. Вайспапир впервые пишет о себе столь подробно. Судя по тексту, письма А.А. Вайцена и С.М. Розенфельда – это прежде всего ответы на ряд вопросов Томина и Синельникова. Очень заметны особенности воспоминаний каждого из героев, их акценты в описании событий.

При передаче текста сохранена стилистика и особенности написания имен и фамилий, особенно в письме А.А. Вайцена, но текст приведен в

*соответствие с требованиями орфографии. Набор текста осуществлен Л. Терушкиным, С. Кисловым и А. Куроптевой.*

**Документ № 1. Письмо А. Печерского в Еврейский исторический институт. Ростов-на-Дону, 4 сентября 1959 г.**

Уважаемые товарищи!

Я – Александр Аронович Печерский, участник восстания в Собибуре, живу в г. Ростове-на-Дону. Мне случайно стало известно, что у Вас в Еврейском историческом институте создана экспозиция, посвященная восстанию в Собибуре. Часть этой экспозиции посвящена мне, как одному из активных участников восстания. Если это так, то я был бы Вам, товарищи, от души благодарен за фотокопию этой части экспозиции.

Прошу Вас, если это не затруднительно, сообщить мне все, что Вам известно о судьбе моих товарищей, оставшихся в живых и живущих в Польше или других странах. Быть может Вам известна судьба Шлеймы Лейтмана, одного из активных участников восстания. Со своей стороны, если я могу быть Вам чем-либо полезен, готов выполнить Ваши просьбы, связанные с уточнением событий в Собибуре.

Если Вас интересует, то я сообщаю, что живу в Ростове-на-Дону, работаю рабочим (багетчик-отдельщик) на деревообрабатывающей фабрике.

Мой адрес: СССР, Ростов-на-Дону, Социалистическая улица дом 147 квартира 4. Печерский Александр Аронович.

С дружеским приветом и уважением (подпись)

4 сентября 1959 г.

**Документ № 2. Письмо А. Печерского Бернарду Марку. Ростов-на-Дону, 22 октября 1959 г.**

Уважаемый товарищ Б. Марк.

К сожалению, я не знаю Вашего имени отчества, поэтому вынужден обращаться Б. Марк.

Я благодарен Вам за теплое и чистосердечное письмо и Ваше приглашение посетить Ваш институт, а также приношу свои извинения, что сразу вам не ответил.

Вы просите дать Вам дополнительные материалы об организации восстания. Мне читали [статью] изданную в бюллетене «Восстание в Собибуре» и там, мне кажется, почти все написано, ведь за такой короткий срок, за 22 дня, что я там находился, едва ли возможно было развернуть какую-либо работу, за исключением побега.

Я знаю, что наша подпольная группа была организована впервые, и большую роль в ней сыграли польские евреи, но их нужно было направлять, а сами по своей инициативе они не решались. Основной успех побега, мне кажется, заключался в том, что [в] подпольную группировку входило только 7 человек: я, Лейтман, который был непосредственным помощником и хорошим агитатором, и 5 польских евреев, из них особенную роль играл Борух<sup>[516]</sup>, в лагере он был кантор. За два часа до побега знала та часть советских военнопленных, которые должны были уничтожить фашистов, и за одну минуту до побега – весь лагерь. Только строгая конспирация обеспечила победу лагерникам. Я все время встречался только с Борухом, а за 2 дня до побега у нас было совещание всех подпольщиков. Мы должны были бежать 13 октября, но в тот день был еврейский праздник Иомкипур<sup>[517]</sup> и большинство просило перенести на 14 октября. После побега я был в группе 50-ти человек, но на следующую ночь мы разбрелись на мелкие группы, со мной ушло на советскую сторону 8 человек, это т. Шубаев, Вайспапир, Цибульский, Ицкович, Мазуркевич и другие, все мы партизанили. Я в отряде им. Щорса, остальные им. Котовского. При слиянии с Советской Армией я был затем на фронте, где был ранен. Моя биография в основном в Вашем бюллетене написана, за исключением настоящего времени. Я работаю на заводе «Ростметиз», рабочим-отдельщиком багетного цеха.

Из всех лагерников я встретил в 1953 году Аркадия Вайспапир[а] в городе Луганске, где он работал инженером.

Фотографических материалов по лагерю у меня нет, да и не могло быть. Откуда?

Бюллетень, изданный Вашим институтом я получил, за что Вам благодарен, в своем письме. Вы писали, что вышлете мне книжку, написанную Вами лично, я надеюсь ее получить.

Я очень Вам благодарен за приглашение посетить Ваш институт 19 апреля 1960 г., в день годовщины восстания в Варшавском гетто. Я с большим удовольствием постараюсь приехать и надеюсь в этот день встретить кого-либо из лагеря Собибур, мне хотелось бы побывать в тех местах, где был расположен лагерь, но мне кажется, для того, чтобы я имел возможность выехать в Польшу, мне нужно от вас получить официальное приглашение и, быть может, от Польского правительства разрешение на въезд, и только после этого я смогу просить у нас разрешение на выезд.

Привет всем работникам института.

С дружеским приветом и глубоким уважением, Подпись (Печерский)

22 окт[ября] 1959 г.

**Документ № 3. Письмо А. Вайспапира В. Р. Томину и А. Г. Синельникову. Артемовск [не ранее 1962 г.]**

Уважаемые Валентин Романович и Александр Георгиевич!

Выполняю вашу просьбу и отвечаю на интересующие вас вопросы. Думаю, что эти советы вам пригодятся при работе над книгой о восстании узников Собибура.

Я родился в 1921 г. в с. Б[обровый] Кут Калининдорфского района Херсонской обл. Калининдорфский район – это был первый еврейский национальный район. Мои родители были колхозниками колхоза “Дер Ройтер октобер”(Красный октябрь).

До седьмого класса я учился в с. Б[обровый] Кут, а в 1939 г. окончил десятый класс Калининдорфской средней школы. В сентябре 1939 г. Поступил в Одесский пединститут на физмат факультет, но в этом же месяце был отозван из института в связи с призывом в Красную Армию. Призывной комиссией получил отсрочку на 1 год. Этот год я работал учётчиком в тракторной бригаде нашего колхоза.

В декабре 1940<sup>[518]</sup> 25 октября 1940 г. был призван в армию и зачислен рядовым в 123 стр[елковый] полк 62 стр[елковой] дивизии 5-ой армии. В этом полку служил сначала курсантом полковой школы, затем командиром <нрб.> отделения.

Перед началом ВОВ находился вблизи Зюмицы в районе г. Любомиль<sup>[519]</sup>. Участвовать в боях начал с 23 июня 1941 г.

В 123-м полку прослужил до 18 сентября 1941 г. 18 сентября был тяжело ранен в правую ногу (перелом кости ниже колена) и не эвакуирован из ротного пункта сбора раненых. Таким образом, попал в плен к немцам в р[ай]оне севернее Киева.

Немцами был вывезен сначала в г. Гомель и затем через Бобруйск в г. Минск, где находился в госпитале военнопленных в Пушкинских казармах до апреля 1942 г.

В апреле 1942 г. переведён в лагерь СС по улице Широкой в г. Минске.

В этом лагере пробыл до октября 1943 г.

В октябре 1943 г. был переведён в лагерь смерти ст. Собибур на р. Буг.

При коллективном побеге, организованном Александром Печерским, сбежал из лагеря и с октября 1943 г. по апрель 1944 г. находился в партизанском отряде им. Фрунзе, Сталинской бригады Брестского

соединения сначала в должности пулемётчика, затем командира пулемётного отделения.

В апреле 1944 г. наше соединение соединилось с армией в р[ай]оне г. Камень-Каширский<sup>[520]</sup> и я попал в 222-й армейский запасной полк 70-ой армии, где прослужил в должности командира пулемётного отделения до апреля 1945 г.

С апреля 1945 г. по май 1945 г. – в 199-й отдельной разведроты 165 дивизии – разведчиком.

С мая 1945 г. по май 1946 г. – в 314 гвардейском стр[елковом] полку старшиной пулемётной роты. 15 мая 1946 г. демобилизовался.

В сентябре 1946 г. поступил и в 1951 г. окончил Запорожский институт с[ельско]/хоз[яйственного] машиностроения, после чего был направлен на работу в г. Ворошиловград<sup>[521]</sup> на завод им. «XX-летия Октября». К работе на заводе приступил 24 июля 1951 г. сначала мастером участка, затем ст[аршим] технологом цеха. В декабре 1953 года был направлен на работу в МТС. В должности начальника мастерских проработал в Стародубской МТС Брянской обл. до июля 1957 г.

В июле 1957 г. переехал с семьёй в г. Артёмовск Донецкой обл., поступил на работу в должности начальника тех[нического] отдела Артёмовского ремонтно-механического завода.

В настоящее время работаю главным инженером этого завода.

Женился в 1947 году. Моя жена Фаина Самойловна работает учительницей. Старшему сыну 14 лет, младшему – 3 года.

Некоторые эпизоды из моей жизни в плену<sup>[522]</sup>.

В госпитале военнопленных, несмотря на плохое питание и медицинское обслуживание, у меня быстро срослась кость раненой ноги. Когда в феврале 1942 г. началась эпидемия тифа, я уже передвигался по корпусу при помощи палочки. Порядок был такой: если раненый заболел тифом, его переносили в другой корпус, а с того корпуса была одна дорога – на кладбище. Никакого там не было ухода, лечения. Когда я почувствовал, что заболел тифом, я старался это скрыть, на ногах перенёс тиф и, когда потребовался санитар для ухода за больными тифом врачами и фельдшерами, я согласился работать санитаром.

За месяц работы санитаром я поправился.

Ведь больные ничего не кушали и, поэтому у меня было вдоволь хлеба и баланды. В марте месяце была произведена телесная проверка всех врачей, фельдшеров и раненых госпиталя для выявления евреев. Нас, обнаруженных 70 человек евреев, перевезли в лесной лагерь и посадили в



карцер. Это был погреб, состоящий из общего коридора, в котором горел свет и находилась охрана – из числа предателей Родины – и отдельных камер. В камере света не было. Кормили по сто пятьдесят грамм хлеба в день и через день литр баланды. Набили нас в камеры так много, что на другой бок поворачивались по команде и по очереди 3–4 человека лежали у других на ногах. Каждое утро охранники открывали двери, спрашивали: «Сколько мёртвых? Выноси», раздавали паек и опять закрывали. Кроме голода нас съедали вши, с которыми в темноте не было никакой возможности бороться. За неполный месяц, что мы пробыли в карцере, человек пять сошли с ума. Сошедшие с ума оставались в карцере пока умирали. Охранники нам говорили, что в результате ноты Советского правительства, немцы приняли решение пленных не убивать. Нас посадили, чтобы мы умерли с голода.

В апреле месяце нас, оставшихся в живых 30 человек, перевели в Минский концлагерь СС по улице Широкой.

Через месяц нас из этой группы осталось 7 человек. В Минском концлагере находились еврейские военнопленные, специалисты (сапожники, портные, столяры), переведённые в лагерь из Минского гетто; а также уклонившиеся от работы, взятые за подозрение в связи с партизанами люди разных *специальностей*<sup>[523]</sup> национальностей.

Из лагеря брали на работу в разные организации г. Минска.

Порядки в лагере: кормили утром и вечером по 150 гр. хлеба, а на обед – баланда из нечищенной картошки. Заключённые стремились попасть на какую-либо работу. На работах «доставали» себе дополнительное питание.

За малейшую провинность беспощадно били плетками. Заключённых били комендант и его заместитель – немцы. Охранники из числа предателей (охраняли лагерь сперва предатели из литовского батальона, затем латвийского, а в 1943 г. – украинского) и также «старшие» из числа заключённых, которые также были «вооружены» плетками и использовали их на полную мощность.

На ночь бараки замыкались.

Первая работа, куда меня взяли, была «удача». Мы разбирали пришедшую в негодность мостовую одной из улиц Минска и тачками отвозили камень на обочину. Работа очень тяжёлая для измученных, слабых людей. Немец не «отдыхал» ни минутку – плетка все время была в работе. Бил за то, что принял от местных жителей кусок хлеба. Но жители Минска в основном через детей ухитрялись нам передавать то хлеба кусок, то варёных картошек.

Больше года я работал в одной из команд двора жандармерии. В этом

дворе работало 6–7 команд – всего человек 100. Наша команда из 13 человек состояла из двух групп. 7 человек нас работало по пилке и колке дров. На дисковой пиле дрова резали, кололи и разносили по квартирам. Остальные 6 человек работали подсобными со штукатурками, печниками.

Другая команда из 25 человек работала грузчиками на большой продуктовой базе. В эту команду брали физически крепких парней.

Летом 1943 года эти ребята решили организовать побег. Они договорились с полицейским – украинцем, работавшим в жандармерии шофером на грузовой машине, погрузить на машину оружие, которое они каким-то образом добыли из немецкого склада (говорили, что на чердаке оружейного склада находился склад тары и, пробив потолок, они вытащили винтовки из склада), усадить их на машине и под видом перевозки на другую работу, вывезти из города. Во время обеденного перерыва я ушёл к товарищу кушать. Он работал с печником и сварил картошку. О готовившемся побеге я ничего не знал. Из нашей группы, работавшей по колке дров с командой грузчиков, был связан один человек. Он не отлучался из циркулярки и, оказывается, охранял оружие, хранившееся под дровами в сгоревшем здании, где работала наша группа.

Винтовки хранились в мешке и, когда ребята начали грузить этот мешок на машину, их окружили немцы. Большинство из команды грузчиков переловили и всех заключённых, оказавшихся во дворе, перестреляли. Погибли и 6 моих товарищей, работавших у циркулярки.

Шофер – полицейский предал заключённых, он потом ходил по командам и на кого он указывал, как связанного с готовившими побег, уводили и расстреливали.

Из около ста человек заключённых, работавших в этот день во дворе жандармерии, 14 человек [из] нас увели в лагерь. Ещё раньше привезли человек 20 из команды грузчиков. Каким пыткам подверглись эти ребята – нельзя описать. Их рвали на куски собаки, их обливали кипятком, с них резали куски мяса и полуживых пристрелили.

С неделю во двор жандармерии на работу никого не брали и затем набрали новые команды. Я попал на работу в команду грузчиков, где работал до отправки в Собибур. Работа была тяжёлая, нас били за медленную работу и, главное, если попадались на краже продуктов. Но все равно ухитрялись украсть и передавать товарищам, работавшим в других командах.

Опишу момент побега из Собибура.

Жизнь в лагере довольно подробно описана тов. Печерским в его воспоминаниях, с которыми вы, конечно, знакомы.

Из лагеря смерти Собибур бежать было очень трудно, почти невозможно. В этом мы убедились с первых же дней пребывания в лагере. Одно преимущество перед Минским лагерем заключается в том, что лагерь находился в лесу и, если вырваться из лагеря – это уже почти избавление. Из Минского лагеря большинство бежавших (в основном из мест работ) попадались и не выбравшись из города, где было очень много немцев и полицейских.

Ясно было, что лезть на минное поле нет смысла. Я, Саша Шубаев и Семён Мазуркевич разработали следующий план побега: уборная лагеря находилась вблизи колючей проволоки, недалеко от угла лагеря, примыкавшего к домикам немцев. Мы решили на ночь остаться в уборной. С наступлением темноты разрезать проволоку напротив уборной, обождать пока подойдёт патруль, наброситься на него, обезвредить, и по дорожке между проволокой и минным полем, по которой двигался патруль, добраться до участка напротив офицерских домиков. Мы рассчитывали, что на этом участке вряд ли уложены мины, перебраться через участок поля и, разрезав второй ряд проволоки оказаться за лагерем. Вероятность успеха очень малая, если учесть, что лагерь хорошо освещался и, кроме патруля, лагерь охранялся полицейскими на вышках.

Поэтому, когда Печерский предложил нам свой план коллективного побега, план с большей вероятностью успеха и возможностью спасти большее число людей, мы сразу согласились быть активными организаторами восстания.

Как Саша Шубаев убил нач[альника] лагеря, вам известно. Я и молоденький парнишка из *кажется*<sup>[524]</sup> Варшавы, кажется, его фамилия была Лернер, находились в портняжной мастерской, вооружены мы были топорами. Когда начальник караула пришёл примерить макинтош, мы были наготове.

Он, видимо, чувствовал какую-то опасность, стал недалеко от закрытой двери и велел примерять. Мастер возился с ним. Когда стало ясно, что немец ближе к нам не подойдёт, мне пришлось идти на выход из мастерской.

Я, держа топор, прошёл мимо немца, затем повернулся и острием топора ударил его сзади по голове.

Удар, видно, был неудачный, ибо немец закричал. Тогда подскочил мой товарищ и вторым ударом до закончил немца. Всё произошло уже под вечер. Мы только успели оттянуть труп и укрыть его шинелями, как двери открылись и зашёл волжский немец. Он спросил: «Что у вас тут за беспорядок?». Старший портной ему что-то отвечал, а другие портные по-

одному стали выбегать из мастерской. Когда волжский немец нагнулся над трупом начальника караула, укрытым шинелями и спросил: «О! Это что такое?», я и за мной мой товарищ топорами и его зарубили.

Мы с товарищем таким образом приобрели по пистолету и, кроме того, мне старший портной передал бумажник офицера – обершэфюрера Граубшица.

Отвечаю на другие вопросы:

1) В Минском лагере мы жили «семьей» – у человека. Яша Торжаковский<sup>[525]</sup>, прибывший вместе со мной из карцера и госпиталя военнопленных из-за инвалидности (у него не сгибалась в колене нога), работал уборщиком в лагере. Все, что я, Фима и Зямка приносили с работ, мы сдавали ему, и по приходу с работы он нас встречал готовым «ужином», чаще всего картошкой в мундирах или «пюре».

Зямка погиб во время описанного мною неудавшегося побега из жандармского двора. Яшка, видно, попал в газовые камеры. Фима был со мной в Собибуре дней 7–8, потом их человек 10 увели в третий лагерь, и больше я его не видел. После этого я подружился с Семеном Мазуркевичем. Мы с ним были в одном партизанском отряде, в одном батальоне в запасном полку. На фронт он попал раньше меня. Мне писали товарищи, что он погиб при освобождении Данцигского коридора.

2) Считаю, что организатором восстания является Печерский. Ему активно помогали Шлейма Лейтман, Саша Шубаев, Я, Борис Цыбульский, Сеня Мазуркевич и др.

3) Я не проходил проверки в «филтролагере» и не подвергался репрессиям за пребывание в плену. *после*<sup>[526]</sup>

После появления статьи в «Комсомольской правде», получил письма от Печерского и Розенфельда.

P.S. Фотографии прошу вернуть.

С уважением (подпись)

А. Вайспапир

Мой адрес: г. Артемовск, Донецкая обл.<sup>[527]</sup>

Ул. Артёма, 24, кв.3

Домашний телефон 25–84

**Документ № 4. Письмо С.М. Розенфельда из г. Гайворон<sup>[528]</sup> А.Г. Синельникову в Москву. 30 апреля 1962 г.**

Уважаемый тов[арищ] Синельников!

Мне хотелось бы как получше ответить вам на все интересующие вас вопросы, но прошедшие 19 лет немножко мешают [эту](#)<sup>[529]</sup> этому.

Основные факты я запомнил на всю жизнь и я их вам описал. А незначительные эпизоды как-то позабыл.

Вспоминается мне случай в парикмахерской. Немцы терпеть не могли небритых людей. И поэтому на территории лагеря № 1 работали 2 или 3 парикмахера. Как-то я зашел побриться. Мне пришлось подождать 5 минут, так как кресло было занято другим узником.

Когда парикмахер начал меня брить, на территории лагеря № 1 появился Вагнер. После меня клиентов больше не было, и, если я уйду из парикмахерской, и Вагнер застанет парикмахера без работы, то он его сильно побьет. Для того, чтобы выручить товарища мне пришлось сидеть с намыленным лицом минут 40, пока не подошел другой клиент.

Все узники жили очень дружно между собой. А мы, русские, особенно были дружны. Нас все очень уважали, даже такой капо, как косоглазый Бжецкий, который безжалостно бил всех подряд, не смел нас, русских, и пальцем тронуть.

Я вам хочу описать еще один факт из лагерной жизни. В лагере у нас существовала специальная, так называемая, «Банофскоманда». Их было человек 20–25, капо у них был Моник<sup>[530]</sup> – красивый молодой парень, никогда никого не бил. Они были все одеты в специальной сшитую для них форму.

Вместо фуражек они носили польские конфедератки, жили они в намного лучших условиях, чем остальные узники.

Это всё было сделано немцами с одной целью. А цель была у них вот такая: в обязанности «Банофскоманды» входило по прибытии эшелона с людьми, распломбировать все вагоны и после того, что люди освободили вагоны, они вычищали и вымывали вагоны. Как видите, обязанности были самые простые. Но тут должен был сыграть другой фактор – красивая форма и порядочные ряшки «Банофскоманды» должно [было] психически подействовать на новоприбывших узников (мол, они попали в хороший лагерь и им будет неплохо тут).

Люди раздевались, шли в баню.

А дальше вам известно.

Больше ничего не могу вспомнить. Извините за короткую память. С уважением к вам

30.04.62. Подпись

**Документ № 5. Копия письма А.А. Печерского А.М. Вайспапиру.  
Ростов-на-Дону, 4 декабря 1962 г.**

Дорогой Аркадий!

После возвращения из отпуска я неожиданно выехал в командировку на ярмарку в Москву и только дня два как приехал.

Писатели уже начали писать книгу, кое-что мне зачитывали. Написано интересно, приблизительно в марте-апреле в черне они закончат и приедут в Ростов для того, чтобы я ознакомился и сделал свои замечания<sup>[531]</sup>.

Посылаю тебе кое-какие материалы по Собибуру, быть может тебя они интересуют.

1. Отрывок из книги «Партизанская дружба», где говорится о Литвиновском. Я уже занялся его поиском.

2. Объявление люблинского полицая о нашем побеге, объявление было дано 15 ноября<sup>[532]</sup> октября, на следующий день после нашего побега. Этот документ для нас очень ценный.

3. Статья из чешской книги «Ночь и мгла».

4. Моя статья по просьбе еврейского журнала «Советская Родина» к 20-й годовщине восстания «Варшавского гетто».

Пока в моей жизни особых изменений нет, привет твоей семье от меня и моих.

4/ XII— 1962. С уважением.

Подпись

**Выписка из книги «Партизанская дружба», сделанная А.А. Печерским<sup>[533]</sup>**

Библиотека им. Ленина, г. Москва К161/391

Партизанская дружба.

Изд. «Дер-Эмес» 1948 год

А.Ф. Федоров 63 и 64 стр.

Яростно дрался с немцами Ефим Владимирович Литвиновский. Он не шутя называл себя «выходцем с того света». И действительно: Литвиновский пришёл к нам, вырвавшись, что называется, из объятий смерти. Когда началась война, Литвиновскому было двадцать лет. Он жил в Куйбышеве, был студентом, учился пению. В Красную Армию ушёл добровольцем. В одном из боев он был ранен и, раненый, попал в плен. Его перебрасывали из лагеря в лагерь и, наконец, отправили в Собибур. Теперь уже все знают, как немцы убивают людей в таких их лагерях, как

Освенцим, Майданек, Собибур. Но когда в 1943 году Литвиновский рассказывал нам о чудовищных зверствах немцев, о кострах из трупов, о «банных», в которых уничтожали заключённых, о том, как фашистские людоеды истребляли тысячи детей – мороз подирал по коже. Литвиновскому «повезло»: в числе других, немцы приказали ему сжигать трупы убитых. Это дало возможность Литвиновскому и его товарищам принять активное участие в восстании. Выждав день, когда немецкая стража ушла на стрельбище, узники Собибур подняли восстание. Они захватили склад оружия, убили оставшихся в лагере немцев. Но прорваться им сразу не удалось: ворота охраняли немецкие пулеметчики. Восставшие топорами проделали проходы в колючей проволоке. Несколько человек подорвалось на немецких минах, открыв безопасный путь остальным. Долго отстреливались бежавшие, долго бродили по лесам. Вместе со своим товарищем по лагерю Цодиком-Хаимом Левиным, каменщиком из Каунаса, потерявшим всю свою семью, Литвиновский после мучительных странствий пришёл в наше соединение. Литвиновскому и Левину было за что мстить немцам.

**Документ № 6. Письмо А. Печерского В. Р. Томину. Ростов-на-Дону, 25 января 1963 г.**

Уважаемый Валентин Романович!

Дня два тому назад получил письмо от Литвиновского, в котором он мне прислал по моей просьбе полное описание пройденного пути во время войны. В этом письме он мне пишет, что копию он выслал Вам, поэтому я не посылаю Вам. Но если Вы не получили – напишите, я Вам сразу вышлю. В его письме имеются некоторые неточности, о которых я Вам скажу, эти неточности могли вызваны быть тем, что было давно, и затем он мог узнать через других лиц.

1. Первая неточность – в Смоленске лесного лагеря не было, а был такой в Минске, вернее на окраине (загород) и в дальнейшем он пишет «что когда его выявили как еврея, то посадили в тёмный подвал (в нем я сидел) и на машине потом отвезли в Минский лагерь на Широкой. Все, что произошло со мной.

Из Смоленска в Минск на машине их не отвозили бы. Он просто забыл.

Я с Вами говорил о капо в Минском лагере, который помогал лагерникам бежать и все время путал его фамилию. Литвиновский пишет правильно – это был «Розенблат»<sup>[534]</sup>, я точно вспомнил. Но для всех он был гроза, поэтому он о нем так и пишет – но это была маскировка, в



действительности он очень многих спасал. Но об этом знала небольшая группа, которым он доверял.

Он пишет, что его в Собибур вывезли в июле-августе, он путает события: неудачный побег 50 человек из ЦБФРАУ был в августе, а нас вывезли в сентябре.

В Собибуре нас отобрали не 25–30 человек, а около 80 человек, об этом даже пишут в «Комс[омольской] Правде» от 2 сент[ября] 1944 года. Показания лагерников в Польше.

На стрельбище во время побега охрана не ходила – это его ввели в заблуждение. Ведь день 14/10 был заранее назначен, и мы не могли знать, что солдат уведут на стрельбище.

Винтовки украли девочки из офицерск[ого] домика, и водопроводчики<sup>[535]</sup> жестянщики в водосточных трубах их пронесли.

Он пишет, что они убили в лесу немца, а потом вернулись обратно.

А кто их привел??? Для меня это выглядит очень странным. Я люблю правду. Но, это дело его. (Конечно, между нами. Я имею в виду Вас и Сашу<sup>[536]</sup>.)

Еще имеется ряд моментов – но дело его. Во всяком случае, по его описанию он действительно был в Минском и Собибуровском лагерях.

Описал все очень хорошо, видать парень грамотный, много пережил, я его вполне понимаю.

Валентин Романович, я Белову написал письмо, с просьбой зайти в библиотеки и найти евр[ейский] журнал. Я думаю, он сделает.

Мои дела. Подал я заявление в первичную парторганизацию, они должны были рассмотреть, но в последний день зашли в Райком проконсультироваться, и там сказали, что нужно через Обком.

Днями зайду, честно говоря, у меня сейчас настолько напряжены нервы, что просто боюсь заходить. Я думаю, что в конце февраля или начале марта буду дня 2–3 в Москве.

Валентин Романович, Вы обещали, если будет удобно в комитете заикнуться в отношении Варшавы.

Когда Вы думаете быть в Ростове?

Если у меня будут какие-либо новости, сразу напишу.

Большой привет Саше<sup>[537]</sup>

Привет семье от меня и моих

25/I 1963 года. С уважением (подпись)

**Документ № 7. Письмо А. Вайцена А. Синельникову<sup>[538]</sup>. Рязань, 14 мая 1965 г.**

Здравствуйте, Александр Георгиевич!

С приветом к вам Алексей Ангелович!

Извините за задержку на вопросы, оправдываться не буду, служба – один ответ.

Вы просили, чтоб описать об гараже. Гараж находился в первом секторе недалеко от центральных ворот и ласточкина гнезда, был построен совместно с остальными [по] стройками в апреле 1942 года. Строительство производили – работу выполняли – узники. Город был оборудован фундаментально, где имелась и мастерская по ремонту машин. Начальником города был фашист-немец Вилли Броннинберг – шофера были немцы Поволжья (фольксдойче) и изменники Родины – власовцы. В последнее время там работало несколько человек из узников, в том числе Борис Стронский. 14 октября в гараже Борисом был убит Броннинберг.

Подпольный комитет первоначально решал начать восстание на 13 октября, но среди комитета были подпольщики, которые верили в разные несчастливые числа, а 13 – это, по-ихнему мнению, было несчастливое, и решено было начать восстание с убийств немцев СС по мастерским в 16:00 14.X.43 года.

Про начало восстания и убийств [а] фашистов знали подпольный комитет и лица, которые непосредственно должны были уничтожить немцев, а остальные узники узнали, когда выстроили и им объявили, что немцы перебиты. Каждый имел свою ближайшую задачу прорыва проволочного ограждения, захвата склада арт[иллерийского] вооружения и уход в лес.

Что [из] себя представляли эс[э]совцы – в большинстве это специально обученные садисты и отобранные для уничтожения людей.

1. Густав Вагнер – садист; рост 189 см., сутулый; кончил специальную школу убийц; лицо продолговатое; волос каштановый;

избивал, расстреливал заключенных рабочих из лагеря, ставил к стенке вместо мишени.

2. Губерт Гомерский – типичный садист, бывший боксер, среднего роста, чернявый, изверг – сотни рабочих убил он собственноручно – подготовленный убийца.

3. Конрад Френцель – командир 2-го лагеря; среднего роста – 168 см; блондин; подготовленный убийца, садист – издевался над заключенными, расстреливал, избивал – на его счету несчетное количество убитых узников.

4. Йоган Нойман – политический комиссар – он же комендант всего

лагеря; 170 см; блондин; типичный садист; прибыл в лагер[ь] Собибор в конце 1942 года, после его приезда лагерь был переоборудован – трупы стали выкапывать и сжигать; казнью людей лично руководил – после приезда эшелонов держал речи. На его счету много уничтоженных узников.

Был убит узниками в швейной мастерской 14.X.43 г.

5. Фридрих <Нрб.> – рост 165 см; садист; руководил сортировкой вещей убитых, уничтожая и расстреливая рабочих лагеря.

Был убит во 2-м лагере 14.X.43 г.

6. Курт Вольф – высокого роста 175 см; лицо с прыщами; сутулый; волос седоват. Садист, находился на охране вещей<sup>[539]</sup> в сортировочном складе.

Убит там же 14.X.43 г.

7. Зигфрид Вольф – брат Курта; однорукий садист; находился в складе для сортировки вещей – лично водил с собой Бахира, который ему чистил обувь; Бахир жив, находится в Израиле.

Был убит в складе 14.X.43 г.

8. Карл Винц – среднего роста; находился на сортировке вещей, он же бухгалтер от драгоценностей. Садист.

Был убит в своей кладовой 14.X.43 г.

9. Отто-Геттингер – комендант 3-го лагеря, руководитель газовой камеры, палач № 1; рост 173 см; брюзглий; волос каштановый; обученный специалист по уничтожению людей.

Убит в столяр[ной] мастерской 14.X.43 г.

10. Карл-Клятте – рост примерно 162–163 см. – руководил сжиганием <...>

<...> из предателей Родины, во время прихода эшелонов руководил загоном людей в газовые камеры.

Убит 14.X.43 г

14. Пауль Итнер – начальник мастерских; подготовленный убийца; отправлял эшелоны с награбленным им[ущест]вом от убитых невинных людей.

Убит 14.X.43 г.

В лагере смерти Собибур я был хорошо знаком [с] Бахиром, Маргулисом, Гольтфарбом, <нрб.>, Стронским, Юзефом и много-много других, которые мы были почти с самого основания лагеря смерти. Дружба была у всех, но встречи были запрещены.

Жизнь в лагере была ужасна – избиение за малейшую провинность, кормление плохое – единственное, что спасало узников, это в дни, когда приходили эшелоны нас<sup>[540]</sup>, мы подбирали хлеб от убитых людей, которые

оставляли свои вещи во время раздевания, когда они шли «в небесную баню».

На всём протяжении пребывания в лагере велась работа с узниками, вели подрывную работу уничтожали хорошие вещи, прятали золото, драгоценности, многие за эти вещи поплатились жизнью, но ничего, ничего не могло остановить узников от подрывной работы. Разъясняли узникам успехи Красной Армии, победу под Сталинградом, в то время над ласточкиным гнездом был спущен черный флаг – у немцев был траур 3 дня. Сведения поступали по разным каналам, в том числе на сортировке вещей мы находили письма, записные книжки от людей, которые уходили навечно в газовые камеры. Многие стали пробиваться на свет от людей, которых оставляли в живых для продолжения работы в лагере.

Работа ожила, особенно после прибытия в лагерь Печерского и других узников из Минского лагеря.

О третьем секторе нам стало хорошо известно от наших узников, когда приезжал Гиммлер и от нас взяли 20 ребят [для] стрижки волос 300 девушкам, которых привезли из Люблина для показа, как работает машина по уничтожению людей.

Во время восстания я находился на сортировке овощей и вместе с другими. Цибульскому помогал уничтожать братьев Вульф, Карла[и] Винца, Альберта Гюнтера, трое из них были убиты вместе, а Винц в своей <нрб.>. Лично убивал Борис Цибульский. После того, как фашисты были убиты, я вернулся с группой 6-ти человек во 2-й лагерь. Пистолеты были у Цибульского после возвращения во 2-й сектор через 20 минут было поднято всеобщее восстание.

Обрисовать портрет заключенных. Это можно будет, когда в совместной беседе вы будете интересоваться в отдельности каждым узником.

Извините, очень тяжело писать.

До встречи. Подпись

P.S. Жду от вас письмо.

## **«Я принимал непосредственное активное участие в проводимых немцами массовых расстрелах». Из судебных дел травниковцев**

*В данном разделе приводится ряд материалов уголовных дел периода 1947–1950 гг. двух «травниковцев». Полагаем, что эти впервые публикуемые документы из фондов Управления Федеральной службы безопасности России по Республике Татарстан являются ярким дополнением к статье А. Шнеера. Осужденные И.А. Тарасов и Ф.М. Ульяник детально описали «повседневную жизнь» и службу вахманов СС, совершенные ими преступления. Подробно зафиксирована следователями система обучения, подготовки (боевой и морально-политической) курсантов учебно-тренировочного лагеря СС в Травниках. Карательные операции, в которых участвовали эти «травниковцы», проводились в восточной и юго-восточной Польше – Хелм (в тексте упоминается как Холм), Парчев (в тексте Парчево), Люблин, т. е. как раз в тех районах, откуда местные евреи массами депортировались в Собибор и Треблинку (в тексте Тримблинка), а также другие «лагеря смерти». И. Тарасов, Ф. Ульяник и А. Тихонов, процесс по обвинению которого проходил в сентябре 1946 г. (протоколы его допросов также приводятся ниже), участвовали в антиеврейских и антипартизанских операциях, служили в нескольких концентрационных лагерях в 1942–1945 гг.*

*Травниковцы рассказывают «со своей стороны» о том, о чем вспоминают выжившие узники Собибора. Ведь многие из них описали подробно как они оказались в Собиборе, какое участие принимали «украинцы»-полицейские в облавах и депортациях. Хотя, как мы можем убедиться по материалам нижеприводимых дел, где упоминаются еще многие травниковцы, национальный состав их был весьма пестрым.*

*Хочется обратить внимание на то, что все упоминания в протоколах допросов, все показания обвиняемых о преследовании и уничтожении евреев выделены и подчеркнуты в этих текстах. В обвинительных заключениях и приговорах так же отдельно указано уничтожение «еврейского населения». Т. е. отсутствует клише «мирные граждане», которое часто присутствовало в официальных документах. Между тем, это были времена весьма неоднозначного отношения советской власти как к евреям, так и к их трагедии в годы войны.*

*И. Тарасову еще «повезло»— в период вынесения ему приговора в СССР на короткий период (май 1947- январь 1950 гг.) была отменена смертная казнь и он получил 20 лет каторжных работ. Ф. Ульяник был осужден к расстрелу. Как можно убедиться, в реабилитации уже в наши дни им было отказано.*

*Публикуются основные документы из уголовных дел. Тексты печатаются без сокращений, орфография и стилистика оригиналов сохранена. Набор текста осуществляли А. Мелентьева и Л. Терушкин. Выражаем особую признательность сотрудникам УФСБ по Республике Татарстан и лично кинорежиссеру и историку Вадиму Гасанову за возможность использования этих документов.*

**Дело № 473 по обвинению Тарасова И.А. 16 августа – 6 октября 1947 г. [Казань]**

Документ № 1. Постановление о предъявлении обвинения (Л. 56).

УТВЕРЖДАЮ

Следотдел МГБ ТАССР-

Подполковник (подпись) (Цирульницкий)

28 августа 1947 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о предъявлении обвинения)

Гор[од] Казань 28 августа 1947 г.

Мл[адший] следователь Следственного отдела МГБ ТАССР Аминов, изучив следственный материал по делу № 24667 и приняв во внимание, что Тарасов Иван Андреевич достаточно изобличается в том, что на почве своего враждебного отношения к Советской власти, изменил – 2 июля 1941 года сдался в плен немцам.

Будучи в плену у немцев, добровольно поступил на службу в полицейские органы войск «СС» в качестве полицейского-охранника.

В конце 1941 года окончил полицейскую школу войск «СС» в м. Травники (Польша), дал подписку о своем желании служить Германии и бороться против Советской власти, принял присягу на верность службы фашистской Германии. При лагере смерти в м. Травники (Польша) нес караульную службу по [охране] заключенных, принимал участие в облавах и погромах еврейского населения, расстреливая и избивая при этом больных и слабых. После окончания школы получил звание «вахман».

До апреля 1945 г. в лагерях смерти в г. г. Люблин (Польша), Львов, Бухенвальд (Германия), нес караульную службу по охране заключенных, конвоировал их на работы, принимал непосредственное активное участие в

погромах еврейского населения, в массовых расстрелах заключенных в лагерях смерти.

ПОСТАНОВИЛ:

Руководствуясь ст. 128 УПК РСФСР привлечь Тарасова Ивана Андреевича в качестве обвиняемого ст. 58-1 «б» УК РСФСР, о чем объявить обвиняемого под расписку в настоящем постановлении. Копию постановления, в порядке ст. 146 УПК РСФСР, направить прокурору.

Мл[адший] следователь капитан Следотдела МГБ ТАССР (подпись)  
(Аминов)

СОГЛАСЕН

Нач[альник] первого отд[елени]я капитан Следотдела МГБ ТАССР  
(подпись)

Документ № 2. Протокол допроса обвиняемого Тарасова Ивана Андреевича. Город Казань. 28 августа 1947 г. (допрос начат в 20.30, окончен в 24.00). [Л. 57–60; каждый лист подписан И.А. Тарасовым]

Вопрос: Вам предъявляется обвинение по ст. 58-1 «б» УК РСФСР, сущность которого вам разъяснена. Признаете вы себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Ответ: В предъявленном мне обвинении по ст. 58-1 «б» УК РСФСР, сущность которого мне разъяснена, и я ее понял, виновником признаю себя полностью.

Действительно, 2 июля 1941 года я изменил Родине, о чем я подробно показал на допросе от 20 августа 1947 года.

Находясь в плену у немцев, в конце 1941 года я добровольно поступил на службу к немцам в полицейские органы войск «СС».

Моя служба в полицейских органах войск «СС» начинается с м. Травники (Польша), где я обучался в полицейской школе войск «СС» и которую окончил в конце 1941 года, получив при этом звание «вахмана» — полицейского войск «СС». В период обучения в данной школе дал подписку о своём желании служить Германии и бороться против Советской власти и ее армии, принял присягу на верность службы фашистской Германии. Одновременно с учёбой в полицейской школе войск «СС», нес караульную службу по охране заключенных в лагерях смерти в м. Травники, выезжал на облавы и погромы еврейского населения, при этом, как и другие участники облав и погромов, я избивал и расстреливал на месте больных, слабых и лиц, оказывающих нам сопротивление при проведении облав и погромов. Об обстоятельствах моего поступления в полицейскую школу войск «СС» в м. Травники и о всей моей преступной



деятельности в период пребывания в данной школе показал на допросе от 21 августа 1947 года.

Также признаю себя виновным в том, что я с окончанием полицейской школы войск «СС» по апрель 1945 года включительно находился на службе у немцев в лагерях смерти в гор. Люблине (Польша), Львове и м. Бухенвальд (Германия), нес караульную службу по охране заключённых, конвоировал их на работы, выезжал на облавы и погромы еврейского населения.

Кроме того, в период моего нахождения в названных мною лагерях смерти я принимал непосредственное активное участие в проводимых немцами массовых расстрелах заключенных в лагерях смерти: русских военнопленных, евреев, поляков и других.

До начала Отечественной войны я каких-либо враждебных чувств по отношению к Советской власти не питал, однако, с первых дней войны, видя усиление в то время наступления немецких, решил, что Советская власть будет разбита.

Германией, поэтому 2 июля 1941 года изменил Родине – сдался в плен немцам, поступил к ним на службу и стал перед ними выслуживаться, невзирая при этом на тяжесть совершаемых мною преступлений. В этих целях, я при поступлении в полицейскую школу войск «СС» в м. Травники при беседе с капитаном немецкой армии заявил ему, что я враждебен по отношению к Советской власти и изъявил свое желание бороться против Советской власти.

Протокол мне прочитан, с моих слов записан правильно. Подпись. Тарасов

Допросил: мл[адший] следователь Следотдела МГБ ТАСССР  
Капитан (Аминов). Подпись

Документ № 3. Протокол допроса обвиняемого Тарасова Ивана Андреевича. Город Казань. 26 сентября 1947 г. Допрос начат в 21.00, окончен в 2.00 [Л. 112–116; каждая страница подписана И.А. Тарасовым]

Вопрос: Расскажите подробно, при каких обстоятельствах вы были направлены в полицейскую школу войск «СС» в м. Травники (Польша)?

Ответ: Примерно в сентябре 1941 года в Винницкий лагерь военнопленных, где в то время содержался и я, как военнопленный, приехал немецкий офицер в чине капитана. По его указанию, все военнопленные лагеря, примерно около 500 человек, были выстроены. Немецкий офицер и сопровождавшие его другие двое офицеров ходили перед строем военнопленных и из строя выводили высоких, рослых и

здоровых военнопленных. В числе выведенных ими был и я. Присутствовавший здесь же немец-враг осмотрел нас всех, после этого.

Каждый прошедший медицинский осмотр через переводчика был допрошен капитаном немецкой армии, который в основном интересовался только<sup>[541]</sup> биографическими данными допрашиваемого. После такого маленького допроса, каждому отобранному военнопленному, в том числе и мне, было объявлено, что мы все направляемся для обучения в полицейскую школу войск «СС» в м. Травники (Польша). Таким образом, из всего числа выстроенных военнопленных, нас было отобрано всего 21 человек. Все отобранные военнопленные составляли в основном физически здоровую молодежь, все, за исключением 2–3 человек, были высокого роста, плотного телосложения. В этот же день после отбора мы были погружены на автомашины и направлены в м. Травники.

Вопрос: Значит, ещё будучи в Винницком лагере военнопленных, вы знали, что вас направляют обучаться в полицейскую школу войск «СС»?

Ответ: Да, находясь еще в Винницком лагере военнопленных, я знал, что меня направляют обучаться в полицейскую школу войск «СС». Об этом мне объявил немецкий офицер, который допрашивал меня после проведения моего медицинского осмотра.

Вопрос: Почему же вы на допросе от 21 августа 1947 года показали, что вы не знали о вашем направлении в полицейскую школу войск «СС», а, якобы вам тогда сказали немцы, что вас берут просто на работу?

Ответ: В начале следствия я пытался скрыть отдельные моменты своей преступной деятельности, боясь в сурового наказания, а поэтому этот факт скрыл. Тогда же я скрыл, но на прошлом допросе уже показал о том, что по прибытии в м. Травники мне был присвоен номер. Однако, и сегодня я никак не могу вспомнить, какой именно у меня был номер.

Вопрос: В Травниковской школе полицейских войск «СС» в период вашего обучения находилась только ваша группа в 21 человек, или же были и другие слушатели?

Ответ: В период моего обучения в данной школе, вместе со мной проходили обучение отобранные в Винницком лагере 21 человек военнопленных. Однако, перед нашим приездом в м. Травники, там находилось около 50 человек, очевидно, уже окончивших школу полицейских, так как все они были одеты в форму полицейских-эсэсовцев и через 2 дня после нашего приезда были куда-то отправлены.

Вопрос: На допросе от 15 августа 1947 года вы показали, что вы начали заниматься в данной школе совместно с группой русских военнопленных

50 человек, а на данном допросе показываете, что они окончили школу полицейских до вашего приезда.

Уточните это противоречие.

Ответ: На допросе от 15 августа 1947 года я не точно показал, что в школе полицейских я начал заниматься вместе с группой русских военнопленных в 50 человек. Правильным надо считать мое показание, данное на сегодняшнем допросе. После прибытия в м. Травники нашей группы в 21 человек, эти 50 человек дня через два были куда-то отправлены, и я вместе с ними никогда не обучался.

Вопрос: Назовите, кого вы знаете из этой группы пятидесяти человек полицейских?

Ответ: Из данной группы полицейских я никого не знаю, так как немцы нас к ним не допускали, а они к нам также не подходили.

Протокол мне прочитан, с моих слов записан правильно.

Допросили: ст[арший] следователь Следотдела МГБ ТАССР  
лейтенант Подпись (Гурок).

мл[адший] следователь Следотдела МГБ ТАССР  
капитан Подпись (Аминов)

Документ № 4. Выписка из протокола допроса Тихонова Александра Петровича от 11 сентября 1946 г. Допрос начат в 20 часов [Л. 134]

Вопрос: Расскажите об этом подробно, когда и как это было?

Ответ: Я не знаю, известно ли для следствия, что из себя представляет лагерь в Травниках, это не просто учебный лагерь, но это, вместе с тем, являлся в лагерь смерти.

До поступления нас на работу в качестве охранников лагерей, как я уже давал показания, мы проходили учёбу, за время этой учёбы нас систематически воспитывали в антисоветском духе и особую ненависть прививали в отношении евреев, в результате чего мы действительно начали питать ненависть к еврейскому населению.

После окончания учебы мы получили оружие – винтовки, точно дату не помню, но так в начале ноября месяца 1942 года 10 человек немецкий офицер взял с собой, мы вышли за пределы лагеря, где примерно метрах в 300 от лагеря расположен барак, там содержались заключенные евреи. Подойдя к бараку, нас остановили, а потом по одному человеку заводили в этот барак и предлагали расстреливать каждому по одному человеку, то же предложили мне, когда я пришел в этот барак, то уже был выведен и стоял очевидно ожидающий смерти один еврей, офицер мне предложил расстрелять его, и я из своей винтовки этого еврея расстрелял, то же самое

проделали и остальные курсанты, все без исключения. Вскоре после того, как все курсанты прошли это «испытание», наша группа в составе примерно 150 человек, в том числе были и немцы, направили в город Петряково<sup>[542]</sup> (Польша), где мы по распоряжению немецкого офицера сгоняли евреев в гетто и там их охраняли.

При сборе евреев некоторые сопротивлялись и не желали выходить из квартир, таких лиц нам было приказано расстреливать на месте, т. е. в квартирах, и мне пришлось встретиться: в одной квартире лежал в постели старик еврей в возрасте примерно более 60 лет, он по-видимому не мог идти, и поэтому выходить из дома отказался, и поэтому я его застрелил прямо в постели.

Кроме того, мне в этом же селе пришлось принять участие в групповом расстреле евреев. В один день перед наступлением темноты нас собрал немецкий офицер, примерно 40 человек, в том числе были и немцы, и повел к еврейскому гетто, там мы взяли человек 100 евреев, вывели их за город и там расстреляли, я лично принимал в этом непосредственное участие. Эта карательная экспедиция по истреблению евреев в городе Петряков находилась в течение 3-х месяцев, в составе которой принимал участие я в качестве рядового солдата войск «СС».

ДОПРОСИЛ НАЧ[АЛЬНИК] АКТАШСКОГО РО МГБ ТАССР  
ЛЕЙТЕНАНТ \_\_\_\_\_ подпись

ВЫПИСКА ВЕРНА: Ст[арший] оперуполномочен[ный] 2-го отд[елени]я  
4 отдела

МГБ ТАССР подпись (Ремизов)

Документ № 5. Выписка из протокола допроса Тихонова Александра Петровича от 26 сентября 1946 г. Копия. [Л. 135]

Вопрос: Будучи в батальоне охраны «СС», вам делалось татуировка?

Ответ: Находясь в охранном батальоне «СС» в Гузене<sup>[543]</sup> (Австрия) всем полицейским в 1944 году, в том числе и мне, делалось татуировка.

Вопрос: На каком месте и для какой цели это делалось?

Ответ: Татуировка делалась на внутренней стороне левого предплечья, где вкалывали буквы «ОАБ», обозначающие группу крови, лично у меня было выколото «АБ».

Вопрос: И сейчас это татуировка имеется?

Ответ: Нет, после освобождения из плена, вернее после капитуляции немецкой армии, чтобы скрыть следы совершенного мною перед Родиной

преступления, я свою татуировку пытался скрыть, на месте которой выколол цветок.

Вопрос: Какие документы вам были выданы на руки, удостоверяющие вашу личность и службу в немецких карательных органах «СС»?

Ответ: Находясь в учебном лагере «СС» в Травниках, мне было выдано удостоверение личности с моими биографическими данными, подтверждающее службу в лагере «СС».

В конце 1943 г. подобное удостоверение личности было заменено на ЗОЛЬБУХ, что в переводе на русский язык означало солдатскую книжку, но только с фотокарточкой.

Вопрос: Как вы назывались, будучи на службе в карательных органах «СС»?

Ответ: Находясь в батальоне охраны «СС» в Травниках, мы назывались «СС-вахманы», во всех последующих лагерях звались просто эсэсовцами.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан, в чем и расписываюсь: А. Тихонов

Допросил: Следователь Следотдела МГБ ТАССР

Мл[адший] Лейтенант: Дерюгин

Выписка верна: мл[адший] Следователь След[отдела] МГБ ТАССР капитан подпись (Аминов)

Документ № 6. Выписка из протокола допроса арестованного Тихонова Александра Петровича от 11 ноября 1947 года. [Л. 136]

Вопрос: Из числа кого комплектовался «СС-овский» учебный лагерь?

Ответ: Учебный лагерь «СС» в Травниках комплектовался из числа военнопленных, проявивших себя на службе у немцев.

Вопрос: Кого готовили в учебном лагере в Травниках?

Ответ: Учебный лагерь «СС», в котором я обучался, готовил охранников лагерей.

Вопрос: Какой срок обучения был в «СС-овском» учебном лагере? Ответ: Срок обучения в учебном лагере был три месяца.

Вопрос: Что входило в программу обучения?

Ответ: В программу обучения входило: строевая и огневая подготовка, несение караульной службы и политподготовка, сопровождаемая профашистской агитацией и клеветой на Советский строй.

Вопрос: Вы закончили обучение в «СС-овском» учебном лагере? Ответ: Да, весь курс обучения в лагере мною был закончен. Кроме того, по окончании учёбы, в порядке проверки нашей преданности фашистской

Германии, нас заставляли расстреливать мирное население, в чём и принимал участие лично я.

Вопрос: Кто вами был расстрелян в порядке, так называемой проверки вашей преданности фашистской Германии?

Ответ: По окончании учебы в Травниках, всем обучавшимся, в том числе и мне, было предложено расстрелять одного человека, для чего нас отводили за город в специально отведенный сарай, где помещались евреи.

Войдя в этот сарай, стоящего ко мне спиной еврея, в которого я выстрелил и убедившись, что он убит, из сарая вышел, кто он был конкретно, я не знаю.

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА МГБ ТАССР

МЛ[АДШИЙ] ЛЕЙТЕНАНТ \_\_\_\_\_(ДЕРЮГИН)

ВЫПИСКА ВЕРНА: Ст[арший] оперуполномочен[ный] 2-го отд[елени]я 4 отдела МГБ ТАССР

Мл[адший] лейтен[ант] Подпись (Ремизов)

Документ № 7. Протокол допроса обвиняемого Тихонова Александра Петровича от 30 ноября 1946 г. Копия. Допрос начат в 11 ч. 20 м. [Л. 137–139].

Тихонов Александр Петрович, 1919 года рождения, уроженец дер. Бухарай, Акташского р-на ТАССР<sup>[544]</sup>, русский, беспартийный, гражданин СССР, из крестьян-середняков, образование 7 классов, по специальности шофер, проживает в дер. Бухарай, Акташского района, без определенных занятий.

Вопрос: Расскажите, когда, кем и при каких обстоятельствах вы были направлены в учебный лагерь войск «СС», дислоцировавшийся в местечке Травники (Польша)?

Ответ: После пленения я находился в лагере военнопленных в гор. Холм (Польша), где исполнял обязанности полицейского лагеря.

В июне месяце 1942 года в лагерь № 319 приехал немецкий офицер войск «СС», врач-немец и переводчик в форме немецкого офицера, эта группа, как мне стало известно позже, являлась комиссии по отбору военнопленных в учебный лагерь войск «СС».

В процессе своей работы, комиссия из числа полицейских лагеря отобрала группу, примерно в 40 человек, и из числа рядовых военнопленных группу, примерно 150–160 человек – всего в результате прохождения комиссии было отобрано около 200 человек.

На следующий день после прохождения комиссии, всю нашу группу в 200 человек погрузили на автомашины и отправили в учебный лагерь войск

«СС», который дислоцировался в местечке Травники (Польша) – это примерно в 60–70 километрах от гор. Холм.

Вопрос: Поясните порядок прохождения вами, а также и другими лицами вышеуказанной комиссии, т. е. подвергались ли вы при этом допросу, каким-либо испытаниям и т. д.? И какие требования предъявлялись комиссией для проходящих её?

Ответ: Для прохождения комиссии были построены все, в то время находившиеся в лагере военнопленные – всего было построено примерно 15–20 тысяч военнопленных, комиссия заседала на территории лагеря, под открытым небом. Из числа построенных, поодиночке военнопленные подходили к столу, за которым расположилась комиссия, где, в первую очередь, подвергались медицинскому осмотру со стороны врача-немца, после чего некоторые, которые, вероятно, подходили к требованиям комиссии, подвергались небольшому опросу со стороны переводчика – записывались лишь установочные данные.

Отбрав таким образом из числа рядовых военнопленных нужное им количество, а всего было отобрано примерно 150–160 человек, комиссия прекратила осмотр оставшихся военнопленных и распустила их по баракам.

После рядовых военнопленных, комиссию проходили военнопленные, состоявшие на службе у немцев полицейскими, в их числе был и я – всего проходила комиссию примерно 70–80 полицейских, а из их числа было отобрано 40 человек, в их числе был и я.

Какие требования предъявлялись комиссией к проходящим ее, я точно не знаю, но, в основном, в учебный лагерь войск «СС» отобрали физически здоровую молодёжь, никаких испытаний при этом не было.

Вопрос: Когда вы прибыли в учебный лагерь войск «СС»?

Ответ: В учебный лагерь войск «СС» я прибыл в конце июня месяца 1942 года.

Вопрос: Какими документами было оформлено ваше поступление в учебный лагерь «СС»?

Ответ: В конце июля или в начале августа 1942 года, точно сейчас не помню, я и другие прибывшие из гор. Холма, военнопленные поодиночке вызывались в штаб учебного лагеря войск «СС», где с нами беседовал немецкий офицер через переводчика. В процессе опроса переводчик заполнил на меня анкету, в которой указывались все мои автобиографические данные, на все вопросы переводчика я дал правдивые ответы, скрыв только то, что я был член ВЛКСМ.



Кроме вышеуказанной анкеты, я еще подписал несколько документов, название и содержание которых я сейчас точно не помню, но примерно в них было указано, что я арийского происхождения и что в моей родне не было никогда евреев, что я не являлся членом Коммунистической Партии и ни членом ВЛКСМ – все эти документы были заранее напечатаны на машинке, и я на них только учинил свою роспись.

Ещё за несколько дней перед выездом в штаб, нас всех поодиночке фотографировали с приколотым на груди номером – мой номер был 2370. После всех этих оформлений, мне было выдано удостоверение, на котором была наклеена моя фотография.

Вопрос: Что из себя представлял учебный лагерь войск «СС»? Ответ: Учебный лагерь войск «СС» представлял из себя военный лагерь, обнесенный проволокой, но часовые находились только в воротах – охраняли лагерь сами же обучавшиеся в нём. На территории лагеря находилось примерно 6–7 деревянных одноэтажных бараков, в которых проживали обучавшиеся, штаб лагеря размещался в отдельном двухэтажном доме, кроме этого, на территории лагеря находилось общежитие для немецких офицеров, обучавших нас и разные хозяйственные помещения.

Вопрос: Какой был режим и распорядок дня в учебном лагере войск «СС», в котором вы обучались?

Ответ: Распорядок дня в учебном лагере войск «СС» был следующим:

В 6 часов утра – подъем, с 6 до 7 – туалет, с 7 до 8 – завтрак и подготовка к занятиям, с 12 до 14 – обеденный перерыв, с 14 до 18 – занятия, с 18 до 19 – ужин, с 19 до 22 – свободное время и в 22 часа – отбой.

В выходные дни по увольнительным обучавшиеся в лагере выходили в посёлок и другие места, иногда выводили строем, в дни занятий из лагеря не выпускали.

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны, в чём и расписываюсь: Тихонов.

Допросил: Следователь Следотдела МГБ ТАССР

Лейтенант: (Татуркин).

Копия верна:

Мл[адший] Следователь Следотдела МГБ ТАССР

Капитан: Подпись (Аминов)

Документ № 8. Протокол допроса обвиняемого Тихонова Александра Петровича от 4 декабря 1946 г. Допрос начат в 20 ч. 40 м. Копия [Л.140–141].

Тихонов Александр Петрович, 1919 года рождения, уроженец дер. Бухарай, Акташского р-на ТАССР, русский, беспартийный, гражданин СССР, из крестьян-середняков, образование 7 классов, по специальности шофер, проживает в дер. Бухарай, Акташского района, без определенных занятий.

Вопрос: Какое Вы получили звание и должность после окончания обучения в учебном лагере «СС» в м. Травники (Польша)?

Ответ: После окончания обучения в учебном лагере «СС» в м. Травники, я был зачислен рядовым охранником войск «СС».

Вопрос: Каким испытаниям подвергались вы и другие обучавшиеся в школе и при ее окончании?

Ответ: По окончании школы мы прошли экзамены по строевой подготовке и, кроме этого, каждый из нас расстрелял по одному человеку еврейской нации.

Вопрос: Расскажите подробнее о расстреле вами еврея?

Ответ: Это было примерно в конце сентября 1942 года, перед этим вся наша рота, в которой я учился, получила оружие, я получил винтовку русского образца. Наше отделение вывели за территорию лагеря, где находился сарай. Каждый из нас входил в сарай и расстреливал по одному еврею.

Лично зашел в сарай третьим из нашего отделения, зашел в сарай, я увидел у противоположной стены человека, который ко мне стоял спиной. Я поднял винтовку и выстрелил, человек, стоявший у стены упал, а я вышел из сарая.

Вопрос: А где находились евреи, предназначенные для расстрела? Ответ: Они находились в сарае за ширмой, и немцы их по очереди ставили к стенке под расстрел.

Вопрос: Куда вы были направлены из учебного лагеря «СС»?

Ответ: По окончании обучения в учебном лагере «СС» в начале 1942 года, я был отправлен в гор. Петряков (Польша).

Вопрос: Сколько человек вас было направлено в гор. Петряков и для выполнения каких заданий вы туда выехали?

Ответ: В г. Петряков я был направлен в составе целой роты охранников войска «СС» с заданием охраны еврейского гетто и для массового уничтожения.

Показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны, в чём и расписываюсь: Тихонов.

Допросил: Следователь Следотдела МГБ ТАССР

Лейтенант: (Татуркин).

Копия верна:

Мл[адший] Следователь Следотдела МГБ ТАССР

Капитан: Подпись (Аминов)

Документ № 9. Приговор военного трибунала Приволжского военного круга. 20 декабря 1947 г. [Л. 168–169].

#### ПРИГОВОР

Союза Советских Социалистических Республик 1947 г. декабря 29. Военный трибунал Приволжского Военного Округа в закрытом судебном заседании в г. Казани в составе

Председательствующего майора юстиции Бердникова

Членов: старшего лейтенанта Чеботова младшего лейтенанта Жаркова

При секретаре – старшем лейтенанте юстиции Дужникове <...> участия сторон-обвинения и защиты, рассмотрев дело № 0267 по обвинению

Тарасова Ивана Андреевича, 1916 года рождения, уроженца и жителя деревни Киндери, Юдинского района Тат. АССР, русского, гражданина СССР, грамотного, беспартийного, женатого, несудимого, призванного в Советскую Армию Юдинским райвоенкоматом <нрб.> августа 1940 года, в преступлении, предусмотренном ст. 58-1 «б» УК РСФСР

#### УСТАНОВИЛ:

Подсудимый Тарасов, будучи на фронте, 2 июля 1941 года, с оружием в руках перешел на сторону войск противника. Находясь в лагере советских военнопленных, Тарасов в конце сентября 1941 г. изъявил желание, и был немцами зачислен для обучения в школу войск «СС». Дал подписку немцам о желании бороться против Советского государства и принял присягу на верность службы фашистской Германии. По окончании школы, получил звание «вахмана» полицейских частей «СС» и при испытании на преданность немцам, расстрелял одного заключенного. После окончания специальной школы, Тарасов, является полицейским войск «СС», после <нрб.> проходя службу в Травниковском, Люблинском, Львовском лагерях смерти и Бухенвальдском концлагере, принимал личное участие в массовом уничтожении – расстрелах содержащихся в этих лагерях советских военнопленных, лиц еврейской и других национальностей, в избиениях слабых и истощенных. За период сентябрь 1941 года по апрель 1945 года, немцами, при личном участии Тарасова, было расстреляно более десяти тысяч человек. Помимо этого, участвуя в облавах и погромах простого населения, проявлял насилие и угрозы, расстрелял на месте четырех человек, нивчем<sup>[545]</sup> не повинных людей.

На основании изложенного, Военный Трибунал признал Тарасова

виновным в измене Родине, т. е. в совершении преступления, предусмотренного ст. 58-1 «б» УК РСФСР, поэтому, руководствуясь ст. ст. 319 и 320 УПК РСФСР

**ПРИГОВОРИЛ:**

Тарасова Ивана Андреевича на основании ст. 58-1 «Б» УК РСФСР, с санкции ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года, к ссылке в каторжные работы сроком двадцать/ 20/ лет, с поражением в правах, предусмотренных п.п. «б» и «в» ст. 31 УК РСФСР сроком на пять / 5 /лет, без конфискации имущества, за отсутствием такового у осуждённого.

Срок наказания Тарасову начислить с 16 августа 1947 года.

Приговор может быть обжалован в Военную Коллегию Верховного суда Союза ССР через Военный Трибунал в течении 72 часов с момента вручения копии приговора осужденному.

Председательствующий: Подпись члены: Подпись

Подпись

Документ № 10. Постановление военного прокурора 10-го отдела Главной военной прокуратуры подполковника юстиции Крюкова. Москва, 28 мая 1956 г. [\[546\]](#) [Л. 207–209]

Военный прокурор 10 отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции КРЮКОВ, рассмотрев материалы дополнительной проверки, жалобы и материалы архивно-следственного дела по обвинению ТАРАСОВА Ивана Андреевича, 1916 года рождения, уроженца дер. Киндери, Юдинского района, Татарской АССР, русского беспартийного, ранее не судимого, служившего в Советской Армии с августа 1940 г. по июль 1941 г., УСТАНОВИЛ:

29 декабря 1947 года военным трибуналом Приволжского военного округа ТАРАСОВ осужден по ст.58-1 «б» УК РСФСР с санкцией ст.2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. к 20 годам каторжных работ с поражением в правах на 5 лет.

В кассационном порядке приговор обжалован не был.

Судом ТАРАСОВ признан виновным в том, что он 2 июня 1941 г. с оружием в руках перешел на сторону немецких войск. Находясь в лагере военнопленных, он в сентябре 1941 г. изъявил желание и был немцами зачислен в школу войск «СС», дал немцам подписку о своем желании бороться против Советского государства и принял присягу на верность Германии.

По окончании указанной школы получил звание вахмана полицейских

частей войск «СС», при испытании преданности немцам расстрелял одного заключенного и после служил в качестве полицейского войск «СС» в охране лагерей смерти в Травниках, Люблине,

Львова и Бухенвальде. Исполняя указанную должность, ТАРАСОВ принимал личное участие в массовом уничтожении советских военнопленных, лиц еврейской и других национальностей, участвовал в избиении слабых и истощенных заключенных.

С сентября 1941 г. по апрель 1945 г. немцами при личном участии ТАРАСОВА было расстреляно более 10000 человек. Помимо этого ТАРАСОВ участвовал в облавах и погромах против местного населения, применял к ним насилие и лично расстрелял во время облавы четырех человек.

В суде ТАРАСОВ показал:

«2 июля 1941 года на территории Бессарабии я умышленно отстал от своей роты и с оружием в руках добровольно сдался в плен к немцам.

Примерно в сентябре 1941 г. меня в числе 20 человек военнопленных направили в полицейскую школу войск «СС», которая находилась в лагере смерти в м. Травники. Учиться в этой школе я дал свое согласие и дал подписку, что изъявил желание служить в пользу Германии и бороться против Советской власти. Там я принял присягу».

(л.д.165)

«Во время учебы мы выезжали на облавы еврейского населения окрестных сел. Я вместе с немцами ходил по домам и выгонял евреев из домов. Больных или не желающих выходить из домов расстреливали на месте, в том числе расстреливал и я. В одном доме я в упор расстрелял старика и старуху».

(л.д.165об.)

«Перед окончанием учебы в школе при сдаче испытаний на преданность немцам я расстрелял одного заключенного еврея» (там же), «После окончания школы мне было присвоено звание вахмана и я был направлен в г. Люблин, где нес охрану заключенных и принимал участие в массовых расстрелах заключенных. В этом лагере немцами при моем участии было расстреляно около 5 тысяч» (л.д. 166)

«Расстреливал я по приказанию немцев».

(л.д.1 об.)

Аналогичные обязанности ТАРАСОВ исполнял и за период службы в лагерях смерти Львова и Бухенвальда, где он также принимал участие в

массовых расстрелах заключенных и с его участием было уничтожено около 5 тысяч заключенных граждан. (л.д.136–167)

Обучение ТАРАСОВА в немецкой школе войск «СС» в Травниках подтверждается приобщенной к делу выпиской из трофейного документа о лицах, обучавшихся в указанной школе (см. отд. пакет).

Косвенно обучение в школе ТАРАСОВА и участие его в зверствах над заключенными подтверждается приобщенными выписками из показаний свидетелей ТИХОНОВА А.П. и ЩЕРБИНИНА И.В.

Так, обучавшийся в Травниковской школе войск «СС» ТИХОНОВ показал:

«По окончании учебы в Травниках все обучавшимся, в том числе и мне, было предложено расстрелять одного человека, для чего нас отводили за город в специально отведенный сарай, где помещались евреи. Войдя в этот сарай, я увидел стоящего ко мне спиной еврея, в которого я выстрелил и, убедившись, что он убит, из сарая вышел». (л.д.136)

Аналогичные показания дал и ЩЕРБИНИН (л.д.142–143). Наличие указанной школы «СС» подтверждено также сообщением КГБ при СМ СССР. (л.д.201)

ТАРАСОВ в ряде своих жалоб, начиная с 1954 года, вину свою в участии в расстрелах заключенных отрицает и показывает, что на предварительном следствии он себя оговорил в силу применения к нему со стороны следователя запрещенных методов следствия.

Однако допрошенный 12 декабря 1955 года в ходе дополнительной проверки по делу ТАРАСОВ вину свою в обучении в школе «СС», охране лагерей смерти и участии в расстрелах заключенных признал.

На этом допросе он показал:

«В м. Травники находился до марта 1942 г., проходил подготовку и нес охранную службу по охране арестованных советских граждан из числа еврейского населения, потом был переведен в Люблин, где также нес охранную службу по охране еврейского населения. То же самое и в Бухенвальде».

(л.д.127)

На вопрос, «Принимали ли Вы участие в расстрелах советских и польских граждан?» ТАРАСОВ ответил:

«Да, принимал участие в конвоировании советских и польских граждан, но расстреливали немцы, выводил я по 50 человек. Я сам лично расстреливал граждан, содержащихся в Львовском лагере смерти два или три раза по группе по 50 человек, лично застрелил по приказанию немцев

2–3 человека. За что стрелял их я и сам не знаю, я выполнял приказ немецкого командования». (л.д.197–198)

«Я принимал участие в облавах еврейского населения. При попытке к бегству по приказанию немецкого командования лично расстрелял 4 человека еврейской национальности» (л.д. 199).

Таким образом, преступление, совершенное ТАРАСОВЫМ, материалами дела доказано, квалифицировано правильно, мера наказания ему судом назначена в соответствии с тяжестью содеянного и оснований к пересмотру дела, о чем ходатайствует осужденный, не имеется.

В силу изложенного

ПОСТАНОВИЛ:

Жалобы ТАРАСОВА Ивана Андреевича о пересмотре его дела отклонить, надзорное производство прекратить и дело возвратить в КГБ при СМ Татарской АССР на хранение.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ОТДЕЛА ГВП ПОДПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ  
Подпись  
(КРЮКОВ)

Документ № 11. Заключение об отказе в реабилитации по уголовному делу № 491 в отношении Тарасова И.А. М.Ю. Шабалин, 19 июня 2003 г. [Л. 213]<sup>[547]</sup>

По приговору военного трибунала Приволжского военного округа от 29 декабря 1947 года бывший военнослужащий Красной Армии Тарасов Иван Андреевич. 1916 года рождения, уроженец д. Киндери Юдинского района Татарской АССР, русский, с начальным образованием, холостой, несудимый, в Красной Армии с августа 1940 года, арестован 16 августа 1947 года, – на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР, в соответствии со ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года осужден к ссылке на каторжные работы сроком на 20 лет, с поражением прав на 5 лет (л.д. 168–169).

В кассационном и надзорном порядке дело не пересматривалось. Данных о дальнейшей судьбе осужденного в деле нет. Обращений о реабилитации не поступало. Дело проверено в порядке исполнения Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий».

Судом Тарасов признан виновным в том, что он 2 июля 1941 года, изменив Родине, перешел с оружием в руках за сторону немецких войск. В сентябре 1941 года он добровольно изъявил желание и был немцами зачислен в школу войск «СС», где принял присягу на верность фашистской



Германии. После окончания школы он получил звание вахмана полицейских частей войск «СС». Лично расстрелял одного заключенного, доказав преданность немецкому командованию. После этого служил в полицейских частях войск «СС» в охране лагерей смерти в Травниках, Люблине, Львове и Бухенвальде. Исполняя свои служебные обязанности, принимал участие в массовом уничтожении советских военнопленных, лиц еврейской и других национальностей, участвовал в избиении слабых заключенных. В период с сентября 1941 года по апрель 1945 года при его непосредственном участии было расстреляно более 10000 человек. Помимо этого, он принимал участие в облавах на местное население и лично расстрелял 4 человек

(из приговора л.д. 94–95)

Допрошенный в ходе предварительного следствия и суда, Тарасов свою вину в измене Родине признал полностью, дал последовательные и непротиворечивые показания, соответствующие описательной части приговора (л. д 14-1.32, 164–167).

Вина Тарасова в измене Родине, его служба в немецких полицейских войсках «СС» в лагерях смерти, участие в расстрелах подтверждается показаниями свидетелей Тихонова, Щербинина, Леванова и Гизатуллина, а также вещественными доказательствами приобщенными к делу

(л.д. 56–71)

Таким образом, установлено, что Тарасов, являясь военным служащим, совершил измену Родине, то есть перешел на сторону врага, у которого проходил службу в качестве полицейского, то есть совершил умышленные действия в ущерб военной мощи СССР, а поэтому следует признать, что он осужден по ст. 58-1 «б» УК РСФСР обоснованно.

Принимая во внимание изложенное, в соответствии с п. «а» ст. 4 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий» Тарасов Иван Андреевич по настоящему делу реабилитации не подлежит

Старший помощник военного прокурора ПУрВО

подполковник юстиции

Подпись М.Ю. Шабалин

### **Дело № 1119 по обвинению Ульяника Ф.М. Декабрь 1950 г.**

Документ № 1. Протокол допроса обвиняемого Ульяник Федора Михайловича от 7-го декабря 1950 года. Допрос начат в 11 час. 30

мин. Окончен в 16 час. 10 мин. [Л. 82–93; каждый лист подписан Ф.М. Ульяником].

УЛЬЯНИК Федор Михайлович, 1922 года рождения, уроженец с. Нагутское, Курсавского района, Ставропольского края<sup>[548]</sup>, русский, беспартийный, проживал в гор. Казани по ул. Мало-Московской, дом № 16, кв. 2, работал токарем на Казанском механическом заводе.

ДОПРОСИЛИ: начальник следственного отдела МГБ Татарской АССР майор ШУКЛИН, ст[арший] следователь следотдела МГБ ТАССР капитан ХАСАНОВ.

ВОПРОС: Следствию рассказали о всех совершенных Вами преступлениях перед советским государством?

ОТВЕТ: Да, я рассказал о всех преступлениях, совершенных мною перед советским государством.

ВОПРОС: Какие преступления имеете в виду?

ОТВЕТ: Я имею в виду, во-первых: то, что я изменил родине; во-вторых, учился в немецкой полицейской школе «СС» в мест. Травники (Польша). Во время учебы в полицейской школе участвовал вместе с немцами в выселении еврейского населения из гор. Парчево /Польша/ и водворял их в концентрационные лагеря, охранял с немцами в лагерях захваченных, участвовал в карательных операциях против советских партизан. Возвратясь с карательной операции в Травниках, продолжал учебу, где занимались строевой подготовкой и огневой подготовкой, проходили тактические занятия, читались антисоветские лекции. После окончания школы был направлен в Люблин для несения охранной и караульной службы в концлагере, где содержались заключенные всех национальностей, конвоировал их на работу. Однажды зимой, месяц не помню, в Варшаве были волнения. В связи с этими волнениями, гражданское население немцами арестовывалось и заключалось в концлагеря. Были случаи, когда этих арестованных я конвоировал<sup>[549]</sup> со станции в лагерь и нес их охрану. Для какой цели из Варшавы привозили этих людей, мне неизвестно. Из комендатуры гетто брал заключенных евреев<sup>[550]</sup> и сопровождал их в концлагерь, где впоследствии они уничтожались<sup>[551]</sup> немцами. Охрану и конвоирование на работы заключенных я осуществлял и в Краковском лагере.

Кроме того, в Краковском лагере лично участвовал в расстрелах граждан еврейской национальности, привозимых из города. Мое участие<sup>[552]</sup> в расстрелах евреев выражалось в том, что я конвоировал их к месту расправы. Затем я был переброшен в Закценхаузен<sup>[553]</sup> для несения

охранной службы, конвоирования заключенных на работу. В связи с эвакуацией лагеря, с немцами заключенных сопровождал в гор. Шверин<sup>[554]</sup> (Германия), который оказался в руках американцев. В этот период в районе Шверина я, Жук и Слободенюк переоделись в одежду для заключенных, сознательно<sup>[555]</sup> остались среди них и все трое возвратились на советскую сторону под видом заключенных.

ВОПРОС: Следствию Вы далеко неполно рассказали о своей преступной деятельности. О чем еще не показали?

ОТВЕТ: О своей преступной деятельности я все рассказал и ничего не скрыл. Свое участие в расстрелах, охране и конвоировании заключенных, в выселении еврейского населения, участие в карательной операции против партизан не скрыл и рассказал все подробно.

ВОПРОС: Вы утверждаете, что рассказали все?

ОТВЕТ: Да, о себе я рассказал все и показал правдиво, так как было.

ВОПРОС: Уточните обстоятельства, при которых поступили на учебу в полицейскую школу «СС»?

ОТВЕТ: Отбор на учебу в Травниковскую полицейскую школу «СС» происходил так: находясь в лагере военнопленных в г. Ровно, всех военнопленных выстраивали в ряд и производили отбор тех, которые были более здоровые и не так истощены, и выбирали молодых по возрасту. Кто отвечал этим данным – указывали на этого военнопленного и отводили в сторону. Отбор производили два немца, один из которых, кажется, имел звание капитана, и, как впоследствии узнал, являлся начальником учебного лагеря, фамилию его не знаю, и с ним прибыл еще один, который разговаривал по-русски, форма у него была старая, кайзеровская, был в черной пилотке и с черными петлицами. Таким путем они отобрали порядочное количество военнопленных, точно сказать я не могу, так как отбор производили несколько раз. Всего отобрали человек 150. Нас всех отобранных, выстроили, сделали медосмотр, а потом прошли регистрацию. После этого нас отвезли в большое помещение, где опять выстроили, и немцы там объявили, что вы будете нести охранную службу, будете охранять помещения, мосты, лагеря и помещичьи имения, кто не желает, тот может выйти. Никто не отказался и из строя никто не вышел, в том числе из строя не вышел и я. Так проводился набор в Травниковскую школу. После этого нас заставили побриться, кормили отдельно, питание получали отдельно от всех военнопленных.

ВОПРОС: По одиночки<sup>[556]</sup> вызывали на беседу?

ОТВЕТ: Нет, нам всем вместе объявили, что будем направлены сначала на учебу, а затем на работу по охране мостов, хозяйств помещиков и лагерей, а когда прибыли в Травники, то там узнали действительные цели учебы в школе. Хотя всем, в том числе и мне, еще в Ровно было известно, что мы встали на путь измены родине.

ВОПРОС: Когда немцы объявили, что тот, кто не хочет служить у немцев, может выйти из строя, Вы вышли?

ОТВЕТ: Нет, не вышел.

ВОПРОС: Почему?

ОТВЕТ: Потому что я хотел служить у немцев<sup>[557]</sup>.

ВОПРОС: Значит, на службу к немцам пошли добровольно?

ОТВЕТ: Да, добровольно. Хотя знал, что изменяю родине<sup>[558]</sup>.

ВОПРОС: Почему на службу к немцам пошли добровольно<sup>[559]</sup>?

ОТВЕТ: Меня заставил страх умереть<sup>[560]</sup>, умереть голодной смертью, я думал, что впоследствии убегу, но не убежал, так как не было удобного момента и обстоятельств.

ВОПРОС: Вы неоткровенны на следствии. Изложите истинные причины, почему стали на путь измены родине?

ОТВЕТ: Нет, я откровенен. На службу к немцам я поступил добровольно в целях сохранения жизни.

ВОПРОС: Неправда. Скажите правдиво, почему Вы изменили родине?

ОТВЕТ: Я уже сказал, я боялся вообще умереть и боялся умереть голодной смертью, страх меня заставил изменить родине. А потом я думал сделать побег от немцев, ждал приближения фронта, чтобы совершить побег.

ВОПРОС: Сколько служили у немцев?

ОТВЕТ: На службе у немцев находился с конца июня 1942 года по 2-е мая 1945 года<sup>[561]</sup>.

ВОПРОС: Почему же Вы, как утверждаете, хотели перейти на сторону советских войск, за это время не совершили побега?

ОТВЕТ: В Кракове, например, нам не разрешалось ходить свободно, выходить в город, так что бежать было очень трудно, а для того, чтобы перейти к партизанам, нужно иметь связи, знакомство, связей с партизанами не имел, поэтому я ждал приближения Восточного фронта.

ВОПРОС: Вы имели возможность бежать. Почему не бежали?

ОТВЕТ: Я ждал приближения фронта, а связи у меня с партизанами не было, не знал, куда бежать.

ВОПРОС: Во время пребывания в Люблине, Кракове<sup>[562]</sup> и Закценхаузен Вы ходили в город?

ОТВЕТ: Да. В названных городах в свободное от дежурства время мы могли свободно ходить в город, и мы часто ходили. Были случаи, когда я ходил к знакомым девушкам.

ВОПРОС: Следовательно, при желании, могли бы совершить побег?

ОТВЕТ: Да, мог.

ВОПРОС: Почему же не бежали!

ОТВЕТ: Боялся репрессий.

ВОПРОС: По поводу измены родине и службы у немцев в течение 3-х лет, Вы даете несостоятельные объяснения. На путь измены родине Вы встали в силу своих враждебных убеждений к советскому строю. Следствие предлагает рассказать правдиво.

ОТВЕТ: Враждебных настроений у меня к советскому строю не было, если бы их я имел, находясь на американской стороне, я бы не вернулся в Советский Союз, я бы мог перебраться в западную Германию.

ВОПРОС: Вам некуда было деваться?

ОТВЕТ: Я мог бы остаться, но не остался, так как не имел враждебных настроений к Советскому Союзу.

ВОПРОС: Назовите лиц, вместе с Вами поступивших на службу к немцам?

ОТВЕТ: Вместе со мной на службу к немцам поступили: ГОРБУНОВ Борис; КУЗИН Иван; БОЙ Илья; ПАШКОВ, имя его не знаю; ЖУК Иван, в школе числился как ЖУКОВ Михаил; ЖИГАНОВ Евгений; ЕЖОВ, имя не знаю. Больше по фамилиям никого не помню.

ВОПРОС: Когда прибыли в Травники?

ОТВЕТ: В конце июня 1942 года.

ВОПРОС: Что Вам известно о полицейской школе «СС»?

ОТВЕТ: Школа располагалась в мест. Травники (Польша), от станции примерно в метрах в 300, на территории бывшего сахарного завода. Была огорожена каменным забором высотой примерно в 2,5–3 метра, на ее территории помещались двухэтажные здания. У ворот размещался штаб, оружейная камера, были мастерские по ремонту обуви и обмундирования, различные склады, парники, сад. Были еще барачные построения, примерно 3–4 барака, в которых размещались роты, а в крайнем здании помещалась школа младшего командного состава. Из Ровно<sup>[563]</sup> в Травники привезли нас на автомашинах в числе 150 человек. В первый день помыли в бане, переодели, два дня находились в советской форме, не было готово

обмундирование, затем были переодеты в немецкую форму, в старую кайзеровскую, брюки и гимнастерки цвета хаки. Недели две занятий никаких не было, потому что люди еще были истощенные и первые дни болели. Потом было оформление документов, в которых были записаны все биографические данные, приметы, имеющиеся на теле, делали отпечатание<sup>[564]</sup> пальцев, фотографировали, на документах расписывались. После этого были разбиты по ротам. Всего было 5 рот, и отдельно от нас была школа младшего комсостава, в которую подбирались люди из фолькодейчев<sup>[565]</sup>, знающие немецкий язык и из прибалтийских республик: эстонцы, латыши, литовцы. Я был в 3 роте 3 взводе, 2-го отделения, со мной в 3 роте были: ГОРБУНОВ, ЖУК, ПАШКОВ, ЖИГАНОВ, ЕЖОВ, ЮРЧЕНКО Павел, больше по фамилиям не помню. Две недели отдыхали, ничего не делали, затем начались строевые занятия, выстраивались поротно, шагали в ногу, изучали немецкий строевой шаг. Занятия производились по группам, проводили занятия младшие командиры. У нас было два младших командира, оба поляки, фамилии их не знаю. Командир роты был КУБИЦА – немец. Начальника школы фамилии не знаю, он офицер «СС», кажется, капитан «СС». После строевой подготовки занятия проходили в помещении, где проводились беседы в духе клеветнических выпадов против Советского Союза и воспитания нас в фашистском духе. В частности, широко насаждался антисемитизм и прививалась ненависть ко всему советскому. В частности, в отношении еврейского населения немцы говорили, что они должны находиться в лагерях за проволокой и должны уничтожаться, что фактически и делалось. Были занятия специального назначения, в отношении несения караульной и конвойной службы заключенных. Нам говорили, что если заключенный стоит у проволоки лагеря или подходит к вышке, то нужно стрелять. Если остановились на пост, то давался дополнительный инструктаж на месте, если конвоируешь заключенного на работу, и если он делает попытку бежать, то его нужно было стрелять на месте, не велено было им также общаться с польским населением, не разговаривать с польским населением. Также проходили тактические занятия и строевую подготовку. Были в школе и практические занятия.

ВОПРОС: Сколько времени обучались в школе?

ОТВЕТ: Мы приехали в конце июня 1942 года, пробыли там 3 месяца, затем были переброшены в Люблин.

ВОПРОС Вопрос: Какие предметы преподавались в школе?

ОТВЕТ: В основном была строевая и огневая подготовки. Проходили изучение конвойной и патрульной службы. Подвергались антисоветской обработке, т. е. читали нам профашистские лекции и беседы.

ВОПРОС: Школа была засекречена<sup>[566]</sup>?

ОТВЕТ: Утвердительно ответить не могу. Вначале нас называли «Украинская полиция», затем «вахманшафт», что означает «сторожевое объединение», а затем, в дальнейшем говорили, что мы относимся к войскам «СС». Когда выезжали на выселение еврейского населения, то давали инструктаж на месте.

ВОПРОС: К чему сводился этот инструктаж?

ОТВЕТ: Инструктаж сводился к тому, чтобы с польским населением никаких связей не иметь и о проводимых операциях никому не рассказывать. Вот, например, как операция проводилась в Парчево<sup>[567]</sup>. Не доезжая до Парчево, мы остановились в расположении одного военного городка, в котором находилась полиция и немецкие солдаты. Переночевав ночь, на рассвете погрузили на машины и выехали в Парчево. Немцы выехали на своих машинах, их выехало гораздо больше. Когда мы приехали в Парчево, нас разделили на группы, я пошел в группу, в которую вошли примерно 10 человек вахманов и около 20 человек немцев «СС», и были направлены на кирпичный завод, а остальная группа проводила облавы в городе. В Парчево через переводчика БЕНЗЕЛЬ получали инструктаж. Нам он поставил задачу: делать все, что нас заставят, поставили стоять на посту, значит стоять, если будут побегі, стрелять на месте, если будут какие сопротивления – применять физическую силу. Когда прибыли на завод, мы оцепили его, часть прибывших вахманов и полицейских остались в оцеплении, а я с группой вахманов и немцев начал выселять \_евреев<sup>[568]</sup>, проживающих на территории завода. Со мной в выселении евреев участвовал КУЗИН и два немца. Среди еврейского населения были старики, женщины и дети. При выселении мы делали так: заходили в комнаты и говорили «выходите», которые медленно собирались, их выталкивали. Так мы обошли все дома и выгнали евреев, сколько я лично прошел домов, не помню. В Парчево я находился недолго, потому что группа была небольшая, я конвоировал их на вокзал, там ждали основную массу, в городе эти операции происходили долго, там я не был, потом, через некоторое время начали поступать люди через площадь на вокзал. В городе участвовали в этой операции ЮРЧЕНКО и ГРИШИН. По рассказам этих людей, в городе творились ужасы. В Парчево мы были только один день и опять возвратились в Травники.



ВОПРОС: Вы в Травники возвратились с эшелоном или на машинах?

ОТВЕТ: На машинах. Людей в концлагерь сопровождали вахманы и немцы, в числе сопровождающих был ЮРЧЕНКО.

ВОПРОС: Куда были направлены эти люди?

ОТВЕТ: В м. Тремблинки для уничтожения.

ВОПРОС: Сколько было погружено в эшелон?

ОТВЕТ: От 3-х до 4-х тысяч человек<sup>[569]</sup>.

ВОПРОС: Куда в дальнейшем ЮРЧЕНКО был направлен?

ОТВЕТ: Вскоре ЮРЧЕНКО был направлен из Травников куда-то, я не знаю и больше его не встречал.

ВОПРОС: Вы в городе в облаве участвовали?

ОТВЕТ: Нет, не участвовал.

ВОПРОС: А на кирпичном заводе обыски производили?

ОТВЕТ: Я в обысках не участвовал<sup>[570]</sup>. Все вещи, которые изымались у еврейского населения, они отправлялись на склады, в Кракове был большой склад. Изъятие ценностей у евреев производилось немцами на вокзале: золото, деньги, часы. Я также на вокзале взял часы, деньги и обменял свои старые сапоги на новые. Этого я не отрицаю.

ВОПРОС: Какие перед Вами были поставлены задачи?

ОТВЕТ: Перед нами была задача – выселять евреев из квартир, как можно быстрее, вещи нам брать не разрешалось, вещи должны были оставаться на месте для того, чтобы в дальнейшем они изымались на склады<sup>[571]</sup>.

ВОПРОС: Вы в Парчево находились одни сутки, а затем возвратились в Травники<sup>[572]</sup>?

ОТВЕТ: Да, находился одни сутки и возвратился в Травники.

ВОПРОС: А после продолжали учебу?

ОТВЕТ: Да, а затем выезжал на карательные операции против партизан.

ВОПРОС: Расскажите о карательной операции против партизан? ОТВЕТ: Выстроили нас и через переводчика стали нам объяснять, что мы выезжаем на карательную операцию против партизан, район нам не назвали, партизан немцы обзывали бандитами и говорили, что выезжать нам нужно на банды. Предупреждали, чтобы мы себя вели осторожно, так как смерть может нас застать врасплох, предупреждали, чтобы мы выполняли все, что нам будет приказано. Выезжал весь лагерь, собирали нас по ротам, нам были выданы: каски, карабины и по 30 штук патронов. Выехали в ночное время на машинах, потому я не могу сказать, в каком именно направлении выезжали. Ехали чуть ли не всю ночь, было это в сентябре 1942 года. Привезли нас в

расположение немецкой воинской части. У немцев были карабины, гранаты, ручные пулеметы, автоматы. Когда мы приехали на место операции, нас расставили на посты вдоль дороги, связь осуществлялась мотоциклами, а задачей – немедленно задерживать всех появившихся граждан, если задержанный будет проявлять сопротивление, то применять к нему физическую силу, если появятся гражданские лица с вооружением, то их стрелять. Там мы простояли целый день, потом нас с постов сняли и на машинах перебросили на другой участок, где мы прочесывали лес. В лесу мы никого не обнаружили, к вечеру мы из леса вышли и пошли к дороге пешком, на дороге стояла наша машина и на машинах привезли нас в расположение воинских немецких частей, где получили продукты на 3 дня и уехали в Травники. В каком районе делали проческу леса, не знаю.

ВОПРОС: Бои с партизанами были?

ОТВЕТ: Нет, в это время никаких боев не было.

ВОПРОС: Население из населенных пунктов выгоняли?

ОТВЕТ: Нет, не выгоняли.

ВОПРОС: Уточните, в какое время это происходило?

ОТВЕТ: В сентябре 1942 года.

ВОПРОС: На допросе 2 октября Вы показали, что на карательные операции против партизан выезжали в конце 1942 года, а сейчас говорите, что в сентябре?

ОТВЕТ: Ранее я показал ошибочно. В действительности, операции проводились в сентябре 1942 года.

ВОПРОС: Какие практические занятия проходили во время учебы в школе?

ОТВЕТ: В качестве прохождения практики из школы мы выезжали в г. Парчев для ареста и выселения евреев и на карательную операцию против партизан. В Парчево мы арестовывали и вывозили еврейское население из города в концентрационные лагеря. Я лично в г. Парчево в группе немцев и других вахманов «СС», на кирпичном заводе ходил по квартирам с винтовкой в руках и выгонял из домов во двор завода евреев: стариков, женщин и детей. Когда их согнали <sup>[573]</sup> всех во двор, я их под оружием конвоировал на станцию, где они были погружены в эшелон. На станции до отправления поезда я нес их охрану, чтобы не разбежались, к тому же, проходила в эшелон погрузка евреев, задержанных во время облавы в городе. Когда погрузка эшелона была закончена (в эшелон погрузили около 3–4 т[ысячи] чел[овек] евреев), часть вахманов их сопровождала в лагерь смерти, где они были уничтожены. В лагерь смерти евреев сопровождал вахман ЮРЧЕНКО. В этот раз у одного еврея я взял новые сапоги, у

еврейки 800 злотых и часы. Один раз выезжали на карательные операции против партизан, которая окончилась безрезультатно. Других практических занятий не было.

ВОПРОС: Слушатели школы осуществляли расстрелы заключенных?

ОТВЕТ: За мое пребывание в школе, этого не было, может быть до меня или после были, я не знаю, но за мое пребывание, не было.

ВОПРОС: За время пребывания в школе слушатели, в том числе и Вы лично, принимали участие в расстрелах заключенных. Почему об этом скрываете?

ОТВЕТ: Нет, я говорю правду. В расстрелах заключенных в Травниках я не участвовал, если я в Кракове участвовал в расстрелах, то я сказал.

ВОПРОС: Арестованный ТАРАСОВ Иван Андреевич, окончивший в Травниках немецкую школу войск «СС», на допросе 16 сентября 1947 года показал, что в школе проводились своего рода «испытания», согласно которым слушатель должен был расстрелять беззащитного заключенного и каждый слушатель осуществлял расстрелы заключенных. Вы знаете ТАРАСОВА и подтверждаете ли его показания?

ОТВЕТ: ТАРАСОВА не знаю<sup>[574]</sup>? и показания его не подтверждаю. Когда находился в Травниках, расстрелов заключенных слушателями не было.

ВОПРОС: Назовите известных Вам изменников родине, обучавшихся вместе с Вами в полицейской школе.

ОТВЕТ: Кроме названных выше лиц, вместе со мной в полицейской школе в Травниках учились:

СТАЦЕНКО, имя его не знаю, по специальности учитель, примерно с 1912–1914 года рождения, откуда происходит, не знаю, находился в школе младших командиров и был он в нашей роте, хорошо играл на мандолине;

БУЛГАКОВ, имя не знаю, откуда происходит не знаю, примерно 1910 года рождения, работал в рабочей роте на скотном дворе, в Травники прибыл раньше меня;

СИРЧЕНКО, называл меня земляком, т. к. он из Северо-Осетинской АССР, служил в Советской Армии, в звании старшины;

ЩЕГЛОВ Евгений из гор. Буденновска<sup>[575]</sup>, примерно 1920–1921 года рождения;

ДУНАЕВСКИЙ, в Кракове за что-то расстрелян немцами перед строем;

ГРИШИН, имя не знаю, откуда происходит не знаю, примерно 1918–1919 года рождения;

КОВАЛЬСКИЙ, из республики Немцев – Поволжья, младший командир, имел звание вахмана, был у немцев переводчиком.

Больше по фамилиям не помню.

ВОПРОС: Обязательство давали о прохождении учебы в Травниках?

ОТВЕТ: Точно на этот вопрос ответить не могу, так как мне приходилось расписываться несколько раз. На чем я расписывался, не знаю, когда печатали пальцы – расписывались, фотографировали – расписывались, так что я не могу ни отрицать, ни утверждать.

Подпись Ульяник

Документ № 2. Обвинительное заключение по следственному делу 25513 по обвинению Ульяника Федора Митрофановича по ст[атье] 58-1 «б» УК РСФСР. 27 декабря 1950 г. [\[576\]](#) [Л. 135–137].

26 октября 1950 года Министерством государственной безопасности Татарской АССР за изменническую карательную деятельность арестован УЛЬЯНИК Федор Митрофанович.

Следствием установлено:

УЛЬЯНИК, являясь военнослужащим Советской Армии, в мае 1942 года попал в плен. Находясь в лагере военнопленных в г. Ровно, в июне 1942 года изменил Родине и добровольно поступил на службу к немцам.

(л.д. 18, 22, 51, 84)

Вскоре УЛЬЯНИК принял присягу на верность службы фашистской Германии, получил обмундирование, оружие и с июня по октябрь 1942 года в местечке Травники (Польша) проходил учебу в полицейской школе «СС», готовившей вахманов «СС» для несения службы в концлагерях.

(л.д. 18, 23, 24, 25, 30, 35, 51, 82, 84, 87, 88, 110, 111).

В сентябре 1942 года в период учебы в школе «СС» УЛЬЯНИК выезжал в г. Парчев (Польша), где участвовал в арестах и ограблении еврейского населения. Задержанные и арестованные в результате этой облавы граждане, около 3–4 тысяч человек, вывезены в Тримблинки и уничтожены.

(л.д. 18, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 45, 51, 52, 82, 89, 92).

В этом же сентябре 1942 года УЛЬЯНИК участвовал в карательной операции против партизан.

(л.д. 46, 47, 48, 52, 82, 91).

Окончив школу «СС», УЛЬЯНИК получил звание вахмана «СС» и в сентябре 1942 года направлен в г. Люблин, где до марта 1943 г., в так называемом «лагере смерти», охранял заключенных, подвергавшихся массовому уничтожению.

(л.д. 52, 53, 58, 60, 61, 62, 83, 123, 124, 127).

В начале 1943 года УЛЬЯНИК лично несколько раз по 500–600 человек доставлял заключенных еврейской национальности из гетто в расположение «лагеря смерти» для уничтожения. Во время конвоирования применял к ним физическую силу.

(л.д. 53, 63, 64, 65, 66, 95).

В марте 1943 года УЛЬЯНИК выехал в г. Краков, где до мая 1944 года продолжал нести службу в концлагере по охране заключенных.

(л.д. 18, 53, 69, 70, 72, 73, 96, 124).

Кроме несения охранной службы, в Краковском концлагере УЛЬЯНИК участвовал в массовых расстрелах заключенных. В марте 1943 года он участвовал в расстреле 60–70 человек, а в апреле того же года несколько раз участвовал в расстрелах заключенных группами по 10–15 человек.

(л.д. 53, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 83, 96, 97, 124, 125).

Будучи переброшенным в концлагерь г. Заксенхаузен (Германия), с мая 1944 года до апреля 1945 года УЛЬЯНИК продолжал нести охрану заключенных, использовавшихся немцами на каторжных работах.

(л.д. 18, 53, 98, 99, 100).

За активную карательную деятельность в феврале 1945 года УЛЬЯНИКУ присвоено звание обервахмана «СС».

(л.д. 111, 112, 113).

В апреле 1945 года УЛЬЯНИК, конвоируя заключенных из Заксенхаузена, с целью прикрытия своих преступлений, переделся в одежду заключенного и под видом последнего нелегально прибыл в Варшаву, где был задержан Советской военной комендатурой.

При прохождении государственной проверки УЛЬЯНИК о своей преступной деятельности скрыл.

(л.д. 54, 83, 101, 102, 103, 105).

В предъявленном обвинении по ст. 58-1 «б» УК РСФСР УЛЬЯНИК виновным себя признал в том, что, изменив Родине, добровольно поступил на службу к немцам, принял присягу на верность фашистской Германии, окончил полицейскую школу «СС», участвовал в карательных операциях против еврейского населения и партизан, охранял заключенных и участвовал в их расстрелах, получил звание обервахмана «СС» (л.д. 50–54, 111). Кроме личного признания в преступной деятельности, он изобличается показаниями осужденного АКИМОВА (л.д. 122–125), арестованного ГЕЛИКОНОВА (л.д. 126–127) и трофейными документами (л.д. 129, 130).

На основании изложенного о б в и н я е т с я

УЛЬЯНИК Федор Митрофанович, 1922 года рождения, уроженец села Нагутское, Курсавского района, Ставропольского края, из рабочих, русский, гр-н СССР, беспартийный, образование 6 классов, до ареста проживавший в городе Казани и работавший токарем на механическом заводе, в том, что, находясь на фронте Отечественной войны и оказавшись в плену, добровольно поступил на службу к немцам, принял присягу на верность фашистской Германии, получил обмундирование и оружие, окончил полицейскую школу «СС», участвовал в карательных операциях против еврейского населения и партизан, нес охранную службу в концлагерях, участвовал в массовых расстрелах заключенных, получил звание обервахмана «СС», т. е. в совершении преступлений, предусмотренных ст. 58-1 «б» УК РСФСР.

В соответствии с требованиями ст. 208 УПК РСФСР следственное дело 25513 по обвинению Ульяника Ф.М. по ст. 58-1 «б» УК РСФСР, направить военному прокурору для предания обвиняемого суду военного трибунала.

Обвинительное заключение составлено «26»декабря 1950 г. в городе Казани

СТ[АРШИЙ] СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА МГБ ТАССР

к а п и т а н Подпись (ХАСАНОВ).

«С О Г Л А С Н Ы»

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДОТДЕЛА МГБ ТАТАРСКОЙ АССР

к а п и т а н Подпись (ГОРШЕНИН)

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА а МГБ ТАТАРСКОЙ АССР

м а й о р Подпись (ШУКЛИН).

Документ № 3. Заключение об отказе в реабилитации по уголовному делу № 5538 в отношении Ульяник Ф.М. 26 ноября 2002 г. [\[577\]](#) [Л. 220–221].

По приговору военного трибунала войсковая часть 19854 от 14 февраля 1952 года бывший военнослужащий

Ульяник Федор Митрофанович, 1922 года рождения, уроженец села Нагутское, Курсавского района, Ставропольского края, из рабочих, русский, гражданин СССР, с начальным образованием, холостой, ранее не судимый, арестованный 26 октября 1950 года, – осужден на основании ст. 58-1 «б» УК РСФСР к расстрелу, без конфискации имущества.

(л.д. 177–178)

Определением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 12 апреля 1952 года, приговор оставлен в силе, а кассационная жалоба без удовлетворения.

(л.д. 191–192)

3 июня 1952 года приговор приведен в исполнение.

(л.д. 194)

Обращений о реабилитации не поступало. Дело проверено в порядке исполнения Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 года.

Согласно приговору, Ульяник признан виновным в том, что он, находясь в плену, в 1941 году поступил на службу в охранные войска «СС».

Приняв присягу на верность фашистской Германии, получив оружие и обмундирование, до 1945 года участвовал в карательных операциях против еврейского населения и партизан, нес охранную службу в концлагерях, участвовал в массовых расстрелах заключенных.

За активную служебную деятельность получил звание «обервахмана СС».

(из приговора, л.д. 177–178)

Изложенные в описательной части приговора обстоятельства подтверждаются показаниями осужденного, а также показаниями свидетелей Акимова, Геликонова и трофейными документами.

(л.д. 122–127, 129–130)

Таким образом, установлено, что Ульяник, являясь военнослужащим, совершил измену Родине, т. е. добровольно перешел на сторону врага, у которого проходил службу в качестве военнослужащего немецкой армии, чем совершил умышленные действия в ущерб военной мощи СССР, а поэтому следует признать, что он осужден по ст. 58-1 «б» УК РСФСР обоснованно.

На основании изложенного и в соответствии со ст. 4, п. «а» Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18.10.1991 г. реабилитации не подлежит.

Дело подлежит возврату в УФСБ РФ по Республике Татарстан. Военный прокурор отдела реабилитации

Военной прокуратуры ПУРВО

Подполковник юстиции Подпись ЧАЛЫШЕВ А.В.



## **Мученичество и восстание** **(из книги М. Нович)**

Вниманию читателей представляются отрывки из книги журналиста и историка Мириам Нович «Собибор. Мученичество и восстание» (первое издание вышло в 1979 г. на французском языке), в которой собраны свидетельства уцелевших узников Собибора, живших до войны в 6 европейских государствах: Польше, СССР, Франции, Голландии, Чехословакии и Германии. Эту книгу и ее машинописный («самиздатовский») перевод на русский язык предоставил архиву НПЦ «Холокост» В.Р. Томин в 2007 г. Вероятно, перевод книги М. Нович был сделан в 1980-е гг. с целью дальнейшего издания на русском языке. Поэтому в тексте есть поправки, уточнения, исправления ошибок в написании части географических названий и многих фамилий.

Мириам Нович (1908–1990) родилась в Белоруссии. Окончила гимназию в Вильнюсе. Потом переехала во Францию, где ее и застала Вторая мировая война. В 1943 г. как участник французского Сопротивления Мириам была интернирована в лагерь Виттель. Освобождена американскими войсками в 1944 г.

После войны она решила посвятить себя увековечиванию памяти жертв Холокоста, сбору документов и свидетельств в Польше, Германии, Чехословакии, Испании, Бельгии, Италии и Швейцарии. В первые годы после Холокоста она много путешествовала по Европе, когда исследования были сложными, и страны были закрыты для таких инициатив.

В 1946 г. Мириам уехала в Израиль. Жила в кибуце Лохамейха Геттаот. Благодаря ее деятельности музей Бейт Лохамейха Геттаот («Дом-мемориал борцов гетто»), основанный в 1949 г., располагает выдающейся коллекцией произведений искусства, связанных с Холокостом.

В 1967 г. она посещала Собибор. Много лет собирала свидетельства выживших узников. В книгу М. Нович включены воспоминания 27 бывших узников Собибора. В 1960—1970-е гг. почти они все проживали в Израиле и лишь некоторые в США. Из советских участников восстания представлены только воспоминания А.А. Печерского. Кстати, они заметно отличаются по своему характеру и особенностям передачи событий от его воспоминаний, написанных почти в то же время в начале 1970-х гг. в СССР и публикуемых в данном сборнике.

*Не все приведенные М. Нович свидетельства в равной мере информативны: каждый пишет и вспоминает как умеет. В частности, поэтому так расходятся приводимые ниже цифры количества узников и охранников Собибора. Некоторые представляют собой просто расширенные автобиографии. Поэтому приводим здесь 13 свидетельств (в том числе А.А. Печерского)*

*Нет точных дат и времени создания каждого свидетельства. Но все вместе они позволяют воссоздать не только само событие 14 октября 1943 г. Эти свидетельства узников, которые находились в лагере довольно долго (по сравнению с советскими военнопленными из группы А.А. Печерского) подробно описывают, как польских и голландских евреев преследовали нацисты;*

*какой была жизнь до и после Собибора; какой была повседневная «жизнь» в лагере и как удалось выжить беглецам после восстания.*

*Свидетельства публикуются в последовательности книги М. Нович практически полностью, за исключением отдельных абзацев или предложений, которые полностью повторяют здесь воспоминания других бывших узников или касаются более поздних периодов их личной жизни и биографии. Возможны неточности в передаче отдельных географических названий, имен и фамилий третьих лиц, упоминаемых в тексте, учитывая особенности произношения и написания их на польском, иврите, французском и русском языках. Набор текста осуществляли Л. Терушкин и С. Трифонова.*

### **Из Ополе в Собибор.**

#### **Свидетельство Станислава (Шломо) Шмайзнера**

12 мая 1942 года грузовик, предназначенный для перевозки скота привез нас из Ополе<sup>[578]</sup> в Собибор. Я, так же, как и мой брат, и двоюродный брат, был ювелиром. Выходя из вагона, мы узнали, что эсэсовцы искали ремесленников. Вагнер быстро разделил толпу на 2 части: с одной стороны мужчины, с другой женщины и дети.

Еще ничего не зная об ужасах лагеря, я чувствовал, что моя жизнь висит на волоске. Я вышел из своего ряда и предложил свои услуги. Я – ювелир, я вам нужен. Вагнер посмотрел на меня с недоверием. Инстинкт самосохранения мне подсказывал, чтобы я показал ему свой бумажник, на котором золотом была нанесена монограмма. «Это моя работа, посмотрите». Вагнер осмотрел бумажник, потом грубо вырвал меня из толпы. Я увлек за собой моего брата и двоюродного брата. Позднее они погибли в лагере.

Потом эсэсовцы повели маленькую группу, в которую вошел и я, в лагерь, а остальных – в газовые камеры. Нас поместили в бараке, дали нам заменитель кофе и баночку сардин.

#### Комендант Штангель

13 мая состоялась моя первая встреча с комендантом лагеря. Всегда улыбаясь, он, казалось, чувствовал себя в Собиборе на своем месте. Он приказал мне сделать серебряный перстень с печаткой, на котором я должен был выгравировать символы жизни и смерти. Я понял, что жизнь – это для него и его охраны, а смерть для нас, заключенных евреев. Штангель не убивал сам. Он всегда находился в своей конторе, ведя счет убитых. Я сделал одно кольцо для него и другое его помощнику Вагнеру. Так как они были, казалось, довольны моей работой, я попросил его сообщить мне вести о моих родных. Вагнер вежливо сказал: «Они чувствуют себя прекрасно и можешь быть уверен, что скоро встретишься с ними». 18 мая один из заключенных мне сообщил, что они мертвы. С этого дня я искал любой способ, чтобы отомстить.

Все эсэсовцы завидовали печатке коменданта и приказали мне сделать им такие же. Они хотели иметь золотые кольца. У них всегда было золота предостаточно, но они не имели права хранить его, т. к. золото заключенных принадлежало государству. Они же заставляли заключенных воровать драгоценности и золото из лагеря № 3. Я должен был сделать маленькую плитку, для того, чтобы тайно отливать печатки, я их сделал 32 штуки.

Однажды Штангель и Вагнер узнали, что другие эсэсовцы заставляли меня делать кольца. Вагнер, обезумев от бешенства, схватил меня и погнал в лагерь № 3. Чувствуя, что я должен умереть, я взмолился: «Хозяин жизни и смерти, вы уже спасли меня однажды, взяв меня в мастера, помилуйте еще раз». Эта напыщенность, пафос, должно быть ему понравилась. Он меня простил.

#### Их любовь к семье

Все офицеры, унтер-офицеры, простые солдаты часто ездили в отпуск.

Им полагалось 3 недели отпуска, после трех месяцев работы. Когда они уезжали, то увозили с собой чемоданы, полные одежды убитых заключенных, обуви, одеколона, предметов роскоши, украденные у французов, у голландцев, птицу из лагерного птичника. Они приказывали мне также выплавлять маленькие золотые пластинки, для некоторых я

должен был делать золотые стельки.

Как раненые птицы

У меня сохранилось ужасное воспоминание о моем пребывании в Собиборе. О дне, когда я присутствовал на прибытии состава из Майданека. Я не знаю, сколько там было узников. Исхудавшие, истощенные, одетые в полосатые пижамы. Их гнали ударами палок в лагерь № 2. Их не могли уничтожить в этот день, так как газовые камеры не работали. Они провели эту ночь под открытым небом, на земле, ожидая своей смерти. В их голосе не было ничего человеческого, это были стоны раненых животных, крики птиц. Мы дрожали от ужаса, слыша их.

Эсэсовцы тоже не спали, среди ночи, избивали несчастных палками и хлыстами. Еще долго после смерти заключенных, казалось, слышны были повисшие в воздухе над Собибором их стоны.

День 14 октября 1943 года – значительный день в истории заключенных. В этот день 600 безоружных узников захватили оружие и одержали победу над 40 эсэсовцами и 200-ми украинцами-солдатами.

При подготовке восстания моей задачей было раздобыть некоторое количество оружия. Занятый починкой двух казарменных печей у украинцев, я украл несколько винтовок, которые спрятал в печные трубы. Потом я их перепрятал понадежнее. Во время восстания мы смогли воспользоваться ими. Этими винтовками мы убили более 20 солдат. Что касается меня, то и я припрятал винтовку в лесу.

Жизнь и борьба в лесу Польши – это уже другая глава. И там еще понадобилось много отваги, хитрости, чтобы все пережить.

### **Из Люблина в Собибор.**

#### **Свидетельство Эллы Феленбаум-Вайс**

В Люблине угон населения начался еще в 1939 году. В то время мне исполнилось 14 лет. В нашей семье было четверо детей.

Сначала нас отправили не в газовые камеры, а в местечко Седлице<sup>[579]</sup>. Моей матери удалось забрать некоторую одежду, драгоценности, серебро. Мы жили там, продавая эти вещи. В Седлице мы жили в жалкой лачужке. Должны были работать, даже дети – сообщалось в немецком приказе. Нам обещали зарплату и продовольствие, но мы никогда ничего не получали. Наша работа состояла в том, что мы рыли ирригационные каналы и взрыхляли землю.

<...> Затем нас перевели во Влодаву. Мы надеялись встретить там наших родителей. Но в это время, в ноябре 1942 уже перевезли огромное

количество людей из Влодавы в Собибор и наши родители уже были мертвы.

Мы не знали, что последуем за ними. Нас привезли в Собибор в запряженных тележках. Если подумать, можно было спросить себя, почему так мало людей сбежало по дороге? Мы уже знали, что едем в Собибор и не знали, что это значило. Я и мои братья были еще детьми, но почему же взрослые не устроили восстание? Наши тележки находились под охраной украинца, вооруженного ружьем. Немецкие солдаты проходили по колонне верхом, вооруженные пулеметами, автоматами. На опушке леса мой младший брат сделал мне едва уловимый прощальный знак рукой, соскользнул с тележки и принялся бежать, за ним последовал старший брат. Раздался оружейный залп. Младший упал, старшему удалось убежать. Но после войны я узнала, что он все же был убит.

Я не слишком ясно помню, что произошло между смертью моего младшего брата и нашим приездом в Собибор. Единственное, я помню, что мы пересекли лес, а затем я прочитала надпись: «Зондеркомандо Собибор».

Потом, как во сне, я услышала слова немца: «Кто умеет вязать?» Я вышла вперед. Немец приказал мне выйти из толпы, потом меня вместе с двумя другими девушками отвели в барак.

Мама научила меня вязать носки. В лагере я их вязала для эсэсовцев и украинцев, еще я гладила рубашки.

Столяр сделал для меня маленькую табуретку, на которую я становилась, когда приходили эсэсовцы. Было необходимо, чтобы я выглядела старше и выше, чем была на самом деле.

То, что я видела

Однажды, состав привез в лагерь заключенных в полосатой одежде. Все они были худые и бритые. Женщины не отличались от мужчин. Все шатались от слабости. По лагерю пробежал шумок, что всех их привезли с Майданека, где не работали газовые камеры. Их было 300 человек. Они буквально разваливались, падали от слабости. Эсэсовец Френцель подошел и посыпал хлоркой их головы, как будто бы они уже были мертвыми. Они еще стонали.

Прибытие другого поезда меня также потрясло. Об этом поезде говорили, что он прибыл из Львова, никто в действительности не знал, откуда он пришел. Заключенные выходили из вагона рыдая. Потом они поведали нам, что по дороге их травили прямо в вагонах, хлорным газом. Не все погибли. Трупы тех, кто умер, были зелеными, кожа облезла.

На следующий день прибыли заключенные из Бельжеца<sup>[580]</sup>. Их

расстреляли.

В карманах их одежды мы нашли записки на еврейском – «Нам сказали, что посылают на работу. Это оказалось обманом. Отомстите за нашу смерть».

Позже, после побега, когда я была партизанкой и сражалась в Польше, в Германии, в Чехословакии, я всегда вспоминала об этих записках. Эти воспоминания придавали мне мужество.

### Восстание и побег

Я, как и другие девушки, работавшие в прачечной, знала, что что-то готовится. Но я не принимала участия, ни в организации восстания, ни в выполнении плана.

Я думаю, что план был очень искусно продуман и те, кто возглавил восстание, были мужественными людьми. Много эсэсовцев были убиты. Если немногие из нас выжили, то это не из-за провала плана, а из-за самих условий, с которыми мы столкнулись в оккупированной Польше.

### В лес

Выжить в лесу было не просто. Когда ночью я бежала, то встретила двух пленных, теперь мы бежали все вместе, не зная точно куда. В глубине леса мы нашли заброшенный домик. В этом доме был запас картофеля, для нас это был настоящий клад. Ночью мы разожгли огонь, жарили картофель, а затем спрятались на чердаке. Недолго мы оставались в этом доме. Однажды утром мы слышали немецкую речь. Дом был обыскан. Мы считали, что пропали, потом слышали, что люди и лошади ушли. Будучи уверенными, что они вернутся мы ушли в дождь. Мы подходили к деревьям только за тем, что бы украсть старые мешки, что бы накрыться, или картофель. Однажды ночью в лесу, мы увидели три огонька. Мы приблизились к ним и слышали голос немца: «Стой». Потом трое подошли к нам, и мы увидели, что вместо винтовок у них ручки от лопат. Увидев нас, они рассмеялись: они приняли нас за бандитов, а для того, чтобы их напугать мы разыграли из себя фрицев. На самом деле это были сбежавшие советские пленные.

Для нас это была удача, т. к. они были очень находчивы и никогда ничего не боялись. Используя лопаты как оружие, они постоянно доставляли достаточное количество продуктов, и мы никогда не голодали. Однажды они даже принесли поросёнка.

Мы все вместе искали партизан. Потом мы их нашли. Я стала членом отряда Прокопюка<sup>[581]</sup>. За участие в битвах я получила медаль «За отвагу»,

орден «Красной звезды» и 5 благодарностей. <...>

### **Из Мелец в Собибор.**

#### **Свидетельство Эды Лихтман**

5 сентября 1939 года Мелец<sup>[582]</sup> была оккупирована вермахтом. Первую неделю солдаты стреляли собак и кошек. 11 сентября 1939 г. состоялся первый угон евреев. Евреи собрали мусор с тротуаров. Тех, кто работал медленно, били штыками.

12 сентября арестовали 32 еврея, их погрузили в грузовик, который повёз их в лес, следом ехали машины с немецкими офицерами и солдатами. Мы бежали за машинами, а когда потеряли их из виду, тогда по следам от колёс, он тянулся на сколько хватает глаз, до самой дороги. Мы встретили возвращавшихся солдат. Проходя мимо нас, они смеялись. На тропинке нас встретили крестьяне, они сказали нам: «не ходите дальше, а то расстреляют, так, как и других». На поляне свалили трупы 32 человек, среди них и четырех польских офицеров, двух священников и преподавателя лицея. Единственным живым остался мальчик 4 лет, брат Ениш.

Мы отнесли трупы, чтобы похоронить их на еврейском кладбище посёлка. Накануне этого погребения, хулиганы сняли с них одежду, обувь, обручальные кольца.

Оккупанты реквизируют жилища евреев, я уехала с мужем в Мелец. Там также община евреев выполняла тяжелые работы и подвергалась жестокому избиению. На улице мы должны были носить нарукавные повязки со звездой Давида. Я вспоминаю немецкого летчика с безумным взглядом, который прохаживался по улицам, избивая тростью с серебряным наконечником всех евреев, которые попадались ему. Ещё вспоминается мне, что евреев запирали в синагогу, которую затем подожгли, солдаты же наблюдали, чтобы никто не сбежал.

В гетто нас подтачивали волнение и голод. Начальство торжественно обязалось не ссылать нас взамен на выкуп. Каждый принёс всё что у него было самого ценного: драгоценности, хрусталь, меха и даже шерсть и кофе. Офицеры забрали всё это и вновь подтвердили свои обещания. После спокойной ночи, на заре, нас разбудили выстрелы, целая дивизия окружила гетто. Немцы и вооруженные украинцы ворвались в наши жилища: «Все выходите!» некоторые были ещё полураздетые, некоторые собрали наспех рюкзаки, чемоданы и свертки. Нас всех собрали на площади, где калек и стариков расстреляли. Потом 800 оставшихся в живых, погнали пешком в неизвестном направлении. По дороге конвой стрелял без остановки.



Поляки смотрели, как мы идём. Некоторые крестились и шептали: «Сегодня – вы! Завтра – мы!». Другие смеялись. Всё время шёл дождь. <...>

<...> Прошёл ещё один отбор, было сформировано много составов, один для Бяло-Подляска<sup>[583]</sup>, другие для <нрб.>, некоторых ещё для Дубенки<sup>[584]</sup> на Буге. Я была в последнем поезде, я стала уже вдовой.

### Из Дубенки в Собибор

В Дубенке нас поместили в синагоге, куда церковный совет прислал нам пищу и солому. Через несколько дней нас разместили в семьях в Дубенке, мы должны были работать бесплатно на арийских сельхозпоместьях. Как и в Мелец, группа евреев с повязками на руках была увезена на холм, чтобы топтать священные книги и плясать на них. Оттуда никто не вернулся живым.

Множество офицеров, сопровождаемые украинскими добровольцами, часто посещали гетто, чтобы обворовывать нас. Они всегда оставляли за собой раненых и мертвых. Я помню, как во время одного из таких налетов, многие семьи были собраны в здании, куда эсэсовцы бросили гранату. У меня сохранилось в памяти ужасное зрелище – оторванные головы детей в лужах крови.

Нас истребляли не только ради удовольствия. Служба пропаганды вермахта, была обязана заснять на киноплёнку уничтожение партизанского лагеря. Эсэсовцы же использовали концлагерь в этих целях, принудили молодых евреев играть роль партизан. Камеры засняли разгром партизан воинственной немецкой армией. Плёнка и пули были настоящие. Потом мы получили приказ ехать в Хрубешув<sup>[585]</sup>. На дорогах было много трупов, на протяжении всего пути я слышала детскую мольбу: «Господин, господин! Убейте меня, оставьте отца!...»

Хрубешув-лагерь был окружен колючей проволокой и наблюдательными вышками, на которых находились патрули, вооруженные пулеметами. Мы должны были выходить из вагонов тихо, а так как мы это делали недостаточно тихо, охрана стреляла в толпу, чтобы утихомирить её. Установилась тишина, взрослые умоляли детей помолчать.

Поздней ночью жителям гетто было разрешено принести нам немного хлеба и воды. Остаток ночи мы провели в бараках. На заре запряженные тележки отвезли нас на вокзал, где нас ждали теплушки. «Вы едете на Украину», – говорила охрана. В поезде мы страшно хотели пить, но двери открывали только для украинских солдат, одетых в немецкую военную

форму для того, чтобы они отбирали у нас наше последнее добро. Некоторым они отрезали пальцы, чтобы легче снять кольцо. Мы потеряли всякое понятие о времени, когда поезд остановился. Двери раздвинулись, ослепленная светом, я смогла всё же прочесть надпись: «СС ЗОНДЕРКОМАНДО СОБИБОР»

### Собибор

У выхода из вагонов нас ждали офицеры и солдаты с автоматами за спиной. Один из них держал огромную собаку на привязи. Один офицер крикнул мне: «А! Ты там! Кто ты по профессии?» – «Воспитатель детского сада». Нацисты рассмеялись «Прекрасно теперь ты будешь стирать наше белье!» – офицер вывел меня, ещё двух молодых женщин – Беллу Соболю и Зерку Катц из Дубенки и нас отвели в лагерь, в маленький барак. Здесь валялась одежда, свидетельствовавшая о том, что здесь уже жили люди, но что с ними стало?

Из 7000 пленных, приехавших из Хрубешува, только нас троих женщин не расстреляли в Собиборе. Из троих в настоящее время жива только я.

### Повседневная жизнь в Собиборе

В день нашего приезда двое заключенных, сопровождаемые охраной, принесли по два ящика грязного белья, которые должно было быть чистым через 2 дня. Белье нужно было сначала обработать, продезинфицировать, а затем мы должны были носить воду для стирки.

Я вспоминаю первую ночь. Крики меня остановили. Я приоткрыла дверь, меня стегнули по плечу плетью, и раздалось рычание: «Если я увижу тебя здесь еще раз, я направлю на тебя Барри!» это был обервахман Лахман со своей овчаркой, он делал проверку. Позже я узнала, что это были крики девушек, которых насиловали, прежде чем их травить газом.

Из нашего барака я могла слышать мольбы вновь прибывших заключенных дать им воды. Иногда одному из них разрешали подойти к колодцу. Там их ждал Михель. Своим штыком он гнал их к уборной, которая находилась возле нашего барака. «Собирайте парашу руками» – говорил по-немецки. Затем он гнал несчастных к колючей проволоке, к охраннику Малиновскому, тот снимал головной убор, закрывал глаз и целился в голову.

В других играх даровали жизнь жертвам. Так, фольксдойче Михель любил заставлять толкать тележку с песком молодого пленного Симона до тех пор, пока тот не падал в изнеможении. Симон принимал участие в восстании и погиб во время побега.

Однажды видя, что солдат нет вокруг, я принесла ведро воды группе заключенных. Тут я почувствовала, что меня тянут за горло рукояткой трости, я услышала рычание эсэсовца Франца Ревалда, «Тебе повезло, я здесь один, но если я увижу тебя еще раз...» было строго запрещено приближаться к вновь прибывшим заключенным.

Я помню ещё один день, когда я видела из прачечной, двое заключенных выносили на носилках из вагона роженицу. Через несколько минут я услышала крик новорожденного. Эсэсовец Вагнер, услышав этот крик, приказал украинцу-охраннику Клятту выбросить ребенка в туалет. Мать отправили в лагерь № 3. Через несколько дней труп новорожденного всплыл среди экскрементов.

На следующий день из вновь прибывшего состава из Вены, эсэсовцы отобрали трёх хорошеньких певиц, которые должны были петь им весь свой репертуар, после чего их расстреляли.

Три девочки по 16–17 лет Берта, Лена и Руфа, прибывшие в поезде из Берлина, были помилованы. Руфа стала любовницей Поля Грота. Но их вскоре расстреляли...

Из Западной Европы прибыл состав с заключенными, которые не очень походили на пленных. Лучше одеты, они, казалось, были менее голодными, чем евреи из Польши. У них за спиной были мешки, сумки, хорошие чемоданы. Охрана выбрала среди них много молодых людей, для работы в лагерях Люблина. Но через несколько месяцев этих людей, истощённых, привезли обратно в лагерь и расстреляли. <...>

<...> Визит Гиммлера

В конце зимы 1943 года наши надзиратели были охвачены сильным волнением. Мы узнали, что в Собибор прибудет рейхсфюрер Гиммлер.

На пустыре напротив склада соорудили импровизированный аэродром. В день визита все заключенные были заперты в бараки.

Гиммлера и его штаб встретили комендант лагеря и его офицеры. Обойдя 1-й и 2-й лагеря, они пришли в третий лагерь, где присутствовали при уничтожении газом группы молодых узников, прибывших накануне. Об этом нам сообщили охранники-украинцы.

Чтобы отпраздновать этот визит, в офицерской столовой в этот день состоялся большой банкет. Я должна была принести цветы, чтобы украсить столы. Рейхсфюрер, несомненно, был очень доволен своим визитом: вскоре после его отъезда наши палачи появились с новыми нашивками.

Офицерский клуб был оборудован. В нём были террасы, цветники, парикмахерская и спортивная площадка.

### Отношение лагеря с внешним миром

Поскольку было несколько попыток к побегу, прибыла специальная бригада солдат, заминировали вокруг лагеря, вырыли вокруг лагеря ров и подвели ток к проволочным ограждениям. Густав Вагнер наблюдал за работами. 13-летняя девочка Рывка получила 25 ударов плетью за то, что заснула при рытье рва. В другой раз сопровождавший состав конвой попросили осмотреть лагерь. Охранники им отказали. Несколько дней спустя конвой вновь пришли, добившись, несомненно, специального разрешения. Их пригласили на обед в офицерскую столовую. После еды, прежде чем отвести их в магазин, где им было предложены мелкие предметы, отобрали у заключенных духи, косметику, украшения, – Вагнер, Нейман и Шварц показали им «как спокойно работают заключенные». В магазине были всякого рода предметы, одежды, меха, хирургические инструменты, обувь, была специально оборудована комната, где находились золото и украшения. Нагой заключенный под присмотром эсэсовца Штейбеля перебирал золотые вещи, браслеты, броши и раскладывал их по разным ящикам. Немецкий ювелир регулярно составлял опись этой добычи, отправляемой затем в Берлин.

До того, как лагерь был окружен минными полями, двое заключенных вырыли землю под проволочными ограждениями и смогли убежать. На следующий день после общего допроса, каждый десятый заключенных был приговорен к 25 ударам плетью. Каждый, когда его били, должен был считать громко получаемые удары. Если он сбивался, охранники начинали сначала. Так некоторые получали по 100 ударов. После того как заложников избили, их отвели на казнь в лагерь № 3. Юная певица, желая разделить участь своего друга, бежала позади заложников, оскорбляя эсэсовцев.

### Как мучили молодых заключенных

В лагере была образцовая конюшня, которой занимался 13-летний заключенный Макс. Однажды Френцель, недовольный его работой, начал хлестать его плетью. К чему сразу присоединились Беккер, Новак, Грот и Клятт. Через полчаса этой забавы Макс потерял сознание. После этого при виде немца, он начинал дрожать как лист. По ночам он кричал. Спустя некоторое время его убили.

Карл Френцель заметил, что 13-летний Лейбль Флейшер заикается: «Как тебя зовут?» – часто спрашивал он. Затем, находя удовольствие в растерянности Лейбла, он продолжал: «Что ты ел сегодня? Отвечай быстро, паршивый пёс». Игра эта так понравилась эсэсовцу, что он давал

несчастному награду крутое яйцо или бутерброд. Флейшер погиб во время восстания. <...>

<...> Солидарность заключенных

Многие заключенные заболели тифом, дизентерией и другими болезнями. Но они, тем не менее, старались всегда выходить на работу, чтобы остаться в живых. Ведь нацисты убивали всех больных.

Симону Рабиновичу удалось раздобыть небольшую спиртовку, на которой он варил рис и носил его больным, спасая им жизнь. Однажды Отто Вайс увидел, как он нес еду больным, и избил его плетью, несмотря на это Рабинович продолжал свое дело. В другой раз Френцель вошел в барак, когда Симон ставил кастрюлю на огонь. Ему удалось спрятать кастрюлю, а огонь прикрыть ногой. Я вспоминаю, что он долго страдал от ожогов, но и это не помешало ему продолжать работу. Он сыграл важную роль в восстании и был убит при отходе. <...>

<...> В лагере № 1 находился диспансер, он был виден еще от вокзала и вновь прибывшие могли прочесть вывеску над ним. Увы, он предназначался лишь для немцев. Доктор Брессер из Плоска<sup>[586]</sup> и 2 его ассистента, угнанные из Чехословакии, занимались в зубо врачебном кабинете. Я вспоминаю, что они постоянно рисковали жизнью, то переправляя нам медикаменты, то леча нас тайком.

Однажды из окна прачечной я увидела, как группа заключенных прошла в лагерь № 3, лагерь газовых камер и крематориев. От группы отстал мальчишка. К ребенку подошла собака, но не тронула его. А охранник, замыкавший шествие, взял мальчишку за руку и подтолкнул к кортежу смерти.

Зимой дети часто замерзали в колоннах. Эсэсовец Вагнер с сигаретой в углу рта, складывал маленькие тела в кучу. Иногда из кучи раздавались крики или слезы, не все были мертвы.

## **Из Варшавы в Собибор.**

### **Свидетельство Абрама Маргулиса**

Я родился в Жирардуве<sup>[587]</sup> в 1921 году. Когда началась война, я жил в Варшаве. <...>

<...> В мае 1941, чтобы не быть угнанными, мы с братом спрятались, но были выслежены польским полицейским и выданы эсэсовцам, которые отвели нас на вокзал. Там, на платформах ждали 3 тысячи человек из Замостье и Избицы. «Куда мы едем?» – спрашивали люди. «В лагерь смерти

Бельжец?» Мы не знали. Затем мы сели в поезд. Теснясь в вагонах, мы следили за маршрутом и увидели, что едем не в Бельжец, а дальше на восток. Путешествие было недолгим. На платформе стояли два эсэсовца и кричали: «Мужчины налево, женщины и дети – направо!» Позже я узнаю, что это были Густав Вагнер и Курт Гомерский. Затем Вагнер быстро отобрал 50 человек. В это число вошёл и я. Через час украинец-охранник принёс нам масло, хлеб и мармелад. Мы были ошеломлены. Я спросил у охранника. «Где женщины и дети?» – «Не беспокойся, – сказал он, – им ещё лучше, чем вам. Им дают шоколад».

### Начало

Первую ночь в лагере мы не могли спать. Наутро меня включили в группу из 20 заключенных, которые чистили вагоны. Каждый поезд состоял из 30 или более вагонов, и мы должны были их чистить под ударами кнута нацистов. В нашей группе было много молодых людей 14–15 лет. Когда кто-нибудь из них замедлял работу, Пауль Грот говорил: «А! Устал, да? Ну, что же, иди-ка в больницу». Идти в больницу означало получить пулю в затылок.

В течение первой недели я никак не мог привыкнуть к мысли, что три тысячи заключенных, прибывших со мной, были мертвы. У меня было чувство, что если я так буду думать, то сойду с ума.

Собибор действовал с мая 1942 года. В иные дни приходили 3–4 поезда. Когда мы не успевали очищать вагоны, эсэсовец спускал на нас овчарку Барри крича: «Фас!» Барри бросался от одного заключенного к другому, вырывая у них куски тела. Были и ночные поезда.

Однажды, перед тем как отправить состав душевнобольных в газовые камеры, немцы заставили их делать гимнастику. В другой раз немцы отобрали из поезда, прибывшего из Бяло-Подляски, 50 человек, затем приказали нам надеть головные уборы, тогда как вновь прибывшие должны были оставаться с непокрытыми головами. Охранники-украинцы образовали двойную изгородь, между которой мы должны были бежать. «Бегите быстрее!» – орали охранники. В это время нас били. Одного старика повесили на дереве у платформы. Другой был повешен за то, что отказался съесть банку варенья, смешанного с песком. В другой раз прибыл поезд из лагеря Яновский около Львова. В нём было столько трупов, сколько живых. Эсэсовцы дали нам сигареты, чтобы могли перенести запах гниения.

### Соппротивление

Хелм был приблизительно в 8 км от Собибора. Это был самый близкий вокзал. В лагере было слышно, когда там проходили поезда. Однажды мы услышали стрельбу, а при чистке вагонов поезда, прибывшего немного позже мы увидели, что доски были выдавлены. Некоторые заключенные пытались бежать.

Когда заключенные сопротивлялись, эсэсовцы отказывались раздевать их. Они уводили, подталкивая прикладами к лагерю № 3, в газовые камеры.

Удивительно, что заключенные из западной Европы – голландцы, немцы – оставались спокойны. Одна женщина спросила однажды, где находится поезд, на котором они должны продолжить путешествие. В другой раз одна женщина держала в руках прекрасного улыбающегося ребенка. При мысли, что этот ребенок будет брошен в огонь, я разрыдался и, охваченный безумием, бросился бежать.

### Кухни

В лагере было три кухни. Одна для эсэсовцев – работала под руководством Вагнера, который, в основном, по прибытии поездом отбирал совсем молодых девушек, которых избивал; для украинских охранников была вторая кухня. Шеф её был Крупка. Этот парень ненавидел немцев и иногда сообщал нам новости с фронта. Однажды он пообещал нам войти в контакт с партизанами, и мы даже дали золото для них. Но нападение партизан на лагерь не осуществилось. Однажды Крупка исчез из лагеря.

Гермель Цукерман из Курува<sup>[588]</sup> отвечал за кухню еврейских заключенных. После чистки вагонов я был определен на кухню, но долго там не задержался. Я захотел передать продукты женщинам, работавшим в прачечной. Френцель застиг меня, и я был вновь отправлен на чистку вагонов.

Старый немец Клир следил за булочной и часто был по отношению к нам человечен. Ночью, тайком, он передавал нам хлеб.

В лагере был свиарник. Эсэсовцы, уезжавшие в отпуск, часто брали там ветчину для своих семей. В лагере был также образцовый огород и цветники. Заключенные Зайя из Хелма, Абрам из Избицы и Хелка Вайс занимались ими. Овощи и цветы создавали впечатление, что находишься на мирной частной даче.

### Лагерь № 3

Никто не имел права приближаться к лагерю № 3. Только однажды, работая в лесу, я заметил голого заключенного с изможденным лицом, который кричал: «они сожгли моего отца».



Гиммлер и его свита прибыли с проверкой в Собибор в конце зимы 1943 года. В их присутствии 200 молодых женщин были отравлены газом.

### Восстание

Намеченное сначала на 13 октября, оно было отложено по причине неожиданного визита друзей к нашим эсэсовцам, приехавших к ним. Восстание было перенесено на 14 октября, на 16 часов.

15 заключенных должны были атаковать барак украинских охранников, 15 других – взять приступом склад с боеприпасами. В это время в Собиборе было около 700 заключенных, 80 из которых женщины и несколько детей.

14 октября вместе с Бискупицем я должен был работать у входа в лагерь. Издали я увидел Ноймана ехавшего на лошади в мастерскую портных. Там его ждал удар топора. Эсэсовец Бекман сидел за столом, когда к нему вошли восставшие. Увидев их, он схватил нож для разрезания книг, но был убит кинжалом.

План нападения на казарму украинцев не удался. Бауэр, шеф лагеря № 3, пришёл раньше, чем это предполагалось. Он приехал на грузовике с выпивкой и Френцель позвал четверых заключенных, чтобы помочь разгружать. Внезапно появилась группа заключенных, идущих, словно на переключку, но по направлению к входу в лагерь, туда, где земля не была заминирована. Украинцы стали стрелять в массу. Френцель с автоматом в руке очутился у входа в лагерь. Я с Хелкой Вайс побежал к проволочным заграждениям. Я разрезал их щипцами. Затем изгородь, которая падает под нашим давлением, затем последняя цепь заграждений, но когда я её достигаю, она уже прорвана. Мимо меня с револьвером в руке пробегает Саша. Я слышу, как взрываются мины, какой-то советский заключенный прикрывает наш отход.

На заре, ещё около лагеря, спрятавшись в кустарнике, я слышал, как Френцель говорит крестьянину: «Мы поймаем всех. За ними гонится дивизия, есть и танки, награда в 400 злотых за голову беглеца». Крестьяне нас прекрасно видели, но не выдали.

### Из Варшавы в Собибор.

#### Свидетельство Бера (Дова) Фрайберга

Когда была объявлена война, я жил со своей семьей в Лодзи<sup>[589]</sup>.

Надеясь, что в большом городе будет спокойней, мы эвакуировались в Варшаву. В дороге мой отец умер. В Варшаве мы остались в гетто до января 1940 ода. Затем, надеясь, что нам будет лучше в маленьком городе

мы поехали в Туробин в район Люблина, где мы оставались до мая 1942: В это время мы были сосланы и объединены с евреями в Жулкевке<sup>[590]</sup>. Потом переведены в Красныстав, а затем погружены в товарные вагоны.

Поездка продолжалась три часа и нам было так тесно, что многие умерли в дороге, задохнувшись. Потом поезд остановился посреди леса и против вагонов, наконец открывшихся, мы прочитали: «Зондеркоманда Собибор». Это было 15 мая 1942 года.

Эсэсовцы бегали по дороге крича: «Выходи, выходи!» женщины и дети с одной стороны, а мужчины с другой. «Всем сесть на землю», – кричали еще они. Мы видели, как удалялись женщины и дети. Мы провели здесь ночь, сидя мы слышали вопли, смех нацистов, выстрелы, потом крики женщин и детей. Нас окружали охранники-украинцы, которых называли «черносотенцами». У меня было впечатление, что я слышу шум мотора, и мне стало холодно. Был ли это мотор в газовых камерах? Утром состоялся первый отбор. «Портные, сапожники, плотники, выйти из рядов!» – я с другими вышел.

«Завод убийств» Собибор производил впечатление крупной фермы, где всё было в порядке.

### Работа

Есть явления, которые нормальный человек может понять. 26 мая маленькая группа, выбранная из нашего поезда, была проведена под навес, полный чемоданов. «Рассортируйте всё что имеется внутри, – закричал немец, – бельё в одну сторону, платья – в другую, детскую одежду – в третью». Я спросил у эсэсовца Грота, где находятся женщины и дети. «Вас скоро всех объединят». Потом «пойте». Видя, что мы молчим, он раскричался и стал угрожать. Один из стариков нам тогда сказал: «Давайте петь». Одна из молодых женщин стала напевать «Подпала Волька» – «Еще, еще!» вскричал Грот. Тогда, поднимаясь, старый еврей начал молиться:

«Очисти наши души. О! Великий! Чтобы мы могли служить тебе лучше, а по правде...»

Эсэсовец Вагнер разглагольствовал о благодеяниях национал-социализма. «Если вы будете хорошо работать, вы вскоре присоединитесь к своим семьям, но если вы будете устраивать саботаж, вы получите пулю. Если кто-нибудь почувствует себя больным, на площади есть госпиталь. Эй! Тарасов, отведи-ка их в госпиталь!» Затем он обращается к нам: «Тот, кто идёт в больницу, больше не возвращается. Он там остается на вечный отдых». В отчаянии я проплакал всю ночь. В течение многих недель мне

хотелось верить, что моя семья ещё жива, где-то. Я не знал где.

### Поездка

Каждое прибытие состава было кошмаром. Издали мы видим, как проходит колонна заключенных, эсэсовец Михель, по прозвищу «доктор», обращался к новоприбывшим: «Вы едете на Украину и будете там работать. Но чтобы избежать эпидемии, вам нужно принять дезинфицирующий душ. Уложите получше свою одежду, запомните место, где вы её оставите, ибо меня здесь не будет по вашему возвращению, чтобы помочь её отыскать. Ценности нужно отнести в окошко кассы <...>

### В конце ночи

Из 150 человек, которые работали на складе одежды, осталось вскоре лишь 50. Часть людей были убиты, а другие покончили жизнь самоубийством. Я пытался покончить жизнь самоубийством, но мне не удалось.

Однажды Грот приказал молодому человеку пойти за зонтиком от солнца, который висел на стропилах склада. Юноша упал с высоты 8 метров. Его неловкость стоила ему 25 ударов плетью и угрозой, что его разорвёт собака Барри. Грот звал свою собаку «менш», то есть «Человек», то есть «Господин», а заключенные «нечто вроде собаки».

Игра в подвешенный зонтик настолько понравилась эсэсовцам, что они повторяли её много раз. Они хотели знать, все ли евреи были хорошими парашютистами. Потом нацисты начали другие игры: они зашивали края брюк заключенных и засунули туда крыс. Заключенные должны были стоять спокойно. Если кто-то из них двигался, когда в его брюках шевелилась крыса, его били плетью до смерти. Чтобы немного развлечься, эсэсовцы сбрасывали половину шевелюры на голове какого-то мужчины, половину его усов и одну из его бровей. На следующий день они приказывали несчастному пить. Когда он был мертвецки пьян, его возили вокруг лагеря, разыгрывали религиозное погребение. Френцель был отъявленным садистом: девушкам, которым стригли волосы, прежде чем отправить их в газовые камеры, он говорил: «Ничего не бойтесь, вы ещё такие молоденькие. Вы останетесь в живых».

К тому же эсэсовцы воровали драгоценности, которые принесли с собой их жертвы. Они приказывали польским ювелирам, братьям Сурунгер из Пулавы<sup>[591]</sup> делать украшения, чтобы дарить их своим семьям, когда они уезжали в отпуск. <...>

Самый длинный день

В сентябре 1943 года прибыла группа советских военнопленных. Польские евреи хорошо знали лагерь и привычки эсэсовцев. Советские евреи умели обращаться с оружием.

Саша Печерский и Леон Фельдхендлер разработали детали этого плана.

14 октября 1943 года был самым длинным днём в моей жизни. За пять минут до назначенного часа, один из молодых заключенных попросил эсэсовца Вольфа зайти на склад одежды: «Мы нашли несколько экземпляров очень хорошей одежды и не знаем, что с ней делать». Вольф туда зашёл и был убит ударом топора по голове. Эсэсовец Бекмен был убит ударом ножа у себя в кабинете.

Мы овладели их оружием и бросились на штурм арсенала. Каким счастьем было держать в руках оружие. Я побежал тогда к краю поля, где земля заминирована. Но сильная стрельба принудила меня отступить. Я перешагнул через колючую проволоку, ведомый неведомой силой. Лес! Свобода! Но больше половины из наших 600 восставших погибло: одни, сражаясь в лагере, другие – подорвавшись на минах, третьи – были эсэсовцами убиты в лесу.

## **Восстание в Собиборе.**

### **Свидетельство Александра Печерского**

Осенью 1943 года немцы начали очищать Минск от евреев. Последние жители гетто были переведены в рабочий лагерь по улице Широкой. Здесь к ним были присоединены 500 евреев-ремесленников, сотни военнопленных из советских евреев и 300 человек задержанных за неподчинение немецкому порядку.

Подъем в лагере был в пять часов утра, и рабочий день заканчивался в 6 часов вечера. Мы получали в день 2 порции хлеба по 150 грамм и суп. Комендант лагеря был Вакс.

### **Переезд лагеря в Собибор**

18 сентября 1943 года было объявлено, что евреи будут отправлены в Германию вместе с семьями. В 4 часа утра молчаливая толпа покидала Минск, мужчины шли пешком, женщины ехали на машинах. Мы оказались на вокзале, где нас поджидал уже готовый к отправлению состав: нас погрузили по 60 человек в товарные вагоны, многие стояли. Спустя четыре дня мы прибыли в Собибор. Поезд остановился и ночь мы провели на запасном пути, и нам дали только воду. Утром поезд вновь остановился, двери открылись, надпись «Зондеркоманда Собибор».

Бледные, усталые мы вышли из вагонов. Группа офицеров эсэсовцев поджидала нас. Один офицер, обершарфюрер Гомерский заорал: «Плотники и столяры, выйти вперед без семей». Около 80 человек было препровождено внутрь лагеря и заперто в бараке.

Заключенные, прибывшие сюда ранее, сообщили нам, что лагерь Собибор. Мы воевали, страдали в других лагерях, но в ужасе мы не смогли сомкнуть глаз в течение ночи. Шлойма Лейтман, один из польских евреев, прибывший из лагеря на Широкой, улёгся рядом со мной. «Что теперь с нами будет?»— спросил он меня. Я не ответил и притворился спящим. Я не мог освободиться от мысли о побоях, о которых мне рассказывали, и я невольно вспомнил маленькую девочку Нелли, которая ехала со мной в одном вагоне и которая теперь была мертва. Я видел её в душевых, в горле у меня перехватило, я задышался, думая о своей собственной дочери Элочке.

24 сентября. Мы находимся в лагере Собибор. Подъём в 5 часов. Мы получаем по одному литру теплой воды без хлеба. В 5 часов 30 минут нас пересчитывают, в 6 часов мы колоннами по три человека отправляемся на работу. Русские евреи шагают во главе колонны, за ними польские, чешские и голландские евреи. Я вспоминаю, что обершарфюрер Френцель приказывал нам петь. Цибульский шагал рядом со мной. «Что петь?»— спрашивает он, и я отвечал: «Все знают только одну песню: «Если завтра война». Это была русская патриотическая песня, которая хорошо запоминалась и дарила нам надежду на освобождение.

Солдаты повели нас к северному лагерю, в новый сектор лагеря «Норд-лагерь». Девятый барак был закончен, другие были в процессе строительства, наша группа была разделена на две: одна группа работала на строительстве барачных корпусов, другая рубила дрова. В первый день работы 15 из нас получили по 25 ударов хлыста.

25 сентября. Мы выгружали целый день уголь. У нас было 20 минут на обед. Повар старался нам выдать пайки, но не мог нас обслужить всех за 20 минут. Было ещё триста узников, которых нужно было покормить. Френцель в ярости вытолкнул его во двор, заставил его сесть на землю и избил его плетью. Повар стонал, его лицо было в крови, суп отдавал вкусом крови, и хотя мы были очень голодны, многие из нас не смогли съесть всю порцию.

Узники из лагеря на Широкой

В аду Собибора прошлое, казалось, никогда не существовало. Мы были в другом мире.

Я родился в Кременчуге в 1909 году. Я провёл свое детство в Ростове. Закончив среднюю школу, я продолжил учение в музыкальной школе. Музыка и театр были для меня самой важной вещью в мире. Я руководил кружком драматического искусства для любителей, работал в администрации, которая мне позволила посвятить себя искусству.

В 1941 году я был мобилизован со званием младшим лейтенант. Немного позже, в начале компании, я получил звание лейтенанта, потом в октябре 1941 года я попал в плен, заболел тифом, но постарался выздороветь, чтобы не быть убитым. В мае 1942 года я с 4 другими заключенными попытались убежать. Но нас поймали и отослали в дисциплинарную команду в Борисов, затем в Минск. В Минске во время медицинского осмотра меня выявили как еврея. Я был отправлен вместе с другими военнопленными евреями, прибывшими в то же время, в подвал, который назывался: «Еврейский погреб». Мы там пробыли в полной темноте 10 дней. Это ужасная пытка, мрак. У нас было право на 100 грамм хлеба и кружку воды, на целый день. Потом в сентябре 1942 года нас перевели в трудовой лагерь на Широкой в Минске. Там я оставался до моего отправления в Собибор.

Наше прибытие в лагерь вызвало большое удивление у старых заключенных. Они знали хорошо, что где-то война началась, но они никогда не видели людей, которые её творили, и потом среди них были люди, которые могли пользоваться оружием. Старые заключенные приблизились к нам. Мужчины и женщины дали с полуслова нам понять, что они все мечтали покончить с этим адом и взбунтоваться.

Я не умел разговаривать по-еврейски, нам служил переводчиком Шлома Лейтман, уроженец из Варшавы, но прибыл из Минска. И потом, говоря по-русски, меня могли понимать поляки.

Я хочу объяснить расположение лагеря. В лагере № 1, где мы жили, находились ремесленные мастерские, кузница и кухня. В лагере № 2, куда прибывали новые заключенные, находились склады разграбленного багажа.

Из лагеря № 2 тропинка, огороженная колючей проволокой, вела в лагерь № 3. Там находились крематории.

26 сентября, всё та же каторжная работа. В полдень мы получали порцию заплесневелой каши, а вечером ломтики хлеба. 25 заключенных получали каждый день 25 ударов плетью за нерасторопность в работе. Мне удавалось не получать их. Почему? Возле меня работал один голландский заключенный, высокий и худой, в очках. Он колол дрова и его удары были слабы. Надзиратель начинал его хлыстать по голове. Удивленный, я прекратил работать. «Я даю тебе 5 минут, чтобы разрубить этот пень», –

закричал тогда надзиратель. – Если ты не успеешь, то получишь 25 ударов плетью». Я ударил по пню, как будто это была голова стражника. Пень раскололся. «Стоп, хорошо, 4,5 минуты», – сказал эсэсовец, смотря на свои часы. Он хотел предложить мне сигарету. «Спасибо, я не курю».

27 сентября: мы работали всё время в северной части лагеря. К 9 часам Калимали, заключённый родом из Баку, его настоящая фамилия Шубаев, говорит мне: «Все немцы ушли, один капо здесь. Почему?» – «Я не знаю, но воспользуемся этим, чтобы увидеть, где мы», – отвечаю я. Другой заключенный осведомил нас: «Если они не здесь, значит, прибыл новый эшелон. Посмотрите вниз, эта колючая проволока, это лагерь № 3». Мы остаемся возле наших топоров с болью в сердце. Крик раненого зверя доносится до нас. Это крик женщины. Потом крики женщин и детей... «Мама, мама». Потом предсмертный ужас, крики людей смешиваются с криками гусей. Птичий двор был расположен на территории лагеря, и крик гусей которых гоняли по полю, заглушал крики жертв. Разведение гусей обогащало меню эсэсовцев.

Моё бессилие перед этими преступлениями меня ужасало, Шлома Лейтман и Борис Цибульский мертвенно бледны. «Саша, бежим, мы в двухстах метрах, от леса. Мы можем разрубить проволоку нашими топорами и выйти отсюда», – шепчет Борис. «Бежать, да, но только всем вместе, если хотим, чтобы кто-то из нас остался в живых, чтобы быть свидетелем». «Нужно торопиться, – говорит Борис, – приближается зима и снег не будет нам в помощь».

28 сентября. Прошла неделя, как я прибыл в лагерь. Старые заключенные все мне говорили об аде Собибора. Лагерь № 4 был расположен на небольшом холме. Каждый сектор лагеря был обнесен колючей проволокой. Я узнал от 3 заключенных, которые доставляли мины, что проволока, которая соединяет мины, расположена, одна от другой на расстоянии пяти метров и что лагерь заминирован на пятнадцать метров вокруг. Другие заключенные проинформировали меня о расположении казарм, поста и арсенала.

29 сентября 1943 года. Сигнал сбора. 600 заключенных мужчин и женщин последовали на вокзал, чтобы разгрузить восемь вагонов кирпича. Каждый должен был бегом носить по восемь кирпичей на расстояние 200 метров. Малейшее замедление влечет за собой 25 ударов плеткой. Мы промокли до нитки. К концу пятидесяти минут работа завершилась, и нас посылают к нашим командам. Мы знали об этой поспешности: новый состав с заключенными ожидал своего прихода на вокзал.



Наша группа из 80 человек была отведена в лагерь № 4. Я работал возле Шломы. Другой заключенный из Минска подошёл ко мне, воспользовавшись удалением<sup>[592]</sup> охранника, и шепнул: «Мы решали бежать. Нельзя нам больше оставаться. Здесь только пять эсэсовцев. мы их убьем, лес рядом» – «Легко сказать, но, трудно сделать, пятеро охранников не стоят все вместе. Расправимся с одним, а другой выстрелит. И потом, как пересечь лагерь, который заминирован? И после вашего побега расстреляют всех заключенных. подождите, час расправы скоро придёт».

Вечером я встретил Боруха. «Это не первый раз, когда решаются бежать из Собибора, но немногие из нас умеют пользоваться оружием. Руководите, мы всё будем делать, что вы скажете», – сказал он мне. Его умное лицо вдохновляло меня и ободряло. Я попросил его формировать группу из числа заключенных, самых способных.

7 октября. Я поддерживал связь с Борухом и рассказал ему мой первый вариант о подкопе: «Столярная находится в глубине лагеря, в пяти метрах от колючих заграждений. Ширина заминированного поля 15 метров. Добавим ещё пять метров: длина барака. Начнем пробивать туннель под печкой, для большей безопасности. Туннель не будет превышать 35 метров. Нужно начинать рыть на глубине 80 см, потому что мины лежат на глубине 50 см. Ширина туннеля должна быть 75 см. Выкапывать землю придется не более 20 кубических метров. Вначале копать в самом бараке, под полом, потом увидим. Копать нужно только ночью».

Старые заключенные были довольны и спешили начать работу. Рыть туннель придётся в течение 15–20 дней. Но этот план имел *большие*<sup>[593]</sup> слабости: 600 заключенных должны один за другим пройти с 11 часов вечера и до 5 часов утра. Не только нужно пройти 35 метров туннеля, но и достаточно удалиться от лагеря. Эсэсовцы без сомнения поднимут тревогу и будут преследовать. Ожидали первое оружие: 60 ножей или бритвы хорошо наточенные. Во чтобы то ни стало нужно, чтобы я попал из северного лагеря в командование лагеря № I.

Борух узнал, что капо хотели помочь нашему плану и что они могут быть *нам очень*<sup>[594]</sup> полезны. Особенно в соответствии с их возможностями размещения между лагерями<sup>[595]</sup>. Для реализации моего второго плана их содействие было желательным. «Согласен, я их принимаю».

8 октября 1943 года. Прибывает новый состав. Утром Янек, ответственный за столярную мастерскую, просит трех заключенных для своих работ. Были назначены Шлома, один заключенный и я. Так я попал в

лагерь № 1. Вечером Борух принес от Шломы 70 ножей, хорошо отточенных.

9 октября. Гриша сидя рубил дрова, за что получил 25 ударов плетью.

Это был плохой день. 30 среди нас были избиты за различные проступки. Люди были изнурены.

Вечером Калимали пришёл из барака весь запыхавшийся. Потом он мне сообщил, что Гриша и семеро наших были готовы бежать и предложили нам идти с ними. «Я иду, нельзя больше оставаться. Идём с нами. Проволоки возле туалета плохо освещены. По сигналу уничтожим постовых и освободим себе путь – и мы в лесу, не так ли?»

Мы пошли искать Гришу. Я его предупредил, что даже если его план удастся, репрессии будут ужасны. Я должен был настаивать и угрожать, чтобы убедить его отказаться от этого плана, так как готовится план коллективного побега...

10 октября, я заметил офицера-эсэсовца, у которого рука была на перевязи. Старые узники нам сказали: «Это Грейшут, который вернулся из своего отпуска, он был ранен во время бомбежки советской авиацией».

Вечером я пришёл с Шломой в кузницу, чтобы встретиться с Бжецким. Этот последний знал, что мы кое-что подготавливаем. «Возьмите меня с собой. Вместе мы организуем лучше побег. Я знаю, что нам всем придёт конец». Потом он попросил принять тоже в нашу группу Геника. Тогда я спросил у него: «Скажите, смогли бы вы убивать эсэсовцев?» Он подумал, потом ответил: «Да, если это необходимо для дела».

11 октября утром мы слышали стрельбу. Нас закрыли в бараках и расставили повсюду охрану. Нам казалось, что стрельба доносилась из северной части лагеря, и мы сожалели, что это наши товарищи сделали глупость, собираясь бежать, когда план ещё не был готов. В пять часов вечера я узнал о стрельбе: группа новоприбывших, уже раздетых, восстала и принялась бежать, пересекая лагерь по направлению к баракам. Охранники стреляли, и много было убито сразу на месте. Других удалось загнать в лагерь № 3. В этот день костры горели дольше, чем обычно. Языки пламени поднимались до тяжелого осеннего неба. Весь лагерь был освещён странными отблесками. Немая скорбь, мы смотрели на огонь, который пожирал тела наших братьев и сестер.

12 октября. Этот день для меня был ужасным днем. 18 из наших товарищей, многие из Минска, были больны. Утром много эсэсовцев под руководством Френцеля вошли в наш барак, приказали больным следовать за ними. Среди них молодой голландский заключенный едва держался на ногах, жена которого также была заключенной. Видя своего мужа, которого

повели из лагеря, она побежала за группой. «Убийцы, я знаю, куда вы ведете моего мужа, я не хочу жить без него». Она была убита с группой.

Вечером я и Шлома пошли на сбор подпольного комитета, назначенный на 9 часов вечера. Этот сбор должен был проходить в столярной мастерской. Борух, Шлома, Янек, Юзеф, Якуб, Моник и другие присутствовали. Мы поставили у входа часового и начали.

Потом, когда я рассказал группе о разговоре с Бжецким, Моник пошёл его искать. Когда они вернулись, я снова спросил у Бжецкого, продумал ли он результат своей просьбы. Если наш план потерпит неудачу, он будет расстрелян первым. «Я знаю, – ответил он, – но я иду с вами». Тогда я объяснил детали плана. Прежде всего нужно уничтожить эсэсовцев. Это нужно сделать в течение одного часа *времени*<sup>[596]</sup>. Чем меньше мы потратим времени, тем лучше. Нам нужны деятельные и решительные люди, так как всякое колебание может привести к провалу. Я знаю, кто у нас может это сделать. В половине четвертого дня Бжецкий поведёт троих наших людей в лагерь № 2 под предлогом, который он должен найти. Эти люди должны там уничтожить четырёх эсэсовцев. Роль Боруха сделать так, чтобы эсэсовцы прошли там, где их будут поджидать наши люди. Борух тоже будет дежурить в лагере № 2, чтобы никто не покинул лагерь в момент начала действий. Если кто-то из нас будет волноваться, нужно *будет*<sup>[597]</sup> их успокоить и даже убить, если возникнет необходимость. В пять часов, всё должно быть закончено в лагере № 2. Ровно в 4 часа другая группа должна резать телефонную линию, которая соединяет лагерь с резервной охранной, эта же группа должна спрятать провода так, чтобы невозможно было в этот день наладить телефонную связь. В четыре часа дня, мы начнём уничтожать эсэсовцев в лагере № I. Они будут приглашены парами в мастерские, где двое наших должны их убить. В 5 часов 30 минут всё должно быть кончено. В это время Бжецкий и Геник должны построить колонну из заключенных, так как они должны их вывести из лагеря. В первом ряду советские заключенные, которые должны захватить оружейный склад. Другие их прикрывают. Как только оружейный склад будет взят, вооружайтесь кто чем может. Вооруженные заключенные должны быть во главе колонны и напасть на караульное помещение на центральных воротах. Если охранники догадаются о наших планах и мы не сумеем подойти к центральным воротам, будем драться с оружием, которое у нас будет.

Кроме того, нужно искать *другой*<sup>[598]</sup> выход. Недалеко от столярной мастерской и колючей проволоки стоит офицерский домик. Но там

заминирована площадка. Там могут быть звуковые мины, которые не так опасны. Это может быть второй выход. Те, которые пойдут впереди, должны будут иметь камни, которые будут бросать перед собой, чтобы разминировать дорогу.

Таковы были подробности плана, который я изложил. Я добавил, что об этом я советовался со Шломой и не видел лучшего варианта.

Я попросил, чтобы они хорошо подумали над способом осуществления этого плана, и назначил на завтра новую встречу, настаивая на необходимости хранить тайну.

До восстания у меня была мысль, которую я хотел проверить. Наблюдая длительным образом за всеми движениям охранников, заметил, что каждый из них получал по пять патронов, я даже заметил, когда охрана сменялась, они передавали эти патроны, охране, которая заступала на пост. Мне казалось<sup>[599]</sup>, когда охранники не на посту, то у них нет патронов. Чтобы проверить это предположение я попросил Бжецкого найти повод, чтобы послать меня в казармы охранников. 12 октября, в 12 часов утра, столярная мастерская получила приказ послать одного человека в казарму починить дверь. Янек послал меня и тут, обходя комнаты, я с удовлетворением отметил, что мысль<sup>[600]</sup> моя была правильна.

14 октября 1943 года: В ночь 13 на 14 октября, мы раздали ножи, топоры и теплую одежду». Я должен был работать в столярной мастерской, откуда я мог через окно наблюдать за всем, что происходило в лагере № 1. В соседнем бараке Шлома с бригадой в 20 человек работал на строительстве деревянных нар.

Согласно нашему плану, в 4 часа и в 4 час. 15 минут два эсэсовских офицера должны были прийти в портняжную мастерскую. В то же самое время два других офицера, Грейшут и Геттингер, находились в другой мастерской.

Френцель должен был прийти в столярную мастерскую, чтобы проверить изготовление шкафов. Его должен был убить Розенфельд. Фридрих Гаульштитх должен был пойти в барак, где его уничтожил Шлома. Других офицеров из лагеря № 2 нужно было привлечь в бараки рабочих.

Я распределил задание среди наших: Шубаев, закончивший Ростовский железнодорожный институт, 25 лет от роду, хороший, простой товарищ, должен был пойти вместе с Моником; Цибульский, 35 лет из Донбасса, бывший шофер грузовика, вместе с Михаилом и Беником, руководимые Бжецким, должен был пойти в лагерь № 2, где их ждал Борух.

В 2 часа после обеда эсэсовец унтершарфюрер Вальтер Рыба пришел за Бжецким. Он был вооружён автоматом, и это меня очень обеспокоило. Уже утром Френцель заметил, что ответственный за столярную мастерскую Янек, был одет лучше, чем обычно. Но Генек нас успокоил. Бжецкого повели в лагерь № 4 для укладки дров совместно с другими узниками. Охранник взял автомат лишь потому, что он был один.

Геник должен был повести четырех человек в лагерь № 2. Он сначала попросил отложить это дело на завтра, но это было невозможно. Действительно, даже если подробности нашего плана были известны только комитету и небольшой группе, все заключенные чувствовали, что что-то готовится и опрашивали друг друга: «когда это будет?» Меня тоже спрашивали.

Накануне 14 октября в бараке молились. Это был праздник Йом Кипур. Некоторые им сказали: «Молитесь лучше Саше, чтобы он сам помог». – «Мы молимся Богу, чтобы он помог Саше», – ответили они.

У нас была и другая причина, не откладывать наш план<sup>[601]</sup>.

14 октября Гомерский был в отпуске. Он мог вернуться. Лагерфюрер Френцель был сукин сын, но по сравнению с Гомерским – это был певчий из хора мальчиков.

«Завтра может быть слишком поздно, – сказал я Генику. – Надо делать то, что решено. И ты должен подчиниться».

Геник пришёл в 3 час. 30 минут в барак Шломы. Цибульский вместе с Шломой и<sup>[602]</sup> двумя другими пошёл с Геником во 2-й лагерь.

Потом двух офицеров убил в бараке сапожников Вайспапир в ту минуту, когда Яков вручал им сапоги.

В 4 часа 15 минут я узнал, что Цибульский, Михаил и Борух закончили своё дело в лагере № 2.

В 4 часа я встретил голландскую девушку Люку и я сказал ей: «Все офицеры будут скоро убиты, это час общего побега. Приготовься». Видя, что она дрожит, я добавил: «То, что мы делаем, это единственный способ выжить, и нам нельзя отказываться от жизни, мы должны жить, чтобы отомстить».

В 4 часа 30 минут Бжецкий вернулся из лагеря № 4 вместе с заключенными. Немного погодя пришёл унтершарфюрер Вальтер, Шлома к нему подошёл и сказал: «Ремонт барака закончен, люди не знают, что делать». Когда эсэсовец вошёл в барак, Шлома его убил.

Френцель не приходил. Потом мы поняли<sup>[603]</sup>, что эсэсовец Рыба был уничтожен в гараже.

Необходимо было срочно уходить. Тогда Бжецкий дал сигнал как обычно для построения, и *пленные*<sup>[604]</sup> в беспорядке направились к первому блоку. Этот беспорядок раздражал часового, немца с Поволжья. Но его зарубили топорами.

В тот момент входила в первый лагерь колонна, прибывшая из второго.

Там некоторые *пленные*<sup>[605]</sup> поняли, что происходит. Часовой украинец-националист начал стрелять. Всё должно быть ускорено. «Вперед! Вперед!» Могущественное «ура!» увлекло всех *пленных*<sup>[606]</sup>. Одна группа бежала к выходу, другая с ружьями стреляла, третьи с клещами, перерезали заграждение, нам нужно было пройти минное поле. Многие наши погибли на этом поле.

Моя группа пошла к эсэсовскому домику, где местность была менее заминирована. И там мы понесли потери. Нам предстояло перейти огромную поляну между лагерем и лесом. Многие там погибли.

Наконец-то мы в лесу, но я не вижу ни Шлому, ни Люку.

Всю ночь мы шли в колонне друг за другом. Я шёл впереди, за мной Цибульский, Аркадий замыкал цепь. Мы шли молча, время от времени ракеты озаряли небо и нам приходилось ложиться на землю. Пройдя около трех километров, мы достигли канала шириной в пять-шесть метров. Довольно глубокий. Пытаясь обойти этот канал, мы заметили группу людей. Аркадий отправился в разведку ползком. Увидев, что это наши, он поднялся и позвал нас. В этой группе был Шубаев. Наши объединившиеся группы построили мостик из стволов деревьев. Я узнал, что Шлома был ранен во время побега, пробежав почти три километра, не имел больше сил, умолял, чтобы его пристрелили. Никто не захотел это сделать, он остался с группой других беглецов, которые не так быстро ходили.

Наша группа состояла из 57 человек. Вместе мы прошли ещё пять километров, потом услышали шум поезда. Мы тогда находились на лесной опушке, и перед нами простиралась местность, покрытая густым кустарником. Занималась заря и нам нужно было найти безопасное место для укрытия.

Мы были уверены, что нас ищут и думали, что маленькая роща вблизи железной дороги не привлечет внимание эсэсовцев. Мы решили провести в кустарниках день, замаскировавшись ветками.

На рассвете пошёл дождь. Аркадий и Цибульский пошли на разведку в одну сторону, Шубаев и я в другую. Пройдя пятьсот метров, мы увидели пустырь, по ту сторону которого начинался лес. Цибульский и Аркадий

достигли железной дороги, пройдя метров сто. У насыпи работали поляки, но охраны не было.

Мы спрятались, выставили двух часовых недалеко от откоса. Часовые менялись через каждые три часа. В течение всего дня самолеты летали над местностью. Некоторые пролетали очень низко. Мы сидели в укрытии, замаскировавшись ветками. Мы даже слышали голоса польских рабочих. Ночью, покидая наше укрытие, мы заметили двух человек, которые, казалось, что-то искали. Мы сразу поняли, что это были наши.

Это были двое уцелевших, идущих по направлению к Бугу, к нашей цели.

«Почему вы не переправились через реку?» Они нам рассказали, что, когда они проходили мимо деревушки, их предупредили, что вдоль берегов Буга выставлены солдаты, чтобы наблюдать за всеми переправами вдоль берега Буга.

Я у них спросил, не видели ли они Люку, они ответили, что видели в лесу. Она ушла с польскими евреями к Хелму.

Мы построились в колонну, Цибульский и я в голове, Аркадий и Шубаев в хвосте. Пройдя пять километров, мы подошли к лесу. Наша группа была слишком внушительной. Мы не могли найти пищу для всех. Тогда мы разделились на мелкие группы и разошлись по разным дорогам.

Кроме меня в группу входили Шубаев, Цибульский, Аркадий Вайспапир, Михаил Ицкович, Вайцен, Мазуркевич.

Мы пошли на восток, ориентируясь по звездам. Мы шли ночью, днем прятались. Наша цель была перейти Буг. Мы подходили к деревням, чтобы раздобыть пищу и узнать, где мы находимся. Там нам часто говорили: «Из лагеря смерти Собибор, где сжигают людей, сбежали заключенные. Ищут беглецов».

Потом мы пришли в деревню Ставки, в полутора километрах от Буга. День мы провели в лесу, а когда наступили сумерки, трое из нас вошли в избу.

Крестьянин лет тридцати резал листья табака. У печи сидел старик, в углу у входа, прикрепленная к потолку висела люлька. Женщина пряла лён, покачивая люльку.

«Добрый вечер, можно войти?»

«Входите, входите», – ответил молодой человек.

«Задвиньте шторы на окне», – сказал Цибульский молодой женщине.

Потом мы сели. Все молчали.

«Можете нам объяснить, где бы мы могли <sup>[607]</sup> переправиться через Буг?» – спросил Шубаев.



«Я не знаю», – ответил молодой.

«Тогда, вы должны это знать, – спросил я у старика. – Вы живете здесь давно. Нам сказали, что возле Ставков есть место, где очень мелко и легко переправиться».

«Если вам это сказали, тогда идите туда. Мы ничего не знаем, мы не имеем права приблизиться к берегу».

Мы разговаривали ещё некоторое время, мы им рассказали, что мы военнопленные, сбежавшие из лагеря, и что мы хотели бы вернуться к себе.

В конце концов, молодой нам сказал: «Я вам покажу направление, в котором нужно идти, но я не провожу вас к реке. Вы её сами найдёте. Будьте внимательны, охрана усилена, очевидно, потому, что пленные сбежали из лагеря, где из человеческого жира делают мыло. Их ищут повсюду, даже под землёй. Если вам повезет, вы переправитесь. Я вам этого и желаю. Пойдемте, пока не взошла луна».

«Подождите, – сказала жена, – возьмите хлеба на дорогу».

Мы её поблагодарили, попрощались со стариком, который перекрестил нас.

В ночь с 19 на 20 октября мы переправились через Буг.

Двадцать второго, через восемь дней после нашего побега, мы встретили группу партизан отряда имени Ворошилова. Начиналась новая глава жизни.

### **Из Замостья в Собибор.**

#### **Свидетельство Леи Рейзнер – Биалович (Бялович)**

Я родилась в Замостье<sup>[608]</sup>, в семье зажиточных торговцев. В 12 лет я выглядела женщиной. Это то, что спасло мне жизнь. С первых облав, я с восьмидесятью женщинами и двумястами мужчинами была отправлена в Яновице<sup>[609]</sup>, в трудовой лагерь. За нами наблюдали два эсэсовца: Ян Пинковский и Людвиг. В лагере мой двоюродный брат Арон Ройсман был убит Пинковским.

Лагерь находился на расстоянии одного часа ходьбы от Замостья. В вознаграждение за наш труд, мы имели право на суп и хлеб. Мой отец работал на заводе Зирс, мать чистила казармы. <...>

<...> Жизнь становилась кошмаром, страх облавы был хуже смерти. Кроме того, мы были голодны. Мать меняла наши последние вещи на хлеб у крестьян. Когда мы слышали испуганный крик «Немцы», мы покидали улицы гетто и прятались в укрытиях, хлебных амбарах, погребах. Изнуренная, моя мать настаивала на том, чтобы мы с братом бежали. «Идите в деревню. Там есть еще добрые люди. Может быть, спасете себе

жизнь», – говорила она нам. В то время, когда мы перешли на другую сторону гетто, эсэсовец заметил нас. Он выстрелил и убил моего брата. Я пошла далее одна и вскоре встретила несколько беженцев. Мы проводили день, замаскировавшись в листьях, а ночью воровали картошку на полях.

### Возвращение в Избицу

Крестьяне, которых мы встречали не были злыми людьми, но они боялись нам помочь. Они говорили нам: «Новое гетто образовалось в Избице. Вы не перезимуете здесь, вы умрете». В отчаянии я вернулась в Избицу, но моих родителей там больше не было. Меня приняла семья Биалович. Мы жили плохо без продуктов, без одежды, кроме того работали на кирпичном заводе. После зимы наступила весна. Но для нас весна – это угон в Собибор.

### Собибор

Я никогда не забуду надпись большими черными буквами, которую я увидела, прибыв в лагерь. Из нашей группы было отобрано 10 человек, среди которых два брата Биалович (Бялович) и я. Позже я узнала, что отбор делали эсэсовцы Френцель и Вольф.

Назначенная в прачечную, изнуренная голодом, измученная лихорадкой, я работала. Я знала, стоит мне остановиться наступит смерть. Однажды эсэсовец Френцель надавал мне пинков ногами за то, что я осмелилась покрыться косынкой, чтобы укрыться от холода.

Окна прачечной выходили на железную дорогу. Когда приходил поезд, я дрожала от страха, видя, как молодые женщины с детьми на руках направлялись к лагерю № 3, лагерю смерти, не ведая ни о чем.

Однажды Симха Биалович мне сказал, что что-то готовится, что может быть мы будем скоро освобождены. Я ждала.

План восстания был очень простым: убивать эсэсовцев там, где они были; каждого в заранее установленный час. Когда мы направились к складу с оружием, со сторожевой вышки начал стрелять часовой – украинец-националист. Тогда скотина Френцель схватил автомат и расположился у выхода из лагеря. Он стрелял без остановки.

Мне удалось добраться до леса, там я спряталась в ветвях деревьев. На протяжении всей ночи лес освещался ракетами. Взбешенные эсэсовцы искали нас. Я задавала себе вопрос: «Смогла бы я продержаться всю зиму одна, в этом лесу?» Я ела сырую картошку, иногда подходила к деревне. Несколько ночей я провела в хлеву.

Блуждая, я пришла в <...> большой монастырь, о котором я знала по рассказам нашей прислуги, которая часто ходила туда молиться. Там я узнала, что немцев больше нет в стране. <...>

Потом я нашла Симху, ему удалось бежать. Мы поженились и уехали жить в Израиль.

### **Из Влодавы в Собибор.**

#### **Свидетельство Айзика Роттенберга**

Я родился в небольшом городке Влодава. В нашей семье было десять детей. Во Влодаве проживало около восьми тысяч евреев. В настоящее время осталось в живых пятьдесят человек.

В этом городке, хоть и отдаленном от крупного центра – Варшавы, была чрезвычайно активная политическая и культурная жизнь. Существовали все партии. Клубы и общества давали возможность заниматься всеми видами спорта и даже иметь самодеятельный театр. Была так же во Влодаве иешива, одна из самых старых и известных в Польше. Именно у нас скрывался знаменитый раввин из Радзина<sup>[610]</sup>. Который призывал к сопротивлению и которого воспел поэт Катцнельзон.

Влодава находилась в восьми километрах от Собибора. Польские крестьяне, приходя на рынок, говорили нам: «В Собиборе сжигают людей, евреев, взрослых и детей». Невозможно было поверить, что это могло происходить в XX веке. Но крестьяне приносили все больше и больше доказательств.

Нас могли бы спросить: «Вы оставались в восьми километрах от крематория. Что вы слышали?» Но, как и куда спастись? И потом, мы были схвачены в тиски. Мы смертельно боялись эсэсовцев, оккупировавших Влодаву и стрелявших на улице по всякому поводу и в каждого.

Имелись так же гестаповцы, СД, кто носил повязки на рукавах и свастику, потом еще сотрудничавшая с ними «голубая» польская полиция – «*Granatowa*»<sup>[611]</sup>. Были также так называемые «Черные» – украинские добровольцы<sup>[612]</sup>. Были всякие антисемиты, которые делали все, что хотели. И потом, нам нужно было предусмотреть случаи погромов и бегства. Чувствовалось, что у нас хотели отнять наши скудные сбережения.

Меня могут спросить так же: «Как же ты, находясь с теми восемью тысячами людей перед лицом опасности, перед лицом эсэсовцев, мог позволить взять себя без сопротивления?». Но сотня человек, вооруженных пулеметами, более сильна, чем толпа безоружных.

Молодые могли бы попытаться убежать, но они не решались покинуть своих старых родителей. Они знали, что это означало приговорить их к голодной смерти, и потом, нельзя оставить младших братьев и сестер без поддержки.

По дороге в Собибор

В ноябре месяце 1942 года состоялся первый перегон из Влодавы в Собибор.

Меня заключили в Собибор 1 мая 1943 года. Мой отец был уже убит. Будучи стекольщиком, он имел возможность передвигаться по территории и видел многих людей. Одна из его клиенток – «арийка» – донесла на него в гестапо, что он ругал оккупантов. И гестапо города Люблина отдало приказ расстрелять его.

В надежде, что война продлится недолго, мы построили в гетто подземные бункеры. В день ноябрьской облавы 1942 года, эсэсовцы нас не нашли. Нас в бункере было по крайней мере человек сто пятьдесят. Но пришли во Влодаву солдаты и нашли наш тайник. Они выгнали оттуда ударами ног, многие пытались тогда убежать и были убиты.

Когда меня перевели в Собибор с группой других, Френцель отобрал восемнадцать молодых. Почему меня и одного из моих братьев, в то время как другие были отосланы на смерть? Не знаю. Этот вопрос и сейчас еще меня неотступно преследует. Мой брат погиб во время бунта. Я выжил.

В течение всего времени, что я оставался в лагере, я работал каменщиком. Собибор был предприятием, содержавшимся хозяином, который заботился об его улучшении и солдаты, которые хотели жить в комфорте, заставили нас построить офицерскую столовую, булочную, потом две печки. Потом я работал на строительстве военных складов. <...>

<...> Мы жили, терроризируемые непрерывно. Однажды я увидел одного заключенного, который разговаривал с охранником – украинцем. Эсэсовец убил его.

Однажды мы должны были перевезти песок, чтобы украсить аллеи лагеря и выложить их по бокам кирпичиками. Френцель посмотрел на нас, вытащил из кобуры пистолет, прицелился и выстрелил в голову одного товарища, работавшего возле меня. Почему – я не знаю.

Однажды пришел состав с заключенными, наполовину мертвыми. В этот день я работал на перроне и видел женщину с лихорадочно блестящими глазами, которая хотела приподняться. Я сказал ей на еврейском: «Скоро дела пойдут лучше». Что я мог ей сказать? Френцель услышал. Хлестнул меня по лицу своей плеткой и убил несчастную выстрелом из револьвера.

Заклученный с мая месяца 1943 года, я видел, как прибывало много поездов из Западной Европы и Голландии. Люди выходили из вагонов с облегчением, думая несомненно, что в лагере им будет лучше, чем было в вагонах. Эсэсовцы принимали их приветливо, с улыбкой, разговаривали с ними, если те понимали по-немецки, помогали женщинам вести детей и собирать семьи.

### Восстание

Как все заключенные, я мечтал о свободе, зная, что я был по еврейскому выражению «между водой и огнем». Сбежать из Собибора, но куда? Я вспомнил, что когда нас гнали колоннами в Собибор, впереди колонны шел эсэсовец, вооруженный пулеметом. Сзади был другой пулемет, а вдоль всей колонны шли охранники с ружьями. При малейшем движении раздавался треск оружия. Более того, я не рассчитывал на помощь и возможную симпатию местного населения. Мы действительно были между водой и огнем.

14 октября 1943 года вспыхнуло большое восстание. Я побежал вместе с другими в лес, как можно дальше. В лесу я встретил уцелевшего человека. Он был голый. «Пойдем со мной», – я дал ему пиджак. Мы искали партизан, но не нашли их. Потом мы были остановлены полицейскими, которые, к счастью, не убили нас на месте. Они отвели нас в Адамполь <sup>[613]</sup>, где немец Фелингер – администратор конфискованных владений, надел нам на шею цепи и привязал у хлева. В течение недели с нами обращались буквально, как с собаками. Мы смогли ногами сломать цепи и убежать в Парчевский лес. Сначала мы встретили польских партизан, которые не захотели вшивых, потом другую группу партизан-евреев, группу, <...> которая взяла нас к себе.

Сначала мы сторожили склад, потом, когда мы пришли в себя от той собачьей жизни, мы начали сражаться.

В конце концов я уехал в Израиль, где создал семью и где я работаю каменщиком.

### Из Курува в Собибор.

#### Свидетельство Гершеля Цукермана

С первых дней войны Курув <sup>[614]</sup> бомбили и почти весь еврейский квартал был уничтожен. Те, кто искал убежища в другом квартале тоже попали под бомбежку. За несколько дней до пожара, наш раввин попросил нас спрятать священные книги (свитки) в подвале. Так они могли быть спасены. Одни

подвалы устояли перед пожаром. Мы устроили там временное жилище, а другие разместились в наспех вырытых убежищах. Сразу после бомбежки, немцы по происхождению, хулиганы и немецкие солдаты начали грабить. И так, даже то, что могло быть спасено и спрятано в подвалы, не могло нам остаться.

Когда немецкая армия расположилась, началась организация принудительного труда. Мне удалось устроить свою семью в деревню Боровик. С Соломоном Нюссенбаумом я купил тележку и лошадь, потом, переодевшись поляками, мы ходили из одной деревни в другую, продавали и покупали продукты питания. На это наши семьи и жили. Мы рисковали нашей жизнью каждый день. Евреям было запрещено владеть лошастью и, более того, передвигаться без разрешения.

Во время пасхи 1942 года, отправляясь на заре в Курув, я увидел эсэсовцев, окруживших городок. Я предупредил своего брата, потом тех, кого встретили и вернулся в Боровик.

На следующий день какой-то крестьянин мне сказал, что все еврейское население было выслано в Конска-Воля. А также немного позже я узнал, что все вывезенные, перед отправкой в Собибор, оставались запертыми в течение трех дней без еды и воды. А также я узнал, что Авигород Яков, отказавшись сесть в поезд, был убит на перроне и что дочери Менделя Розенבלата удалось послать какого-то молодого поляка вслед за составом и тот сообщил, что поезд направился в сторону леса, расположенного в стороне Хелма, недалеко от реки Буг.

После первого большого угона населения, официально в Куруве должно было остаться только тридцать евреев, работавших у меховщика. Нескольким семьям, однако, удалось спрятаться, но ненадолго. Еврейское население было угнано в первую пятницу после пасхальных праздников 1942 года. За этим угоном последовал следующий угон еврейского населения всей области, в том числе и моей семьи.

Во время пересылки мы сделали остановку в Ополе, где нас загнали в синагогу. По дороге в Ополе удалось убежать только Хаиму Пезаху, его жене и детям. Ополе был транзитным центром перед отправкой в Собибор. Однажды эсэсовцы из Пулавы под предлогом тесноты и отсутствия гигиены отослали детей и женщин в загородные бараки. Двое из моих четверых детей тоже были угнаны. Почти сразу после этого произошла другая облава, которой мне удалось избежать, но в которой я потерял жену и одного из моих детей. По возвращении моего последнего ребенка, сына Иосифа (Юзефа), мы решили присоединиться к нашей семье. Впрочем,

очень скоро последовала третья облава и в синагоге Ополе польские евреи были заменены чехословацкими.

Мы шли колонной к вокзалу. На дороге <...> стояла шеренга крестьян, вооруженных лопатами. Увидев в толпе хорошо одетого человека, они указывали на него немецкому или украинскому охраннику, давая ему бутылку водки. Тогда тот вытаскивал из рядов указанного человека и убивал его, как за попытку к бегству. Крестьянин, купивший еврея, брал тогда его одежду, сапоги и все, что было на нем.

<...> нас ждал поезд. От 120 до 130 человек силой запихнули в вагоны и поехали в Собибор. По приезде были отобраны 100 человек, в число которых попал мой сын и я. Две тысячи других заключенных были помещены в лагерь № 3. На следующий день эсэсовцы спросили: «Кто умеет готовить еду?». Мы с сыном подняли руки. Мы остались, а 98 других были переведены в лагерь № 3.

Техника, предназначенная для умерщвления, была так хорошо замаскирована, что почти еще в течение 10 недель, я думал, что другие, пришедшие со мной, находились в трудовом лагере. На кухне, где я работал, мы варили суп для заключенных 3-го лагеря. Украинские надсмотрщики приходили за кастрюлями. Однажды в мучной шарик я положил записку на иврите: «Братья, сообщите нам, что стало с теми, кого перевели в лагерь № 3?». Ответ ко мне пришел в записке, приклеенной на дне чугуна: «Было бы лучше, если бы вы об этом не спрашивали. Здесь они все были задушены газом, и мы должны были их похоронить.»

Я сказал это двум своим друзьям – Леону Фельдхендлеру и Суломо (Шломо) Гольдштейну. Но вместе решили ничего не говорить другим, чтобы не заставлять их страдать еще больше, чем они страдали сейчас.

Однажды украинец Коцевадский из Киева, следящий за порядком на кухне, прошептал мне: «У меня есть друзья среди русских партизан и план, чтобы нас всех освободить.» Я никак не реагировал, потом посоветовался с Фельдхендлером и Суломо. Мы решили ничего ему не отвечать. В другой раз Коцевадский доверился мне: «Я еду в Хелм к своему другу. Если немцы меня спросят, скажи, что я в лагере». Когда он вернулся, мы сказали, что никто его не спрашивал. <...>

### Отравление

На кухне для заключенных нас работало 13 человек, двое работали на кухне для эсэсовцев и двое на кухне для украинских нацистов. Мы хотели найти отраву, которая подействовала бы через 3–4 часа после приема пищи. За эти 3–4 часа партизаны приблизились бы к лагерю, потом соединившись



с заключенными, разрушили бы Собибор. Но из Майданека пришел приказ, не позволяющий больше работать заключенным на кухне эсэсовцев. Мы вручили деньги Коцевадскому, чтобы он их отдал партизанам. И однажды он убежал.

### Визит Гиммлера

Зимой 1943 года мы узнали, что в Собибор должен приехать Гиммлер. Утром, накануне этого визита, выйдя набрать угля для кухни, я увидел грузовики, полные женщин на расстоянии менее 50 метров от угольного склада. Потом я услышал, что меня кто-то зовет. Подняв голову, я увидел дочь моего друга, стоящую в грузовике. Она вместе с трехстами женщинами была специально привезена в Собибор, чтобы повеселить Гиммлера и его свиту спектаклем – зрелищем своей смерти.

Нас постоянно преследовала мысль об индивидуальном или коллективном восстании. Мы хотели организовать все так, чтобы был какой-то эффект, но нам ничего не удавалось.

Однажды, когда была гроза, двое заключенных, вырыв отсыревшую землю под колючей проволокой, убежали. Охранники были в будке и ничего не заметили. При вечерней переключке было слишком поздно. В отместку они расстреляли двадцать человек. В другой раз, два человека из отряда, работавшего в лесу, ушедшие под присмотром одного охранника в деревню за водой, предложив ему водки и, напоив, убили его и убежали. Так как эти три человека не возвращались к основной группе, охранники забеспокоились и дали приказ о возвращении. По дороге одиннадцать евреев убили, двадцать семь других были расстреляны по возвращении в лагерь.

Группа голландских заключенных, состоящая из 70 человек, приготовили коллективный побег и были уверены в поддержке украинского охранника. Но он предал их, и они все были расстреляны.

В другой раз нам приказали не варить суп для 300 заключенных из третьего лагеря. Они все были расстреляны за попытку к восстанию. Впрочем, накануне мы слышали шум ружейной стрельбы. После этого восстания 300 заключенных было отобрано в другом составе: врачи, инженеры, все представители свободных профессий, чтобы заменить тех 300 расстрелянных. Новые заключенные вырыли туннель под колючей проволокой, они почти закончили его, когда он был обнаружен эсэсовцами.

В другой раз, те, кто был в очередном составе, были расстреляны на вокзале вместо того, чтобы быть отправленными в лагерь № 3. В кармане куртки одного из них один из наших нашел записку на идиш: «Братья, не

давайте себя в вести в заблуждение ложью эсэсовцев. Мы приехали из Белжеца, там тысячи евреев были убиты и на ямах, где они погребены, была посажена роща.»

Многочисленные попытки побега, индивидуальные и коллективные, несколько примеров которых я привожу здесь, нас научили, что восстание надо готовить заранее по точному плану и начало его должно быть строго секретным. Этот план должен быть известен небольшой группе заключенных, чтобы было больше шансов на успех. Мы пришли к такому выводу, когда прибыла группа военнопленных из Минска. Среди них мы заметили несколько трезвых голов, по – еврейскому выражению. В частности, одного из них звали Саша, который произвел на нас отличное впечатление. Он быстро встал во главе комитета по организации восстания. Этот комитет собирался несколько раз на кухне и заключенные, которые выносили очистки, служили связными. Первой идеей, над которой работал комитет, было взятие оружейного склада. Но мы были вынуждены отказаться от этого плана. У нас совсем не было оружия для первой атаки, и первые выстрелы дали бы сигнал тревоги, мобилизующий всех солдат. Тогда мы решили тихо ликвидировать эсэсовцев и для этого мы искали самый подходящий момент, это когда часть охранников уходила в отпуск. Мы наметили дату 14 октября. Это был день, когда Вагнер и Гомерский отсутствовали, и мы выбрали лозунг «Теперь или никогда!».

В начальном комитете было десять человек, каждый из которых должен был известить других 5–6 человек. Таким образом, нас было шестьдесят, которые знали час и детали восстания<sup>[615]</sup>. Другие догадывались, что что-то готовится, но они ничего точно не знали до 14 октября. Между 4 часами и 4 часами 45 минутами 17 эсэсовцев и украинских охранников были убиты, «заморожены», как говорят на еврейском языке. Мы были все возбуждены, пьяные от радости. Это было возрождение, и мы чувствовали, как наши силы удесятятся. В 5 часов была перекличка. Заключенные прибежали все на площадь, мы стали кричать друг другу: «Евреи, знайте, что это уже не перекличка, это восстание. Пусть каждый спасается, как может». Группа, в которой находился я побежала ко входу, так как мы знали, что площадка там была не заминирована и что не надо было проходить через ров. Когда мы бежали, я увидел, как один из заключенных бросил горсть соли в глаза эсэсовцу и пока тот протирает глаза, заключенный убил его топором и взял его револьвер. В начале украинские часовые не стреляли по нам. Но это длилось недолго. Они начали по нам стрелять, когда мы топорами повалили колючую проволоку со столбами. Потом много наших погибло на минах. Но нас было по крайней мере 300 человек, которые

достигли леса. С моим сыном Юзефом я бежал всю ночь. Из 300 человек, которые бежали из лагеря, приблизительно 35 были живы к концу войны<sup>[616]</sup>. Остальные умерли: были убиты немцами в лесах, или польскими антисемитами, или просто людьми, которые хотели завладеть их штанами и обувью. С моим сыном мы провели, прячась три месяца в лесах, особенно на болотах. Только изредка мы решались приблизиться к какой-нибудь избе, чтобы попросить или купить пищу. В ноябре мы нашли тайник-ров, хорошо замаскированный в лесу. В этом укрытии мы нашли Хаима Пезаха, его жену и двоих детей, Манеса Рохельмана, дочь и сына Азика Шнайдера и маленького мальчика. Они все были из нашего города. Мы все плакали от радости. Еще бы, узнать, что еще есть выжившие! Потом мы их покинули и стали искать другое убежище. Мы нашли его недалеко от Курува. <...>

В декабре мы вернулись на старое убежище и там узнали, что Хаим Пезах и его друзья были убиты местными антисемитами.

Один крестьянин, который жил недалеко от этого убежища, захотел нам помочь. Но те, которые убили Хаима Пезаха, узнали о нас и вывели нас из нашего укрытия. Они нас не убили сразу же, так как они боялись, что выстрелы привлекут внимание немецких солдат. Они вернулись ночью, чтобы убить нас в лесу, но нам удалось убежать от них и снова мы спрятались.

Мой сын в конце концов нашел партизанскую группу, в которой он боролся <...>. Я, переодетый в польского крестьянина, продолжал бродить по лесам. После освобождения я нашел своего сына в Люблине, но мы не хотели больше возвращаться в Курув. После различных путешествий, мы приехали в США, где мой сын умер.

Пережить Собибор это еще не означает жить...

### **Собиборское восстание.**

#### **Свидетельство Иегуды Лернера**

Я родился в Варшаве, в семье, состоявшей из шести человек. Мой отец был булочником. Наша жизнь в гетто с того момента, когда началась война, была такой же, как и большинства евреев, со свойственной ей безработицей, голодом и тревогой за завтрашний день.

22 июля 1942 года началась травля людей на улицах гетто. 23 июля, в день, когда президент Еврейского Совета покончил жизнь самоубийством, мой отец, моя мать, один из моих братьев и я сам были схвачены во время облавы и отправлены на погрузочный пункт, на вокзал гетто, а затем

загнаны в какое-то здание. Оттуда все мои родные были сосланы, и я их больше не видел.

Я был отправлен в один из лагерей, недалеко от Смоленска, на оккупированной территории Советского Союза. Мое пребывание в Смоленске длилось 10 месяцев. Задача нашего лагеря заключалась в строительстве аэродрома. Единственное вознаграждение за наш труд, которые мы получали – это кусок хлеба и чашка супа. Вначале у нас были еще какие-то предметы, которые мы обменивали на хлеб у крестьян. Потом голод произвел такие опустошения, что ослабевших рабочих увезли в лес, где они были расстреляны. Хайм, мой друг по Варшавскому гетто, был вместе со мной. Кроме польских евреев – в трудовом лагере были также и немецкие евреи, которые были перевезены из Варшавского гетто. Я предложил моему другу: «Давай убежим, с нами ничего уже не может случиться худшего, чем быть здесь, где мы лишаемся своей шкуры».

Четыре месяца спустя, воспользовавшись темной ночью, мы миновали колючую проволоку. Но очень быстро, мы были задержаны и отправлены в другой лагерь, где мы снова работали, голодали и сносили побои. Спустя несколько месяцев, мы предприняли еще одну попытку к побегу. Там нам удалось остаться на свободе несколько дней, но потом эсэсовцы нас арестовали и отправили в гестапо в Минск. Спустя некоторое время минское гестапо, поместило нас в Минское гетто.

### В лагере на Широкой

Большинство жителей минского гетто были уже уничтожены. «Нас здесь не ждет ничего хорошего». – говорили выжившие. И они нам помогли попасть в трудовой лагерь военнопленных, на улице Широкой.

Этот лагерь находился в ведомстве «СС». Пленные выходили оттуда маленькими группами работать на улицу. Мой друг и я, мы находили, что условия жизни там прекрасные. Пленные работая на улице, оставляли нам свой суп и иногда даже им удавалось принести нам подпольно продукты, которые они доставали у местного населения. Мой друг и я заболели тифом, но потом выздоровели. На Широкой находилось от 600 до 800 солдат и офицеров – евреев военнопленных; мы надеялись здесь остаться до освобождения. Но однажды нам объявили: «Вы поедете в Польшу», но не в город Лодзь, переименованный немцами в Litzmannstadt. Мы приехали в Собибор.

### Собибор

По дороге в Собибор, поезд остановился в Хельме. Там, какой-то поляк проходил по вагонам и проверял номера. Мы спросили его, где мы находимся. «Вы едете в Собибор, там сжигают людей». «Сжигают людей!» Эти слова нас преследовали неотступно, но никто не прореагировал. Неправдоподобно. Я сам из Польши, из Варшавы, и я ничего не знал о лагерях смерти.

Поезд тронулся снова, остановился. Наступила ночь. Вагонная дверь открылась. Напротив нас, плакат с черными буквами: «СС Зондеркоманда Собибор». Затем все произошло очень быстро. Жители минского гетто были увезены эсэсовцами и потом: «Кто хочет на тяжелую работу?» – спросил один эсэовец. Только несколько человек вышли из толпы. Тогда немцы выбрали 80 человек; остальные, среди которых был мой друг Хаим, были отправлены туда, куда уехали люди из гетто Минска. Я вскоре понял, что тот поляк был прав, в Собиборе сжигают людей.

Нас поместили в лагерь и заперли там. На следующий день началась работа. Надо было ровнять землю и делать подземные склады для оружия, захваченного у русских. Пленные, которые уже были там, рассказывали нам, что такое Собибор, и вскоре был подготовлен план восстания.

Тесные контакты наладились между вновь прибывшими и старыми заключенными, которые жили там раньше. Офицер Саша Печерский разработал детали восстания. В этом плане моя роль заключалась в том, чтобы убить эсэовца Грейшута, который командовал гарнизоном. Незадолго до 14 октября, я был направлен в лагерь № 1 как плотник. Мне дали топорик, который Шмайзнер хорошо заострил и которым я поспешил воспользоваться.

14 октября был знаменательный день. Грейшут вошел в барак портных, чтобы примерить новую форму. Я ждал его за дверью. Я ударил один раз, второй. Он упал мертвый. Мы у него забрали оружие и принялись ждать сигнала всеобщего восстания и бегства. К несчастью, Френцель не пришел. Я так надеялся его убить тоже!

В 5 часов я услышал: «Ура, ура! Да здравствует свобода!» Тогда я побежал в том направлении, откуда раздавались крики, к выходу из лагеря. По дороге я встретил двух заключенных, бежавших в противоположную сторону. Мне удалось добыть винтовку, и я побежал за ними. Я не знаю, как я миновал колючую проволоку и мины. И вот я в лесу. Я побежал, упал, уснул, потом проснулся ночью. Инстинктивно, я снова побежал. Но я все еще находился недалеко от лагеря. Когда я бежал, я встретил трех других заключенных, один из которых, Борис, был из лагеря на Широкой. Мы все вместе оставались в лесу в течение 3–4 недель. Ночью мы подходили

близко к деревням и просили хлеба. Иногда нам его давали охотно, но иногда нам приходилось угрожать.

<...> мы встретили другую группу беглецов, в которой находились Гольдфарб, два кавказца и двое сбежавших советских военнопленных. Все вместе мы примкнули к одной группе украинских партизан, в которой было несколько евреев. Однажды я отправился с Гольдфарбом за продуктами. Когда мы вернулись, два кавказца и евреи были убиты. Мы убежали, понимая, что та же участь ждет и нас. Мы долго скитались, потом встретили группу партизан евреев <...> Вместе мы сражались и вместе мы примкнули к польской армии. В конце войны, наша группа насчитывала примерно сто бойцов. После войны я уехал в Израиль, где я женился. Сейчас я офицер в израильской полиции.

### **Из Хелма в Собибор.**

#### **Свидетельства Хаима Тренгера**

Я родился в Хелме. У меня была жена и двое детей. Они были убиты, а я отправлен в лагерь Собибор.

В сентябре 1939 года Хелм бомбили два раза, более 250 убитых и в октябре немецкая армия оккупировала Хельм, были взяты заложники, которые были гарантами повиновения еврейского населения.

1 октября заложникам поручили, чтобы все мужчины от 15 до 60 лет, явились на базарную площадь. Мы попытались спрятаться, но эсэсовцы устроили облаву и схватили 2 тысячи человек. Схватив людей, они отняли у них деньги, часы, драгоценности и направили их в Хрубешув<sup>[617]</sup>. Женщины и дети хотели следовать за мужчинами, но эсэсовцы стреляли по толпе. Из двух тысяч человек, которые вышли из Хелма, только 600 достигли Хрубешув.

В Хрубешув эту толпу направили в Сокулу<sup>[618]</sup>, к русско-немецкой границе. Во время этого перехода еще 200 человек было убито. Русские пограничники не позволяли перейти в СССР. Тогда эсэсовцы столкнули людей в реку, большинство из четырехсот там утонули.

Выжившие были заключены в гетто, потом мы должны были носить повязки. Мы получили приказ приветствовать каждого немца, потом нам запретили носить обувь на кожаной подошве. Деревянная подошва сообщала о нашем приближении.

С началом русско-немецкой войны, положение усложнилось. Сначала в Хелме собрали евреев из Чехословакии и жителей соседних деревень.

Потом Хелм превратили в тренировочный центр для власовцев. Власовцы грабили и терроризировали нас с благословения немецких властей.

Сначала я потерял жену, потом однажды, когда я работал на оккупанта, всех детей из гетто увезли. Эсэсовцы утверждали, что они позаботятся о них лучше, чем мы могли бы это сделать. Я остался один, потерявший всякую надежду. При первой облаве я попал в Собибор.

### В Собиборе

22 мая 1942 года меня и еще более ста человек погрузили в товарные вагоны, чтобы отправить в Собибор. Там мы провели 48 часов, прежде чем поезд отправился. Многие умерли в дороге. По прибытии мы отупели от голода и усталости, не способны были реагировать на оскорбления и удары. Нас быстро выгрузили. Наугад эсэсовцы отобрали несколько мужчин, а других отправили куда-то.

В Собиборе голод и лишения гетто становились прекрасными воспоминаниями. Я должен был работать на строительстве булочной. Эсэсовцы хотели изготавливать свой хлеб на месте. На работе я поддерживал себя говоря: «Не долго вам придется радоваться булочной. Мы находимся в пасти у волка, но не останемся там».

Когда разразилось восстание, оно спасло нам больше, чем жизнь. Оно нам вернуло веру в самих себя. Мы евреи, существа самые несчастные на свете, мы обезглавили убийц детей, мы всаживали пули в шкуру негодяев, в череп садистов.

### Побег

После восстания, я побежал в лес, опьянев, точно выпил алкоголь. Я бежал всю ночь. На рассвете я был еще близок к аду. Со мной был один еврей из Варшавы. Днем мы прятались и ночью шли. Гонимые голодом, мы просили у крестьян хлеба, картошки и воды, спали в стогах сена. Но очень скоро мы не могли больше сопротивляться холоду. Тогда мы пошли и попросили одного крестьянина спрятать нас на чердаке. Варшавянин по профессии был портным, и в обмен мы предложили крестьянину сшить ему одежду. Он согласился и принес ткань. Мы работали всю неделю и сшили ему костюм. Когда работа была закончена, за нами пришли жандармы. Мы бросились на них и скрылись. Мой друг был убит, а мне удалось спрятаться, распластавшись на земле. Так я провел весь день. Вечером я поднялся и блуждал по лесу в поисках партизан. Так я провел много дней, питаюсь сырой картошкой и грызя корни. Однажды утром после ночи, проведенной под деревом, я увидел перед собой крестьянина с



лопатой в руках, который разглядывал меня. Я сделал вид, что хочу достать из кармана револьвер – и он с криком убежал. В следующий раз ко мне стала приставать группа поляков, которые насмеялись над несчастным евреем, который был совсем один в лесу. Я возмутился, крикнул, что я поляк, и попросил их провести меня в ставку командования партизан. Моя дерзость спасла меня, потому что они отвели меня к офицерам, которые приняли меня и направили в подразделение. Я отдавал борьбе все силы, так как я всегда помнил о мучениях Собибора.

Хаим Тренгер вернулся после войны в Хелм. Там он встретил женщину, уцелевшую в Аушвице. Он на ней женился. Они поехали вдвоем в Израиль, где у них родился ребенок. Тренгер умер в 1969 году, и его вдова передала мне его свидетельство.

### **Из Хрубешува в Собибор.**

#### **Свидетельство Якова Бискупица**

Майским утром я был взят со своей семьей во время облавы в Хрубешуве.

Поезд привез нас в Собибор. Многие погибли в пути, хотя он не был очень долгим. На перроне, после прибытия, эсэсовский офицер закричал: «Мужчины с одной стороны, женщины с другой!» Распластавшись на земле, мы провели нескончаемые часы, охраняемые эсэсовцами, затем были вызваны три плотника, три столяра-краснодеревщика, трое рабочих и две женщины. Мой отец и я были краснодеревщиками, нас отвели в сторону. 80 человек были отобраны из 3000 человек из поезда. Остальные были отведены в глубь леса, неизвестно куда.

Нас собрали в бараке со старыми узниками и двоих из нас назначили капо.

#### **Воспоминание**

Некоторые события особенно врезались в мою память. Так, например, эсэсовец Бауэр, в обязанности которого входило наблюдать за отправкой багажа заключенных на склад. Я все еще вижу его, стоящего на грузовике и кричащего: «Еще не полно! Еще не полно!» Я помню также одну мать, которая бегала, как обезумевшая, по перрону, ища своего ребенка. Этот ребенок находился в руках Френцеля, который разбивал ему голову о рельсы. Я вспоминаю Вагнера. Вагнер часто убивал детей ударом сапога прямо на перроне. Он руководил также казнью больных и маленьких детей после прибытия.

Эсэсовцы и украинцы боялись сопротивления заключенных. Когда приходил поезд с заключенными, в котором находились одни мужчины, они открывали вагоны только один после другого, опасаясь оказаться лицом к лицу с огромной массой людей.

В сентябре 1943 года заключенные из Минска сделали попытку взбунтоваться по прибытии поезда. Они кидали в солдат бутылки, камни, все, что они имели. Эсэсовцы расстреляли их из пулеметов, прежде, чем они успели выйти из вагона.

Я присутствовал при всех этих событиях, потому что я работал в «командо» вокзала в течение 8 месяцев. В течение этих 8 месяцев более 200 заключенных, работавших в «командо», были убиты. Чтобы быть убитым, нам достаточно было снизить темп работы или съесть краюху хлеба, найденную в вагоне.

Потом я работал в отдельном отряде в лесу. Увы, это также было изнуряюще: мы должны были быстро собирать опавшие ветки.

Я не мог убедить себя в существовании лагеря № 3. Однажды я нарушил внутренний распорядок (очень хотелось узнать, что там происходило, мне было поручено сопровождать вагонетку с хлором), т. е. вместо того, чтобы остановиться на полпути, я толкал вагонетку до входа. Я чуть было не был убит.

Меня постоянно преследовала мысль о побеге, но я хотел остаться, чтобы ухаживать за моим отцом.

Однажды он заболел. Сначала я приходил помогать ему работать, потом он не смог больше держаться на ногах, Вагнер и Френцель во время осмотра нашли его в бараке. Я их видел издали, как они вошли и вышли, волоча моего отца. Тогда двое заключенных схватили меня за руки, мешая мне следовать за ними. Я плакал. Потом издали я слышал выстрел.

Я внимательно наблюдал за всеми попытками к бегству, которые предпринимались. Первый, кто смог сбежать из Собибора, – это заключенный, которому удалось спрятаться в свертках одежды, которую эсэсовцы посылали в Германию. Кажется, он ускользнул от конвоя в Хелме.

## Восстание

Начальная группа комитета освобождения насчитывала 10–12 членов, среди которых был Леон Фельдгендер из Жулкевки. Это он будет связным между заключенными польскими евреями и евреями из Минска, которые организовали восстание.

<...>

Мой побег

Я бежал с заключенным Давидом, когда мы наткнулись на шарфюрера Бауэра и грузовик с питьевой водой. Потом украинец бросился навстречу крича: «Немец капут!» Бауэр выстрелил и убил Давида. Я спасся в лагере № 4, спрятавшись там. Ночью я перерезал колючую проволоку ножом и мне удалось перейти через ограждение. Потом я бежал, бежал, бежал, не знаю, сколько времени, затем блуждал по лесу несколько недель. Там я встретил группу партизан, с которыми я сражался до освобождения.

### **Из Коло в Собибор.**

#### **Свидетельство Иехезкиля Менхе**

Я родился в Коло<sup>[619]</sup>, около города Лодзь. Моя семья была очень многочисленна, вместе с моими двоюродными братьями нас было по крайней мере двести человек.

В декабре 1940 года нас сначала согнали на новое место жительства в Избицу и только в апреле 1942 года мы, двадцать членов моей семьи, были схвачены в облаве и доставлены в Собибор.

Наш транспорт насчитывал более шести тысяч человек. В каждом вагоне было набито по 120–150 человек. Из этих шести тысяч, сорок ремесленников были отобраны немцами как трудоспособные. Я попал в число трех портных. Перед толпой вновь прибывших эсэсовец Штангль сказал: «Вы все получите земли на Украине, где сможете мирно работать. Теперь вы пойдете переодеть одежду, – он добавил еще. – Вы сейчас напишите семьям, что вы хорошо доехали и что вы довольны!» Потом большинство из нас, переселенных, должны были идти в лагерь № 3.

#### **Несколько воспоминаний**

Садистские выдумки обершарфюрера Вайса:

Однажды в час переключки, один из нас был переодет в Моисея, потом его заставили подняться на стол, чтобы петь: «Мойше, Мойше, твои братья в затруднительном положении. Скоро с ними покончат и мир станет спокойным». Слушая это, мы должны были стать на колени и отвечать: «Аминь». Эсэсовец казался счастливым, что заставил нас играть эту комедию.

В мае у Вайса появилась следующая идея: мы все должны были искать определенное число земляных червей и тот, кому не удастся найти заданное количество червей за определенное время, получает 25 ударов.

Мы давно поняли какой будет у нас конец, но мы не знали, как нам организовать побег. И только в октябре 1943 года, у нас был готов план

организованного восстания. Восстание должны были начать 40 человек, разделенных на две группы. Восстание было назначено на 14 октября, первый день праздника Суккот<sup>[620]</sup>.

Первая группа, в которой находился и я, должна была ликвидировать 16 офицеров эсэсовцев и захватить их оружие. Вторая группа должна была овладеть оружием и формой офицеров, потом атаковать склад боеприпасов. Выполнив свою задачу, моя группа должна была присоединиться ко второй и вместе мы должны были вовлечь всех заключенных в восстание и устроить побег. Лернер и я должны были ликвидировать Грейшута и Клятта ударами топора, когда те примеряли одежду. В десять минут пятого все должно было закончиться. Мы получили топоры 13 октября и все произошло как было задумано. Потом мы пошли к выходу из лагеря. Но там немецкие охранники заметили, что что-то необычное произошло в лагере. Они начали стрелять по нас. Мы были недостаточно вооружены, чтобы дать настоящее сражение. Тем более, что команда, которая должна была взять склад боеприпасов, не справилась со своей задачей. Тогда мы все побежали в беспорядке, но прежде чем достигнуть леса, нужно было пройти через колючую проволоку и рвы. Многие из наших погибли. Из шестисот заключенных, я думаю только одна сотня могла достигнуть Парчевских лесов, по дороге из Люблина в Замостье. У нас было много врагов, с которыми надо было сражаться, кроме немцев – украинские националисты и польские фашисты. Таким образом, в 1945 году, нас осталось в живых только 30 человек.

Я хочу напомнить имена двух героев, без которых мы не смогли бы организовать восстание: это Саша из Минска и Фельдхендлер, который был убит после освобождения в 1945 году польскими фашистами.

Перевод немецкого трофейного документа .

"Учебный лагерь Травники"  
команда Люблин

16 сентября 1943 года

В Собибор  
Начальнику "СС" рабочего лагеря в Собиборе

По распоряжению из учебного лагеря Травники из команды  
Люблин учебного лагеря Травники в "СС" - рабочий лагерь Соби-  
бор переводятся следующие охранники:

1.	"СС" - группенвахман	САВЧЕНКО Николай личн. № 1192	
2.	"СС" - обервахман	ШИНАЛИК Т.	3062
3.	"--"	МУЗЫКИВСКИЙ Петр	2987
4.	"--"	НОЙМАН Фридрих	173
5.	"СС" - вахман	ЛИХОТОП Михаил	4732
6.	"СС" - обервахман	ЯЦЕНКО Петр	2098
7.	"СС" - вахман	РАЗДОРОВЫЙ Арсен	2217
8.	"--"	Г У Д Е М А Иван	2243
9.	"СС" - вахман	ЯРЕМЕНКО Иван	807
10.	"--"	СВЯТЕЛИК Николай	150
11.	"--"	ПАВЛЕНКО Георгий	605
12.	"--"	РОСС Александр	713
13.	"--"	СУПРУНЕНКО Петр	1489
14.	"--"	ДИБРОВНИЙ Иван	1782
15.	"--"	АРТЕМЕНКО Илья	1958
16.	"--"	МИСТЮК Иван	265
17.	"--"	ВОЛЕМБАХОВ Иван	1211
18.	"--"	СЕМЕНОВ Александр	915
19.	"--"	КОЗАЧЕНКО Александр	1155
20.	"--"	КОМУЛАТ Стефан	4054
21.	"--"	ЛЕНЮК Кирилл	1082
22.	"--"	ЛУКЬЯНЧУК Петр	885

Травниковцы, направленные 16 сентября 1943 г. в Собибор.

*Приложение к статье А. Шнеера. Предоставлено автором*

"СС" - вахмән	КОРНЯКОВ	Михаил	личный № 1700
"-"	ШУБИН	Георгий	2082
"-"	МАРЧУК	Василий	4029
"-"	КЛЕМЮК	Петр	4129
"-"	МАКСИМЮК	Стефан	4079
"-"	КУХАРУК	Остап	4225
"-"	КОМАРНИЦКИЙ	Василий	4411
"-"	КОНДРАТЮК	Евгений	4555
"-"	КРУПНОВ	Василий	1496
"-"	ВОВНЯНКО	Иван	568
"-"	ДУХОВ	Юрий	117
"-"	ПЕТРИКОВСКИЙ	Стефан	4038
"-"	КОПЫСЬ	Михаил	4569
"-"	ДАНИЛЮК	Евгений	4655
"-"	Ж У Р	Василий	4542
"-"	САВЧУК	Стефан	4601
"-"	ПАЛУХ	Михаил	4564
"-"	ПРИСТУПА	Василий	4644
"-"	Г Л У Й	Степан	4552
"-"	БРУХАЦКИЙ	Владимир	4545
"-"	Д У М А	Анатолий	4633
"-"	К У Ч А	Евгений	4517
"-"	ШАРАН	Владимир	4585
"-"	ГЛОВАЦКИЙ	Евгений	4658
"-"	СИЛИНСКИЙ	Евгений	4634
"-"	/Зилинский/ ПОЛЯКОВ	Василий	1000
"-"	БАБИЧ	Борис	391
"-"	ДУДКО	Антон	4051
"СС" вахмән	БЕКАЛО	Николэй	4624
"-"	В О В К	Михаил	4610
"-"	ВОЙТАС	Алексей	4619
"-"	ХИЛИНСКИЙ	Иван	4573
"-"	ХАРАСЮК /Гарасюк/	Евгений	



56.	"ЕС" - вәхмән	КЛЮСЯК Мирослав	личн. № 4632
57.	"-"	ВОРОЖБИТ Владимир	4609
58.	"-"	МИХАЛЬЧУК Антон	4589
59.	"-"	ДЕМЧУК Евгений	4659
60.	"-"	МИХАЛЬЧУК Константин	4598
61.	"-"	ДЕМЧУК Леон	4578
62.	"-"	Ч О П Николай	4628
63.	"-"	ЧУБЧЕРУК Сергей	4594
64.	"-"	САДЛЫЙ Степан	4627
65.	"-"	МИСЮК /МИЗЮК/ Даниил	4603
66.	"-"	ТИШКЕВИЧ Юзеф	4605
67.	"-"	ТИШКЕВИЧ Петр	4595
68.	"-"	СЕВЕРЕНЧУК Виктор	2005
69.	"-"	МАКСИМЮК Павел	3997
70.	"-"	ЧАБАН Михаил	4568
71.	"СС" - вәхмән	ПАЧКОВСКИЙ Михаил	3867
72.	"-"	ДАНЧУК Александр	4028
73.	"-"	СТАВРОССКИЙ Михаил	4572
74.	"-"	ЧАРНЕЦКИЙ Владимир	3905
75.	"-"	Х В И Ч Алексей	4738
76.	"СС" - вәхмән	КАМИНСКИЙ Иозеф	4076-4526
77.	"-"	МАЧУК Владимир	4019
78.	"-"	АНТОНЮК Владимир	4076
79.	"-"	СЕНИО Степан	4011
80.	"-"	БАЙКЕВИЧ Михаил	4532
81.	"-"	ШОЛНАЧ Владимир	4010
82.	"-"	ТЕЛЕНКО Николай	4071
83.	"-"	ДЕМБЯН Иозеф	4511
84.	"-"	ФИЛИПЮК Иван	4065
85.	"-"	ШОЛНАЧ Иозеф	4516
86.	"-"	ФИЛИПЧУК Тадеуш	4205
	"-"	ФИЛИПЧУК Василий	4075
	"-"	МАРТЫНЮК Сергей	4081
	"-"	ДБЯЧУК Николай	4142

90.	"СС" - вожман	ФИЛИПЧУК	Владимир	личный № 4086
91.	" -"	ОНИЩУК	Владимир	4024
92.	" -"	ЖЕРЕБЕЦ	Евгений	4180
93.	" -"	ЛЕВЧУК	Владимир	3874
94.	" -"	МУСИЧУК /Музичук/	Николай	4546
95.	" -"	ПУШКАРЕВ	Василий	1272
96.	" -"	БАЛДИН	Александр	2328
97.	" -"	ГЛАДКИЙ	Иван	1492
98.	" -"	САВУЛА /Завула/	Антон	3994
99.	" -"	СЕМЕНЮК /Земеньук/	Иозеф	4058
100.	" -"	МУХА	Владимир	4002

Указанные охранники обеспечены денежным довольствием до 20.9.43 г., продовольствием до 16.9.43 г. У охранников имеются следующие предметы обмундирования и снаряжения:

тиковые брюки и китель, черный мундир и брюки; из оружия по одной винтовке; поясной ремень, пилотка, пара сапог, смена белья, 2 одеяла.

Приложение: 50 служебных удостоверений.

Недостающие служебные удостоверения в учебном лагере Травники не заготовлены, их следует затребовать.

Начальник команды  
мастер охранной полиции - БАЗЕНЕР

Перевела: Переводчик 4 Управл.МГБ СССР  
мл. лейтенант

/БАЗИЛЕВСКАЯ /

16 декабря 1948 года

Копия верна: СТ СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО ОТДЕЛА УКГБ  
ПРИ СМ. УССР ПО ЛЬВОВСКОЙ ОБЛАСТИ -  
К в п и (г. в. н.) -

Х ИТОНОВ /



Германские солдаты и жители польского города Томашов-Мазовецкий окружили еврея, которому принудительно стригут бороду. Октябрь 1939 г.





*Нацистские лагеря смерти в оккупированной Польше. 1941–1944 гг.*



*Еврейских женщин из гетто увозят в Собибор.*

*Рис. Джозефа Рихтера. Музей «Бейт-Лохамей а-геттаот» (Музей борцов гетто), Израиль*



*Александр Печерский. 1944 г.*



*Аркадий Вайспапир (слева). Фронтное фото*



*Семен Розенфельд (слева) после возвращения из госпиталя. Рядом с ним Дов Фрайберг. Третий «Юзек из Хелма» (по воспоминаниям Розенфельда). Польша. Март 1945 г.*



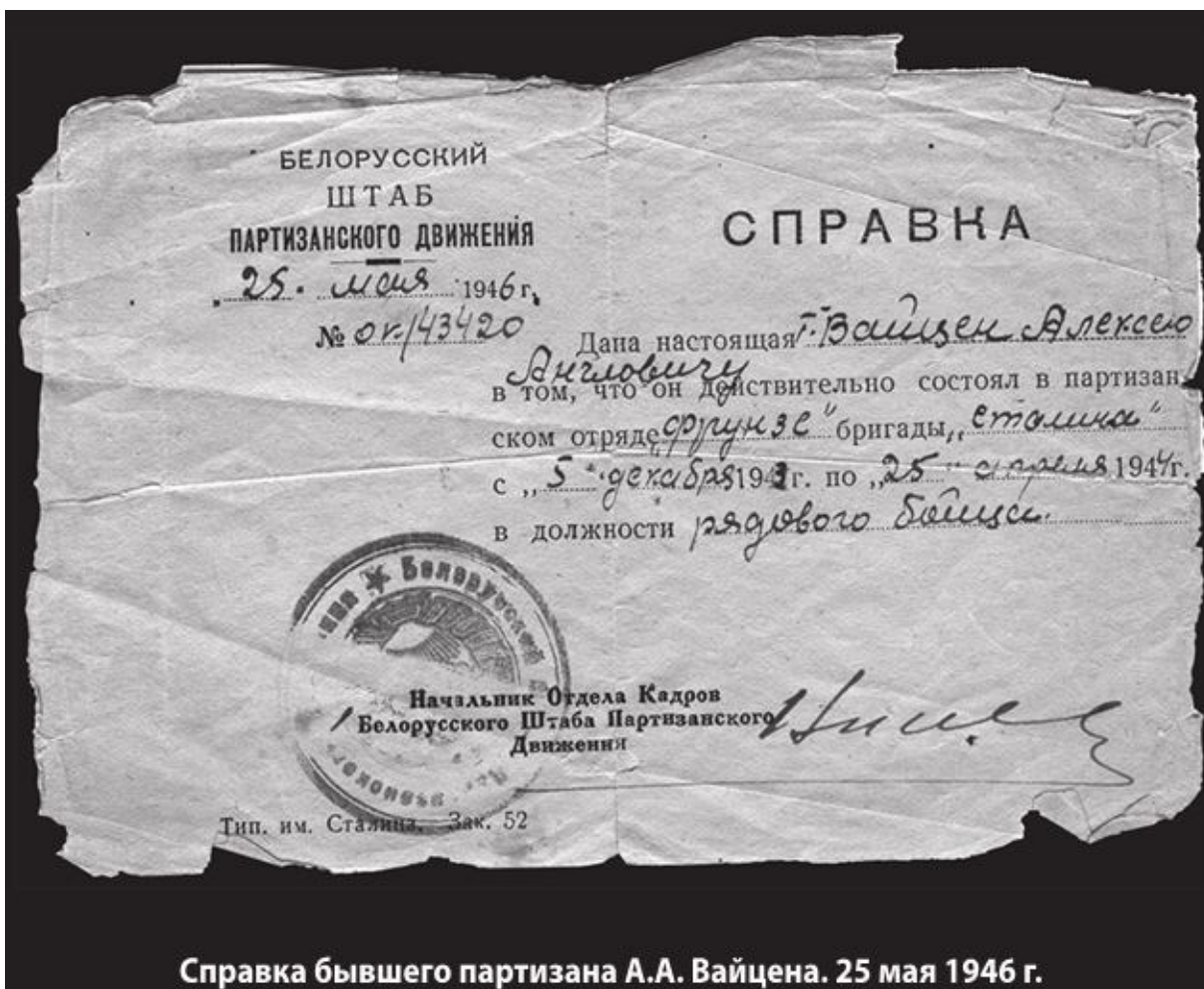
*Алексей Вайцен (в центре). Весна 1945 г.*



*Сборная футбольная команда дивизии.*



Сентябрь 1945 г. Второй справа А. А. Вайцен

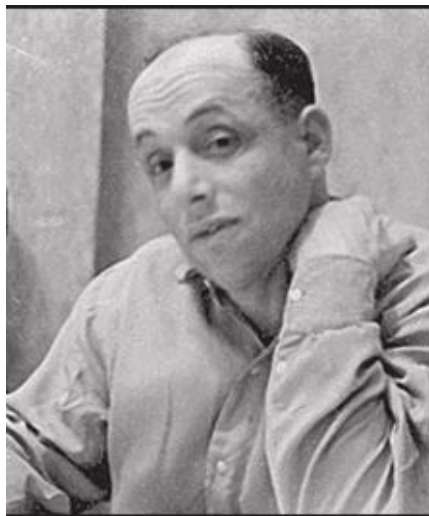




*Валентин Томин. 1944 г.*



*Ефим Литвиновский*



*Борис Табаринский*



*Моше Бахир.  
Выступление на процессе А.Эйхмана в Израиле. 1961 г*



*Слева направо: С.М. Розенфельд, А.М. Вайспир, А.А. Печерский, В.Р. Томин, М. Лев.  
1963 г. Передала Полина Лев (Израиль)*



*Слева направо: Е.М. Литвиновский, А.М. Вайспайр, А.А. Печерский, А.А. Вайцен, Н.Я. Плотницкий, С.М. Розенфельд.  
14 октября 1968 г. Ростов-на Дону.*



*Исаак и Эда (Ида)Лихтман перед своим домом.  
Холон (Израиль). 1981 г.*





*А.М. Вайспир (слева), А.А. Печерский, С.М. Розенфельд (справа).  
14 октября 1988 г. Ростов-на Дону*





Лейтенант Красной Армии -  
руководитель восстания  
Александр Аронович Печерский.



Семён Розенфельд -  
близкий соратник А.А.Печерского.



АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПУГАЧЕВ.



ЛЕОН ФЕЛДХЕИМЕР.

Рисунки Наили Ханджановой. Баку. 1990-е гг. Из коллекции Г. Рейхмана



*Мемориальная доска на доме, где жил А. А. Печерский. Ростов-на Дону*



*В. Р. Томин. 3 декабря 2006 г. Подмосковье*



*А. А. Вайцен. 2 августа 2007 г. Рязань*



*Слева направо: А.М. Вайспанир, С. Бялович, С.М. Розенфельд 14 октября 2008 г., Тель-Авив*



*М. Лев (слева) и А.М. Вайспанир. 14 октября 2008 г. Тель-Авив*



*Томас Блатт. Октябрь 2010 г. Краков*



*Филипп Бялович. Октябрь 2013 г. Варшава*



*А.М. Вайспир со своими сыновьями – Вадимом Вайспиром (слева) и Михаилом Евстратовым (справа).*

*Музей «Бейт-Лохамей а-геттаот». (Израиль). 9 октября 2013 г.*

*Фото Г.Рейхмана*



*Сергей Пашков, собственный корреспондент программы «Вести» в Израиле, беседует с А.М. Вайснапиром.*

*Музей «Бейт-Лохамей а-геттаот». 9 октября 2013 г. Фото Г. Рейхмана*





*К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне Почта России выпустила марку в память о восстании заключенных в лагере смерти Собибор*



*Памятник-бюст А.А. Печерскому в Ростове-на-Дону. Установлен РВИО 24 апреля 2018 г.*



*Памятная доска А.М. Шубаеву. 15 октября 2018 г. Хасавюрт*



*Открытие Мемориальной доски А. А.Вайцену. 12 октября 2018 г. Рязань*



Имя А. А. Печерского в 2018 носит поезд № 19/20 Москва – Ростов-на-Дону.

Фотовыставки, посвященные его подвигу, были размещены в вагонах поезда. Совместная инициатива РЖД, РВИО, РИО и Фонда Печерского.

# Примечания

## 1

Бауман З. Актуальность холокоста. М., 2013. С. 243.

[Вернуться](#)

## 2

Полищук М. Взывая из бездны. М., 2018. С. 56.

[Вернуться](#)

## 3

Альтман М.М. Отрицание Холокоста. История и современные тенденции. М., 2001. С. 30–31.

[Вернуться](#)

## 4

Гилева М.В. «Будущее памяти уже началось»: становление термина «Холокост» как процесс мемориализации // Холокост: 70 лет спустя / Под ред. И.А. Альтмана, И. Котлева, Ю. Царуски. М., 2015. С. 94.

[Вернуться](#)

## 5

Холокост на территории СССР: Энциклопедия / Гл. ред. И.А. Альтман. М., 2009. С. 1036.

[Вернуться](#)

## 6

Симкин Л. Его повесили на площади Победы. М., 2018. С. 180–181.

[Вернуться](#)

## 7

См. Манн М. Темная сторона демократии. Объяснение этнических чисток. М., 2016. С. 331–333.

[Вернуться](#)

## 8

См. Арендт Х. Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм. М., 2018. С. 261–276, 476–492.

[Вернуться](#)

## 9

Цит. по: Ямпольская А.В. Эмманюэль Левинас. Философия и биография. Киев, 2011. С. 97.

[Вернуться](#)

## 10

Манн М. Указ. соч. С. 337–339.

[Вернуться](#)

## 11

Манн М. Указ. соч. С. 340.

[Вернуться](#)

## 12

Там же. С. 385.

[Вернуться](#)

## 13

*Манн М.* Указ. соч. С. 407.

[Вернуться](#)

## 14

Там же. С. 415.

[Вернуться](#)

## 15

Там же. С. 424.

[Вернуться](#)

## 16

*Вахсман Н.* История нацистских концлагерей. М., 2018. С. 34.

[Вернуться](#)

## 17

*Вахсман Н.* Указ. соч. С. 142.

[Вернуться](#)

## 18

Там же. С. 147.

[Вернуться](#)

## 19

*Кохави Е.* Еврейский мир в середине XX века накануне Холокоста в Европе // Холокост. Сопротивление. Возрождение. М., Иерусалим, 2000. С.

21–23.

[Вернуться](#)

## 20

*Вахсман Н.* Указ. соч. С. 185.

[Вернуться](#)

## 21

*Иванов Д.В., Крылов А.В., Морозов В.М., Печатнов В.О., Складов С.А., Шебалина Е.О.* «Совесть мира» или «заговор молчания»? К годовщинам Эвианской и Бермудской конференций // Вестник МГИМО. 2018. № 4. С. 129.

[Вернуться](#)

## 22

*Альтман И.А.* Холокост и еврейское сопротивление на оккупированной территории СССР. М., 2002. С. 33.

[Вернуться](#)

## 23

*Альтман И.А.* Жертвы ненависти. Холокост в СССР 1941–1945 гг. М., 2002. С. 24–57.

[Вернуться](#)

## 24

*Симкин Л.* Его повесили на площади Победы. М., 2018. С. 107.

[Вернуться](#)

## 25



*Симкин Л. Указ. соч. С. 120.*

[Вернуться](#)

## 26

*Холокост на территории СССР... С. 929.*

[Вернуться](#)

## 27

*Там же. С. 929–930.*

[Вернуться](#)

## 28

*Альтман И.А. Холокост и еврейское сопротивление.... С. 38.*

[Вернуться](#)

## 29

*Рис Л. Освенцим. Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса». М., 2018. С. 232.*

[Вернуться](#)

## 30

*Гутман И., Галиль Н. Катастрофа и память о ней. [Иерусалим], б.г. С. 186.*

[Вернуться](#)

## 31

*Арендт Х. Ответственность и суждение. М., 2014. С. 59.*

[Вернуться](#)

## 32

Там же. С. 207.

[Вернуться](#)

## 33

Бауман З. Актуальность Холокоста. М., 2013. С. 235.

[Вернуться](#)

## 34

Гросс Я.Т. Золотая жатва. М., 2017. С. 89.

[Вернуться](#)

## 35

Там же. С. 108.

[Вернуться](#)

## 36

Там же. С. 29.

[Вернуться](#)

## 37

Там же. С. 44.

[Вернуться](#)

## 38

См.: Ванагайте Р., Зурофф Э. Свои. Путешествие с врагом. М., 2018.

[Вернуться](#)

## 39

*Симкин Л.* Коротким будет приговор. М., 2015. С. 65–66.

[Вернуться](#)

## 40

Холокост на территории СССР. Энциклопедия... С. 168.

[Вернуться](#)

## 41

Там же. С. 728–729.

[Вернуться](#)

## 42

*Snyder T.* Black Earth: The Holocaust as History and Warning. London, 2015. P. 201.

[Вернуться](#)

## 43

Yiddish Scientific Institute (YIVO). New York Folder 144. RG 116-Poland. Aleksandr Pechersky to Reuven Ainszstein, 12 February 1965.

[Вернуться](#)

## 44

*Novich M.* Sobibor, Martyrdom and Revolt. New York, 1980.

[Вернуться](#)

## 45

Вероятно речь идет о брошюре А.А. Печерского, изданной на идише в 1946 г. в Москве. *Прим. ред.*

[Вернуться](#)

## 46

Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie. Report for the Jewish Historical Institute Warshau, January-June 1952.

[Вернуться](#)

## 47

Nederlands instituut voor oorlogsdocumentatie (Netherlands institute for War Documentation, NIOD). Dossier 804.

[Вернуться](#)

## 48

Voice of Warsaw. 1943. 16 Nov. Публикация Варшавского комитета польской рабочей партии (No. 73/82, 16 Nov. 1943), информация о восстании евреев Собиборе, в которой также указывается, что ликвидация лагеря осуществляется очень быстро. Оригинал печатного экземпляра помещен штампом Яд Вашем и имеет номер М-141, file 191 20.

[Вернуться](#)

## 49

Protocol Witness Statement, 17.07.1974, авторизованный перевод с русского на немецкий, доступен: Netherlands Institute for War Documentations: collection Jules Schelvis, nr. 804.

[Вернуться](#)

## 50

*Ehrenburd I., Grossman V.* The Complete Black Book of Russian Jewry / trans. and ed. David Patterson. New Brunswick, London, 2002. P. 487–500,  
[Вернуться](#)

## 51

*Liempt A.* De vrouw die Sobibor overleefde. Laren, 2010. См. также: *Walsh A., Wijnberg Engel S.* Dancing Trough Darkness: The Inspiring Story of Nazi Death Camp Survivors, Chaim and Selma Engel. Portland, ME, 2012.  
[Вернуться](#)

## 52

*Freiberg D.* To Survive Sobibor. Jerusalem, 1998. Я использовала английский перевод 2007 г. YIVO, New York. Julian Hirszhaut. RG 104. Series I | Sobibor. 1945 (or maybe 1944). 25 July.  
[Вернуться](#)

## 53

*Ehrenburd I., Grossman V.* Ibid. P. 489.  
[Вернуться](#)

## 54

YIVO, New York. Julian Hirszhaut, n.p.  
[Вернуться](#)

## 55

*Novich M.* Ibid. P. 89–90.  
[Вернуться](#)

## 56

Yad Vashem. Manuscript Alexandr Pechersky, 1972.

[Вернуться](#)

## 57

Netherlands Institute for War Documentations. Nr. 804. Translations of Eyewitness Accounts of Boris Isralewitsch Taborinski. Donetsk, 1984. 14 March.

[Вернуться](#)

## 58

*Novich M.* Ibid. P. 91.

[Вернуться](#)

## 59

Deposition 1974, German translation. P. 3–4.

[Вернуться](#)

## 60

Yad Vashem archives. Test 6590. Rec group 3. Interview Semion Rozenfeld. Interviewer Bedet Alperovitch, translation P. van Woerd, 1992.

[Вернуться](#)

## 61

Мы никогда не будем знать с точность, поскольку его убили выстрелом через входную дверь. Наиболее распространенная версия заключается в том, что он был убит польским правым националистом. *Kowalski I.* Anthology of Armed Jewish Resistance 1939-1945. New York, 1985. P. 245.

[Вернуться](#)

## 62

*Gomberg P.* Can a Partisan Be a Moralist? // *American Philosophical Quarterly*. 1990. Vol. 27. No. 1. P. 71–79. Гомберг изучает этические вопросы, возникающие в данном случае.

[Вернуться](#)

## 63

*Novich M.* Ibid. P. 90.

[Вернуться](#)

## 64

*Novich M.* Ibid. P. 107.

[Вернуться](#)

## 65

SVHF. No. 7829. Interview Dov Freiberg. cassette IV.

[Вернуться](#)

## 66

Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie. Report for the Jewish Historical Institute Warshau, January-June 1952.

[Вернуться](#)

## 67

*Gross J.T., Gross I.* Golden Harvest: Events at the Periphery of the Holocaust. New York, 2012.

[Вернуться](#)

## 68



Wewryk K. To Sobibor and Back: An Eyewitness Account / ed., transc. and trans. by H. Roiter. New York, 1999. P. 61.

[Вернуться](#)

## 69

Ibid.

[Вернуться](#)

## 70

*Bruder F.* “Hunderte solcher Helden”: Der Aufstand juedischer Gefangener im NS-Vernichtungslager Sobibor. Muenster, 2013. См. также: *Томин В., Синельников А.* Возвращение нежелательно. М., 1964. Это произведение широко известно и вышло ранее. Их статьи в большей степени являются художественной прозой, чем историческим исследованием.

[Вернуться](#)

## 71

*Arad Y.* Belzec, Sobibor, Treblinka: The Operation Reinhard Death Camps. Bloomington, 1987.

[Вернуться](#)

## 72

*Schelvis J.* Sobibor: A History of a Nazi Death Camp. Oxford, New York, 2010.

[Вернуться](#)

## 73

Der Ort des Terrors: Geschichte der nationalsozialistischen Konzentrationslager / Ed. by Benz W., Distel B. 9 Vols. Muenchen, 2008.

[Вернуться](#)

## 74

*Blatt T. Sobibor: The Forgotten Revolt. Issaquah, 1996.*

[Вернуться](#)

## 75

Interview with Regina Zelinski by Selma Leydesdorff, Adelaide, December 2011.

[Вернуться](#)

## 76

*Freiberg D. Ibid. P. 192.*

[Вернуться](#)

## 77

SVHF. No. 7829. Interview Dov Freiberg. Cassette III.

[Вернуться](#)

## 78

*Freiberg D. Ibid. P. 66.*

[Вернуться](#)

## 79

*Ibid. P. 76.*

[Вернуться](#)

## 80

*Ibid. P. 77.*

[Вернуться](#)

## 81

*Novich M.* Ibid. P. 24.

[Вернуться](#)

## 82

*Ticho K.* My Legacy, Holocaust, History and the Un finished Task of the Pope John Paul II. Wlodawa, 2008. P. 106–107.

[Вернуться](#)

## 83

YIVO. RG 720. Julian Hirszhaut Papers. File 260; testimony of Lerer, Shmuel. P. 6.

[Вернуться](#)

## 84

Yad Vashem File 03 6590 3740257.

[Вернуться](#)

## 85

Testimony Pechersky, 1972.

[Вернуться](#)

## 86

*Novich M.* Ibid. P. 24.

[Вернуться](#)

## 87

Ibid. P. 56.

[Вернуться](#)

## 88

NIOD. File 804\_19\_0004. Letter. Fuer sie kann ea keine Vergebung geben.

[Вернуться](#)

## 89

*Симкин Л.* Полтора часа возмездия. М., 2013. С. 71–79. Л. Симкин подробно изучает, как развивалась эта история. Она обнаруживает себя в советских изданиях, т. к. вписывалась в идеологию того времени. Возможно, что-то из этого верно, но мы должны быть осторожны в том, чтобы полностью верить ей, т. к. эта история использовалась в идеологических целях для того, чтобы укрепить представление о том, что моральный дух советских воинов был выше, чем у всех остальных.

[Вернуться](#)

## 90

*Bem M.* Sobibor Extermination Camp, 1942–1943. Amsterdam, 2015.

[Вернуться](#)

## 91

*Berger S.* Experten der Vernichtung: Das T-4-Reinhardt Netzwerk in den Lagern Belzec, Sobibor und Treblinka. Hamburg, 2013.

[Вернуться](#)

## 92

Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie. Report for the Jewish Historical Institute Warshau, January-June 1952. P. 16.

[Вернуться](#)

## 93

Об организации лагеря см.: *Arad Y. Ibid.* P. 32–34.

[Вернуться](#)

## 94

*Black P.* Foot Soldiers of the Final Solution: The Trawniki Training Camp and Operation Reinhard // *Holocaust and Genocide Studies*. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 1–99.

[Вернуться](#)

## 95

Interview Thomas Blatt, Warsaw, 15 December 2009.

[Вернуться](#)

## 96

YIVO. RG 720. Julian Hirszhaut Papers. File 260.

[Вернуться](#)

## 97

United States Holocaust Memorial Museum. Examination record, City of Kiev, 11 August 1961. Investigator pf the Investigation Department of United States Holocaust Memorial Museum KGB of USSR, First Lieutenant Loginov interrogated as a witness.

[Вернуться](#)

## 98

YIVO. RG 720. Julian Hirszhaut Papers.

[Вернуться](#)

## 99

Wewryk K. Ibid. P. 92.

[Вернуться](#)

## 100

United States Holocaust Memorial Museum. RG-50.042\*0023. Interview Esther Raab, 1992.

[Вернуться](#)

## 101

Ibid.

[Вернуться](#)

## 102

Novitch M. Ibid. P. 131.

[Вернуться](#)

## 103

Bem M. Ibid. P. 187.

[Вернуться](#)

## 104

Des Pres T. The Survivor: An Anatomy of Life in the Death Camps. New York, 1976, P. 98–99.

[Вернуться](#)

## 105

*Davidson S.* Human Reciprocity Among the Jewish Prisoners in the Nazi Concentration Camps // *Nazi Concentration Camps*. Jerusalem, 1984. P. 555–572.

[Вернуться](#)

## 106

*Des Pres T.* Ibid. P. 90.

[Вернуться](#)

## 107

См. также: *Bettelheim B.* Surviving and Other Essays. New York, 1952; *Federn E.* The Terror as a System: The Concentration Camp: Buchenwald as It Was // *Psychiatric Quarterly Supplement*. 1948. Vol. 22. P. 52–86.

[Вернуться](#)

## 108

*Leydesdorff S.* The State Within the State: An Artisan Remembers His Identity in Mauthausen // *Studies on the Audio-Visual Testimony of Victims of the Nazi Crimes and Genocides*. 2014. Vol. 10. P. 103–117.

[Вернуться](#)

## 109

См. длинную дискуссию о механизмах выживания: *Langer L.* Versions of Survival: The Holocaust and the Human Spirit. Albany, 1982.

[Вернуться](#)

## 110

*Frankl V.* Man's Search for Meaning. London, 2004. P. 75.



[Вернуться](#)

## 111

*Bluhm H.* How Did They Survive? Mechanisms of Defense in Nazi Concentration Camps // American Journal of Psychotherapy. 1999. Vol. 53. No. 1. P. 96–122. Исследование было проведено в 1948 г.

[Вернуться](#)

## 112

Ibid. P. 100.

[Вернуться](#)

## 113

*Wiechert E.* Forest of Death. New York, 1947. P. 101.

[Вернуться](#)

## 114

Ibid. P. 119.

[Вернуться](#)

## 115

*Davidson S.* Holding on to Humanity. New York, London, 1992.

[Вернуться](#)

## 116

Ibid. P. 123.

[Вернуться](#)

## 117

Ibid. P. 133.

[Вернуться](#)

## 118

*Novich M.* Ibid. P. 93.

[Вернуться](#)

## 119

Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie. Report for the Jewish Historical Institute Warshau, January-June 1952. P. 30–32.

[Вернуться](#)

## 120

*Ainsztein R.* Jewish Resistance in Nazi-Occupied Eastern Europe. London, 1974. Немецкий перевод: *Ainsztein R.* Juedische Widerstand im deutschbesetzten Osteuropa waehrend des Zweiten Weltkrieges. Oldenburg, 1993. S. 85. При цитировании использовалось немецкое издание.

[Вернуться](#)

## 121

*Sereny G.* Into that Darkness. From Mercy Killing to Mass Murder. London, 1974. P. 47.

[Вернуться](#)

## 122

Ibid. P. 134–137.

[Вернуться](#)

## 123

*Blatt T.* From the Ashes of Sobibor. Wlodawa, 2008. P. 113.

[Вернуться](#)

## 124

*Krakowski S.* The War of the Doomed. Jewish Armed Resistance in Poland, 1942–1944. New York, London, 1984.

[Вернуться](#)

## 125

*Suhl S.* They Fought Back: The Story of the Jewish Resistance in Nazi Europe. New York, 1967. P. 20.

[Вернуться](#)

## 126

В своей книге о Минском гетто Б. Эпштейн упоминает 10 тысяч бежавших. *Epstein B.* The Minsk Ghetto 1941–1943. Jewish Resistance and Soviet Internationalism. Berkley, 2008. P. 260; см. также: *Meltser D., Levin V.* The Black Book with Red Papers. Cochesvill, 2005. P. 1–93.

[Вернуться](#)

## 127

*L'Einwohnen R.* Leadership, Authority and Collective Action // American Behaviorist. 2007. Vol. 50. No. 10. P. 1308. В частности, указывается, что каждый, кто становился лидером, был политическим активистом.

[Вернуться](#)

## 128

*Cholawsky S.* The Jews of Bielorussia during World War II. Amsterdam, 1998. P. 53–57.

[Вернуться](#)

## 129

*Bem M.* Ibid. P. 160.

[Вернуться](#)

## 130

См. Также: *Apenszaik J., Polakiewicz M.* Armed Resistance of the Jews in Poland. New York, 1944. На с. 69 упоминается масштабное восстание в Люблине.

[Вернуться](#)

## 131

Ibid. P. 70–74.

[Вернуться](#)

## 132

*Ainsztein R.* Ibid.

[Вернуться](#)

## 133

Ibid. Перепечатано в следующем издании: *The Road: Stories, Journalism, and Essays* / Ed. B Chandler R. et al. New York, 2010. P. 116–162.

[Вернуться](#)

## 134

*Shneer D.* Through Soviet Jewish Eyes: Photography, War and the Holocaust. New Brunswick, 2012. P. 171.

[Вернуться](#)

## 135

*Эренбург И.* Накануне // Правда. 1944. 7 авг.; *Рутман А., Красильник С.* Фабрика смерти в Собиборе // Комсомольская правда. 1944. 2 сент.

[Вернуться](#)

## 136

*Grossman V.* Ibid. P. 6.

[Вернуться](#)

## 137

*Duffy P.* The Bielski Brothers. New York, 2003. Это и другие семейные лагеря были исследованы: *Tec N.* Defiance. New York, 2009.

[Вернуться](#)

## 138

*Levine A.* Fugitives of the Forest: The Heroic Struggle of the Jewish Resistance and Survival During the Second World War. Guilford, 1998, P. 41–42.

[Вернуться](#)

## 139

*Wewryk K.* Ibid. P. 93–94.

[Вернуться](#)

## 140

*Novitch M.* Ibid. P. 130.

[Вернуться](#)

## 141

SVHA. Segment 25. Interview Samuel Lerer. 23.3.1995–13.4.95.

[Вернуться](#)

## 142

Ibid. Segment 4.

[Вернуться](#)

## 143

SVHA. No. 7829. Interview Dov Freiberg.

[Вернуться](#)

## 144

United States Holocaust Memorial Museum. Interview Ester Raab.  
22.06.1997.

[Вернуться](#)

## 145

Wewryk K. Ibid. P. 92–94.

[Вернуться](#)

## 146

*Schelvis J.* Oogetuigen van Sobibor. Amsterdam, 2010. P. 178.

[Вернуться](#)

## 147

*Marrus M.* Jewish Resistance to the Holocaust // Journal of Contemporary History. 1995. Vol. 30. No. 1. P. 85–86.

[Вернуться](#)

## 148

*Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. New York, 1965.

[Вернуться](#)

## 149

*Marrus M.* Ibid. P. 87.

[Вернуться](#)

## 150

Ibid. Со ссылкой на: *Hilberg R.* The Destruction of the European Jews. New Haven, 1961.

[Вернуться](#)

## 151

*Glass J.* Jewish Resistance During the Holocaust: Moral Uses of Violence and Will. Houndsmill, New York, 2004.

[Вернуться](#)

## 152

*Bauer Y.* They Chose Life: Jewish Resistance in the Holocaust. New York, 1973.

[Вернуться](#)



## 153

*Bauer Y.* Rethinking the Holocaust. New Haven, 2002.

[Вернуться](#)

## 154

*Novitch M.* Ibid. P. 157.

[Вернуться](#)

## 155

*Glass J.* Ibid. P. 21.

[Вернуться](#)

## 156

*Marrus M.* Ibid. P. 104.

[Вернуться](#)

## 157

*Maier T.* Threat, Resistance and Collective Action: The Case of Sobibor, Treblinka and Auschwitz // American Sociological Review. 2010. Vol. 75. No. 2. P. 252–272.

[Вернуться](#)

## 158

См. также: A Tower from the Enemy: Contributions to a History of Jewish Resistance in Poland / ed. by A. Nirestein. New York, 1959. P. 314.

[Вернуться](#)

## 159

*Maher T.* Ibid. P. 267.

[Вернуться](#)

**160**

*Gomberg P.* Ibid.

[Вернуться](#)

**161**

*Krakowski S.* Ibid. P. 26–27.

[Вернуться](#)

**162**

*Ainsztein R.* Ibid.

[Вернуться](#)

**163**

*Bem M.* Ibid. P. 245.

[Вернуться](#)

**164**

Ibid. P. 246.

[Вернуться](#)

**165**

*Ainsztein R.* Ibid.

[Вернуться](#)

**166**

*Novitch M.* Ibid. P. 148.

[Вернуться](#)

**167**

Ibid. P. 131.

[Вернуться](#)

**168**

*Ainsztein R.* Ibid. P.245.

[Вернуться](#)

**169**

*Ainsztein R.* Ibid.

[Вернуться](#)

**170**

*Krakowski S.* Ibid. P. 236–237.

[Вернуться](#)

**171**

Ibid. P. 239.

[Вернуться](#)

**172**

*Ainsztein R.* Ibid. P. 420.

[Вернуться](#)

**173**

The Long Shadow of Sobibor., 2010 [проект по сбору интервью с участниками восстания, организован С. Ляйдесдорф].

[Вернуться](#)

## 174

*Ainsztein R.* Ibid. P. 419–420.

[Вернуться](#)

## 175

*Bem M.* Ibid. P. 254.

[Вернуться](#)

## 176

*Bem M.* Ibid. P. 257. Ссылка: Zentraler Landesjustizverwaltungsamt, Ludwigsburg Archives. Case file 45 Js 27/61, fil. Ref. No. 208. Ar-Z 251/59. Holon, Israel. May 1959.

[Вернуться](#)

## 177

*Bem M.* Ibid. P. 260–261. См. также: *Schelvis J.* Sobibor. A History of a Nazi Death Camp. Oxford, New York, 2010. P. 193.

[Вернуться](#)

## 178

*Krakowski S.* Ibid. P. 245.

[Вернуться](#)

## 179

Ibid.

[Вернуться](#)

**180**

Ibid. P. 246.

[Вернуться](#)

**181**

Arad Y. Ibid. P. 310.

[Вернуться](#)

**182**

Rijksinstituut voor Oorlogsdocumentatie. Report for the Jewish Historical Institute Warshau, January-June 1952. P. 12

[Вернуться](#)

**183**

Ibid. P. 22.

[Вернуться](#)

**184**

Yad Vashem Archive. No. 03. File 4123. Statement Naum Iankelevich Plotnitski. 16 June 1980.

[Вернуться](#)

**185**

Suhl Y. They Fought Back: The Story of the Jewish Resistance in Nazi Europe. New York, 1967. P. 47–51.

[Вернуться](#)

## 186

Ibid. P. 21.

[Вернуться](#)

## 187

*Schelvis J.* Oogetuigen... P. 24.

[Вернуться](#)

## 188

*Bruder F.* Ibid. P. 38. Согласно Брудер, Гришу знали как Григория, хотя ни она, ни я не имеем никакой информации о нем.

[Вернуться](#)

## 189

*Suhl Y.* Ibid. P. 32.

[Вернуться](#)

## 190

*Schelvis J.* Sobibor.... P. 154.

[Вернуться](#)

## 191

*Suhl Y.* Ibid. P. 35.

[Вернуться](#)

## 192

*Suhl Y.* Ibid. P. 34.

[Вернуться](#)

**193**

*Schelvis J.* Ooggetuingen.... P. 151.

[Вернуться](#)

**194**

*Suhl Y.* Ibid. P. 37–40.

[Вернуться](#)

**195**

*Schelvis J.* Ibid. P. 165.

[Вернуться](#)

**196**

*Bialowitz F., Bialowitz J.* A Promise in Sobibor: A Jewish Boy's Story of Revolt and Survival in Nazi-Occupied Poland. Madison, 2008. P. 119.

[Вернуться](#)

**197**

*Blatt T.* Sobibor... P. 86.

[Вернуться](#)

**198**

*Wewryk K.* Ibid. P. 200.

[Вернуться](#)

**199**



*Schelvis J. Sobibor... P. 168.*

[Вернуться](#)

## 200

Письмо из Люблина за 15 октября 1943 г.: существует ряд писем от Kommandeur der Ordnungspolizei im Distrikt Lublin в адрес Offizier vom Dienst, Krakau за 14–15 октября 1943 г. В некоторых указывается, что украинские охранники убежали к партизанам, тогда они указаны как «бандиты». Копии этих писем передал мне Даниуш Павлос, глава комиссии примирения между Польшей и Германией. Архивная ссылка: ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 8. Л. 161–162.

[Вернуться](#)

## 201

*Bem M. Ibid. P. 276.*

[Вернуться](#)

## 202

*Wewryk K. Ibid. P. 73.*

[Вернуться](#)

## 203

*Bialowitz P., Bialowitz J. Ibid. P. 110.*

[Вернуться](#)

## 204

*Arad Y. Ibid. P. 338–340.*

[Вернуться](#)

## 205

SVHF. No. 7829. Interview Dov Freiberg.

[Вернуться](#)

## 206

*Blatt T.* Ibid. P. 98–102.

[Вернуться](#)

## 207

*Lev M.* Sobibor. Jerusalem, 2007. P. 135.

[Вернуться](#)

## 208

*Blatt T.* From the Ashes... P. 220.

[Вернуться](#)

## 209

*Blatt T.* Sobibor... P. 133–134.

[Вернуться](#)

## 210

*Bem M.* Ibid. P. 297. Он упоминает, что порядка 184 узников не убежали или не могли это сделать.

[Вернуться](#)

## 211

Архив Национального Мемориала Катастрофы (Шоа) и Героизма «Яд Вашем» (Иерусалим) (далее – АЯВ). P. 21.1. Д. 160. Л. 1–5.

[Вернуться](#)

## 212

АЯВ. Р. 21.1. Д. 210. Л. 1–3.

[Вернуться](#)

## 213

В конце июня 1941 г. в районах украинского Полесья начинают действовать группы националистов под руководством Тараса Боровца, взявшего псевдоним «Тарас Бульба».

[Вернуться](#)

## 214

Черная книга / Сост. В. Гроссман, И. Эренбург. Электронный ресурс:  
режим доступа: [https://www.e-reading.club/chapter.php/91316/1/Erenburg%2C\\_Grossman\\_-\\_Chernaya\\_kniga.html](https://www.e-reading.club/chapter.php/91316/1/Erenburg%2C_Grossman_-_Chernaya_kniga.html) (дата последнего обращения: 6.10.2018).

[Вернуться](#)

## 215

АЯВ. Р.21.1. Д. 160. Л. 3.

[Вернуться](#)

## 216

АЯВ. Р. 21.1. Д. 160. Л. 4.

[Вернуться](#)

## 217

АЯВ. Р. 21.1. Д. 160. Л. 5.

[Вернуться](#)

**218**

АЯВ. Там же.

[Вернуться](#)

**219**

АЯВ. TR-18/66(8). Л. 6.

[Вернуться](#)

**220**

АЯВ. TR-18/62(10). Л. 168.

[Вернуться](#)

**221**

Там же.

[Вернуться](#)

**222**

АЯВ. TR-18/62(10). Л. 151–152, 153–154.

[Вернуться](#)

**223**

АЯВ. TR-18/62(10). Л. 87, 100.

[Вернуться](#)

**224**

АЯВ. TR-18/62(10). Л. 82.-86.

[Вернуться](#)

## 225

АЯВ. TR-18/62(33). Л. 206–210.

[Вернуться](#)

## 226

АЯВ. TR-18/41(1). Л. 147; Там же. TR-18/41(14). Л. 192–195. По показаниям Щербака, он лично расстрелял не менее 130–150 человек, Гончаров – 300–350.

[Вернуться](#)

## 227

АЯВ. TR-18/41(14). Л. 42.

[Вернуться](#)

## 228

АЯВ. TR-18/41(14). Л. 42, 87–95; Там же. TR-18/42(15). Л. 2–4. Справка по архивному уголовному делу № 55402.

[Вернуться](#)

## 229

*Полян П. С кем и когда в XX веке Россия обменивалась территориями // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер, П. Поляна. М., 2005. С. 538.*

[Вернуться](#)

## 230

Районный отдел Министерства государственной безопасности.

[Вернуться](#)

## 231

В документе я сохраняю орфографию источника. В дальнейшем употребляется общепринятое название – Собибор.

[Вернуться](#)

## 232

АЯВ. TR-18/68(4). Л. 326–328.

[Вернуться](#)

## 233

АЯВ. TR-18/62(9). Л. 44.

[Вернуться](#)

## 234

АЯВ. TR-18/62(9). Л. 44–45.

[Вернуться](#)

## 235

АЯВ. TR-18/62(9). Л. 46–65.

[Вернуться](#)

## 236

АЯВ. TR 18/62(1). Л. 159–163.

[Вернуться](#)

## 237

АЯВ. TR-18/62(36). Л. 190.

[Вернуться](#)

**238**

АЯВ. TR 18/62(1). Л. 8.

[Вернуться](#)

**239**

АЯВ. TR-18/62(36). Л. 187, 196; Там же. TR 18/62(I). Л. 53.

[Вернуться](#)

**240**

*Black P. Foot Soldiers of the Final Solution: The Trawniki Training Camp and Operation Reinhard // Holocaust and Genocide Studies. 2011. Vol. 25. No. 1. P. 39.*

[Вернуться](#)

**241**

АЯВ. TR-18/41(14). Л. 92.

[Вернуться](#)

**242**

АЯВ. TR-18/62(4). Л. 2, 9, 20, 22, 35.

[Вернуться](#)

**243**

АЯВ. TR-18/62(120). Л. 271.

[Вернуться](#)

## 244

АЯВ. TR-18/62(10). Л. 130–131.

[Вернуться](#)

## 245

АЯВ. TR-18/62(36). Л. 222–225.

[Вернуться](#)

## 246

АЯВ. TR-18/62(23). Л. 75. Правильную квалификацию деяниям умели давать советские органы безопасности.

[Вернуться](#)

## 247

АЯВ. TR-18/42(2). Л. 84.

[Вернуться](#)

## 248

АЯВ. М-37/290. Л. 6–9.

[Вернуться](#)

## 249

АЯВ. TR-18/62(36). Л. 320–321. Однако Терехову, вероятно, после кассации приговор был заменен 15 годами ИТЛ. Он вышел на свободу в 1968 г. См.: АЯВ. TR-18/41(1). Л. 82.

[Вернуться](#)

## 250



АЯВ. TR-18/42(2). Л. 91, 92, 94.

[Вернуться](#)

## 251

АЯВ. JM-23/496. Л. 59, 62; JM-23/505. Л. 950–951; TR-18/42 (3). Л. 92–93; TR-18/42(18). Л. 23, 30, 45; TR-18/42(2). Л.156.

[Вернуться](#)

## 252

АЯВ. TR-18/42(2) Л. 156.

[Вернуться](#)

## 253

АЯВ. TR-18/42(15). Л. 42–43, 91.

[Вернуться](#)

## 254

АЯВ. TR-18/66(8). Л. 161–162.

[Вернуться](#)

## 255

АЯВ. TR-18/66(8). Л. 44–47.

[Вернуться](#)

## 256

АЯВ. TR-18/66(8). Л. 47.

[Вернуться](#)

22 сентября 1943 г. в Собибор из Минска доставят около 600 советских евреев-военнопленных. Большинство из них в тот же день будут уничтожены. Для работы в лагере оставят 80 человек, среди них и А. Печерского. Вскоре Печерский вошел в уже существовавшую группу узников, готовивших восстание. Однако именно Печерский разработал план восстания. Вместе с ним самыми активными участниками восстания стали его товарищи по Минску военнопленные-евреи: Семен Розенфельд, Аркадий Вайспайр, Александр Шубаев, Алексей Вайцен, Ефим Литвиновский, Наум Плотницкий. О восстании в Собиборе см. Собибор. Восстание в лагере смерти / Сост. С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицки, Л.А. Терушкин. М., 2010; *Симкин Л.* Полтора часа возмездия. М., 2013. В 2018 г. на экраны вышел российский фильм «Собибор».

[Вернуться](#)

## 258

АЯВ. TR-18/66(7). Л. 83–84.

[Вернуться](#)

## 259

АЯВ. TR-18/66(7). Л. 84–86.

[Вернуться](#)

## 260

АЯВ. TR-18/66(7). Л. 87.

[Вернуться](#)

## 261

АЯВ, TR-18/62(X). Л. 23.

[Вернуться](#)

## 262

АЯВ. TR 18/62(I). Л. 32–36.

[Вернуться](#)

## 263

Первым комендантом Собибора с марта по сентябрь 1942 г. был гауптштурмфюрер Фриц Штангль. Йозеф Оберхаузер был адъютантом Кристиана Вирта – коменданта лагеря смерти Белжец. Во время первой «газации» в Собиборе, Вирт прибыл туда вместе со своим адъютантом с целью поделиться опытом. Белжец к этому времени уже работал. Вероятно, Оберхаузер и принимал прибывших травниковцев.

[Вернуться](#)

## 264

АЯВ. TR 18/62(I). Л. 103.

[Вернуться](#)

## 265

АЯВ. TR 18/62(I). Л. 106.

[Вернуться](#)

## 266

АЯВ. TR 18/62(I). Л. 107–109.

[Вернуться](#)

## 267

АЯВ. TR 18/62(1). Л. 110–112.

[Вернуться](#)

## 268

АЯВ. TR-18/ 42(1) Л. 44–45.

[Вернуться](#)

## 269

АЯВ. TR-18/ 62 (2). Л. 44. TR-18/62(18) л. 42–43. TR-18/ 62 (23). Л. 74.

[Вернуться](#)

## 270

АЯВ. TR 18/62(I). Л. 110–113.

[Вернуться](#)

## 271

*Black P. Foot Soldiers of the Final Solution: The Trawniki Training Camp and Operation Reinhard // Holocaust and Genocide Studies. 2011. Vol. 25. № 1. P. 41, 97.* 5-й галицийский добровольческий полицейский полк СС был сформирован 20 июля 1943 г., в его составе 1372 человека, не попавшие в дивизию СС «Галичина». А может быть, это случилось по принципу: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

[Вернуться](#)

## 272

АЯВ. TR 18/62(I). Л. 114–116.

[Вернуться](#)

## 273

АЯВ. TR-18/62(33). Л. 215.

[Вернуться](#)

## 274

АЯВ. TR-18/62(I). Л. 114.

[Вернуться](#)

## 275

АЯВ. TR 18/66 (7). Л. 140.

[Вернуться](#)

## 276

Державный Архив Львовской области (далее – ДАЛО). Следственное дело № 2145 по обвинению Яценюк Петра Петровича. Л. 9 Л. 63.

[Вернуться](#)

## 277

ДАЛО. Следственное дело № 2145 по обвинению Яценюк Петра Петровича. Л. 11 (65).

[Вернуться](#)

## 278

См. *Симкин Л.С.* Полтора часа возмездия. М., 2013. С. 172–173.

[Вернуться](#)

## 279

Отметим, что очерк в «Комсомольской правде» является видоизмененной статьей С. Краси́льщика и Р. Алекса́ндрова (настоящая фамилия Рутман), опубликованного в газете 6-й воздушной армии «Сокол Родины» (1944. 16 авг. и 19 авг.). Ранее кратко о Собиборе упоминал В. Гроссман в очерке «В городах и селах Польши» (Красная звезда. 1944. 6 авг.), а самой первой газетной публикацией стала статья в газете 47-й армии «Фронтовик» (1944. 27 июля). См.: *Васильев И., Сванидзе Н.* Возвращение подвига // Собибор. Возвращение подвига Александра Печерского. М., 2018. С. 37–39.

[Вернуться](#)

## 280

*Печерский А.* Прорыв в бессмертие/ Сост. И. Васильев. М.: Время, 2013; *Макарова Ю.Б., Могилевский К.И., Эдельштейн М.Ю.* Собибор: хроника восстания в лагере смерти. М., 2018; *Сванидзе Н., Васильев И.* Собибор. Возвращение подвига Александра Печерского. М., 2018.

[Вернуться](#)

## 281

Собибор / Сост. С.С. Виленский, Г.Б. Горбовицкий, Л.А. Терушкин. М., 2008; Собибор: Восстание в лагере смерти / Сост. С.С. Виленский, Г.Б.

Горбовицкий, Л.А. Терушкин. М., 2010; *Симкин Л.С.* Полтора часа возмездия. М., 2013.

[Вернуться](#)

## 282

См.: *Васильев И., Сванидзе Н.* Указ. соч. С. 67–68.

[Вернуться](#)

## 283

См.: *Макарова Ю.Б., Могилевский К.И., Эдельштейн М.Ю.* Указ. соч. С. 175.

[Вернуться](#)

## 284

См.: *Васильев И., Сванидзе Н.* Указ. соч. С. 46–47.

[Вернуться](#)

## 285

Здесь и далее Печерский и другие бывшие узники употребляют термин «Советская», хотя до февраля 1946 г. было название – Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА).

[Вернуться](#)

## 286

Речь идет о двух консервативных партиях, основанных в 1945 г.: Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз, который традиционно образуют правоконсервативный блок.

[Вернуться](#)

## 287

Авторское написание с маленькой буквы.

[Вернуться](#)

## 288

В действительности эти слова были сказаны А. Гитлером 22 августа 1939 г. во время встречи с высшим командованием вермахта в Обер-Зальцберге. В частности, согласно протоколу: «Я отдал приказ – и расстреляю каждого, кто скажет лишь слово критики. Приказ гласит: цель войны состоит не в достижении определенной линии, а в физическом уничтожении противника. Поэтому я – пока лишь на Востоке – подготовил мои части «Мертвая голова», отдав им приказ без сожаления и жалости уничтожать мужчин, женщин и детей польского происхождения. Только так мы можем завоевать жизненное пространство... Польша будет обезлюжена и населена немцами. А в дальнейшем, господа, с Россией случится то же самое, что я проделаю с Польшей. Мы разгромим Советский Союз. Тогда грянет немецкое мировое господство». Цит. по: *Безыменский Л.А.* Германские генералы – с Гитлером и без него. М., 1964. С. 124–125.

[Вернуться](#)

## 289

Бремен – город на северо-западе Германии, основан в 787 г.

[Вернуться](#)

## 290

Оберлендер Т. (1905–1998) – перед войной делал академическую карьеру, занимался изучением экономики Восточной Европы. Активный член НСДАП. В 1941 г. служил в штабе батальона «Нахтигаль», участвовал в карательных операциях на территории СССР, в 1942 г. назначен командиром особого батальона «Бергман», в котором служили коллаборационисты с Северного Кавказа. После войны – в политике. В 1953 г. назначен министром по делам беженцев. Избирался в Бундестаг от партии ХДС. Тесно связан с нацистами. В конце 1959 г. Советский Союз начал кампанию против бывших нацистов в правительства Аденауэра.



Непосредственно Оберлендер обвинялся в причастности к «Львовской резне» 1941 г. Весной 1960 г. под давлением ушел в отставку.

[Вернуться](#)

## 291

Документ был составлен 28 сентября 1942 г.

[Вернуться](#)

## 292

Кубе В. (1887–1943) – рейхскомиссар генерального округа «Белоруссия». Убит советскими партизанами 22 сентября 1943 г.

[Вернуться](#)

## 293

Лозе Г. (1896–1964) – высокопоставленный нацистский партийный деятель. В 1941–1944 гг. глава рейхскомиссариата «Остланд», в состав которого входил генеральный округ «Белоруссия».

[Вернуться](#)

## 294

СД – служба безопасности СС.

[Вернуться](#)

## 295

Эти три донесения взяты из книги «Преступные цели – преступные средства». Изд-во «Политиздат». Москва, 1968 год. Прим. А. Печерского.

[Вернуться](#)

## 296

Аушвиц (Освенцим) – крупнейший концентрационный лагерь и лагерь смерти нацистской Германии, существовавший в 1940–1945 гг. Располагался недалеко от Кракова. Через него прошли 1,3 млн человек, 1,1 были убиты или умерли от тяжелых условий. Примерно 900 000 жертв – евреи.

[Вернуться](#)

## 297

Майданек – концентрационный лагерь и лагерь смерти, располагавшийся около Люблина в Польше. Действовал с июля 1941 г. по июль 1944 г. Общее количество жертв – около 80 тыс. человек.

[Вернуться](#)

## 298

Бухенвальд – концентрационный лагерь в нацистской Германии, существовал в 1937–1945 гг. Располагался близ Веймара. Общее количество убитых и умерших около 56 тыс. человек.

[Вернуться](#)

## 299

Дахау – концентрационный лагерь, основанный в марте 1933 г. недалеко от Мюнхена и ставший «модельным» для всех остальных подобных институций в нацистской Германии. Общее количество умерших – около 39 тыс. человек. Ликвидирован в 1945 г.

[Вернуться](#)

## 300

Равенсбрюк – женский концентрационный лагерь, существовавший в 1939–1945 гг. в 90 км от Берлина. Общее количество жертв – около 40 тыс. человек.

[Вернуться](#)

## 301

Лагеря смерти Треблинка, Собибор и Белжец были созданы в 1942 г. и просуществовали до октября-ноября 1943 г. Они предназначались специально для уничтожения еврейского населения Европы. Общее количество жертв оценивается в 1,5–2 млн человек.

[Вернуться](#)

## 302

Юридически это опиралось на ст. 103 п. 2 Конституции ФРГ: «Любое деяние подлежит наказанию лишь в том случае, если наказуемость этого деяния была установлена до его совершения». Представители немецкого государства выступали против того, чтобы делать исключение из правила «закон не имеет обратной силы» даже в случае преступлений против человечности. См. подробнее: *Кениг Х. Будущее прошлого. Национал-социализм в политическом сознании ФРГ*. М., 2012. С. 61–72.

[Вернуться](#)

## 303

Речь идет о шталаге № 352 у д. Масюковщина, куда А.А. Печерский был переведен в мае 1942 г. после неудачной попытки бегства.

[Вернуться](#)

## 304

Цибульский Б. (?-1943) – красноармеец. Уроженец Донбасса. Один из активных участников восстания в Собиборе. Умер от болезни вскоре после побега и выхода к партизанам.

[Вернуться](#)

## 305

Вязьма – город в Смоленской области России. В октябре 1941 г. в ходе операции «Тайфун» здесь были окружены значительные силы Красной Армии (37 дивизий, 9 танковых бригад и другие части и соединения). Общие потери составили примерно 600 тыс. человек. В 2009 г. Вязьме присвоено звание «Город воинской славы».

[Вернуться](#)

## 306

596-й гаубичный артиллерийский полк находился в действующей армии с 2 июля 1941 г. Принимал участие в Смоленском сражении. В сентябре 1941 г. придан 2-й дивизии народного ополчения Москвы, вместе с которой попал в «Вяземский котел» в начале октября 1941 г.

[Вернуться](#)

## 307

Клуб Всероссийского союза административно-советских, общественных и торговых работников был создан в 1920-е гг. в Ростове-на-Дону. Являлся одним из центров культурной жизни города.

[Вернуться](#)

## 308

Речь, вероятно, идет о Смоленском лагере для военнопленных № 126 (Дулаг 126), который существовал в 1941–1943 гг.

[Вернуться](#)

## 309

«Быстрее, быстрее, проклятые свиньи» (нем.)

[Вернуться](#)

## 310

«Власовцы» – устоявшееся в СССР название различных вооруженных формирований коллаборационистов. В 1942 г. непосредственно части Русской освободительной армии генерала А.А. Власова еще не были созданы.

[Вернуться](#)

## 311

«Рабочий лагерь».

[Вернуться](#)

## 312

В концентрационном лагере на ул. Широкой содержались как военнопленные, так и евреи из Минского гетто, преимущественно рабочих профессий.

[Вернуться](#)

## 313

Скорее, всего А.А. Печерский ошибается относительно происхождения Городецкого. Среди белых эмигрантов нам не удалось найти персонажа, отвечающего данным характеристикам. Однако в открытых источниках, со ссылкой на докладную записку в ЦК КП(б)Б заместителя начальника отдела Белорусского штаба партизанского движения И.С. Кравченко от 27 января 1943 г., говорится следующее: «Представителем немецкого командования в гетто назначен некто Городецкий. Ему 25 лет, отец – русский, мать – немка. До войны жил в Ленинграде, занимался шпионажем в пользу немцев. Ему предоставлены неограниченные права. Одно появление этого человека в гетто вызывает трепет у его обитателей»: Чтобы знали и помнили // Вечерник Минск. 2012. 29 нояб. <http://archive.li/dWJZ>. Кроме того, Б. Эпштейн, автор монографии о Минском гетто, называет Городецкого главой лагеря для военнопленных. *Epstein B. The Minsk Ghetto 1941–1943: Jewish Resistance and Soviet Internationalism. Berkeley, Los Angeles, 2008. P. 204.*

[Вернуться](#)

## 314

Первая большая акция уничтожения (погром) в Минском гетто. Число жертв по разным оценкам составило от 6600 до 12000 человек.

[Вернуться](#)

## 315

Курляндская С. – советская подпольщица. Работа секретарем и переводчиком у Городецкого.

[Вернуться](#)

## 316

Капо – надзиратель из числа заключенных. В основном, бывшие уголовники. Они были верными помощниками у фашистов, но были и такие, к сожалению, их было немного, которые чем могли помогали товарищам по несчастью. Прим. А. Печерского.

[Вернуться](#)

## 317

Барановичское партизанское соединение было создано в апреле 1943 г. на основе партизанских формирований, действовавших в центральных и северных районах этой области Белоруссии. Отряд имени Фрунзе до этого действовал самостоятельно.

[Вернуться](#)

## 318

После захвата германскими войсками Минска в 1941 г. И. Голанд был арестован и направлен сначала в концентрационный лагерь в д. Дрозды, а затем в Минскую тюрьму. Б. Эпштейн сообщает, что он не был расстрелян как коммунист, потому что при оглашении немцами списка евреев-коммунистов он не отозвался, а потому был направлен в Минское гетто. Его

жена Сара (1911 г.р.) была активным членом подпольной организации, в 1943 г. вместе с детьми бежала из гетто, все они дожили до освобождения.

[Вернуться](#)

## 319

Речь идет о Татьяне Лившиц (Бойко), которая работа связной между партизанами и Минским гетто. После войны эмигрировала в Израиль.

[Вернуться](#)

## 320

Гебелев М.Л. – один из руководителей подполья Минского гетто. Арестован нацистами и казнен 15 августа 1942 г.

[Вернуться](#)

## 321

Левина С. – одна из лидеров подполья в Минском гетто.

[Вернуться](#)

## 322

Ганзенко С.Г. (1915–1973) – лейтенант РККА. Попал в плен летом 1941 г., содержался в лагере на Широкой улице в Минске, переправлен в гетто, откуда бежал весной 1942 г. Командовал различными партизанскими соединениями.

[Вернуться](#)

## 323

Абрам Костелянец воевал в составе бригады имени Чапаева.

[Вернуться](#)

## 324

Вероятно, речь идет о том, долго ли продержится Германия.

[Вернуться](#)

## 325

Речь идет о д. Дрозды под Минском, около одноименного водохранилища. До войны здесь находились пионерлагерь и дачи НКВД, а после – дачи представителей Совмина СССР. Впоследствии здесь размещались дипломатические представительства иностранных государств. В 1998 г. они были выселены. Сейчас здесь располагается одна из резиденций президента Беларуси.

[Вернуться](#)

## 326

Лейтман Шломо (Шлемо) – польский еврей из Варшавы. Бежал в СССР в 1939 г. Сыграл важную роль в подготовке и осуществлении восстания в Собиборе. Во время побега из лагеря был тяжело ранен. Дальнейшая судьба неизвестна. Иногда в различных воспоминаниях упоминают как Ляйтмана

[Вернуться](#)

## 327

Площадь «Парижской коммуны» (данное название с 1919 г.) располагается в центре Минска на возвышенности «Троицкая гора».

[Вернуться](#)

## 328

Лившиц Л. – житель Минска. Как специалист-столяр был взят в лагерь на ул. Широкой из гетто. Там оставался его сын 12-ти лет. Жена Лифшица была расстреляна.

[Вернуться](#)



## 329

Табаринский Борис Израилевич (1917–2004) – до и после войны жил в Минске. Лейтенант запаса. В лагерь на Широкой попал из Минского гетто. Участник восстания в Собиборе. В составе группы Печерского после побега вступил в партизанский отряд имени Фрунзе. После соединения с частями Красной Армии участвовал в боях до конца войны. Победу встретил в Штеккене (Германия). Служил в армии до 1947 г. Позже работал на кожевенно-галантерейной фабрике в Минске.

[Вернуться](#)

## 330

Розенфельд Семен Моисеевич (1922 г.р.) – красноармеец-рядовой. Служил в 150-м артиллерийском полку. Раненый и контуженный попал в плен под Могилевом в конце июля 1941 г. Участник восстания в Собиборе. После побега, во время которого был ранен и прятался в лесах. С приходом Красной Армии служил в 39-й гвардейской мотострелковой дивизии, был ранен. Войну закончил в Берлине. С 1990 г. живет в Израиле.

[Вернуться](#)

## 331

Вайспапир Александр Михайлович (1921–2018) – попал в плен при окружении под Киевом в сентябре 1941 г... Участник восстания и побега из Собибора. Закончил войну в звании старшины разведроты 70-й армии. Войну закончил в г. Висмар (Германия). После войны работал инженером на заводе. Последние годы жил в Киеве.

[Вернуться](#)

## 332

Речь идет, вероятно, о компании, деятельность которой обслуживали военнопленные.

[Вернуться](#)

## 333

Шубаев Александр Михайлович (1917–1944) – горский еврей. Закончил перед войной Ростовский институт железнодорожного транспорта. Активный участник восстания. После восстания и побега вошел в группу А. Печерского. После выхода к партизанам был зачислен в отряд им. Фрунзе. Погиб в ходе боев. А. Печерский пишет: «Александр Шубаев (Калимали) после слияния отряда с Советской (Красной) Армией был послан с группой партизан обратно в тыл (немецкий) и там погиб». А. Вайспапир дает иную версию его гибели: «Шубаев пошел с группой разведчиков за р. Припять для установления контактов с армией (когда фронт подошел близко). Группа пропала».

[Вернуться](#)

## 334

Ныне город Хасавюрт (Дагестан).

[Вернуться](#)

## 335

Авторское написание с маленькой буквы.

[Вернуться](#)

## 336

«Сестра, сестра» (нем.)

[Вернуться](#)

## 337

Литвиновский Ефим Владимирович (1921–1993) – красноармеец. Родился в г. Смела (ныне – Черкасской обл. Украина). До и после войны жил в Куйбышеве (ныне – Самара). Участник восстания и побега из Собибора. После побега воевал в партизанском отряде имени Бартоша

Гловацкого, которым командовал польский патриот Хиль Браверман по кличке Баца. Затем в партизанском соединении А.А. Федорова и в рядах Красной Армии.

[Вернуться](#)

## 338

Даурия – историко-географический район (в пределах современных Забайкальского края, Амурской области и Республики Бурятия), получил название по именованию здесь народности дауров.

[Вернуться](#)

## 339

15-й кубанская кавалерийская дивизия сформирована в 1932 г., дислоцировалась в Даурии. В 1932–1936 гг. начдивом являлся К.К. Рокоссовский. Весной 1941 г. расформирована. 143-й кавалерийский полк в 1939–1940-е гг. временно был придан 6-й сводной кавалерийской бригаде и располагался в д. Борзе. В 1941 г. вошел в состав 37-й кавалерийской дивизии, которая с августа сражалась на Юго-Западном фронте.

[Вернуться](#)

## 340

Обершарфюрер – воинское звание в СС. Соответствовало фельдфебелю в вермахте.

[Вернуться](#)

## 341

«Так точно!» (нем.)

[Вернуться](#)

## 342

Об этой операции 2 июля 1943 г. газета «Правда» в заметке «Белорусские партизаны уничтожают гитлеровских оккупантов» писала: «Стокгольм, 1 июля (ТАСС). Гитлеровская газета «Минскер цайтунг» сообщает, что 10 июня белорусскими партизанами были убиты немецкий «областной комиссар» Людвиг Эренлейтер, «правительственный инспектор» Генрих Клозе, начальник областной жандармерии обер-лейтенант Карл Калла, обер-вахмейстер Вальтер Погарелль, обер-вахмейстер Карл Зандфос, старший жандарм Карл Вундерлих, обер-вахмейстер Август Штрассер, а также гитлеровские «хозяйственные руководители» Франц Так, Фриц Шульце и Гюнтер Бенневиц». (см. Герои подполья / сост. В.Е. Быстров. М., 1970).

[Вернуться](#)

## 343

Матусевич А.А. (1902–1985) – белорус, беспартийный, работал техническим редактором оккупационной газеты «Минское время» В конце 1942 г. установил контакт с подпольем и партизанами.

[Вернуться](#)

## 344

Козловский В. (1896–1943) – белорусский националист. В годы Гражданской войны служил инструктором в 1-м батальоне белорусских стрелков, в 1930-е гг. – активный деятель Белорусской национал-социалистической партии. В 1941–1943 гг. – редактор «Белорусской газеты» в Минске. Ликвидирован в ноябре 1943 г.

[Вернуться](#)

## 345

Акинчиц Ф.И. (1886–1943) – белорусский общественный деятель. В 1933 г. создал Белорусскую национал-социалистическую партию, с 1938 г. работал в министерстве пропаганды нацистской Германии. Сотрудничал с оккупационными властями в Беларуси. Убит партизанами 7 марта 1943 г.

[Вернуться](#)

## 346

Мазаник Е.Г. (1914–1996) – до войны работала официанткой в столовых советских и партийных органов Белорусской ССР. В 1943 г. устроилась работать прислугой в здании, где жил В. Кубе. За его убийство ей присвоено звание Героя Советского Союза. После войны – член ВКП(б), занимала ответственные должности в сфере культуры.

[Вернуться](#)

## 347

Речь идет о победе Красной Армии в Сталинградской и Курской битвах.

[Вернуться](#)

## 348

Влодава – польский город (с 1534 г.). Первое упоминание в 1242 г., по преданию, поселение основано евреями. Они же составляли большую часть населения перед Второй мировой.

[Вернуться](#)

## 349

Белжице (Белжец) – польский город. Первые упоминания о поселении здесь относятся к концу XIII в. В XIX в – в составе Российской империи. После восстания 1863–64 гг. потерял статус города. Накануне Второй мировой здесь проживало около 2000 человек. В 1942 г. в рамках «Операции Рейнхард» около него создан лагерь смерти, в котором было умерщвлено около полумиллиона евреев.

[Вернуться](#)

## 350

Хелмно – польский город. Городские права с 1392 г. В 1941 г. здесь создан первый лагерь смерти. Общее количество убитых оценивается от

180 тыс. до 340 тыс. человек.

[Вернуться](#)

## 351

Гиммлер Г. (1900–1945) – нацистский военный преступник, рейхсфюрер СС.

[Вернуться](#)

## 352

Штурмбаннфюрер – звание в СС. Аналогично майору в вермахте.

[Вернуться](#)

## 353

Вероятно, имеется в виду Рихард Томалла (1903–1945), который в 1942 г. был первым комендантом Собибора, ответственным за его строительство.

[Вернуться](#)

## 354

Ламберт Э. (1909–1976) – нацистский преступник. В рамках программы Т-4 (эвтаназия) и «Операции Рейнхард» занимался созданием газовых камер. Унтершарфюрер СС. В 1965 г. осужден на четыре года, однако был отпущен ввиду отбытия срока во время предварительного заключения. Во время суда над охранниками Собибора оправдан. По данным Т. Блатта, осужден на три года.

[Вернуться](#)

## 355

Львов – город, основан в 1256 г. Сейчас в составе Украины. В годы Второй мировой здесь располагалось одно из крупнейших гетто на территории оккупированного СССР.

[Вернуться](#)

## 356

Речь идет, вероятно, о городе Люблин, где и располагался штаб «операции Рейнхард».

[Вернуться](#)

## 357

Барбель Н. (1900— после 1965) – ротенфюрер СС. Активный участник программы Т-4, уничтожения евреев в Белжеце и Собиборе. К суду не привлекался, хотя после войны допрашивался австрийской полицией.

[Вернуться](#)

## 358

В действительности, северный лагерь стали строить только летом 1943 г.

[Вернуться](#)

## 359

Имеется в виду трофейное оружие.

[Вернуться](#)

## 360

Демблин – польский город. Первое упоминание как деревни относится к концу XIV века. В 1830-е гг. здесь русскими властями была построена крепость Ивангород.

[Вернуться](#)

## 361

Текст курсивом вписан от руки.

[Вернуться](#)

## 362

Замосць – город в Польше. Основан в 1580 г. В 1815–1915 гг. в составе Российской империи (название – Замостье).

[Вернуться](#)

## 363

Вероятно, имеется в виду Абрам (Абрахам) Маргулис (1921–1984) – участник восстания в Собиборе. Умер в Израиле.

[Вернуться](#)

## 364

Речь идет о кухне для вахманов-охранников. Среди них было много украинцев по национальности и бывшие узники называют их в своих воспоминаниях «украинцами». Хотя А.А. Печерский часто называет их еще «власовцами».

[Вернуться](#)

## 365

Михель Г. (1912–1984) – нацистский военный преступник. В 1930-е гг. работал как санитар, участник программы Т-4. С апреля 1942 г. – в Собиборе. После войны скрывался, по некоторым данным проживал в Египте.

[Вернуться](#)

## 366

А.А. Печерский не совсем точен. Селекции подвергались все прибывающие в Собибор. Но для специалистов, нужных нацистам профессий она была не столь жесткой.



[Вернуться](#)

## 367

Френцель К. (1911–1996) – нацистский военный преступник, обершарфюрер СС. Командовал 1-м лагерем в Собиборе, куда прибыл весной 1942 г. После ликвидации лагеря участвовал в боях против итальянских партизан. После войны жил во Франкфурте-на-Майне, опознан в 1962 г. На суде в Хагене в 1965–1966 гг. над палачами Собибора он был обвинен в том, что лично убил шесть евреев и «содействовал убийству» около 150 000 евреев. Суд приговорил его к пожизненному заключению. В 1980 г. Френцель добился пересмотра своего дела, в результате чего вышел на свободу. Однако позднее суд вернулся к делу Френцеля и, в частности, в 1984 г. выезжал в Донецк, чтобы заслушать показания проживавших в СССР бывших узников Собибора (в т. ч. Аркадия Вайспапира). В 1985 г. суд повторно признал Френцеля виновным в совершенных им преступлениях и подтвердил приговор, вынесенный ему в 1966 г. Тем не менее суд освободил Френцеля от наказания, «приняв во внимание его возраст» в 1992 г.

[Вернуться](#)

## 368

Одной из целей «Операции Рейнхард», как и всей нацистской политики преследования евреев, являлось их ограбление. Всего почти за два года в казну рейха она принесла более 178 млн рейхсмарок.

[Вернуться](#)

## 369

В действительности эсэсовца с таким именем не было в Собиборе. Здесь служили два брата – унтершарфюрер СС Франц Вольф (осужден на процессе в Хагене к 8 годам заключения) и обершарфюрер СС Йозеф Вольф (убит во время восстания).

[Вернуться](#)

## 370

Болендер К. (1912–1965) – обершарфюрер СС, в Собиборе служил с весны по июль 1942 г., был начальником 3-го лагеря (сектора), где собственно и уничтожали прибывших. Затем переведен в Треблинку. После войны скрывался под фамилией Бреннер, работал в Гамбурге в качестве портьера в отеле. Арестован в мае 1961 г. На судебном процессе над палачами Собибора в Хагене в 1965–1966 гг. он обвинялся в том, что лично убил около 360 евреев и «содействовал убийству» около 86 000 евреев. Покончил с собой в заключении в 1965 г. до вынесения приговора.

[Вернуться](#)

## 371

Одна из подобных мер «обеспечения безопасности» заключалась в том, что людей перед погрузкой в эшелоны в Собибор полностью раздевали.

[Вернуться](#)

## 372

Унтершарфюрер – звание в СС. Соответствует званию унтер-офицера в вермахте.

[Вернуться](#)

## 373

Вероятно, имеется Франц Вольф (1907 – после 1965).

[Вернуться](#)

## 374

Слово «тянуть» напечатано сверху предложения.

[Вернуться](#)

## 375

27 июля 1943 г. польские евреи Шломо Подхлебник (после войны эмигрировал в США) и Иозеф Копф (убит своими польскими соседями уже после освобождения Польши) убили своего конвоира, охранника-украинца, забрали его оружие и бежали. Остальные узники из этой бригады, евреи из Голландии, были казнены.

[Вернуться](#)

## 376

Фельдхендлер (Фельдгендлер) Леон (Лейб) (1910–1945) – руководитель подполья в Собиборе. На начало войны проживал в городке Жулкевка (в Польше, примерно в 50 км от Хелма). Немцы оккупировали Жулкевку в середине сентября 1939 г. В начале 1940 г. здесь сформирован Юденрат (еврейский совет), главой которого стал Л. Фельдхендлер (как сын раввина). В середине мая 1942 г. несколько тысяч евреев были депортированы из Жулкевки сначала в Красноводск (около 25 км от Хелма), а оттуда – в Собибор. Среди них, по всей вероятности, был и Л. Фельдхендлер. В Собибор он попал в начале 1943 г. Работал на складе продуктов, оставшихся от отправленных в газовые камеры узников, а также в «лесной команде», занимавшейся заготовкой в лесу стройматериалов и дров. Летом 1943 г. стал во главе подпольной организации, которая начала разрабатывать планы побега. После прибытия в лагерь группы советских военнопленных и привлечения А.А. Печерского на роль руководителя восстания и побега, Л. Фельдхендлер становится вторым лицом в руководстве и его «правой рукой». Их контакт обеспечил объединение сил «старых» подпольщиков и «активистов» из числа советских военнопленных. После восстания и побега Фельдхендлер с группой примерно из десяти человек несколько недель скрывался в лесах. Нашел убежище у друзей в родной Жулкевке, где провел два месяца. После этого ушел к партизанам. В начале апреля 1945 г. в уже освобожденном Люблине Фельдхендлер был убит членами подпольной Армии Крайовой. Примечательно, что А.А. Печерский узнал настоящее имя Фельдхендлера только много лет спустя. В Собиборе Фельдхендлер назвал себя Борухом (Борисом). В ранних воспоминаниях А.А. Печерского употребляется это имя.

[Вернуться](#)

## 377

А.А. Печерский здесь употребляет типичный советский штамп «захват власти». Конечно, до прибытия А.А. Печерского подпольщики Собибора этого не планировали. Они думали только о побеге.

[Вернуться](#)

## 378

Варшава – столица Польши. В 1940–1943 гг. здесь существовало крупнейшее гетто, многие узники которого были убиты в Собиборе.

[Вернуться](#)

## 379

Бялович (Биалович) С. (1912–2014) – депортирован из Избицы в Собибор в апреле 1942 г. Бежал во время восстания вместе с младшим братом Филиппом (Фишелем). Жил в Израиле.

[Вернуться](#)

## 380

Избица – польская деревня в Люблинском воеводстве. Первое упоминание – 1419 г. Накануне войны здесь проживало 6 тыс. человек, из них 5 тыс. – евреи.

[Вернуться](#)

## 381

Речь идет о Курте Тихо, который после войны сменил имя на Курт Томас (1914–2009) – чешский еврей. Перед войной служил телеграфным оператором в чешской армии. В 1942 г. из гетто в Терезиенштадте направлен в гетто в восточной Польше, а затем в Собибор. Работал во 2-м лагере (сортировал вещи). В начале 1943 г. после послабления в режиме, когда больных не отправляли сразу в газовые камеры, а давали 3 дня на

выздоровление, он устроился санитаром. Принимал активное участие в подготовке восстания.

[Вернуться](#)

## 382

Это был морской офицер по имени, предположительно, Иосиф Якобс, доставленный в Собибор 21 мая 1943 г. Истинное его имя доподлинно неизвестно. По другой версии это был не морской офицер, а журналист, воевавший в Испании в составе Интернациональной бригады.

[Вернуться](#)

## 383

Имя Густав написано карандашом сверху имени Курт.

[Вернуться](#)

## 384

Вагнер Густав (1911–1980) – обершарфюрер СС, из австрийских немцев. Представитель СС в лагере (фактически – заместитель начальника лагеря). Обладавал буйным нравом и считался среди узников самым жестоким садистом. Узники старались избегать встречи с ним. Звание обершарфюрера присвоил Гиммлер во время визита в лагерь. После войны Вагнер бежал в Бразилию и жил там под фамилией Мендель. Разоблачен в 1978 г. организацией Симона Визенталя. Он был заключен в тюрьму, но бразильское правительство отказалось экстрадировать Вагнера в Германию или Израиль. В 1980 г. покончил жизнь самоубийством. (По другим данным, экстрадиция Вагнера не состоялась из-за его самоубийства.) Шломо Шмайзнер в документальном фильме «Восстание в Собиборе» режиссера Павла Когана намекает, что ему «помогли» покончить с собой.

[Вернуться](#)

## 385

Гаупштурмфюрер – звание в СС, аналогично капитану в вермахте.

[Вернуться](#)

**386**

Вторая буква «н» вписана сверху карандашом.

[Вернуться](#)

**387**

Над фамилией «Нойман» написана буква «а».

[Вернуться](#)

**388**

А.А. Печерский путает. Йохан Ниман (Нейман) (Niemann) (1913–1943) – был заместителем начальника лагеря. Его звание – унтерштурмфюрер (в вермахте – лейтенант) СС. Получил это звание после посещения Собибора Гиммлером. Заместитель коменданта лагеря. Убит 14 октября 1943 г. во время восстания.

[Вернуться](#)

**389**

Рядом приписано карандашом «позднее убит».

[Вернуться](#)

## 390

Ван Дам Макс (van Dam Max) (1910–1943) – голландский художник. Родился в голландском городке Винтерсвийк, в еврейской семье. После окончания художественной школы в Антверпене Макс ван Дам демонстрировал работы на выставках в Антверпене, Амстердаме и Гааге. Он получил так называемый «Римский приз» за картину «Агарь и Измаил». Макс ван Дам очень болезненно относился ко всему, что было связано с антисемитизмом, и симпатизировал идеям сионистов. В поддержку сионистского движения он написал портрет Теодора Герцля. После оккупации Голландии немцами в мае 1940 г. скрывался на севере Голландии. Осенью 1942 г. пытался бежать в Швейцарию, но был схвачен и отправлен в пересыльный лагерь Дранси во Франции. Оттуда его депортировали в Собибор. Он рисовал главным образом портреты эсэсовцев. После выполнения последнего «заказа» был убит. Это произошло, по всей вероятности, 20 сентября 1943 г.

[Вернуться](#)

## 391

Над именем «Курт» написано имя «Густав».

[Вернуться](#)

## 392

Гомерски Губерт (1911–1999) – обершарфюрер СС. Прибыл в Собибор с первой группой эсэсовцев в апреле 1942 г. В лагере сначала руководил охранниками, затем вместе с Болендером отвечал за «работу» третьего лагеря. По прибытии эшелонов с депортируемыми участвовал в «сортировке» узников. Отбирал больных и инвалидов и отправлял их к месту казни – в «лазарет». Считался в Собиборе очень опасным эсэсовцем наряду с Вагнером и Френцелем. Во время восстания Гомерски отсутствовал в лагере. Арестован в Германии в 1949 г., в 1950 г. приговорен судом к пожизненному заключению за убийство неустановленного количества людей. После апелляции и второго суда в 1972 г. освобожден по причине плохого состояния здоровья. (На втором суде над Френцелем в

1983 г. он выступал в качестве свидетеля и выглядел вполне здоровым.) Но вскоре суд города Франкфурт-на-Майне возобновил следствие по делу Гомерского. А.А. Печерский пишет об этом: «...более 4 лет оно продолжалось. Суд допрашивал бывших узников Собибора. Три раза он приезжал в Советский Союз, в том числе в Москву, где меня допрашивали 5 дней. Через полгода – в Ростов-на-Дону, где три дня допрашивали меня и Зайцева Алексея [вахмана (охранника) Собибора], затем через некоторое время в Донецке допрашивали Вайспапира Аркадия, Литвиновского Ефима, Плотницкого Наума и многих других узников в других странах мира. В 1977 г. судьи в ФРГ вынесли свой «справедливый» приговор – 15 лет тюремного заключения, но так как он 22 года уже отсидел, то за 7 лет, которые он отсидел «лишних», ему выплатили крупную сумму денег. Действительно «мудрое» решение суда ФРГ». Из письма А. Печерского в «Нидерланды Аушвиц комитет» в связи с 35-летием восстания в лагере Собибор (октябрь 1978 г.). Архив Национального Мемориала Катастрофы (Шоа) и Героизма «Яд Вашем» (Иерусалим). О.3/4123.

Наум Плотницкий (один из группы А.А. Печерского) вспоминал: «В 1976 г. в г. Донецке был процесс над бывшим эсэсовцем лагеря Собибор Гомерским. Я был в качестве свидетеля. Дал свои показания, где вместе с другими свидетелями разоблачил его преступления. Я рассказал, как он убивал лично сам людей, бил их и сжигал. Он был начальником 3-го лагеря, куда нас не допускали, но о его преступлениях мы знали хорошо. В Донецке был процесс, но Гомерского там не было. Из Западной Германии приехало 9 человек из прокуратуры, со стороны Союза тоже» 19. Свидетельские показания [автобиография] Плотницкого Наума Яковлевича (16.06.1980). Архив Национального Мемориала Катастрофы (Шоа) и Героизма «Яд Вашем» (Иерусалим). О.3/4123.

[Вернуться](#)

## 393

Эйхман А. (1906–1962) – оберштурмбаннфюрер (подполковник) СС, начальник отдела IV В 4 гестапо. Был ответственным за координацию уничтожения евреев. После войны бежал в Аргентину. В 1960 г. обнаружен и похищен израильскими спецслужбами и доставлен в Иерусалим. После приговора суда повешен 1 июня 1962 г. Суд над Эйхманом вызвал широкий отклик по всему миру, став одним из тех событий, которое перевернуло



преимущественно равнодушное отношение общественности к теме Холокоста.

[Вернуться](#)

## 394

А.А. Печерский ошибается: визит Гиммлера в Собибор состоялся раньше. Согласно показаниям бывшего узника Собибора Моше Бахира на процессе А. Эйхмана, Гиммлер и Эйхман посетили Собибор дважды: в июле 1942 г. и в феврале 1943 г.

[Вернуться](#)

## 395

При первом знакомстве Л. Фельдхендлер обратился к А.А. Печерскому на идише, который тот едва понимал. Однако Фельдхендлер мог изъясняться по-русски. Другие старые заключенные могли общаться с А.А. Печерским только через переводчика. Им был Шломо Лейтман.

[Вернуться](#)

## 396

Блатт Томас (Тойви) (1927–2015) – родился в Польше, в городе Избица. В апреле 1943 г. вместе с семьей и группой других евреев был депортирован в Собибор. Из всей семьи остался в живых он один. В Собиборе приставлен к одному из эсэсовцев для чистки сапог и выполнения мелких поручений. Позднее выполнял и другие работы. Бежал из лагеря во время восстания. В 1958 г. уехал из Польши в Израиль, позднее в США. В 1965–1966 гг. Т. Блатт выступил на судебном процессе в Хагене над группой эсэсовцев Собибора. Там он впервые за много лет встретился с другими выжившими заключенными Собибора. После этого он начал разыскивать остальных свидетелей и по крупицам собирать информацию о восстании. В конечном итоге Т. Блатт написал и издал в США две книги о лагере смерти Собибор: «Собибор – забытое восстание» («Sobibor – The Forgotten Revolt») и «Из пепла Собибора» («From the Ashes of Sobibor»). Вторая из них вышла и в Германии, в немецком переводе, под заглавием «Только тени остались». Книги Т. Блатта (наряду с другими подобными книгами, изданными на

Западе) послужили важным источником информации для историков, изучавших восстание в Собиборе. Он также создал вебсайт ([www.sobibor.info](http://www.sobibor.info)), где представил в сжатом виде всю историю восстания и связанных с ним событий. В 1980 г. приезжал в Ростов-на-Дону к А.А. Печерскому. В 1987 г. возглавил Комитет по сохранению исторических мест, связанных с Холокостом.

[Вернуться](#)

## 397

«Подойди» (нем.).

[Вернуться](#)

## 398

Маловероятно, что А.А. Печерский в Собиборе был так хорошо информирован о событиях на фронте.

[Вернуться](#)

## 399

Убийство В. Кубе произошло уже после восстания в Собиборе. А.А. Печерский ошибается в последовательности событий.

[Вернуться](#)

## 400

В англоязычных текстах фамилия этого капо пишется Pozyski (Позицкий).

[Вернуться](#)

## 401

Некоторые исследователи предполагают, что речь идет о Гертруде Попперт, урожденной Шёнборн (1914–1943). Родилась в немецко-

еврейской семье. В середине 1930-х гг. эмигрировала в Голландию, где вышла замуж за М. Попперта. Вместе с ним в мае 1943 г. была депортирована в Собибор. В открытке, отправленной домой в августе 1943 г., сообщалось, что она ухаживает за кроликами, а ее муж работает «бригадиром» в «лесной команде».

[Вернуться](#)

## 402

Речь идет о Моше Шкляреке (1927–2002) – участнике восстания в Собиборе. В дальнейшем сменил имя на Моше Бахир. Родился в Плоцке (Польша). Депортирован в Собибор в мае 1942 г. Его мать и младший брат были отправлены в газовые камеры, а его оставили для работы в лагере. Работал в «вокзальной команде», на сортировке продуктов, принадлежавших отправленным в газовые камеры узникам, на стрижке женщин, направляемых в газовые камеры. Уехал в Израиль. Выступал в качестве свидетеля на процессе А. Эйхмана и на процессе над палачами Собибора в городе Хагене.

[Вернуться](#)

## 403

Выделенные курсивом слова зачеркнуты, сверху написано «о себе».

[Вернуться](#)

## 404

«Прочь!» (нем.)

[Вернуться](#)

## 405

Восстание, или скорее массовый побег из лагеря Треблинка-2, произошло 2 августа 1943 г. Около 300 узников бежали, но спаслись около 70. Споры, насколько удачным оказался побег, продолжаются до сих пор.

[Вернуться](#)

## 406

Вероятно, в эту группу входили А.М. Вайспапир, А.М. Шубаев и С. Мазуркевич. Тогда А.А. Печерский и посвятил их в свои планы.

[Вернуться](#)

## 407

Грейшут (Грейтшус) Зигфрид (1916–1943) – обершарфюрер СС, родился в Тильзите, член НСДАП с 1936 г. В Собиборе командовал «украинскими» охранниками. Прибыл в Собибор из Треблинки в августе 1942 г. Следил за «порядком» на всей территории лагеря. Убит во время восстания.

[Вернуться](#)

## 408

Группа узников, которые мыли вагоны после прибытия и выгрузки очередного эшелона.

[Вернуться](#)

## 409

Плотницкий Наум Янкелевич (1913–1982) – родился в д. Вичин Лунинецкого района (в то время – Польша). В марте 1939 г. призван в Польскую армию, с 1 сентября 1939 г. – принимал участие в боевых действиях, в конце сентября попал в немецкий плен. В конце 1940 г. бежал из лагеря и до 1943 г. жил, скрываясь от немцев. В июле 1943 г. попал в облаву и был отправлен в Собибор, где как строитель оставлен в лагере № 1. Входил в группу из двадцати человек, которым подпольный комитет поручил во время восстания уничтожение нацистов. Был в числе «девятки» во главе с А.А. Печерским, которая после побега перешла р. Буг и вскоре присоединилась к партизанам. Плотницкий был принят вместе с А.А. Печерским в отряд имени Щорса. В партизанском отряде Плотницкий провоевал шесть месяцев до воссоединения отряда с Красной Армией. В ее рядах участвовал во взятии Бреста и Гдыни, был ранен. Войну закончил на

Эльбе. После войны Н.Я. Плотницкий проживал в Пинске. В октябре 1979 г. переехал в Израиль.

[Вернуться](#)

## 410

Тогда А.А. Печерский этого знать не мог.

[Вернуться](#)

## 411

Мазуркевич Семен (1911–1945) – узник Собибора. В ходе подготовки восстания вошел в группу из двадцати человек, которых подпольный комитет наметил для уничтожения фашистов. Эти же люди были назначены руководителями отдельных групп. Входил в состав «девятки» во главе с А.А. Печерским, которая после побега присоединилась к партизанам. Погиб в рядах Красной Армии при освобождении Данцигского «коридора».

[Вернуться](#)

## 412

Гетцингер (Геттингер) Антон (1910–1943) – обершарфюрер СС. В Собиборе был одним из ответственных за работу третьего («смертного») лагеря-3. По свидетельству Гомерского, он погиб за несколько недель (или дней) до восстания от случайного взрыва ручной гранаты (на территории «Норд-лагеря»).

[Вернуться](#)

## 413

В лагере Собибор не было членов СС с такой фамилией, однако имелся «травниковец» Иван Клятт, убитый во время восстания. Отметим, что далее А.А. Печерский дает иное звание Клятта.

[Вернуться](#)

## 414

Лернер Иегуда (1926–2007) – узник Собибора. Родился в Варшаве. В июле 1942 г. во время облавы в Варшавском гетто Иегуда, его родители и один из братьев были схвачены и отправлены на погрузочный пункт – «вокзал» гетто, откуда родных Иегуды увезли в неизвестном направлении, и он их больше не видел. Самого Иегуду отправили в лагерь близ Смоленска, где он работал на строительстве аэродрома. Иегуда предпринял две попытки побега, но оба раза неудачно. После второго побега поимки его отправили в Минск, где поместили сначала в Минское гетто, а потом – в трудовой лагерь СС на ул. Широкой. Из этого лагеря он был доставлен эшелонам в Собибор. Во время восстания в Собиборе И. Лернер вместе с А.М. Вайспапиром убил эсэсовца Грейтшута. После войны уехал в Израиль. На основе интервью, взятого у Лернера в 1979 г., кинорежиссер Клод Ланцман (автор известного фильма «Шоа») в 2001 г. снял фильм «Собибор, 14 октября 1943 года, 16: 00».

[Вернуться](#)

## 415

Новак Вальтер (1921—после 1947) – нацистский военный преступник. Работал в центре эвтаназии в Зонненштайне. Был переведен в Собибор. Во время суда над исполнителями программы эвтаназии в 1947 г. в Дрездене его пребывание в Собиборе не было отмечено в обвинительном заключении. Однако имеются доказательства, что он там служил. Первоначально Новак был арестован в Восточной Германии советскими оккупационными властями в мае 1945 г., после того как он был опознан бывшим узником Собибора Меиром Зиссом. После освобождения в 1947 г. разыскивался, но безуспешно.

[Вернуться](#)

## 416

Штурмфюрер – звание в СС до 1934 г., соответствовало лейтенанту.

[Вернуться](#)

## 417

Выше упоминался как Гетдингер.

[Вернуться](#)

## 418

Зигфрид Грейшут был обершарфюрером. См. выше.

[Вернуться](#)

## 419

Имеется в виду Йозеф Вольф, который был убит в Собиборе.

[Вернуться](#)

## 420

Гаульштиф Ф. (?-1943) – шарфюрер СС, до службы в СС был участником программы Т-4.

[Вернуться](#)

## 421

Имеется в виду Хаим Энгель (1916–2003). Родился в городе Брудзеве (Польша). В 1921 г. его семья переехала в Лодзь. По достижении призывного возраста началась его служба в польской армии. За две недели до окончания срока его службы, 1 сентября 1939 г., Германия напала на Польшу. Через несколько недель он попал в плен. Как еврей был отправлен немцами на принудительные работы в Германию. В марте 1940 г. все военнопленные-евреи были возвращены в Польшу. А летом 1942 г. Х. Энгель был депортирован в Собибор. Его поставили на сортировку одежды убитых узников. И однажды среди этой одежды он нашел вещи своего брата. В его лагерной жизни был и такой эпизод: когда фашисты расстреливали каждого десятого из шеренги, он оказался девятым. После восстания и побега Хаим Энгель и его друг, тоже узница Собибора,

Зельма Вайнберг девять месяцев скрывались на сеновале у польского крестьянина, который прятал их до прихода Красной Армии. Потом они кружным путем (через Одессу и Марсель) уехали в Голландию. Там они поженились и вскоре переехали в Израиль, а в 1957 г. – в США.

[Вернуться](#)

## 422

Бекман Рудольф (1922–1943) – обершарфюрер СС. В Собиборе отвечал за работу «сортировщиков» в лагере № 2.

[Вернуться](#)

## 423

В 1943 г. это была территория Люблинского округа генерал-губернаторства (административно-территориальное образование на части оккупированной Германией Польши).

[Вернуться](#)

## 424

Глобочник Одило (1904–1945) – австрийский немец. Гауляйтер Вены в 1938–1939 г. После скандала с валютными махинациями – начальник СС и полиции округа Люблин. Был спецпредставителем Гиммлера по созданию сети лагерей смерти в рамках «Операции Рейнхард». Покончил с собой после ареста англичанами.

[Вернуться](#)

## 425

Этот материал взят из архивных документов АГМ. Объявление жандармерии округа Люблин. Дело № 34 (А.П.). Примечание А. Печерского.

[Вернуться](#)



## 426

Историк и участник восстания Т. Блатт приводит более точные данные: 10 немцев и 2 фольксдойче убиты, один немец ранен. Из числа «травников»: 8 убиты, около 12 ранены. *Blatt T. Sobibor. The Forgotten Revolt. Issaquah, 2004. P. 86*

[Вернуться](#)

## 427

В действительности А.А. Печерский с другими бывшими военнопленными забрали почти все оружие и оставили гражданских в лесу, направившись в сторону Белоруссии к реке Западный Буг.

[Вернуться](#)

## 428

Здесь А.А. Печерский ошибается. Ицковича звали Михаил Зеликович (1922–1945). После побега сражался в партизанском отряде имени Фрунзе, потом в рядах Красной Армии. Погиб. Семен Розенфельд не был в группе А.А. Печерского.

[Вернуться](#)

## 429

Стоит упомянуть, что значительное число бежавших евреев были выданы нацистам или убиты местными жителями-поляками. Поэтому этот текст А.А. Печерского явно обусловлен соображениями самоцензуры.

[Вернуться](#)

## 430

Деревня Сварынь находится примерно в 100 км от Буга.

[Вернуться](#)

## 431

Т. Блатт приводит иные данные: из примерно 550 заключенных около 150 не смогли или не захотели бежать (расстреляны нацистами позже), примерно 80 погибли при прорыве. Из бежавших 320 примерно 170 пойманы в ближайшие дни. Из 150 до полного освобождения дожили 53 (5 погибли в боях сражаясь в качестве партизан и воинов Красной Армии), примерно 92 человека – погибли скрываясь, скорее всего, были выданы или убиты местным населением). *Blatt T. Ibid. P. 89.*

[Вернуться](#)

## 432

Хаген – немецкий город на западе Германии, земля Северный Рейн-Вестфалия.

[Вернуться](#)

## 433

Речь идет о Хагенском процессе 1965–66 гг. над бывшими сотрудниками лагеря смерти Собибор. По итогам К. Френцель был приговорен к пожизненному заключению, К. Болендер покончил с собою в камере, 4 человека приговорены к срокам от 3 до 8 лет тюрьмы, 5 человек признаны невиновными.

[Вернуться](#)

## 434

Имеется в виду Центр эвтаназии Зонненштайн, где в 1940–1941 гг. были уничтожены около 15 тыс. человек.

[Вернуться](#)

## 435

Вирт Кристиан (1885–1944) – штурмбаннфюрер СС и майор полиции, член НСДАП с 1931 г. В 1940 г. назначен инспектором по программе эвтаназии на землях собственно Германии. В 1941 г. направлен в Люблин, где создан центр эвтаназии – первый вне территории рейха. При его активном участии в Польше было создано 5 концлагерей – лагерей смерти (первым стал Хелмно). В следующие 1,5 года был ответственным за выполнение операции «Рейнхардт». Одновременно с ноября 1941 г. по август 1942 г. являлся комендантом лагеря смерти Белжец. Он работал в близком контакте с руководителем СС и полиции Люблина О. Глобочником. В 1943 г. переведен в Триест, где также занимался депортацией евреев, возглавляя айнзатцкоманду СС «R». Убит югославскими партизанами.

[Вернуться](#)

## 436

«Крест Военных заслуг» 2 степени с мечами.

[Вернуться](#)

## 437

Ошибка А.А. Печерского, осужденных было 12.

[Вернуться](#)

## 438

Шютт Г. – шарфюрер СС, служил бухгалтером в Собиборе.

[Вернуться](#)

## 439

Унферхау Г. (1911 – после 1965) – унтершарфюрер СС, служил в Белжеце и Собиборе.

[Вернуться](#)

## 440

Цирке Э. (1905–1972) – унтершарфюрер СС. Начиная с участия в программе Т-4, служил в лагерях смерти Белжец и Собибор. После побега был ответственным за демонтаж лагеря.

[Вернуться](#)

## 441

Юр Р. – унтершарфюрер СС.

[Вернуться](#)

## 442

В действительности Иван Терехов тоже был приговорен к смертной казни, но ее заменили 15 годами лишения свободы. А.А. Печерский намеренно не указывает автора приводимого письма, сестру жены И. Терехова.

[Вернуться](#)

## 443

Все шестеро обвиняемых, Н. Матвиенко, В. Беляков, И. Никифоров, И. Зайцев, В. Поденок, Ф. Тихоновский, были приговорены к смертной казни. Матвиенко, Беляков и Никифоров в 1942–1943 гг. принимали участие в пяти массовых расстрелах узников Яновского лагеря смерти во Львове. Зайцев служил в Собиборе, а Поденок и Тихоновский – в Белжеце.

[Вернуться](#)

## 444

Гинзбург Л. В Краснодаре судят фашизм // Литературная газета. 1965. 5 июля.

[Вернуться](#)

## 445

Черниговско-Волынское партизанское соединение генерал-майора А.А. Федорова.

[Вернуться](#)

## 446

Терновка – село на Украине. Ныне в Бершадском районе Винницкой области.

[Вернуться](#)

## 447

Даугавпилс (до 1920 г. – Двинск) – город в Латвии.

[Вернуться](#)

## 448

Барановичи – город на территории современной Беларуси. Первое упоминание 1627 г.

[Вернуться](#)

## 449

Совинформбюро – Советское информационное бюро, было создано 24 июня 1941 г.

[Вернуться](#)

## 450

В действительности немцы ворвались в город вечером 28 июня.

[Вернуться](#)

## 451

Орша – город в Белоруссии. Основан в 1067 г. Оккупирован германскими войсками 13–14 июля 1941 г. В боях под этим городом впервые использована РСЗО «Катюша».

[Вернуться](#)

## 452

Могилев – город в Белоруссии. Основан в 1267 г. С начала июля 1941 г. в предместьях города завязались бои. Оккупирован только 26 июля.

[Вернуться](#)

## 453

Мишпуха (мешпоха) – семья, компания (*идиш*).

[Вернуться](#)

## 454

А.А. Печерский прибыл в лагерь в августе 1942 г.

[Вернуться](#)

## 455

Борисов – город в Белоруссии. Основан в 1102 г. В годы Великой Отечественной войны после ожесточенных боев оккупирован германскими войсками 2 июля 1941 г.

[Вернуться](#)

## 456

Правильно Логойск – город в Белоруссии. Первое упоминание относится к XI в. В начале XX в. большинство жителей – евреи. В 1938 г. получил

статус поселка городского типа. Оккупирован германскими войсками 2 июля 1941 г.

[Вернуться](#)

**457**

«Где Михаэль?» (нем.)

[Вернуться](#)

**458**

«Не знаю» (нем.)

[Вернуться](#)

**459**

Гамбург – город на севере Германии.

[Вернуться](#)

**460**

Брест-Литовск, ныне Брест – город на западе современной Беларуси. Первое упоминание в 1019 г. Известен благодаря заключению здесь Брест-Литовского мирного договора 3 марта 1918 г., а также обороне Брестской крепости в 1941 г.

[Вернуться](#)

**461**

Погоны в Красной Армии были введены в начале 1943 г. А.А. Печерский, как попавший в плен в 1941 г., мог иметь только петлицы.

[Вернуться](#)

**462**

В действительности А.А. Печерский был 1909 г. р.

[Вернуться](#)

## 463

Радом – город в Польше. Основан в XIV в. После оккупации его немцами в 1939 г. создано Радомское гетто, где проживало около 34 тыс. евреев.

[Вернуться](#)

## 464

Фрайберг Дов (Бер) (1927–2008) – родился в Варшаве, откуда в январе 1941 г. переехал в Туробин близ Люблина. В мае 1942 г. депортирован в Собибор. Работал в лагере на складе одежды, оставшейся от отправленных в газовые камеры людей. В освобожденном Красной Армией 22 июля 1944 г. городе Хелм рассказал о Собиборе корреспондентам «Комсомольской правды». Его рассказ (как и рассказ Х. Поврозника) вошел в очерк «Фабрика смерти в Собибуре», опубликованный этой газетой 2 сентября 1944 г.

[Вернуться](#)

## 465

Стодол (стодола) – сарай-навес (польск., укр.).

[Вернуться](#)

## 466

Речь идет о событиях Висло-Одерской операции 1945 г.

[Вернуться](#)

## 467

Лодзь – крупный промышленный город в Польше. Освобожден войсками Красной Армии 18 января 1945 г.



[Вернуться](#)

## 468

Познань – ныне город в Польше. В 1815–1919 гг. фактически в составе Германии. Тогда же здесь была создана крупная крепость. Взят штурмом

[Вернуться](#)

## 469

Статья «Конец Собибора» была опубликована 12 января 1962 г. Л. Друзенко и В. Томиным.

[Вернуться](#)

## 470

Вероятно, опечатка. Правильно: Купчин.

[Вернуться](#)

## 471

Равва-Русская – город на западе современной Украины. В составе СССР (УССР) с 1939 г. Захвачен германскими войсками только после пятидневных упорных боев.

[Вернуться](#)

## 472

Вероятно, он имеет в виду г. Христиновка, административный центр современной Черкасской области. Оккупирован германскими войсками 27 июля 1941 г.

[Вернуться](#)

## 473

Львов – крупный город на территории современной Украины. В составе СССР (УССР) – с 1939 г. Оккупирован германскими войсками 30 июня 1941 г.

[Вернуться](#)

## 474

Ходоров – город районного значения на территории современной Украины. В составе СССР (УССР) с 1939 г. Оккупирован германскими войсками 2 июля 1941 г.

[Вернуться](#)

## 475

Тернополь (до 1944 г. Тарнополь) – город на западе современной Украины. Основан в 1540 г. В 1772–1918 гг. (за исключением 1810–1815 гг.) находился в составе Австро-Венгрии, в 1918–1939 – Польши. С 1939 г. в составе СССР (УССР). Оккупирован германскими войсками 2 июля 1941 г. С сентября 1941 г по конец июля 1943 г. в городе существовало еврейское гетто.

[Вернуться](#)

## 476

Каменец-Подольский – город на территории современной Украины. С 1793 г. в составе Российской империи. В годы Гражданской войны был одним из оплотов националистов С. Петлюры. В годы Великой Отечественной войны оккупирован германскими войсками 1 июля 1941 г.

[Вернуться](#)

## 477

Винница – город на территории западной Украины. В состав Российской империи вошел в 1793 г. Оккупирован германскими войсками 19 июля 1941 г.

[Вернуться](#)

## 478

Умань – город в составе Черкасской области современной Украины. Вошел в состав Российской империи в 1793 г. В годы Великой Отечественной войны оккупирован германскими войсками 1 августа 1941 г.

[Вернуться](#)

## 479

Речь идет уже о событиях во время самого восстания.

[Вернуться](#)

## 480

Сварынь – первое упоминание относится к 1531 г. В годы Великой Отечественной войны – центр партизанской зоны. В настоящее время в составе Радостовского сельсовета Дрогичинского района Брестской области Белоруссии.

[Вернуться](#)

## 481

Институт визуальной истории и образования «Пережившие Шоа» был основан в 1994 г. Стивеном Спилбергом. История его началась с работы над фильмом «Список Шиндлера», когда режиссер много общался с выжившими евреями. Собранные интервью дали начало архиву Института, который сегодня насчитывает более 53 000 видеосвидетельств людей из 61 стран, переживших Холокост и другие формы геноцида.

[Вернуться](#)

## 482

Бобровый Кут – село на Украине. Основано в 1806 г. Развивалось как немецко-еврейская колония-поселение. В настоящее время здесь проживает около 600 человек.

[Вернуться](#)

## 483

В 1927–1939 гг. здесь существовал Калининдорфский еврейский национальный р-н. Его формирование началось еще в 1920-е гг., когда при поддержке международных еврейских организаций оказывалась помощь местным евреям в переселении в сельскую местность и в занятии сельским хозяйством. Утвержденная властями территория района составляла 530 кв. км, численность составляла почти 12 тыс. человек. В 1930-е гг. здесь активно развивалась еврейская культура.

[Вернуться](#)

## 484

Мать и сестра были уничтожены во время оккупации, брат погиб на фронте.

[Вернуться](#)

## 485

Вероятно, имеется в виду Ковель – город на западе современной Украины. В состав Российской империи вошел в 1795 г. По переписи 1897 г. из 17 697 человек евреи составляли почти 50 % (8 502 человек). В годы Великой Отечественной войны оккупирован германскими войсками 28 июня 1941 г.

[Вернуться](#)

## 486

Гомель – город в современной Беларуси. В состав Российской империи вошел в 1772 г. В годы Великой Отечественной войны оккупирован германскими войсками 19 августа 1941 г.

[Вернуться](#)

## 487

Речь о границе между СССР и Польшей на начало сентября 1939 г.

[Вернуться](#)

## 488

Бобруйск – город в современной Беларуси. В состав Российской империи вошел в 1793 г. В годы Великой Отечественной войны оккупирован германскими войсками 28 июня 1941 г.

[Вернуться](#)

## 489

Лесной лагерь, созданный в августе 1941 г. на месте бывшего военного городка около деревни Масюковщина (сейчас в составе г. Минска). Составная часть Шталага 352. Весь лагерь был разделён на несколько секций: офицерскую, украинскую, национальных меньшинств, русскую и еврейскую. Шталаг 352 рассматривался как перевалочная база на пути следования военнопленных в лагеря в самой Германии и генерал-губернаторстве.

[Вернуться](#)

## 490

Молотов В.М. (1890–1986) – председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939–1949 гг.

[Вернуться](#)

## 491

«Arbeitslager» – «рабочий лагерь» (нем.).

[Вернуться](#)

**492**

Т.е. те, кто бежал из плена.

[Вернуться](#)

**493**

В действительности, из Дагестана.

[Вернуться](#)

**494**

Как правило, «расовые проверки» с целью выявления евреев проводились в лагерях с пополняющимся составом военнопленных неоднократно.

[Вернуться](#)

**495**

Т.е. до Собибора.

[Вернуться](#)

**496**

Вероятно, Вайспапир путает лагерь в Минске с Собибором, где действительно выжившие описывали такой случай.

[Вернуться](#)

**497**

Речь идет о фольксдойче, которые также служили в лагере.

[Вернуться](#)

**498**

Речь идет о штурмфюрере Иохиме Грейшуте.

[Вернуться](#)

**499**

Речь идет о работниках 1-го и 2-го лагерей.

[Вернуться](#)

**500**

Острогожск – город в России в составе Воронежской области. Основан в 1652 г. В 1942–1943 гг. находился под германской оккупацией.

[Вернуться](#)

**501**

Выделенные слова обведены.

[Вернуться](#)

**502**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**503**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**504**

Выделенное словосочетание зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**505**

Выделенное словосочетание зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**506**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**507**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**508**

Выделенное словосочетание зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**509**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**510**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**511**

16 сентября 1941 г. отряд зондеркоманды 10а расстрелял в селе 850 евреев, в т. ч. 133 беженца из Бессарабии. Некоторые из них живыми были



сброшены в колодец. На этом месте после войны был установлен памятник.

[Вернуться](#)

## 512

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

## 513

Текст воспоминаний переписан женой А.М.Вайспапира – Ф.С. Вайспапир.

[Вернуться](#)

## 514

Гдыня – город на севере Польши, вместе с Гданьском (бывший немецкий Данциг) и Сопотом образует конгломерацию Труймясто.

[Вернуться](#)

## 515

Бернард (Берл) Марк (1908–1966) – польский журналист и историк. Родился в г. Ломжа (ныне – Польша). Историк, журналист, деятель коммунистического движения. Член Польской компартии с 1928 г. Сотрудничал с еврейской коммунистической прессой. В 1936–1938 гг. член правления Союза еврейских литераторов и журналистов. Во время Второй мировой войны работал в СССР. Сначала в Минске, где был сотрудником Белорусской Академии Наук, затем в Москве и в Куйбышеве. Был одним из организаторов Союза польских патриотов, а с 1944 г. был членом Главного правления этой организации и вице-президентом Организационного комитета польских евреев при СПП. Участвовал в пропаганде репатриации поляков из СССР в Польшу. В 1946 г. возвратился в Польшу и начал работать в Центральном комитете польских евреев. С 1949 г. и до самой смерти в 1966 г. возглавлял Еврейский исторический институт (с 2009 г. им. И. Рингельблюма) в Варшаве. Б. Марк стал известен в первые

послевоенные годы после выхода его книги о восстании в Варшавском гетто.

[Вернуться](#)

## 516

Тогда А.Печерский еще не знал настоящего имени Боруха – Леон Фельдгендлер.

[Вернуться](#)

## 517

В дальнейшем А.А. Печерский нигде не писал о празднике Йомкипур («Судный день» – один из самых важных праздников в иудаизме, день поста, покаяния и отпущения грехов) и не упоминал его как причину переноса даты восстания.

[Вернуться](#)

## 518

Выделенные слова зачеркнуты.

[Вернуться](#)

## 519

Любомиль – город на Украине. Известен с XIII в. В 1795 г. вошел в состав Российской империи. В 1921–1939 гг. в составе Польши.

[Вернуться](#)

## 520

Камень-Каширский – город в составе Волынской области Украины. В эпоху Средневековья входил в состав Галицкого княжества, затем – Великого княжества Литовского. С 1795 г. – в составе Российской империи. В 1921–1939 гг. входил в состав Польши.

## 521

Ворошиловград – название г. Луганска в 1935–1958 гг. и 1970–1990 гг.

[Вернуться](#)

## 522

Подчеркнуто А.М. Вайспапиром.

[Вернуться](#)

## 523

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

## 524

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

## 525

В более поздних воспоминаниях А.М. Вайспапира эта фамилия не упоминается, только имя Яша.

[Вернуться](#)

## 526

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

## 527

Там А.М. Вайспапир жил до переезда в Киев.

[Вернуться](#)

**528**

Место жительства С.М. Розенфельда в то время.

[Вернуться](#)

**529**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**530**

А.А. Печерский называет фамилию – Чепик.

[Вернуться](#)

**531**

Речь идет о подготовке книги В. Томина и А. Синельникова.

[Вернуться](#)

**532**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**533**

Оригинал, приложенный к копии письма А.А. Печерского от 4 декабря 1962 г.

[Вернуться](#)

**534**

В поздних воспоминаниях фигурировала фамилия «Блятман».

[Вернуться](#)

**535**

Выделенное слово зачеркнуто

[Вернуться](#)

**536**

Речь идет об А. Синельникове.

[Вернуться](#)

**537**

Речь идет об А. Синельникове.

[Вернуться](#)

**538**

7-я стр. письма отсутствует, вероятно утеряна.

[Вернуться](#)

**539**

Выделенное слово вписано над строкой.

[Вернуться](#)

**540**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

## 541

Далее зачеркнуто одно слово. В конце документа стоит примечание: «Зачеркнутому на четвёртой строке верить. Подпись. Тарасов».

[Вернуться](#)

## 542

Петряково – вероятно, имеется в виду город Петровок (ныне Пётркув-Трыбунальский, Польша). Основан в XIII в. В 1815 г. вошел в состав Российской империи.

[Вернуться](#)

## 543

Речь идет об одном из крупнейших филиалов концентрационного лагеря Маутхаузен.

[Вернуться](#)

## 544

Акташский район Татарской АССР существовал в 1930–1959 гг., являлся русским национальным районом. С. Бухарай было основано в XVIII в. В 1938 г. здесь проживало 489 человек. С 1972 г. – в составе Заинского района.

[Вернуться](#)

## 545

Так в тексте.

[Вернуться](#)

## 546

Сверху указано: ««УТВЕРЖДАЮ» ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ Подпись (Фефилов) «2» «ИЮНЯ 1956 г.».

[Вернуться](#)

**547**

Стоит гриф: ««УТВЕРЖДАЮ» Старший помощник военного прокурора начальник отдела реабилитации ВП ПУРВО ПОЛКОВНИК ЮСТИЦИИ Дасаев В.В. 19 июня 2003 г».

[Вернуться](#)

**548**

Нагутское – село, основанное в 1868 г. В настоящее время здесь проживает более 3 тыс. человек.

[Вернуться](#)

**549**

Подчеркнуто синим карандашом.

[Вернуться](#)

**550**

Подчеркнуто синим карандашом.

[Вернуться](#)

**551**

Подчеркнуто синим карандашом.

[Вернуться](#)

**552**

Подчеркнуто синим карандашом.

[Вернуться](#)

**553**

Так в тексте. Правильно – Заксенхаузен.

[Вернуться](#)

**554**

Шверин – город на севере Германии, в настоящее время столица федеральной земли Мекленбург – Передняя Померания.

[Вернуться](#)

**555**

Подчеркнуто синим карандашом.

[Вернуться](#)

**556**

Так в тексте.

[Вернуться](#)

**557**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**558**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)



**559**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**560**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**561**

Подчеркнуто синим карандашом.

[Вернуться](#)

**562**

Краков – город в Польше. Первое упоминание относится к 985 г. В годы Второй мировой войны оккупирован нацистской Германией в 1939 г. Являлся столицей генерал-губернаторства (административно-территориальная единица, образованная на части оккупированной территории Польши).

[Вернуться](#)

**563**

Ровно – город на территории современной Украины. Первое упоминание относится к 1283 г. В 1795 г. вошел в состав Российской империи. В 1921–1939 гг. в составе Польши. В 1941–1944 г. столица рейхскомиссариата Украина.

[Вернуться](#)

**564**

Так в тексте.

[Вернуться](#)

**565**

Так в тексте.

[Вернуться](#)

**566**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**567**

Парчев – город в Польше. Известен с XII в. В 1815 г. вошел в состав Российской империи. После Первой мировой – в Польше. В годы Второй мировой был одним из центров антинемецкого сопротивления.

[Вернуться](#)

**568**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**569**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**570**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**571**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**572**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**573**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**574**

Подчеркнуто красным карандашом.

[Вернуться](#)

**575**

Буденновск – город в составе Ставропольского края. Основан в 1799 г. под названием Святой крест.

[Вернуться](#)

**576**

В документе сверху приписки «Утверждаю: заместитель министра госбезопасности Татарской АССР генерал-майор Д.Токарев» и «Обвинительное заключение утверждаю. Дело направить в Военный Трибунал Врио Военного Прокурора ПриВО. Подполковник юстиции Подпись 11.1.51 г.».

[Вернуться](#)

## 577

Сверху указано: ««УТВЕРЖДАЮ» Старший помощник военного прокурора начальник отдела реабилитации военной прокуратуры ПУрВО полковник юстиции. Подпись: Дасаев В.В.».

[Вернуться](#)

## 578

Ополе – город в Польше на реке Одра, до начала XX в. столица Верхней Силезии. До 1945 г. входил в состав Германии под названием Оппельн. Решением Потсдамской конференции передан Польше.

[Вернуться](#)

## 579

Седлице – Седльце (Шедлиц – идиш) – город на востоке Польши в 90 км от Варшавы, основан в 1448 г.

[Вернуться](#)

## 580

Бельжец – Белжец

[Вернуться](#)

## 581

Прокопюк Николай Архипович (1902–1975) – полковник, Герой Советского Союза. Командир партизанского разведывательно-диверсионного отряда НКВД «Охотники», действовавшего в 1944 г. в т. ч. на территории Восточной Польши. В его отряд были приняты несколько беглецов из Собибора.

[Вернуться](#)

## 582

Мелец – город в Польше, основанный в 1457 г. (первое упоминание в 1229 г. в булле папы Григория IX). С сентября 1939 г. по 6 августа 1944 г. был оккупирован германскими войсками.

[Вернуться](#)

## 583

Бяло-Подляска – город на востоке Польши. Первое упоминание относится к 1345 г. Был оккупирован германскими войсками с сентября 1939 г. по 1944 г.

[Вернуться](#)

## 584

Дубенка – населенный пункт в Польше, в Люблинском воеводстве.

[Вернуться](#)

## 585

Хрубешув (Хрубешов) – город в Польше, входит в Люблинское воеводство. Самый восточный город страны.

[Вернуться](#)

## 586

Плоска – Плоцк в Мазовецком воеводстве Польши или Плоска в Среднечешском крае Чехии.

[Вернуться](#)

## 587

Жиардув – город в Польше. Основан в 1830 г., название получил от имени французского инженера Филиппа Жирара, основавшего здесь текстильную фабрику.

[Вернуться](#)

## 588

Курув – поселок на востоке Польши на реке Курувке. Впервые упоминается в XII в. В 1940 г. было создано гетто, куда свозили семьи из Люблина и Вонвольницы.

[Вернуться](#)

## 589

Лодзь – один из крупнейших городов Польши, расположен в центре страны, в 120 километрах к юго-западу от Варшавы. Основан в XIII в. Перед войной здесь жили около 230 тыс. евреев. Во время нацистской оккупации переименован Лицманштадт.

[Вернуться](#)

## 590

Жулкевка – село недалеко от Люблина, в 1702–1868 гг. был городом.

[Вернуться](#)

## 591

Пулавы – город на юго-востоке Польши в Люблинском воеводстве.

[Вернуться](#)

## 592

Исправлено от руки: «отсутствием».

[Вернуться](#)

## 593

Исправлено от руки: «существенные».

[Вернуться](#)

**594**

Выделенные слова зачеркнуты.

[Вернуться](#)

**595**

Исправлено от руки: «Т. к. свободно перемещались по лагерю».

[Вернуться](#)

**596**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**597**

Выделенное слово зачеркнуто.

[Вернуться](#)

**598**

Исправлено от руки на «второй».

[Вернуться](#)

**599**

Исправлено от руки на «Значит».

[Вернуться](#)

**600**

Исправлено от руки на «догадка»

[Вернуться](#)

**601**

Исправлено от руки на «побег».

[Вернуться](#)

**602**

«Шлёмой и» зачёркнуто.

[Вернуться](#)

**603**

Исправлено от руки на «узнали».

[Вернуться](#)

**604**

Исправлено от руки на «узники».

[Вернуться](#)

**605**

Исправлено от руки на «узники».

[Вернуться](#)

**606**

Исправлено от руки на «узников».

[Вернуться](#)

**607**

Исправлено от руки на «лучше».

[Вернуться](#)



## 608

Замостье – город в Люблинском воеводстве. Основан в 1580 г.

[Вернуться](#)

## 609

Яновице – село в Малопольском воеводстве Польши.

[Вернуться](#)

## 610

Радзин – город в Люблинском воеводстве Польши.

[Вернуться](#)

## 611

Синяя полиция («голубая полиция») – неформальное название коллаборационистских подразделений польской полиции на оккупированных немцами территориях Польши, известных как генерал-губернаторство в 1939–1944 гг. Название произошло от цвета формы. Создана для поддержания порядка на оккупированных территориях Польши. Изначально использовалась исключительно как криминальная полиция, позже для борьбы с контрабандистами, охраны еврейских гетто.

[Вернуться](#)

## 612

Униформу черного цвета носили служащие украинской вспомогательной полиции, а также подразделения учебно-тренировочного лагеря СС в Травниках.

[Вернуться](#)

## 613

Адамполь – город в Мазовецком воеводстве Польши.

[Вернуться](#)

**614**

Курув – село в Люблинском воеводстве.

[Вернуться](#)

**615**

Цукерман явно преувеличивает количество посвященных в подготовку восстания.

[Вернуться](#)

**616**

Непонятно из каких сведений взята эта цифра.

[Вернуться](#)

**617**

Хрубешув (Грубешув) – город в Люблинском воеводстве Польши. Самый восточный город страны.

[Вернуться](#)

**618**

Сокула (Сокулка) – город в Подлясском воеводстве. Получил городские права в 1609 г. Во время нацистской оккупации здесь находилось гетто

[Вернуться](#)

**619**

Коло – город в Великопольском воеводстве. Основан в 1362 г.

[Вернуться](#)

Суккот – Праздник кущей – один из основных праздников еврейского народа, начинается осенью и продолжается семь дней. В это время по традиции совершают трапезы (а в хорошую погоду и ночуют) вне дома, в сукке (то есть шатре, куще или шалаше), в память о блуждании евреев по Синайской пустыне (книга Исход).

[Вернуться](#)